РИХАРД РУДЗИТИС

ДНЕВНИК

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ

(1930-1960)

Минск
«ЗВЕЗДЫ ГОР»
2003

Под редакцией *Гунты Рудзите*

Вступительная статья, примечания и комментарии
Гунты Рудзите

Перевод с латышского
Леопольда Цесюлевича

Рудзитис Р.
Дневник. Зрелые годы: (1930-1960) / Ред., вступ. ст., примеч. и коммент. Г. Рудзите; Пер. с латыш. Л. Цесюлевича. – Мн.: Звезды Гор, 2003. – 744 с.

Дневниковые записи известного латышского поэта и философа Рихарда Рудзитиса охватывают период становления Латвийского общества Рериха и время пребывания Рудзитиса на посту председателя. В «Дневнике» подробно отражена жизнь и деятельность членов и друзей Латвийского общества под непосредственным руководством Елены Ивановны и Николая Константиновича Рерих.

ISBN 985-90013-3-2
© Рудзите Г., 2003
© «Звезды Гор», 2003

Содержание

Жизнь отца 3
1930 5
1931 17
1932 31
1933 37
1934 48
1935 81
1936 109
1937 152
1938 177
1939 210
1940 234
1941 255
1942 269
1943 275
1944 286
1947 293
1948 308
1956 314
1957 319
1958 325
1959 335
I960 339
Фотографий и репродукции 341

Жизнь отца

«Как перейти жизнь? ... Как по струне бездну – красиво, бережно и стремительно» – эти слова Учения Живой Этики можно поставить эпиграфом ко всей жизни Рихарда Рудзитиса.

Латышский поэт и философ, общественный деятель Р. Я. Рудзитис знаком русскому читателю по переписке с Еленой Ивановной и Николаем Константиновичем Рерих («Письма с Гор», Минск, 2000). Необычайно прекрасна судьба этого удивительного человека. Вырос Рудзитис на хуторе у Балтийского моря в семье бедных крестьян, которым всё давалось нечеловеческим трудом, и единственные их книги – Библия и календарь. Рихард сам учится читать, и книги становятся главным в его жизни. Он покупает их на свои деньги, добытые продажей собранных в лесу ягод и грибов. Читает тайком – в сумерках, рано утром, поздно вечером. Рано испортил глаза. Нередко родители его наказывают, ведь читать – «это лень и распутство». Но с малых лет Рихард начинает писать стихи, и с 12 лет ведёт дневник (сохранился в переписанном виде с 1914 года).

К 1930 году, когда Рихард Рудзитис уже известный поэт и активный член Латвийского общества Рериха, дневник становится беспристрастной объективной хроникой его жизни и исторических событий. Не зря он, ещё в виде манускрипта, часто использовался и литературоведами, и историками. Но всё равно здесь много и поэзии, и переживаний. Рудзитису присуще качество восхищаться всем положительным и умалчивать о некоторых отрицательных чертах друзей. Но и здесь его правдивость говорит сама по себе, и часто ещё более остро открывает качества людей.

Как будто далекий от политики, Рудзитис всё же с большим проникновением отражает реальность истории. Многим будет интересно прочесть о латышских легионерах, вопросе своеобразном в контексте оккупированной немцами Латвии после недолгих двух десятилетий независимости. Также удивляет его – любящего Россию – сколь различны советские законы на бумаге и в действительности. Шесть его книг советская власть запрещает. Одну из них, «Записки пилигрима», имевшую во второй части столь явные мотивы защиты прав рабочих на заводах Берлина, – очевидно, лишь из-за названия. (Кстати, так было с очень многими книгами. Диктующие новые законы не отличались глубокой культурой и знаниями.)

Дневник этих лет является и своеобразной историей Латвийского общества Рериха, официально основанного 13 октября 1930 г. и закрытого советскими властями в августе 1940 г. Рихард Рудзитис был председателем Общества четыре года, с 1936 по 1940 гг., но чувствовал ответственность за него и после закрытия, до своего скоропостижного ухода в 1960 г.

Перед началом Второй мировой войны Е.И. и Н.К.Рерих стремятся вернуться на родину, чтобы в трудную минуту быть вместе с нею. Сначала они обращаются прямо в Москву, потом, с 1938 года, пытаются получить визы через советское полпредство в Латвии. Они просят членов Общества достать визы «любой ценой». Этим занимается член коммунистической партии в подполье Иван Блюменталь и его друг, врач-гомеопат Гаральд Лукин. Они обращаются к секретарям полпредства М.Ветрову и Ефимову. Увы, полпредство использует их, чтобы издать просоветский альманах, сначала более умеренный – «Мысль», потом уже просто политический – «Литературные записки» (последний подписать Рихард Рудзитис в качестве редактора отказался, но всё равно из-за него прослыл за рубежом «коммунистом»). Но вопрос о визах явно и не доходит до Москвы. Ведь в это время, перед войной, советские власти, наоборот, пытаются освободиться от всяких для них «сомнительных элементов». Несмотря на договор о сотрудничестве, в 1940 году советские войска входят с танками на территорию Латвии. Расстреляны латышские офицеры, даже те, кто изъявил желание служить на русской стороне. В июне 1941 г. происходят массовые аресты, расстрелы, депортации чаще всего невинных людей – ведь прифронтовая территория должна быть «чистой».

Неизвестно, какая бы участь постигла семью Рерих, если бы они получили визы при таких условиях.

В эти годы пострадали и многие члены Латвийского общества Рериха, немало пострадало и от немцев. Когда в 1944 г. перед наступлением Советской армии около 80% латышской интеллигенции эвакуировались в Швецию и другие страны, уехали и некоторые члены Общества (семья Виестур, Е.И.Бумбер и др.). Члены Общества немецкого происхождения должны были «репатриироваться» в Германию еще в 1939 г.

Но и в трудных послевоенных условиях члены запрещенного Общества собираются, Рихард Рудзитис продолжает работать над своими трудами.

Дневник обрывается весной 1948 года с арестом Рудзитиса. Его арестовали первого, причислив к теософской группе в Москве, против чего он яро протестовал. Особое совещание осуждает его по 58 статье на десять лет лагерей. Начались аресты других членов Общества, попала в лагерь и жена Рудзитиса – Элла Рейнгольдовна. Свои дневники, как и манускрипты неизданных работ, Рихард Яковлевич успел спрятать на взморье, в опилках на чердаке дома своей матери.

Вернувшись реабилитированным осенью 1954 г., Рихард Рудзитис испытал большое потрясение – его уникальная библиотека 8-10 тыс. томов увезена НКВД и перемолота на бумагу, но свой дневник он находит целым. Впоследствии большую работу совершила Элла Рейнгольдовна, переписав его в двенадцать толстых тетрадей, поскольку многие страницы были уже попорчены временем.

Рихард Рудзитис вновь начинает вести дневник в 1956 г., когда в Рижском музее выставлены первые 11 картин Н.К. Рериха, и до Риги через Москву доходят первые сведения о том, что Ю.Н.Рерих готовится приехать на родину.

В дневнике 1957-60 гг. главным событием являются встречи Рихарда Рудзитиса с Ю.Н.Рерихом. Если в своих «Воспоминаниях»[1] о Ю.Н.Рерихе Рихард Яковлевич дает больше «чистых фактов», здесь все изображено более живописно, описаны и его личные переживания.

Последняя запись в дневнике от 1 ноября 1960 г. Пятого ноября Рихард Рудзитис покинул земной план.

Дневник переведен на русский язык художником Леопольдом Цесюлевичем, который знал Рихарда Яковлевича с детства и считал его своим вторым отцом. Это редкая удача – иметь перевод человека, которому понятен и близок мир и мысли Рихарда Рудзитиса.

Гунта Рудзите

[1] Р. Рудзитис. Встречи с Юрием Рерихом. – Минск: Лотаць, 2002.

1930

4 января

Воистину, для меня Новый год начался только сегодня. Мой дружочек[1] поборола свой недуг и снова дома. Хоть прошло двенадцать дней, но ещё некоторое время придётся побыть в постели. Но уже всё хорошо. Постепенно всё заживёт, душа улыбнётся, дух расцветёт, жизнь вновь нас благословит. Как знать, не являются ли страдания благословением, быть может – наибольшим?

12 января. 12.00, воскресенье

В квартире д-ра Лукина кружок теософов проводит еженедельные заседания. Или, вернее, – кружок учения «Листов Сада Мории». Там было несколько консервативных дам. Залькалн хотел уйти, если кружок не реорганизуют. Лукин в конце концов так и сделал, некоторых не приглашая, других, наоборот, призвал вновь. К последним принадлежу и я. Значит, наконец стал «достойным»? Внутренне я ещё будто бы сомневался: что-то таинственное, несвободное было и в теософах. Но, чтобы идти дальше, надо познать. И больше всего меня привлекают сами люди, ищущие глубин.

Ходил сегодня к одиннадцати часам. Минут десять было уже после указанного срока, когда я постучался в дверь кабинета Лукина. Дверь открылась, показалась голова Лукина: «Слишком поздно, надо было вовремя!» И дверь захлопнулась. Значит – заседание началось. Кто мог это знать? Может быть, так и лучше. Судьба, которая не позволила к ним приблизиться до сих пор, лучше знает.

Я только одного никак не могу понять: если Махатмы есть, то почему они были доступны единственно Блаватской и Безант и ещё кому-то, но многие, которые нравственно, может быть, стоят ещё выше, даже не догадывались о существовании Махатм? Что я могу понять своим рассудком? Я не вправе судить о том, до чего, быть может, ещё не дорос.

2 февраля. Воскресенье, половина второго

Уже в третий раз я посетил кружок Морианцев. И хорошо здесь, очень хорошо! Особенно сегодня. Кажется, обогащусь многим. Все люди духовные, каждый от себя как бы вносит какой-то цветок. Правда, кое-что мне ещё кажется немного чужим, но это я внутренне должен понять и принять сердцем. Так, например, Лукин не признаёт идею Толстого о непротивлении. Надо сопротивляться, и в известных случаях также физически. Но не по поводу лично тебе причинённого зла, а бороться против зла, причиняемого многим людям. Как это суметь? Не является ли ещё более ценным позитивный путь? Я и сам боролся, но, может быть, иногда не знал границ этой борьбы. Поэтому мне ещё многому, многому надо учиться.

Лукин вменил в обязанность всем на каждое второе воскресенье готовить небольшие доклады о своих мыслях по поводу соответствующей проблемы. Так, на сегодня надо было рассмотреть идею перевоплощения. Возможно, каждому по отдельности это и полезно, но что это может дать тому, кто служит? Большинство пересказывают по книгам – скучно. Некоторые всё же преподносят нечто своё – образное и глубокое. Залькалн тоже не был доволен этим решением, заявил Лукину категорически, что он отказывается читать доклады, ибо не видит в них смысла. На следующий раз Лукин потребовал, чтобы он обещал выполнять устав кружка, или ему придётся уйти. Залькалн выбрал второе. Быть может, он и сам хотел уйти, потому что всё повторяется. Я же лично должен сказать – эти собрания дадут многое. Здесь ведь все люди духовные, а некоторые даже выдающиеся личности, внутренне горящие. Где же ещё найти духовное родство? На семинарах Дале?

[1] Речь идёт о супруге Р. Рудзитиса Элле.

Для некоторых докладов мне, к счастью, сгодится то, что я когда-то писал для ежегодника «Даугава». Надо только перевести на русский и дополнить. Да и нет свободного времени что-то шире делать. Экзамены[1]. Теперь – логика, априоризм Канта, и притом на немецком языке.

7 марта

Если бы я мог хоть немного людям помочь! Хоть немного помочь найти свет их глазам! Так много людей, бесконечно много, не видящих смысла жизни ни в чём и всё же живущих, «как-то» живущих. Большинство людей так и существует.

Но всё же в груди многих теплится огонь, тоска по чему-то высшему, неуспокоенность, только ум ничего не принимает, подавляет каждую свободную вспышку огня, и так в серой унылости течёт жизнь.

Светом наполненный, иду я на занятия кружка Мории. Иду в радостном ожидании. И в новых осознаниях нахожу великую истину. Я чувствую, что стою у непознанного духовного порога. Ещё множество звёздных путей впереди. Хотя бы каплю только от великой святости отпить!

Но своё знамя всё выше в небеса подниму: «Тебе, мой Бог!»

27 марта. Четверг, сумерки

Только что я прочел на семинаре Дале доклад «О прекрасном и святом». Был в приподнятом настрое, спокойно, как прежде, участвовал в обсуждении. Идеалистическую эстетику часть слушателей не признаёт. Жаль, могло бы быть больше прений. Дале вообще-то принял мою точку зрения. При обсуждении я упомянул, что придерживаюсь идеи перевоплощения, ибо как же люди могут объяснить себе несовершенство жизневосприятия у множества «прекрасных душ». Так, к примеру, Святой Франциск был не столь развит интеллектуально, другие святые, быть может, были более развиты иначе – эстетически. Прекрасное – ведь это такая могучая сила, что на последней ступени развития каждый призван приобщиться к нему.

Каждое воскресное утро с радостью иду на заседания Морианцев. Надо всем читать короткие доклады по определённым вопросам, в минувшее воскресенье мы уже в третий раз прочли о смысле жизни. Глаз видит все шире, дальше, глубже.

Чувствую, что и те, кто с усмешкой ныне воспринимают моё упоминание слова «перевоплощение», когда-то поймут истинную сущность жизни. Дале тоже в последнее время переживает ломку, напряжённо развивается. От абстрактности философии – в глубины религии. И привлекательней становится, как бы озаряется новым светом.

Много таких, кто жаждет, но полной веры им недостаёт. И Мауринь Зента говорила: «Посвятите меня в свою веру. Как трудно существовать без веры, без центра жизни. Не хочу знать абстрактного аналитического формализма Целма». И так слышу повсюду. И мой милый дружочек, по сути, религиознее многих других, но когда прибегает к логике, не может обрести полной веры. Только вера даёт равновесие, способность пройти по натянутой струне над бездной.

Но мой друг движется к равновесию, я это чувствую. Ознакомилась она с возвышеннейшими книгами, новейшими горизонтами мысли. Была бы только у неё работа, где она могла бы с самоотдачей реализовать себя. Она мечтает стать сестрой милосердия. Это, несомненно, благородный труд. Если бы только можно было это осуществить!

14 мая

Мой бедный, милый друг. Чего только она не натерпелась за эту зиму! Разве не самое тяжкое – быть заключённой в четырёх стенах, притом – и в тюрьме души? Разве может удовлетворить будничная мелкая работа? И наилучшие книги в конце концов надоедают, угнетают жутко, если душу не зажигает иное пламя. Где это святое пламя, которое могло бы наполнить и захватить моего дружочка – всего-всего?

[1] Р. Рудзитис учился на философском факультете Латвийского университета.

О театре ей нельзя напоминать – это рана, которая в глубинах души ноет, ноет... И если даже она заглушает эту боль ежедневными заботами, а иногда скрывает за улыбкой – даже на миг забывается, то при каждом удобном случае боль вновь вырывается наружу.

Так, я вчера необдуманно взял её с собой в Национальный театр – на «Марию Магдалину». Уже при входе в театр её охватило чрезвычайное волнение. Зачем мне надо было туда идти?! Я ощутил вчера особенно сильно, насколько люди на сцене мелки, ограниченны. Стало быть, надо превратиться почти в ничтожество, чтобы продвинуться в *современном* театре! И где же она – личность на сцене? Существует ли актёр, каждая струна души которого чиста, кто жаждет чистоты и созвучен ритму вечного?

Национальный театр причинил моему другу много обид. Свои последние, самые пылкие чаяния она принесла сюда, но ею пренебрегали или давали незначительные и совсем неподходящие роли. И затем изгнали – на вечные времена.

Было бы у Эллы ещё другое горение в сердце! Искусство ведь второстепенно. И все цели второстепенны, кроме божественного в человеке. Но как же нам реализовать эту высочайшую цель, если не через иную цель, более конкретную? Нужна ведь какая-то деятельность, которая бы зажигала сердце и душу. Нужна какая-то работа, в которую можно вложить свою любовь к людям и к божественному, в которой можно воплощать высшие ценности.

Элла мечтает стать сестрой милосердия. Это труд благой, но как всё предусмотреть? Ведь два года учиться – а вдруг жизнь распорядится совсем иначе?

Столько неудач было в жизни моего дружочка всегда и везде. Ну как же душе не «ныть»? Случилось бы труднейшее, случились бы лишения, где можно было бы показать себя, вложить себя! Но пассивность ведь муки.

Приход каждой весны рождает во мне непокой. Особенно трудны май и июнь. Надо устроить жизнь на лето, но как? Прошлым летом Элла была нездорова. В этом году будто бы лучше, но материально трудно что-то предпринять. Зарубежье отодвигается всё дальше. И как знать, возможно, в следующем году найдутся деньги, но Элла будет связана своим делом. Такой заколдованный круг – жизнь.

Нынешней весной я всё же проявил немало бодрости и силы. Сдал последние экзамены, только что «проконтролировали» мне книжечку, то есть – все экзамены зачтены, остались лишь государственные. В качестве исследовательского труда подам свою напечатанную работу о Поруке. Я мог бы начать сдавать государственные экзамены уже теперь, но другие работы вклинились: доклад, перевод стихов Кабира. Ну, и за лето мне надо написать пошире труд о Тагоре – придётся сильно углубляться.

Мой доклад «О прекрасном и святом» совсем неожиданно помещён в сборник религиозно-философских трудов. Накануне праздников мне позвонил по телефону Дале, сообщил, что решили поместить и мою работу. Я остался ещё на два дня в Риге, затем в субботу гостил в Сигулде у Цухо и вечером добрался в Ропажи, где уже была Элла.[1] Все праздники работал. Перепечатать уже не успел, только дополнил. Идей так много, и в несколько дней ведь невозможно систематизировать мысли, для этого нужны годы. Поэтому моя работа – лишь фрагмент, который использую, быть может, для какого-то более обширного труда.

Всё ещё продолжаются наши собрания у д-ра Лукина. Я уже писал о смысле жизни, молитве, жертве, действии. Случаются у нас и отдельные дни, когда мы вчетвером просматриваем перевод «Криптограмм Востока». Но теперь ведь лето. И душе хочется сбежать от всех премудростей к безумному цветению природы.

Наши струны всё больше звучат в согласии и созвучии. Наши души летят вместе, рядом, близко. Мой друг и духовно и физически начинает оживать. И нервность исчезает. Покинула бы её только ноющая тоска. Коснулось бы её души пламя, которое не гасло бы никогда.

[1] В Ропажи проживал брат Эллы, лесничий Арвид Страздынь с семьёй.

1 июня. Воскресенье, вечером

Сегодня Элле минуло тридцать лет. Целый век. И трудно ей вдвойне. Всё, чего она в святейших чувствах жаждала, о чём тосковала, – всё рассыпалось прахом или же опутано непознанными узами судьбы. Ещё одна надежда: расцвести как матери. Но когда? Сегодня приблизился рубеж. Зиму провела пассивной, грустной. Ну, что-то надо начинать с начала. Элла надумала поступить на курсы сестёр милосердия. Тогда на два года надо расстаться со мной, и придётся жить в разлуке.[1] Но, по крайней мере, будет какая-то возвышенная цель: служить другим. Я теперь ещё по-детски мирюсь с судьбой, ибо не знаю, что грядёт. Ну, и некое тайное доверие к судьбе: неужели она не повернёт нашу жизнь как-то иначе, счастливее, и Элла сможет вновь раскрыться и идти к своей цели цветущей.

Мой бедный друг, твоя боль священна, я ничтожен перед нею. И нередко мучают меня упрёки: я иду к своей цели день ото дня, неотступно, весьма активно, но мой друг одна, совершенно одна. Много я размышлял: что делать? Если бы её натура была гармоничней, если бы она была в силах посвятить всю себя религиозным поискам, тогда бы она и в трудностях обрела покой. Но ей ведь нужна работа, работа! Тогда и цель, и направление движения жизни придут сами собой.

Каждое воскресенье я спешил на встречу с природой. Был в Страупе, многократно – в Сигулде, в день Вознесения Богоматери вместе с Мауринь Зентой и Анной Бригадере совершил долгое путешествие в Мурмуйжи[2] на День Матери. Казалось, там, среди идеалистов, обрету новых друзей.

12 июня

Гостит у нас Цухо. Опять свободен и не ведает, где приклонить голову. От одной судьбы к другой мечет его жизнь. Страдания всё же облагородили, очистили его, дали мудрость жизни. Сомнения, однако, его не оставляют. Изумляется, что я могу так по-детски верить. Но как не верить тому, что вся кровь, вся сущность ощущает. Он тоже теперь полюбил Индию. Быть может, она одарит его истинным созвучием.

Два вечера провели мы в плену музыки. Прикоснувшись к роялю, Цухо преображается, летит, горит лучезарно на весь мир. Сливается с музыкой, и трудно ему оторваться. Наступают сумерки, клавиши еле видны, но вихрь звуков уносит всё пространство и время в неведомую сказочность. Грусть и тоска, и прекрасное звучит во всех.

На празднике мы были в Меллужи[3], затем съездили в Турайду в Скрапьи, мир чудесных крутояров и милых людей. Стал я будто чужд жизни, и мне чудом кажется настоящий, полный сердечности сельский человек.

5 августа

Лето миновало, начнётся опять насыщенный, всё преодолевающий труд. Горы ещё предстоит свернуть. Но если бы воля человека была подобна горчичному зёрнышку, перед ним расступилось бы море, стали близкими горизонты. Но человек ещё столь человечен, столь слаб. Когда думаю о пределах человеческих возможностей, мне часто приходит на ум Ганди. Он ведь идеальная личность, Махатма, в руках которого должны быть ключи от земной и небесной державы. И хотя среди миллионной толпы его дух могущественно сияет сквозь телесную оболочку, он всё же ещё как дитя, ещё часто столь немощен; сомневаясь и страдая, идёт навстречу своей цели. Он искренне верил англичанам, и потом разочаровался в них. Он сжигал иностранные ткани, а затем увидел, что это неверно, ибо только разъяряет толпу. Он борется за монополию на соль, хотя сам, как вегетарианец, вряд ли ее употребляет, а морская соль сама по себе не пригодна. Конечно, это уже дело принципа. Так трудно практически развязать запутанные узлы мира. Стало быть, остаётся единственный путь – жертва, – который Ганди принял с колоссальной, нечеловеческой мощью.

---

[1] Медсестры должны были жить в общежитии.

[2] В Мурмуйжи находился прекрасный народный университет.

[3] В Меллужи проживали родители Р. Рудзитиса.

Что я обрёл за эти шесть недель, проведённых вне города? Может быть, обновлённую бодрость, хотя я желал обратить отдых в насыщенный труд, свершить много больше. Я уже начал писать широкий обзор о духовном мире Тагора для собрания сочинений. Собирал материалы почти два месяца (плюс ещё предыдущие годы!), прочёл все английские, немецкие и другие книги. Но писать получается медленно, разделов много, в каждом надо определённую проблему исчерпать до конца. И больше бы одолел, но какой-то издёрганной получилась жизнь: неоднократно менял место, и всегда приходилось «акклиматизироваться». После дня Ивана Купалы две недели провёл в Яунпилсе[1]. Несколько дней был опьянён нежным великолепием и бескрайностью полей. Покой просторов, способный захватить и спасти человека! Написал о Тагоре и Ганди, глубоко пережил великий непокой и тоску этих обеих личностей. Каждый полагает, что истина на его стороне, но в глубине души пронзительно ощущает, что своя правда есть и у товарища, и у противника. Один вечность переносит вдаль, другой простирает её во времени и пространстве.

Мы съездили на два дня в Гайти, в гости к пастору Ванагу. Милые и духовно одарённые люди, но отчего человек никак не может избавиться от узких границ конфессионализма? Ванаг с супругой полны глубокого религиозного чувства, которое повлияло и на Дале. Особая заслуга здесь г-жи Ванаг. Дале стал иным человеком – спокойным, смиренным. Уже не холодный, абстрактный философ, но странник среди множества богоискателей. Затем две недели я прожил на взморье <у матери>, как обычно, собирал клубнику, купался и немного писал. Посещал также несколько раз собрания у Лукина. Ну, и одну неделю провёл в Ропажи. Здесь произошло моё глубочайшее переживание этого лета. Был в какой-то растерянности и сомнении, к чему в последние дни присовокупилась и щемящая тоска. Но об этом пусть свидетельствуют заметки, которые я набросал воскресным утром 27 июля в Ропажи.

*

Несколько недель я был в неком затруднении. Многое, многое пережил, передумал. Брат Эллы, Арвид, пригласил меня быть крёстным отцом. Я его уважаю, и как же отказать – в сущности, я взялся бы за это с радостью. Но я слышал, что крёстному отцу полагается давать некое религиозное обещание, будто он будет воспитывать ребёнка в евангелической христианской вере. Я ведь признаю все конфессии... Я ведь ищу истину Христа во всех конфессиях и всех религиях. И как же ограничить себя? И ныне меня увлекает Учение Мории, которое объединяет христианство и лучшее в других религиях. В сердце была тайная боль. Съездил на неделю раньше в Ропажи, хотел там всё обсудить. Арвид – хороший человек, чуткий, но ведь не религиозный мыслитель. И вчера мы наконец сходили к пастору, говорили с ним. Стыдно мне за себя теперь, зачем унижался, спрашивая: нельзя ли в обещании оставить только «воспитывать в христианском духе»? Он ведь консерватор, а здесь требовались реформы. И тогда я узнал, что в обещании говорится *«по возможности».* Здесь уже дело проще. От лютеранства я могу брать идеальнейшее, а то, чего недостает, из *других источников.* Лютер тоже, насколько знаю, допускал в переводах свободу. К лютеранству ведь принадлежат идеальные личности, как, например, Кундзинь, который придерживается полнейшего либерализма. И если бы я отказался, не было бы это педантическим догматизмом или даже малодушием? Сердцем ведь я принял приглашение. Всё же много передумал и перестрадал. Потому вчера в шутку сказал: «Я, наверное, ныне самый сознательный крёстный отец в Латвии». Сегодня утром проснулся со светлым чувством: даже если я грешу, я приму наказание, но иначе уже не могу, ибо не хочу быть последователем буквы, я должен реализовать свой дух. И ведь Бог видит мою душу. Эта борьба только углубила меня и дала решимость бороться за религиозные реформы, бороться за победу Чистой Сущности.

Боролся я с Богом своим,
Бесконечная длилась ночь.
Вдруг над грустью моей в небесах
Благодатный вспыхнул рассвет.

[1] В Яунпилсе жил брат Р. Рудзитиса – врач Андрей Густав Рудзитис.

6 августа

Последнюю неделю я вновь провёл в Яунпилсе. Там только что состоялась конференция студентов-христиан, и мы с Эллой там были гостями. Дале докладывал о христианской радости, я изумлялся, что Дале стал столь конфессиональным. Радость мирская и христианская радость. Христианскую радость следует искать и в мирском – те ценности, которые Христос проповедовал. Это всё верно, и всё же – где граница? Моя душа воспарила, когда доцент Зицанс обмолвился, что религиозная радость одна, во всех религиях одна, быть может, отличается только оттенком. Знаю, что Дале внутренне полагает, что истинная радость – единственно христианская, и что буддист или суфий её никогда не смогут достичь. Но не один ли Бог у всех народов и во всех религиях? И разве все люди не братья – верующие и неверующие? И если один ещё в неведении, второй – прозревает, а третий уже достиг высоты сознания, позволительно ли нам смотреть на неведающего как на язычника? Где истинная, полная свобода? Отчего и в лучших людях её так мало? Грусть навеял на моё сердце ныне Румба, речь которого в Цесисе в минувшем году меня увлекла, в нём фанатическая мощь, но вместе с тем – узость. Он сказал: «Обоюдоострый меч полагаем меж верующими и неверующими». Где здесь Христова заповедь абсолютной любви? Где здесь идеи всечеловечности и совершенного братства? Где здесь смирение и самоотвержение? И всё же в дни этой конференции я испытал глубокие переживания. Я пытаюсь, отбросив логику, предстать свободным, простым и покорным перед тем Богом, который был единственным моим другом, и которому многие горячо молятся и почитают.

Радуюсь, что Элла смогла многое пережить, прочувствовать и передумать. Знаю, она никогда не смогла бы сознанием примириться с этими людьми, но душой она к ним прикоснулась, ибо ощущала великую божественность в себе, в других и Космосе. Элла не способна ещё верить какому-то определённому мировоззрению в религии, в этом её затруднение, но, как знать, быть может, это позволит ей воспринимать религию человечнее; в моём сознании уже существует вполне определённая метафизическая картина мира. Но определённо знаю: для Эллы переход из театра к жизни оказался большой, большой ломкой, которую ей надо преодолеть, которая должна привести её опять к какой-то ясно осознанной цели. Она недавно мечтала стать сестрой милосердия. Думаю и я: может быть, так и лучше, что мы решаемся на это самоотречение, ибо мы ведь живём в наисерьёзнейшее время, возможно, накануне великих мировых духовных революций. И позволительно ли кому-то думать ещё о себе? Я предоставил выбор Элле. Но затем мы задумались: мы ведь друзья, которым надо в жизненных задачах помогать друг другу, формировать, возвышать. И, быть может, Элла обретёт какую-то иную работу, которая захватит всю её до конца, работу, которой она служила бы человечеству. Но разлучаться полностью на два года и затем, быть может, на неведомое время – не поступают ли так лишь пережившие трагедию люди? Много тяжкого было в этих думах. И последние их аккорды прозвучали в Ропажи. По дороге в Ригу мой друг сказала: «Нет, я тебя всё же не оставлю. Ведь у нас судьба общая, душа у нас одна».

*

Вчера у Лукина было наше учредительное собрание. Бог видит мою душу, и я чувствую, что искренен. Разве нельзя объединить Учение Христа и Мории? Христос дал Учение, которое исказили, теперь Мориа даёт чистое Учение Христа, синтезируя его с другими высшими убеждениями. Мориа был другом Христа и учеником, теперь Он сам участвует в судьбах человечества.

Мне, однако, несколько тягостно, ибо я чувствую и в нашем кружке какой-то дух несвободы. Лукин, считая Учение Мории абсолютно истинным для нашей эпохи, внутренне как бы исключает всё иное. Его многие упрекали, что он Христа ставит как бы в меньшем свете, приравнивая его к Мории, однако Лукин мне неоднократно объяснял свои взгляды и высоко превозносил и Христа, но при этом подчёркивал, что величины сравнивать невозможно, в чём он, несомненно, прав. Но отчего же Лукин всё-таки внутренне как бы избегает пути Христа, неужели невозможно достичь спасения, следуя по стопам Христа? Поняли бы люди, что *в наше время* эгоистично искать только своё избавление, что сам Христос меньше всего думал о своём спасении, была у Него единственная печаль – как спасти других.

Содержание Учения Мории: любовь и сопричастность к судьбам человечества, и это же есть содержание чистого Учения Христа. Единственно, Мориа его дополняет, объясняя яснее и шире принципы, соответствующие нашему времени.

Но я всё ещё в процессе становления. И мне кажется, что именно в этом году я приближаюсь к новому религиозному переживанию. Идеи Учения Мории мне знакомы уже с десяток лет, с тех пор, как познал Тагора и индусов. Только теперь мне легче некоторые вопросы осознать глубже. И картина Космоса для меня стала намного реальнее – взгляд обращается к нему через лучезарные вершины Гималаев.

31 августа. Воскресенье, вечером

Тёплые дуновения ветра опять веют над мокрой от дождя землёй. Второе лето не ездил на взморье, ибо заканчиваю переустройство квартиры. Солнце влилось в гамму нашего жилища. Приобрёл две иконы, которые дарят мне великую радость: Madonna of holy light[1] и Рериха – Mother of the World[2]. И ещё – священный уголок моей комнаты возвышает невыразимо глубокий взгляд Мории – Владыки Мира. Надеюсь в скором времени в своём святилище видеть и изображение Христа. Я много искал, но где тот художник, который отобразил бы сущность Христа в истиннейшем свете? Кто же смог хотя бы в предчувствиях своих подняться до понимания Его? Поэтому Христа художники изображают замкнутым во времени и пространстве. В изображении Мории, напротив, сразу можно ощутить некое надземное могущество, быть может, и оттого, что этот портрет близок оригиналу.

Наш кружок Мории начинает превращаться в общество. Лукин только что спешно отправился в Париж (на самолёте), чтобы встретиться с Рерихом и выяснить некоторые вопросы, связанные с учреждением общества. Он узнает также, разрешается ли выдавать другим третью книгу Учения Мории, которая пока доступна лишь некоторым избранным и о которой уже распространяются легенды. Жду вторника – нашего собрания.

Вчера опять вместе с Залькалном попал в общество «кришнамуртистов» к Клименко. Бывал я здесь и прежде несколько раз, стало однообразно, и я решил больше не ходить, хотя некоторые моменты были живыми и интересными. Клименко – мать с дочерью, весьма развиты духовно и интеллектуально, мать когда-то была социал-демократкой, затем – разочаровалась. В последнее время они, в связи с каким-то душевным кризисом, «искали спасения» лично у Кришнамурти и обрели его. И теперь они – пламенные его ученицы, хотя сами ещё ищущие. Дочь с сыном только что вернулась из лагеря кришнамуртистов в Омене, куда взяли с собой (мною предложенные) вопросы: почему Кришнамурти говорит, что «Бога нет» и «ни одна религия не приводит к истине». Я, конечно, понимаю мысль Кришнамурти, он говорит с позиции абсолюта, но зачем же тогда он употребляет обычные для нас понятия неправильно? Если он отрицает личного Бога, то ведь понятие Божественного охватывает и другие аспекты Божества, а именно – суть. Также понятие религии имеет ступени, и высшей является абсолютная духовная свобода, которую проповедует и Кришнамурти, следовательно, отрицая религию, мы отрицаем и конечную цель человеческого духа. Тогда уж лучше сказать: определение «религия» более не способно выразить высшего полёта моей души, вместо него необходимо иное слово. Разумеется, Кришнамурти на всё это дал удовлетворительный ответ, и всё же его проповедь абсолютной свободы часто бесконтурна, нелепа. Клименко-младшая вчера докладывала о своей поездке в Омен: пересказывала речи Кришнамурти. Эти же мысли есть у Тагора, Роллана и у многих других, но Кришнамурти ещё больше синтезирует. И всё же теперь, когда я начинаю прикасаться к Учению Мории, чувствую, что в учении Кришнамурти много упрощённого. Но именно простое следует укрепить и поднять в большей духовности. Поэтому путь его – в будущее. Должен признаться, что близко Кришнамурти не знаю, читая его труды, ощущаю *какой-то диссонанс,* и поэтому чувствую себя далеким от него.

Две недели мы прожили в Межапарке[3] в обиталище Дале. Погода была прескверной, мы мёрзли, я даже простудился, на неделю выпал из спешного труда. Заканчиваю обозрение Тагора, но только в первом черновике.

---

[1] Вероятно, речь идёт об иконе «Богоматерь Неопалимая Купина» *(англ.).*

[2] Матерь Мира *(англ.).*

[3] Буквально «Лесопарк» – зелёный пригородный район Риги, где в то время жила интеллигенция.

Для окончательной обработки труда потребовалось бы ещё много времени. Но придётся прерваться – экзамены.

В Межапарке по соседству с нами Фетлер построил свой шатёр, и каждый вечер звуки хора и оркестра захватывали и наши души. Были мы и на богослужении. Я понял, что привлекает толпу. Фетлер ведёт народ с великой увлечённостью. Почувствовал к нему уважение, хотя о нём бог весть что говорят. Именно такой активной и должна быть жизнь конфессий, но *внутри.* Религия ведь обозначает горение. Меня изумил либерализм Фетлера: он призывал всех христиан объединиться, говорил, что не церковь, не Библия спасут, но единственно Христос. Наши конфессии все, сознательно или несознательно, поставили церковь в такое положение, что она воистину чаще служит отрицательным силам мира. Ибо, возвышая букву, мы убиваем дух. Простой, средний человек не в силах дорасти ни до интеллектуализма Кришнамурти, ни до последних познаний Мории. Обычные люди могут идти единственным путём, которым шло большинство, – путём любви. Если они и не достигнут любви, которая сама есть откровение, они хотя бы окружат течение своей жизни более красивыми, ясными и светлыми вибрациями.

3 сентября

Вчера было собрание, и Лукин нам докладывал о своей поездке в Париж. Слушал я не только умом, но и всеми нервами, клетками. Много нового открывается. Наших осталось только десять из шестнадцати. Остальные пошли в «огонь очищения». Жаль Залкална, ибо здесь он обрел бы больше, чем в одиночном бытии, но он сам заупрямился – решительно отказался писать <духовную автобиографию>. И Есенскому следовало остаться, может быть, он и остался бы, если бы Лукин всегда думал так, как теперь. Он тоже признался в своей опрометчивости, например, Рерих сказал, что церковь признается, ведь кроме нее пока ничего иного не построено. И ещё он сказал, что Христос является величайшим из Учителей. Но ныне наш век в руках Мории, и нам надо следовать его идеям. Глубокие мысли во мне пробудила идея Иерархии. Весь мир, вся Вселенная включена в полновластную цепь Учителей – ступень за ступенью растёт дух. Например, мы связаны через нашу «десятку»[1] с Рерихом, тот – с Морией, Учителя – с Матерью Мира, Владычицей Солнечной системы. Семь солнечных систем составляют новый Космос с новыми планетами и планетными духами, всё дальше, в более высоком, глубоком, более абсолютном совершенстве. И какое благоговение рождается в нас, обращённых ввысь в бесконечном пространстве! Мы, европейцы, привыкли употреблять все понятия чрезвычайно узко и конкретно. Но абсолютное совершенство невозможно охватить. Мы способны уловить лишь вестников божественного, но не саму суть. Но философия оперирует определениями, как шахматными фигурами; позволительно ли вообще приближаться с определениями к сферам, перед которыми каждому относительному существу следует на миг замолкнуть и склонить голову?

И глубочайшее чувство в мою душу заронила мысль, что впереди у нас испытания, непрестанные испытания. Чем выше развит человек, тем значительнее испытания, ибо тёмные силы используют его малейшую слабость. Человеку надо быть непорочным, могущественно спокойным и отважным, чтобы отразить вражеские токи. И труден сей путь, но осиян красотою.

Не знаю, хорошо ли, что я в своём дневнике пишу о нашем кружке? Ибо среди нас внутренняя дисциплина – чужим ничего о нём не рассказывать. Но к моему дневнику никто не прикасался, кроме Эллы, которая – часть моего существа. И впредь я никогда не позволю, чтобы его читал кто-нибудь, кроме самого близкого. Разве не было бы интересно проследить развитие кружка? Мы ведь все развиваемся, и Лукин вырастает как личность. Столь краткий срок миновал, как же сразу обрести прочное, несокрушимое основание во всех вопросах?

О несказуемом не хочу даже упоминать, единственно о развитии души.

16 сентября

Сегодня я подписал устав Общества друзей Музея Рериха. Шёл на это с тяжеловатым сердцем. Ибо принимаю на себя великое. Это Общество – не что-то обычное: все непознанные просторы будущего перед ним. Сумею ли нести великую ответственность?

[1] Речь идёт о десяти членах кружка.

Найдутся ли у меня силы всегда и везде нести до конца мысль своей души и окрылённость жизни? Я привык идти индивидуальным путём, теперь в общности так непривычно. И ещё каким-то чуждым кажусь я нашему кружку, какая-то прохлада у меня к товарищам, хотя я обрёл здесь немало восторгов осознаний. Может быть, со временем общность станет истинным содружеством духа?

17 сентября. Среда

После возвращения Лукина я многое пережил и передумал. Шёл на заседания с величайшим интересом, с большим переживанием следил за всем, что сообщал Лукин. И хотя я радовался, что так много мне открывается, что-то всё же угнетало моё сердце. Не ведал, что. Может быть, то, что услышанное не всегда совпадало с моими основополагающими воззрениями? Раньше я не знал сомнений, идя на заседания, а теперь то с одним, то с другим вопросом не могу как следует разобраться. Может быть, оттого, что соприкасаемся непосредственно с жизнью, а жизнь столь изменчива.

Важнейшим было заседание в минувший четверг. Лукин говорил о политике. Может быть, для того, чтобы мы ознакомились с такими значимыми вещами перед подписанием устава.

В основу Мироздания положена космическая кооперация. Люцифер, планетный дух, отпал от сотрудничества с дальними планетами, вёл ход развития Земли по обособленному, противоположному эволюции, пути. И так Земля, наконец, дошла до нравственного падения, до современного состояния, когда она бьётся в конвульсиях между добром и злом. Чтобы вернуть Землю на правильный путь, с других планет пришли Учителя, начавшие небывалое сражение с Люцифером. Космическая кооперация должна быть в основе всех наших мыслей. Также – нашим идеалом является община, коммуна, в понимании первых христиан. Но идея этой коммуны совершенно противоположна Коммуне России. Начало её всё же было положительным, но она перешла в руки тёмных сил. Революцию в России поддерживало Белое Братство, но несознательная толпа благое начинание превратила в плохое, теперь там господствует уже отрицательная власть, хотя в идеализме отдельных личностей предостаточно положительного, но последние раньше или позже, столкнувшись с жизнью, переживут трагедию. Тактика тёмных сил теперь изощренна, они вначале низменно применяют благонамеренные средства, но с тем, чтобы постепенно, тайно превратить их в противоположное. «Где Бог строит храм, там чёрт строит кладбищенскую часовню», – гласит немецкая пословица.

Меня эта мысль не устраивает: если политика сама по себе – явление отрицательное, то как светлые силы могли использовать её в русской революции для внесения своих идей? Неужели они не знали, что единственно *духовная революция* способна родить истинную общину и братство? Когда и какая связь была у материализма с революцией, это ведь уже в начале проявлялось.

Я не хочу здесь обо всём и подробно говорить – мне необходимо ближе ознакомиться с историей революции. Если я пока не имею ясности в этом вопросе, может быть, позже я всё выясню. Я ведь доверился Мастеру, мне надо было довериться и третьей книге «Листов Мории», если вообще эти книги исходят от Него. Эта третья книга, вокруг которой уже накручено столько слухов, посвящена «общности» – Общине. Лукин прошлый раз нас познакомил с некоторыми местами из неё.

И далее, сам Лукин заставил меня о нём размышлять. Я его очень уважаю. Но он слишком хочет полагаться на авторитеты. И в связи с этим – иногда его внешняя строгость излишня, хотя внутренне он ласков. Разумеется, Залкалн сам виноват. Но, наверное, можно было как-то иначе. В конце концов, от него самого всё зависело. Мы неоднократно в последние дни встречались. Мне его так жалко! Он столь одинок. Позавчера я сходил после разговора с Залкалном к Лукину: нельзя ли «амнистировать» Залкална, он изменил свои взгляды. Но заранее я знал категорический ответ Лукина: «Поздно, пусть ждёт!» Чтобы принять заново, необходимо связаться с Рерихом и т. д. Но неужели во времена первых христиан всё это не было проще, сердечнее? Конечно, Лукин и сам ищет, и сам ещё формируется.

Ещё одно легло тяжестью на сердце. Залкалн перевёл «Криптограммы Востока», комиссия это просмотрела, я ещё быстро проверил. Меня очень огорчило одно место, где Христос как бы затенён перед Люцифером. Оккультно толкуя, может быть, там сообщается нечто верное, я этого не знаю, но я читаю слова, как они высказаны, и, если истинное содержание нельзя перевести ясно и конкретно и приходится нечто прятать за непонятными нам словами, то лучше этого пока вообще не упоминать.

И ещё: сегодня пришел ко мне Есенский. Я его уважаю, ибо чувствую в нём духовный рост. Он самостоятельно готовится стать православным священником, и несколько настойчиво защищал церковь, поэтому его дороги с Лукиным часто расходились, и Лукин больше не приглашал его. Теперь Есенский сам отказался. Я знаю, Есенский мыслил универсально, но он хотел высказать в словах то великое почитание Христа, которое было в его сердце. Этим он нисколько не умалял значения Мастера Мории.

«Агни-Йогу» я ещё не знаю, но в обеих книгах «Листов Сада Мории» нет почти ничего, чего я не принимал бы. Разумеется, об этом Учении создаётся несколько эклектическое впечатление, но основы всё же удивительно гармоничны.

Я ведь пришел сюда, чтобы учиться, а не судить. Я сам ещё на большом расстоянии от решения многих вопросов; придёт время, всё смогу выяснить. Разве вне кружка я столь скоро и столь многое познал бы? Нет у меня сейчас и времени много читать – скоро начну готовиться к экзаменам. И когда кончу и погружусь в познание, тогда буду бороться.

Всё же предчувствие мне вчера говорило, что рано или поздно я уйду из Общества. Но пока у меня нет ни малейшего повода сомневаться. В писаниях сказано: «Разве я знаю, каковы у них мотивы».

Быть может, мне не следовало всё это писать. Но я хочу проследить путь своего развития. Самоанализ ведь необходим человеку, и лучше всего я могу это делать, записывая.

2 октября

Сегодня проводили мы в последний путь добрую Ренату[1], похоронят её на родине, в Лиепае. Какая судьба опять у Зенты! Ежедневно новая боль, капля за каплей, непрестанно, но на этот раз – удар сверх силы. Это и наша утрата. Кому же Рената не была родной со своим по-детски сердечным, ясным идеализмом? Мы сопереживаем с Зентой. Её победа и продвижение единственно на пути страданий. Ренату проводили в автобусе Зента и Элла. Осень, холод, вихрем несутся листья. Отчего же позволено отломить от древа ветвь, которая ещё только в набухших почках, таящих прекраснейшие цветы! Быть может, ангел смерти сам плачет от бессилия. И всё же он знает, что душа преображается, чтобы ощутить себя в новом, более совершенном одеянии. Разве не может уйти и молодой, уже исполнив свою миссию? Разве сломанная ветвь не является сама по себе уже чудеснейшим садом цветов, где пчёлы мира ищут отдохновения? Есть Тот, Кто о нас всё знает!

17 ноября

Наши встречи по утрам в воскресенье идут на пользу нашей духовной культуре, дисциплине. Часто обсуждаются практические методы, как овладевать своими мыслями и чувствами. Помогает и анализ сознания, чтобы видеть свои ошибки и избегать их. Мы разделили дни по чувствам и мыслям, на которых сосредоточиваемся, например, по понедельникам – не раздражаться. Наш кружок растёт, развивается. Были и нападения. Волновались напрасно. Кое-где возникают и разногласия. Я не выступаю, наблюдаю со стороны.

Если о чём-то сердце заноет, знаю – это не от Учения, а от несовершенства людей, и жду. Если бы только была у всех настоящая, беспристрастная терпимость!

Участвовал в нескольких вечерах сотрудников «Даугавы». Я слишком обособился, потому хотел вновь познакомиться с нашей писательской общественностью. Но у кого есть какие-то взгляды, у того и удивительное упрямство и нетерпимость. Возникли однажды дебаты и об одном моём небольшом докладе. Никто не хочет знать того, что я так подчёркиваю, – развития. Говорят – морализирует! Неужели нельзя предугадать будущее? Неужели искусство Боккаччо действительно значительно для всех веков и культур?

[1] Младшую сестру Зенты Мауринь.

От последних встреч особенно тяжко на сердце. Стр. докладывал о Джойсе: такие мы все, люди, как у Джойса, – безнадёжно пропащие, во власти всяких порочных ассоциаций. И большинство других высказывали такие же мысли. Некто даже обмолвился: он сам не без ассоциаций Джойса, но и Рудзитис не без них. Что мне было сказать? Сам знаю, таких ассоциаций у меня уже почти нет, да и многие люди почти свободны от них, ибо они всю жизнь сосредоточивают в духе. Если меня и охватит хаос мыслей (не знаю, бывает ли кто свободен от этого), если иногда труднее сосредоточиться, то у этих ассоциаций нет ничего общего с вышеупомянутыми. Моя мечта – всё более совершенная ясность и свобода мысли; и над дисциплинированием мысли давно уже работаю. Написал я письмо Стр., теперь чувствую – зря. Человеку так быстро не преобразиться, человек – результат труда десятилетий, даже тысячелетий. Вчера и с Чаком поговорил от души. Для него эстетическое, артистическое искусство – это всё. По его мнению, одно красивое предложение оправдывает всё. Он упрекает религиозных провозвестников в том, что они использовали поэзию для проповеди нравственности. Они будто бы достигали эффекта поэзией, но не идеей. Он считает особенностью своего творчества эстетически, художественно выражать отрицательное. Всё, что есть в человеке, включая тёмные стороны, подлежит восхвалению. Странная эстетика. Я сказал: «Если кто-то отрицает духовных подвижников – он отрицает благороднейшие корни человечества, он отрицает само человечество». Предупредил, чтобы, изображая отрицательное, он остерегался оскорбить читателя, но пусть пробует достичь такого изображения, от которого читатель стал бы возвышеннее. И главное, чтобы не провинился перед духовной культурой, чтобы не запятнал того, что было всегда неприкосновенным в устоях человечества. Ещё я сказал: придёт время, и Чак станет иным и о многом пожалеет. Странные они – писатели, художники. Они ведь сердечные люди! Но какая неестественная слепота во всех их способах видения. Простой человек гораздо ближе к истине, проницательнее воспринимает Мироздание. Знаю, ничего не смогу здесь дать, ибо и дара красноречия у меня нет. Единственная, кому я верю, что истинно когда-то преобразится, – это Мауринь Зента. В ней борется эстетство с идеализмом. Если идеализм она превратит в религиозное осознание, то освободится и от эстетства. Но все созидательные шаги столь медлительны. Я сам себя никогда не считал прежде всего писателем. Оттого у меня и нет общих интересов с другими, и я на большом духовном расстоянии от других. Зачем я должен идти прямо к писателям, почему бы мне не учиться познанию жизни и живого человека среди народа, у простого крестьянина, рабочего или в том тесном кружке интеллигентов, дух которых в полёте?

21 декабря. Воскресенье

Вчера я сдал свой первый государственный экзамен – психологию. За себя мне несколько стыдно – после стольких лет! По сути, я учился только два последних года, некоторое время я ведь вообще не посещал университет. Второй экзамен придётся отложить на май, теперь уже не успею, помешал иной, непредвиденный экзамен, которому я посвятил много времени. Так или иначе, но всё приближается к завершению. Заставил меня всё же поволноваться этот экзамен по психологии: времени было мало, к тому же заболел инфлюэнцей, достаточно тяжело, десять дней пробыл дома. Через силу пытался учиться, но не удавалось, дня за два до экзамена опять поднялась температура, приложил всю волю, чтобы преодолеть заболевание, – пошёл бы сдавать, каким больным бы ни был. И на экзамене кружилась голова. Чувствовал – это всего лишь лотерея, которая совершенно не даёт свидетельства о знаниях человека. Но я уже свободен. Хочу почитать поэзию, какой-нибудь роман и ещё нечто более возвышенное. Я ведь словно мохом оброс. Надо доработать и завершить Тагора, кандидатскую работу. И ещё труднейшее – история философии.

На кружок хожу с удовольствием, возвращаюсь с радостью. Мне кажется – в своём развитии я сильно продвинулся вперёд, хотя у меня было мало времени читать книги религиозного содержания. Но разве их не возмещает одно главное слово, которое, как ключ, открывает всё. Сегодня утром Доктор начал заседание словами: «А теперь перед вами задание. Напишите за пятнадцать минут, коротко, как на ладони, главные положения, что есть Учение». И получилось, что почти каждый сформулировал по-своему. Но это всё же проясняет наши взгляды.

Душа Зенты всё ещё кровоточит, всё ещё бунтует. Она не может принять мысль в моей статье о Тагоре, которая столь понятна любому религиозному человеку: «Чем совершеннее наша самоотверженность, тем совершеннее наша жизнь». Она вместо «жизни» написала «смерть». Ибо самоотверженность будто бы ведёт к самоубийству. Сколь узко она ещё понимает самоотверженность, которую Тагор связывает с величайшей полнотой жизни! Это ведь синтезируется, объединяется в личность. И это, быть может, уже начинает сочетаться в самой Зенте, но умом она этого не сознаёт.

Цухо всё ещё – этакая мятежная душа. Вообще-то непокой благостен, ибо он ведёт нас к глубинам познания. Цухо зачастую возвращается к вопросам, которые иррациональны и необъяснимы, и воспринимаемы только по их сути. Но он ведь преодолеет это! Ныне читает «Тайную Доктрину», это нелёгкая задача. Прочел несколько раз некоторые мои книги о выдающихся индусах, труды по теософии и т. п. Он горит, жаждет, к тому же самостоятельность – трудный путь. Но когда принимаешь основы всем существом, разве не приходит покой? Непокой ведь уместен на ступени развития, но сами основы он не вправе затрагивать. Конечно, в основах у Цухо сомнений нет, но ему всё же трудно иногда с собой справиться. Я был затворником, хочу немного выйти в жизнь.

1931

1 января

Предвечный, Благий, пошли нам волю и силу Твою, благослови моего друга и меня, чтобы священный огонь духа пылал в нас неугасимо!

12 февраля. Четверг, вечером

Неизвестное грядёт. Все атомы Земли полны тихой музыки его шагов. Близится нечто новое. Ужасом объятое, предстанет оно, быть может, пыль леденящего страха вознесётся вокруг него, но для меня его лик пламенеть будет улыбкой света невидимых солнц. Его глаза будут – радость.

В Ригу уже несколько месяцев назад приехал болгарин П.Помпоров. Он из «Белого Братства», как называют некое религиозное движение в Болгарии, и восторженный последователь своего Мастера Донова. Он преподаёт эсперанто, устраивает конкурсы, Элла с января их посещает. После окончания занятий ещё собираются в узком кругу у Др. Элла в приподнятом настрое, более вдохновлённая, хоть временно есть у неё, чем наполнить свою жизнь. Пишет на эсперанто сочинения, об идеалах и т.д., конечно, в возвышенном духе. Помпоров вносит на своих уроках и духовное, идейное, этим и язык делается милее. Меня тоже это движение в Болгарии весьма интересует. Оно столь широко и, главное, в нём стараются осуществить в жизни все максимальные идеи, в которых много общего с моими. Они сторонники полного воздержания, вегетарианцы, живут коммуной, встают до восхода солнца, совместно собираются в определённые часы, медитируют и т. д. И главное – Донов является большой личностью, действительно хорошо знает законы истины духа и тела, наверняка связан с Белым Братством. Были мы как-то вечером с Помпоровым у Лукина. И самое странное – Помпоров совсем не знал «Листов Сада Мории», он их только в Риге начал читать, и он изумлён, насколько выраженные здесь идеи общи с их идеями.

Истина ведь всюду исходит из одного источника. Он даже не знал, что в Софии есть кружок Учения Мории. Донов также является ясновидящим – он многое предсказал. И этот год будто бы ожидается столь ужасным, что он не хочет об этом говорить. Великие события нас ожидают. Мы ведь уже у врат новой эпохи. Ещё будет великая тьма, великие страдания, великие муки тела и души, пока дух сможет возродиться.

Для меня наиболее привлекательное в этом движении – это то, что они *осуществляют* идеи, о которых мы только думаем и мечтаем. В духе мы бог весть как далеко, но в жизни ещё полны обыденности. И разъединённым духовным людям надо объединяться, чтобы что-то реализовать. Как же нам, к примеру, завести «коммуну», если нас ещё не увлекает один общий дух? Это лучше всего, если руководит крупная личность. Оттого я хотел бы с этим движением практически познакомиться. Возможно, такое время придёт.

Мы в своём кружке читаем «Агни-Йогу». Часто получаем письма Рериха, которые тоже обсуждаем. Мы ведь ещё растём, сами ищем, как же так скоро нечто осуществить во внешней жизни? Но придёт и наше время. Развитие человеческого сознания теперь разворачивается удивительно быстро. Наиболее восприимчивые так быстро прогрессируют! И всё же большинство если не равнодушны, то в полном неведении. Старое многих не удовлетворяет, но вперёд не заглядывают. Но свет у дверей.

Продолжаю уже второй месяц работу о Тагоре. Чем больше пишу, тем шире становится тема. Одной лишь философии, которую сейчас завершаю, будут посвящены отдельные три листа. Исходил все сады Индии. И всё ещё так трудно понять чужой народ.

21 февраля. Вечером

В Риге уже некоторое время пребывает ещё одна своеобразная личность – ученик Тагора Л. Сингх. Он ещё молод, лет 25. Три года как оставил родину, конечно, ещё не совсем сложившийся, однако в своих публичных лекциях проявляет сообразительность и одарённость. Окончил школу Шантиникетона, был там и преподавателем, поэтому хорошо знает те условия. У нас, переходя из школы в школу, он приносит большое благо, ибо для

великого множества Индия есть ещё нечто неизвестное, и человек с большим любопытством следит за тем, что говорит ему иностранец, нежели за тем, что сообщает его соотечественник. У меня всегда было ощущение, что мои труды о Тагоре и т. п. мало читаются, поэтому я со своими идеями чувствую себя одиноким. Ибо если где-то имеется духовный энтузиазм, он не остаётся незамеченным, выявляется наружу, и я чуял бы его проявления.

Вчера я пригласил Сингха вместе с К.Эгле ради знакомства в кафе, и там мы пробыли до полуночи. Нам с нашим английским всё же тяжеловато, поэтому в качестве посредника был переводчик с эсперанто Либ. Интересно, тепло прошёл вечер. Больше спрашивал Эгле, но его вопросы почти все о биографических данных Тагора. Спросил я кое-что по религии индусов, но Сингх ещё мало сведущ в проблемах, где нужны многолетний опыт и изучение. В целом он воспринимает интуитивно глубоко, основные направления знает хорошо, славная и его брошюра «О человеческом взаимопонимании и братстве» на эсперанто. Я так много читал об Индии, но всё ещё чувствую себя там как человек, попавший в иное пространство и время. В Индии ведь совершенно другая психология семьи, социальных отношений и т.д., и европейцу, который там не был, так трудно её понять. К примеру, индус, уже взрослый, зачастую не знает имени матери. И всё же он свою мать боготворит. Оттого я нередко прихожу в замешательство. Об Индии имел бы право писать только индус. Но, с другой стороны, каждому народу было бы хорошо преподнести картины чужой жизни в известном национальном отражении. Ведь европеец, к примеру, никогда не воспримет Тагора так, как индус, но это не значит, что он не может его верно осознать.

С каким индийским благоговением Сингх говорит о своём учителе, также о Ганди, к политике которого, разумеется, он стоит гораздо ближе, чем к «неполитике» Тагора. Но дух вмещающий ведь признаёт оба пути и объединяет их в себе.

Вокруг личности Помпорова в кругах эсперантистов ведутся какие-то острые интриги или нечто подобное, так что я в недоумении. Возвращаясь домой, беседовал о Помпорове с Либ...ом, его противником. Также Сингх о нём отрицательно отзывается, но, в конце концов, их аргументы не кажутся мне столь важными. Я не могу верить, что слова с делом в нём так расходятся. Чувствую в нём ошибки, но кто без ошибок? Нет ли здесь всё же недоразумения, наподобие того, как с Цухо этим летом случилось; и в характере Цухо некоторые странные струны, но надо пытаться понять это объективно. Не покрывает ли всё его энтузиазм? Быть может, так же с Помпоровым? Он ведь с внутренней радостью неизменно пропагандирует свои идеи. И всё же я хочу понять, понять, понять, понять!

22 февраля

Сегодня я глубоко почувствовал, что нападки на Помпорова или из-за мелочей, или недопонимания. Я был в кружке, где Помпоров толкует учение своего учителя. В его словах увлечённость, когда он прикасается к глубинам. Как можно обвинять человека, у которого в каждой мысли братство, любовь? Сингх ещё юн, опрометчив, но если он ученик Тагора, как он смеет быть бестактным, основываясь только на чужих заключениях, он сам ведь сознался, что Помпорова ближе не знает? Сингх и Помпоров – люди, которым бы надо быть воистину глубокоуважаемыми, им надо быть достойными своих слов, с широким пониманием, ибо они проповедуют возвышеннейшие идеи. Оттого я стремлюсь за их идеями увидеть и какой-то отблеск личности.

Сегодня Помпоров зачитал одно место, где Донов о себе говорит, что никого в Болгарии так не очерняют, как его. Нет в мире пороков, которых бы ему не приписывали. Но он на это будто бы не реагирует, полностью спокоен. Ибо нападки разбиваются о скалу света духа.

1 марта. Воскресенье, после обеда

Сегодня у нас великий день. Мы перешли в постоянное помещение, в свою святыню. Наполним её новым духом, украсим ясными мыслями. Репродукции картин Рериха на стенах, книги, цветы. И чудо, которое нас растрогало до слёз: мы два года искали фризии, «любимые цветы Учителя», и как раз вчера Залькалну удалось их добыть в ботаническом саду, единственный белый цветок, только что распустившийся, наверно, впервые.

Воспринимаем мы это как приветствие Учителя, приветствие во времени и пространстве из сада света бесконечной любви.

Лукин держал его с глубоким чувством, мы были в восторге, никогда не забудем это мгновение. Великий час у наших дверей, мы счастливы, что способны его узреть, что можем, пусть немного, участвовать в борьбе за Него, хоть в своих мыслях, чаяниях. Ведринская прочитала фрагменты из «Криптограмм», К. рассказал о Рерихе и, наконец, один из нас огласил гимн Матери Мира, под сенью божественных крыльев которой душа наша пробуждается и устремляется.

Я написал маленький очерк «Твой брат»[1] о том, кого мы вечно не понимаем, кого мы осуждаем, в ком видим больше злого, чем доброго. И о том, что эпоха братства близка, что следует всем стать деятельными сотрудниками строительства храма человечества. В своём устремлении думал: хотя бы этот «цветок» преподнести своему Учителю. И было несколько грустно, что очерк не удалось зачитать. Но в своей тоске я эти «цветы», хотя и ничтожные, кладу к Его ногам.

2 марта

Несколько часов я провёл вместе с Помпоровым. В нём какая-то детская чистосердечность, отсутствие хороших манер, оттого и недоразумения. Было приятно слышать, как спокойно и тепло он отзывается о своих противниках, которые столько зла причинили ему не только здесь, в Латвии, но даже за рубежом. Он видит и понимает объективно. Ибо он – истинный оккультист. Он рассказал и о своей жизни, что ему чужд компромисс. В Болгарии его движение преследуют, последователям не дают работу и т. д. И у него, окончившего высшее учебное заведение, были шансы получить хорошую должность, но в том случае, если он откажется от связей с этим движением. Даже родители были против Донова. Но Донов исцелил его мать – после этого они совершенно изменились. Это было первым его испытанием, но он – выдержал.

Помпоров ближе познакомил меня с личностью Донова, насколько за краткие минуты это было возможно. Донов – истинный Учитель, великий дух.[2] Он знает человека до его глубин, знает ход мировых событий, знает закономерности и смысл Космоса. Суть его учения, в конце концов, та же, что и Учения Мории. Ибо и Донов черпал знания из «Тайной Доктрины» и других оккультных учений, которые в своей основе вытекают из одного божественного источника. Я даже изумляюсь, что все нравственные установки кажутся столь знакомыми, хотя один-другой принцип я бы никогда не затрагивал. В их оккультной школе даже пишут доклады, как у нас. Но в практическом исполнении и в личностном настрое мы могли бы ещё многому у них поучиться. Ибо мы только приступили к нашему Учению, и, хотя нам даны основополагающие законы, в некоторых нюансах нам самим следует интуитивно разобраться, но это зачастую – лишняя трата времени. А иногда и недоразумения, где посредством мгновенной интуиции полагалось бы всё выяснить, и это нередко наводит на меня грусть. Я же не разговариваю. Но если бы я и участвовал в разговорах, вряд ли бы смог дать что-то новое. Я ещё «дитя» в этических и оккультных вопросах, мне следовало бы только учиться и учиться, а не говорить и писать. Главное – настроить себя в этических нюансах, но как раз это иногда столь трудно.

Я загорелся сердцем как-то помирить Либ. и Й. с Помпоровым. Не только ради Помпорова, но как раз больше ради первых. Ибо они сами наносят себе большой урон, а также всему движению эсперантистов. По сути они – неплохие люди. Даже кажутся душевными. Но они ещё не владеют своей мыслью, а именно наоборот. Всё же и Помпоров для меня загадка.

15 марта Воскресенье, 5 часов пополудни

Со святым благоговением и тоской я сегодня приближался к своему Учителю. Странный непокой во мне, но и сокровенная большая радость. Мой друг наконец вступает в наш кружок! Сегодня создалась новая, третья группа, наверно, самая крупная. Большинство будет ещё ищущих, но всё же с большим устремлением обрести ясность.

---

[1] Очерк опубликован в альманахе «Звезды Гор», № 3, 2002 г.

[2] Впоследствии мнение Р. Рудзитиса о Донове и его движении изменилось.

Здесь и Ведринская, у которой Элла когда-то училась на драматических курсах. Несколько беспокоит меня то, что Элла является насквозь человеком характера Бхакти- и Карма-<Йоги>. Она не привыкла долго сидеть над книгой и изучать её. Она привыкла мгновенно, интуитивно схватывать суть. Ещё сегодня она сказала, что любовь должна довести до познания. Это верно – мы изучаем ещё не разрешённую нами проблему, что такое психическая энергия, но чувствуем, что обрести эту энергию можно, только живя духовно, жертвуя, любя. Однако и мысль надо развивать, кристаллизовать и дисциплинировать, и достичь более ясной логики в вопросах, где интуиция требует полного понимания.

Оттого и увлекло Эллу «Белое Братство» Донова. Каждое воскресное утро она теперь идёт на занятия у Помпорова в Агенскалне[1], где читает на эсперанто речи Донова, и Помпоров их переводит. Здесь идеи реализуются в жизни, и притом идеи в простой форме. Но у Донова есть и своё эзотерическое учение, которое доступно только некоторым ближайшим ученикам, и, наверное, там тоже больше языка символов. Также и в Агни-Йоге нужны символы и специфические термины – для тех, кто до этого уровня дорастёт. Мы ведь растём только для того, чтобы понимать. Если бы мы всё по существу понимали и были способны воспринять, тогда ведь нам открылись бы космические тайны, тогда ведь мы были бы близки к совершенству!

Лукин обещает быть «толерантнее» с группой молодых, что было бы к лучшему. Хотя Лукин провозглашает необходимость понимания других, он всё же, в великой пылкости к Учению, иногда игнорирует иные учения, быть может, и неосознанно. Но Лукин растёт, и его прогресс велик. В Донове мне нравится то, что он как раз торопит познакомиться с содержанием различных новейших направленных ко благу учений. И следует познать всё, в чём сияет свет. Ибо всё светлое, все лучи исходят из одного единого всеобъемлющего Изначального Света.

17 марта. Перед полуночью

Моего друга великие страдания никогда не забывают. Они возвращаются временами, чтобы захватить всю её в свою власть. Мой милый, мой бедный друг! Огонь, столь часто сжигающий тебя, – святой, великий жертвенный огонь. Ты и ради меня жертвуешь собой! Своими страданиями ты искупаешь и мою карму. Муками своего тела и духа ты очищаешь и моё прошлое и будущее. И я чувствую, что в наши дни поистине всю себя принести в жертву способна только женщина. Отдавать ежедневно своё время, себя, свои мысли и чувства другому и, в случае необходимости, нести с великой мужественной решимостью свою величайшую жертву.

23 марта

Вчера был первый день астрономического нового года. Значит – истинный Новый год. Весна начинается. Солнце вновь проявляет над нашей землёй свою исполинскую власть. Доновцы этот день считают наиважнейшим праздником в году, весь день они проводят, торжественно собравшись вместе. Наиважнейший момент для них – восход солнца. Также и Помпоров пригласил свой кружок праздновать этот день. Вместе с Эллой отправился и я. Еще в предрассветный час, в звёздной полутьме, когда слегка озарился восток, добрались мы до Агенскална. Отъехали на несколько километров от города. Солнце настигло нас у края леса, на широких просторах. Помпоров читал мантры, пел песни. Я никогда ещё так не ощущал солнце. Я никогда не осознавал, что солнце воистину божественно в своей власти. Миг, когда оно предстало яро горящим в невыразимом серебристом сиянии, как блаженный лик неизвестного. Ведь от солнца исходят все лучи мудрости нашего Космоса. Там космические родники, из которых черпают духовные силы звёзды, планеты и люди. Там обитают и высочайшие существа.

Затем на заснеженных полях и в рощах были упражнения и игры. Как сверкал снег! Столь много праны во всех сосудах! Жаль, что за зиму я стал монахом, почти не общаюсь с природой. Но природа всегда прекрасна и живительна.

Впереди у меня ещё один экзамен, тяжёлый, вынужден думать только о нём.

[1] Район Риги.

Но незаметно время уходит и на иное. В своём кружке бываю два раза в неделю, там для духа моего часто – воскресный день.

21 мая. Четверг, в 8 вечера

Три месяца прошло в насыщенном, полном громадного напряжения труде. По вечерам почти никуда не ходил, кроме заседаний нашего кружка. Чувствовал, что становлюсь механизмом, но иначе не мог. Многие книги перелистал, все философы многократно вереницей нанизывались в моих мыслях, пока, наконец, не улеглись в моих мозгах, как камни. От сидения стал как оцепенелый. Всякие болезни воображались. Нервы гудели, как мельничные жернова. В последний день заболела голова, даже испугался. Но в конце концов всё оказалось хорошо. Вчера всем мучениям пришёл конец. Залитис должен был торопиться на заседание Сейма, он легко меня пропустил, но Д., хотя и ассистент, этим не довольствовался: подробно ещё расспрашивал. Хотя Д. знает меня лучше всех студентов, но, по сути, никогда не щадил. Поэтому у меня от обоих государственных экзаменов осталось некоторое чувство отвращения: знать-то я знал, но приходилось отвечать чуть ли не по самым неинтересным темам (Юм мне наиболее далёк!), или опять-таки по мелочам. Так или иначе, наконец всё миновало, и чувствую себя поистине, как освобождённый раб, у которого в душе ещё похмелье. Поэтому, в конце концов, вчерашний день – один из важнейших дней моей жизни. Было бы хорошо, если бы я высшую школу окончил лет десять тому назад, тогда моё развитие, может быть, выстроилось бы иначе. Но и так хорошо. Ощущаю в себе волю и новые возможности для новой духовной силы.

Вчера пришли гости, нанесли полную комнату цветов. Я и не думал об этом, но больше всего заботилась Зента. И Цухо был, которого несколько месяцев толком я не видел, и другие.

Вчера нас опечалила весть, что К.Эгле, который уехал в Мерану лечиться, снова заболел плевритом, и весьма тяжело. Из-за всего этого вчера ночью трудно было уснуть. Хочу ринуться навстречу весне, в работу, я и не заметил, как всё вокруг меня распустилось, цветёт, просветлилось солнцем!

8 июня

От судьбы к судьбе наш путь. Хотя верно, что мы сами – кузнецы своей судьбы, однако перед нами в жизни часто предстаёт нечто иррациональное, перейти которое, кажется, слишком мало сил. Мой друг опять в дорожном настроении: лето, и надо решиться куда-то поехать. В её жизни ведь нет конкретной цели, её мечтой извечно было – жертвовать собой, отдать себя, помочь другим, но её жертва в жизненных мелочах была зачастую напрасной, ибо недоставало великого, ради чего она могла бы отдать всю себя. Прошлой осенью она желала поступить на курсы сестёр милосердия, но было ли возможно разрушать нашу жизнь? Два года жить отдельно. Но теперь мысли: быть может, и нужна жертва, жертва от нас обоих. Время слишком серьёзно, чтобы думать о себе. Быть может, и я стану конкретнее: от абстрактного человеколюбия отойду, смогу всмотреться в истинные глубины человеческой души. Но это только начало, неизвестно, как тогда будет, и – это ещё так далеко. Элла, наверное, поедет в Кемери. Ей пришлось пройти через многие унижения, многие трудности. Но нравственно она становится крепче. Журнал эсперанто прислал ей её гороскоп: суть её характера будто бы – страдания и отречения. Но, жертвуя, она редко встречает благодарность. Она способна будто бы благостно влиять на больных. То же ей когда-то говорил и некий иной исследователь характеров. Это она в жизни и сама ощущает.

Мне кажется, что полностью Эллу и Зента не понимает. У Эллы есть все прекраснейшие женские черты. Она – тип Марии, ей, по сути, чужд практицизм Марфы. Но она не желает слышать и абстрактные идеи, долго о них судить. Всё её существо жаждет одного – самопожертвования, воплотить в жизнь великую, великую свою любовь, не в домашнем хозяйстве и тому подобном, на что любая способна, но в великих проявлениях жизни помогать воистину страждущим, быть опорой духу и телу, в жажде и борьбе. И она страдает из-за того, что дни часто проходят напрасно, в мелочах, в помощи там, где, быть может, помогать и не следовало, но душу свою излить она не может.

Я ещё не окреп после большого напряжения. Но некогда отдохнуть вволю.

Надо собирать материалы для дипломной работы – о религии и красоте, хочу успеть до августа. Знаю, что мне придётся ещё раз возвращаться к этому, но пока не могу всего преподнести, поэтому теперь хочу только немного расширить уже напечатанный труд. Для меня весьма важен четвёртый том «Листов Сада Мории» – «Беспредельность», который так скоро всё же, видимо, не выйдет, а без него я не смогу окончательно построить своё религиозное мировоззрение, которое кратко попытаюсь изложить в своей дипломной работе, рассматривая идеи эволюции и иерархии.

Вышло в свет воззвание Рериха к женщинам.[1] Я рад, что вчера написал два стихотворения о Вечной Матери. Мечтаю, чтобы стихи мои были достойны пыли у Её ног.

19 июня. Пятница, вечером

Вечная тоска. Часами, днями, ночами нечто невыразимое звенит в душе. Какая-то песнь не от сего мира. В духе я омылся, словно в живой воде, стать бы мне всему чистым, сильным и свободным. Ибо сердце в каждой песчинке жизни, в каждом побуждении только Тебя жаждет, Тебя желает, Тебя, которого по имени я не смею назвать, но по которому вся моя душа истосковалась.

25 июня

Опять бродили мы тропами странников, все четыре дня Иванова праздника. Исходили заводи речки Аматы, несказуемо радовались сверканию цветущих лугов, мерцанию просторов Гауи, день блуждали в джунглях Браслы, где весенние стихии завалили буреломами все стежки-дорожки, не щадя и деревьев-великанов. Временами непогодилось, было сыро, промокли ноги, резкие ветры дули, но это тем паче дало нам прочувствовать близость природы, слиться с ней. Как соскучился я по этому, весь иссохший в идеях и формулах мудрости. Если бы я хоть на несколько дней не прикоснулся к природе, мне было бы тяжко продолжать работу, которую придётся возобновить в великом напряжении.

Вечер Ивана Купалы мы провели в Скрапьи. Дрейманы – самобытные, сердечные люди, одарённые, но некое тайное разочарование заметно в них, ибо ни старшее, ни младшее поколение не нашло того пути, куда вернее всего можно вложить своё сердце и душу.

К вечеру направились мы вдоль берегов Гауи обратно в Сигулду. Как зачарованный замирал я перед некоторыми местами! Красота, красота! В таких местах можно воистину почуять космичность, вникнуть в глубочайшие недра космического. Невыразимое желание было у меня – остаться хоть на несколько деньков в возвышенной стороне, где небо и земля стали едины. Но наверняка и ныне это останется только мечтой. Быть может, лишь в августе... Истосковался я по зарубежью. Обещал и Элле в этом году свозить её туда. Вероятно, только нынешнее лето у неё единственное свободное. Но сейчас это – наиневозможнейшее. Будет хорошо!

Неделю назад мы были ещё раз на конгрессе христианских студентов в Вецаки. На этот раз ощутил немало истинного духовного волнения. Были Кундзинь, Зента, Малдонис, проф. Зандерс, Р.Шмидт. Познакомился с некоторыми приверженцами идеи реинкарнации (какая неожиданность на христианской конференции!). Весьма одарённым кажется Принц, у которого неплохо развит и духовный взгляд, и психическая энергия, в общем-то мощная. По его рассказам – он способен совершать всякие психические феномены, намного успешнее, чем некоторые члены нашего кружка Рериха. И обрёл он это, живя в природе, в великом сосредоточении и по большей части – без книг.

6 августа. Четверг, утром

С начала июля напряжённо работаю над своей дипломной работой. В регулярном ритме, как заведённые часы. Ибо так работать лучше всего. Витаю в прекрасном. Размышляю, мечтаю. Иногда устаю, ведь на дворе <сильное> солнце. Ловлю один-другой солнечный часок. Но радуюсь, что работа спорится. Почти готов черновик. Ещё последний раздел. Культура Красоты. И всё же боюсь, как бы не оборвалось. Жизнь опять окутывает своим иррациональным дыханием. Силы мне нужны, громадные силы!

[1] Н.К. Рерих. Женщинам: Обращение к женщинам по случаю открытия Общества Единения Женщин при Обществе им.Рериха. – Рига, 1931.

Стать бы вне времени и пространства! Всё глубоко человеческое, в конце концов, условно, единственный смысл – божественное в нас, духовная личность. Но мне надо закончить труд до конца августа. Необходимо напрячь новый ритм. Иначе – нельзя. У меня ведь есть воля, у меня ведь есть дисциплина! И я вновь буду расти.

Всё же не хочу остаться в абстрактном идеализме. Всячески пытаюсь идеал согласовать с жизнью. Думаю, думаю. Часты такие моменты, когда вновь и вновь вижу, что слепой абстрагировавшийся идеализм может приносить отрицательные плоды, даже разрушать. Так и с Зентой, которая всё ещё не перестаёт (часто слепо) одних слишком идеализировать, других – уничижать. И во мне эта тенденция была в ранней молодости, но теперь я подхожу к человеку внимательно, чтобы не разочароваться и не причинить вреда. Ибо главное – по существу понять другого, перед «его Богом» встать, как же иначе тогда можно жить и любить?

Высшее – забыть все свои личные боли, мыслить только о другом, единственно о нем. Не окрашивать свои суждения и мировосприятие субъективизмом. Может быть, это трудно, но это – высшее, это единственная обязанность.

14 сентября. Около полудня

Сегодня я сдал Дале свой «Метафизический аспект Красоты». Ещё вчера до поздней ночи мы работали, сегодня утром отдал в переплёт и теперь, наконец, – свободен. Эти два месяца, начиная с 10 июля, прошли в чрезвычайном напряжении. Утром и вечером – писать, днём – ещё читать и собирать материалы, даже в поезде. Если бы не ходил на море купаться, если бы не использовал некоторые солнечные часы, не знаю, как выдержал бы. Но, может быть, больше всего помогал вдохновенный энтузиазм, с которым я писал, особенно – первичный текст. В последние дни стали болеть голова и глаза. В этом году не видел бы лета, если бы на дни Ивана Купалы не попали мы на природу. Полтора месяца отпуска прошло в основном за столом. У нас в этом году была небольшая, но приятная комнатушка на втором этаже дома родителей, где ароматы сосен и листвы и много солнца. И мой дружочек последние недели промучилась вместе со мной, перечитывая и переписывая мою работу. Я так привык к её советам, что мне было бы трудно жить одному. Я не знаю, что нас ожидает, но, быть может, нечто весьма тяжкое. В насыщенном труде некогда было задумываться, но теперь надо будет думать и думать. Эллу после длительной церемонии приняли в школу сестёр милосердия. Это было до Ивана Купалы, и 1 октября она должна приступить к работе. Но в таком случае ей от всего, от всего надо отказаться. Там она будет оставаться в течение дня, хорошо, если на какой-то час отпустят из больницы. И ночные дежурства, и уход за больными – хватит ли слабых сил Эллы это выдержать? И именно теперь, когда в нашем Обществе намечается большая активность, и как раз для женщины, Элле будет трудно расставаться. Но Элла хочет провести идеи практически в жизнь, а не остаться при теории: следует нечто делать, притом – великое, где можно всю себя отдать другим. Жертвовать собой – всегда и везде неизменно было наиглавнейшей заповедью её сердца. Но в жизни нередко приходилось жертвовать напрасно, силы растрачивались на мелочи, в то время как можно свершить нечто большее. Во-вторых, эта жертва помогла бы ей преодолеть трагизм в случае, если не будет ребёнка. Знаю, если Элла уйдет, жизнь нас обоих радикально переменится. Я останусь один, и какая ноющая струна вплетется в мою жизнь. Возможно, отчасти моя вина, что в прошлом году Элла не ушла. В этом году я не имею права отговаривать, ей самой надо сделать выбор. Но ведь это, в конце концов, нам надо делать совместно. Всё же я боюсь, что и там Элла истратит силы напрасно: не на то, ради чего жаждет жертвовать, нечто великое; вместо того, чтобы служить людям, надо будет исполнять мелкие технические работы, на которые способен любой другой. И, во-вторых, она в скором времени сможет участвовать в практическом строении нашего Учения. Ныне у нас на повестке дня создание женского объединения при Обществе Рериха, которое уже учреждено в Нью-Йорке. Собираемся два раза в неделю, читаются доклады, места из Учения, чтобы приготовиться официально вступить в контакты с другими женскими организациями. Для того, чтобы нечто новое дать и сказать, следует самим это вполне выяснить. Также учредим и детский интернационал, выполняя волю умершего гениального Серёжи.[1]

[1] Серёжа Витол, семи с половиной лет, написал Ф.Лукину письмо с просьбой «сделать общество для детей».

И от этих двух объединений тянутся нити к разным отраслям культуры. Какой только работы там не будет! Сколько потребуется сил и энергии! Там, именно наилучшим образом, наиболее непосредственно можно будет служить человечеству. Д-р Лукин берётся за свои планы с большим энтузиазмом. Теперь он всего себя посвящает Учению, об этом только мыслит и мечтает. И сможет он многое.

Радуюсь от всего сердца, что и мой друг всем сердцем входит в Учение. Стала бы она только свободнее от кармической зависимости, которая в её жизни чинила столь много препятствий, смогла бы она это преодолеть, загорелись бы великой энергией оптимизма её дух и тело, – и обрела бы она наконец способность осуществлять все свои самоотверженные мечты.

21 сентября. Понедельник, вечером

Вчера Лукин прочел мой доклад о красоте. Был сконцентрирован, доклад заинтересовал. В последние дни опять напряжённо работаю. Субботнюю ночь мы с Эллой не спали, она переписывала. Надо было заранее вручить Лукину для прочтения. Красота! Столь много думалось об этом, столь часто я пламенно возгорался. Но работа ещё не окончена. Ещё и ещё придётся возвращаться, чтобы дополнить, переработать этот труд. Ибо это – вопрос моей жизни, но Красота является и чудеснейшим основанием Мироздания.

23 сентября. 10 часов вечера

Мой милый друг, великую, священную жертву несущая. Ты идёшь от одних страданий к другим, и ни одна жертва тебе не кажется тяжкой. Сколь часто я слышал твой голос: жертвовать, отдать всё, всю себя, помочь слабому, поддержать и поднять больного и немощного! Но тебе самой ещё надо идти через школу страданий, чтобы приготовиться к ещё большим жертвам, чтобы на деле существенно могла ты помочь своему брату. Ещё и ещё. Но смею ли я с тобой идти рядом, когда мои страдания столь ничтожны перед твоей самоотверженностью? Ты пришла в мою жизнь как очищающий огонь, чтобы все нравственные вибрации переплавить, переплавить в небесную ясность.

Что только женщина способна терпеть! И с радостью, священной гордостью в сердце, когда верит, что её муки принесут кому-то другому благо.

Сегодня Элла опять была нервной. На миг повернулось ко мне её измученное личико. Большие страдающие глаза устремились ко мне из ещё неосознанного. Хочется верить, что на этот раз операция не будет тяжёлой. И всё же, всё же... Ещё иные чаши страданий не испиты. И новая боль их наполняет. Где конец сему? Когда же будет возможно из школы страданий вознестись гармонией, чтобы суметь других одарять благом, других учить, других осенять мудростью своего духа? Но ведь, страдая, мы учим других. Это сияние любви, невидимое для глаз, распространяется далеко в пространстве, глубоко в сердца близких людей.

27 сентября

Сегодня Стуре прочёл доклад о воспитании. Духовно насыщенная статья. Воспитание – краеугольный камень культуры будущего. Трудно разрешимый, но святой труд. Великое задание, большая ответственность. Больше всего преуспеет в воспитании именно женщина. Новая, одухотворённая, освобождённая женщина-мать. Но много ли женщин, которые способны войти в святилище будущего непорочными шагами? Великий энтузиазм снова проявил Лукин, несколько часов горячо интерпретируя статью Стуре. Энтузиазм ведь величайшая мощь в мире, именно он возведёт новое здание.

Я удивляюсь иногда, как духовно растёт мой друг, как нежданно вспыхивает её душа. Мне временами следует притихнуть, ибо я еще слишком слаб. Где надо показать бескорыстие, там она вся. Во мне ещё много неуклюжего субъективизма, она от этого освобождается. Быть может, это очищающее крещение страданий. Разве из боли не рождается великая просветлённость?

См. статью Н.К. Рериха «Благословенная Иерархия» в книге «Держава Света».

4 октября. Воскресенье

Ты – великая Мощь спокойствия, пусть Твоя Воля освещает наши пути, пусть Мысль Твоя в наших слабых намерениях пламенеет. Благослови нас в тяготах бессилия, благослови в крепости!

5 октября

Всё ещё смущение во мне. Ещё глубоко не осознал. Неужели я остался один? Один в своей квартире, днём и во тьме ночи, день за днём, на два года, быть может – ещё дольше. Неужели теперь мы, которые сплавились, срослись, сгармонизировались в одну душу, кто друг друга поддерживал, учил, очищал, – разорваны каждый в свою сторону? И неужели нам обоим придётся пройти под знаком одиночества, пить из ручья горной пустыни? Всё это мне ещё кажется невероятным. В душу издалека доносится гул неких властных колоколов. Победит труд, великая борьба, всеохватывающая сосредоточенность. Быть может, наше одиночество расцветёт аллеями роз? Быть может, озарится звёздами? Души наши, хоть издали, будут неизменно вместе, будут продолжать вместе вдохновляться, пламенеть, тосковать по Новому Миру.

9 октября. Пятница

Странно, непонятно, как-то невозможно поверить. Идёшь домой – никто тебя не ждёт, тобою не интересуется... Отправляюсь утром на работу, поднимаю по привычке, как ранее, глаза вверх на окна – ни один благословляющий, глубокий взгляд меня не провожает. Но всё же я преодолею, войду в ритм. Сердце у меня болит более всего о моём друге. Она говорит, что в целом чувствовала бы себя хорошо на новом месте, но у неё температура, видимо, последствия операции. И физически она слаба. Вчера мы были вместе в нашем кружке. Но по воскресеньям, очевидно, она не сможет вырваться, хотя это – главные дни. Мне это больнее всего, ибо ей придётся пропускать многие духом озарённые часы. Она всё же не вошла в ритм времени, читает и одна, но живительные импульсы приходят во взаимодействии.

Д-р Лукин вчера сказал: «Я ведь думал, что вы уходите на три месяца, если бы знал, что на два года "идёте в монастырь", то воспротивился бы».

Но Элла не хочет только теоретизировать, она хочет нечто практически реализовать. Она осознала всем существом, что единственная ценность – отдать себя. И отдать себя живым, страдающим, несчастным людям. Разве не лучше, чем отдавать себя одному, отдать себя многим? У меня всегда болело сердце о том, что у Эллы столь много времени уходит на домашнюю жизнь. Это слишком узко, слишком ничтожно, и не может наполнить человека. Где обрести широкое, всеохватывающее? И Элле, с её великой духовностью, с её большой нравственной мудростью, особенно следует идти поверх домашних границ. Мы выучили новую заповедь – чем труднее, тем лучше. «Я так воспитана, – сказала она. – Как же иначе духовно расти?» Жила бы дома – больше бы заботилась о себе. Там же – все труды и мысли сосредоточены на пользу других. Там, где последний акт действия трагедий жизни, куда люди приходят, принося плоды своих мук и горестей. Болезни тела по большей части – последствия болезней духа или конфликтов и кризисов духа. И, помогая человеку физически, можно помогать и духовно. Воистину – великое задание целителям будущего.

Это героизм: человеку с чутким сердцем лицезреть невыразимые страдания и не дрогнуть, преодолеть себя. Сегодня Элле шесть часов надо провести на операции. Первый раз в жизни! Как мой друг это выдержит? Мне это было бы чрезвычайно трудно, возможно, потерял бы сознание.

Хватило бы ей силы. Здесь опять новый порог судьбы в жизни Эллы. Все предыдущие пороги приносили столько неудач, сложностей, боли. Так ли будет и теперь? Но, быть может, путём сознательного самоотречения возможно преодолеть карму? Должна же быть какая-то возможность развязать все узлы. Может быть, судьба велела нам идти именно этим путём? Знать бы это ясно. Но ведь каждый опыт несёт, в конце концов, благо, и единственно руками и ногами человеческими нам надо прийти к развязке.

11 октября

Не могу выразить, как болит сердце от того, что Элла не сможет приходить по воскресеньям в наше Общество. Лукин с великим энтузиазмом руководит коллективными планами. Он даже ночами не спит, думая о Новом Мире. Как суметь сейчас же, малочисленными силами, действенно помочь в воспитании, помочь женщинам-матерям, родителям, воспитателям, художникам? Невыразимо много здесь проблем, требующих решения. Нам надо быть готовыми в скором времени вступить в контакт с другими. И быть готовыми ещё к одному великому делу – открытию музея. Согласно Высшему Указанию, Рерих нам определил несколько десятков картин. И эта честь оказана только нескольким городам. Открытие музея будет величайшим событием не только в жизни нашего Общества, но и всей Латвии, ибо этим оказано ей исключительное внимание. Всю важность этого факта можно будет по-настоящему оценить только в перспективе дальнейшей истории. Так, жизнь нашего Общества предвидится всё более насыщенной, увенчанной великими событиями и трудами. И, быть может, уже в течение года мы реализуем то, о чём раньше и мечтать не смели.

И вот, от всего этого Элле, быть может, придётся быть в стороне. Мы много думали – что же делать? Элла ведь не оратор, сможет ли она себя активно выявлять в Обществе? Она сомневается. Но она жаждет активности. Были бы ей доступны те священные часы недели, когда она могла бы присутствовать на заседаниях, и то было бы хорошо.

С самого начала она приставлена к операциям. Великое внимание, напряжение. Спрашиваю, может ли она переносить кровь и стенания? Отвечает: «Любовь всё может вынести. Нам ведь следует любить страждущих. Их кровь та же, что и во мне. Не кровью и гноем нам надо брезговать, но ложью и безнравственностью. Мы можем любить в другом и физически нечистое, ибо это человечно».

20 октября

Многое, многое было пережито, передумано. Раза два-три в неделю встречаюсь со своим другом. В воскресенье весь день мы были вместе. Хорошо, что она попала на заседание нашего Общества, много было значительного. Лукин повторил и несколько проектов, которые я в прошлый четверг ему вручил. И сам полон новых планов, в настроении нового пути Общества. Ждёт прихода картин. Стремится начать осуществление <планов>. Первая задача – выпустить с большими комментариями воззвание к женщинам. В четверг едет в Париж встретиться с мисс Лихтман[1], прибывающей из Индии. Обретёт много нового, надеется на духовную поддержку. Затем, наверно, отправится в путешествие по Европе – к некоторым обществам Рериха. Будет новый опыт, новые мысли.

В воскресенье я решил составить антологию, посвящённую матери, и теперь я – в напряжённейшем труде. Этот труд легче и чётче утолит тоску одиночества. Далее – надо писать и о Рерихе, в связи с ожидаемой выставкой картин.

Моему другу в операционном зале поначалу было невыразимо трудно. Тяжёлый, жаркий воздух, великое внимание. Главное – она сама только что поднялась после операции. Очень утомлена. Ночью получается спать не более шести часов. Теперь будто бы привыкла, сжилась. Только температура не спадает, опасается, как бы не уволили. Быть может, это к лучшему. Было бы хорошо, если бы судьба вместо нас думала и сомневалась. Жизнь бы у нас расцвела, возродилась. Есть тропы и дороги, где ум наш ничтожен.

15 ноября. Воскресенье, вечером

То, что я не осмелился взять на себя судьбу Эллы, определить её, что позволил Элле самой решить, возможно – моя наибольшая, наисерьёзнейшая вина. Женщина ведь ждёт, чтобы мужчина был активнее. Мужчине следует всё определить, взвесить, согласовать. Женщина ведь ждёт, чтобы некто более сильный вёл её.

Трудности, активность, труд – это всё теория. Трудности благодатны, если в них пылает сердце. Но если в них надо унижаться, идти через силу, терзать себя...

Элла становится всё нервнее. Если так продолжится долго, не знаю, что будет. Спать может шесть часов, почти восемнадцать часов – на ногах в напряжённом внимании и труде.

[1] Речь идёт об Эстер Лихтман.

И в старших сестрах, во врачах много духовной суровости, даже жестокости. Если нет обычной работы, заставляют делать нечто иное, не приходит даже в голову, что необходимы мгновения и для своей души. Если бы это было раньше, в юности, Элле было бы легче. Теперь для физического труда она слабее. И каждый нелюбезный жест ранит больше. Терзает и мысль: не напрасно ли всё это, в конце концов? Энергия исчезает с каждым днём, и, быть может, когда-то, когда придёт гость небесный, этой энергии уже не станет. И больше всего мучает издёрганная жизнь – женщине труднее всего служить двум господам. Оттого наши встречи нередко отмечены терновыми муками.

Я всё время думал: я отказался бы от всей своей радости, лишь бы у моего друга была работа, куда вложить своё сердце. И всё же я был жесток. Ибо я не понимал, что у нас общие радости и горе, что там, где у меня нет радости, и Элле радости нет.

Я склоняю голову, я не знаю.

21 ноября

Сегодня, наконец, принят мой кандидатский труд. Дале сказал, что он принадлежит к таким работам, которые из-за своей большой своеобразности подлежат или вообще отвержению, или значительно высшей оценке. Он – за последнее. Подчеркнул большую цельность работы. Это рассказал Целм в гостях у Зенты, описывая и свою отважную борьбу против духа клики в учёном совете. Наконец, пройдены дороги высшей школы со всеми своими многочисленными тёмными тенями. Именно у учёных, которым следует быть для всех образцом братства, человечности, великой чуткости, этого часто не хватает. Когда же придёт новый дух, великая волна духовности, когда и философам и филологам больше не будут преподавать схоластику или сухие положения, но живую жизнь, живую душу и одухотворённое Мироздание?

Свою «Книгу о Матери»[1] я завершил, насколько смог найти материалы. Торопился. Сегодня обошёл издателей. Всё напрасно. Придётся отложить, и смогу ещё дополнить и подумать. Сам тоже не смогу издать, ибо все учреждения уже затронул «экономический кризис» и у меня самого все эти дела сильно осложняются. Но верю, что управлюсь сам – «руками человеческими», как и до сих пор, без милостей издателей.

22 ноября. Воскресенье, вечером

Приехал Лукин. Сегодня вечером нам, старшей группе, он рассказывал о своих впечатлениях. Начал с того, что сообщил о некоторых близких нам личностях, об их кармических сложностях. Мы всё это чрезвычайно переживаем. Ибо мы не судьи, но хотим быть помощниками.

Далее Лукин с большой пылкостью подчеркнул, что началась новая эпоха, новая жизнь, когда и взглядам на жизнь надо меняться. И от нас теперь требуется активность, и нам надо быть готовыми к любой жертве. Теперь недопустимо быть «тёплым», надо быть «горячим» или «холодным». Мир просыпается. Мы теперь вовлечены в ряды активных борцов. И нашему Обществу в Риге оказывается особое внимание и поддержка.

Кто-нибудь другой был бы утомлённым после длительного путешествия. Лукин – с новой великой энергией и энтузиазмом. Этические нюансы и представления в нём стали ещё яснее. Знаю, что и во мне зреет океан энтузиазма. Были у меня годы экзаменов, не было возможности выявиться. После доклада Лукин спросил нас: «А теперь скажите, что вы за время моего отсутствия совершили?» Конечно, спросил с улыбкой. Когда не ответили, спросил меня, готова ли моя книга? «Готова», – сказал я. У него будто бы есть для меня какая-то весть (письмо?) от Владимира Анатольевича. Жду с большим интересом.

Сегодня ночью я спал неспокойно. Под утро, во сне боролся с какими-то людьми, наверное, под влиянием слышанного вчера, что Целм рассказывал о своём отце как о физически совершенно бесстрашном человеке. И внезапно в воздухе всплыла маленькая вырезка из какой-то русской газеты, серая, скромная, где буквами покрупнее было напечатано «Учитель», но дальше я не успел прочесть. Сразу проснулся и не мог понять, что это значит. Возможно, есть какой-то смысл.

[1] «Gramata par Mati» *(латыш.)*.

Лукин опять мне сказал, что он думает, что всё же не было смысла Элле идти в медсестры, ибо у нас самих в Обществе будет много работы. Я сказал: в этом случае она, согласно закону соизмеримости, откажется от школы <медсестёр>, но пока она практически работает там, и Учению всё же следует.

6 декабря. Воскресенье, вечером

Сегодня вечером у нас опять серебристые, нежные мгновения, когда мой друг со мной. По четвергам встречаемся только в Обществе. Теперь работа несколько легче, но спать всё же у неё времени остаётся мало, и совсем не хватает его для своей души. Больные Эллу полюбили, называют «милой сестрой», ждут. Знаю, любви в Элле много, было бы сил столько же!

Нет во мне того спокойствия, которое было когда-то. Обо всём слишком переживаю, долго и глубоко, наверное, не надо так мучиться. Не думаю, что это нервность. Я всегда в работе, но нет больше единой работы, в мелких делах душа крошится. Но жажду и жажду чего-то одного и большого. Энтузиазма во мне столь много, но зачастую он ржавеет под туманом. Светом загореться – это моя молитва!

27 декабря. Вечером третьего дня праздника

Что за власть нас опять оторвала друг от друга? Сорок восемь часов мы были вместе. Разве нет у нас многого, за что вместе бороться, вместе решать, о чём вместе мечтать и реализовывать? Неужели наш совместный труд изо дня в день не был бы ценнее и насыщеннее внутренней радостью и энтузиазмом, нежели теперешний? Был бы это путь служения, которым идём, знали бы мы, что этим кому-то творим благо, не возникало бы тогда этих вопросов. И я всегда нахожусь в лучшем положении, чем мой друг. Пусть бывает мне одиноко, пусть иногда жутко грустно, но она чувствует себя как солдат в казарме. Нигде ни любви, ни тепла. Духовная чужбина, и это нелегко. Всё же чувствую, что скоро всё решится. Новый год – будет и новая перспектива в судьбе.

В Обществе боремся теперь за Знамя Мира Рериха. Сегодняшний день Американское общество <Рериха> провозгласило Всемирным днём Знамени Мира Рериха. Нам они велели обратиться ко всем церквам, чтобы они говорили об идее мира и прочли послание Рериха о мире и культуре[1]. Во многих местах обещали, но в конце концов обманули, всё – безуспешно! Особенно Доктор с такой решимостью взялся за дело. Он и ходил к главным представителям церквей. Самым горячим образом пытался он убедить Ирбе, но тот не обещал. И так лучше, ибо другие обещали, но обманули. Я, со своей стороны, хотел где-нибудь напечатать об этом дне. Но у нас ведь нет прессы. Какой грязью облеплены двери любого периодического издания! Надеялся прочесть речь по радио, но – поздно. Разрешили только информацию. Зато обещали разрешить лекции на другие темы, потом. Несколько дней я переживал, как много энергии приходится растрачивать напрасно, сколько часов, а зачастую и дней. Но затем подумал: разве устремление в благом направлении, разве самая горячая мечта и поиск уже не приносят столько же, сколько внешнее осуществление, ибо возвышенные мысли насыщают пространство!

Начинаю ближе соприкасаться духовно с другими членами Общества. Изредка из Вентспилса приезжает Стуре, высоко развитый человек, как и его сыновья и дочь, обладающая способностями ясновидения. Есть у нас Валковский, светлая душа, радостно отдающий всего себя Учению. Есть госпожа Иогансон со своим ментальным взлётом. Ещё несколько весьма развитых людей, хотя со своими особенностями. Наконец – ближе схожусь с Залькалном, он моих лет. Залькалн по четвергам часто ночует у меня, ибо живёт в Огре – ради праны. Если бы не сложились у нас нынешние условия, мы бы тоже в этом году искали квартиру в Межапарке.

И прежние знакомые и друзья как бы отдаляются. От всего сердца хотел бы, чтобы они смогли загореться в едином Учении, которое увлекло бы их в потоки гармонии. Витинь строит дом. Зента написала труд о Достоевском. Я прочёл, и, хотя достаточно идеалистических моментов, многое было для меня непреодолимо чужим. Недавно она заболела, была трудная операция.

[1] «О Культуре и Мире моление».

Новое испытание ей, которая и без того испытана более других.[1] И её выздоровление идёт медленно. Кажется, духовно новые побеги распускаются в её душе. Джон Цухо, который когда-то казался летящим ввысь, теперь стоит в середине между взглядами новыми и старого мира, и мучается (и, может быть, иногда тяжело) одними и теми же вопросами. Реинкарнацию он ещё не может принять, но христианские взгляды более не удовлетворяют. Мои аргументы оказались напрасными. Но его настоящая религия – музыка. Там он становится другим, там – его дом.

Но мы всё же только путники, и благо тому, кто идёт, кто ищет и жаждет.

29 декабря. Вторник, вечером

Был только что в гостях у Алексеева в Агенскалне. У его девочки, которой недавно минуло десять лет, недавно открылся высший центр – Кундалини.[2] Чудесно развитый ребёнок. Полностью всё переживает и понимает в духе нашего Учения. И главное: слышит и разговаривает с астральными существами, духами. У каждого человека есть два водителя (руководители – ангелы-хранители с момента его рождения) – женщина и мужчина. Они его сопровождают на каждом шагу, всю жизнь. Вот – самопожертвование. Они – высшие духи. Они сами учатся и ведут других духов, учащихся у них. Меня перед праздником изумил Алексеев, сообщив, что в моей квартире будто бы живут духи. Тогда ещё я не имел об этом понятия, был глубоко поражён. Дело в том, что в квартирах у людей, где чище эманации, будто бы собираются многие приверженцы Нового Учения, есть как бы «школа» и в Риге, у Алексеева, и в Вентспилсе, у Стуре. Есть ещё много развитых людей, но у них в квартирах нет «духовной чистоты», имеется жена или кто-то другой, кто не согласен с Учением, ест мясо и т. д. Я уже давно стал полным вегетарианцем, даже рыбу больше не ем. Я жажду устроить свою жизнь в идеальном порядке, а этого ведь так трудно достичь. И сегодня вечером я услышал множество советов, напоминания о том, чего ещё не исполняю. Надо бы и вставать очень рано, и ещё больше отдавать себя работе. Я хотел услышать и о судьбе Эллы, но в кармические дела руководители не вмешиваются, всё надо решать своим свободным умом. Об Элле вначале сказали: «На работе – хорошо, если в силах Учение передавать другим». Позже всё же добавили, что им сказано, что если бы Элла была дома, то могла бы больше отдаваться Учению. Элла ведь и на работе думает и учится, но у неё остаётся так мало времени. Но Элла не столько хочет много читать и размышлять, как *в качестве исполнения Учения отдавать всю себя людям,* отдавать именно в жизни, именно живому человеку, брату, хочет служить несчастному. Однако в следующем году решится её судьба, ибо 1932 год будет началом громадных перемен.

Девочка сообщила, что на праздники нас дома посетил Учитель. Был Он и в Обществе в Рождественский вечер, когда у зажжённой ёлки было мгновение молчания[3] и Валковский читал чудесную, возвышенную поэму. Он показался сидящим на серебряном стуле, и Его сияние было столь велико, что потускнели все свечи. Но наши физические глаза были слишком слабы, чтобы воспринять это.

И Учение говорит о Руководителях. Но тогда мы ещё не понимали. Теперь это вдвойне ясно. И знаки Учитель шлёт через них. Он эти знаки превращает в символы, которые видящему их следует самому истолковывать. Их часто видит Лукин, видит их и Стуре.

Я своим водителям дал имена Ритта и Ритварс – имена героев моей драмы. Они стали сейчас же нашими. Ощущаю над собой их приветствия, и я сам, отправляясь на свой одинокий отдых, со светлой любовью их поздравил.

31 декабря. Вечером, 1931 год

Все ещё слышу голос <Эллы>: «У меня так мало физических сил. Но если бы я знала: то, что я делаю, – хорошо и верно, у меня появились бы силы, и я смогла бы всем жертвовать. Хорошо тем великим отдающим, которые знают, чему посвятить силы и жизнь, которые знают свой единственно правильный путь...

---

[1] З.Мауринь была частично парализована с детства после полиомиелита.

[2] В эти годы у членов Общества было ещё мало знаний, и они не смогли отличить медиумизма от высокого состояния открытых центров. Им казалось, что у ребёнка не может быть нечистых проявлений.

[3] Время для краткой молитвы.

Когда я оглядываюсь назад, на эти три месяца, которые прошли у меня в "Красном Кресте", я чувствую – второй раз это пережить и перенести я бы не смогла. И всё же я бы там работала все оставшиеся двадцать месяцев, если бы этим могла помочь людям и воплощать Учение в жизнь.

Сколь тяжела там психическая атмосфера! Нет братских отношений. Младшее поколение – оно ведь этого и не ищет».

Мы много думали, говорили. Что это было за веление, которое заставило Эллу идти этим путём? И с какой целью это ей велено, если опять Элле всё придётся прекратить? И, быть может, прекратить уже – истратившей силы.

Это, кажется, уже подошло.

Наступивший день, последний день старого года, возложил свой терновый венец на всё пережитое: борения, тоску и боль. Элла опять больна, думается, в связи с тяжёлой работой и, быть может, реакцией после операции. Я согласен терпеть всякие трудности, страдания и борения, но ведь эта болезнь может оказаться трагической для всей нашей жизни. О, мой бедный, милый, наимилейший сердцу друг! Иди ко мне, будем вместе страдать, рука об руку, вместе будем учиться, вместе помогать друг другу и другим людям. Я буду за тобой ухаживать, пока ты не зацветёшь в новом свете, в мирном согласии.

Сегодня Элла была у врача. Вечером поднимается температура, вся исстрадалась. Всё же ушла обратно в больницу. Ещё, по крайней мере, сегодня, она иначе не могла. Хочет, чтобы и там её исследовали. И не бежать оттуда желает, но глубоко вслушаться в голос судьбы.

Чем будет для нас год грядущий? Год трудностей, год горькой чаши! Пророчества предвидят это всему человечеству, отчего же нам одним оказаться стоящим вне этого круга? Главное – сохранить бы среди всего внешнего беспокойства покой души и ясность духа. Об этом сердцем молю, пусть осенит нас покоем своим хотя бы малейший лучик от Луча нашего Учителя.

1932

3 января. Вечером

Слышу:

– Давай же сплетёмся в единый венок! Плотно, неразлучно! Друг друга поддержим, разовьём стремительно, будем быстро расти.

Затем – снова голос:

– Но не будет ли это корыстью – желать хоть немного своего счастья, уходить от трудностей, хотя и болезнь заставляет? Разве не всё – служению?

– Дружочек, не забывай, ты больна. Если разрушишь себя физически в начале, как ты сможешь быть активной потом? Ибо нам все силы надо взращивать для творения Чудесного Небесного Царства.

Ты шла с мечтой – служить людям. Но прикоснуться к живому человеку, к его исстрадавшимся телу и духу ты почти не смогла и вряд ли сможешь. Служить людям ведь значит – служить в любви, озарять брата своего любовью. Но прошли бы многие месяцы и годы, пока появилась бы у тебя такая возможность. Теперь бег времени столь неудержимо стремителен, что каждый час, каждая минута дороги. Быть может, на ином пути скорее сможешь добраться до пылающей души человека, до живой жизни. Увидишь, судьба и совет сердца предоставят тебе новую возможность и пошлют новое понимание. Но стань сперва здоровой, обрети новые, гармонией расцветающие силы.

4-6 января

Мой милый друг опять дома.

31 января. Воскресенье

Сегодня наше Общество перешло в новое помещение на улице Сколас, 29. Теперь красиво, по-домашнему устроено. Возможно – и новый, ещё более бодрый дух придёт сюда с нами.

Быть может, все члены нашего Общества и не осознают столь ясно, духом и кровью, какое безграничное счастье дано нам, что мы можем участвовать в возведении фундамента Учения. Нас ещё так мало – единственно в Риге, Нью-Йорке и «Урусвати»[1], но вскоре нашему движению опоясать следует всю планету. Разве нам не положено ликовать, что дана нам возможность проводить самые первые борозды! Оттого и наш Доктор с таким великим энтузиазмом сердца берётся за реализацию Учения. Ибо он действительно понял его.

Работаю более месяца, разыскивая и систематизируя положения-Указы. Масса ещё и других работ. Полки и столы заполняются непрочитанными книгами. В заметках – так много планов.

Мой друг две недели пролежала, теперь ходит в Общество. По вечерам – температура. Целыми днями читает Учение, возвышенные книги. Вместе размышляем.

21 февраля. Воскресенье, после обеда

Сегодня собралась первый раз в нашем Обществе третья группа – полностью латышская. Был я на этот раз не только сильно заинтересован, но взволнован и встревожен, ибо из 14 гостей 9 – знакомые Эллы и мои. За некоторых я опасался, войдут ли они в общий ритм. И Зента – наконец! Но о ней более всего сердце было не на месте. Знал я её прежнее умозрительное сопротивление идее перевоплощения. И подобное – во многом другом. Как часто с ней спорил. Но она сама на этот раз желала прийти. И, быть может, зародятся в её душе новые предчувствия. И наше Учение – её единственное спасение. Правильное осознание мира ей необходимо, во-первых, для достижения личностного равновесия. Так, ещё несколько дней назад она чувствовала себя совершенно поражённой в связи с какой-то критикой. И такое не редко. Затем – она почти каждый вечер читает лекции.

[1] Имеется в виду Институт гималайских исследований, основанный семьёй Рерих в Кулу. Издавал журнал на английском языке: «Journal of Urusvati Himalayan Research Institute» («Урусвати»).

Был я на её лекции «Гениальные люди» и понял, что суть гения может уяснить единственно тот человек, который стоит обеими ногами на основах эволюции. С того времени, как я начал познавать Учение (как давно всё!), во мне исчезла тяга к проповедованию, к обнародованию своих статей.[1] Понимаю, чувствую, как слаб я ещё в знаниях! И есть многие, которые знают больше, но не они пишут, не они читают лекции. Ибо они ощущают свою немощь перед великим океаном знания, и, чтобы что-то сказать народу, чтобы *учить* других, следует быть хорошо и глубоко подготовленным. Поэтому войти в Учение, возможно, легче смогут люди с меньшим интеллектуальным багажом, у которых не будет мнения, что они много знают и способны уже что-то дать. И всё же, учась, мы даём. Может быть, всё-таки лучше дать малое, нежели совершенно молчать перед своими ближними? Возможно, придёт время и нам вновь активно выйти в жизнь. У нас есть проект учредить курсы для матерей в чисто духовном смысле, и я много размышлял о программе. Также я согласился бы написать серию книг, если бы нашёлся издатель. Доктор обещает. Но его задача, в первую очередь, финансировать книги Учения.

Я присутствовал на собрании в младшей группе. Доктор говорил с таким светлым энтузиазмом, как никогда! Он действительно уже развил в себе большие способности духовного вождя. Он способен так много работать, гореть и не уставать.

Жажду развития. Это – моё глубочайшее желание.

20 марта. Вербное воскресенье

Держу в руках свою новую «Книгу о Матери». Белая, ясная, хрупкая. В муках рождённая. От светлого лика её грустные струны трепещут.

Странно, но все мои книги появились в марте или хотя бы до Пасхи. Так и теперь. Когда течение времени приближало этот благоприятный для меня месяц, сам предложил услуги издатель для моей книги – Роман Шмидт. Оставалось только две недели до Вербного воскресенья. Поэтому я еще раз спешно просмотрел материалы, около двух листов выбросил. Большим помощником и советником здесь была мой дружочек. Надо было ещё отшлифовать введение. Успел прочесть четыре листа корректуры и – внезапно заболел гриппом. Четыре дня температура была около 39°. Тяжело было на сердце от того, что надо читать корректуру, а я не в силах сделать всё, как мне хотелось. Удручало и то, что Зента написала об идее Матери и просила меня обязательно поместить её текст о статуе Матери на Братском кладбище, работе скульптора Зале. И, когда я в конце концов этого сделать не смог, она, кажется, обиделась. Зента ведь проповедовала здесь бессмысленность страданий, в то время как я всё оцениваю перспективой будущего. К каждому «так есть» присоединяю «так надо». Поэтому мы и расходимся иногда во взглядах. Она преподносит молодёжи идеализм, но сквозь всё это у неё, так же как и у Целма, просвечивает бессмысленность жизни. И это может быть весьма опасным для молодых душ, которые хотят довериться кому-то, кто в знаниях посильнее. Второй моей заботой было – не хотелось обидеть Малдониса, которого Шмидт пригласил написать для моего сборника, но принять его в число своих авторов я внутренне не был способен. Но в конце концов всё счастливо завершилось. Теперь занимаюсь дарением своей книги. Дал старшей группе нашего Общества, послал (согласно предложению д-ра Лукина) и в Индию Николаю Константиновичу, Юрию Николаевичу, Владимиру Анатольевичу, затем – П.Донову и т.д. Хотел бы теперь поменять квартиру, переехать в Межапарк. Надо бы основательно заняться пранаямой, ибо мои лёгкие невесть какие крепкие. И я был изумлён тем, что заболел. Я понял, что психической энергии во мне ещё мало, если ежегодно болею. Одним лишь духом здоровья не накопишь, необходим воздух, сознательное дыхание. Жить надо в местности, где сама природа полна бодрыми эманациями.

17 апреля. Воскресенье, половина третьего

Как жажду я научиться видеть в другом человеке только божественное, но не бесовское! Мог бы я уже инстинктивно утверждать и поддерживать в другом всё благое, но не критиковать и не осуждать отрицательное. Всё больше чувствую, что осуждение ведёт не вперёд, а назад. Только подстрекает противоборствующие силы.

[1] У Р. Рудзитиса было немало дидактических работ.

В этом смысле я нередко грешил. Лучше утверждал бы я в другом человеке его хорошее, разжигал бы постепенно ещё больше, разве успехи не были бы ошеломляющими? Теперь начинаю особенно ясно понимать позицию Рериха. Он всюду находит общий язык, взаимопонимание, среди его друзей и папа Римский, и Далай-лама. Он в каждом видит положительную искру, приветствует её, желает расширения этого положительного и таким образом утверждает в другом Бога, утверждает заповедь «Господом твоим». Я много размышлял, к примеру, дарить ли мне свою книжечку и тем, кто, быть может, в чём-то оскорбил принципы этического величия? И где же граница? Может быть, это только ненужный предрассудок? Возможно, моё сближение принесло бы только благо? Тревожили меня некоторые мысли. Что, если как раз тем необходимо давать, с теми общаться, кто преступает космический закон? Ведь всё-таки какое-то сознательное или несознательное впечатление можно произвести, даже если оно будет подобно касанию лепестка цветка.

Читаю:

«Единственно, кому дозволено судить, – Нам, но не вам. Ибо Мы видим всё, но вы можете видеть весьма мало. Вам нет дела до недостатков других. Сперва исправьте свои».

Разумеется, видеть следует как благое, так и злое. Но всё нужно преодолеть любовью. Любовь умножает благо в человеке десятикратно.

*

Вечером

Странно, но именно этим вечером я встретил в гостях Алию Баумане. Она упрекала меня, что я поступил опрометчиво и резко раскритиковал её вместе с другими – за «лёгкий жанр». Прошло уже более трёх лет, но, кажется, это всё ещё лежит у неё на сердце. Баумане говорила, что волна эротичности захватила в том году всю латышскую литературу. И она в своих рассказах поддалась эротической игре. Но это не было её сутью, о чём можно судить по её стихам. Я сказал, что каждый день вносит изменения в человеческую жизнь, а тут – долгих три года! Теперь я смотрю совсем иначе. Не признаю больше критику или отрицание индивидуальных явлений. Бороться следует единственно против коллективных заблуждений. Но понимать надо и коллективное. Бороться против индивидуального следует не отрицанием, но утверждением положительного. Знаю, что оплошал с чрезмерной остротой критики. Но человек непрестанно растёт. Эволюция есть его суть. И Баумане, наверное, более не та, что была несколько лет назад. Оттого к человеку, и особенно к писателю, всегда следует подходить с точки зрения эволюции. Кто же осмелится ошибки юности приписывать седой старости? Но критики и биографы это зачастую делают, поэтому преподносят образ писателя весьма искажённым.

Некоторые утверждают, что острая критика нечто и тушит. Но куда деть огорчение, ненависть и даже нарочитое упрямство? Не лучше ли там, где сгущается тьма, усилить свет? Всеми силами и всем сердцем.

23 апреля. Суббота

Вчера собралась первый раз группа «профессоров» в нашем Обществе.[1] Д-р Лукин пригласил их обсудить и выяснить существеннейшие и острейшие вопросы. Явились: Янек, Юревич с супругой, Линтер, Р.Бангерский, Вейнберг. От нашего Общества – г-жа Иогансон, Ал<ексеев> и я. Жаль, что не пришли Дале, Кундзинь и другие. Не было «теологической оппозиции», Р.Бангерский ведь теософ, Янек тоже близок нам, Линтер – весьма своеобразный человек эмоций, хотя и погрузившийся в глубины высшей математики. Доктор коротко сказал о Новой Эре и сути Восточного Учения. Дебаты устремились к тематике взаимосотрудничества и к женскому вопросу. У женщины в будущем путь к прекраснейшим высотам. Творческое начало пересилит разрушительное.

17 мая. Третий день праздника Троицы

Пробуждение весны празднуем в Ропажи. Природа внезапно преобразилась, в один день расцвела черёмуха – волшебство солнца. Хмелею, насыщаюсь. Какое дыхание! Сосновый аромат столь живителен! Берёз касаясь, душа ликует радостной зеленью!

[1] Е.И. и Н.К. Рерих просили, чтобы в Общество приглашали деятелей науки и культуры.

И чего ради вместо этой расцветающей тишины мы должны быть замкнуты среди грязных сорняков города? Осенью переедем в Межапарк. Ныне окрылил нас иной план: задумали путешествовать по зарубежью. Пожить месяц в горах Тироля среди горного воздуха. Тишина, свежесть – моя давняя и вечная мечта. Чувствую, что нигде я не смог бы так творить, так жить, как в горах, там, где земля касается небосвода. Без конца, без меры тоскую по необозримым горизонтам, по высотам, которые освободили бы меня хоть немного от оков. Разрабатывал планы, и родился замысел посетить Северную Италию: Венецию, Флоренцию, Милан. Как окрылила эта мысль! Но вместе с тем – некая тяжкая тайная грусть: не грешим ли мы, думая о зарубежье, когда кругом так много безработных? И не будет ли эта грусть сопровождать нас и там? Но я ведь считаю путешествия необходимейшей пищей для души, обновлением своего духа, вторым «университетом». И Учение то же самое многократно подчёркивает: «Учитель посылает в путь!» Кроме того, перемена обстановки лечит нервы, закаляет характер. В случае необходимости я мог бы и отказаться, но разве теперь это нужно? И, в конце концов, разве не поеду я больше в счёт долгов, которые при других обстоятельствах не рискнул бы на себя взваливать? Но до этого ещё месяц, и многие изменения могут произойти. И мой друг ещё не совсем здорова, систематически теперь лечится. И не будет ли слишком трудным для неё путешествие? Но я знаю её великую энергию, которая, пробудившись энтузиазмом, может исцелить, может победить всё.

28 мая

Уже давно начало побаливать у меня сердце, иногда даже весьма жестоко. Может быть, воздействия событий эпохи, которые всё сотрясают? Смею ли я думать о себе, когда весь мир кровоточит? Испытания одно за другим. Где мощь духа Твоего, мой Учитель, прикоснуться хотя бы к отблеску Луча Твоего!

31 мая. Вторник, вечером

Сегодня я получил письмо из Индии от Н.К.Р. и Вл. Шибаева. Они благодарят за «Книгу о Матери» и с тёплой признательностью одобряют мой труд. Н.К. столь чуток и внимателен к каждому человеку! В его универсальной деятельности тысячи дел, но он всему находит время. Научиться бы мне так, ибо, хотя я всегда что-то делаю, часто бывают отливы, и мой труд становится медлительным, непродуктивным. Радуюсь посланию!

14 июня

Разве не грех теперь думать о прошлом, когда каждую мысль, каждое воспламенение чувств надо посвящать будущему? Не следует ли теперь отдавать всего себя творческой работе, созиданию лучшего, более прекрасного мира, и разве минувшее, хотя и прекрасное, не тянет назад? И если весь земной шар окутывается неким грустным предчувствием, смеем ли мы отдаваться единственно своей радости? Это меня снова, опять и опять, неизменно удручает. Но разве сам Учитель не зовёт к радости, и разве восторг и упоение красотой не есть лучшее Его угощение? И разве моя радость не есть радость и для всех, ибо я ведь желаю передать её другим, хочу красоту прошлого и настоящего одухотворить могущественными видениями будущего.

«Чем утвердите меру дел ваших?

Если дела имеют полезность для всего мира, то и мера хороша».

Я ведь желаю не бездельничать в зарубежье – хочу начать записки странника и, если смогу на какое-то время остановиться в горах, мечтаю начать книгу для детей о государстве будущего. Ибо чувствую, что атмосфера гор сможет возвысить меня более всего. Всегда я ощущаю тяготы окружающего. Нам уже давно следовало переехать в Межапарк, о чём только недавно мы приняли решение. Разве в пыльном мареве города не облипают сажей лучшие силы?

Путешествие приходится отложить на конец июля, ибо мой друг ещё не совсем здорова. Некоторые врачи говорят даже о воспалении аппендикса, в чём другие всё же сомневаются. Ей необходимо восстановить силы, нужна клубничная диета, иначе трудно ей придётся.

В нашем Обществе радость – на прошлой неделе пришли картины Н.К. Рериха.

В связи с этим – новые задачи. Осенью начнём весьма активно действовать. Теперь Доктор велел старшей – второй группе – изложить «свои размышления в связи с Агни-Йогой». Долгий, дисциплинирующий, но благодатный труд. Из нашей группы согласилась на это только половина. Так и передо мной раскрывается простор громадного труда. Я помышляю и о религиозной антологии. Но главное – желаю перенести своё сознание ближе к великолепной весенней природе, с которой пока общаюсь весьма редко.

24 июня. На Ивана Купалу

Вчера и позавчера мы путешествовали по Кандаве и Сабиле. Больше всего нас радовали цветущие луга. Но сердце восхитила река Абава со своими «дочерьми» Имуле и Амулу. Вновь глубоко взволновали нас холмистые просторы. В Бусесе неожиданно встретились с несколькими знакомыми. Незабываемым останется в памяти поход на Иванов вечер в Сабиле навстречу заходящему солнцу. Долго, долго оно заходило, казалось, что всю ночь до утра будет наряжать мир в пурпур и золото. Как всё сказочно окрасилось, как неугасимо мерцали лиловым отблеском ряды берёзок на дальних берегах. «Чего стоят все твои просторы по сравнению с солнцем!» – слышу голос своего друга. Какими мизерными светлячками казались многочисленные огни Иванова вечера перед пламенеющим горизонтом на закате. Солнце – обитель высших духов, оно существует, чтобы обновить не только наше тело, но и дух.

2 июля. В субботу

В связи с антивоенной конференцией, предложенной Роменом Ролланом, наши писатели, стоящие ближе к левым кругам, выпустили воззвание против войны. Меня пригласил Курций, и я тоже подписал. На страницах «Латвияс Вестнесис»[1] я и сам когда-то немало боролся против войны. Но в воззвании была одна фраза, с которой я не мог полностью согласиться, и об этом спорил. Идея мира ведь должна входить в жизнь вне всякой партийной окраски! Но решиться надо было немедленно. И разве в этой фразе не была и своя правда? Разве, в конце концов, левые со своим активным материализмом не стоят ближе к истине, чем правые и безразличные, которые не признают не только социальное, но и душу? И, думаю, разве неподписание не было бы такой же самой придиркой к слову, как и то, что я пережил, участвуя когда-то в крещении?

Быть может, это было испытанием для моего духа на сообразительность? Я ведь ещё только расту, и, возможно, на иной ступени опыта я нашёл бы иное решение.

30 июля. Суббота

По большей части я уезжаю в Меллужи. Там у нас хижина в тишине сада, творческую работу вести трудно, живём в основном на природе, ограничиваем себя финансово насколько только возможно, чтобы можно было осуществить наш обширный план – Италию. Мы прочли много книг, много чувств и мыслей улетело туда, поэтому отказаться было бы невозможно. Начинаю теперь оформлять документы. Писательские билеты получил уже давно, но труднейшим оказалось – вывезти валюту. Моё первое заявление отклонили. Ходил я к «более влиятельным» личностям, пока получил разрешение. В разговоре с одним членом валютной комиссии меня поразило, сколь узко наши ведущие чиновники смотрят на духовные ценности. Хотели бы запретить ввозить и научные книги. Далинь[2] – то же самое, что культура. В тот день я так расстроился, что всю ночь бредил, и вчера и сегодня чувствовал себя совершенно разбитым. Не умею спокойно, «с улыбкой», открывать все двери, ещё столь сильно переживаю каждое прикосновение к жизни. Ощущаю я и весь трепет эпохи, пертурбации политические и материальные. В Германии, в Италии – всюду что-то бродит. События приближаются. Мой друг говорит: «Лучше пусть приходят события, лишь бы колесо эволюции скорее двигалось вперёд». И действительно, эволюция человечества теперь должна стать всё более стремительной. Сквозь сгущённую тьму всё ощутимее свечение неизвестных лучей. Грядущее просыпается. И я полон им. И если поеду в Италию, то только для того, чтобы оценить прошлое в свете красоты будущего.

[1] «Latvijas Vestnesis» *(латыш.)* – «Латвийские ведомости».

[2] Речь идёт о легкоатлете Янисе Далине.

Писал и об Агни-Йоге. Чувствую, указы таким путём вковываются в дух и в кровь. Занятия нашей группы временно прерваны, чтобы впоследствии продолжиться с новой силой. Жаль, что некоторое время не буду среди духовно родственных мне людей.

Перелистывая «древние» страницы своего дневника, чувствую, что за время, пока находился в Саду идей Учения, я вырос и кристаллизовался. Раньше многое заставляло меня медлить и сомневаться. Теперь обрёл я свою основу – пособразительней и попрочней. Главное, нравственные Указы на струнах моей души трепещут благозвучнее с каждой минутой. Однако новые испытания приходят вновь и вновь, и заставляют делать дальнейшие шаги. А когда нечто уже совершено или сказано, появляется ощущение, что всё же наверняка я испытание не выдержал так, как полагалось, что можно было быть чутче, сообразительней, определённей. Но всё же каждое испытание неизменно приносит мне благо для будущего – урок, который запечатлевается в глубинах духа.

3 августа. Среда, утром

Сегодня утром отправляемся в новый путь.

«Господь духа моего, не покинь странника! С Тобою не страшусь моего неведения. Проведи, Благословенный, тропою, Прикоснись к очам, чтобы узреть Врата Твои!»

4 октября 1932. Вторник

Милый друг, неужели действительно величайшее чудо мира явится к нам – к тебе и ко мне? Неужели на самом деле с дальних южных гор пришёл к нам Гость – жданно-нежданный, прекраснейшее из прекрасного, наследник мира иного?

Это священно-милое существо, неведомо-ведомое, примем мы как дар из рук Учителя.

18 ноября

Проспект Висбияс, 30, кв. 2. В Межапарке

Уже с 1 ноября мы в новом жилище. Как много чудесных восходов и закатов солнца мы уже успели увидеть. Кругом сосновый аромат, прана. Чувствуем, приблизится восхождение жизни. Как же мы смогли десять лет прожить без воздуха и солнца?! Но теперь открывается осознанное будущее.

4 декабря. Воскресенье, утром

Вчера вечером, отходя ко сну, мой друг разговаривала со своим нежным Гостем. Когда потушили свет, перед её глазами возник целый ряд больших, чудесных звёзд с фиолетово-зелёными краями. Она была крайне изумлена. И звёзды всплывали всё больше и светлее. Впервые в её жизни. Было ли это приветствием от прекрасного Гостя?

24 декабря. Рождественским вечером

Только что в нашем Обществе был Рождественский вечер у ёлки. Какая была окрылённость! Молитвы Доктора, красота Ведринской и других. Овеянные особой глубиной, открывали в сердце источники невиданного света. Взоры всех сквозь пламя свечей обращались в будущее, к Новому Миру. Устремление, устремление! Чувствовали мы близость Луча Учителя, глубоко переживали.

С каким же чувством Приблизиться к Тебе, Учитель? Своё пылающее сердце, как дитя, Принесу к Святилищу Твоему.

1933

1 января

Мы всё ещё – старая раса, возрождающаяся к новому. Слишком погружены в материю. Крылья наши по земле влачатся. Когда же они станут совершенно свободными? Когда, подобно лучу солнца, полетим в вечном пространстве? Когда же свободной волей господствовать будем над каждой мыслью, над каждым атомом в своём теле? Мы поднимемся ещё и ещё, несчётно ступеней к тому, что в жизни этой надо достичь. И если мы всё же окажемся слишком слабы, если мы сей путь, переплетённый светом и тенью, ещё не сможем оставить, то пусть хотя бы наши потомки окажутся сильнее и лучше нас. Это – наша сокровенная мечта.

Чем был год 1932-й? Кажется – моя пралайя. Бесконечность борьбы, устремлений, тоски. Кажется, ощутимого ничего не достигнуто. Взять хотя бы последние месяцы – столько неудач во всех моих трудах! Даже поездка в Италию, сколько бы чудесного она ни дала, должна была состояться в ином сезоне, в иных условиях. Но с каждым невезением всё больше чувствую: любая неудача рождает удачу, рождает успех, который сразу и не заметен, но сильно, однако, укрепляет основы жизни. И разве Италия не дала нам великое чудо? И неужели это во сто крат не награждает нас за долгие томительные приготовления, долгие месяцы мучений моего друга? Мой друг уезжала утомлённой, но великая активность полностью исцелила её духовно и телесно. В ожидании будущего иным пламенем мы теперь горим. Наша квартира стала для нас истинной святыней. Мой друг расцвела чудесной гармонией. Дух зреет, как цветок. И я чувствую вокруг себя сокровенные стихии огня. Возможно, оттого и все неудачи у меня, все вихри, чтобы отвести меня от огненного порога. Но если сердце истинно возгорелось, разве способно что-то его погасить?

Мой друг невидимыми нитями росла во мне все эти годы, а в душе её – моя сущность! Уже давно идём вместе путём Учения, вместе мечтаем, вместе устремляемся. Таким образом, год минувший вырос в совместный духовный полёт. И перед нами ведь дальний, всё более трудный, но и более прекрасный путь! Если подойдёт испытание или кармическое осложнение, попытаемся понять его, склоним перед ним голову, но всею чуткостью своей, всеми тонами души будем стараться созвучать словам: «Прими труд мой, Владыка, ибо видишь меня среди дня и ночи».

4 марта. Воскресенье

Позавчера, в четверг, Элла прочла на публичном вечере в нашем Обществе мой доклад «О расширенном сознании как основе понимания смысла жизни». Мой друг впервые зачитывала мой труд, я переживал – не утомится ли в теперешнем положении, но всё получилось отлично. Этот труд, кажется мне, задаёт тон всей моей деятельности в этом году, ибо он написан в большом напряжении и спешности. Хотя Доктор просил написать его двадцать дней назад, но, когда я почти всё кончил, за два дня до проведения вечера, он указал, что следовало бы, однако, выбросить всё чисто религиозное. Таким образом, мне пришлось менять план и переориентироваться, но ведь «напряжение рождает красоту», и – именно в четверг к вечеру я счастливо всё завершил. При этом меня мучил насморк. Вижу, что великими усилиями можно всё превозмочь, всю ранимость и волнение, всё, что иногда находит. Уже давно мне следовало завершить очерк об Италии, но я ещё не окончил. Надеюсь опубликовать небольшие статьи в периодических изданиях. Отдел народного образования издаёт сборник, для которого я обещал дать очерк о смысле жизни.

Верю, очень верю, что моя «пралайя» кончится, что больше не будет множества неудач, удача ведь рождает удачу, а также – радость труду.

В нашем Обществе уже два месяца назад мы кончили второй раз читать «Агни-Йогу» и читаем рукопись «Иерархии». Мы ждали и, наконец, дождались чудеснейшего дара – «Беспредельности». Здесь наши Листы Света, великая наша радость сердца!

Доктор организует объединение женщин, результаты пока предвидеть трудно. Он переутомился и заболел. В проекте – созвать Лигу Культуры.

Дал задание В<алковско>му, Залкалну и мне – «троим немым». У нас ведь нет общественных деятелей. Но – необходимы только дух и вера!

26 марта. Воскресенье

Доктор серьёзно заболел. Открылся старый очаг в лёгких. Возможно, в связи со всякими экспериментами (семь ночей не спал, минимальная диета и тому подобное). Были у него и волнения в связи с деятельностью в Обществе. Однако его громадное духовное устремление всё пересилит. Некоторое время деятельность нашего Общества будет пассивнее. В пятницу, в Праздник Мира, пригласили мы к себе многих интеллигентов, особенно – художников. Было чаепитие, осмотр картин, краткая речь Доктора, затем – ответы Синайского и Юревича. Первое более широкое соприкасание с внешним миром прошло отлично.

Я стал очень восприимчивым, и любая, даже малейшая перемена в чём-то, какое-то слово или мысль могут вызвать во мне ураганы чувств, против которых мне надо собирать всю волю. Живу гармоничнее, чем когда-либо в жизни, и всё же ощущаю бури пространственных стихий.

Мой друг всё более уравновешивается, светлая улыбка в её глазах. Уже восьмой месяц, и велики все трудности и телесные преображения. Но сияние улыбки покрывает тяготы. Шлю денно и нощно мысли света своему ребёнку. Быть бы нам лучше, быть бы нам воистину способными родить чудо великой гармонии. Расцвели бы, преобразились бы наши человеческие ошибки в красоту. В неведении, тоске и благоговении мыслю о нашем Госте.

1 мая. Около полудня

У моего друга уже середина девятого месяца. Становится тяжелее, однако мирная улыбка неизменно в её глазах и уголках губ. Исполняем ли мы достойно своё задание? Сделали ли мы всё возможное для блага своего ребёнка? Не было ли слабостей, беспокойств, бессилия? Или, быть может, чтобы создать новую красоту, нам самим следовало звучать в наичистейшей красоте? Как много мечталось и думалось о задачах родителей, но, когда это реально пришло, когда стоишь лицом к лицу с великой обязанностью, то разве не чувствуешь, что нужна была большая сознательность каждого мгновения, большая духовная бодрость и напряжение, больший размах дыхания широты и ритма жизни? И мой друг не могла полностью избежать трепета испуга, возбуждения, хотя мы так этого хотели. Но кажется, что случалось подобное столь редко и невыраженно, что вряд ли повлияет на ребёнка. Главное ведь дух, главное – духовная улыбка, полёт духа и тела навстречу свету солнца. Прочла мой друг так много отличных книг. Окончила читать оба тома «Беспредельности» быстрее, чем я. Ежедневно в лесу дышит сосновой праной. Нет недостатка и в солнце. Недавно мы провели динамический громкоговоритель, ищем чистый звук, подобно птицам, – зёрна хороших мелодий. И теперь – истинная весна. И «говорят» с нами распускающиеся почки, земля, солнце. Мы ведь среди природы. Каждое наше окно – на простор свободы.

Только что я окончил писать о «Миссии матери» ко Дню Матери в воскресенье. Читаю «Беспредельность». Скоро надо будет просмотреть «Агни-Йогу» для печати. Но основное – готовимся к новому чудесному часу, который откроет новый этап в истории нашей жизни.

12 мая. Пятница, половина одиннадцатого вечера

Разве то, что приближается к нам, не есть величайшее чудо мира, тайна из Тайн, Священнодействие, готовиться к которому надо сокровеннейшими чувствами сердца? Человек рождается в мир! Зерно духа приходит на эту землю, приняв плоть и кровь, физическое и духовное одеяние, ткань, сотканную новыми энергиями, в новых созвучиях. Но, насколько бы тягостно ни было на этой несовершенной планете, разве это не радость – иметь возможность развиваться и расти; разве свобода хотеть и желать всегда нечто большее, лучшее, прекраснейшее, небывалое не есть уже космическая радость, в которой отзвучат нежнейшие тона гармонии сфер? Человек рождается в мир. Гость из дальних миров. Новый драгоценный камень – огонь – сияет и растёт, и осветит других.

Первый пророческий сон в моей жизни сегодня исполняется.

Четвертого марта рано утром я видел странный сон, но, проснувшись, помнил только то, что 12 мая будет потоп. Что и почему – не знал. Вчера этот сон я вспомнил и подумал, что сегодня что-то случится. Сегодня мне надо было ехать пароходом в Мангали. Я не поехал, подумав, не предупреждение ли? Вернулся домой около половины шестого, поел, читали мы вместе с дружочком «Беспредельность». Около восьми часов мы подошли, читая, к параграфу 87, как вдруг Элла почувствовала, что в ней что-то происходит: первый признак родов. Пришло это столь нежданно. Болей пока не было. Мой друг смутилась. Ожидала через несколько дней. Мы отправились торопливо на трамвае и на машине. Мой друг всё время улыбалась. Неизвестность! Однако – радость! Проводил во Вторую городскую больницу. Лестница наверх. Ещё не было известно. Надо было расставаться. Милый, милый, сердцу дорогой друг моей жизни! Что с тобой в эти мгновения происходит – не знаю. Быть может, ты борешься в раздирающих болях, перенося их всё же со внутренней улыбкой? Ибо чувствуешь то, что чувствует каждая женщина, но, быть может, и так, как чувствуют только редкие из них: что *Человек рождается в мир,* участник Космоса, гражданин Беспредельности, наследник всех космических энергий и возможностей, огонь от Бесконечного Огненного Сердца.

Я, как захмелевший, ходил вдоль больницы. Сердце было полно Учителем. Сердце было полно любовью и молитвой красоте. Сердце рвалось к необъятному простору Мироздания.

Что же мой друг теперь переживает?! Но верю, надеюсь и чувствую, что нашим ребёнком прошлое будет искуплено, несозвучие в нашей жизни переродится в благозвучие, для нас откроется жизнь нового напряжения и новой духовности.

Отчего этим вечером время столь медлительно? Я желал бы теперь, чтобы оно вихрем урагана умчалось.

Что делает мой Дружочек? Хоть бы я мог страдать с ней вместе, ибо вместе радоваться с ней я способен!

Ночь. Тёплая, полная ароматами весенняя ночь. Полна дыхания распускающихся листьев и трав. Но кажется, что утро. Рождается, наступает, раскрывается утро.

13 мая. Суббота, утром

Чудо свершилось. Сегодня утром, в половине третьего (2.28), родилась девочка. Гунта. Только теперь ощущаю всю громадную ответственность. Но радость затрепетала болью сомнения. Готов ли я, достоин ли я принять сие чудо? Принять этот прекраснейший дар из рук Учителя. Достаточно ли во мне покоя, внутренней гармонии, доброй мудрости, чтобы создавать судьбу другого человека? К тому же в последние месяцы я ощущаю некое переходное состояние. Во мне рождается чувство, что взять на себя судьбу ребёнка есть такая же священная миссия, как вести человечество.

Сегодня утром бушевала гроза. Чудесно сверкали молнии. Хочется, чтобы мой ребёнок был ребёнком огня. Уснул я перед полуночью глубоко уставшим. Так и не ощущал ничего до четырёх.

Размышляю, отчего снилось мне о вчерашнем дне, а роды произошли сегодня. Возможно, чтобы подготовиться. Началось ведь вчера. Быть может, поздно вечером ещё не настало благоприятное сочетание созвездий. Ведь это так чудесно – родиться перед восходом солнца. В ожидании света. В глубоком изумлении духа смотрю на письмена судьбы.

Вечером

В каком волнении миновал этот день! Никак не мог я дождаться девяти часов. Что с моим другом? Я теперь увижу лицом к лицу моего ребёнка, впервые осмелюсь нести имя отца. Встретил я своего друга такой же улыбающейся, как вчера, когда прощался с ней в 9 вечера. Только глаза уставшие, небольшие тени под глазами. Настоящие боли начались только после двенадцати. И последний час, на родильном столе, они были такими, что не выдержать. Но завершилось всё хорошо. Мать свои величайшие муки приносит в жертву ребёнку. Когда принесли и показали ребёнка, то она плакала.

Случилось, что при родах был сын д-ра Лукина[1], который здесь работает ассистентом. Он и наложил шов. Позвонил я сегодня самому Доктору, он ещё ничего не знал, его приветствия – отцовское благословение. Как много переживаний и мук выпало перетерпеть моему другу за эти немногие часы! Способна на это только женщина. После всей школы страданий и самопожертвования каждой женщине-матери надо бы достичь высот духовности. Но все страдания и жертвы имеют во сто крат большую ценность, если к ним прилагается сознательность и чистое, прекраснозвучное сердце. Отчего же нет ещё поистине рая на земле? Оттого, что матери ещё не достигли всех высочайших ступеней сознательности и чувства ответственности.

Наконец, на мгновение я виделся со своей дочерью Гунтыней. Ещё первые часы становления. Ещё ослеплена миром. Ещё сама по сути принадлежит Девачану. Порог пройден, но душа, мечтая, зрит в пространство. С каким чувством ждал я этого мгновения! Но мгновение истекло. Благословение моего сердца этому хрупкому, совсем слабому милому существу.

Мой друг, готовясь к часу мучений, ощущала за окном ликование грохочущей, торжествующей небесной стихии. Всё сливалось в море огня сверкающих молний. Но всё это в Межапарке было в меньшей мере. Прекрасный, могучий час! В час огня родился наш ребёнок. Пусть огонь благословит его на века!

Странно это звучит в моей душе: отец. Необычно, красиво, как-то сокровенно свято. Как много ответственности в этом звуке, космических тональностей. Я встретился с некоторыми друзьями, радовались вместе со мной. Человек родился на свет! Что это значит, понимают ли это и сознают всем сердцем, всем существом каждые мать и отец? Родить человека для земли, нового обитателя Космоса, сотрудника Высших Сил, слагателя ритма эволюции!

Не создаёт ли всё это совсем новую эпоху в жизни двоих людей, являющихся друзьями? Не велит ли это разрушить любую малейшую корысть и торжественно взять на себя миссию – вести судьбу человека? Но, поистине, осуществить это не способен ли только человек высшего сознания? Можем ли осознать мы, родители, что нам надо хоть немного стать похожими на Тех, кто перешагнул порог эволюции земной жизни? Ибо как же иначе мы можем осмелиться стать воспитателями Человека?

14 мая. Воскресенье, вечером

Только теперь полностью понимаем тот мир, который Роллан изображал в своём «Лете». Первая встреча матери и ребёнка, первые прикосновения – это великие события, волшебно рождающие чудеса и упоение. Человек – это воистину чудо, это – мистерия. Каждое тело и душа человека проходит сквозь сплетения космических энергий. И кто же может расколдовать её, эту книгу энергий, когда каждый атом в ней является сам по себе микрокосмом, отражающим всё Мироздание? И всё же для Космического глаза каждое существо в своей завершающей структуре, в своей сути, возможно, кажется простым.

У моего друга сегодня на столике в вазе громадный букет роз. И фиолетовый душистый горошек, а для Гунты – фиалки. С ними Прана, Солнце. От Доктора – семь роз.

Трижды сквозь муки жизни и смерти шёл мой ребёнок. Дважды мой друг была под наркозом, чтобы подготовить жилище – дорогу для будущего ребёнка. И теперь – сверхчеловеческий крик боли, покрытый улыбкой матери. В болях крещён каждый ребёнок, но наша Гунтыня – троекратно.

Задача наша – расти вместе с нашим ребёнком, вместе с каждым его шагом. Совершенствовать нашу жизнь в высочайшем напряжении и благозвучии.

24 мая. Среда, вечером

Какие странные, неописуемые чувства! В наших комнатах новый, бескрайне нежный гость. Новый свет в наших окнах. Весь день необычное напряжение: с раннего утра, когда ездил на базар, затем на работе, потом – в магазинах. Ну, а теперь – дома. Теперь мы все трое дома. Отныне всегда будем жить, дышать, мыслить втроём.

[1] Гаральд Лукин.

Сегодня Аида Виестур принесла нам приветы от членов Общества и хрустальную вазу с розами. Неожиданность! Очень многие меня теперь поздравляли, пожимали руку. Но наиболее искренне, сердечно – женщины. Ибо они сами – матери. И только женщины-матери до конца понимают, что это за священная задача – быть матерью.

2 июня

Мой друг приехала домой, полная радостными улыбками, хотя и обессиленная. Но с этого момента начались дни, заполненные заботой и напряжением. Первые ночи мы совсем не спали. В сердце моего друга отзывается не только каждый вскрик и плач ребёнка, но даже каждое движение и дыхание. Озаботило и то, что стало не хватать молока и пришлось прикармливать. Грустно: быть неспособными делать всё, что ум и сердце считают за лучшее. Я был убеждён, что это от внутреннего беспокойства и утомлённости моего друга. Так и оказалось. Теперь уже не нужно прикармливать, но появляются другие, новые заботы. Была бы какая-то общая закономерность, как положено действовать. Но чаще всего закономерность у каждого индивидуума своя. Появляются проблемы, которые столь трудно разрешить. К примеру: мы внутренне и по логике разумения против соски. Но есть немало интеллигентов, которые её применяют, доказывая, что сильный крик ребёнка вреден его нервам и т. д. И так всплывают одна проблема за другой. В нашей жизни появился совсем новый ритм. Моему другу помогает её мать[1], но у неё уже немалые годы и нет прежней заинтересованности и чутья. Всё же мы благодарны ей. Гостей с поздравлениями было несколько. Была Зента. Она теперь работает над докторской диссертацией. У неё новые планы в жизни. Это к лучшему, отрывает от пессимизма. Она критикует членов нашего Общества, но не само Учение. Я сказал, что все мы слабы, но пусть познакомится со всеми поближе. Каждый по своим способностям и пониманию может применять Учение в жизни. Было бы прекрасно, если бы все его приверженцы были одарены особой широтой и глубиной. Бедная Зента! Появилась ненадолго в нашем кружке, посмотрела и ушла. Не знает чеканной основы бытия, и когда же будет знать?! Узнает, когда расцветёт любовью. Но пока идёт своим путём. Я чувствовал заранее, что Зента уйдёт, что ещё не пришло её время. Даже такой сон видел до её появления в нашем Обществе. Но чувствую и то, что когда-то придёт её время. Бригадере читает вторую книгу. Она якобы уже давно верит в перевоплощение. Но в равной мере её интересуют и другие течения. Жалуется, что стара для новых пониманий. Но духовный накал в ней неизменно бодр. Цухо углубляется и укрепляется в основах Библии и дальше этого не идёт. Меня удивляет: он ведь когда-то прочёл несколько раз «Агни-Йогу» и другие, близкие ей книги. Нередко я встречаюсь с Эгле, но если бы наши разговоры поднимались выше обыденной жизни! Сердце моё страстно горит жаждой беседовать о духовных вещах. Это ведь счастье – вместе с другой душой прикоснуться к Космосу. Новый Мир у ворот, и сколь духовным следует быть. Недавно явился ко мне от Дале молодой поэт Бр., кажется – духовный человек. Я ищу сближения больше с теми людьми, которые сплачиваются вокруг Учения. И если есть у них ошибки, то есть и сознание, что надо зазвучать в более совершенном ритме. Это устремление и тоска, поднимающие нас вверх, – главное.

20 июня. Вечером

Уже второй месяц заново просматриваю «Агни-Йогу». Впереди ещё большой труд. Воистину, это плод коллективного духа: Стуре, Лукина, Залькална. С Залькалном ещё о многом можно будет говорить. Сегодня вечером был у меня Стуре. Хотя разделяют нас годы, но его одухотворённость мне роднее всего, более чем у других. Просматривали мы термины и понятия «Агни-Йоги». Сердце моё теперь переполнено тончайшим звучанием. Приеду на один день раньше из Мангали[2], чтобы вместе со Стуре просмотреть перевод. Я работал в большом напряжении. Тороплю себя, но продвигается медленно. До конца августа надо напечатать, но необычная новизна «Агни-Йоги» и чувство ответственности за неё так сильно замедляют темп. Не ошибусь ли я где-то с переводом Стуре? Он ведь понимает намного тоньше. Хотелось бы ещё раз всё просмотреть.

[1] Минна Зиедыня.

[2] В Мангали жила сестра Эллы Неллия Шинка со своей семьёй: мужем Эмилем и детьми Майей и Андреем.

Да, мой друг с нашей малышкой теперь живёт в Мангали. Уехали мы в субботу на машине. За озером ремонтируют дорогу, машина, делая объезд, застряла в песке, на подмогу пришёл скрепер. Так, с приключениями, добрались до дома, где ещё шёл ремонт, и казалось, что явились мы преждевременно. Воскресным вечером я вернулся на Певческий праздник, несколько ночей был один в Межапарке (если не считать, что у меня гостил один литовский художник). Завтра надеюсь быть у своего друга.

Как мы там оказались? Мать моего друга, хоть и пришла помогать, как и обещала, но не смогла почувствовать себя здесь так же свободно, как у второй дочери, где «простор», поля, хозяйство. Это обстоятельство тоже неоднократно огорчало моего друга, что именно в эти труднейшие для неё дни впервые нарушается у неё контакт с матерью. Ранее мать, не задумываясь, отдавала всё. Возможно, эта неувязка тоже повлияла на нашу девочку, она иногда бывала неспокойной, немного болела и т. д. Содержать прислугу нам теперь совершенно не под силу, ибо долги ничуть не уменьшились, но скорее – наоборот. Так мы решили воспользоваться приглашением направиться в Мангали. Хотя и были сомнения, ведь там не будет для нас желаемой прояснённой уединённости. Я видел сон, что мы ютимся в баньке, хотя там и чисто. Конечно, в житейском смысле это не так – там двухэтажный дом. У моего друга своя комната, ну а я уж где-нибудь смогу приютиться. Главное – зелень трав и синева неба. И этого там столь много! Быть может, этого и достаточно? Кажется, друг привыкнет и будет очень хорошо. И с уходом за ребёнком у неё будут надёжные помощники рядом. По телефону мне звонили, что малышка теперь спокойна, бодра и становится всё крепче. Эти умные, испытующие глаза! Всё милее они мне. Сестра моего друга говорит, что она иная, чем те дети, что довелось ей видеть. Моя мечта: выросла бы истинно видящей и истинно слышащей. С устремлением действовать и духовно.

25 июня. Воскресенье

Два дня мы со Стуре просматривали «Агни-Йогу». Ещё не всё. Если бы так интенсивно можно было каждый день работать! И в сотрудничестве с величием духа. Стуре много читал, имеет большой жизненный опыт. Чувствую, что рабочей активности у меня достаточно, но недостаёт истинного сосредоточения и памяти. Стуре только что уехал в Вентспилс, и теперь я один. Буду здесь до июля, когда начнётся отпуск, но кажется, что и тогда часто буду возвращаться в Межапарк, ибо здесь лучше могу работать. В Мангали у моего друга и у девочки есть удобная комната, я такой и не прошу, но вообще-то там мне трудно будет устроиться уединённо. Как водится, там много раздражённых споров и хаоса. В том числе и о воспитании детей. А так они – люди хорошие. Но мой друг сможет частично оградиться. Главное преимущество, что там можно слиться с природой: парк, река около дома, всюду свежесть, какой нет даже в Межапарке. И ребёнку всё это идёт на пользу.

30 июня

Великая неожиданность – внезапный уход Бригадере. Мы надеялись, что она когда-нибудь обратится к Учению. Идейно она сильно развивалась и росла. В жизни была столь чуткой. Сознательно верила в перевоплощение. Об этом я много с ней беседовал. Странные превращения: Цухо, будучи в Калнамуйже, как-то пытался втолковать ей идею перевоплощения. Подобные предчувствия и раньше у Бригадере были – уже с детства. Ну, а теперь – роли поменялись. Когда я в последний раз встречался с ней, в конце мая, она сказала, что недавно спорила с Цухо о перевоплощении: она идею защищала, а Цухо возражал, основываясь на Библии. В последний раз, когда я был у неё, принёс ей вторую часть «Листов Сада Мории», в машинописи. Эту книгу она и взяла с собой в Спридиши. Первую книгу она так уважала. И всё же. Нередко она высказывалась, что слишком поздно, чтобы полностью перестроить мировоззрение, принять новую веру. Христианство и нация – два корня, которые существенно срослись в её душе. Но чтобы врасти в Новую Эпоху, следует любить человечество и каждого отдельного человека больше, чем себя самого и свой народ. Меня сегодня вновь поразило, что в великих творцах наряду с чуткостью и самоотверженностью столько эгоцентризма. Это свойство так резко выявлялось в Райнисе. И Бригадере мне жаловалась не раз, что сочинения её мало известны и мало признаны. А только что меня удивило её завещание.

Разве после смерти нужна популярность, если и в живой жизни она не больше, как пыль и прах? Но творцы в общем-то – большие дети.

30 июля. Воскресенье, вечером

Я тону в корректурах. Часто приезжаю в Ригу, встречаюсь с Залькалном, с Доктором. Спешка. В Мангали надо присматривать за малышкой, работа прерывается. Но это – ничего, следует приложить больше сосредоточения. Мы с дочкой дни напролёт живём в саду, в обществе «Агни-Йоги». Теперь начнут печатать. Все вопросы приходится решать окончательно. Сегодня был в гостях у Эндзелина, о многом его спрашивал. Советы его иной раз и хороши, но смогу ли выполнить? В конце концов, все эти советы меня только смутили. Есть несколько слов, по которым пока я не смогу отступить, хотя Эндзелин и против них. Так, слово «pielietot»! Как же сказать – «употреблять» Учение или Указы? Это умаляет. Употреблять Учение... Быть может, до второго издания найдётся лучшее слово. Эндзелин учёный, но не поэт. Оттого он часто не ощущает многокрасочности значений слова, оттого его нововведённые слова тяжеловаты. Но я у него учусь. Благодарен! Будет хорошо. Больше записывать некогда, ибо я весь завален работой.

8 августа. Утром, в Мангали

Серьёзное, значительное время. Непознанные силы действуют вокруг нас. Сколь наблюдательным, бодрым следует быть. Как надо владеть собою! Как надо всеми силами и огнём сердца устремляться вверх! Как следует направить весь смысл жизни в круг Щита Учителя! Уже второй раз глубочайший отзвук в нас пробудило дело Алексеевых. Алексеев с супругой уходят из нашего Общества. Они ведь были преданнейшими последователями Учения. Были соучредителями нашего Общества. Близкими людьми. Но они углубились слишком далеко в астральные сферы, подчинились чужим влияниям. Забыли заповедь, что на земле – «руками человеческими». И забыли, что Учение признаёт все ценности нашего мира, слишком уединились. Конфликт! Сердцу тяжело об этом думать. У Алексеева была и своя группа. Одним словом – дело болезненное, тем более если ещё некоторые уйдут. Для Общества, возможно, это облегчение, но что будет с уходящими, если они не преодолеют огорчения? Собрания нашего Общества начнутся только в конце августа. Тогда всё и прояснится.

Впереди у меня масса работы. Есть несколько поручений в связи с Обществом от Владимира Шибаева из Индии. Некогда даже письмо написать! Горы корректур не уменьшаются. Залькалн уехал в деревню, с ним я часто советовался, он читал после меня корректуры. И Доктор живёт в Огре. Так много понятий, терминов надо было обсудить. Сколько слов приходилось претворять в лучшие выражения и формы. Теперь как раз заканчиваю перевод.

15 августа

Наконец начинаю чувствовать лето. Ощущать землю, милую, добрую. Ароматы, солнце, хотя солнца и до того было достаточно. Хорошо, что мы приехали сюда. Немного смогли мы соприкоснуться с землёй. Отдохнуть телом. Но лучшее моё лето всё же был труд.

20 августа. Воскресенье

Растёт наша девочка, и растёт наша любовь к ней. Умные, ясные черты. Как часто всматривается в пространство, напрягая брови. Будто видит что-то, будто думает. И ещё – улыбки. Мог ли я раньше понять и прочувствовать хоть малую долю всего этого! Сердце окружает её сокровенными чувствами.

Я был два дня на берегах Аматы у Принча. Так соскучился по простору, по медовому аромату полей!

24 августа. Четверг

Сегодня великий день. Напечатана и сброшюрована «Агни-Йога». Долгожданная. Но тут же и огорчения. Якобы уже замечены некоторые опечатки. В наших корректурах они, по крайней мере, не могли быть! По два раза просматривал я вторую и третью корректуру.

Вторую ещё просматривал Залькалн. В третьей было достаточно правок, но последнюю мы доверили корректору типографии. Обычно авторы уже третью не читают, где ещё – четвёртую. Знали бы мы! Не только каждая мысль, каждое слово, даже каждая буква была проверена! Как много думалось об отдельных словах, переживалось! Будет урок на будущее: ничего не доверять другим. Но, быть может, всё же дефектов не так много?

Вечером

Кажется, волновались мы напрасно. В конце концов обнаружили только одну ошибку. Однако теперь первая задача – усердно ещё раз перечитать «Агни-Йогу», прежде чем выпускать в свет. Работа сделана, но так интенсивно я редко работал.

Устал сильно. Ум только неспокоен. Впереди – громада работы. Моему другу теперь некогда даже прочитать мои новые работы. Может быть – потом? Впереди – сражения. И в Обществе сложно: Алексеев ушёл, но, видимо, организует новый кружок. Тяжело об этом думать. Истинно, серьёзные дни ещё только приближаются. Осознало бы это человечество!

Дорогой Учитель, пошли труду нашему своё благословение!

16 сентября. Суббота, вечером

Уже с начала этого месяца мы живём в Межапарке. Другой ритм в моей жизни. Вечера принадлежат малышке. Рано ложимся спать, чтобы пораньше встать. Так, для работы выкраиваю утренние часы. Мой друг кормит малышку в половине восьмого вечера и затем в четыре утра. И в течение ночи приходится пару раз просыпаться. Вообще-то маленькая спит хорошо. Мой друг стала более чувствительной, особенно, когда ночью плохо спала. Трудно ей переносить и крики малышки: весь организм её слишком связан с ребёнком. Поэтому по вечерам, ненадолго, берём её иногда на руки. И что ещё заставляет остерегаться сильного плача ребёнка: у неё вначале была небольшая пупочная грыжа. Скоро с этим будет упорядочено, но изначальное «балование» не сразу удаётся выкорчевать. Однако надо признать, что в целом малышка в течение дня и ночи спокойна, только к вечеру, особенно перед купанием, начинает реветь. Вместе с малышкой пережили мы много улыбок и душевной нежности. Раскрывается так много романтики. Только тот может прочувствовать это, у кого самого есть дети: в их улыбках есть много ума и глубокой серьёзности. Улыбка кому? Уметь бы и суметь бы вести малышку по правильному пути развития.

26 октября. Четверг

Вчера вечером во сне у меня всплыли в сознании числа 45 § 7. Я знал, что они могли быть связаны только с «Листами Сада Мории», второй частью. Утром там читаю: «Самый смелый, как царевич прекрасный, поглотит огонь мира». Нужно больше мужества, предприимчивости и дерзания. Надо быть независимым от чувствований тела и души. Работаю уже второй месяц, отшлифовывая очерк о философии Тагора. Работа временами идёт очень трудно. Не могу понять – отчего? Голова не всегда ясная. Разве я не осуществляю полного воздержания? Разве в своей жизни я не устремлён к гармонии? Почему перекрёстные токи, невесть откуда взявшиеся, касаются иногда меня? Это агония эпохи, когда все пространства возбуждены как никогда. Все стихии бушуют, тьма, кажется, временами захлёстывает, но ведь не побеждает. Во главе всех культурных учреждений «тьма» или «сумерки». Борьба, борьба, воистину, битва, где небо и земля сотрясаются! Все книги Учения всё более повествуют о всемирной битве. Необходимо выдержать, необходимы неисчерпаемые мужество и дерзновение.

13 ноября. В понедельник

У моей дочери сегодня день рождения. Воистину, эти шесть месяцев стоят нескольких лет. Труднейшая ступень жизни. А затем, насколько трудно бы ни было, она сможет своими ногами уверенно шагать по земле, тогда начнёт себя чувствовать гражданином этой планеты. С ростом ребёнка растёт и наша любовь. Настоящая любовь – она не является, вспыхивая внезапно, она разгорается постепенно, затем охватывает всё существо человека, все его клетки. Она сближает и понимает. В последние дни я переживаю затруднения и огорчения. Сегодня утром малышке сделали прививку от оспы. Для моих ушей это звучит невероятно, всё моё существо противится этому. Но что было делать? Идти против закона?

Я беседовал со многими теософами или людьми подобных взглядов. И у всех отношение к этому закону как к «мрачной ночи». Как возможно мне что-то навязать, чего моё сознание не приемлет? Для несознательных масс, быть может, закон и полезен, но не для свободного сознания. Разумеется, когда-то прививки от оспы приносили благо. Но всё следует рассматривать согласно ступени сознания и духа. *Психическая энергия* замещает все прививки, это – космический закон. Отчего бы наш ребёнок был лишён этой энергии? Разве он явился на этот свет, не одарённый дарами прежних жизней? Я догадываюсь, что некоторые этот закон «обошли». Но разве неправда не является ещё большим злом? Я советовал своему другу не торопиться. Будущее могло бы решить. И всё же – дело сделано! Сегодня, вернувшись домой, было так грустно. Каким мраком окутана ещё наша планета! И тьма эта ещё больше сгущается, хотя во многих людях замечается просветление. Именно тьма сознания человеческого рождает всю разруху и несчастья на земле, все трагедии, катастрофы, эпидемии, все поветрия оспы, чумы, дифтерита. Если бы сознания светились духовностью, их яркость дезинфицировала бы пространство мира, все перекрёстные токи заставила бы сотрудничать гармонично.

Ребёночек становится всё крепче. Исчезли беспокойства, которые были вначале. Спит до шести-полседьмого утра, хотя мать всё ещё пуглива и чувствительна во сне. Не приходится по вечерам и носить на руках. Делается рассудительнее и интеллигентнее. Изредка гостит у нас мать моего друга, тогда я свободен. В субботу Элла впервые побывала в Обществе. Наполнилась новыми впечатлениями, которых она лишена, занимаясь только дочерью.

Общество теперь в новом помещении, на улице Элизабетес. Чудесный зал, вид открывается поверх рижских парков и башен. Во всех комнатах – светлое, уютное чувство. В позапрошлый четверг Доктор торжественно открыл. Начнётся новый период в нашей деятельности. До этого была подготовка. Теперь – внешнее выявление. Применение в жизни. Жаль, что Доктор сам не может сейчас участвовать в общественной жизни. Плохо слышит. Но мы все верим, что это только временно. Центры! И в моей жизни начинается время громадной деятельности. Из Индии прислали книгу о Св. Сергии, которую нам надо напечатать. Сам Н.К. в письме подчеркнул, что это очень серьёзная и ответственная задача. Читаем с Залькалном корректуру. Думаем, как лучше. Я начал переписываться с секретарём Н.К. – Шибаевым. Мне надо решать и много практических дел в Обществе. В том числе – продажа книг, хотя это занятие для моей натуры является тяжёлым делом, требует и уйму времени. Буду счастлив, когда освобожусь от неё. С радостью я был бы библиотекарем. С радостью своим пером отдавал бы лучшие возможности души людям. Но, быть может, такое занятие пригодно для закалки моей практической деятельности. В типографии государственных бумаг изготовили репродукцию прекраснейшей картины Рериха «Твердыня Тибета». Начиная с мая, мне показывали около семи корректур, и наконец она готова! Я не думал, что печатники столь мало наделены художественным пониманием. Сколько раз приходилось бегать в печатню! Ну, кажется, воспроизведение будет достаточно хорошим. Затем, я ощущаю и свой долг и желание – пробудить в сознании Латвии идею Знамени Мира. И как же народу её принять, если идея для него пока чужая? Я всячески думал. Наша периодическая печать ведь в «полумраке». С трудностями получилось в «Яунакас Зиняс»[1]. По доброй воле с ними бы не связывался. Но другие газеты ещё хуже. В журналах? Удивляюсь, что Грин так часто предоставляет мне в «Даугаве» место, хотя во взглядах – он мой противник. Я ему за это признателен. И в большинство журналов проникла политика или вообще – отрицание ценностей. Радуюсь, что мой очерк о путешествии по Италии наконец появился в «Даугаве» и «Пиесауле». Грин выбрал только очерк о горах. Об остальном сказал: «Италия уже описана стократно». Когда я нечаянно вспоминаю тропы под южным солнцем, внезапно наступает удивительная просветлённость. Тогда там было слишком напряжённо, слишком торопила жизнь, чтобы все полутона воспринять и возвысить сознание. Теперь все контуры впечатлений об Италии стали ещё нежнее, одухотворённее, воспоминания более не отягощены усталостью, память желала бы ещё и ещё туда возвращаться. Привожу в порядок и свои стихи. Уже крайний срок начать их публиковать, чтобы к праздникам вышли. К Рождеству больше раскупают. Исходил много

[1] «Jaunakas Zinas» *(латыш.)* – «Новейшие известия», газета.

типографий. Я ведь в своём роде человек тяжёлый: в одной печатне мне мешают нравственные условия, в другой – гарнитура букв неподходящая. Там же, где всё более-менее хорошо, там приходится мудрить, как же расплатиться. Но напряжение энергии принесёт удачу.

28 ноября

Сегодня – один из тяжелейших дней в моей жизни. Есть всякие трудности, но разве не самое тяжёлое – не выполнить достойно свой долг? Начали мы печатать книгу о Сергии в русской типографии. И уже в начале столько волнений вокруг этой книги. Долго набирали текст, хотя я их торопил, как мог. Затем была неясность с титульным листом. Наконец, пришла телеграмма, и как раз в день, когда начали печатать. Когда я прочёл телеграмму, два печатных листа были напечатаны. Возможно, моя вина в том, что я не поспешил немедля после телеграммы к Доктору, хотя бы и пришлось помешать ему в работе. И далее – вдруг, при дневном свете, замечаю, что эти два листа напечатаны на другой бумаге верже[1], не на такой, как мы хотели, на более серой. Кстати, желтоватая бумага придала работе налёт старины. Конечно, так это остаться не может. Что делать? Уничтожить эти два листа? Было бы у меня 100 латов, возможно, так бы и сделал. Пока обдумывал, начали печатать уже третий лист. Моё сердце так стремилось исполнить долг, как лучше. Сознаю, что всё же мало я проявил внимательности. Что дали эти несчётные хождения, вся растраченная энергия? Николай Рерих ведь так подчёркивал в своём письме, насколько это – ответственный труд. Как я хотел послать её в Индию, как лучшее приношение! В корректуре мне помогает Залькалн. Но и у него слишком мало опыта. И к тому же мы на этот раз напрасно доверились руководителям печатни.

Уже набраны для печати и мои стихи. Тяжкие переживания меня одолевают. Ирония судьбы в том, что мои стихи будут в лучшем одеянии, чем намного более ценная книга. Конечно, главное не одеяние, но содержание. Но красота ведь тоже важна. Особо красивым должно быть всё, что передаётся в руки художника.

Когда моя дочь мучилась реакцией на прививку оспы, опять я глубоко ощутил рабство жизни нашего времени. Когда же, наконец, человек будет верить независимой свободе духа?

7 декабря. Четверг, утром

Вчера вышли мои стихи «Прекрасной душе»[2]. Я уже успел подарить нескольким людям. У меня большая вера в эти стихи. Когда-нибудь всё же завоюют сердца. В сборнике строгий отбор. Сколько я передумывал, выбрасывал! Ещё прошлой осенью несколько стихов переработал. Быть может, и к лучшему, что раньше не изданы, – теперь сборник идейно и по форме созвучнее. Однако получал я свои стихи со странной болью в сердце. Так всегда было после громадного напряжения. Но теперь вышло, что главную мою работу, которую всем сердцем и душой доверил издателю, – «Знамя Преподобного Сергия Радонежского», я не выполнил так, как надо. Что мои стихи против общечеловеческих идей! Поэтому и тяжело. Чувствую, что во мне ещё много непредприимчивости и несообразительности. Это было для меня большим испытанием.

11 декабря. Понедельник, вечером

В каком напряжении прошёл день! Этот день как венец всем дням! Ещё смущение, но и какое-то светлое чувство. Наконец я послал в Индию воздушной почтой книгу о Преподобном Сергии Радонежском. Если повезёт, то возможно, что дойдёт к Рождественскому вечеру. Это было бы так хорошо! Хотя вряд ли для получателей это будет большой радостью. Бумага плохая, не обрезана, ибо обрезать невозможно, сброшюровано поспешно, нет репродукций, которые вышлю завтра письмом. Но ничего, как есть, так есть. Мысль летит быстрее, мысль уже улетела к ногам моих величественных Руководителей. В субботу произошло ещё одно осложнение: при регистрации в полиции издательства «Алтаир»[3], помощник префекта выдвинул возражения против восточноподобного названия.

[1] Сорт бумаги высокого качества с водяными знаками в виде продольных и поперечных линий.

[2] «Dailajai dveselei» *(латыш.)*.

[3] В этом издательстве вышла книга «Знамя Преподобного Сергия Радонежского».

В неведении, что делать, я дождался сегодняшнего дня. Сегодня утром Доктор ходил к Дардзану, заведующему отделом печати, затем ходил и я. И чудо – сегодня вечером, вернувшись домой, нахожу повестку: «Просим явиться по делу издательства». Быть может, тяжесть на моём сердце, которая не отпускала меня несколько недель, была напрасной? Ах, если бы это было так! Был бы наш труд удачным и с достижениями! Ибо достижения нужны не ради меня, но ради благороднейшей идеи.

21 декабря. Четверг, вечером

Чувствую себя уставшим. Хотелось бы хоть один день посидеть у стола или на диване, с книгой в руках и совершенно не двигаясь. Духовный, творческий труд не утомляет. Но беготня из печатни в печатню, в магазины, к переплётчику, и главное – везде торопить и нигде не чувствовать взаимопонимания – в то время, когда у тебя огонь горит под ногами, – разве это может окрылять вдохновением? На неделе обещали начать печатать обложку для русской книги. Но это оказалось невозможным – обложку хотят печатать в иной типографии, чтобы получилось лучше, но она перед праздниками завалена работой. Но почему же они затянули? Сколько огорчений доставил издатель книги о Сергии! Очень медлителен и мало исполняет свои обещания. Возможно, что человек и неплохой, но без душевного горения. С тяжёлым сердцем приходится отложить. Я всё же отослал несколько десятков сигнальных экземпляров. Вообще, и в другом с работой не везло, будто бы какие-то силы сопротивлялись. Но разве я не жаждал доставить на праздники небольшую радость авторам книги?

В последние дни занимался изданием книги Доктора.[1] В два дня её набрали и напечатали, завтра уже выйдет в свет. Но и здесь были заботы. Не умею подходить к делу спокойно, слишком всё воспринимаю сердцем.

В Обществе, согласно новому распределению обязанностей, мне больше не придётся продавать комиссионные книги. Всё к лучшему, ибо так много времени и энергии я потерял на этом. Все подобные мелочи поедали мои часы, ничего творческого я даже не был способен начать, даже книги Учения отложил...

Недавно, после какого-то сильно напряжённого дня, поднявшись утром, я нечаянно разбил бутылочку с мускусом, именно в те дни, когда нам это средство было наиболее нужным. И странно, с утра и несколько дней спустя я ощущал боли в спине. Намёк – быть внимательнее. Вообще, внимательности и сообразительности у меня ещё слишком мало. Чувствую, что под этим Солнцем надо идти чётко, с ясностью до последнего атома, но дух мой слишком часто задерживается в более светлых пространствах. Внимательность ведь является ступенью к чуткости. А чуткость стремится уловить своим сердцем трепет всего мира.

[1] F. Lukins. Jauna Laikmeta sievietes uzdevumi. – R., 1933. – Задачи женщины Новой Эпохи *(латыш.)*.

1934

1 января

Минувший год прошёл в великом напряжении. Что же я наследовал в 1933 году? Воистину – чудеснейшие цветы всей моей жизни! Встретился опять со своей любимой дочерью. Родилась «Агни-Йога». Увидели свет мои стихи. Сотрудничал и в других делах. И всё-таки чувствую – ещё больше можно было свершить творческого. С ещё большим жаром можно было сосредоточиться. Надо возвышать самого себя до нового, обузданного, благозвучного ритма. Очень хочу, чтобы больше было у нас огненного устремления, возможностей трудиться, успехов и гармонии.

«Помоги не пройти мимо труда Твоего!»

«Дай испить чашу труда Твоего!» Пусть это будет нашей единственной молитвой. Да поможет нам Учитель!

20 января. Суббота

Наше Общество предприняло нечто великое. Учреждает Лигу Культуры. Доктор всё время ждал, когда восстановится у него слух. Наконец, решил – 25 января срочно созвать собрание Общества. Довольно спешно, но, быть может, так лучше. Во вторник мы мудрили над текстом статьи призыва. В среду разослали приглашения более чем в сто организаций. Вчера мы собрались у Доктора, он зачитывал свой доклад. Всё было бы хорошо, речь ведь отличная, но больше бы говорил *по сознанию слушателей.* Это я ему сказал. Не создалось бы впечатления, что всех приглашаем вступать в наше Общество. Если вести собрание и зачитывать доклад будет Стуре, то он сгладит впечатление. Вера всё же в нас есть. Действовать надо смело и целенаправленно. Откладывать больше нельзя. Живём в гуще событий.

Задумываю журнал, вывесил объявление в Обществе с приглашением присылать статьи. Расцвета журнала следует ожидать, во-первых, на основе наших собственных сил. У нас ведь в Латвии почти нет объективных, идейных писателей.

Я.Грин в одном интервью сам признал, что больше всего покупаются мои стихи. Самые известные писатели на втором месте. Это меня ободряет, ибо чувствую, что молодёжь начинает больше стремиться к идейному, чем к формальному направлению. Много есть духовно жаждущих, но мы их ещё не знаем. И то, что раскуплены книги Мауринь Зенты и Роллана, свидетельствует о чём-то светлом. И в нашем Обществе начинает собираться всё больше светлых людей – свидетелей эпохи. Если бы они яснее сознавали, что есть Общество, – был бы наплыв, как наводнение.

26 января. Утром

С каким напряжением я ожидал вчерашнего дня! Этому дню предназначено стать великим для всей Латвии. Заложены основы новой Латвии. Задан тон и внесено предложение о Лиге, которая объединяла бы всю культуру Латвии и заботилась о ней. Но сейчас я чувствую себя сломленным. Грустно и больно. Из 130 приглашённых организаций пришли представители только приблизительно от 24. Большинство – женщины. Это хорошо. Похвально, что хотя бы у немногих нашлась смелость явиться в помещение, о котором наверняка бродят всякие разные слухи. К. Стуре зачитал доклад Доктора, немного его смягчая. Однако ещё больше можно было его «нейтрализовать». Ибо много всё же было написано о самом Рерихе и Обществе и мало о Лиге Культуры. После перерыва следовали дебаты. Около девяти представителей приветствовали Общество и идею объединения. Но затем стали задавать вопросы по предпринимаемым практическим шагам. Стуре зачитал тезисы к уставу, дал к ним пояснения. И – это всё! Я надеялся, что он и от себя что-то скажет. В качестве руководителя групп он ведь показал себя увлечённым философом. Но теперь его ответы были совершенно лишены вдохновения. Возможно, практических целей мы ещё сами не знали. И недавно Доктор сказал, чтобы по возможности избегали о них говорить. Но ведь у огненного человека рождаются мгновенные идеи и соображения.

Но ответами Стуре на разнообразные вопросы было: «Это выясним в следующий раз», «Об этом в тезисах устава подробнее не сказано, самим придётся разработать», «Об этом мы получим директивы из Америки»... Притом, как мне показалось, он отвечал неуклюже. Моя знакомая журналистка М. спрашивала меня: «Нет ли у вас лучшего докладчика?» (М., однако, скорее думала о самом докладе, желая видеть его больше в духе Учения.) Как нужны огонь и ещё раз – огонь и объективное чутьё! Было бы это, можно было бы преодолеть величайшие трудности. Возможно, Доктор вдохновил бы сильнее. Но ведь на Объединении женщин и он не выступил с конкретными предложениями, и в результате – собрание распалось. Разумеется, до следующего раза эти конкретные «шаги» будут разработаны, но ведь недостаточно только одних планов, захватывают людей не идеи, но живой огонь человеческого сердца. Записываю здесь открыто все свои мысли, переживания. Надо быть искренним с самим собой. Я глубоко уважаю Стуре, его духовность и мудрое спокойствие. Но мне больно, что вчера было не так, как должно было быть! Но в этом я тоже виноват. Виноват в том, что не работаю над собой и не преодолеваю дефект своей речи.

29 января

Я слишком много сердечного огня вложил в надежду на это собрание, поэтому мне теперь так тяжко. Что же делать, ведь никто из нас не подготовился к своей задаче на собрании. Одно дело – хорошо задумать, а совсем другое – вести собрание и не растеряться. Это нелегко. В самом конце собрания внёс диссонанс старый журналист Л., который принадлежит к тем, кто в любом необычном движении видит масонов. И здесь Стуре смутился. Он ведь в Риге недавно, быть может, ещё не ознакомился со всеми основами зарубежного Центра. На следующий день Стуре пошёл домой к <журналисту>. Надо ли было это делать? Однако будет всё хорошо! Появятся новые импульсы, новые подробные планы и главное – новые отзывчивые сердца. Основы уже заложены.

Н.К. и Шибаев уже неоднократно писали мне и Доктору, что книга о Преподобном Сергии получилась красивой, что они рады, что наперекор всем трудностям один экземпляр воздушной почтой попал в их руки уже в праздничную субботу. Сегодня, только что, я получил через Доктора открытку от Н.К. с благодарностью за участие в работе. Всегда изумляюсь чуткости и отзывчивости Н.К., как он реагирует на каждое дело. Везде, где он видит возжжение духа и деятельность, он неизменно проявляет одобрение и ободрение. Я рад этому ещё и ещё раз. Истинно, необычные трудности были с печатанием указанной книги. Издать книгу – дело не великое. Но здесь наваливались препятствия одно за другим. Часть книг я уже отослал, но в целом – она ещё не готова: только теперь печатают обложку в её настоящем виде. Издатель, почуяв, что выход книги отложен, затягивает печатание с одной недели на другую. Странно видеть славянина, не вдохновившегося образом великого русского Благодетеля. Будет хорошо!

2 февраля. Пятница

Состояние Доктора теперь тяжёлое. Он хворает уже с весны. Держится у него температура. В лёгких открылась старая рана. «Заложило» уши. Летом с его ушами происходили чудесные вещи: по дороге из Межапарка на работу они часто «открывались». В декабре Доктор получил от Н.К. письмо с указанием Учителя, что болезнь Доктора огненной природы, стало быть, надо радоваться, но печально то, что он живёт в самых неподходящих условиях. Жизнь в центре города ещё не самое главное, ведь ужасно утомительно принимать больных, притом будучи с «тугими ушами». Теперь после каждого приёма он чувствует себя полностью исчерпанным. Наконец, он решил с 6 февраля отправиться на полтора месяца в «отпуск». Куда? На это у него свои планы, о которых я нечаянно узнал. Болезнь Доктора тормозит также всю внешнюю деятельность нашего Общества. У него уже были составлены обращения для нескольких собраний, в том числе художников, учителей и т.д. Но ему пришлось расстаться с руководством группами. Последний раз в Обществе он был 24 декабря, когда вручал младшей группе Изображения Мории. Теперь ведёт группы Стуре и ещё другие. Стуре очень тонко знает «Geheimlehre»[1] и продолжительно углублялся в Учение. Что-то от Сократа, отвечает на все вопросы, интересно быть под его руководством.

[1] «Тайную Доктрину» *(нем.)*.

Но Доктор, хотя временами и слишком порывистый, больше действует сердцем. Странное впечатление на нас произвело то, что Доктор дарит членам Общества свои фотопортреты, велит выбрать один, который хочется. Некоторые задумываются: не надолго ли он уезжает? У нас в библиотечном помещении уже есть портрет Доктора, его прислал В.Шибаев. Мы шлём Доктору самые светлые мысли.

4 февраля. Воскресным утром

Зента высказала вчера Элле упрёк, что мы её бросили. Она ожидала, что в связи с выходом её книги о Достоевском я окажу ей духовную поддержку. Она якобы одна среди врагов. Я мог будто бы написать о её книге. По её словам, я исполняю Учение только в теории, но не в жизни. Есть в этом своя истина. Я слишком мало отзывчив, слишком мало внимателен к другим. И редко к ней хожу, хотя она сама была очень занята. А вечером мне ехать к ней из Межапарка невозможно. Я серьёзно думаю написать о её книге. Обещали поместить мою статью в Ежемесячнике Министерства образования, но когда она была готова, меня обманули: кто-то другой написал рецензию, притом довольно отрицательную. Можно было дать её ещё в «Даугаву», но мы решили, что в таком виде её печатать нельзя – слабовата. Написать пошире я в данное время не в силах. Во-первых, уже потому, что так мало знаю Достоевского. Разумеется, труд ценный, читал я с интересом, но не с увлечением. За исключением Зосимы[1], остальной мир Достоевского стал мне довольно чуждым. Всё это – борьба, которая когда-то была. Откуда мне знать? Зачем опять ко всему этому возвращаться? Для Зенты все эти роковые сомнения и поиски всё ещё как Священное Писание. Я жажду вдохнуть свою душу в свет всеобъемлющего, всеохватывающего сознания. Конечно, цель у нас одна, но наши пути расходятся. Зента ещё надеется найти эту цель через литературу, которая приемлема сознанию большинства современного человечества. Поэтому она ещё восторгается противопоставлениями в поэзии. Принимать и одобрять нечто только из-за формы – на это я уже давно органически не способен. Приходила ли она в наше Общество в истинном устремлении? Но тогда бы она сразу не ушла. Она являлась только тогда, когда мы приходили за ней. И затем я задумался: она ведь не отказывается ни от одного концерта, ни от одного званого вечера, и, если ей там хочется быть, она сама способна физически туда добраться. Я хотел, чтобы проявилась её свободная воля. К чему мне утаивать тот факт, что её жизнь, хотя сама она чудесный человек, ещё сильно основывается на самости. Она, придя впервые в наше Общество, обиделась на Доктора, который, встречая её, спросил: «У вас давно так со здоровьем?» И весь первый час все её мысли были привязаны к этому смущению. Доктор, конечно, плохой психолог, нельзя задевать больные раны, в беседе с ней надо глубже подходить к её душе. Она высказалась Элле, что приходила в Общество не ради теории, а ради личностей. И – не нашла ожидаемого. Но она не знает Доктора так, как мы, он значительно вырос за три года. Так преодолевал, кристаллизовал себя! Из-за её особенностей уже давно не только мы, но и другие друзья Зенты стали осторожнее в разговорах с ней. Знаю, что ранее Зента часто понимала меня превратно. Может быть, когда-то в игре слов я не раскрывал своё истинное чувство. Такое ощущение, что Зента каждого человека рассматривает прежде всего через призму своей самости. Но самость ведь следует изживать, разве это не должно быть нашим стремлением? Всегда и неизменно интересовало Зенту, что о ней говорят. Знаю, в жизни она так измучена, как никто. Ей так не хватало ласки и поддержки. Но разве она не может быть счастливой, видя то большое число молодых идеалистов, которые собираются вокруг неё? Разве она не может быть благодарной публике, что её книгу раскупили в течение месяца? Это доказательство того, что в латвийской молодёжи зарождается огонь идеализма. Что есть критика? Похвалы друзей мне иногда становятся болезненными, ибо рядом с ними я ощущаю ухмылки врагов. А нападки врагов, на чём ещё можно лучше учиться? Враги ведь больше всего усердствуют, чтобы обнаружить ошибки, и нередко успешно. И нам надо быть благодарными, что при их содействии мы можем учиться. Лично я с большим интересом жду, что обо мне скажут мои враги. Но разве не всё равно, в конце концов, пишут о моих стихах или замалчивают их? Лишь бы они нашли путь к нескольким горящим сердцам. Сознаю, что и я всё ещё часто во власти самости.

[1] Речь идёт об одном из героев романа «Братья Карамазовы».

Как часто я мыслю: «Как мне лучше?» «Я», «мне» – это путы, из которых нам надо освобождаться. Но моё желание – стать свободным. Во-вторых, надо больше слышать других, видеть, понимать и любить.

К вечеру

Я отослал в Индию свой очерк о Культуре и Прекрасном[1], на русском языке. Уже раньше в письме Доктору Н.К. признательно отозвался об этой работе и спрашивал, не напечатают ли её где-то? Недавно и Клизовский отослал две главы из своей книги[2]. И вот, какой чудесный ответ мы сегодня с Клизовским получили у Доктора. Доктор спрашивал вообще о целесообразности писаний, и в одном письме из Индии были слова Учителя: «Письменные размышления об Учении полезны. Одобряю труды, которые присланы на просмотр. Можно предложить и другим сотрудникам приучаться к таким же работам. Они могут избирать части Учения, им близкие, и сопоставлять с прочими Заветами. При этом можно заметить печать времени на тех же Истинах. Задание проследить эту эволюцию уже само по себе будет очень нужным трудом. Мы против осуждения, но сопоставление будет как шлифовка камня. Можно при любви к предмету находить много новых сопоставлений и прекрасных прикасаний. Такие размышления, как цветы на лугу».

Это было большой моей радостью, «подъёмом», переполнением благодарностью. Мой дух устремляется в верном направлении, хотя ещё столь несовершенен мой труд! У меня недавно возник замысел написать Историю открытий Истины. Но это столь большой и ответственный труд, что дальше прочтения одной книги по этой теме я не дошёл. Также была у меня мысль писать об идее перевоплощения в наше время и среди древних народов Европы. И, наконец, об идее Огня в греческой философии. Всё это и другое – священные задачи. Как это свершить, когда так мало времени? Главная моя задача, как только будет напечатан труд о Тагоре, – писать очерк об Н.К.

Новое волнение: через неделю в Европе будет Николай Константинович. Доктор поедет встретиться с ним. Готовлю вопросы, которые можно дать ему с собой.

В Обществе нынешней зимой образовалась уже вторая группа. Осенью группа Стуре, только что – группа Драудзинь. Доктор говорил, что он размышлял о многих членах как о руководителях групп. И относительно каждого видел, что он не годится. Наконец, подумав о Драудзинь из младшей группы, увидел – светящийся лучами золотой ключ. Она и сможет отворить врата.

19 февраля. Понедельник

Уже столько лет за плечами![3] Но стал ли мужественным? Способен ли я быть руководителем и взяться за нечто большое? Достаточно ли во мне выдержки и светлой прозорливости? Не позволительно мне больше думать, что я ещё дитя. Следует полагаться на себя, надо проникнуться сознанием великой ответственности. Будут битвы, сражения и трудности! Но огни сердца принесут и скромную улыбку. Мой друг часто устаёт. Сладкая ноша тоже способна иногда утомлять. Уже девять месяцев ступает по туго натянутым струнам. Столь трудно проводить ночи в полусне, позволять каждому крику ребёнка отзвучать в сердце. Я помогаю, насколько могу. И заменяю её на некоторые ночи. Работаю по утрам, но дело двигается медленно. Жаль, что очерк о Тагоре я не закончил ранее, в минувшие годы. Ну, теперь всё, завершаю, но за счёт скорейших и ныне более важных дел. Эгле не решается взяться за крупные работы. Давно его подгоняю. Когда не было надежд напечатать статью <о Тагоре>, и я неоднократно начинал и оставлял эту работу. В голове столько замыслов! Но именно теперь меньше всего времени и больше всего физической усталости.

Кажется, Доктор в Париж не поедет. Его положение тяжёлое. Температура выше 38°. Притом приходится ему жить в таких условиях! Он отправил навстречу Рериху в Париж письмо, где описывает своё состояние. У Доктора только что умерла мать. Что ещё за переживания нас ожидают?! Свершается великая мировая политика. Битвы. Катастрофы.

[1] «Культура Красоты».

[2] «Основы миропонимания Новой Эпохи».

[3] В этот день Р.Рудзитису исполнилось 36 лет.

Смуты. Ненависть. Крушение духовного идеализма. В сердце всё отдаёт болью.

6 марта

Вчера я посетил Доктора, после двух недель. Не хотел его тревожить. Его положение теперь чрезвычайно тяжёлое. Откровенно говоря, он на критическом пороге. Дома царствует тишина и отчаяние. Никто, за исключением трёх членов Общества, не знает истинного положения Доктора. Оттого и понятно настроение родственников.

Меня поразило, насколько он похудел. Кости обтянуты кожей. Лицо впалое, удлинилось, белая борода, однако облик его как бы излучает свет. Он говорит, что дошёл до последней черты. Дальше идти невозможно. Он уже три недели в состоянии, о котором обычная медицина считает, что нет совершенно никаких надежд на выздоровление. Вначале хотелось есть, был аппетит. Но затем у него появились видения, которые запрещали всякую пищу, кроме тарелки супа и полстакана пшеничных зёрен. И лекарства запрещены, кроме мускуса. Было видение, отметающее все лекарства и указывающее на изображение Учителя. Эти указания он решительно выполняет. Но теперь пропал всякий аппетит. Конечно, домашним он ничего не рассказывает. Он чувствует, что всё это дано ему как самое трудное испытание. Поначалу было на душе неспокойно. Но он прочёл в «Сердце» слова: «Позвольте довести себя до края бездны».[1] Только тогда можно вырасти, подняться, когда идёшь сквозь тяжелейшие страдания, когда ставишь на карту всё! Тогда наступил покой. Теперь – полное спокойствие и полное доверие Учителю. Н.К. ответил на письмо Доктора, но именно о его болезни написал мало. Значит, указ: справься сам, доверься Высшей Воле. По ночам температура доходит до 39°. Тогда трясёт лихорадка и мучает бред. Это очень мучительно. Рассказывает об этом, и подступают слёзы: «Меня может спасти только чудо, – заканчивает он. – Не думай, что легко подняться вверх», и говорит мне: «И тебя, если хочешь подняться, горькая чаша не минует».

Спрашивает и обо мне, и о семье. Ещё раз советует нанять служанку, иначе на домашние дела уйдут все творческие силы. Я это знаю, но нелегко решить финансово. И моего друга в некоторые дни мучает такая усталость. Давно задумал взяться за монографию о Рерихе. Но держал меня труд о Тагоре. Думаю, не следует ли для начала перевести книгу Дювернуа[2]. Доктор говорит, чтобы пока с этим повременить. События сами выдвинут её необходимость. Насильно невозможно публику заинтересовать Рерихом. Пока к Лиге Культуры тоже подойдут немногие, но главное, чтобы была возможность сотрудничать.

Доктор рад, что во главе нашего Общества теперь Стуре. Выносливый человек, который может говорить 20 часов подряд и не уставать. Наша дружба с ним крепнет. Ныне печатали воззвание Лиги Культуры к общественным организациям, написанное Стуре. Он вовсе не такой уж интеллектуал, как поначалу казалось. У него есть и стихи. Его огонь простирается вовнутрь, в глубину.

Н.К. в Европе, жаль, что Доктор не попал к нему. Можно было бы о многом спросить. Была бы масса новых впечатлений.

Мы верим, что Доктор победит в этой великой борьбе. Дух его бодр, и разве этой бодростью не откроются Божественные Силы?

12 марта

Был у Доктора. Не лучше. Ужасно исхудалый. Читал «Сердце». На столе красные розы. Я принёс фризии. Растроган, стал очень чувствительным, как никогда раньше. Сам очень слаб, но интересуется и обо мне, и о моём друге. Ещё и ещё раз предлагает нам нанять няню для ребёнка. Я знаю, что свои силы нам надо посвящать Обществу. Но как же брать на себя ещё долги? Глубоко взволновало меня осознание, которое я давно чувствовал, но не осмеливался исполнить. *Пришло время открыто выявлять Учение в жизни.* Выявлять идею Учителя. Доктор теперь убедился, что он ошибался, не начав это раньше. Клизовский осмелился, с восторгом духа написал прекрасный труд и теперь получил похвальный отзыв от Е.И. и Учителя. Одобрена и открытая деятельность Асеева. Читаю теперь «Оккультизм и Йогу», 2-й том, и удивляюсь великому дерзновению духа.

---

[1] См. § 30.

[2] Жан Дювернуа. Рерих: Фрагменты биографии. – Рига, 1932.

Стало быть, предсказанное время пришло. Вспоминаю свой доклад о расширении сознания. Когда почти окончил его, по совету Доктора выбросил фрагменты о карме и перевоплощении. Мы рассуждали, что время ещё не настало. У наших предчувствий было тогда слишком мало дерзновения, так как время-то уже пришло. «Указ Наш – принять на плечи свидетельство Прихода Моего». Я свою душу раздваивал, теперь хочу отдать всего себя Идее, в свете которой сияют все пространства. Доктор в марте ждёт великих событий, которые потрясут планету.

Он радовался, когда я сказал, что готовлю труд о «Смене Эпохи». И он хотел когда-то писать о «Новом Мире». Говорил, чтобы я слишком не останавливался на отрицательном, лучше повествовать о новом и творящем. Также говорил, чтобы я теперь писал на темы Учения, их ведь бесконечно много. Чтобы я писал о Белом Братстве Грааля. Это каждому надо знать и понимать. Должен явиться теперь и некий апостол, который с пылкостью Павла провозглашал бы Учение.

14 марта. Среда, вечером

Сегодня почувствовал, глубоко пережил одну существенную мысль: я очень во многом опоздал, многое упустил! Сроки подошли, а что я сделал для блага Учения? Перечитал ещё раз слова Е.И.: «Время так кратко, и мне иногда делается страшно – успеем ли мы выполнить всё к сроку? Новый Мир идёт, и мы должны подготовить кадры людей, которые будут в состоянии закрепить новые понятия». Так много было планов, но ни один по-настоящему даже не начат. Чувствую, что труд об Н.К. надо пока отложить. Мы теперь находимся в средоточии событий, и уже слишком поздно делать то, что надо было самым спешным образом завершить летом прошлого года. Но тогда ведь я полгода проработал над «Агни-Йогой». Мне следует осознать, что всё, что я делаю на пользу Учения, я делаю на благо будущего. Ибо теперь усложнены все события и удачи, и каждый шаг может иметь стократное значение. Урок мне на все времена: никогда не откладывать! Если всплыла какая-то идея или план и это чрезвычайно восхищает, – значит, пришло время его осуществить. Ещё одну ошибку, к своему горю, я сделал. Поначалу так спешил с книгой о Сергии Радонежском. Но затем пришла телеграмма и письмо: распространение отложить до середины марта. Посылать можно только за рубеж. И следовательно – я больше не торопился. И переплётчик сильно медлил. И совсем недавно я отослал в Париж, Белград и только теперь – в Америку. До сих пор не понимал причины задержки. Но теперь она мне ясна. Сегодня понял, что было необходимо, чтобы книга достигла Нью-Йорка до 24 марта, до дня годовщины Музея. Но всё это уже невозможно. Чувствую, что из-за того, что до сих пор не составил плана своей деятельности, меня могут ожидать ещё многие оплошности. Необходимо стать бесконечно прозорливым и чутким в условиях, когда жизнь и события нередко делают нас слепыми и глухими именно там, где следует проявлять наибольшее внимание.

20 марта. Вторник

Сегодня я получил большую, самую великую радость: письмо Е.И. вместе с моей рукописью о Культуре Красоты, которую я посылал в Индию, и пришло также письмо В.Шибаева. Какими отзывчивыми являются великие сердца! Какая духовность излучается ими! Какими чудесными эманациями наполнена каждая строка письма Е.И. «Буду так счастлива, если Вы уделите часть Вашего времени, чтобы в прекрасной форме писать на темы, затронутые в Учении. Выбор большой! И бедное человечество, особенно наши соотечественники, так нуждается в обновлении сознания и в ясном и привлекательном изложении искажённых великих Истин. Благословение Великого Учителя будет с Вами». Как жаль, жаль, что в последние годы я так мало писал, и особенно связанного с Учением. Только Учение способно по-настоящему возжечь сердце, повелеть отзвучать в нём звукам дальних миров. Но не надо сожалеть. Ещё не поздно. Теперь всё время читаю и выписываю из «Сердца» и из других книг. В замысле моем – «Смена Эпох».

26 *марта. Понедельник, вечером*

Состояние Доктора стало поистине критическим. Высокая температура с лихорадкой на прошлой неделе внезапно спала до 34°, в то время как пульс стал 130. Однако затем температура вновь поднялась. Вчера он терял сознание. И сегодня я заходил – на несколько минут после трёх часов. Ужасно слабый, побледневший, совершенно немощный! Но преданность Учителю – до конца! Это истинное геройство духа, вся болезнь Доктора. Следовать только указаниям, которые притом уменьшают порции пищи до минимума, отказываться даже от апельсинов и яблок (в последнее время разрешено только немного супа) – это геройство! Однако свет на его лице.

С какой любовью вспоминают о нём все члены Общества! Сегодня мы решили написать письмо Шибаеву с подробнейшим описанием. На прошлой неделе пришла телеграмма от Е.И. о болезни Доктора, в Риге ли он ещё? И он велел Стуре ответить точно, что находится в Риге. Сожалеем, что раньше не осмелились <написать подробно о болезни Доктора>. Я ведь 10 марта писал Шибаеву, но следовало ещё детальнее рассказать. И главное – отправить воздушной почтой. Сегодня Доктор сказал Мисиню, что разрешает сообщить о его состоянии Елене Ивановне. Доктор ведь сердце нашего Общества. Поэтому понятно, что г-жа Мисинь со слезами говорила о нём. Но Доктор ведь находится под защитой Высшей Воли. По-человечески, состояние Доктора кажется чрезвычайно тяжёлым, но во мне живёт мощная вера. Это битва, которую Доктор свершает на благо нашего Общества, и Луч победы Учителя будет над ним.

Мы подписали устав вегетарианского кооператива «Эпоха», и в пятницу состоялось учредительное собрание. Я отказался от участия в правлении, ибо нет возможности себя расчленить. Мой путь ныне – перо. Была бы только голова яснее, прикасались бы к ней лучи огня пространственного сознания. Субботний вечер мы открыли Знаменем Мира. Час прошёл сердечно и одухотворённо.

28 марта. Утром

Вчера вечером состоялось заседание, где перерабатывался устав Лиги Культуры. Внезапно около семи часов мне позвонил Мисинь, чтобы я пришёл к Доктору, он тоже у него. Когда зашёл к нему, меня глубоко и больно поразил странный ликующий тон Доктора, с которым он меня встретил: «Хорошо, что ты пришёл, мы ныне углубляемся в молитве с Мисинем, и я улетал к высшим духам. Я в высшем блаженстве. Ну, уже хорошо, и даже температуры больше нет. Теперь как раз истинное время с тобой поговорить о литературе, планах, Учении». Доктор говорит сильным, энергичным голосом, но сквозь стиснутые зубы, будто шепелявя, до того он слаб. Сижу, слушаю в замешательстве, в великом напряжении. Хватаю его руку и что-то говорю, но говорить трудно. Доктор на мгновение останавливается, и затем опять говорит: «Теперь пришло время возвестить Учение миру, чтобы все народы слышали о Майтрейе, об Иерархии, о Братстве. Народам надо сознавать, что единственное спасение для них – Иерархия, иначе они погибнут. Это следует свершить. Надо спешно воспринять и писать об Учении, писать быстро, как только можно. Всем народам, всем людям необходимо слышать эту высшую истину об Иерархии». Опять говорит о Клизовском и Асееве, что они правильно поступили, что дерзнули. Пытаюсь успокоить Доктора, чтобы отдохнул, чтобы много не говорил. Затих и говорит опять. Опять начинает повторять те же мысли. С ужасом чувствую, что, хотя мысль столь ясна, из-за крайней ослабленности Доктор совершенно более не владеет направлением своего сознания. «Народы погибнут, если не примут Истину Братства. Надо это сообщать везде и всюду, чем скорее – тем лучше». На столе фризии и розы в нескольких вазах. На стене перед его глазами картина Н.К. «Брамапутра», которую мы принесли из помещения Общества. Мисинь подошёл к окну, приоткрыл. Он тоже жертвует собой. Вчерашней ночью опять обещал дежурить у Доктора. Он тоже умеет обращаться с Доктором, чувствует себя в его семье свободно, сумел повлиять и на его сына-врача.

Это на самом деле духовный героизм, который теперь свершает Доктор. В нём проявляется великая воля, которая отказывается абсолютно ото всего, если это не предлагает Высшая Воля. Это чудо. Туберкулёза больше нет, великая слабость происходит от

голодания, знать это и быть способным отказаться даже от апельсинового сока... Доктор это уже давно предвидел, возможно, это ещё тяжелее, но он хочет идти до конца. Ибо Дух его Учителя над ним.

28. марта. В шесть часов пополудни

Да будет Воля Твоя, Высочайшая Воля!

29. марта. Утро

Воистину, какая космическая мистерия свершилась вчера! Это было превыше наших мыслей, превыше нашего разума, даже – превыше нашего сердца. Невероятно, не осознаваемо, по-человечески необъяснимо. Пока Доктор был оторван от непосредственной деятельности в Обществе, пока он болел, мы чувствовали себя незажжёнными. Но у нас было ощущение, что где-то за нами бьётся огненное сердце, которое может нас в любой момент вновь зажечь, воспламенить, заставить затрепетать предчувствием новых полётов и замыслов. Он был необходим нашему Обществу, как сердце необходимо организму. Все его начинания ещё только в начале, все его планы, все свершения и задачи – от Учителя. Поэтому до сих пор ни я, ни многие другие не можем поверить в случившееся, и в нас есть ещё некие светлые ожидания и предчувствия.

Хорошо, что я был у Доктора позавчера вечером. Видел и пережил всё, чем его дух был переполнен, и считаю теперь своим священнейшим заданием нести в мир принцип Иерархии. Помню, что он ещё сказал: «Если возникнет у тебя нечто, чего ты не понимаешь, то обращайся к Е.И.» Переговорили мы и о том, что самое позднее осенью и нам надо бы издать какой-нибудь сборник статей. Асеев издал малыми средствами и достиг успеха.

Как же всё это было? Вчера мне в библиотеку ещё до 11 часов позвонил Мисинь, чтобы я поторопился к Доктору, ибо состояние чрезвычайное, и чтобы я сообщил другим. Войдя в коридор, встретил я Ренца, Мисиня и г-жу Драудзинь, позднее подошли ещё Залькалн и Валковский. У кровати Доктора Мисинь, родственники и дочь из Болгарии (Сильвия). Затем пришёл и Стуре. Доктор с раннего утра начал бредить – произносить английские слова. Около 9 часов пришёл Мисинь. В половине десятого у Доктора внезапно наступили судороги сердца. Руки и ноги начали остывать. Присутствующие испугались. Сын – врач, который теперь работает на месте отца, сделал инъекцию кофеина. Мисинь знал, что подобные яды были неприемлемы для принципов Доктора, и он их категорически отверг бы. Возможно, это было во вред? Кто знает? Осмелился бы Мисинь выступить против воли сына, взять на себя ответственность? Отец был без сознания. После инъекции Доктор как бы вернулся в полусознание. Мисинь звал его, он будто бы слышал. Принял и мускус. Затем опять наступил бред, стоны. Около 12 часов приоткрылись двери, и через длинный коридор долетели до нас стоны Доктора. Около часа мучился, заламывал руки. Затем наступил покой. Мы, находящиеся в приёмной комнате, конечно, не посмели тревожить его. Жена Доктора считает наше Общество источником всех бедствий. Один раз я подошёл к приоткрытым дверям, посмотрел. Около кровати собрались родственники. Всё время мы ждали телеграммы из Индии. Ответ не приходил. Происходила мистерия Высшей Воли. Что мы могли знать, хотеть своим умом и сердцем? Мисинь показал нам конец параграфа 96 <«Иерархии»>, там – весь ответ: «Ждёте Меня, ждёте явления помощи, но ведь не знаете, где именно нужна помощь и когда прозвучит последний час битвы. Но полагая на Нас всё сознание и зная, что не замедлим, – строите нерушимый мост и собираете сокровище Мощи.

Может быть, помощь очень нужна, дайте судить Нам, ибо время полно и за морем уже встают столбы Света!»

Доктор доверял Учителю абсолютно, до последнего! Мы тоже доверяли, ибо понимали, что Высшая Воля сама глубже везде прозревает причины и следствия и знает, почему всё именно так. Теперь происходит Космическая Битва, теперь в мире происходит то, что никогда не происходило, как же нам знать, для каких превращений и для каких задач нужно присутствие Доктора в Высшем Мире.

Около часа Ренц, который бегал в Общество, чтобы узнать, нет ли телеграммы, примчался запыхавшийся, со светлым лицом. Кричал нам: «Я теперь знаю, что всё будет хорошо, что Доктор не уйдёт от нас».

Он ночью молился Учителю, и внезапно перед ним показалось сияние света, которое увеличивалось, ошеломило и поразило его. Милая славянская душа, этот Ренц. Заново учусь уважать некоторых людей.

После половины второго я поехал в библиотеку. Когда вернулся на автобусе, поспешно взбежал по лестнице и открыл двери, вижу – Мисинь хочет что-то сказать. Когда я подошёл к нему, услышал шёпот: «Доктор ушёл от нас». Пришёл ещё врач. После дочь Доктора то же самое сказала по телефону. Слово было произнесено, запечатлено в пространстве. В 3.10 перестало биться сердце Доктора. Мистерия началась. Теперь она продолжится на высших планах. Мы в безмолвии, потрясении стояли перед ней, мы – наследники человеческого понимания случившегося. Да будет Воля Твоя! Затем Ренц сказал, что в воскресенье он был у Доктора и тот как тайну ему поведал, что ему надо будет на два часа войти в состояние, которое похоже на смерть, но затем он опять поднимется. Мы ждали эти два часа. Я вышел на минутку позвонить своему другу, чтобы в соседней квартире попросили её к аппарату. Сказал, что Доктор в летаргическом сне. Я не хотел внезапно поразить известием. Так прошли эти два часа. Валковский сказал, что с Блаватской было два таких случая, потом она возвращалась. В последний раз её уже везли хоронить на кладбище, но затем пришла телеграмма из Индии, чтобы задержаться. Прошли эти часы. Мы встали и пошли. Было ощущение, которое и теперь присутствует, что Доктор не ушёл. И всё же, да будет Воля Твоя! Говорить ли, что мой друг была совершенно изумлена и потрясена. Мы оставили малышку под присмотром хозяйки дома и направились в Ригу. В Обществе в 8 часов состоялось общее собрание. Было мгновение молчания. Говорил Буцен – с любовью, тепло. Призвал теснее объединиться, отбросить все споры. Валковский, человек сердца, сказал, что Доктор каждому из нас дал луч, который надо нести и расширять. Что он дал нам путь. «Осыпался» цветок земной, чтобы, как звезда, загореться в вечности. Затем говорил Стуре. Надо в сердце держать радость. Члены Общества разделились на две группы. Одна отправилась сразу в квартиру Доктора, кто навестить, а кто-то и остаться у его одра. Другие отправятся потом. Мы с Валковским несколько часов бродили по дождливым улицам. Наши души были в глубоком созвучии. Наши сердца были переполнены тем, что случилось. Валковский мне много рассказывал также о трагедии своей жизни. Так после 11 часов мы опять пришли в Общество. Отослали телеграммы за границу. Для кого же эта весть не будет потрясением?! Кто же в первый момент в это поверит? Доктор был выдающейся творческой личностью не только для Латвии. Его влияние начало широко распространяться в мир. Ещё в нас живёт ожидание. Всё же, Твоя Воля, Твой Разум да будет!

Как может уйти тот, кто так тесно связан с Учением, с нашей культурой, с лучшими чаяниями человечества? Я теперь пишу для газет, а что-то внутри как бы сомневается – нужно ли это? Может быть, скоро сам Доктор, своей рукой, отзовёт все извещения? Да, сегодня газеты сообщают нечто безжалостное! Конечно, Доктор на Высшем Плане лучше сможет помочь человечеству, чем находясь здесь, на физическом. Ибо все космические сражения происходят именно в Высотах, куда сознанию человека трудно подняться, вознестись.

30 марта. Утро Страстной Пятницы

Вчера вечером в новую скорбь погрузилось сердце. Физическая оболочка Доктора уже изменяется. Ещё он находится в своей постели. Вчера поздно вечером отнесли Знамя Мира, чтобы покрыть его тело. Чтобы Знамя получило благословение от него. Ощущение такое, что Общество теперь без своего сердца. И это ощущение – повсюду. Чувствуем себя как осиротевшие. Оставлены жить своими силами. Руками и ногами человеческими придётся начать новый ритм в Обществе.

«Наша помощь, как знаете, приходит в час последний, но нужно не закрыть дверь Нашему вестнику. Может быть, Наше воздействие происходит за дальними морями» («Иерархия», 179).

Доктор во вторник (27.III) сказал старой служанке, которая принимает пациентов: «Я сделал всё, что Высшая Воля велела. Ну, будет хорошо!» А Стуре он сказал: «Если это является ошибкой, то вся моя жизнь была ошибкой».

Такое абсолютное доверие каждому повелению Учителя – разве не есть нечто сверхчеловеческое, разве не истинный подвиг: смотреть безбоязненно в глаза смерти? И переносить мучения, какие редко кому приходится, столь мужественным, светлым духом.

Некоторые члены Общества, которые ничего не знали об уходе Доктора, пережили в эти часы странные ощущения. Одни – необычную, великую, просветлённую радость, другие плакали, сами не зная почему.

Вчера в 6 часов состоялось собрание Лиги Культуры. Но как было грустно! Явился один из Икшкиле и четверо-пятеро из Риги, если не считать некоторых членов нашего Общества, которые одновременно представляли и наше Общество, и другие организации. Возможно, так мало из-за того, что радио сообщило об уходе Доктора. Мы рассуждали: может быть, перенести собрание? Но разве труд не является лучшим почитанием памяти Доктора? Не будет ли назойливостью отзывать и потом опять обращаться к сельским организациям? Заседание началось. Стуре прочёл свой доклад-обзор о работе секций и об уставе. Затем состоялось подписание устава. Так или иначе, но основы заложены, хотя на этот раз без энтузиазма. Но события сами развернут возможность Лиги.

31 марта. Полдень

В два дня пережита история.

*

Семь вечера

Песчаный бугорок и венки на нём. Стройные, одинокие сосны. Ветер, грустно заметающий прошлогодние листья. Мистерия кончилась. Кончился великий жизненный путь, чтобы продолжиться на иных планах. Теперь сомнений больше нет.

Ещё в четверг всё казалось невероятным. Но с каждым часом, с каждой вестью вера исчезала. Где же чудо? Но зачем чудо, если в мире царствует строгий Космический Закон?

Вчера мы были в Обществе, я прочёл телеграммы из Америки, Парижа; Н.К. пишет: «Мы избрали его бессменным членом, пусть имя его останется навечно в <числе> вождей революции духа».

В Обществе на стене под портретом Н.К. вывешена большая фотография Доктора, которую Драудзинь случайно приобрела в магазине. Вторая – находится на стене в помещении библиотеки. И у неё странная, полная предзнаменований, судьба. Доктор когда-то гостил с группой членов Общества в Огре. Он сидел на природе, на пеньке, и его собрался фотографировать Принцис. Аппарат был установлен, но ждали, чтобы уплыли облака. Тем временем пружинка сработала сама. Я спрашивал позже Доктора, отчего у него здесь такое одухотворённое лицо? «Это оттого, что в тот момент я думал об Учителе», – ответил он. Эту фотографию Принциса я нечаянно послал в Индию и вскоре получил её увеличенной, с пометкой на обороте – повесить в зале. С согласия Доктора повесили её в библиотеке.

Странное впечатление оставляет то, что Доктор поручил составить список, в котором бы члены Общества отметили, согласно приложенным образцам его фотографий, которую из них они бы желали для себя. Предчувствовал ли он что-то тогда? Вручение фотографий он, однако, отложил.

Да, вернулся домой поздно вечером, чтобы рано утром отправиться в «Яунакас Зиняс». Обещали поместить мою статью о Докторе, но тёмная рука половину вычеркнула, и именно – лучшие слова. Было так грустно. Кто скажет их сердцу, что Доктор являлся поистине апостолом Новой Эпохи в Латвии, что он задал тон движению, которое когда-нибудь, возможно – скоро, охватит всё человечество.

Так, в напряжении, прошли часы. Ещё – телеграммы за рубеж. Обсуждали мы вопрос о нашем Знамени. Позавчера мы решили не идти с ним в траурном шествии, сегодня многие думают, что было бы лучше всё же идти. Ждали мы последнюю, всеподтверждающую телеграмму. Сердце уже стало примиряться. Решение нерешимого. Прозрение глубин мистерии. И всё же сердце как-то ныло и ожидало.

Наконец, когда я вошёл в квартиру Доктора, Стуре показал мне долгожданную телеграмму от Друзей в Индии, которая начиналась словами: «Скорбим о непоправимой утрате...» Слово произнесено! Первое слово прозвучало в среду по телефону. Теперь, спустя три дня, – из высшего пространства.

Космическая мистерия завершилась. Из всех происшествий, что я видел теперь и в прошлом, это мне кажется одним из непостижимых. Уйти, только начав работу! Уйти, следуя Указаниям. И вот, я глубоко понимаю, что Высшая Воля здесь действительно выявила какой-то космический замысел, что здесь не только кармическая причина. Быть может, с Доктором происходит опыт, связанный с астральным планом? Возможно, в том мире Доктор теперь нужнее, нежели на земле.

Сыновья Доктора сдружились с Мисинем и Стуре, охотно слушают их размышления. Особенно – врач; кажется, он когда-нибудь пойдёт путём Учения. Он тоже любит простоту. Ограничил церемониал корпорации <врачей>, просил Станге говорить по существу. Он и позволил оболочке отца пролежать более чем два дня в кровати.

Хор поёт две песни. На глазах у всех слёзы. Исполняется на рояле траурный марш Шопена, в пространстве звучит такая скорбь, когда участники шествия направляются вниз по лестнице, по той самой лестнице, по которой я с взволнованным сердцем бегал несчётное число раз. Кто же из наших членов забудет эти ступени?

Белые кони. Впереди чёрное знамя корпорантов, за ними наше – бело-малиновое Знамя Мира. На улице так много солнца, как ещё ни в один день этого года. Уже с раннего утра оно так сияло, и – до самого заката. Точно так же под улыбкой солнца, с обнажёнными головами, мы провожали Райниса. И светлое Знамя впервые реяло на улицах столицы. Знамя, под которым однажды соберутся все народы.

Величественные, тихие сосны. Пригорок. Всё происходит так, как всегда. Речи. Сначала говорит представитель наиболее мирской. Доктор, возможно, усмехается где-то у вершин сосен. Так, как улыбался на похоронах Анны Бригадере. Затем говорит Стуре. Мы не верим в смерть, поэтому мы под белым знаменем. Мы желали бы, чтобы Доктор ещё долго был среди нас. Рука судьбы задела и наши сердца. И это ещё долго будет больно звенеть. Буцен говорит: «Доктор сотни, тысячи людей спасал и днём и ночью, но открывал и путь к духу». Говорит Кляустынь: «Ты всегда призывал – творить добро! Всюду ты сеял зёрна блага». От врачей – кто-то подчёркивал его великий гуманизм. Он для больных был не только врачом, но и духовным отцом. Ещё несколько человек говорят. Последние венки. Тишина. Солнце, улыбаясь, клонится к закату. На лицах наших друзей почему-то светится улыбка. Всматриваюсь в голубое небо, и мне делается на сердце благостно. Это только оболочка, оболочка, которой дают на земле имя.

1 апреля. Утро первого дня Пасхи

Ранним утром мой друг сходила на могилу Доктора. От Межапарка ведь близко. Затем – и я. Пережил ещё раз случившееся. Здесь покоится внешняя оболочка, имя которой – Доктор <Лукин>. Дух вне имени, времени и пространства. Дух свободен от формопроявлений. Я обещал бороться, стремиться по стопам Доктора. Но в Обществе я в силах совершать только половину работы, пока не преодолею свой недостаток речи. Прощаясь, я задумался, ведь Доктор неоднократно лечил мне речь. Благодаря этому я с ним и познакомился несколько лет назад. Но успехов тогда не было. Может быть, теперь он знает истинный метод. Ибо теперь способен узреть начало и конец явлений. Открыл я «Иерархию» и читаю: «Целение лишь в познании Иерархии Сердца».

7 апреля

Я получил на днях от Вл. Шибаева альбом с фотографиями Наггара, письмо, где он озабочен состоянием здоровья Доктора. Интересно, что он писал 10 марта, в тот же день, когда я ему отослал своё письмо о тяжком состоянии Доктора. Он ведь, наверное, был ближайшим другом Доктора, расстались они несколько лет назад, когда Доктор был совсем иным, чем теперь. Бог весть, что переживают в Индии, что думают. Написал я длинное-длинное письмо в Наггар в связи с уходом Доктора, которое отошлют вместе с нашим совместным письмом от Общества. О самой истории заболевания много что будет сказать Мисиню. И у Стуре, который заведовал, между прочим, фармацевтическими делами Доктора, есть многое, что рассказать. Затем опишем сны нескольких членов Общества. Но время уходит. Я уже как бы смирился со случившимся. Возможно, теперь начнётся новая ступень нашей борьбы.

Могут ещё быть громадные трудности, но чувства ответственности будет намного больше. Больше доверять придётся везде своим силам. Доктор у нас был авторитетным вождём, слова которого нам часто казались указом, подлежащим немедленному исполнению. Если иногда Доктор ошибался, то это были ошибки поиска и горения, и мы шли за ним в огонь. Когда я думаю о Докторе, я ещё и ещё раз изумляюсь его духовному росту. В последний год он совершенно больше не возбуждался, даже при неприятных спорах. Также в другом он себя сознательно воспитывал. В последнее время он желал освободиться и от «земной» собственности, доверил ведать ею специальной комиссии, в которую входили Стуре, Драудзинь, Мисинь. Упоминал он и меня. Он и в других делах себя сознательно воспитывал. Финансово труднейшим делом являются рецепты <лекарств>, ведать которыми Доктор поручил Стуре. Не будучи ещё полностью убеждённым в духовной направленности устремлений своего сына-врача, Доктор доверил Стуре сложные медицинские формулы и их изготовление. В последнее время он радовался, что сын начинает приближаться к духовному пониманию. Рецепты надо бы со временем запатентовать, доходы от них Доктор завещал направить на общее благо. Уже доказано, что некоторые лекарства Доктора имеют решительный успех, например, лекарство от гриппа, в чём я тоже убедился. Сложности ныне у Стуре с сыном Доктора, который требует передать ему формулы рецептов, иначе он отказывается лечить методом отца. Сегодня состоялось первое совещание нашей комиссии с сыном.

Далее, сложности в Обществе есть и по другим вопросам. Так, одна из членов нашего Общества, в целом – человек чудесный, из-за огорчения уходом Доктора и ещё по иным причинам настроена против Стуре. Удивляюсь, как способен на такое человек, многие годы проживший в солнечном свете Учения. Её влияние чувствуется в настроении других членов. Не хочется об этом писать. Стуре гармонично преодолевает себя, хотя и его душу не минует горькая чаша. Есть трудности и в кооперативе. Нам с Эллой о своих печалях поведал один близкий нам член Общества, человек, несомненно, духовный – Доктор в последнее время несправедливо относился к нему. Ему кажется, что кто-то неверно информировал Доктора. Жутко подумать, что то одна, то другая самость всплывают именно среди последователей Учения. Своей высшей основой Учение всегда выдвигало единение и согласие. Учение неизменно и всегда призывало понимать и любить друг друга. Нужна человечность, глубокая человечность.

В четверг на собрании мы председателем избрали Стуре и его помощником – г-жу Иогансон. Мы ожидали споров. Валковский пишет в Индию письмо – просьбу назначить и утвердить нам духовного вождя.

Г-жа В., будучи во власти многих чувств, как-то вечером видела сон: на могилу Доктора ползут черепахи с человеческими головами. Внезапно им перегородил дорогу какой-то светлый дух, который кричал: «Куда вы?!» Они ответили: «К Доктору». «Делайте его работу», – прозвучало в ответ. Не сожалеть надо, не нагружать пространство новыми тяжестями, но следовать Доктору в огненном труде.

8 апреля. Воскресенье

Вчера вечером мы были на заседании у молодого доктора Лукина. Главный разговор был о рецептах. Довольно неудобная ситуация, ибо мы вмешиваемся в дела чужой семьи. Сын требует рецепты, ибо не хочет быть ремесленником. Мы это понимаем, думаю, придётся это сделать. Но мы решили сперва узнать ответ из Индии. Стуре был твёрд, ему Доктор доверил рецепты, он и несёт наибольшую ответственность и тягость всего дела. Потом были споры. Всё это удручает сердце. Вчера была неожиданность – Стуре прочёл письмо от Мирона Тарасова из Парижа, которое он получил вчера. Тарасов – совсем чужой человек, но пишет нам, чтобы мы своей грустью и жалобами не мешали уходу Доктора, но поддерживали его. Он будто бы не ушёл, но продолжает нами руководить. Его советы, мы, проснувшись утром, будто бы помним, но приписываем себе. Ещё не известно, в каком виде воскреснет Доктор, но вживание в новое обиталище требует от него максимум энергии, поэтому надо его поддерживать, но не мешать. Он теперь будто бы в Шамбале, готовится служить Христу, Его приходу. Потому надо ему помочь, радостно заместить оставленный им пост, подтверждая этим, что его учение не напрасно, и послать ему радостные мысли.

Действительно, неожиданность – это письмо. Написано оно в Страстную Пятницу, 30 марта, именно тогда, когда членам нашего Общества было наиболее тяжело. Это письмо теперь зачитывают во всех группах.

Сегодня утром, после прочтения письма, мы опять вернулись к «Беспредельности». В завершение говорили о Докторе. Стуре рассказал о своих наблюдениях. Сказал, что в видениях даже апельсиновый сок был запрещён Доктору. И что он был категорически против того, чтобы писать в Индию. Иначе думали бы, что он не доверяет руке Учителя. Поэтому он слушался Доктора и отослал телеграмму Е.И. именно такую, как тот желал. Но оппонент ответил: сын Доктора только что получил письмо из Индии, адресованное отцу, где Е.И. от всего сердца просит не уменьшать порции пищи. Что противодействующие, вражеские силы всячески пытаются нападать на наше Общество. Великая неожиданность! Неужели в уходе Доктора могла быть некая ошибка? Он ведь был так несокрушимо убеждён в правильности способов своего лечения. Или во всём этом есть и наша вина, наша карма? Об этом мы уже переживали. Битва велика, и нам надо напрячь всю энергию. Возможно, что-то новое нам откроется, когда мы ознакомимся с письмом.

Щит Учителя да будет над нами!

9 апреля

Каждый день несёт что-то новое. Каждый день может случиться нечто, что потребует проявить сообразительность, мужество, понимание сердца. Сегодня ко мне в библиотеку пришёл Стуре. Он сегодня утром был ещё у трёх членов Общества. Как поступить с делом рецептов Доктора? По заданию сына вчера в Общество приходили сестра и дочь д-ра Лукина и передали категорическое требование молодого доктора: дать определённый ответ до 12 часов сегодняшнего дня. Стуре сказал, что отец доверил рецепты ему, передать их сыну он отказывается, пока не прояснится, в каком направлении пойдёт его развитие. Прежде чем принять окончательное решение, Общество обратится с вопросом в Индию, что займёт один месяц, и в субботу комиссия просила молодого врача подождать до авторитетного ответа сверху. Это условие закономерно тем более потому, что Доктор, изобретая рецепты, основывался на Указаниях, стало быть, для дальнейшей их передачи необходима высшая санкция. Но молодому врачу надо было решиться до заседания совета университета, бросать ли место ассистента или нет. Понятно, что и сыну тяжело. Есть и своя гордость. Мы просили бы совета у Учителя, но сын этого пока не понимает... Вчерашние разговоры были неприятны. Мисинь, участвовавший в разговоре, говорил, что он определённо знает, что отец в последнее время хвалил сына, его большое самопожертвование, проявлявшееся в помощи ему, что он передал бы ему рецепты, если бы предвидел свой уход. Мисинь, не в пример Стуре, защищал сына. Были и слёзы. Сестра Доктора даже плакала. С Мисинем я долго говорил по телефону. Хорошо, что я познакомился с обеими сторонами. Я сказал, что, ради бога, надо пытаться найти взаимопонимание со Стуре. Как это неприятно, что другие люди слышат наши несогласия. Не хочу судить ни об одном из них, тем более что обе стороны убеждены в своей правоте. Стуре сегодня утром сказал: так как Мисинь убеждён, что он знает, как я могу продолжать настаивать? Я один более не несу ответственности. И другие члены Общества предлагали отдать рецепты, предварительно сняв копию, ибо, если ставить вопрос ребром – то есть медлить до получения ответа, – мы можем создать громадный конфликт с семьёй. Стуре продиктовал мне, что я должен сказать молодому врачу в его присутствии, и что ему передадут записи отца после снятия копий. Так. Ну, разберись же здесь со всей прозорливостью, прояви максимум своего опыта! Главное, надо было подойти к сознанию сына нежнее, терпимее, только так мы его победим.

*

Я получил от молодого доктора письма Е.И. и Вл. Шибаева Доктору, которые пришли позавчера и которые сын вскрыл. Какие трогательные и всё же грустные слова: «Выразить не могу, как огорчило и обеспокоило нас известие о Вашей болезни... Очень прошу Вас, примите все меры, чтобы дать себе столь заслуженный полный отдых. Ведь у Вас происходит огненная трансмутация центров... Ведь Вы неоценимый работник в Общем деле Великих Учителей и потому обязаны следить за своим здоровьем... Берегите себя».

Это пишет Е.И. А в длинном письме Шибаева та же мысль: «Знаете ли Вы, что всё является результатом сильнейших битв Армагеддона, и так как Вы особенно чувствительны и делаете такую прекрасную работу, то силы... ополчились на Вас. Но под лучом Владыки всё повернётся к победе, и потому просим Вас с Вашей стороны сделать всё, чтобы облегчить помощь Свыше, – то есть давать себе необходимый отдых телесный, не истощать себя в смысле пищи... именем всего добра просим Вас беречь себя особенно, и просим Вас сообщать нам как можно регулярнее о Вашем здоровье, уже потому, чтобы Е.И. не волновалась незнанием, ведь, по человечеству, с нашей стороны всё должно идти в человеческих руслах, чтобы не обременять ещё больше несущего Бремя Мира».

Здесь слова столь по-человечески глубокие, но мы жили и думали всё время словно в ином измерении. Конечно, Доктор, возможно, не принял бы наших советов, так же как он резко отвергнул советы Стуре во время болезни, но мы могли единственное – осмелиться спешно сообщить в Индию.

Шибаев заканчивает письмо словами: «Сделайте всё, чтобы облегчить процесс Помощи Учителя, а главное, не истощайтесь голодом или бессонницей, ведь теперь не простое время, а битва духовная, и нужны все силы сотрудников во всех отношениях».[1]

13 апреля

Сегодня утром по заданию Стуре я передал сыну Доктора рецепты, под расписку. Я бы от души желал, чтобы Стуре сделал это сам, но он говорит, что после всего случившегося удобнее, если сделает это один из членов комиссии. Как бы я хотел, чтобы отношение нашего Общества к молодому доктору было дружеским! Прекрасней всего его мог бы улучшить сам Стуре, который ныне изворачивается, но ему всё равно когда-нибудь придётся ввести молодого доктора в понимание структуры рецептов. Всё же – будет хорошо!

Сегодня я получил от Вл. Шибаева, лучшего друга Доктора, письмо. Пишет очень проникновенно, с мудростью сердца. Доктор, уходя, пережил самую великую, необычайнейшую радость, ибо увидел Учителя, и лучи Владыки помогли ему оторваться от земли. Его отдых не будет длительным, ибо он продолжит жизнь в своих полезных научных исследованиях. Надо помогать ему своими светлыми мыслями в его пути вверх. Шибаев призывает объединиться вокруг его доброго имени.

16 апреля. Понедельник, вечером

Дорогой Учитель, будь в вечном дозоре над нами!

17 апреля

Вчера мы получили от сына Доктора все письма, которые писались ему в связи с Обществом, фотографии, его собственные рукописи и т.д. Были мы с фрейлейн Кезберг, позже подошёл Мисинь. Кроме молодого доктора, участвовала в этом деле и его сестра. Гаральд открывал ящики стола, доставал папки и знакомил нас с их содержимым, откладывая отдельно всё, что относилось к Обществу. Последнюю папку разбирала сестра. Она выглядела встревоженной, хотя и сдерживала себя. На сердце было тяжело, неловко.

---

[1] О причине ухода Ф.Д.Лукина Елена Ивановна написала Николаю Константиновичу следующее: «Получила любопытное письмо от Клизовского, освещающее тяжелое положение, создавшееся в Риге за год до ухода Феликса Денисовича. Орудием черной руки явилась, как ты уже знаешь, семья Алексеевых со своим новым гуру через дочку. Многие ушли с Алексеевым, ибо всем было интересно и лестно получать непосредственные указания от гуру. На Алексеева стали смотреть как на высшее существо, и он очень зазнался и стал произносить такие формулы, как «доктор имеет общение только с Н.К., а я имею связь с Учителем». Феликс Денисович тоже подпал под этот гипноз, и Алексеев стал его правой рукой, он во всем стал с ним советоваться и одно лето провел свой трехнедельный отпуск в семье Алексеевых. У Алексеевых стали собираться по приглашению особые избранные для развития психической энергии по указанному методу. Метод состоял в том, чтобы неделю не спать совсем или спать каждый час четверть часа. Остальное время должно было проходить в чтении Учения. Таким способом безумцы собирались развить в себе психическую энергию!!! Конечно, черная рука добилась своей цели – заманила к себе немало простаков, среди них самого лучшего, Феликса Денисовича, ослабив организм его изуверскими приемами, нарушила заградительную сеть и повела на него ожесточенные атаки. Помнишь все те темные нашептывания и подавленность духа, от которых он страдал? Но результат был печальнее для него, чем можно было ожидать, – открылась его старая рана, и организм не выдержал» (22 июня 1934 г.).

Мы словно врываемся в чужую жизнь. Конечно, на это была воля отца, но родственники эту волю могли истолковать по-своему. Сестра из последней папки оставила себе несколько репродукций индийских художников, ещё – несколько листков, которые она отложила отдельно, письмо Шибаева и письмо из Америки. Последнее, однако, мы думаем позже потребовать от них. Как же подойти к их душе чутко, деликатно в этом столь трудном вопросе? Я не смог ещё с ними ближе познакомиться, тяжко мне говорить. Всё это полагалось улаживать Стуре, который теперь возлагает на других. Надо было подойти дружелюбно, психологически. Сестра, конечно, прибавила горечи в прошлое воскресенье, когда вместе с сестрой Доктора требовала от Стуре рецепты, когда происходили споры и одна из дам даже плакала. Об этом я уже писал 9 апреля. Молодой доктор недавно сказал Мисиню, когда тот высказал мысль, что Гаральд, наверное, когда-то обратится к Учению: «После всего случившегося я отрезан от Общества самое малое на 10 лет». Больно всё это переживать. Конечно, будет хорошо, но это всё требует времени. Но в этой напряжённой эпохе не ценна ли каждая минута?

Сегодня Валковский отослал в Индию «Обращение к нашим Духовным Родителям и Вождям» – просьбу и сообщение, что на место ушедшего Доктора избран Стуре и мы просим утвердить это и оказывать нам и в дальнейшем духовную поддержку. Валковский написал в прекрасном стиле. Подписали все активные члены Общества и новые; отсутствовали двое, которые живут далеко в провинции, не подписала и Мисинь. Относительно последней – у меня тяжёлое чувство. Она сказала: «Я внутренне не в силах подписать». Мы ей неоднократно говорили: «Если у тебя есть что-то против него, то ты должна понять, что нам следует воспитывать его, так вождь будет таким, какими будем мы». Пусть сдерживают себя, пусть сами втихомолку справятся с собой.

В середине прошлой недели мы послали весьма объёмистое письмо воздушной почтой в Индию: воспоминания Стуре, Мисиня и мои, письма и рецепты Доктора. На этой неделе те же воспоминания мы отослали Н.К.[1] Вместе с посланием Валковского я отправил обстоятельное письмо Шибаеву.

19 апреля

Только что по воздушной почте я снова получил письма от Е.И. и Шибаева. Великая, великая радость! Ответственность моя теперь стала десятикратной. Какая напряжённость, какая борьба ещё впереди? Разумеется, нет смысла пересказывать чудесные письма. Е.И. просит, чтобы мы писали ей обо всех впечатлениях, связанных с Доктором. Хотя наше Общество понесло великую утрату, но сам Доктор теперь переживает радость близости к Учителю. Также просит сообщать о ближайших планах.

«Вспомним, что в духе нет разлуки, и, почитая память его, продолжим начатое им строительство Красоты и Блага».

В таком же духе пишет и Шибаев. Поддерживает моё желание писать монографию об Н.К. В конце – «Теперь ещё об одном очень важном вопросе» – просит, чтобы я связался с молодым доктором и получил от него врачебные записи и последние врачебные опыты для института «Урусвати». Тем более потому, что многие советы Доктор получал оттуда, так же как и из Учения. Рад бы был от души, если бы всё дело решилось благополучно. Стуре уже отослал в Индию 86 рецептов. Но там будет не хватать алфавитного шифра для названия каждого растения. У Принциса что-то сохранилось, но не всё. Перебирая ящики Доктора, Гаральд нашёл необходимые таблицы, но оставил их у себя. Так же, как и некоторые медицинские записи. Стуре говорит, что надо было их потребовать. Разве Гаральду не сообщили волю отца? Но ведь нужна тактичность. И так уже ситуация была очень неудобной. Разумеется, эти записи необходимы в Индии. Надеюсь, что удастся уговорить молодого доктора их отослать. Теперь в Обществе Принцис фотографирует записи, находящиеся в распоряжении Стуре, чтобы у нас остались копии.

*

Есть дни, когда мой друг чувствует себя уставшей. Временами наваливается реакция от этих 11 месяцев.

[1] Н.К.Рерих в это время находился в экспедиции.

Я хочу быть внимательным и полезным, но иногда не хватает у меня возможностей и чуткости. Как болезненно мой друг воспринимает крики нашей малышки. Нервы сдают. В понедельник вечером я задержался у молодого доктора. Ещё зашёл куда-то. Вернулся домой после шести, когда положено купать малышку. Ребёнок к вечеру всё время кричал, возможно, чувствовал себя нездоровым. Мой друг пережила минуты ужаса. Ждала меня. Дошло до истерики. Это была моя вина, что не торопился. В этот день ожидался приезд матери моего друга. Поэтому я был спокоен. Хоть бы как-то можно было вылечить нервы моего друга. Я ведь сплю в комнате с малышкой довольно часто. Я бы всё охотно делал. Жаль времени. Все обязанности мои в полпути. Поэтому так глубоко я понимаю совет Доктора – нанять няню для ухода за ребёнком. Он мне это неоднократно говорил. Говорил он об этом и другим. Быть может, теперь возможность появится, но уже во многом – слишком поздно.

23 апреля. Понедельник, утром

В пятницу вечером я упорядочил наследие, оставленное Доктором. Уже получая его, я заметил Гаральду, что, по моему убеждению, должно быть больше писем Рериха. И теперь я с ужасом констатировал, что не хватает важнейших писем Николая и Елены Рерих, а именно почти всех от 1932 и 1933 годов. Также отсутствуют письма Шибаева за эти годы. Шибаев вообще очень много писал. Сам вполне хорошо помню некоторые письма, которые Доктор мне зачитывал. Там говорилось и о членах нашего Общества. Они с передачей писем медлили. Всё время откладывали. Когда я отдавал рецепты, то просил их об этом. Требовал я и письмо Шибаева, где он просит, чтобы ему письма выслали обратно. Не знаю, неужели с письмами, прежде чем их передать, кто-то провёл ревизию? В ящиках стола был хаос. Но не исключено, что это было и при Докторе. Я не хотел никого подозревать, и теперь ещё избегаю этой мысли, надеюсь, что письма Доктор хранил в каком-то тайном месте. Верю хотя бы в честность Гаральда. Я был у него в субботу, и он ещё раз переискал. В субботу был у него полтора часа, пришли и альбомы для Общества из Индии. Я был счастлив, что наши беседы весьма скоро повернулись к религиозным вопросам. Я много рассказывал, он больше слушал, спросил об идее перевоплощения в Евангелии, об идее Христа, о Майтрейе и т.д. Наконец, он говорит: «Но отчего тогда ваше Учение не идёт путём любви?» Я сразу понял, о чём он думает. Ответил, что Учение не виновато, если его последователи не следуют ему или – неправильно понимают. Наше Учение является синтезом любви и познания, но истинное познание не может прийти прежде, чем сердце загорится любовью. Стало быть, и для нашего Учения любовь является центральным понятием. Если он сомневается в наличии чувств любви среди наших членов, то пусть он берёт в пример своего отца, который был истинным воплощением жертвенной любви. Кто же ещё так верно и огненно приложил Учение к жизни, как не он? Буду бесконечно рад, если сумею приблизиться к его душе. Его невеста будто бы адвентистка. Ходят слухи, что и сам он недавно принял эту веру. Адвентизм был бы привлекательной сектой, если бы не чрезвычайная нетерпимость.

Вчера в Обществе решили открывать музей для публики по четвергам. Стуре прочёл и письмо Е.И., направленное ему с посланием Учителя Обществу о Докторе. Почти те же самые слова, что Шибаев писал мне. После заседания часть нашей группы собралась отдельно. Обсуждали отношение Мисинь к Стуре. Она будто бы агитирует против него. Кооператив рушится. И сама Мисинь хочет уйти из кооператива – она, руками которой всё это предприятие создавалось. Она как-то болезненно не терпит Стуре. Валковский пригласил Мисинь, чтобы всё выяснить. Оказалось, что между Мисинь и Стуре были недоразумения. Атмосфера была тяжёлой. Когда Стуре ушёл из группы, Мисинь плакала. Много Мисинь было сказано. И ранее, не только теперь. Не следует забывать, что Стуре хочет теперь всего себя отдать Обществу. Его устремление чисто. Если он ошибается, если иногда бывает посуровее, то – кто же без ошибок. Однако удивительно, что Стуре, который несколько десятилетий проработал в должности школьного учителя, совершенно не педагог. Подойти бы ему к Мисинь иначе, всё было бы хорошо. Педагог не допустил бы и конфликта с семьёй Доктора. Я ныне чувствую, что глубокое неодобрение и горечь питает к нам не только жена Доктора, но и её дочь. Стуре поручил мне уладить всё дело с рецептами, хотя я его просил и предупреждал, что лучше ему самому это решить.

Ибо тогда всё получилось бы намного проще. Дочь я совсем не знаю, как же дойти до её души? И теперь – пропажа писем! Если они действительно не найдутся, будет прискорбно, будет карма для всех нас. Вчера вечером ко мне приехал Валковский. Мы долго бродили по лесу и говорили. Он рассказал мне о своих снах, видениях в последние ночи – об Н.К., Стуре и Докторе. Тяжело было на сердце. Ответственность непостижимая.

24 апреля. Утром

Я с Валковским был у молодого доктора, позже присоединилась и Мисинь. Он ещё раз пересмотрел ящики стола. Письма пропали. Доктор зачитывал нам некоторые из них. Нет ни одного. Самые главные, значительные, доверительные. Как же об этом теперь сообщить в Индию? Возложу на них новое горе. Быть может, письма более ранние отданы в сейф, к которому теперь нет доступа. А где же последние? Есть ещё одно предположение. Может быть, кто-то всё же взял? Гаральд видел, как всем нам это больно. Пришёл бы он нам на помощь. Позже мы обсуждали дело рецептов. Гаральд говорит, что не столько он, как дамы сильно огорчены этим делом. Успокаивали мы, как умели. Гаральд ведь сам признаёт, что это дело полагалось уладить спокойно и полюбовно. Мы сказали, что он не понял Стуре. И т. д. В начале марта Доктор предлагал Стуре письма для сохранения. Но ему в это время было необходимо ехать в Вентспилс, и он их не взял. Жаль, жаль! Большей части забот не было бы. И мы могли бы сложить вместе нашу находчивость, но многое уже слишком поздно.

26 апреля

Я получил от молодого доктора оккультные книги, у носильщика были две громадные корзины, мы перевезли их в Общество. Надо будет устроить специальный шкаф для наследия Доктора. Но письма мы не получили. Уж лучше пусть бы они оказались уничтоженными, чем попали в грязные руки. Пишу подробное письмо Е.И. и Шибаеву. Завтра отправлю. Как же их огорчить?

1 мая. Вторник, утром

Достоин ли я той великой ответственности, которая на меня возложена? Сумею ли справиться с невыразимо ответственным поручением, которое мне доверяют? Найдётся ли во мне достаточно мужества и прозорливости, огня и силы сердца, которое неизменно загоралось бы в нужный момент и в нужном напряжении?

В нашем Обществе всё ещё ощущается разлад. Нужно больше сплочённости, больше душевного единения, больше единого духа. Сердце велит как-то этому помочь. Всем нам следует обновиться новой мощью и новым ритмом. Нам всем по-братски надо взяться за руки, ибо накал борьбы нашей эпохи достиг своего высшего напряжения.

Не слишком ли велико доверие, которое нам оказано? Сумею ли я в полной мере осознать всю великую ответственность перед человечеством? О, воистину, все мои самые горячие желания только о том, чтобы что-то, хотя бы малейшее, совершить на пользу Учения.

Вчера вечером состоялось общее собрание членов Общества. Перед собранием Стуре мне прочёл письмо, которое он получил. Это письмо – самое священное переживание и великая неожиданность в моей жизни.

«Урусвати»
12 апреля 1934 г.
Глубокоуважаемые и дорогие Сотрудники
г-н Стуре и Рихард Яковлевич,

Ещё не получила от Вас ответа и уже снова пишу. Сердце так остро чувствует утрату нашего родного Феликса Денисовича и стремится послать начатому им делу всю ту заботу и поддержку, которая всегда была открыта ему. Несомненно, на Вас, своих ближайших помощников, полагал Ф.Д. надежду в деле развития Общества. Это выражено в последних письмах, но также ясно из строк Самого Великого Учителя, которые пересылаю Вам *СОГЛАСНО ЕГО УКАЗАНИЮ.*

«Есть много признаков, по которым можно судить о верности ученика. Первый признак – неотступность, являемая учеником на всех путях.

Когда ученик являет среди бури и вихрей свою незыблемость, когда среди подкопов и града камней не страшится продолжить назначенный путь. Другой признак есть несломимость веры, когда путь, указанный Иерархией, есть единственный путь. И ещё среди признаков верности можно отметить, *КАК РАЗВИВАЮТСЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ.* Нужно понять, как важен нуклеус из двух-трёх явленных сотрудников, скреплённых огненным уважением к Иерархии и друг к другу. По этим знакам можно определить огненную верность Иерархии. Верность между друзьями-сотрудниками есть залог преданности Иерархии. Нуклеус из двух-трёх друзей-сотрудников может явить самую мощную опору великим делам. Так утверждается цепь верности, которая ведёт неминуемо кверху. На пути к Миру Огненному нужно осознать Красоту верности. Этот чудесный путь исключает тот губительный яд, который Мы называем духовным взяточничеством и духовной подкупностью. Эти язвы несравнимы с земными физическими язвами. Итак, будем ценить верность на пути к Миру Огненному».

Верю всем сердцем, что именно Вы составите этот необходимый нуклеус и соберёте около себя всех близких по духу и тем утвердите мощное строительство. Латвийское общество под руководством незабываемого Ф.Д. так радовало нас, в нём чувствовалась организованность и самодеятельность и сотрудничество, согретое сердцем, именно те качества, которые так часто отсутствуют даже при наличии устремления и известной ступени духовного развития. Но без них не может быть прочного строительства. Сотрудничество при самодеятельности, лежащее в основании каждого истинного достижения, в наше время является редким исключением. Тем более ценим мы достигнутое Ф.Д. и его ближайшими сотрудниками.

С нетерпением ожидаю от Вас всех подробностей и решений и готова ответить с помощью Высшего Руководства на многие вопросы, которые могут возникнуть у Вас в связи с делами Общества и по Учению. Не бойтесь отяжелить перепиской, ибо дело Великих Учителей должно процветать. Потому примите и будьте хранителями той Сокровищницы Мудрости, которая всё время пополняется и всегда открыта сердцу преданных учеников. Моё сердце жаждет делиться получаемыми жемчужинами, тем более что время так кратко. Великие события надвигаются, многие ближайшие сотрудники будут призваны к широкой деятельности и получат возможности приложить свои способности и принести истинное благо своей родине, всему миру.

Шлю Вам призыв к напряжению всех сил, ибо лишь из напряжения рождается мощь и красота. Но пусть напряжение это будет соединено с мудрою осмотрительностью и *БЕРЕЖНОСТЬЮ К ЗДОРОВЬЮ.*

Всего светлого.

Духом с Вами,

Е. Р.

Странно и удивительно, что всё это было решено на Высшем Плане давно, ведь уже полгода назад о чём-то подобном мне вещали сны, часто повторявшиеся, но, конечно, мне и в голову не приходило всё это. Только после ухода Доктора у меня заново, вновь и вновь навязчиво всплывали сны, виденные в декабре, но я боролся против их влияния, ибо иначе это было бы величайшим зазнайством. Третьего декабря я видел во сне, что две девушки явились ко мне, чтобы пригласить выступить на вечере писателей, который должен состояться, кажется, 1 мая 1934 г., но в котором часу, не было известно. И я ожидал с вниманием этого часа, ибо чувствовал, что нечто особенное должно случиться в моей жизни. Помимо воли этот сон в моём сознании соединился с другим, из середины декабря. Я обычно важнейшие сны записываю, но тогда мне казалось высокомерием даже принять этот сон в сознание, и оттого я всячески пытался его забыть. А было вот что: видел, будто Доктор куда-то собирался уехать. В руке у него пучок свечей, разноцветных рождественских свечей. Мне было грустно. Затем я слышу очень ясно какой-то голос, который мне говорит: «Тебе надо быть помощником Доктора или заменить его». Именно этот голос мне казался столь невероятным, что я успел частично забыть об этом. Во-первых, как же верить невероятному, – Доктор ведь был ещё так бодр, и кто мог подумать, что он уйдёт. И также после его ухода, хотя этот голос тайными отзвуками гремел в моём сознании, я не был способен ему верить, ибо из-за дефекта речи я не в состоянии играть выдающуюся роль в Обществе.

И ведь заместителем Доктора был Стуре. Но если таков Указ, то я хочу все силы своего сердца, всю энергию и устремление посвятить деятельности на пользу Общества. Было бы только у меня больше времени и больше сил. Ещё раз я убедился, что Стуре умеет вести группы изумительно хорошо. А что же могу я? Поэтому, быть может, я смогу помочь в практической деятельности, в реальных жизненных делах. В последние дни я теснее сблизился со Стуре, прикоснулся к струнам его души, верю – будем друзьями и сотрудниками, насколько меня, с моим скромным опытом, хватит, буду ему помощником в жизненных решениях.

Странно, что именно в этот день – 12 апреля, когда письмо написано, – активные члены Общества подписали прошение, сочинённое Валковским, к нашим Духовным Вождям в связи со Стуре. Учитель ведь видит каждое движение нашей мысли, нашу радость, непокой и затруднения, и Он во всём подаст свой Совет и Решение.

16 мая

Сегодня в Латвии – новое государственное устройство и правительство.[1] Политическая волна планеты наконец коснулась и нас.

17 мая

Арестован, между прочим, муж сестры моего друга, в Мангали. Можно понять переживания родственников. Он, по правде говоря, в делах партии мало участвовал.[2] К тому же – ложно обвинён. Он может потерять работу. Возможно, в связи с этими событиями и наша жизнь несколько изменится. Ещё в воскресенье мы вместе с малышкой были в гостях в Мангали, ко времени цветения сирени. Был и брат Эллы с семьёй, его взгляды на мир близки к крестьянским. Шинка этой весной устроил всё для более основательной жизни, приобрёл весь хозяйственный инвентарь, мебель и т. д. Он жаловался, что трудно себя обеспечить. Я сказал, что в наши дни абсолютно обеспечить себя материально на будущее невозможно. Всё, что мне сегодня принадлежит, завтра может быть прахом и пеплом. Обеспечить себя можно только в духе. Шинка заботился и о внешне престижной обстановке дома. Косвенно они упрекали нас, что мы бедно живём. Так думают и все другие родственники Эллы. Но что нам до этого? Что значат все почести мира сего? Какие события ещё ожидают?! Они лишат нас окончательно ноши всего тленного, они очистят нас до корней, насколько бы болезненно это ни было.

18 мая

Стуре получил новое письмо Е.И. – ответ на сообщение Валковского. Письмо зачитывали старшим группам. Е.И. рада, что Стуре избран председателем. Сердечно поздравляет. Упоминает и г-жу Иогансон как помощницу. Надеется, что и я продолжу начатую работу. Латвия ей стала близкой, ибо там жил светлый дух – Доктор. На днях и г-жа Иогансон получила письмо Е.И. о проблеме брака. В конце упомянуто о «нуклеусе», кроме Стуре и неё, упомянут и я. Это решение как продолжение письма нам, это – чудесное решение. Ибо г-жа Иогансон уже была избрана в качестве помощника председателя, к тому же – совет женщины всегда столь необходим. Пока не знаю, в каком качестве сможет практически выявляться наше взаимодействие? Ведь Стуре все дела ведёт сам, как и до сих пор, только по некоторым вопросам советуется со мной, даёт мне читать письма, адресованные ему. Стуре желает, чтобы письмо о «нуклеусе» осталось только между нами, возможно, это так и задумано, ибо важно ведь не то, чтобы другие знали, но то, сколько огненности и труда мы сможем вложить в возведение здания нашего Общества. Несомненно, Стуре делает многое. Более всего он занят кооперативом, где пытается ликвидировать недоумения и заторы. Г-жа Мисинь ушла, на её место пришла какая-то барышня-вегетарианка, так же, как и раньше, устроен стол на базаре. Есть надежда, что предприятие всё же преуспеет, хотя трудности есть большие. Жизнь самого Общества течёт медлительней. Лето – но что ещё будет? Суметь бы мне отдать Строению Будущего максимум всех своих сил!

---

[1] Установлена личная диктатура Карлиса Ульманиса.

[2] Эмиль Шинка состоял в социал-демократической партии.

Но я всё ещё не в состоянии совершить самое необходимое. Только что закончил писать о Тагоре, начало отдал в печать. Как много напрасной энергии ушло на главу о Тагоре и Ганди! Наконец, я понавычёркивал так, что остался один лишь «конспект».

Стуре получил и второе письмо, более длинное, от Е.И. Там приводятся слова Учителя о Докторе. На уход следует смотреть так же, как на рождение. Для ясного духа уход светлый и лёгкий. Но нельзя задерживать уход ни грустью, ни лекарственными средствами, которые духу вредны. Рецепты следует хранить у нас, хотя бы копии, но с сыном надо обходиться бережно. Истинное значение этих лекарств проявится только в руках посвящённого.

Грядёт великое, каждый час дорог. 24 марта было действительно историческим днём, как Доктор и предвидел своим огненным духом.

25 мая. Пятница, вечером

Пришло письмо Н.К. на английском языке о «намечаемых линиях». Замечательная статья. Мы решили на время прекратить заседания. Этого требует военное положение. Стуре второй раз ходил говорить с префектом. Он сказал, что необходимо подать официальное заявление и план деятельности <Общества> и т. д. Конечно, это трудно осуществимо. Жаль, что не можем собираться именно в эти дни, когда наше время так дорого, когда общность особенно необходима.

27 мая

В Неделе культуры Министерство просвещения назначило моё выступление в Олайне. Я отказался. Учителя Олайны, однако, поверили, что я приеду, и уже объявили даже в афишах. Позавчера ко мне приехал учитель А., просил, чтобы я приехал. Сообщения Министерства просвещения они ещё не получили. Он своим школьникам обо мне много рассказывал, они – мои поклонники. Как тяжело было у меня на сердце! Я с радостью в сердце бы поехал, если бы не мешала мне моя речь. Это – моё испытание. Нужно было столько смелости. То, что для других так просто, для меня – тяжелейшая проблема. Я сказал, что если не найдётся других, согласных к ним приехать, то приду им на помощь. Позвонил по телефону в министерство. Уже назначили кого-то другого. Может быть, мне надо было участвовать? Ведь меня ждали. Так тяжело было на сердце! Но, быть может, всё же хорошо, что я не поехал. Что бы это дало, если бы я в напряжении прочёл <стихотворения>. Надо начинать с начала. Надо быть активным в обсуждениях, прениях и т.д. Знаю, придёт время, когда я смогу выявлять свои способности в наиболее подходящем виде. И тогда среди великих свершений и переживаний не будет более времени мыслить о личных недостатках и затруднениях. Болит сердце. Тяжко человечеству.

1 июня. Пятница

Сегодня я получил от Е.И. письмо – весть великой красоты. Какая великая красота проявляется даже там, где она говорит о каждодневных вещах! Заслужил ли я это великое доверие? Меня изумило и то, что мне доверяется присмотр за «Сокровенным Портретом», который хранится в отдельном шкафчике в помещении Общества. И ещё иные слова. Я писал ей о своих планах, особенно о журнале. Теперь – ответы от неё. Это следовало бы делать, притом – спешно, но нет сотрудников. И у меня самого мысли ныне работают столь медлительно. Или это чуждые токи, или весенняя усталость. Хочу, хочу, всем сердцем хочу работать и бороться. Я жажду ясного, полного вдохновения, сознания. Так много доверия, стыдно так мало свершить. И мой друг – утомлена, я её сменяю по ночам у малышки. Придётся ехать на взморье, перемена места полезна. Е.И. снова и снова напоминает: берегите здоровье!

Постоянно слежу за событиями в Латвии и на всей планете. Что же принесёт день завтрашний?

7 июня. Четверг

Вчера было заседание правления, сегодня – общее собрание. Таких будет ещё два, согласно позволению префекта. Стуре читает из «Агни-Йоги», объясняет по-русски и по-латышски.

16 июня

Неожиданность: удалось заключить договор с Раппой на издание идейной антологии. Раппа сам мне предложил. Пришло наконец и моё время. Как часто, к огорчению моему, я был отвергнут, хотя мои книги покупались очень хорошо. Но теперь духовное содержание делается популярным среди молодёжи. Я всем сердцем радуюсь этому.

2 июля

В минувшее воскресенье мы переехали в Меллужи. Это дело опять нас вымотало. Слишком поздно додумались мы искать дом для дачи. И находчивости у нас не хватает. Столь часто повторяются у меня испытания на внимательность и прозорливость, и я никак не исправлюсь. Первая квартира, которую мы сняли, находилась рядом с помещениями хозяйки, которой не нравилось, что мы рано встаём, и она попросила нас уйти. Во второй квартире – иная напасть: слишком близко была железная дорога и автомобильный гараж. Неприятно, но пришлось удалиться. Что же лучше способно лечить нервы, если не тишина? На взморье я переехал в основном из-за Эллы. Сам я ощущаю, что «солнечные ванны» мне не годятся. После нескольких попыток у меня болела спина и я чувствовал себя разбитым. Не знаю, связано ли это с центрами? Начал купаться в море, но по поводу его влияния на меня ещё выводов не сделал. Вода уже тёплая. В спешке и в усталости сняли мы третье жилище, в конце улицы Калею, в лесу. Помещение приятное, такого у нас на лето ещё не было, мы привыкли ютиться в хибарках. Однако великое неудобство состоит в том, что далеко от моря и дорога пыльная. Когда мы его выбирали, нам так не казалось. Разумеется, я сам каждый день с радостью повезу коляску, лишь бы только мой друг привыкла здесь ходить. Опять вначале было ей тяжело с нервами. Где же покой? И есть ли он где-то? И ныне уже не мирное время. Мы теперь в состоянии войны. В самом средоточии яростной, свирепой войны. Как же ещё надеяться на мир? Такие токи пронизывают душу! Всеми силами приходится отгонять хаос. Даже такая мелочь: вчера я начал «курс» клубничной диеты, поел витамины в несколько неспокойном состоянии и – внезапно разболелась голова. Учение ведь говорит о великом, чудесном значении витаминов. Неделю дежурил в Риге. Затем пять недель буду в Меллужи.

Вчера Стуре прочёл мне новое длинное письмо Е.И. Только в молчаливом изумлении можно слушать её письма. Где ещё встречалась такая царственность духа? Она начинает с того, что выражает радость по поводу перемен, происшедших в Латвии. Если вначале национализм может выявляться узко, то впоследствии он примет более широкие, общекультурные масштабы. Далее замечание – не вдаваться напрасно в полемику с ортодоксальными священниками. У меня осталось в памяти: «Законов столько, сколько ступеней сознания». Сам Учитель доверяет Стуре вести все группы в Балтии. От всей души я пожал ему руку. Он духовно растёт. Я тоже сближаюсь внутренними узами дружбы и любви с ним. Прежние недоразумения прояснились. Стуре теперь сам встречается с молодым доктором по делу рецептов, совместно расшифровывают названия растений. Он много думает о делах Общества. Посещал и «великих государственных деятелей». Переписывается ныне с заграницей. Ему поручено и следить за деятельностью Тарасова в Париже, так как тот стремится играть не ту роль, которая ему в данное время подобает. Стуре должен информировать о своих наблюдениях в других государствах. В конце письма отрицается возможность принять заново в Общество Алексеевых. Я так и думал. Приближаются грозные события, следует быть готовыми.

В ближайшие дни получу из печати книгу о Тагоре. Как долго всё это шло, как много энергии вложено в эту книгу. Конечно, благодатна и такая работа. Сквозь черты Тагора просвечивает многое и из Учения. И читатели смогут как-то проникнуть в Мудрость Востока. Однако всё это следовало завершить гораздо раньше. Жаль, что я ещё не начал работу о Рерихе. Это – моя первоочередная и святая задача. Напряжённо перевожу «Иерархию». Также много времени требует антология. Одного опасаюсь: где же мне набрать 300 стихотворений? С изумлением ещё раз убедился в великом духовном убожестве нашей литературы.

12 июля

Меллужи, ул. Калею, 29 а

Я рассчитывал, что лето даст покой и полёт вдохновения. Всё ещё ощущаю тяжкие токи чего-то неизвестного. После перерыва ещё два раза купался в море, сегодня опять болит спина. Придётся прекратить купания, хотя вода не холодная, так же как пришлось отставить и «солнечные ванны». Много я размышлял, какие указания были бы в Агни-Йоге по такому поводу. Холодная вода годится только для ног и рук. А где граница? При чтении «Мира Огненного» для меня прояснились и иные практические указания. Например, валериан следует принимать ежедневно, систематически. И всё же на каждом шагу встречаю указания, что все материальные средства, вся пранаяма возмещается одной Огненной Мыслью, одним импульсом устремления. Наша дочь временами очень неспокойна, и всё это воздействует на нервы моего друга. Элла уже третью неделю ежедневно купается в море и т. д., но улучшения пока не вижу. И это меня часто угнетает – что не могу своего друга освободить. Она сегодня сказала, что её иногда одолевают сомнения относительно Учения. Мне так тяжело это слышать. Ей нужно было бы ещё больше читать, слиться всем своим духом, всей своей сущностью с Учением. Мне каждая строка Учения зажигает сердце. Всё же я чувствую в своём друге такое нравственное величие: сколько раз она мне говорила – «человек не должен о себе думать, каждое мгновение надо думать только о другом». Ныне она вся посвящает себя ребёнку. И всё-таки ещё и ещё раз повторяются моменты, когда беспокойство, а также сомнения в Йоге разрушают в ней цельность мышления и самодисциплину. Но я предчувствую, что этот непокой и сомнения *скорее результат её нервности,* ведь наряду с этим часто она так горела к Учению! Как часто мы вместе читали и мечтали о Новом Мире! Всем своим существом она – дитя Нового Мира. Но стихии эпохи касаются и её, измученную, но я верю всем сердцем, что придёт и для нас время нового, гармоничного, высшего полёта.

10 августа. Пятница

Так скоро миновало лето! Я несколько раз был в Риге, таскал пуды книг. По-настоящему включусь в работу на следующей неделе. Антология меня измучила. Систематическое мышление и писание даёт отдых, но перелистывать в спешке сотни книг, журналов, воспринимая на лету зачастую только по предложению, – разве это не граничит с хаосом? По этой или по иной причине, но в последнее время нередко опять ощущаю натиски токов. Возможно, что нечто, связанное с центрами; вчера, к примеру, так начало давить спину. А иногда так трудно укрощать свои мысли. Как бы то ни было, я ознакомился с «Миром Огненным» и «Сердцем» и знаю, в середине каких великих битв мы находимся. Сознательные люди более всех втянуты в это сражение, и надо быть осторожным и внимательным к каждому своему движению и мысли. Моё самое пламенное желание – зажечь своё сердце огнём Учителя. Моя сокровенная молитва: «Помоги не пройти мимо труда Твоего». Недавно началась большая жара, она тоже утомляет. В последнее время я довольно часто купался в море, ибо вода тёплая, но не полагается ли полностью остерегаться лучей солнца, даже на то мгновение, когда идёшь в море? Я написал Шибаеву. Недавно получил от него сердечное письмо и открытки. Также на прошлой неделе вечером явился Стуре с сыном, прочёл мне письмо Е.И.: она отвечает в нём и на моё письмо, некогда писать отдельно. Оказывается – верно, что «Иерархию» следует издать более спешно. Я перевёл уже 57-й параграф, но приостановился, желая поторопиться с антологией. Ах, эта антология! Я был бы счастлив, если бы она действительно несла какое-то благословение людям! Но вряд ли она получится такой, как я желал бы её видеть. Не хватает ещё почти 100 стихотворений, хотя я просмотрел все книги стихов, журналы, даже подшивки газет за несколько лет. Когда я читал, всегда и неизменно меня поражала великая духовная бедность нашей поэзии. Даже идейные, например П.Эрманис, мало понимают закономерности космической гармонии, и в его стихах наряду с духовными взлётами встречаются совсем наивные ошибки или заблуждения. Зачастую одно предложение или даже слово портит всё хорошо задуманное строение. Но именно поэты считают себя пророками и законодателями. Однако что же сказать о многих наших поэтах, которые открыто в ряде своих стихов именно восхваляют хаос.

Жутко вообразить такое, тем более что некоторые из них уже причислены к популярным среди молодёжи.

Когда бываю в Риге, непременно встречаюсь со Стуре. Мы стали друзьями. Я научился уважать его. Жаль, что поначалу в Обществе сгрудились мелкие недоразумения. И я тогда ещё не проникся им поглубже. Конечно, ошибка Стуре в том, что он часто вёл себя непедагогично, но он от души желает исправиться, и мне видится, что за последние месяцы он сильно вырос. И Учитель его высоко оценил; он уже избран на столь ответственный пост. Он поедет в Литву и в Таллин. В последнем – ситуация тяжёлая; во главе Общества оказались личности, о которых уже Доктор предупреждал.

21 августа

Лето кончилось. Послезавтра уезжаем. Последние недели измучили меня. Что это были за токи? Но будет хорошо! Моё желание – глубже сердцем расцвести навстречу Учителю. И дни проходили издёрганно: занимался малышкой, читал второпях стихи. Мог бы больше сделать. Но всё-таки – всё хорошо! Кроме Стуре, из членов Общества посетили нас Ламберт, Винкалн, Аида Виестур с Принцисом и вчера – Залькалн. Поздно вечером явилась и служанка Зенты – Раса. Мой друг была в восторге от её духовности. Я её и раньше знал, она раскрыла мне свою душу, в том числе и по поводу условий работы у Зенты. Она уже решила уходить, но ныне летом сблизилась с одной одухотворённой немкой, которая близка нашему Учению. Последняя обладает какими-то способностями ясновидения, и она советовала вернуться к Зенте и служить ей, так как всё равно долго там оставаться не придётся. Насколько широким, умным и чудным духом является Зента, настолько в домашней жизни она показывает себя очень слабым психологом. Она никогда не сближалась со своими служанками, в которых зачастую сияет такая духовность; быть может, для неё было бы хорошей школой поучиться у них. Она относится к ним прилично, но не педагогично. Однако хорошо, задача человека ведь служить, не требуя себе ничего.

В ночь с 19 на 20 августа я видел сон, который мне показался столь важным и сильно взволновал: я получил от Е.И. письмо, где она пишет: «Если человечеству удастся счастливо миновать 22 февраля (очевидно – следующего года) хоть на один день (то есть, как я понял, хоть бы на один день после этой даты), оно будет жить лучше, чем до сих пор, тогда Земля не погибнет, в противном случае она может...» Читая это во сне, я испытывал чрезвычайно торжественное волнение. Получая или читая это письмо, кажется, я месил тесто или давил ягоды и обе мои руки были заняты. Я хотел об этом рассказать и Элле. Мысленно я сожалел, что так мало я сделал хорошего, что и монографию о Рерихе не написал. Неужели в самом деле эта дата будет критической для человечества? Или это относится только к моей жизни? Я стал внимательным к своим снам, записываю их, ибо уже несколько исполнилось. Интересно отметить, что незадолго до поездки на взморье меня во сне упрекали за отсутствие наблюдательности. В самом деле, если бы этой наблюдательности было больше, то я был бы осторожнее, выбирая квартиру на лето. В эту же ночь я видел ещё другой сон, нечто похожее на сказку, я путешествовал по миру вместе с Н.К. Он был полон отваги и находчивости. В каком-то месте по его предложению меня избрали королём. В тронной речи я привёл цитату из поэзии Райниса: «Доброе сердце есть начало всего».

24 августа. Пятница

Стуре сегодня вернулся из Литвы, куда ездил в прошлое воскресенье в гости к Серафинене в Палангу, чтобы заложить основы нового общества. Был и в Каунасе у министра иностранных дел с просьбой, чтобы не препятствовал учреждению общества Рериха. Также посетил Вольтера с предложением создать секцию Знамени Мира Рериха при Обществе сближения народов Литвы и Латвии. Вернувшись, он получил от Е.И. предлинное письмо (от 8. VIII. 34), которое сегодня утром мне прочёл. Какое богатство души и величие духа! Заботится об отдыхе других, когда сама днём и ночью в напряжённейшем труде. В письме много прекрасных философских мест. Жизнь земная настолько же реальна, как и жизнь на других планах, здесь даётся опыт, а возможность развития в более тонких мирах зависит от жизни здесь. «Все миры столько реальны, поскольку сознание наше может вместить условия их».

Истинный человек есть сознание, ибо сознание ткёт оболочку. Е.И. против психизма, ибо в наши дни увлекаться астральным миром очень опасно. Сколько случаев, когда психизм, равно как и чрезмерная пранаяма, доводили до болезней и смерти. Современная астрология даже в Индии не на высоте. Познание энергий дано только редким ученикам. Е.И. призывает организовать при Обществе группы по интересам – искусства, науки и т.д. Также призывает заполнить время *качеством рукоделия* – это содействует развитию воображения и может вести к вратам Огненного Мира. Дальше – чрезвычайно важное: Общество под защитой Учителя будет существовать только до тех пор, *пока будет сохранена неприкосновенность цепи Иерархии* – Учитель, Елена Рерих, Николай Рерих. Приходит время огненного очищения. В синтезе Владыки Майтрейи все Лучи. Шамбалы Владыка, Ману шестой расы, Кришна, Сергий. Чудесные, невыразимо возвышенные слова. Позволительно ли моему перу возвещать это? В искажении истинных понятий об Учителях много виноват Ледбитер, который назван «вреднейшим». Труднее всего миру понять дисциплину и Иерархию, поэтому Учителя и покинули Теософское общество. Истинно, безгранично важное письмо. В конце письма Е.И. просит проинформировать её о Мауринь Зенте, которую г-жа Иогансон предложила назначить руководителем женского движения в Латвии. Я рассказал Стуре: её великий идеализм, самоотверженность наталкиваются на преграду – она ещё не принимает идею перевоплощения. Но как же можно строить здание без фундамента?! Стуре отвечает: главное не идеи, а духовность. Но ведь не может быть духовного полнозвучия, если нет всеохватывающего подхода к Космосу, если не найден в нём абсолютный смысл. Руководителю особенно необходимо идейное полнозвучие, кто же может усомниться в этом? Зента наш друг, охотно мы видели бы её среди нас, она принесла бы большую пользу, но ведь её волю и веру нельзя ломать.

Вчера мы переехали из Юрмалы. У моего друга новые задачи и новые условия. Оставалось бы только у неё время для себя и Учения.

4 сентября. Вторник

Сегодня утром я отдал Раппе рукопись своей антологии «Красота духа»[1]. Я интенсивно работал два месяца. Не оказалось бы это время потерянным, принёс бы этот труд благословение. Иначе придётся жалеть, что многие, ещё более важные работы остались несделанными. В этом труде помогала мне и мой друг: переписала стихи, перечитала, обсуждала, через её контроль прошли все стихи. Хорошо хотя бы то, что может работать в сотрудничестве. Как было бы прекрасно, если бы мой друг была крепка нервами. Но кажется, что ожидаемого отдыха на взморье она не обрела. Состояние усталости нервов повторяется. Что же делать? Доктор так ясно это предчувствовал, неоднократно предлагал нам нанять служанку. Мы всегда ждали, когда же освободимся от долгов. И казалось, придут новые перемены в нашей жизни, и придётся переехать в Ригу. Перемены ожидаются и на моей работе. Было бы только больше сил!

В субботу я отослал Асееву воспоминания о Докторе на русском языке. Это труд, над которым много передумано. Надо спешно писать о потустороннем мире в интерпретации латышских народных дайн. В связи с этим я послал письмо Э. Вольтеру в Каунас с вопросом: как литовцы рассматривали идею перевоплощения? Раппа согласен издать второй раз сборник моей поэзии, а также и очерки. Но как это всё успеть, когда и дома остаётся мало времени?

7 сентября

Вчера утром Стуре прочёл мне новейшее письмо Е.И. Слова Учителя: «Такое напряжённое время, нужно имя Рериха держать "выше высшего"». И членов Общества следует оценивать по тому, как они относятся к Н.К. И у Стуре новое задание от Учителя: проследить за состоянием в Эстонском обществе, где во главе ныне не очень желательные люди. Поручения для Стуре становятся всё более ответственными. Но вместе с поручениями растут и его силы.

К вечеру я посетил Клизовского в Агенскалне. Этот тихий русский мыслитель, член нашего Общества, имел великое дерзновение.

[1] «Gara Daile» *(латыш).*

Ещё в то время, когда Доктор и мы предполагали, что пока не наступило время пропагандировать Учение, он начал писать книгу об основах Учения и послал первую главу книги Е.И. Результаты были чудесными – через некоторое время пришло письмо от Е.И. и одобрение Учителя. И теперь он шлёт главу за главой и получает их обратно с широкими пояснениями и правками Е.И. Ведь действительно, разве его труд тем самым не приобретает наибольшее благословение и поддержку? В некоторых письмах Е.И. отмечала, чтобы он давал читать и мне. Многое, очень многое новое и поразительное раскрывается! Многое совсем иначе, чем учили теософы. В двух последних письмах Е.И. говорит о серьёзности Эпохи. Христос предсказал Судный День. Но он вовсе не говорил, что этот Судный День не может стать вообще концом нашей планеты. Могут быть ограниченные катаклизмы, но может быть и намного печальнее, если человечество в последний момент не одумается, если часть человечества в последнее время не придёт на помощь Воителям Света. Конечно, один лишь Архат может регулировать согласованность целых областей Земли, охранять их от катаклизмов. Но вся планета кармически связана со свободной волей человечества. От неё зависит, быть или не быть эволюции. Сказано также, что случится с группами людей различных уровней сознания, если планету постигнет печальный конец. Решение состоится в 40-е годы. Приходит на ум пророчество Н.К. в русской газете «Возрождение» (11.VII), что в 1936 г. начнётся война между Россией и Японией. Если так, то какие же адские силы опять будут выпущены в пространство! Истинно, время серьёзное, важнейшее.

Далее Е.И. пишет об универсальности сути Учителя, пишет то же, что и в письме Стуре. Законодатель и огненный очиститель. Очищение огненное близко. Христос не был тот Мессия, которого ждали евреи. У него была своя особая миссия. Мессия объединит всю планету.

Видения Доктора об уменьшении пищи шли от Учителя. Иначе его ослабевший организм сдавал бы ещё больше. Также моё убеждение было, что эти видения дали ему духовную силу. Эти слова Е.И. заставят замолчать маловеров.

Письмо о Началах я получил с собой на дом. Оно столь важно, что хочу глубоко всё продумать. Нечто подобное было в письме г-же Иогансон о браке, которое она нам читала.

Вечером мы сходили к Буцену, у которого здесь же, недалеко, в Агенскалне свой дом. Познакомился я с его дочерью. Примечательно, что она писала кандидатский труд об интересном, хорошем поэте Пасколи. Она – человек духовный, надо бы ей приблизиться к Учению.

Сегодня утром сдал Раппе исправленный экземпляр рукописи «Прекрасной душе». Он рассказал, что его молодая жена является поклонницей моей поэзии. Подарила ему экземпляр со своими заметками. Это чудесно, ибо женщина – вдохновительница мужа. Однако о моих очерках он сказал, что теперь их издать невозможно. Опять победил холодный расчёт, но возможно, что ошибочно, ибо мне кажется, что мои монографии о писателях молодёжь бы приобретала. Быть может, что так и лучше, иначе опять всё это задержало бы ту работу, которая теперь для меня существеннее.

10 сентября. Понедельник

Вчера состоялось бракосочетание моего брата с Э.Б. у проф. Кундзиня. О свадьбе он поведал нам только за два дня, и для нас всех это было великой неожиданностью. Я ему от души желал семейной жизни, уже давно говорил ему это, ибо семья сдерживала бы проявления его наклонностей. Жаль, что мать[1] недовольна, потому что он не повёз её посмотреть невесту, а поехал сам. Конечно, это была ошибка, но огорчаться этим не стоит, надо радоваться, хотя можно понять и материнское сердце. Вечером вместе с новобрачными мы были в ресторане Римской гостиницы, но такое шаблонное веселье в алкогольном угаре для нас скорее было мучением, чем удовольствием.

12 сентября

Вчера меня пригласила г-жа Драудзинь переговорить с г-жой Мисинь. Последняя намерена писать в Индию, жаловаться на Стуре. Первый вопрос, который Мисинь задала мне: «Скажи, ты тоже считаешь меня одержимой?» Я сразу сообразил, к чему она клонит.

[1] Катарина Амакар.

Однажды Стуре мне бросил о ней такую фразу, разумеется, я дальше не распространял это. Он то же самое ещё кому-то из членов Общества говорил. Мисинь говорит: *как* ей жить, если такими слухами её окружают?! Конечно, мне уже раньше это было очень больно. Стуре временами бывает очень уравновешенным, но иногда – опрометчивым. Кому же, как не ему, надо было сознавать великую ответственность за каждое слово и мысль. Мы говорили два часа. Я её успокаивал и ободрял. Если у Стуре есть недостатки, то надо видеть в нём и хорошее, поддерживать именно эти его свойства, воспитывать его. Хотя бы из-за того, что сам Учитель ему доверяет. Мисинь вытаскивала опять старые, наболевшие проблемы. Я уверял, что Стуре за лето основательно вырос. Конечно, Стуре совершил ряд ошибок, но кто же без них? У самой Мисинь характер ещё слаб, она всё ещё не может подняться над личным. Своей душевной слабостью она вредит нашему Обществу. Конечно, всем сердцем она желает добра. Величайшее испытание в её жизни выявилось в отношениях со Стуре. Ей это выдержать было трудно и по той причине, что, кажется, и Стуре своё сердце не всегда открывает для чувствознания, чтобы поступить тактично. Больно было ко всему этому прикасаться и по той причине, что я был уверен, что за лето всё уже зажило.

*

Надо ли указывать самой Мисинь на её ошибки? Как часто ей самой не хватало такта. Зачем на этом застревать? О другом человеке надо думать только хорошее. От души надеюсь, что и Мисинь преодолеет себя.

26 сентября

Опять три дня я прожил привязанным к давно напечатанной книге «Знамя Сергия Радонежского». Весной мы отослали в Америку большое число экземпляров, но возникли осложнения. Так, будто бы не было свидетельства консула. Угрожает нам большой штраф. Отправку книг я доверил Ренцу, но он этого не разузнал. Теперь я с трудом отослал свидетельство, но не знаю, написано ли соответственным образом и не будет ли поздно? Так, сложности вокруг «Знамени Сергия Радонежского» не улегаются. Ещё следует отметить, что одна страница из рукописи осталась в Индии, её прислали только этой весной, и мы, в качестве вкладыша, летом её напечатали.

Раппа просмотрел антологию и, кроме нескольких стихотворений, признал хорошей. Просматривал вместе с женой. Грин, наоборот, боится за «левизну», как бы это не бросилось в глаза представителям нашего правительства. Что там «левого»? Конечно, представленные левые писатели слабы, я сам имел сомнения; может быть, что-то выбросить? Но человечность и Новый Мир – основа духа всего будущего. Разумеется, Грин возражал не против вышеуказанного, но вообще подошёл скептически. Дальше дебаты у нас возникли по поводу сборника моих стихов. Раппа ведь обещал выпустить второе издание. Грину, похоже, это не нравится. В качестве компенсации он обещал издать очерки. О стихах он открыто высказал свой приговор: во-первых – это слепая фантазия. Что я около 30 раз упомянул слово «душа», около 50 – «дух». Что я под этим понимаю? Не путаю ли понятия? И далее – как может быть у духа и у души тело, у сердца – уши и т. д. По поводу этих аргументов я долго спорил. Грин совершенно лишён религиозных переживаний. Свои стихи теперь отрицает. Единственное своё стихотворение «Костёр» он сам выбросил из антологии. Я сказал, что в религиозно-духовной плоскости есть такие же понятия, как и в материальной. Душа и дух есть прообразы материального. Мы ведь не можем представить душу как нечто абстрактное, но ассоциируем её с какой-то формой. Грин говорит, что надо писать так, чтобы можно было установить контакт с психикой читателя. Надо слова употреблять в настоящем значении. Как, к примеру, «зерно духа» может воспламениться? Я сказал, что зерно духа – это мысли, которые высеваются в пространство наподобие зёрен сеятеля-крестьянина. И если материальные зёрна прорастают долго, то духовные зёрна, которые в своей сути огненной природы, раскрываются внезапно. Разумеется, Грин всё это понять не может, поэтому спорить бесполезно. Он сказал, что в конце книги стихов следует дать аннотацию словаря моей терминологии. В качестве второго недостатка он отметил, что я кружусь вокруг немногих тем. С этим я согласился, говоря, что широта способностей или воображения – от Бога, стало быть, этого мне не дано.

Как много у меня работы! Я ещё не управился со статьёй о пути души по материалам латышских дайн, которую готовлю для «Истории литературы». Затем для Общества надо бы написать доклад «Формирование жизни на основе личного примера». Кроме всех прочих помех – жизнь и так вся издёргана. Надо искать квартиру, вполне серьёзно, Элле надо бы жить вместе с сестрой и её детьми, которые ныне временно без отца. Возможно, Элле будет легче жить с матерью, которая присматривала бы за маленькой. Если мы живём одни, нам так или иначе придётся брать служанку. Этот сложный вопрос не так просто решить и потому, что очень нелегко найти квартиру, а приобщиться опять к уличному шуму – значит приблизиться к стихиям.

Стуре в понедельник уехал в Ревель[1]. Перед ним великая, ответственная задача. Вернётся, наверное, завтра, так как по четвергам вечером у нас доклады. В минувший четверг г-жа Иогансон говорила о женском вопросе.

Вчера была неожиданность: я получил от Е.И. чудесную книгу – «Сердце» на английском языке. Удивительные, огненные у неё способности к труду! Когда я думаю о своём долге по отношению к Учению, во мне всё болит. Получил и от Асеева сердечное письмо. Статью о Докторе поместят в третьем номере «Оккультизма и Йоги».

2 октября. Вторник

Этот месяц будет трудным, полным большого напряжения. Вчера, после долгих поисков, наконец мы сняли квартиру на ул. Данцигас, 2, в доме адвоката Г. Целая трёхэтажная дача с семью комнатами, верандой и балконом. Всё было бы хорошо, только помещения здесь в далеко не блестящей опрятности. Надо чистить, ремонтировать. Сердце жутко сжимается при мысли об этом. Конечно, надо быть выше всего этого. Разве своим духом мы не можем внести сюда свои эманации? Воскресной ночью я видел странный сон, до того как мы сняли квартиру. Элла была в каком-то узком помещении и будто что-то собирала, искала, в это время в сознании всплыло на русском языке, будто бы это были черешневые листья (?). Затем всплыло в сознании слово «Талмуд». Действительно, владелец дома, адвокат, – ортодоксальный еврей, при этом симпатичный человек. Семья, которая здесь жила зимой, уехала в Палестину, это, конечно, свидетельствует о хорошем. Однако всё же так жутко войти в старый дом, который весь, кажется, облип чем-то древним и тяжким. Но, может быть, всё же лучше, что мы будем жить вместе с сестрой Эллы. Без служанки мы жить больше не могли. Элла становилась всё нервнее. И у меня дух был не свободен, терялось столько времени. Притом принять в нашу жизнь чужого человека, невегетарианца, не так просто. Кроме того – проблема помещения. Ничего, нужна только решимость духа. Жаль, что именно в этом месяце мне придётся проявлять наибольшее напряжение сознания, и как раз теперь не должны бы отвлекать меня постоянные заботы. Только что я сдал Грину переработанную рукопись антологии. Весьма спешно надо исправить (и даже – переработать) очерки. Надо напечатать второе издание стихов. Труд о потустороннем мире следует завершить к концу октября, с ним я уже задержался. Доклад Обществу. Далее – есть замыслы издавать серию религиозно-философских сборников. А где Общество?! Надо верить, верить в лучшее! С помощью Учителя преодолеем всё!

12 октября. Пятница, утром

На прошлой неделе я получил от Вл. Шибаева письмо с сообщением, что он выслал мускус. И только что, в понедельник, пришло письмо Е.И. Столь трогательно, что она не забывает меня. Я так мало могу делать для Общества, всё ведь делает Стуре один. И всё же она временами меня помнит. Достоин ли я этого? С каким светлым чувством я брал в руки письмо! Она спрашивает, каковы мысли членов Общества об известном месте в «Чаше Востока» о Боге, просит, чтобы я рассказал ей о всех недоразумениях и переживаниях. Она шлёт мне часть рукописей второго тома «Мира Огненного», шлёт одновременно и Стуре, и просит, чтобы я запросил у него начало. В конце она даёт подробные указания о применении мускуса и соды. Это будет большим подспорьем мне и моему другу, ибо после напряжённого труда и забот часто ощущаю исчерпанность сил, а особенно это бывает с моим другом.

Неделю я просматривал очерки, в понедельник сдал Грину для ознакомления.

[1] Ныне Таллин.

Вскоре получил их обратно, придётся ещё поработать, хотя времени больше нет. Вчера получил первый лист корректуры антологии, который вызвал изумление: не было введения! Я знал, что уже раньше Грин был против него, ибо будто бы его не понимает. Я тут же поспешил к нему, был и у Раппы, спорили мы долго. Раппа был на моей стороне, назвал Грина рационалистом. В конце концов я решил писать – прелюдию в стихах. Раппа опять недоволен, что я не поместил первым какое-то стихотворение Бригадере, вместо того, которое помещено теперь и которое он недопонимает и считает пессимистичным. Поэзия Раппы слаба, неясна. Так во всём надо ломать голову, притом только потому, что издатель не я сам.

На доклад времени осталось только три дня, работал до изнеможения, но получилось всё же хорошо! Практические идеи подавала Элла. Ей тоже Стуре поручил доклад, но так как официально сообщили поздно, то Стуре согласился, что пишу я. Вчера в связи с этим получилось небольшое недоразумение. Читала Элла, Стуре объявил, что доклад её самой. Элла подошла к нему и тихо сказала, что это мой доклад. Однако Стуре ничего не ответил, после завершения доклада даже пожелал ей счастья. Конечно, мне и Элле совершенно безразлично, под чьим именем этот доклад считается. Но Элла некоторым уже ранее сообщила, что это будет мой доклад. Конечно, ей теперь неудобно. Читая доклад, она ничего не сказала, так как боялась поправлять Стуре. Теперь у неё всю ночь болело сердце. Я успокаивал, что всё пустяки. Не понимаю, какие побуждения руководили Стуре? Быть может, то, что он никогда себя не поправляет?

29 октября. Понедельник ул. Данцигас, 2

В четверг переезжаем на новое местожительство. 7-комнатная квартира, отдельный дом. Мы устроились на втором этаже. Красиво отремонтировано. Хорошее печное отопление. Сколько происшествий надо было преодолеть. Кажется, теперь будет лучше. И моему другу легче, малышка сможет целыми днями играть с детьми её сестры, под присмотром её матери. И при всём этом переезде надо было заканчивать сборник очерков, который я сдал сегодня. И ещё – корректура. Воистину, сегодня чувствую себя совсем исчерпанным. Хорошо, что прислали мускус. Но ведь энергия рождает энергию.

9 ноября

Отослал сегодня воздушной почтой длинное письмо Е.И. Написал об отношении членов Общества к «Письмам Махатм», о событиях в жизни Общества и, наконец, упомянул о своём сне 19 августа. Приложил свою фотографию. В письме Е.И., которое Стуре получил вечером, она просила, чтобы и я послал фотографию. Недавно я отослал Шибаеву небольшой собственный снимок, где вся наша семья вместе. Мне теперь стыдно за себя, так мало делаю для Общества. Но ведь я никогда не бездействую. И письмо к Е.И. отняло у меня несколько дней. На русском языке не могу писать достаточно свободно. Кроме того, я посещал некоторых членов Общества, чтобы узнать об их отношении к «Письмам Махатм». Когда писал, опять одолевали токи. Усталость. Залькалн перейдёт жить к нам – на третьем этаже. Тоже стал нервным, хотя раньше был таким крепким. Нам всем нужна десятикратная сила, выдержка и доверие к Руке Ведущей.

Во вчерашнем письме к Стуре Е.И. вновь упоминает слова Учителя об ужасной заразности одержания, также – о психизме. В самом деле, нам надо быть осмотрительными. Кажется, сами основы мира содрогаются. Сражения Армагеддона в кульминационной точке. Каждый чуткий человек это ощущает. Затем Е.И. пишет о том, что всем, кто в Прибалтийских странах хочет учреждать общества Рериха или нечто иное под его именем, следует обращаться за разрешением к Стуре. Также Стуре призван чутко устранять конфликты и осложнения в Таллине, где впереди действительно трудная задача.

В Обществе каждый четверг читаются доклады. Постепенно начинает развиваться деятельность секций. Лишь бы только все смогли объединиться единым духом. Я получил от Е.И. также начало второй части «Мира Огненного». Уже давал некоторым читать. Очень жаль, что Валковский чувствует себя больным. Между прочим, у него изменения со слухом, каждый звук резко отражается. Стуре писал в Индию, что Валковский углубляется в самоощущения и, видимо, из-за этого захворал.

Через письмо Е.И. Учитель велел сказать Валковскому, чтобы тот напряжённым трудом пытался преодолеть в себе тягу к пути психизма.

Мы хорошо устроились в новом доме. Моя комната хотя и на северной стороне, но удобная, чистая, и приятнее, чем прежняя. Комната моего друга и ребёнка – на солнечной стороне. На восточной стороне комната поменьше – для матери. Однако чаще всего она помогает сестре Эллы Неллии и её детям. Сестра Эллы ходит на работу и возвращается домой к вечеру. Облегчения в состоянии и бодрости у моего друга нет и теперь, хотя уже она свободнее и в какой-то мере ей легче. Мне кажется, что будет ещё лучше.

14 ноября

Сегодня получил от Шибаева письмо. Получил мои снимки. Он очень отзывчив! Спрашивает, почему я не пишу. Рассказывает об успехах Пакта Мира.

Сегодня упразднили мою лицензию на издательство «Алтаир». Я только недавно узнал, что ещё в феврале следовало перерегистрировать. Я думал в ближайшие дни идти в префектуру и просить возобновить разрешение. Но я ждал сведений из Индии, написал об этом Шибаеву и Е.И. Не знаю теперь, сильно ли мне печалиться? У меня было такое ощущение, что название этого издательства тесно связано с судьбой книги «Знамя Сергия Радонежского».

Сегодня ко мне в библиотеку пришёл пастор Годинь. Симпатичный человек, хочет организовать художественно-культурный салон.

23 ноября. Пятница

Сегодня я получил наконец свою «Красоту духа». Уже вчера вечером пришла из типографии. Это книга, ради которой, истинно, пришлось сражаться. Уже в корректуре я заменял стихи. Дал ещё стихотворение Скалбе «Время героев», взятое мною из журнала «Атпута»[1] за минувшую пятницу. Было у меня и желание исправить некоторые стихи. С позволения Судрабкална я поправил его «Новое окно». Из-за нескольких предложений, которые звучат немного шовинистически, я долго сомневался в стихотворении Яунсудрабиня «Как золото». Но такова уж эта любовь. Я хотел вместо «прекраснейшая» поставить слова «необыкновенно прекрасная» или нечто другое. Встретил нечаянно Яунсудрабиня на улице и не сообразил спросить, а потом было уже поздно. У Вирзы и Стерсте я взял только по одному стихотворению, мне от души хотелось взять больше, но я ничего не нашёл.

Вчера, увидя мою книгу, Вирза сетовал, что от Грота – 3 <стихотворения>, а он, очевидно, в эту книгу не вписывается? Если бы мне удалось найти хоть несколько одухотворённых строчек в его поэзии! Такое же положение с Меденисом. Относительно А.Ниедре должен сказать, что я был внутренне доволен, что ничего у неё не нашёл. Что-то большее я хотел найти у молодых, но где же выявление духовного? Надо бы познакомиться с Леймане, этой загадочной поэтессой, в стихах которой звучит нечто от духа, но сама она против (мне об этом сказали Мауринь Зента и Я.Гр., то есть люди совершенно противоположного духовного склада), поэтому я её стихи выбросил. Я хотел быть насколько возможно объективным. Охотно я поместил бы какие-то стихотворения Стуре. Я обнаружил в его сборнике два вполне неплохих стихотворения («Поездка в Ригу»), но разве можно поместить совершенно неизвестную личность? Возможно, что они написаны давно. Да, у Стуре есть истинная звучная, лирическая струна. Он всесторонне одарён. Вышла его книга стихов на немецком языке, книжка о воспитании и календарь, им одним написанный. Литературу и музыку он воспринимает глубоко.

Ну, один труд завершён. Но всё же горы корректур десятикратно растут. Не справляюсь с ними, работаю каждую свободную минуту. Правлю многое, создаю неприятности для наборщиков. Ещё в последнее мгновение приходится додумывать многие проблемы. Ибо я сознаю всю великую ответственность. Если бы я излагал свои личные взгляды, было бы, наверное, легче. Такого напряжённого труда у меня ещё не было! Быть бы в силах с честью всё завершить. Мне ведь ещё надо окончить многие другие труды.

[1] «Atputa» *(латыш.)*. – «Отдых».

1 декабря

Стуре прочёл сегодня мне письмо Е.И., которое он только что получил. Вначале – несколько слов о Пакте Мира. Друг, министр Морене, в Париже. Государствам Балтии надо постараться побыстрее присоединиться к Пакту. «Малые народы первыми идут навстречу великим планам». «Держать имя выше высшего... Всё держать достойно, чтобы не умалить Имени» (Указ об Н.К.). Затем – о Махаяне и Хинаяне. Махаяна, кроме Будды, признаёт и Иерархию Света, которую не признаёт Хинаяна. Хинаяна – экзотерическое, а Махаяна – эзотерическое Учение. Махаяна разделилась на две секты: первая – жёлтошапочников, которую учредил Цзонкапа, и вторая – красных шапок, которую создал Падма Самбхава. «Год Земного Дракона» – есть Кали-юга, в Тибете его отмечают как 1927 год, который положил начало особым нападениям тёмных сил. «Опыт Моего Друга» – это опыт основания Теософского общества. Кут Хуми был руководителем Общества. Махатмы ещё при жизни Блаватской прекратили непосредственное руководство Обществом, руководят лишь отдельными личностями. Мориа участвовал <в учреждении Теософского общества> только косвенно. Затем – об отношении крови к элементам. Далее – о печальном положении в Таллине. Стуре решил завтра вечером отправиться туда, посетить не только главных инициаторов Общества, но и министров, чтобы предложить поторопиться принять Пакт. В минувшую субботу Стуре вручил Мунтерсу декларацию Рузвельта о присоединении к Пакту, а также свою просьбу сделать нечто в этом плане и со стороны Латвии. На прошлой неделе разрешено, после двукратного отказа, организовать курсы английского языка с руководителем – г-жой Пормалис. Я недавно был у главы старообрядцев Заволоко, приятного русского человека, учителя, который интересуется русской древностью, собрал многие древние книги и т.д. Он уважает Н.К. и интересуется им, имеет ряд репродукций его картин, показывал и его письмо школе Гребенщикова. Шибаев просил меня передать статью Н.К. об иконе для публикации в «Русской старине». Один год журнал не выходил, но как раз на праздники Заволоко готовится издать один номер. Стуре был в редакции «Сегодня»[1] с этой статьёй, обсуждали, решили не печатать, мотивы отказа, насколько можно понять, – религиозные. Хотя статья выдержана в православном стиле, однако кажется им слишком «интернациональной». Только что подал прошение в префектуру с просьбой разрешить мне возобновить издательство «Алтаир». Я долго сомневался, ждал ответа из Индии. Не знал, есть ли смысл его возобновлять, если мне не разрешат издавать другие книги; если бы разрешили, то я бы писал прошение. Всё же подал прошение хотя бы из-за Клизовского, которому отказали в создании своего издательства. Его книгу, которую просмотрела Е.И., скоро закончат печатать, но она пока не имеет издательства. Если разрешат, смогу поставить своё.

Горы корректуры растут ввысь. Но вскоре, однако, завершу.

8 декабря. Суббота, вечером

Сегодня утром отдал в печать последний лист «Мыслители и воители»[2]. Также отнёс Эгле завершение своего исследования о дайнах. Одни сражения завершены, чтобы начались другие, гораздо громаднее и намного бурнее. Теперь работаю над своей второй книгой. Ещё во второй корректуре много правок. Даже в третьей. Если бы эти труды я писал в последние годы, то дело пошло бы иначе. Но 14 лет внесли развитие или изменение как в мой стиль, так и в мировоззренческие нюансы. Теперь я многое выразил бы иначе. Но тогда всё надо перестраивать сначала. Зачастую над одним предложением приходится очень долго думать. Затем, нередко создавала мне внутреннее затруднение мысль – годится ли то или иное предложение для сегодняшней эпохи. Конечно, я не боюсь «духа времени», но наше Учение подчёркивает принцип «Господом твоим». У меня же и так будет сочинение о великом пацифисте Роллане, но теперешняя современность ненавидит пацифизм. Два дня назад я спорил с проф. Страубергом, который категорически против пацифизма, поэтому он и против Знамени Мира. Идеи мира для Латвии будто бы – яд. Его девиз – быть готовым к войне.

[1] Газета на русском языке.

[2] «Atzineji un cinitaji» *(латыш.)* – сборник очерков о писателях и художниках.

При чтении второго листа <корректуры> у меня появилось беспокойство по поводу того, что я не переработал коренным образом главу о Чюрленисе (отчасти где-то и о Данте), где некоторые места кажутся компилятивными. Недаром со статьёй о Чюрленисе они тянули несколько дней. <Очерки о> Шелли, Байроне и др. являются самостоятельными исследованиями, и хотя написаны стремительно и с вдохновением, однако рассматривают авторов глубоко и широко. Также заново надо бы переписать и стихи.

Против моей «Красоты духа» будто бы зреют выступления в правых кругах, среди «Диевтури»[1] и т. д. Особенно обозлились те поэты, чьи стихи я не поместил. Мои друзья опять же виноваты, что пугали Грина и Раппу вымыслами о том, что скажут те или другие. И что «Мыслители и воители» создадут бурю. Больше часа спорил с П.Биркертом. Я будто бы составил антологию в церковном духе (я сказал: не путайте духовенство с духовностью, Райнис – самый духовный). Я хотел заставить его рассмотреть научно проявления духа. Сказал, что у меня не вера, но только наука и осознание (мышление) и т.д. Странно меня поразило и то, что и Круза отрицательно настроен к антологии. Даже упрекает в ошибках, которых там нет. Нападки врагов ведь нередко приятны, но Крузу я считал человеком духовным. Время покажет, кто против духовной красоты и духа.

12 декабря

Зента меня упрекает, она ждала от меня большего духовного сотрудничества. Да, конечно, когда-то я ходил к ней гораздо чаще. Но этой осенью она была сильно занята, и я тоже. И мне казалось, что её мир отдаляется от нашего мира. Её интересы часто тонули в обществе, где любили проявления формы как в жизни, так и в искусстве.

Она не права. Моей обязанностью было дать ей почувствовать близость Учения, хотя она способна уловить только его этическую сторону. Если бы я чувствовал, что её душе необходимо Учение, то для меня не было бы большей радости, как переговорить с ней о самом существенном, но этого-то я и не ощущал. Она сказала, что для неё большая радость читать каждую мою книгу и рассказывать об этом другим. Однако я не понимаю её последних лекций об «антропологах», я был на двух, но они были для меня скучными; притом она к ряду рассматриваемых антропологов причислила нескольких скорее «зоологов», нежели исследователей человека. Друзья Зенты меня упрекают, почему я не пишу о её лекциях. Мне лично всё это кажется странным. Во-вторых, что же даёт реклама? В-третьих – я не способен быть неискренним, хотя бы даже ради пользы друзей.

15 декабря. Суббота, вечером

Сегодня воистину день борьбы и победы. Наконец вышли из печати долгожданные *«Мыслители и воители».* В последний момент я узнал, что с моей работой знакомилась ближе цензура. Книга должна была выйти уже вчера, но из-за цензуры только сегодня около полудня привезли в магазин. Я был несколько обеспокоен – что скажут цензоры. Среди них есть несколько явных противников моих взглядов. Всё прошло счастливо. Роллан обрёл гражданство Латвии. Это радостно, хотя и столь много противников наших идей. И внешний вид книги, и внутреннее оформление очень приятно. Не менее приятно, чем у антологии.

16 декабря. Воскресенье, утром

Вчера вечером я был очень уставшим. Ощущал крайнюю исчерпанность. Хорошо, что дома ещё есть мускус. Вечером мы с Эллой и дочкой были у Зенты на дне рождения. Малышка на этот раз была на редкость недружественной, чего-то боялась и кричала. Элла сейчас же ушла. Я провожал. Всю дорогу нервничала, ибо не выносит криков ребёнка. Хоть бы мой друг спасла как-то свои нервы! С ребёнком теперь чаще всего спит мать Эллы, но и длинный трудовой день утомляет. Сознаю, что мой друг жертвует собой ради меня, позволяя свободно работать над моими книгами. И всё же теперь лучше, чем в старой квартире. Но у Эллы новая работа – надо прибирать и комнату Залькална, он живёт на нашем третьем этаже, в «келье».

[1] Общество под руководством Эрнеста Брастыня, восхвалявшее латышские народные традиции, этику. Было возобновлено в 80-х годах XX ст.

Когда мы явились к Зенте, среди гостей был и Веселис. Подавая мне руку, он сказал, что я будто бы просил, чтобы не печатали какую-то критику. Какая ложь! Жаль, что я не ответил достаточно находчиво, ибо малышка в соседней комнате кричала и сознание моё не было готово к нападению. Веселис в среде наших писателей – яркий представитель бескультурья и бестактности. Сколько раз он обрушивался на Зенту и оскорблял её, в то время как накануне поздравлял и вручал цветы. Веселис обозлён на меня и из-за того, что я не увидел духовности в стихах А. Ниедре и не нашёл для сборника ничего подходящего. Это я знал заранее. Теперь они все имеют большую власть, а также печать в своём распоряжении. Всё же я не понимаю Веселиса, как он может называть цикл романов такими возвышенными словами, как «Беспредельность и вечность»? Ведь главное не идеи, но культура духа.

Стуре получил от Мунтерса сообщение о том, что он на конференции Балтийских стран представил декларацию Рузвельта. Нам радостно, что правительство начинает нас официально признавать.

Чувствую, что у Стуре тяжко на душе от того, что я высказался критически о его календаре – что он этими стихами себя несколько компрометирует. Мне, как его другу, надо было это ему сказать. Он ведь не знает, что говорят о нём некоторые члены Общества. И у меня самого было тяжко на душе, когда листал этот календарь.

Стуре 4 декабря вернулся из Таллина и рассказал о своих успехах. Правительство Эстонии (министерство иностранных дел) решило ратифицировать Пакт. И Балтийская конференция постановила совместно выступить в поддержку Пакта. Затем Стуре был у крупнейших руководителей государственных учреждений по разным делам, в том числе и по делу Знака, который г-жа И<кскюль> когда-то присвоила. Русского писателя Г<ущика> по причине его бескультурья временно пришлось отдалить от Общества. Во главе <Общества> будто бы будет Пятс, брат президента, он и его жена – по-настоящему культурные люди. В Таллине есть ещё несколько движений, и сгармонизировать их – великая задача. Если Стуре удастся с этим справиться, то это будет его великой заслугой.

В пятницу я наконец получил ответ по делу «Алтаира». Резолюция следующая: издательство разрешено для произведений самого автора. Впечатление такое, что ныне разрешения выдают только избранным. И не государственным чиновникам, ибо это «доходное занятие». Мне, однако, пошли навстречу и разрешили самому издавать свои работы. Я был крайне изумлён. Такого решения никак не ожидал. Я слышал о председателе отдела печати Л<епине>, знал, что своими силами чего-то добиться невозможно. Притом я ещё не получил из Индии указаний, что делать с издательством, хотя запрашивал уже два месяца назад. Стало быть, они сами сомневаются. Член нашего Общества Клизовский издаёт книгу об основах Учения. Все главы просматривала Е.И. и возвращала со своими замечаниями. Есть и Указания. Сначала ему предложили, что Общество могло бы издать его труд. Всё же он хотел издать сам. Деньги одолжил Б<уцен>. Теперь книга почти напечатана, остаётся напечатать последний лист, а издателя нет. Просьба самого Клизовского об издательстве отвергнута. Я обещал дать своё – «Алтаир», но единственно с разрешения Е.И. Чувствую, что это название связано с известной книгой, и будет ли хорошо связывать его с другими книгами? В таком духе я писал Шибаеву, позже и Е.И., просил совета. В пятницу мне надо было решиться. Если я не могу издавать другие работы, то не имею права сохранять это название, поскольку оно в моём сознании свято. Поэтому я изменил его на «Рита Дайле»[1]. Я отправился в министерство и в последний момент спохватился, что мне, очевидно, запретят издавать переводы. Так и оказалось. Я ведь хотел издавать книги Учения. Был я у Л., он вначале был против, но в конце концов, с трудом я добился разрешения издавать и переводы. Так в наше время приходится бороться. У меня всё же было на душе отраднее, что Клизовскому какой-то издатель пообещал дать свою фирму «Мир». Клизовский просил Стуре дать ему своё издательство, но тот уклонился. Стуре мне объяснил причину отказа: возможно, цензура будет смотреть его книгу, не будет ли слишком она остра в наших условиях. Далее – невозможно проверить, насколько точно он вносил в текст замечания Е.И. и т. д. И указал на характер Клизовского. Всё же в конце концов всё будет хорошо. Всё будет хорошо. Всё удачное достигается с большими трудностями. Клизовский, однако, свершил великое дело, действительно – великое.

[1] «Rita Daile» *(латыш.)* – «Красота утра».

Он когда-то не послушался Доктора, что ещё не время говорить открыто об Учении, и сам Доктор признался, что время наступило. И постепенно этот труд завершился.

21 декабря. Пятница, вечером

Сегодня наконец вышла книга *«Прекрасной душе».* Второе издание. Поздно, но лучше поздно, чем никогда. Раппа затянул, хотя обещал издать. Я понимал, что Грин был против. Поэтому, наконец, издал я сам. Рисунок на обложке мог бы быть одухотворённее. Но хорошо, что и такой получился. За него я беспокоился. Идею подал я, но Стр<унке> ведь мог заупрямиться. В последний момент мы с Залькалном его ещё вдохновляли. Будет хорошо. Первый цикл работ завершён. Вчера вечером Элла прочла мой доклад «Прекрасное и жизнь», переработанный материал статьи «Культура Красоты». И в это надо было вложить свою долю ответственности и напряжения, хотя долго над ним я и не работал.

В среду я получил огромную радость – чудесное, длинное письмо Е.И. С каким огромным чувством я держал в руках это письмо! Ибо каждая строка несёт высшее значение, благословение. Я – под благословением: мою фотографию она будет держать на столе наряду с другими друзьями, и всем вместе посылать хорошие мысли. Пишет о Космическом Разуме, о переводе «Иерархии», о странных явлениях в чувствах членов Общества, наконец – отвечает по поводу моего сновидения. Ободряет меня писать на темы, связанные с Учением, она охотно читала бы мои работы на русском языке. Шлёт приветы моему другу и Огоньку[1], имя которой я написал на снимке, посланном Шибаеву. Воистину – Благословенная Мать Человечества! Достоин ли я получать такие возвышенные письма?

24 декабря. В День Владыки

После праздника у ёлки в Обществе

Владыка, прости, прости, прости мою усталость. Помоги, пусть усталость эта будет временной. Помоги мне снова быть крепким. Дай мне крылья духа. Дай выносливость моему телу. Ниспошли нам мощь Своей Божественной Силы!

31 декабря. Вечером

Если страдания существуют для того, чтобы мы росли, то я принимаю их охотно. Пошли мне страдания, пусть – величайшие страдания, только не допусти, Владыка, ни на мгновение мне потерять гармоничный трепет мысли. Дай мне силы преодолевать каждодневный хаос. Дай сердцу моему звучать чисто, ибо Ты единственный знаешь мои самые сокровенные устремления!

[1] Ласкательная форма имени дочери Р. Рудзитиса – Гунтыня (Guntina) в переводе с латышского – Огонёк.

1935

4 января 1935 года

С каким властным дыханием начат Новый год. Истинно, sforza con maestoso[1]. Боль, стихии, тоска поверх всего.

На праздники все четверо детей в нашем доме заболели. Кроме двоих детей Шинки, приехала и жена шурина <Ирма> Страздынь с моим крестником <Андрисом>, который по дороге простудился и получил воспаление лёгких, хотя и не в тяжёлой форме. У моей дочери вначале был насморк, но к Новому году начала расти температура до 38,8°, было что-то похожее на ангину. Элла несколько ночей не спала – нервная усталость. И я всю вчерашнюю ночь промучился с дочкой, которая непрестанно сбрасывала одеяло. Хорошо, что температура падает. И затем вчера произошло великое событие. Свояченица Страздынь приехала в Ригу дожидаться своего будущего ребёнка. Конечно, если бы были явные признаки, я сразу бы отправился с ней в больницу. Вчера она что-то чувствовала, но ещё не обращала внимания, хотя другие домашние предлагали ей ехать в больницу. И вдруг после обеда ребёнок появился на свет. Элла в расстройстве выбежала без пальто в большой мороз звонить врачу, всех обзвонила, но никого не нашла. Наконец, один приехал спустя более получаса, когда малыш уже появился на свет. И всё это происходило в моей комнате, на моей кровати! Крестник с отцом, который спешно приехал, живут в другой комнате. Мы теперь приютились в одной комнате. Элла всю ночь от волнения не спала, в напрасных угрызениях мучилась, что вовремя не уговорила свояченицу ехать в больницу. Сегодня утром такой упадок нервных сил, что плакала. Мы ломали голову, где взять помощника. И сегодня, рано утром, как бы кем-то посланная, явилась Иоханна[2], наша давняя знакомая. Мы уже раньше пригласили бы её к себе, но нас озадачивали её психозы. Она одарённая, интеллигентная, притом большая любительница чистоты, давняя знакомая Райниса. Но не могла нигде надолго прижиться, какие-то странные, даже болезненные, навязчивые мысли гнали её дальше. Своеобразие характера. Однако мы очень благодарны ей. Так. Окончательные пертурбации в нашем жилище. Лишь бы я мог опять работать. Теперь всем существом хотел бы завершить свою работу об Н.К. Но для работы необходим покой днём и ночью. Однако в результате всего моя комната в нашем жилище теперь уже многократно освящена.

7 января

Ритм жизни в нашем доме нарушился. Тяжко. Элла обладает столь великим чувством ответственности и долга, что из-за её нервности эти свойства доходят в ней до болезненности. Она ведь мучается от сознания того, что не отвела молодую мать в больницу. Логически рассуждая, последняя сама виновата, что не послушалась даваемых ей советов именно в тот день, и, кроме того, она сама довольно небрежно относилась к себе. Во-вторых, Элла сожалеет о том, что в замешательстве, когда не могла по телефону найти ни одного врача (надо было ведь искать акушерку!), наконец созвонилась с врачом, который потом потребовал такой большой гонорар. И наконец – вчера медсестра, приведённая врачом для ухода за новорождённым и роженицей, этакий старомодный человек, уходя от нас, обманула: к своему гонорару за дежурства прибавила ещё один день. По этому поводу Элла опять не спала ночь. И дочка кашляла. Когда она начала плакать, Элла убежала вниз, на кухню. Каждый крик ребёнка раздирает ей сердце. И чего стоят мои успокоения? Надо сделать нечто реальное уже сегодня вечером. Жаль, что Элла вынуждена спать с ребёнком, нет другого помещения; есть ещё внизу пустой зал у Шинки, но они поздно идут спать. В чердачном помещении печь вообще неисправна. Раньше некоторое время Элла спала в моей комнате. А с девочкой спала бабушка. Но ей теперь целыми днями приходится присматривать и за моим крестником, которого родители сильно избаловали, вырос слабым.

[1] напряжённо и величественно *(ит.)*.

[2] И. Кегис – одарённая сельская девушка, играла на скрипке, одно время работала санитаркой в больнице, где лечился поэт Райнис.

Иоханна теперь обслуживает молодую мать, себя она не щадит, не слушается советов пожалеть себя. Думать о творческой работе я не способен, перевожу, сколько могу, некоторые статьи Н.К. Всё здесь описанное – страница нашей жизни. Главное, возобновить бы хоть немного ритм жизни. А то столь трудно бороться против бури стихий.

9 января

Книге Клизовского об основах нашего Учения угрожает серьёзная опасность. Он отдал её в отдел печати ещё до Рождества. Там несколько дней её просматривал Шк. и затем неожиданно передал пастору Озолсу, директору духовного департамента. Я многократно советовал Клизовскому не медлить. Ему обещал позаботиться член нашего Общества Буцен, член Синода, слово которого, само собой понятно, более веское. Жаль, что они опоздали со Шк. Озолс сказал, что ещё не ознакомился, но, когда после некоторого времени опять его навестили, он уже успел дать книгу для цензуры теологу П. и получил от него отрицательный отзыв. Мы все были в изумлении, что именно этот П., абсолютно ограниченный человек, будет вершить суд над Учением! Буцен уговорил Озолса, чтобы тот ещё сам просмотрел книгу. Вчера я был дома у П., хотя и решил к нему не ходить, но поскольку я с ним немного знаком, хотелось услышать его позицию. Наши мысли о нём подтвердились. Никакой логики и никакого голоса сердца, они как бы излишни. Только догма и тьма. Мы – народ христианский и таким обязаны остаться. Если он разрешит эту книгу, то якобы сам себе выроет могилу. Она развратила бы народ. Я возразил, что Богу не нужны такие верующие, которые не стойки в своей вере и за которых надо опасаться, как бы они не уклонились в своей вере. Бог ведь сам шлёт испытания. Если уж верить Христу, то надо верить с абсолютной убеждённостью, которую ничто не может поколебать. Я здесь столкнулся с самыми обычными сектантскими аргументами, которые продиктованы не разумом, не сердцем, но механически вызубренными догмами. Я и не пытался много с ним спорить. Больше выслушивал. Нужды не было биться о стенку. Я в основном подчёркивал философское значение книги. Разве в Латвии нет свободы вероисповедания? Почему не могут быть иные религиозные идеи? На это мне ответили: а для чего же тогда нам нужна духовная цензура? И т.д. Были и невежливые слова о книге и восточной философии. Удивляюсь только, отчего же Озолс, о котором говорилось как о чутком человеке, доверил отзыв П.? Буцен обещал в скором времени и сам сходить, и ещё кого-нибудь послать. Я был бы согласен и сам идти, хотя у меня совсем нет дара речи, и вряд ли Озолс обо мне что-либо слышал. Но Буцен советовал пока не ходить. Всё же верю, что в конце концов будет хорошо. Ныне я прочёл труд Клизовского. В самом деле, местами он резко отзывается о христианстве, в сегодняшней обстановке следовало бы быть менее категоричным. Но вообще, особенно вторая половина, написано сосредоточенно, сильно. Неоценимую помощь оказала ему Е.И., просматривая его работу и посылая ему письма. Разумеется, её замечания больше всего относятся к идеям, но не к литературному стилю. Клизовский свершил большой труд. Вознаграждением ему за это – сама книга.

17 января. Четверг, утром

Человеческое, человеческое, чересчур человеческое! Сердце переполнено болью. Что делать, как помочь? Драудзинь и Мисинь упрекают меня, что я мало интересуюсь внутренней жизнью Общества. Ходят всякие слухи. Теряется доверие между членами. Знаю, что женщины в своём эмоциональном восприятии многое преувеличивают. В некоторых есть даже как бы болезненность, которая доходит до психизма. Но не бывает упрёков без зёрнышка истины. И даже если это всё было бы только преувеличением, то всё же моим долгом является развеять его в сознании каждого члена Общества. Вечером я на часок зашёл к Драудзинь, к той, которую ещё д-р Лукин в одном своём видении назвал «золотым ключом». Она до того расстроена, что даже не может ходить в Общество. Рассказывала о кооперативе, который зять Стуре Пл. разбазарил. Стуре его, разумеется, за это осудил, но слишком поздно. Ревизионной комиссии в годовом отчёте Общества придётся указать весьма неприятные вещи. И затем – о самом Стуре. Я всегда его защищал. Наше сердце должно быть столь широким, чтобы вместить и ошибки других. Особенно ради того великого блага, которое Стуре приносит нашему Обществу и движению Знамени Мира вообще. Но здесь же

душа плачет! Что ещё можно делать в такой ситуации, как только успокаивать? Ещё хуже с Мисинь. Она очень сильно вредит Обществу, рассказывая другим что-то против Стуре, хотя, быть может, сама не желая и не сознавая того. Она, не думая плохого, заронила в мысли одного, другого горькие капли. Знаю, что она сама очень, очень страдает. Мы договорились с ней встретиться завтра. Я хочу с сердцем подойти к душе каждого члена Общества, каждого хочу выслушать, хотя бы немного поправить его сознание в положительном направлении. Слётова хочет писать письмо в Индию о том, что Стуре неправильно объясняет Учение. Не должны ли мы быть благодарны за ту великую работу, которую он делает? Его память феноменальна, он всегда находит готовый конкретный ответ на все сложнейшие вопросы. Но, может быть, Стуре слишком радикально любит всё определять? Понятие беспредельности ведь трудно заключить в чеканные контуры. И он мало предоставляет слово другим, всегда торопится выступить с готовой формулировкой. Таким образом у нас получается не столько школа в духе общинного, взаимного самообразования, сколько обучение в духе академическом. Это мы постепенно Стуре растолкуем. Мы должны быть рады тому, что Стуре нам даёт. Огорчается и Рекстынь, эта добрая душа. Ищет больше сердечности. Даже Залькалн, который теперь живёт у нас, сказал мне нечто такое, чего я от него менее всего ожидал, и что меня смутило. Вечером я поехал к Стуре. Намеревался поговорить с ним по душам. Стуре был огорчённым по причине медлительности государственных инстанций: главный врач санитарного управления тянет с выдачей разрешения на столовую в новом здании пекарни. Один раз разрешит, другой – запретит. Стуре показывал письма из Наггара. Е.И. с сердечной радостью пишет о благоприятных известиях в связи с Балтийской конференцией в Таллине и благодарит Стуре. Так исполняется предсказание, что малые народы первыми будут содействовать миру, что Балтийские страны первыми подпишут Пакт. Е.И. пишет, что ждёт от него подробное письмо о его поездке в Таллин. С этим письмом происходили странные вещи. Стуре получил письмо от Шибаева, где тот пишет, что, по его подсчетам, письмо Стуре, которое запоздало, должно было лететь на аэроплане, который разбился вместе с семью пассажирами в пустыне. Два мешка с письмами были разбросаны по пескам. Удалось собрать только несколько. И в конце концов оказалось, что в числе этих подобранных писем было и письмо Стуре; так, с большим опозданием, оно всё же достигло цели. Оно было настолько важно, что не должно было пропасть. Наш разговор перешёл к теме Мисинь. Я спросил, не мог бы он как-то найти примирение с ней. Мисинь обижена на Стуре, отношение её к нему отрицательное. Но сам Стуре не менее резок с ней. Члены Общества это ощущают. Тяжко мне было говорить. Упомянул я ещё о том, как больно было Мисинь из-за того, как Стуре её при всех назвал. И что он резковат и с другими. Больше говорить я не мог. Чувствую, что и так на него масса нападок. Он сказал, что в последнее время его волосы ещё больше поседели. И что он ощущает токи. Я попросил его хорошо спать, пить по вечерам валериан, чего он не делает, неизменно веря в своё крепкое здоровье. Хотел ещё рассказать, что некоторые члены Общества говорят о нём, чтобы он знал и был готов к разным ситуациям, но больше не в силах был говорить. Быть может – в другой раз. Как это тяжело! Стуре следовало бы больше предпринять что-то со своей стороны. Верю, что он этого хочет, но не знает, как. Позже зашёл Валковский. Его жизнь всё ещё в тяжких потоках. Младший ребёнок по ночам кричит, очень неспокоен. Жена совсем нервная, это мы давно знаем. Понимаем издёрганность его души. Иногда на него находит такое ощущение: и жить невозможно, и умереть нельзя. Как в таких условиях делать серьёзную работу? И всё же надо идти с поднятой головой. Так круги испытаний охватывают всех. И меня это не минует. Есть дни, когда такое напряжение, что чувствую: прикоснись кто-то пальцем – воспламенится или рассыплется моя оболочка в прах и пепел. Так же и с моим другом. Ей тяжело и от того, что не может хорошо выспаться, так как мы всё ещё ютимся в одной комнате. А у меня вдобавок уже давно такой сильный насморк, что я способен единственно что-то переводить.

18 января

Вчера в Обществе наша драматическая студия устроила свой первый вечер. Поставили одно действие из пьесы Островского «Гроза» на русском языке. Были и поэтические чтения. Они добились хорошей дикции и игры. И всё же...

У нас ведь говорили о театре мистерий. Для чего же тогда наша студия? Юмор в теперешних условиях уже не может тронуть мои уста улыбкой. Уже Доктор после появления книги «Сердце» прочувствовал великое значение священной торжественности, и тогда наши взаимные отношения стали торжественнее. Ведринская, эта чудесная актриса и добрая душа, которая когда-то в своём докладе поставила такие возвышенные требования актёру, однако, работая очень долго в театре старого, традиционного мышления, при выборе репертуара для Общества особо успешной не бывала, за исключением тех случаев, когда она читала фрагменты из Учения. Она сама высказывалась, что ей тяжко играть в приземленных пьесах, для своего бенефиса она когда-то выбрала «Сестру Беатрису» <Мориса Метерлинка>.

21 января

Жена поэта Эрманиса уже давно интересуется Учением. Я давал ей книги. Изредка она приезжает в Ригу, где посещает нас, говорим об Учении. Вчера утром вместе с ней мы были в Обществе в группе Мисинь, которую ведёт Стуре. Стуре опять говорил удивительно логично, конкретно, понятно. Я позже спросил г-жу Пл., всегда ли Стуре так чудесно говорит? Да, часто. Что эта Мисинь от него хочет? В пятницу я с ней поговорил подольше. Она, несомненно, застряла в психозах. Больная. Доказательством тому и то, что не может забыть старые дела. Как же её лечить? Жаль, что и Драудзинь на неё частично повлияла. Драудзинь так переживает, что случаются нервные срывы. Такой нервный упадок был у неё утром, что кому-то из членов Общества пришлось помочь ей доехать до дома. Элла вечером пошла отнести ей мускус, сама она не могла встретить. Тяжело, тяжко! Где же лекарство от сердечного горя? Где же сердце, которое может достаточно широко всё вместить? Стуре вчера опять временами поднимался до настроя maestoso. Он показывал какую-то вырезку из варшавской газеты на русском языке: подлые нападки на Н.К. Подобные выпады есть будто бы и в харбинских газетах. Но чёрные лжецы между строк, сами того не ведая, сообщили и некоторые новые истины, которые заставили затрепетать сердце.

25 января

Сегодня мне позвонил Буцен – он победил, Озолс написал следующую резолюцию о книге Клизовского: с его стороны возражений против выхода книги в свет нет. Большое достижение. Радость! Ещё надо преодолеть препятствие в отделе печати. Но будут ли там возражать, когда главное слово было за Озолсом?

28 января. Утром

Вчера, по случаю воскресенья, я был дома и ощущал нарушение какого бы то ни было ритма. Я по натуре терпелив, но и терпение начинает иссякать. Когда каждая секунда так дорога, очень болезненно воспринимается любая напрасная потеря времени и энергии. Молодая мать всё ещё у нас, с постели не встаёт, слишком слабовольная. Думает остаться ещё несколько недель. Элла уже на девятый день вернулась домой, при всей температуре и головокружении, взялась за большие обязанности жизни. Элла теперь опять утомлённая, забот у неё ещё больше. Где же найти служанку-вегетарианку, одухотворённую? Иоханна занята только молодой матерью и её ребёнком. С ней тяжело. Болезненная жажда блестящей чистоты, как у героинь Порука. Ночами не спит. Злится на Эллу, когда она ей предлагает поесть и т. п.

Стуре вчера так воспламенился, как редко когда бывает, произнося речь о сознании ответственности перед будущим. На каждого из нас может быть возложена великая миссия, готовы ли мы к ней? Сердце затрепетало, когда Стуре заговорил о Знаке – Moria Rex[1]. Раскрылись новые страницы познания. Позже во сне у меня всплыли два понятия «царство», «эпоха Майтрейи». Жаль, что под конец прений появились опять небольшие колкости со стороны дам. Неужели они не ощущают величия Эпохи?

1 февраля

Сегодня в Государственную библиотеку пришла книга Клизовского! После более чем месяца борьбы.

[1] Владыка Мориа *(лат.).* Речь идёт о знаке Музея Рериха в Нью-Йорке.

Позавчера меня весьма изумила весть, что К. Ульманис причислил «Мыслителей и воителей» к числу книг, которые он преподнёс в дар школе своего детства вместе со ста другими книгами национального характера. Мне кажется, что «Брива Земе»[1] и «Рите»[2] бойкотируют мои книги. Видимо, так и есть. И Вирза решительно против моих идей. А теперь – неожиданность, которая изумит и самого Вирзу, и редакцию «Брива Земе».

6 февраля

Вчера наконец я вернулся жить в свою комнату. Молодая мать уехала. По этой причине или из-за чего-то иного, но мысли в этот день возносились и пламенели, когда я писал об отношении Н.К. к Прекрасному. Моей душе, моему существу так нужен воздух, а этот месяц мы спали в маленькой комнатушке, где воздуха не хватало. Как часто в моём сознании всплывала мысль: человеку свободного духа надо быть независимым от внешних условий. Но как быть, если с утра просыпаешься с затуманенным сознанием, которое не способно творить. Чего только не пришлось мне пережить уже в первые месяцы этого года?! И переживания не утихают. Истинно, этот год будет годом большой борьбы.

Недавно был в гостях у Слётовой, успокаивал её. Были и здесь некоторые недоразумения. Интересно наблюдать в печати, как писатели, вознося национализм, выступают определённо против гуманизма и человечности, а некоторые пытаются объединить национализм и человечность. Первые погрязли во тьме. Жаль, что последних так мало. Или, быть может, боятся говорить?

8 февраля

Вчера я снова получил посылку с мускусом. Шибаев мне несколько месяцев не писал. Сознаю, в каком трудовом напряжении проходят дни в «Урусвати». Нечто великое там создаётся. Громадные события ускоряются. Стуре вчера получил от Шибаева короткое письмо с сообщением, что Рузвельт решил послать всем государствам сообщение, что Северо-Американские Соединённые Штаты до 15 апреля ратифицируют Пакт Знамени Мира. Тогда во всех обществах Рериха будет большой праздник. Мы действительно так мало осознаём грандиозность и торжественность происходящего.

14 февраля. Четверг

Только вчера я почувствовал поистине опасное положение Общества. Вчера у меня был Валковский. Присутствовал и Залькалн. И он повторил то же самое, что говорили Слётова и Драудзинь. Разумеется, только логичнее и спокойнее. Он вчера спорил со Стуре весь вечер. Стуре не вживается в суть мыслей другого человека. И так относится ко всем членам Общества. Не доверяет никому. И он теряет доверие. Нет взаимодействия (кооперации). В Обществе – отчуждённость. Не позволяет молодым ни добрые мысли посылать, ни молиться, ибо они, будто бы неверно думая, мешают тем, кому посылают мысли, и т.д. Знаю, что Валковский нисколько не оскорблён. И всё же, кто знает? Он говорит, что на Стуре идут всякие токи, так же как на Доктора в последнее время, ему угрожает опасность, он нас не слушает и надо что-то делать, надо писать в Индию. И они то же самое говорят, меня это поразило! Разумеется, что указания Е.И. были бы, несомненно, очень кстати, но как же писать, не задевая Стуре? Величайшая ответственность лежит *на мне.* Часто я размышлял о той задаче, которая поручена мне совместно со Стуре. Но я чувствую, что Стуре не хочет, чтобы кто-то об этом догадывался, и он ведь является начальником, он – иерархическая связь, он перенял и всё руководство группами и лекциями. Однако и моя ответственность громадна. Я знаю странности характера Стуре. Мне рассказывали о жизни Стуре в Вентспилсе. Он – сильный дух, но жил в неподходящем окружении. Единственное, что на сегодня возможно, это открыто поговорить со Стуре. Так я уже несколько раз делал. Стуре со мною откровеннее, чем с другими, больше доверяет. Жаль, что всю жизнь я учился по книгам, но не в горячих жизненных ситуациях и не в отношениях между людьми. Наступает время, когда и мне придётся показать всю прозорливость и находчивость, но будет ли достаточно зорким духовное зрение моего сердца?

---

[1] «Briva Zeme» *(латыш.)* – «Свободная земля», газета, орган Крестьянского союза Латвии.

[2] «Rits» *(латыш.)* – «Утро», газета.

Стуре послал Мунтерсу и в правительства соседних государств копию письма Шибаева со своим сопроводительным письмом, что Рузвельт доверил Союзу Панамериканских стран провести в жизнь ратификацию Пакта Мира и что и другие государства приглашаются Рузвельтом подписать Пакт.

Каждый день, сколько силы и время позволяют, работаю над трудом об Н.К. Но вечно случаются всякие препятствия. Сердце болит. Но во сто крат больше сердце болит за Общество. Прошлую ночь думал, думал. Всё должно свершаться руками и ногами человеческими.

16 февраля

Вчера ко мне в библиотеку пришла Драудзинь. В четверг у неё был доклад «Как, не преступая закона соизмеримости, помочь своим ближним». После вдохновенного доклада были прения о том, как практически помочь нашим «безработным». У нас есть две-три дамы с малыми детьми, у которых отчасти не хватает работы. Стуре упомянул о планах о детском саде, магазине рукоделий и детской игрушки, шитье и т.д. Но всё это было достаточно абстрактно. Надо найти такую работу, которая полезна и работающему, и Обществу. Драудзинь ночью придумала – передать в пользование этим дамам всю землю и часть своего дома в Огре, прикупить и окружающие земли, чтобы выращивать овощи и продавать через наш кооператив. Но и здесь требуется, во-первых, стартовый капитал, во-вторых – энергичные люди, которые на этой земле на самом деле радостно бы работали. Драудзинь уже так много приносила в дар кооперативу.

Вчера я отослал воздушной почтой письмо Шибаеву. Я писал единственно о плане своей книги и просил ответить на некоторые вопросы.

Думаю – Валковский мог бы быть объективнее. И другие члены Общества могли бы быть намного уравновешеннее и объективнее. Пространственные токи заразны. Стуре очень трудно, когда всякие вибрации мыслей вовсе не помогают ему, а наоборот – мешают.

19 февраля. Вторник

Этот день стал действительно великим Днём: он благословлён письмом Е.И. Удивительно, что именно сегодня утром я получил его вместе с продолжением второй части «Мира Огненного», именно сегодня оповещён золотым аккордом колокольного звона мой новый год жизни. Я ей послал второе издание моей поэзии с двумя сочинениями в прозе, переведёнными на русский язык. После мне было стыдно, что отослал, ибо что же в этом хорошего, если послал стихи на чужом языке? И всё же она благодарит меня, пишет, что теперь лучше понимает содержание моих стихов. Радуется открытке с видом собора Св. Петра, которую я отослал вместе с сердечными пожеланиями в наступающем Новом году. Она была в Риге. Балтийские страны ей близки. Опять указание: «Радость живёт в сердцах наших, ибо мы приближаемся к великим событиям. Доверие к Руке Водящей пронесёт над всеми пропастями».

Зента прислала две чайные чашки – подарок к моему дню рождения. Знаю, как тяжело ей выбирать что-то в магазинах, каждый её шаг – жертва. Несколько раз я был у неё, но мало удавалось поговорить по душам. Часто у неё гости. Жаль, что её великий идеализм остаётся в границах, не знающих космического ключа – перевоплощения. Оттого ей в жизни часто психически тяжело. Но слова помочь не могут. Должно подойти время.

22 февраля

Я рад, что хотя бы ЛТА[1] поместило, согласно письму Шибаева, сведения о том, что Рузвельт ратифицирует Пакт Мира. Мою статью на русском языке в «Сегодня» не печатают. Решили принципиально не поддерживать идею. На этот раз сказали кратко и ясно. Тьма!

Вирза будто бы говорил по радио, что «Мыслители и воители» является безнравственной книгой. Очевидно, из-за того, что само имя Роллана внушает ему ужас.

Позже выяснилось, что Вирза это по радио говорил и писал в «Брива Земе» по поводу антологии «Красота духа». А о «Мыслителях и воителях» Вирза лично высказывался Грину. Как может быть благодать красоты безнравственностью?!

[1] Латвийское телеграфное агентство.

И это говорит человек, который о духе никогда не говорил.

2 марта

Сердце сжимается. И Аида Виестур наконец открыто взбунтовалась. Аида – тактичная, чуткая, полная духовного трепета. Круг расширился. Кто же поймёт психику Стуре? С одной стороны, мне в нём видится нечто по-детски наивное. Всю жизнь звучал на одной ноте. Он хочет хорошего. Но отчего же лучшие люди обижаются? Почему одного за другим Стуре отталкивает от своего сердца? Больно сознавать это. Он в последнее время застрял в осуждениях. Мне всегда тяжко слышать: «Они такие и этакие...» И всё это расползается среди людей. В членах Общества действительно много слабостей. В том числе – те же перешёптывания за спиной. И люди чувствуют, что Стуре на самом деле не хочет отмечать день памяти Доктора. Но он боится того, что начиналось год назад. Он сказал, что такой вечер может расчленить коллектив и т. д. Действительно, странный у Стуре характер. Мне всё же кажется, что Стуре – слабый педагог. Что мне делать? Возможно, Е.И. в самом деле могла бы дать совет. Но моя задача быть самостоятельным и сделать что-то именно для Общества. Я ведь с самим Стуре уже говорил, но характер так быстро не меняется. Мне выпала труднейшая задача. И громадная ответственность. Поручение – сохранить доверенное Доктором святое единение. Но в современных условиях всё так болезненно и трудноразрешимо.

Я ждал 22 февраля, о котором я видел жуткий сон. И Е.И. признала, что в этом некое Высшее Указание. Я всячески мудрствовал. Наконец, думаю, не относится ли этот день к Обществу? Мисинь читала 21-го доклад о сердце и интеллекте. Но всё прошло гладко. Я был рад. Но теперь нарастает новая волна. Конечно, виновата и необъективность членов Общества. Мой друг говорит, что наши люди не умеют быть проще и откровеннее во взаимоотношениях. Ведь и Стуре желает, чтобы с ним были более открытыми.

Что делать с критикой Веселиса в «Даугаве»? Не могу решиться. Писать ли опровержение? Не писал бы, но в нескольких местах он действительно врёт, и это может отразиться на национальных чувствах в современной обстановке. Например – о героизме. Но, с другой стороны, как же высказать всю истину публике, которая не способна её воспринять? И ещё – в ответ на мою статью Веселис может ещё больше исказить.

4 марта. Понедельник

И всё же 21 февраля, после доклада Мисинь и по-прежнему критических прений, некоторые члены Общества чувствовали себя весьма обиженными и задетыми в самолюбии. А вчера я почувствовал, что недовольство охватило всех женщин из-за того, что Стуре будто бы видит в женщинах только отрицательное, вечно какими-то недосказанными намёками упрекает в эротике и т.д. Я, мой друг и Валковский напрасно пытались защитить бедного Стуре. Но что угрожает Обществу?! Стуре ведь стержень Общества. Во всяком случае, он себя так желал поставить. Всё это – тяжёлое испытание для членов Общества. И – для Стуре. Вчера из-за ошибки заседание Общества не было разрешено префектурой. Зато в половине девятого вечера состоялось общее собрание. Явились почти только женщины. Казалось – чтобы выступить против Стуре. Стуре чувствовал «грозовые тучи». Хорошо было, что пришёл гость – литовец. Так далеко может зайти священное построение Доктора! Последний срок предпринять нечто решительное. Но я всё ещё убеждён, что всё следует самим исправить, в «своём доме». Руками и ногами человеческими.

11 марта. Понедельник

Глубоко ощущаю это наше общее испытание. Кто его выдержал? Кто смог подняться выше мелочности? Кто способен оценивать по духу и лучу устремления, но не по «ошибкам», которых никто не способен избежать? Стуре чувствует весь разлад. И ему больно. И физически как он изменился! В последнее время кашляет, у него будто бы последствия лёгкого бронхита. Он ведь о своём здоровье совсем не заботится. По воскресеньям ведёт группы без перерыва с восьми утра до половины девятого вечера. И на него ложится такое психическое давление. Осознавали бы члены Общества свою ответственность. Им следовало бы воспитывать его, но не осуждать.

Стуре всё это чувствует и, наконец, хочет внести перемены. Он думает отказаться от руководства некоторыми группами. Во-первых, от «латышской группы Доктора» и группы Виестур. Возможно, там он больше всего чувствует «бунтарский» дух. Но кто же сможет заменить Стуре с его удивительно красивой логикой и способностью легко очертить каждый ответ? Эта группа теперь прошла первую часть «Беспредельности» и читает доклады о Космическом Магните и Началах. Я заглянул в какой-то доклад. Вижу – авторы докладов глубоко вошли в Учение. Стуре хочет, чтобы эту группу вели я и Элла. Но я, во-первых, в связи с изданием книг, слишком мало изучил Учение. И основное – руководитель должен обладать хорошей речью. Сегодня утром видел сон, в котором я пером открыл железную коробку. Указание ли это, что мой ключ – перо? Так много работы. И в газеты я подал статьи о Знамени Мира. «Голос народа»[1] поместила. В скором времени «Для Вас»[2] даст статью пошире. Жду ещё статью Шибаева в «Яунакас Зиняс». Обещал дать материал и «Атпута». В «Жизни студента» идёт статья с продолжением в двух номерах. Монография о Н. Рерихе медленно продвигается, ведь столько мешающего. Сроки близки.

Вчера Стуре поручил четверым: Клизовскому, Фрейману, Валковскому и мне составить комиссию, которая в спешном порядке должна изучать «Тайную Доктрину» Блаватской. Он думает, что мы могли бы быть будущими руководителями групп. Ольге Мисинь и Слётовой, у которых уже есть группы (фактически теперь ведёт их сам Стуре), он ничего не сказал. Я его понимаю, не потому он не упомянул, что они больше всего ответственны за «несогласия» со Стуре, но потому, что у них слишком мало широты и способности вмещения.

18 марта

Стуре наконец поручил руководство «латышской группой» Валковскому и моему другу. Валковский ведь один не может вести, ибо у него предвидятся командировки. Я предложил Стуре Валковского и г-жу Иогансон. Стуре теперь определил руководителей всем группам, которые до того вёл сам. Но г-жу Иогансон оставил в стороне. Знаю его мотивы и трудное положение. Хотя Иогансон очень одарённая, она шаткая и посещает Общество очень редко. Рекстынь будет руководить младшей латышской группой, Фрейман – старшей. Стуре сам будет посещать группы, когда будет в Риге. Мне лично он говорил, что хочет заняться хозяйством на своём хуторе и выращивать лекарственные растения. В таком случае он будет появляться в Риге только временами. Не знаю, как тогда всё сложится в Обществе. Но Стуре всё же нуждается хотя бы на время в чистом воздухе, в природе. Он всё ещё кашляет.

Позже

Только что был у меня Валковский. Он несколько встревожен тем, что Стуре вчера читал из письма Е.И. о сердце: «Сердце есть престол сознания, а не сентиментальности, этого суррогата доброты». Не читал ли я всё письмо? Он будто бы знает, что в этом письме Е.И. хорошо отозвалась о нём, Валковском. Но не писал ли Стуре в Индию субъективных оценок Валковского и его взглядов на сердце, так как недавно он со Стуре спорил и получил уже упомянутый выше ответ? И в этот четверг Стуре в прениях отчитывал членов Общества за сентиментальность. Это – только одна страница из теперешней жизни Общества. Я понимаю переживания Валковского, он теперь всё же пытается преодолеть свои личные чувства. Тяжко теперь в Обществе и Стуре. Если уже однажды объективность нарушена, то трудно её опять восстановить.

19 марта

Сегодня Стуре был у меня и прочёл большой отрывок из письма Е.И. ему. Стуре, очевидно, что-то писал о членах Общества. В письме пишется: надо внести в Общество доброжелательство и согласие. Сердце по своей сути – престол сознания. Дальше – что *гороскоп личности редко совпадает с гороскопом истинной индивидуальности.* В гороскопе личности могут быть огненные знаки, но в основе *монады* – противоположные. Осторожно нужно раздавать зёрна Учения.

[1] Газета на русском языке.

[2] Журнал на русском языке.

Физический мозг не может запечатлевать тончайшие вибрации. Планы бытия разнятся вибрациями, поэтому, просыпаясь, человек не может помнить о пребывании в Тонком Мире. Необходима чистота окружающей атмосферы. Опять предостерегает от психизма. Далее она пишет, что поддерживает предложение, что малоимущие члены Общества могут осуществлять оплату членских взносов в виде труда. И о том, что Е.И. доверяет Стуре! Столь трогательно ощущать пульс её сердца, она шлёт свою фотографию с аурой. Очевидно, единственный снимок после войны. Она ведь не фотографируется.

Поговорили мы о Плявинской, у которой в воскресенье случился конфликт со Стуре. Она болеет, недавно у неё умерла девочка. Следовало бы относиться к ней чутко, бережно. Стуре тоже стал нервным, хотя сам этого и не сознаёт. Тяжко от того, что он только критикует. Возможно, своя правда у него есть. И всё же, как мой друг говорила о Докторе Феликсе: *«Он видел человека лучшим, чем он есть, и таким образом побуждал его волю стать таким».* Если я Стуре о чём-то деликатно делаю замечания, то это мало помогает. Истинно, печальное положение с нашими людьми, ибо они не способны подняться выше личного. Это всё действительно решительное испытание нашей готовности! Стуре назначил меня руководителем научной секции, а г-жу Иогансон – помощником. Надо было бы всё же наоборот. Он якобы всё основательно обдумал. Нашему Обществу трудно расширяться, пока не дозволено устраивать открытые вечера.

В субботу я получил от Вл. Шибаева письмо с ответами на вопросы, связанные с моей книгой об Н.К.

28 марта. Четверг, вечером

День памяти Доктора. День великого сплочения, дружбы, окрылённости духа. Ещё никогда Общество не переживало такого торжественного единения и духовного, светлого подъёма, как сегодняшним вечером. Было четыре доклада, наполненных величайшим вдохновением и любовью. Также композиции, посвящённые Учителю. Ещё – речи, поэтические чтения, песни. И цветы, и пламя свечей, и аромат фризий и роз. И сияние во всех глазах и огненный жар в сердцах. Е.И. прислала Стуре свою фотографию, и Стуре разрешил всем её посмотреть, только не прикасаться. Какое великое благородство, чуткость духа, и – мощь! Она также просила, чтобы Стуре и я сегодня вечером от её имени возложили фризий к портрету Доктора. Когда Стуре завершил вводное слово, поручил мне положить цветы, которые он держал в руках. Ах, всегда бы было такое сплочение, такая, в унисон, вибрация сердец! Огненный дух воистину объединяет сердца!

30 марта

Выступающие женщины были в белом, светлые, одухотворённые. Надо было прочувствовать их внутренний пафос, горение сердец. Стуре, открывая вечер, сказал, что имя Лукина вписано в Учение и в основание Общества, и оно не исчезнет, пока будет существовать Учение. Затем звучал траурный марш Шопена, который все слушали стоя. Тогда Стуре положил на стол фотографию Е.И., сказал о фризиях. Затем читала Элла, торжественно, приподнято, выступали – Слётова, Буцен, Аида Виестур. Последняя – очень поэтично, с пафосом, как в смысле содержания, так и формы. Жаль, что в одном месте можно было ощутить обиду на Стуре. Затем выступал хор с музыкальными композициями Мисиня на тексты Учения, были песни и поэтические чтения, наконец – Даугавинь с музыкальным посвящением и Л. Иогансон с призывом смотреть в будущее, так желал сам Доктор.

Чувствовалось, что сердца стали добрее и к Стуре. Знали бы члены Общества, каким злом является осуждение. Конечно, анализом положения они хотят помочь Обществу, но им, как познающим Учение, следовало бы знать, что, думая о ком-то отрицательно, мы плохие свойства припечатываем к этому человеку. Вчера утром группа членов Общества собралась, чтобы сфотографироваться. Стуре чувствовал себя настолько плохо, что не пришёл. Он прочёл мне два письма Е.И., и последнее от 12 марта. Стуре, очевидно, писал, что часть членов Общества начала охладевать к Учению. Она отвечает, что это истина, что люди начинают уставать.

Первая великая увлечённость и огненная окрылённость вскоре проходят, начинается постепенный, серьёзный труд по воплощению в жизнь Учения, и тут-то должны раскрываться истинные лики людей. Она высказывает сомнение по поводу возможности создания «батареи» из семи чисто думающих членов Общества, поскольку так мало людей, которые в действительности умеют мыслить чисто. Поэтому надо развивать в членах Общества умение медитации и мышления, также весьма важно упражнять наблюдательность. На Востоке не принимают в ученики невнимательных людей. О центрах магии (в том числе в Латвии, которые ведёт Дикман) она говорит, что они выявляют формы низшего психизма. Необходимо преображение сознания, но не психизм.

1 апреля. Понедельник, утром

Несколько недель назад я видел сон, что сижу рядом с какой-то энергичной женщиной, руководительницей группы. Вчера так и случилось. Элла и г-жа Рекстынь со вчерашнего дня – руководители групп. Стуре приглашал их участвовать и в старшей группе. Также он поручил Фрейману официально руководить этой группой (я это предвидел). Сам Стуре уехал в Эстонию. Озадачился, что дело Пакта в странах Балтии затихло.

Дополнение к последнему письму Е.И., которое Стуре зачитал в группе. Теперь, в связи с ожидаемым законом о принудительном слиянии родственных организаций, начинаются попытки объединяться. И наше Общество пригласили объединиться парапсихологи. Стуре отказался. На это Е.И. пишет: «Прекрасно, что Вы уклонились от присутствия на заседании объединителей... Вы не можете влиться БЕЗ РАЗРЕШЕНИЯ в другие организации». (Разумеется – это невозможно. И мне позвонил с таким же предложением Козл. из общества вегетарианцев, и я ему тоже ответил, что нашему Обществу невозможно объединиться, ибо оно строится вокруг определённой личности, во-вторых – из-за универсальности его характера.) «В основании каждой йоги – огонь. Агни-Йога – синтез всех Йог. В будущем все йоги сольются в *огненном синтезе.* Учитель – Составитель Вед и Автор Бхагавад-Гиты. Вивекананда указывал на необходимость очищения мышления и сердца прежде, чем приступать к упражнениям Раджа-Йоги». «Овладение ментальным дыханием приводит к обретению Третьего Глаза». Если направляются кому-то хорошие мысли, то посылать можно только *самые чистые мысли.* Предлагает некоторым группам ознакомиться с «Символизмом» Блаватской, это Стуре уже недавно начал делать. Кресло Учителя должно стоять в отдельном помещении в одной и постоянной атмосфере, в противном случае оно теряет свой смысл. Она зовёт к преображению сознания, ибо только это может спасти мир. Преображение сознания есть содержание Агни-Йоги. Е.И. не согласна со Стуре, что членам Общества полагается посещать группы и писать доклады на темы, которые, быть может, их индивидуальным особенностям не подходят. Надо предоставлять свободу для роста. Наконец, Стуре сам выступил против осуждения, ибо осуждать можно только с разрешения Учителя. Стуре ведь в последнее время часто слышал суждения членов Общества о нём. Чувствую, теперь будет хорошо, всё истинно наладится. Вечер памяти Доктора действительно дал нам новое сплочение и одухотворение.

5 апреля. Пятница, вечером

Воистину – время великой борьбы. Не борьбы, а сражения. Не сражения, а настоящих космических полей Армагеддона. Это не только в Латвии, это над всей планетой. Тёмные чрезвычайно сосредоточивают свои силы, чтобы совершить нечто до 15-го апреля, славного дня, когда государства Америки подпишут Пакт Мира. Какие нападки на Рериха за рубежом! Из Харбина поток грязной лжи распространяется по мировым эмигрантским газетам. Но это ещё больше привлекает приверженцев и друзей к Рериху. Друзей этих, возможно, не слишком много, но энергия их растёт, и за ними вся Иерархия Света.

Миссионерка Ирбе прислала какую-то статью из Индии для опубликования в латвийских газетах, где она отрицательно высказывается об Учении и нашем Обществе. И это связано с сестрой милосердия Кр., ученицей Форела, знакомой Доктора, которая недавно из Швейцарии уехала в Индию. Не знаем, виновата ли она, говорит, что нет. Статья чуть было не попала в «Брива Земе». Друва обещал Буцену не помещать. Но вот – этика наших «королей прессы»?!

Во вторник неожиданно вышла какая-то другая статья, которая с отвратительной иронией пересказывает грязную ложь о Рерихе из какой-то китайской газеты. В другой раз можно было бы ей не придавать значения, но она появилась в самый невыгодный момент. Стуре в среду утром вернулся из Эстонии, говорил там с министром иностранных дел и с другими влиятельными чиновниками. Однако они пожелали, чтобы подписание Пакта предложил Ульманис. И Стуре, приехав в Латвию, немедленно передал секретарю Ульманиса пространное письмо с напоминанием поторопиться с делом Пакта Мира. Самое печальное, что это – на второй день после того, когда официальная правительственная газета напечатала такую низменную статью против Рериха. Стуре был и у литовского посла, тот обещал телеграфировать своему правительству. Затем был в министерстве иностранных дел и у секретаря Квиесиса. Около двух часов он явился ко мне в библиотеку. Мне пришлось сообщить ему горькую неожиданность. Надо было видеть, как он изменился, как его это расстроило. Он не спал две ночи, и без того уже уставший. 15 апреля так близко, а Уния Балтии ничего не сделала. Стуре ведь сознавал великую ответственность. Шибаев уже давно радовался, что государства Балтии, как раз его родина, первые в Европе подпишут Пакт. И Е.И. высказала свою великую радость. А теперь – сам правительственный орган печати хулит Рериха! Вечером Стуре, Валковский, я и Буцен собрались обсудить, что делать. Полемика, опровержение – тоже в этом случае были неподходящей тактикой, ибо здесь была задета религия, и нельзя ведь полагаться на добросовестность противника. В конце концов по моему наброску мы составили статью для «Брива Земе». Валковский утром напечатал на машинке, и Буцен отнёс Друве. Тот ответил, что посовещается. И наконец сегодня статья появилась! В самом деле, наша радость была великой. Именно теперь это весьма необходимо, именно в пользу Пакта. Порадовала сегодня и «Яунакас Зиняс». Сегодня должна была появиться моя статья в журнале «Атпута» о Музее. Мне ответили: после нападок в правительственном органе статью нам надо отложить. Нельзя идти против правительства. Да, вот такая атмосфера! Хорошо хоть то, что в статье ничего не вычеркнуто, даже последние строчки, что все светлые личности перед определённой частью общества – очернены. И это можно понять и как направленное против «Брива Земе». Да, воистину, какое всё же мелкодушие и мракобесие!

Теперь заканчиваю книгу, не знаю, не придётся ли самому издавать и как воспримет цензура, но чувствую в себе большую веру, что всё будет хорошо. Моей книге уже подготовлена нежданная большая реклама. Лишь бы только Пакт был принят! В следующее воскресенье в «Голосе народа» должна появиться моя статья о Музее. Сегодня в Министерстве просвещения я познакомился с Трофимовым, приятным человеком. Он говорит <об Н.К.>: «Его считают буддистом, но какой он буддист, он такой же христианин, как мы сами». Увидев картину Рериха «Madonna Protectrix», он это ещё больше стал утверждать. Готов всячески поддержать Рериха. Желает перепечатать и наше опровержение из «Брива Земе». Но, кажется, лучше будет, если он напечатает только положительное и утверждающее. Кроме того, моя статья о Пакте Мира напечатана в журнале «Для Вас» и в «Нарвском русском листке» – последняя через эстонского журналиста Молдера, с которым я переписываюсь. В «Яунакас Зиняс» мою статью о Пакте Мира не напечатали. Всячески думаю, как бы что-то сделать на пользу Пакта, хотя бы немного, пусть прочли бы хоть два человека, и то хорошо. Сознание понемногу укрепится.

В четверг утром Стуре получил от Хорша телеграмму с вопросом, почему страны Балтии не подписывают Пакт? Стуре немедленно ответил телеграммой: «Балтийская Уния ждёт приглашения от Панамериканского союза или от президента Рузвельта». Оказалось, что Балтийские государства получили приглашение от Комитета Пакта Мира при Музее в Нью-Йорке, но они не удовлетворены приглашением от частной организации, ждут его от Панамериканских стран. В этом затруднения! Теперь всё зависит от такта и чуткости Ульманиса, ему теперь надо показать, насколько он способен вести свой народ.

Залькалн говорит: «Наш отзыв в "Брива Земе" написан ясно, сильно и дерзновенно, пусть народ знает, что есть ещё другая высшая, несокрушимая Власть».

14 апреля. Вербное воскресенье

Сегодня для меня, воистину, важный и великий день – я окончил труд об Н.К. Радуюсь, что именно завершение наиболее поэтично, окрылённо. Какой колоссальной настойчивости стоила эта книга! Каждый день приходилось быть как натянутой струне, думать только об одном, о своей работе. Притом, быть может, за эти три месяца препятствий и трудностей было столь много, как никогда раньше, когда я писал другие свои труды. И всё время мучило сознание, что надо торопиться, что уже поздно! Надо было, чтобы она вышла из печати к 15 апреля, к великому дню, когда Америка подпишет Пакт Мира. Конечно, сомнительно, чтобы моя книга смогла изменить умы наших дипломатов, но хотя бы со своей стороны я бы сделал всё, что мог. Теперь остаётся единственная надежда, что 6 мая обсудят Пакт на конференции Балтийской Унии. Поэтому мою книгу надо напечатать, во всяком случае, до 1 мая. Завтра начну активно искать возможности публикации.

15 апреля. Понедельник, утром

Вчера Стуре получил от Хорша следующую телеграмму: «On april seventeenth Pan-American Union inviting by letter all governments to sign Pact. Twenty one American republics signing Pact april fifteenth at White House, appreciate your good wishes. Horch»[1].

Величественный день единения всего человечества! Жаль, что только американские страны. Иные правительства выражали известное равнодушие. Ещё, конечно, подпишут, но время уйдёт. Где же те вожди, которые бы поняли истинную миссию своего народа в общей семье всего человечества? Где же те, кто бы осознал космическое значение Пакта? Почему медлит Масарик? Почему медлят правительства Бельгии и Франции, которые высказывали симпатии к Пакту? Воистину, тяжёлое положение в международных отношениях!

Стуре рад, что именно по его предложению Панамериканский союз рассылает письменные приглашения всем правительствам. Сегодня у нас в Обществе состоится вечер, посвящённый Пакту. Будет говорить Валковский. Затем – заседание правления.

16 апреля. Вторник

Сегодня вечером отдал печатать свою книгу[2]. Будет большая спешка, ибо до 1 мая обещали завершить. Я сомневался, стоит ли печатать в «Латвью Култура»[3], однако здесь можно надеяться, что более художественно сделают клише. Я получил небольшой гонорар от Грина, это – уже основа, и ещё немало денег надо будет собрать. Придётся брать в долг. Но ведь не в первый раз. Стуре вчера предложил, чтобы издало Общество. Я бы согласился, если бы только получилось тактично. Мне кажется, что это было бы и делом чести и совести для Общества – издать книгу о своём вожде. И не пришлось бы рисковать средствами, так как гонорар и прочее платить бы не пришлось, возможно, была бы даже прибыль. Спросил я Валковского о его суждении, тот ответил, что Общество охотно одолжило бы мне средства, но книгу бы не издавало. Это для Общества было бы неудобно и т.д. Вижу, что Валковский совершенно не понимает меня, поэтому, несомненно, лучше издать самому. По крайней мере, моральную и финансовую ответственность несу я сам.

Вчера мы со Стуре отдали в ЛТА расширенную телеграмму Хорша, но сегодня только несколько газет её напечатали, притом, неизвестно почему, в искажённом виде. Главное – воздержались «Брива Земе» и «Яунакас Зиняс». Это симптоматично! Чувствуешь «сгущение туч». Стуре хотел бы подать в «Брива Земе» ответную статью, завершающую полемику. Открыто высказать взгляды Николая Рериха на религию. Но я считаю, что вряд ли надо теперь так резко выступать. Чего мы этим добьёмся? Кроме того, совсем нет надежды, что такую статью напечатают.

---

[1] 17 апреля Панамериканский союз письменно пригласит правительства подписать Пакт. Двадцать одна американская республика подпишет Пакт 15 апреля в Белом Доме, благодарю за добрые пожелания. Хорш *(англ.)*.

[2] «Nikolajs Rerihs. Kulturas Celvedis» *(латыш.)* – «Николай Рерих. Водитель Культуры». На русском языке книга была издана в 2002 году под названием «Николай Рерих. Мир через Культуру».

[3] «Latviju Kultura» *(латыш.)* – «Культура Латвии», типография.

Позже

Наша телеграмма появилась на второй день в нескольких газетах, за исключением «Брива Земе». Первая упомянутая телеграмма была прислана ЛТА из Америки.

28 апреля. Воскресенье, около полудня

Сегодня утром Элла впервые вела группу. Валковский уехал, и поэтому Элле пришлось взять на себя руководство. Всё же это так чудесно! Это послужит большим стимулом для её духовного роста. У неё хорошая интуиция, весьма быстрое восприятие и логика. Ещё бы надо больше спокойствия и духовной дисциплины. Но всё это придёт со временем. И я присутствовал, позже зашёл и Стуре. Он всё-таки послал ответную статью в «Брива Земе», хотя и с большим опозданием. В первом варианте статьи было много полемического, поэтому он переработал её заново.

Сегодня – годовое общее собрание Общества.

29 апреля

Корректура окончена, клише изготовлены, остаётся отпечатать два листа. Ещё ни одну книгу я не писал в таком великом напряжении, как эту. И с самым большим чувством ответственности. Напряжение это длилось четыре месяца. В тяжком январе я был способен только переводить, но оказалось, что этот труд был напрасным: большинство длинных переводов не пригодилось. И теперь каждая минута оказалась столь драгоценной. Но каждая книга ведь имеет свою карму и своё положенное время. Знаю и чувствую, что моя книга сильно запоздала. Теперь она в определённых кругах вызовет большое противодействие. Но в молодёжи – дружеское отношение. И, возможно, именно теперь наступил момент, когда более всего необходимо величественно утверждать в народе идеи Н.К. Для того, чтобы более-менее разогнать тучи, сгущающиеся над нашим Обществом.

4 мая 1935 г. Суббота

«Alea jacta est»[1]. Вчера кончили печатать и брошюровать мою книгу, и сегодня в Министерстве внутренних дел я получил разрешение. Сердце было немного неспокойно. Теперь ведь избегают всего, что не имеет латышского звучания. Сегодня на работе я долго сомневался, посылать ли книгу Ульманису и Мунтерсу. Но я ведь так торопился только из-за Балтийской конференции. Иначе можно было двигаться неторопливым шагом. Позавчера на совещании со Стуре мы рассуждали, хорошо ли посылать им книгу? Были высказывания, что могут бояться восточной миссии Н.К. Но я, желая того или нет, не могу не прикоснуться к восточным мотивам в его творчестве. Иначе бы я представил не всего Рериха, но нечто одностороннее, только часть его. Как говорить о художнике, не касаясь Востока, когда 90% послевоенных его картин – индийские или тибетские? Об этом же восточном элементе я много размышлял, мучаясь и переживая, когда читал корректуру. Отказаться ли от своего принципа, приспособиться к уровню сознания некоторых кругов? Разумеется, для дипломатов годится только Знамя Мира и идея о культуре. Но где же тогда Рерих как художник, путешественник, философ, поэт? Наверное, можно было ещё где-то сократить. Но где же объективная мера? И кто же знает все переплетения узлов судьбы? Сознаю свою великую ответственность за эту книгу. Я взял на себя не только новую судьбу (это, разумеется, пустяк), но и карму Общества. В последний момент я отнёс в Министерство иностранных дел два экземпляра. Сделал хорошо или плохо? Как знать? Не принесу ли я вреда Балтийской конференции, вместо того чтобы поддержать принятие идеи Знамени Мира? Как Мунтерс будет смотреть на Рериха после прочтения книги? Но каким теперь Рериха знает Мунтерс, быть может, в худшем свете? Вот – великая ответственность, великий риск! Оттого у меня так тяжко на сердце.

Трудности и дома: моя доченька болеет. Позавчера и вчера была рвота. Сегодня температура поднялась до 39,2°. Вчера приходил врач Биезинь. Придёт и сегодня. Как бедному ребёнку приходится страдать!

[1] Жребий брошен *(лат.)*.

8 мая

Сегодня в типографии я получил извещение, что Премьер-министр Карлис Ульманис с благодарностью подтверждает получение дара. С великим вниманием и трепетом сердца слежу за конференцией в Каунасе. Надежд мало, что прикоснутся к Пакту. Ещё за два дня до конференции Стуре в министерстве сказали, что не получено официальное приглашение от Панамериканского союза. Если бы у меня не было хоть малейших надежд на Балтийскую конференцию, я, пожалуй, не посылал бы своей книги. Однако и это к лучшему, пусть предстоят перед великим испытанием.

10 мая. Пятница

Вчера моя книга родилась вторично. Она действительно рождённая дважды – «двиджа». В эти несколько дней было много новых напряжений и забот. В предыдущую пятницу я увидел, что портрет, помещённый в книге, немного подпорчен. Оказалось, что старое клише, которое я получил в Обществе, при печати начало портиться. Что было делать? В последний момент Ульманису, Мунтерсу и Сею из Каунаса, моему бывшему учителю, послал книги такими, как есть. Иначе ведь не было смысла так торопиться. В понедельник утром я послал новые клише. И затем я получил долгожданное письмо от Шибаева с фотографиями. Там был чудесный вид «Урусвати» с Гималаями, который я просил у него, но он пришёл слишком поздно. Там был портрет Н.К., была – «Лампада герою» и «И мы не боимся». Последнюю Шибаев присовокупил от себя. Вот последней я давно интересовался, ибо предчувствовал в этой картине высшее значение, но не было хорошей фотографии. Таким образом, я решил напечатать и эту на мелованной бумаге, как приложение. Но к вечеру, идя в печатню, встретил Залькална. И вспомнил фрейлейн Кезберг, у которой должны были быть репродукции Н.К. Нет ли у неё и «Св. Франциска», которую давно ищу? Утром мне Залькалн из Огре привёз чудесные вещи: среди многих портретов и репродукций я увидел и «Св. Франциска». Там был и «Мост Славы» в чудесном воспроизведении. Там был «Сам вышел» и т.д. Сердце моё возликовало, и я не выдержал: заказал все четыре репродукции на мелованной бумаге, хотя это обошлось мне в 70 латов – расходы большие. Так рождалась моя книга второй раз. Этим новым одеянием книги я сам очень, очень доволен. Письмо Шибаева с его «И мы не боимся» принесло вдохновение к дальнейшим начинаниям.

Истинно, это моё издание будто бы вела Высшая Рука. Вначале у меня было всего 200 латов, чтобы заплатить в печатне, получил я их как гонорар у Раппы. Затем ещё получил от Раппы и Гулбиса гонорар и аванс, и, таким образом, уже уплатил 800 латов и ещё порядочную сумму за клише. Книга мне обошлась почти в 1200 латов. Всё-таки хотел бы я её продавать по возможности дешевле. Я всегда так чувствовал, если работа необходима, неизменно приходит помощь, как духовная, так и материальная.

Ещё эта работа не была завершена, как у меня появилось новое задание. В журнале «Для Вас» когда-то был напечатан труд неизвестного автора С. – прочувствованная статья о Николае Рерихе. В Индии от этой статьи были в восторге, просили издать её отдельной брошюрой. Я написал Шибаеву, что завершение этой статьи стоило бы дополнить сведениями о Музее. И что я это мог бы сделать. Затем просили нас поместить там статью самого Шибаева о Пакте. Через некоторое время Шибаев прислал ещё четвёртую работу, статью проф. Москова: «Служение человечеству». И так получится книга объёмом в три печатных листа. Теперь следует думать о печатании. И мою статью надо продумать и дополнить. За основу я думаю взять конспект того, что напечатано о Музее в «Голосе народа». Вчера и сегодня я отослал Шибаеву подробные письма в связи с печатанием книги. Рассказал об истории своей книги. Проинформировал и о том, что в моём ведении находится архив Шибаева, который Доктор хранил в своём сейфе и который теперь Гаральд передал Стуре. Сегодня я получил телеграмму от Шибаева, что он шлёт дополнительные материалы для книги.

Сегодня я отослал уже две книги в Индию своим Духовным Руководителям Е.И. и Н.К., а также Шибаеву. Вместе с этими книгами моё глубокое уважение и любовь ушли к ним. Перевёл я <на русский язык> вводную и завершающую части своей книги об Н.К. как о писателе и человеке. Это теперь переписывается на машинке.

Хочу отослать вместе с письмом Е.И. Давно я ей не писал. Хотелось мне принести ей в дар конкретные достижения, не только чувства и мысли.

16 мая. Четверг

Вчера меня в Межапарке посетил Стуре. Он только что приехал из Варве. Прочёл мне письмо Е.И. от 18 апреля 1935 г. Он сказал, что этим письмом преподнесёт мне сюрприз. И действительно, неожиданность была большая. Е.И. приветствует замысел Стуре выбрать себе друга жизни. Учение вовсе не требует ухода от жизни, но именно среди жизни надо исполнять свой долг. Истинная любовь ведёт к Космической Любви. Я его от души поздравил. Среди членов Общества уже ходили слухи. Кто же эта особа? Потому Стуре так часто ездит в Вентепилс. В нём будто бы весна. Это же настроение отражается и в его стихах. Далее Е.И. советует ему прислушиваться к членам Общества, которые подходят к нему с разными жалобами, и тонкими намёками их наставлять. О Пакте она говорит: всё сделано, чтобы страны Балтии его подписали. Теперь предоставьте это дело их собственной карме. Стуре ещё из Вентепилса приветствовал телеграммой Балтийскую конференцию.

Во вторник я наконец отослал воздушной почтой письмо Е.И., получилось довольно объёмное, так как я присовокупил введение и последнюю главу из своей книги в переводе на русский. В конце письма я её спросил о понятиях души и личности, о которых мне пришлось так много размышлять. Было бы хорошо, если бы она об этом ответила.

31 мая. Пятница

Сенсация – упразднено движение «Диевтури». Нас это глубоко поразило. Кармически оно, быть может, этого заслужило, так как Брастынь выступал не только против церкви, но и против Христа, задевал в своём журнале и наше Общество. Однако в этом движении было и нечто симпатичное. Новизна в отношении к нравственности. Они разделяли астральное и ментальное начала. Вообще, кое-что было близким к нашему Учению. Не исключено, что со временем Брастынь верно бы понял Лайму[1] как Карму и признал бы реинкарнацию, таким образом приблизив сознание к нашим идеям.

Всё же главная неожиданность не в ликвидации движения «Диевтури» как такового – неожиданность в упразднении форпоста свободы духовных поисков. Пока существовало движение «Диевтури», и наше Общество чувствовало себя в большей безопасности. Уже давно нам говорили об объединении обществ в принудительном порядке. Несколько обществ, которые считали нас своими «соседями» (вегетарианцы, парапсихологи), приглашали нас объединиться с ними, ибо всё равно закон заставит. Мы, разумеется, избегали этого. Наше движение универсальное, всеохватывающее, мессианское. И мы верим, что государства Балтии подпишут Пакт Мира, и этот факт для нашего существования станет сильной опорой. Нам уже были известны слова Учителя: «Пока в Обществе свято будут соблюдаться принципы Иерархии, до тех пор оно будет под охраной Учителя, и может чувствовать себя в безопасности». Поэтому столь болезненными были недавние несогласия вокруг Стуре, которые теперь притихли. Новые руководители, назначенные в группы, пытаются наладить в своих коллективах дух единения. Жаль, что со вчерашнего дня работа в группах закончилась вплоть до осени. Хотя и не все приходили на эти встречи, однако в наше неспокойное, разбушевавшееся время в них была большая сила.

Жаль, что Пакт Мира на второй Балтийской конференции, по всей вероятности, и не обсуждался. Знали бы дипломаты этого мира, что необходимо для благополучия и спокойствия их народов!

На прошлой неделе я получил от К. Дуцмана очень сердечное и милое письмо с благодарностью за присланную книгу. Видно по всему, что он восторженный человек. Доктор немного его знакомил с нашим Учением. Сегодня пишу ему ответ. Я раздарил и разослал уже 112 экземпляров, включая и несколько экземпляров, посланных в центральные общества за рубежом. Я получил ещё два отзыва. Один из них – от литовца Тарабильды, весьма симпатичного и духовного человека. Однажды он гостил в нашем Обществе. Может быть, ещё какое-то сердце отзовётся из всех ста? Жду письма из Индии. Но что же можно сказать о содержании текста, язык которого не понятен?

[1] Латышская богиня судьбы.

Я обещал послать и остальные главы на русском языке, но это не так быстро возможно сделать. И всегда находятся другие работы. На очереди и перевод «Иерархии».

4 июня. Вторник

Я вновь получил от Владимира Шибаева тёплое, милое письмо. Поздравляет с выходом моей книги. Затем отвечает на несколько вопросов, связанных с печатанием русской книги и её распространением. Далее, замечание по поводу важности архива, который я получил с месяц назад от Стуре. Дело в том, что в сейфе Доктора находился и личный архив Шибаева. Теперь родственники Доктора взяли из сейфа и этот архив, и Гаральд отдал его Стуре. Однако выясняется, что архив должен был быть запечатан печатью Шибаева, я же его получил завёрнутым в бумагу в открытом виде. Стуре ныне в деревне, когда приедет, попытаюсь выяснить. Перелистав письма, я не нашёл ни важных рисунков, ни писем Безант, ни архиепископа Кентерберийского и другого, о чём Шибаев думает, что это находится среди документов. Ошибся ли Шибаев? Или кто-то вынул их оттуда? Кто вскрыл пакет? Родственники? Этот пакет ведь важен. Там так много писем Н.К. Можно ощутить, что там – весь тот путь, которым Шибаев приблизился к Учению.

12 июня

В первый день Праздника Троицы, 9 июня, мы с Эллой были в Сигулде, в гостях у Виестур, этих одухотворённых людей. Для Эллы – это первый день после двух лет, когда она оставляет свою маленькую под присмотром других. Поэтому она вечером того же дня отправилась домой. Мы читали письма Е.И., говорили о Белом Братстве, о пришествии Учителя, о воспитании сердца. Просматривали фотографии для отсылки в Индию. Бродили по крутоярам. Был дождь, ветер, солнце. На второй день я съездил к молодому пастору Мейстеру в Арвайши. Он как раз вместе со вторым пастором Чопом был на день памяти умерших на кладбище. Давно не виденная картина: тысячи людей на кладбищенской горе. Здесь очень красиво, взгорья, озеро, опоясанное дубравами. После часа там началось богослужение для детей, затем был детский праздник с шествием, в котором объединились восемь школ и местный детский приют. И я, не предвидев всего этого, был вынужден участвовать в шествии и празднике. Мейстер человек с восприимчивой душой. В нём могут развиваться и интеллектуальные наклонности. Он не столь догматичен, как другие. Охотно выслушивает. Много мы говорили об основах этики жизни. К примеру, у него не было никакой ясности по поводу вреда обид, гнева, раздражения. Я предложил ему посвятить этим темам какую-то проповедь. На второй день я нечаянно познакомился с пастором Станге и его женой. Они направлялись с молодёжью на конференцию в Гауйену, вышли посмотреть церковь в Арайши. Станге с женой выразили радость, что познакомились со мной, давно искали возможность исполнить пожелание Анны Бригадере привлечь меня ближе к сотрудничеству с журналом «Яунайс Цельш»[1]. Жаль, что именно Станге – «перевоспитатель молодёжи в христианском духе», ибо, кажется, всё же является истиной то, что говорят о нём и его жене, что они – представители провинциального догматизма.

Стуре приехал в Ригу, был и у меня в Межапарке. Его дочь заболела в Берлине, ищет мускус, чтобы ей послать. Да, много испытаний было у Стуре за последний год. Тяжёлое испытание для него и моральное падение его зятя. Стуре прочёл короткое письмо Е.И. Она шлёт вторую часть «Мира Огненного» для печатания в Риге. Выражает радость по поводу моего труда, но ещё его не получила. Стуре подал прошение в префектуру о присуждении Обществу права на своё издательство «Агни-Йога». Мотивы – мы хотим перенять часть издательства из Нью-Йоркского центра. Это пошло бы только на пользу нашей экономике. Посмотрим, что ответят. Это прояснит также отношение к нам.

18 июня. Вторник

Вчера я получил от Вл. Шибаева сердечное письмо – добрые слова о моей книге. В конце приписка, которая меня так обрадовала: Е.И. мою главу о Рерихе как о человеке, которую я отослал ей на русском языке, велела перепечатать на машинке и разослать «широко».

[1] «Jaunais Cels» *(латыш.)* – «Новый Путь», церковный молодёжный журнал.

Сегодня приехал из Каунаса Стуре. В воскресенье он принимал участие в празднике учреждения Общества Рериха. Был светлый настрой и согласие. Большинство членов – известные художники. Понятно, что жизнь Общества будет развиваться в динамичном кругу искусства.

Вчера я был у Клизовского, он прочёл последнее письмо Е.И. Там были места о тяжёлом положении планеты. Руководители планеты борются в «кровавом поту». Воистину – положение тяжелейшее. Ещё будет не самый плохой вариант, если обойдётся всего лишь частичной катастрофой, и планета избежит худшего. Однако победит свет. Руководят планетой семь Великих Учителей, которые в конце третьей расы пришли с высших планет, чтобы помочь человечеству ускорить свою эволюцию. Клизовский пишет вторую часть книги. Он делает большое дело.

Оказывается, что вторая Балтийская конференция всё же обсуждала вопрос о Пакте Рериха. Министр иностранных дел Литвы Лазорайтис предложил решить этот вопрос, но эстонский министр и Мунтерс советовали отложить. Так! Мы знаем, что Учение говорит об откладывании.

25 июня. Вторник

Сегодня я получил чудесный, незабываемый дар – письмо Е.И. Как много чудесных слов она говорит, не заслужил я их. Быть может, в иных условиях я написал бы действительно красивую книгу о Николае Рерихе. Но теперь, когда я писал, испытывая в своём окружении внутренние и внешние затруднения, ощущая касания токов великих сражений, сосредоточиться было трудно. Чтобы писать о Прекрасном, нужна творящая тишина, нужно, чтобы глаза и уши были переполнены отзвуками мелодий высоких сфер. Далее Е.И. побуждает меня больше писать об Учении. Понимаю, насколько издёргана теперь моя жизнь, как много работ и задач передо мной. Но в моих ближайших планах заняться широким изучением Учения. До того ещё следует одолеть перевод «Иерархии», этому придётся посвятить лето. В завершение Е.И. широко пишет о принципах человека, о соотношении духа и души, отвечая этим на мои вопросы. Знаю, что эти ответы будут весьма полезны всему Обществу.

Получил я письма и от Зинаиды Лихтман, и от А.Асеева относительно моей книги, которую я им послал. Какая это великая, большая радость слышать, что где-то вдали есть горящие сердца.

Много времени и усердия приходится посвящать сборнику статей о Николае Рерихе на русском языке, который весь июнь занимает все мои мысли. Печатание движется очень медленно, приходится заботиться о репродукциях, ответственность за свой очерк, забота о портрете Н.К., который ожидаю из Индии. Ещё предвидится несколько русских книг печатать в Риге. Возможно, на нашу долю выпадет великое счастье и великое задание – печатать вторую часть «Мира Огненного». Также Вл. Шибаев просил выслать калькуляцию на новую, объёмистую книгу Н.К. Нелегко здесь печатать, когда мы ограничены в выборе бумаги, когда угрожает цензура, когда трудно даже выслать книги за рубеж, когда не можем рассчитывать на деньги и т. д.

Праздник Ивана Купалы всей семьёй мы провели в Меллужи. Гунта была в чрезвычайном восторге от «огромной ванны» – моря. Отведала первой клубники и т.д. Жаль только, что для моей работы остаётся совсем мало времени.

2 июля. Вторник

Вчера я получил от Шибаева долгожданный портрет Н.К. Оказывается, что выслан вовремя, 14 июня, но в дороге посылка сильно задержалась, повреждена. Задержалось издание книги, задержался и мой отпуск, начнётся он, наверное, только в воскресенье.

Вчера в шкафу Общества, рассматривая свёрток, где была картина Н.К. «Цзонкапа», нечаянно я обнаружил ещё два рисунка: портреты какого-то человека постарше и кого-то помладше. Моё изумление и радость были большими, ибо это, вероятно, те самые рисунки, которые ищет Шибаев. Удивительно только то, что сама фрейлейн Кезберг, которая передала мне эти рисунки на хранение, ничего о них не сказала, будто бы забыла.

Дело с издательством «Агни-Йога» продвигается медленно.

В Министерстве внутренних дел только что Грин сказал Стуре: «Нам эти йоги надоели до смерти!» Можно себе представить эту ситуацию. Следует взять в качестве названия нечто более латышское. Стуре ответил: «Ну что вы, в конце концов, хотите. "Ивановы Огни", да? Мы не можем менять название, ибо такое существует в Америке». Позже прошение было переправлено для отзыва в Министерство иностранных дел. Руководитель отдела печати обещал Стуре дать положительный ответ. Однако тяжёлая борьба ещё впереди. Жаль, что Стуре нет в Риге.

Только что состоялась конференция послов. Стуре спросил Зариня, посла в Англии, как в Англии смотрят на Пакт Мира? Заринь ответил, что Англия определённо против Пакта. Истинно, этим Англия себя показала. Уже в прошедшем столетии королева Виктория отвергла совет Белого Братства. И теперь – опять! Английская ориентация чувствуется и в нашем правительстве. Поэтому и в государствах Балтии дух не может стать свободным.

8 июля. Понедельник

Я всё ещё живу в Риге. Книгу о Рерихе на русском языке сброшюровали только в субботу, и сегодня ожидаю разрешения от цензуры. Теперь начнётся рассылка за рубеж. Типография меня очень сильно огорчила: в первой сотне экземпляров многие репродукции были вклеены безобразно. Всё это исправляя, я потерял массу времени. Самому приходится следить за всем, даже в таких элементарных вещах невозможно предвидеть, где возникнут недоделки.

В минувший четверг мы с Эллой и г-жой Рекстынь были в гостях у Слётовой, члена нашей старшей группы, в Анниньмуйже. За эти несколько часов беседы она открыла нам свою душу – бездну страдания! Она когда-то отказалась от своего первого мужа, так как полюбила Слётова. Доктор их торжественно обвенчал, в Обществе, в комнате Учителя. Очевидно, обвенчал он только их одних. У него слёзы катились по щекам. Он был чрезвычайно приподнят и взволнован. Но Слётов незадолго до этого предлагал свою любовь Фрицберг. Когда же она отказала, решил обвенчаться <со Слётовой>. Но после свадьбы, в прошлом году, начался его роман с Фрицберг, тоже членом нашей старшей группы. Своей жене он жутко врал – и во Имя Всевышнего. Будто бы Учение для него нечто внешнее, оболочка. Мы не знаем всех обстоятельств, по крайней мере, Фрицберг осуждать трудно, её душевное состояние нам не известно. Она недавно прислала письмо Слётову, что не любит его и что прекращает встречи. Какие омуты ещё существуют даже среди старших членов группы! Где чувство долга и ясность воли?! Сама же Слётова подумывала о самоубийстве. Конечно, можно знать Учение, но ведь существуют тёмные, стихийные силы! Мы чувствуем, что и в ней самой много неуравновешенности. Вот налицо существенные испытания жизни, которые показывают, не следует ли кто из нас Учению только на словах.

Позже

Кто же ведает истину? Кто познал душу другого человека? Фрицберг, со слезами на глазах, одной даме, члену Общества, утверждала, что её неправильно понимают.

11 июля. Четверг

Почти вся неделя ушла на улаживание дел по рассылке книги «Н.К.Рерих». От начала и до конца приходится следить за каждой мелочью. В наше время у людей мало чувства ответственности. Я получил письма от З.Лихтман и Л.Хорша. Вчера мы были у Клизовского, он прочёл нам новое письмо от Е.И. о Космическом слиянии, о слиянии Начал при завершении эволюции. Но это случается так редко, после многих, многих жизней совместного созвучия. Новые, священные строки: «Во главе Иерархии Света нашей планеты стоит Матерь Мира». Это письмо о Началах, о принципе Женственности – столь богато. Горизонт духа Е.И. неизмеримо широк. Развивается Буцен. Получил от Е.И. два письма. Растёт. И другие члены Общества развивают самодеятельность. И Валковский с тех пор, как ушёл Доктор, стал богаче сознанием, уравновешеннее, основательнее в своих мыслях. Он уже ведёт группу. Незаметно вырос и Фрейман. Было бы только единство среди членов Общества! Шли бы единым духом! Осенью придётся многое начинать сначала.

Завтра еду в отпуск в поместье пастора в Арайши.

29 июля. Понедельник

Вчера, вернувшись из деревни, мы нашли письмо Слётовой, написанное ещё 20 июля. Сообщает, что у Слётова перелом черепа и он уже несколько дней лежит без сознания. Поразительные, всевластные решения судьбы! Я немедленно отправился в Анниньмуйжу к Слётовой, но нашёл её уже успокоившейся. Здоровье мужа в больнице улучшается. Вначале врачи не верили, что он выживет. Ей разрешалось целыми днями быть у постели мужа. Ну и здесь, особенно первых пять дней, когда муж был без сознания, она выдержала колоссальную битву. Всё её существо будто бы сосредоточилось на ином измерении, физический мир она почти не чувствовала. Всё время она обращала мысли к Учителю, ожидая от Него помощи. Она своим высшим сознанием видела тёмных сущностей, сидящих около кровати больного и угрожавших ему. И она изо всех сил боролась, чтобы вырвать душу мужа из власти этих тёмных тварей. Словами это невыразимо. Знаю, что Слётовой присущи некоторые способности ясновидения, поэтому сказанное меня не изумило. Быть может, что помогла её молитва и сосредоточение, или способствовали этому лекарства молодого доктора Лукина, но случилось «чудо», по крайней мере, это поразило врачей – Слётов проснулся и теперь понемногу выздоравливает. Только некоторые центры в мозгу пока ещё повреждены: многие слова не может вспомнить и выговорить. Когда муж проснулся, полностью сознавал, что этот удар постиг его потому, что он преступно употреблял Имя Учителя. И сама Слётова поражена быстрым и нежданным действием кармы. Несмотря на тяжёлые перенесённые переживания, она всё же рада, ибо полна веры в восстановление гармонии жизни своей семьи.

До поездки в Арайши мы участвовали ещё в поездке группы слушателей Рижского народного университета в Мурмуйжи, Друвиену и в Эргли. Кроме нас с Эллой были ещё Драудзинь и Залькалн. Остались в памяти несколько незабываемых моментов, хотя погода могла бы быть приятней. В Мурмуйжи нас ожидала Зента со своими друзьями. Встречала меня Алма Плетиене приветственной речью и с большим букетом маргариток. Ах, если бы я мог ответить! Наверняка они ждали моей речи. Но я официально нигде не выступал. Я всегда избегал всех официальных торжеств. <На вечере> Зента говорила об Акселе Мунте, в завершение Петерсон одухотворённо сыграл Шумана и две девушки исполнили песню. Было чудное настроение. На террасе горели лампочки, свет которых отражался в воде. На второй день через Рауну мы направились в Друвиену, где посетили Карлиса Эгле на хуторе его родителей. Он водил нас по тропам Порука, которые все наполнены впечатлениями, видениями образов героев Порука. И затем мы созерцали всегда прекрасные пейзажи Видземе. Взгляд неизменно ласкали взгорья, озёра и нивы.

После этого, на второй день, мы всей семьёй отправились в Арайши. За эти две недели было только два истинно солнечных дня, большинство времени приходилось прятаться от дождя в комнатах, поэтому мы не смогли в полной мере насладиться природой. Надо было уделять внимание и маленькой, к тому же Элла, будучи нервной, в чужой обстановке ещё больше напрягалась. Поэтому не обошлось здесь без трудных минут. Однажды ночью малышка даже выпала из кровати, и всю оставшуюся ночь мы не спали. Но для развития ребёнка это время пошло на пользу. Прикоснувшись к природе, она смогла столь многое наблюдать. С домашними животными подружилась так, что не хотела расставаться. Между прочим, я был на концерте в Арайши, посетил проф. Юревича. В Пушкинах, цветистом, чудесном месте познакомились мы с молодым пастором А.Чопом, который ехал по кандидатским делам в сельский приход около Цесиса. Чоп либеральный, философски образованный человек, и это нас к нему особенно привлекло. Он даже приводил слова Роте: «Цель церкви – саму себя уничтожить». Большинство священников ведь такие догматики, что трудно с ними разговаривать. И Мейстер – способный и энергичный человек, но ещё не сформировавшийся, ещё поддаётся то одной, то другой догме, хотя он и терпимее многих других. Он ещё молод, его пылкость может помочь ему расти.

Вернувшись, я получил целую кучу писем. Есть от В.Шибаева, от Шклявера, З.Лихтман, Асеева, есть добрые, понимающие слова о моих книгах от К.Эгле. Чудесное письмо об Ашраме «Урусвати» мне прислал Шибаев. Он считает себя недостойным того, что ему выпало счастье жить вблизи Учителя и быть секретарём Е.И. и Н.К., этих гигантов духа.

Перевод на русский язык главы моей книги я послал, между прочим, и З.Лихтман, и она по этому поводу написала мне сердечные слова.

Так хочется работать! В деревне я сумел прочесть только «Сердце» и «Мир Огненный», отмечая на полях тематику. Ознакомился и с трудом Зенты «Белый путь». Она растёт с каждой книгой. Хотел бы я взяться за свою книгу об искусстве, но до того следует глубоко изучить основные принципы Учения. Надо продолжить и перевод «Иерархии».

8 августа. Четверг

Вчера я отослал Елене Рерих важное, глубоко прочувствованное, длинное письмо. Я спрашиваю об Огненном Мире, о Матери Мира, об огненных знаках, рассказываю ей о членах Общества. И, наконец, я открылся ей в наибольшем горе моего сердца, поведал о своей речи. Но ей надо знать, почему я не могу всего посильного делать в Обществе. Что же она ответит?! Кому же открыться, если не ей, истинной Матери моего духа?

9 августа. Пятница

Сегодня новая неожиданность. Уже в половине восьмого утра пришёл Стуре и принёс рукопись второй части «Мира Огненного». Мне придётся заботиться об издании этой книги. Очень ответственное задание. Сначала надо найти подходящую типографию, шрифт, бумагу и т. д. Однако великая ответственность несёт и великую радость.

14 августа

Четыре дня мы всей семьёй, с сестрой Эллы и детьми, были у родственников Эллы в Гауйене и в Грундзалес Рудачи. В первое место мы ездили на крестины, и пришлось нам усвоить одну великую истину: никогда не ездить на чествования и празднества, ибо нет ничего более пустого и более удручающего для духа, чем эти пиршества старого мира. Даже оба местных пастора, в целом, может быть, милые люди, кутили до поздней ночи. Здесь собрался весь сегодняшний цвет сельской интеллигенции. Скука и только скука на всех лицах, ибо кто же думает о духе? Внизу под нами первостатейная корчма, где вопят пьяные голоса. Хорошо, что я заново познакомился с сельской жизнью. В общем-то смысле семья Зиедыней, родственников Эллы, люди добрые. Один из добропорядочнейших – Эмиль в Рудачах, который иногда интересуется и вопросами духовными, читает своей 99-летней матери религиозные статьи, умеет оценить и теперешнее общество и культуру. Разумеется, наиболее приятно было в Рудачах. Однако хочу отметить, что подобные отвлечения от ежедневного рабочего ритма несут с собой и немалую усталость. Кажется, нынче я утолил свою тоску по сельской природе.

21 августа

В июле пришло сообщение, что нам официально отказано в просьбе учредить издательство «Агни-Йога». Было так больно. Как неверно понимают слово «Йога», даже насмехаются над ним. И всё же великая настойчивость и дипломатичность Стуре победили. В начале августа я был вместе со Стуре у начальника отдела печати и слышал, как ловко Стуре использует честолюбие Л., ибо тот уже однажды обещал дать разрешение. Так, наконец, мы его получили. Стуре ходил и к министру внутренних дел, но его не приняли. Такое неуважение огорчило Стуре. Напрасно пытался он попасть на приём к Ульманису. Дело Пакта Мира остановилось. Было и указание от Е.И. ничего более не предпринимать в этом деле, ибо относительно правительства все шаги уже сделаны. Оказалось, что в самом Панамериканском союзе было попустительство: ещё до сегодняшнего дня не разосланы приглашения правительствам присоединиться к Пакту. Об этом Е.И. написала Стуре. И здесь выявилась десница Адверза...

29 августа. Четверг

В понедельник фрейлейн Кезберг обвенчалась с Клодтом, стала «баронессой», гражданкой Германии. Каждый старший член Общества знает, какое значение этот факт имеет для жизни Общества. Кезберг была среди учредителей Общества. Она когда-то была невестой Шибаева.

И он, видимо, до последнего момента не предполагал, что она решится окончательно порвать связи с ним. Эти связи уже отчасти были разорваны. Мы знали о её «романе» на стороне. Уже Доктор несколько раз писал в Индию, огорчал очень Шибаева. Знаем, что уже однажды была назначена и подготовлена свадьба, но, подчиняясь какому-то Указу, Шибаев свадьбу отложил. Это и оказалось решающим испытанием для фрейлейн Кезберг, которое она не выдержала. Как больно это будет Шибаеву. Вдобавок тяжело и по той причине, что, думается, Кезберг остановилась в своём развитии. В последний год она весьма редко появлялась в Обществе. Учение, кажется, читала мало. Теперь романтика потушит все иные устремления. На какую величественную высоту поднялась бы она вместе с Шибаевым! Теперь же, быть может, многие жизни им придётся идти разными путями. Ибо разве Кезберг сможет теперь догнать в развитии Шибаева? Такие у меня грустные, тяжкие раздумья. И Шибаев мне близок, и жаль Кезберг, ибо она всё же развитый дух. Но всё происходит «руками и ногами человеческими». Всё зависит от свободной воли человека.

В субботу и воскресенье мы провели экскурсию в Лиелварде, Кайбалу, Яуньелгаву, Кокнес, Стабурагс. Были осенние ветры, без солнца. Ездили с нами Драудзинь, Залькалн и Витинь.

Субботним утром я сдал в набор «Мир Огненный». Долго искал печатню, где были бы нужные шрифты. Были сомнения. Теперь не буду торопить с набором, пока не придёт ответ от Шибаева, не знаю необходимого количества экземпляров.

16 сентября. Понедельник

Сегодня я получил Самое Святое, Самое Прекрасное, Самое Дорогое в моей жизни. Как же словами выразить те чувства, тот трепет, которыми сегодня переполнены мой дух и душа. Я получил сегодня чудеснейший дар моему сердцу, дар, посланный сердцем, – совсем небольшое Изображение вместе с письмом Е.И. Я слишком волновался, чтобы писать. Е.И. на конверте написала: конфиденциально. Она отвечает на мои вопросы об Огненном Мире и Матери Мира. Говорит, что, если бы я сердцем почуял, кто есть Матерь Мира, то она бы мне это открыла. Но намёк она даёт только мне. Другим говорить нельзя.

Пишу эти строки, и во мне пробуждаются предчувствия, и мой дух преклоняется в истинном благоговении перед Великой, Непознанной, Чудесной. Я ещё не в силах окончательно уразуметь всю космичность проблемы. Мне ещё следует познавать и обобщать по Учению понятие Матери Мира. Жду и нечто возвышенно-поэтическое от «Тайной Доктрины».

В конце письма Е.И. отвечает мне словами, которые меня глубоко захватывают, смущают, ободряют, – это по поводу признания ей о моей речи. Мне не следует грустить, главное не речь, но – качество ауры и присутствие её среди членов Общества. Главное – устремление, и что я могу всё выражать в письменных работах. Лечить лучше всего можно молитвой сердца.

В завершение – приветствие от Н.К., который уже в пустыне получил переведённые главы моей книги. Но самое чудесное То, что я постоянно буду носить у своего сердца.[1]

Поистине, мы живём в самую чудесную эпоху человечества. И, быть может, будущие поколения сложат легенды о нас, и образы Е.И. и Н.К. будут овеяны бессмертным светом лучей, и тогда бесконечно счастливыми будут считать тех людей, кому выпала возможность реально с ними общаться и сотрудничать. О, эта наша эпоха! И как же можно не понимать, как могут быть эти нападки, эти сомнения, эта клевета? Как натерпелся Николай Рерих! Но это – жертвенный костёр, который превратится в исполинский маяк света для лучшего человечества.

20 сентября

Сегодня утром я отослал воздушной почтой письмо В.Шибаеву, приложил и небольшое письмо Е.И. В нём, в нескольких словах, я высказал всё своё глубокое, святое переживание – посвящение своего сердца ей, Таре. С душевным трепетом я писал, спрашивая, правильно ли я понял идею космической широты?

[1] Р. Рудзитис сделал для Сокровенного Портрета серебряный медальон в виде книжки и постоянно носил при себе.

При чтении письма сердце моё горело огнём уже с первого мгновения, и будто бы ликующим пламенем наполнилось всё пространство вокруг. Это письмо, которое сегодня утром я отослал, было вдохновлено восторженным безумием и дерзостью во мне, да простится мне это! Мои чувства в эти дни опьянены святостью. Изучал всё время проблему Тары по Учению. В каком ослепительном свете и на какой высоте она возвышается! Какая жертвенность во имя нового человечества!

Вчера опять, после длительного перерыва, мы собрались в Обществе. Валковский открыл заседание сводной группы, говорил просто и сердечно. Прочёл несколько мест из «Иерархии», затем – новые статьи Н. Рериха «Бережливость», «Вехи» и, наконец, 30-й параграф из второй части «Мира Огненного». Также он объявил о радостной вести, что в Риге со вчерашнего дня начали печатать книги Учения, напечатан уже первый лист. Позже мы собрались отдельными группами.

27 сентября. Понедельник

Странно, вчерашним утром я видел во сне Н.К. как будто бы раненого. Утром, когда я встал, отгоняя прочь эти мысли, чувствовал, что это связано с новыми нападками на него. Сегодня утром я получил открытку от Асеева, где он действительно пишет о новой клевете врагов. Асеев обещал ответить им и просит меня выслать некоторые материалы. Я понял, что это новая книжка Иванова о масонах. Сегодня прочёл её. Это писал человек с поистине сатанинской душой. После прочтения её я ещё глубже склонил голову перед Н. Рерихом: ко многим уже существующим его определительным обнаружилось ещё одно – мученик. Конечно, он стоит превыше всего этого, но всё же сердце его болит из-за тупоголовости человечества, что оно противится свету, болит сердце от прыжков безумия служителей тьмы, одобряемых массами людей. Уже завтра отвечу Асееву; если он всё же напишет, пусть не ошибётся, по крайней мере, пусть уклоняется от полемики – разве что-либо возможно втолковать мракобесному сознанию?

3 октября. Четверг, ночью

Сегодня вновь, после долгого времени, среди членов Общества царил дух гармонии. После заседания старшей группы все группы собрались вместе. Читались три чудесных письма Е.И. Клизовскому. Все слушали в приподнятом, одухотворённом настроении. Стуре когда-то был против того, чтобы письма читались всем. Теперь же мы подобны детям, которые освободились от чрезмерно строгого учителя. Хотим провести и другие реформы, именно те, по поводу которых Стуре был иного мнения. Недавно Стуре приезжал в Ригу и скоро вновь уехал. Окончательно погряз в долгах (около 9.000 латов), в основном из-за дочери. Мне было его жалко, когда увидел его столь озабоченным. Именно теперь ему следовало бы мыслить только об Обществе, и только о нём. Клизовский постепенно растёт. Чувствуется, что в нём в полной мере созревает всё наследие прежних существований. Меня поразило его признание Валковскому, что в нём давно живёт предчувствие, что он в предыдущей жизни был поэтом Лермонтовым. Когда он был на Кавказе, то весьма живо и чётко помнил, уже заранее, все места и события, которые были в жизни Лермонтова. Быть может, действительно среди нас это возвышенное воплощение? И как знать, кто ещё обитает в нашей среде? Ведь недаром повествуется, что воплотились все воины Шамбалы.

*

Новое безумие некоего народа вспыхнуло на нашей Земле. Италия начала войну с Абиссинией. Неужели теперь снова возможны подобные нечеловеческие выявления, когда так много говорилось о мире, о человечности, о любви?! Разве итальянцы не осознают, что это может быть толчком к новой мировой войне? Какая карма ожидает этот всенародный эгоизм? И это национальное безумие может в любой момент охватить Германию и Японию, которые тоже мнят себя избранными народами. Прозрение наступает только после катастрофы и жестоких страданий. Такова судьба человеческого сознания.

6 октября. Воскресенье

Не на слишком ли многое я осмеливаюсь? Не слабы ли мои знания и моё развитие? Достоин ли я этого труда?

Вчера во мне вспыхнула мысль, которая показалась столь дерзкой: написать труд, книгу о Белом Братстве и Учителе. И сегодня эта мысль охватила меня с непреодолимой силой. Как бы издалека слышу предсмертный голос Доктора: писать о Братстве. Сердцем чувствую слова Учителя: «Примите на плечи ношу свидетельства Прихода Моего!» Это ведь задача каждого последователя Учения. Но задача весьма тонкая, весьма деликатная. Если свой труд я не посчитаю достойным выйти в виде книги, то хотя бы прочту его в виде доклада. Хотелось бы переработать свою книгу о Прекрасном, но это требовало бы несколько месяцев. И ныне, когда великие события опять задевают планету, когда приближается роковой, предуказанный 1936 год, действительно необходимо дать хотя бы в виде небольшого луча весть о Великом Приближении. Но не дерзаю ли я на нечто несоизмеримое с моими силами? Найдётся ли у меня в нужный момент достаточно чувствознания и такта?

11 октября. Пятница, вечером

Вчера, в четверг, на нашем очередном собрании произошла приятная неожиданность: среди нас был Гаральд, сын Доктора. Анкету он заполнил раньше. В последние месяцы он напряжённо читал книги Учения. По некоторым вопросам беседовал с Мисинями и с Драудзинь. И теперь – бесповоротно пришёл к нам. Хотим учредить новую группу, где была бы и часть старших членов Общества, – для повторения Учения. Истинно, развитие Гаральда удивительно продвигается вперёд. В медицине он уже давно идёт по стопам отца. И сам составляет лекарства, изучает, читает. Появляется у него всё больше пациентов. Бывали случаи, когда лекарства отца свершали почти что чудеса. Так, одной девочке, у которой было острое воспаление ушей и нужна была операция, он, взяв на себя риск, предложил оставить больницу и – вылечил! Только что таким же путём вылечил воспаление брюшины, это был очень тяжёлый случай. И теперь – углубляется в Учение. Он начал читать «Сердце». Разумеется, ему ещё много придётся работать, но развитое сердце ведь способно воспринять истины мгновенно и глубоко.

Валковский вчера продолжил читать письма Е.И. к Клизовскому и Буцену. В следующий раз будут читать и письма, адресованные мне. Так мы срастаемся теснее. С 20 октября начнём опять собираться по воскресеньям и отдельными группами.

14 октября. Понедельник

Достоин ли я того нового знака доверия, который дарован мне? Сегодня я вновь получил от Е.И. нечто захватывающее, невыразимое, святое: фотографию Священного Камня и ларца. Я читал об этом в книгах Учения. Я читал в «Криптограммах Востока». И вот, мне доверено великое счастье жизни – осознать это реально, этот Кристалл Духа и Света. И затем – само письмо Е.И., одухотворённое и сердечное. Говорит о новом предательстве среди ближайших сотрудников в Америке. В их числе и те, с кем она 14 лет вместе работала. Н.К. в эти дни возвращается из экспедиции, он ещё ничего не знает. Конечно, будет глубоко потрясён, но не поражён, ибо этот дух царственного мужества привык бороться. Е.И. не упоминает имён, но я предчувствую всё. Не напрасно она в каком-то письме Стуре сетовала, что в самом Нью-Йоркском Музее теперь препятствуют и задерживают дело Пакта Мира. Иначе бы не могло случиться то колоссальное попустительство, что ещё до сего дня вне Америки государства не получили приглашения подписать Пакт. И Стуре телеграфировал, чтобы такие приглашения были присланы для Балтийских государств. Жутко вообразить, какую исполинскую битву приходится вести Силам Света в последнее время, и что тёмные знаки ухитряются проникнуть в среду самых доверенных лиц. Это – великое испытание всем. И всё же, воистину, Пакт победит! Победит!

В конце Е.И. говорит о великом смысле Преданности, что присуща она только царям духа. Ей также кажется, что я в прошлых жизнях был в Индии, ибо где же ещё, если не в Индии, вырастает это благороднейшее из всех свойств.

Что же мне дать взамен всех этих святых знаков, которые получил и о которых и не мечтал? Что же ещё другое я могу, как только возжечь своё сердце!

8 ноября. Пятница

Наконец я получил из печатни вторую часть «Мира Огненного». И на этот раз в издание этой священной книги вложено немало беспокойств, забот, а может быть, и болезненных мучений. Больше всего при чтении корректуры меня беспокоили старые буквы. Букву «ц» я часто велел заменять. Больно было и то, что в нескольких листах наборщик напечатал несоответственно корректуре. Таких мелких забот было немало. Так или иначе, главное, чтобы издатели были довольны. Сегодня книга отнесена в отдел печати, разрешение получим будто бы только в понедельник к двум часам. Вероятно, желают познакомиться поближе. Будет хорошо!

Сегодня приступили к набору перевода «Иерархии». В один день набрали четыре печатных листа – какое различие в темпах по сравнению с русским изданием «Мира Огненного», которое набирается вручную. И над этим переводом я много работал с Залькалном. Я просматривал его перевод, он – мой, затем мы вместе работали по вечерам.

Вероятно, и эти мрачные осенние дни тоже отчасти повинны в том, что постоянно ощущаю большое напряжение. Переживаю воздействие неизвестных токов. Сознаю приближение накала Армагеддона к его фокусу. И во мне, и через меня он отражается. Знаю, что только во имя Учителя выдержу. Одна у меня жажда – сконцентрировать время. Последний срок начать задуманный труд. Приближается исторический, удивительный год.

12 ноября

Когда я думаю об Н.К., в моём сознании встаёт образ Мощного Льва. Таким мощным и мудрым покоем дышит его сущность, в то время как Е.И. излучает божественную нежность и чувствознание. Сегодня я получил в письме Шибаева и открытку от Н.Рериха, и моё сердце затрепетало в радости: «Сердечно ценю Ваше близкое сотрудничество». И Стуре получил открытку. Были в письме и газетные вырезки. В сегодняшнем письме Шибаев просит нас сделать то, о чём мы думали неделю назад в связи с полученной телеграммой: заверить немедленно все авторские права на книги Учения на имя Е.И. Об этом Е.И. я уже ответил, написал и Стуре. Вся сложность в том, что наше государство не присоединилось к Бернской конвенции по авторскому праву. Ещё раз подробно разузнаю, чтобы можно было точно ответить и знать, как действовать.

С «Миром Огненным» возникли небольшие осложнения: в отделе печати настаивают на том, что на титульном листе должно быть напечатано название издательства. Я и вчера, и сегодня был в Министерстве внутренних дел и спорил об этом. Законом это не предписано. Они говорят: «Законом не предписано, но принято на практике». К тому же после 15 мая все законы упразднены, теперь в действии устные указания. Я ещё настроен не отступать, посмотрим, что скажет руководитель отдела печати. Если потребуется, пойду к нему сам. Кроме того, у меня есть всяческие варианты, что предложить. Нелегко, однако, бороться с узостью предрассудков. Ведь уже было несколько книг, которые были разрешены, в таком же положении, как «Мир Огненный». И на моём русском сборнике об Н.К. не отмечено издательство на титульном листе. Это мелочи, но и из-за них приходится бороться. Мы ведь не можем отступить от предыдущего оформления книг Учения. Кроме того, «Мир Огненный» почти что сброшюрован.

13 ноября

Сегодня большая радость: я получил разрешение выпустить «Мир Огненный» в таком виде, как он напечатан. Три дня я с этим мучился. Кажется, Высшие Силы помогли. Затем мы сегодня с Валковским были в Министерстве иностранных дел у юрисконсульта и в отделе печати для получения информации об авторских правах. Валковский был и у нотариуса. Необходимо, чтобы автор (в данном случае – Е.И.) уполномочил какое-то определённое лицо в Латвии защищать его авторские права на книги Учения.

Стуре сейчас готовится к свадьбе. Переживает вторую молодость. Думает только об этом. Потому теперь сторонится дел Общества, перепоручил всё комиссии. В связи с этим в последние месяцы все общие замыслы осуществляем с Валковским.

17 ноября

Сегодня я вёл группу Валковского, ибо он отсутствовал. У меня было такое напряжение, как ещё никогда, но был и покой. Поверх великого нервного накала ощущалось спокойствие вершин. Может быть, я мог бы вести какую-то младшую группу?

24 ноября

18 ноября у нас был званый вечер. Драудзинь зачитала свой одухотворённый доклад «Закон соизмеримости и оказание помощи». Была музыка, песни, стихи. Я познакомился ближе с человеком благородной души – Зильберсдорфом, который приехал из Даугавпилса. На одном вечере мы читали письма Е.И., адресованные ему. Заглянул я и в его книгу[1] – это будет новый ценный труд. Новые осознания принесло мне последнее письмо Е.И. Зильберсдорфу: Приход Учителя ожидается не в физическом смысле, но в ином плане. Он уже принял эту эпоху под своё могущественное правление. Это письмо я переписал, будет во что углубиться сердцем.

Мой друг так часто устаёт. Как же преодолеть дисгармонию нервов? Истинно, всё должно происходить человеческими руками и ногами. Дух мой стремится ей помочь, но моя физическая шелуха, моя оболочка часто, быть может, слишком неуклюжа и несообразительна. Как часто моё желание помочь не улавливает истинного момента нужды и оказывается напрасным. Трудность в том, что во время этих тяжких сражений моему другу недостаёт равновесия. Знаю, что в такое время единственное спасение полная преданность Иерархии. Смогла бы и мой друг это всегда и во всём!

4 декабря

Стуре получил от Е.И. письмо. Весьма скоро нам придётся в Риге издавать третью часть «Мира Огненного». Она подробнее рассказывает также о заговоре в Нью-Йоркском центре. Тяжкое, величественное время! Ускорить бы мне ритм своей работы! Но как же это суметь? В воскресенье я закончил корректуру «Иерархии» и думал, что можно будет взяться за свой творческий труд, но оказалось, что надо приводить в порядок счета Литературного фонда и ещё многое другое. В деле продажи книг мне большую помощь оказывает Абрамович, он красиво устроил библиотеку, её отделы: Доктора, Теософского общества, книги Шибаева. Но, кроме этого, ещё есть сотни мелких дел. Залькалну, как члену правления, доверили заведование комиссионными книгами. Но он ведь живёт в Огре. Чудесный человек, но не может никак превозмочь свою обособленность. И в Общество приходит редко. Однако я благодарен ему, что он помог довести до конца перевод «Иерархии». Но как был бы я благодарен тому, кто ещё облегчил бы мне задачу управиться с массой мелких забот, которые так сильно отвлекают меня от главной работы и главной моей обязанности.

5 декабря. Четверг, вечером

Сегодня Стуре прочёл мне письмо Е.И. Бесконечно, безмерно меня поразило то, что в конце Е.И. заметила: «Бывшие сотрудники – Луис и Нетти Хорш и Эстер Лихтман». Неужели и последняя, та, которая так защищала Е.И., которая с таким жаром вступалась всюду за дело движения Рериха, действительно ли и она пошла путём отступничества? Потому можно понять, как больно должно быть самой Е.И. от всего этого! Сколько я понял из последнего письма Зильберсдорфу, причиной её последнего заболевания послужило отчасти именно это предательство.

Сегодня, как говорится, с великим трудом я окончил печатание «Иерархии». Ещё остаётся обложка и брошюрование. Ни одна книга не выходила у меня без мучений, у книги ведь судьба новорождённого ребёнка. Между прочим, огорчение мне причиняло и то, что для клише обложки из-за несообразительности одного члена нашего Общества буквы изготовили больше, чем я заказал. Один урок я для себя извлёк – не следует связываться со случайными сотрудниками и советчиками, всё главное надо делать самому.

[1] «Воспитание духа».

6 декабря

Всё думаю и думаю о письме Е.И., не понимаю, как же это. Ведь Доктор когда-то ездил в Париж специально, чтобы встретиться с Эстер Лихтман. Когда вернулся, рассказывал, говорил много добрых слов о ней, о её великой пылкости, активности, мужестве. Наконец – о её преданности. Она открыла ему и тайну своей души – она однажды видела Учителя. Он наполнил её жизнь беспредельным энтузиазмом. И как же она смогла восстать против Него, против Того, Кто когда-то казался ей наисвятейшим?! Непостижимы пути человеческие. Е.И. пишет, что одержание и предательства ещё могут множиться.

А теперь – страничка из нашей домашней жизни. Я очень старался охранить хотя бы наше жилище от хаотических токов. Хотел этого и ради моего друга, нервы которой нередко переутомлены. И во мне самом все токи чувствительно отражаются. В последние дни даже чувствую себя словно без психической энергии. Конечно, это только временами, ибо дух есть вечный обновитель. Появляются и новые испытания. Мы когда-то отдали чердачную комнату Иоханне Кегис. Но и раньше мы ощущали нечто тяжкое в связи с ней; мы знали, что она всюду, где бы ни жила, раньше или позже оказывалась обиженной и уходила. И что с того, что она хороший человек, если она психически больна? Разумеется, Элле, как нервному человеку, близость её идёт только во вред. Мы бы от чистого сердца ей помогли, но, сколько раз мы ей ни предлагали деньги, еду и т. д., она всегда только отказывалась. Единственно от Неллии она что-то принимает, даже иногда сама её о чём-то просит. На Эллу она уже давно рассержена. Когда ей становится невмоготу в одиночестве, она приходит и «говорит правду в глаза». Какие аргументы переубедят человека, в котором так много болезненных хаотических токов, который ночь превращает в день и наоборот, не ищет работу и т.д. Понятно, что из-за её бесконечных психозов мы вынуждены относиться к ней как к больному ребёнку. Она иногда ощущает нашу сдержанность, и тогда чувствует себя задетой. Но что я могу сделать, если она совершенно не признаёт того мира духа, в котором мы живём и летаем? Притом я ведь стопроцентно занят на работе. Да, Райнис знал её ещё здоровой и полной гармонии. Разумеется, мы тоже ответственны за неё, но как же помочь человеку, если у него нет сосуда, в который он хочет и может принять помощь?

За последние годы мне приходилось прикасаться к душам многих людей. Хотя я живу по большей части в мире книг, но отвергаю упрёки, что я абстрактен. В Обществе нередко приходится прикасаться к трудным, больным людским душам. Надо понять, надо лечить. Но истинный врач должен быть объективным. Души некоторых людей надо лечить сердцем, любовью. Но есть души, которых Учение предлагает лечить холодом. Разумеется, и такое отношение должно быть полно сострадания, гуманности и чуткости. Кто знает Учение, тот это поймёт.

Воистину, эгоистом является тот, кто в наши дни ещё упивается своими мелкими чувствами, обидами, симпатиями и антипатиями, – в наши дни, когда Мироздание потрясено в самих своих основах, когда пламя событий проносится сквозь сознание человечества, когда все свои мысли, все свои чувства следует сосредоточить на судьбах мира. Конечно, ближний тоже есть часть человечества, начинать надо с него. Но есть так много, бесконечно много людей, на которых ничто не может повлиять, кроме самого рока.

10 декабря. Вторник

Получил я сегодня долгожданное письмо Е.И. Написано 18 ноября, шло на этот раз морским путём. Рассказывает о Камне, о Сроках, о Братстве, об Авторе книг Живой Этики и как переводить их, и наконец – о жутком предательстве, которое произошло в Американском центре. Истинно, страшная судьба ожидает предателей. Человеческая логика слишком слаба, чтобы понять, каким образом высокоразвитый человек способен совершить такой шаг честолюбия. И всё же – будет хорошо, ибо Свет истинно победит!

Сегодня типография направила «Иерархию» в отдел печати. В два часа дали ответ, что книга передана в «духовную цензуру». Завтра ожидается окончательный ответ. Это меня несколько беспокоит, ибо знаю, кто есть эта «духовная цензура». Прекрасно помню великую борьбу вокруг книги Клизовского. Однако верю, что на этот раз по столь трудному пути идти не придётся.

Получил я сегодня и праздничные поздравления: от Шибаева – его фотографию, от Елены и Николая Рерих – изображение «Священного пламени».

16 декабря. Понедельник

Сегодня я получил разрешение выпустить в свет книгу «Иерархия». Начальник духовного департамента продержал целую неделю эту книгу, ознакомился с ней основательно. Наверняка были и какие-то возражения, но о них мы не узнали. Член нашего Общества Дравниек, который работает в Министерстве внутренних дел, почти ежедневно ходил в духовный департамент. Возможно, что это обстоятельство ускорило разрешение. Один экземпляр уже в субботу я послал Е.И.

18 декабря

Сегодня мы проводили в тот Мир, Мир Горний, члена нашего Общества, доброй души человека – Ренкуля. Был старым, болел сердцем, уже частично жил в Ином мире. Его жена, удивительный «стоик», тоже член нашего Общества. Как-то вечером она говорила с Румбой, изумила знанием Учения и духовной бодростью.

31 декабря. Вторник, пополудни

Именно, этот день – день великого напряжения. Это и хорошо, время столь динамично, что каждой минуте жизни следует быть священной. Я рад, что «Яунакас Зиняс» поместила сегодня моё пророческое стихотворение о 1936 годе. Хотя в поэтическом смысле это стихотворение не из лучших, но сам факт, что подобные вещи возможно опубликовать в наши дни духовного скудоумия, доставляет большую радость. Поэтому я, собравшись с духом, уговорил Раппу послать в Комитет по премиям Фонда Культуры мою книгу «Мыслители и воители». Хотя я знаю, что в этой Комиссии большинство моих недругов, однако ведь не надо бояться своей правоты, даже если решение их будет отрицательным. Также сегодня я отдал в Комитет Кришьяна Барона свою работу «Пути души в традициях древних латышей». Из Индии мне прислали статью Хейдока «Пророки», которую Валковский прочёл в Обществе на третий день праздника Рождества. Эта статья глубоко захватила нас. Великие предсказания, крупные события, которые приближаются... Буцен отнёс статью в газету «Сегодня», разумеется – не напечатали. 29-го числа я получил, как всегда чудесное, письмо от Е.И. Есть страницы, посвящённые Гаральду Лукину. Слова Учителя: «У него будет большая радость». Выписку из письма посылаю ему в Германию, куда он со своей женой уехал на месяц, чтобы ознакомиться с новейшими медицинскими достижениями. Кроме того, Е.И. пишет о какой-то чудесной индийской девочке, которая помнит прежнюю жизнь и которой теперь восторгается вся индийская пресса. И я знаю несколько подобных случаев. Между прочим, г-жа Иогансон рассказывала о своей старшей дочери, что в ней воплотилась дочь какого-то английского теософа. Последняя погибла в 1910 году в Мессине, но долго жила в Индии. Г-жа Иогансон, которая случайно стала переписываться с указанным англичанином, неожиданно открыла, что её дочь в снах видит многие сцены из жизни индусов, такие, какие пережила эта англичанка. Далее – она интуитивно желала назвать свою дочь именем, которое было у англичанки, но родственники уговорили дать девочке иное имя и т. д. Мир непознанный не есть нечто такое, что противоестественно и непостижимо. Он – всюду вокруг нас и в нас, только надо открыть глаза и смотреть. Но, к сожалению, направленность сознания человечества ещё весьма приземлённая, восприятие ещё весьма грубо, мечты столь ничтожны, у большинства вообще нет никаких высших интересов. Вот почему наша планета подвержена такой угрозе от человеческих деяний и стихийных сил, которые возбуждаются человеческими отрицательными мыслями и страстями. Оттого нам с такой настороженностью и одновременно с мудрой радостью о конечной победе следует смотреть на следующий год. Куда приведёт человечество его безумие? Последний срок настал для возрождения сознания человечества.

*

Такой радостью, бодрым подъёмом начался этот день. Но затем пришла опять боль и тоска. Моя единственная молитва, которую я твердил днём и ночью: «Помоги не пройти мимо труда Твоего», «Дай испить чашу труда Твоего, Владыка!» Дай мне возможность свершить творческую работу, дай мне ясное сознание и ясный дух и освободи меня от усталости, чтобы в труде я мог как на крыльях летать. Больше я ничего не желаю. Помню прошлогодние жуткие январские дни, когда я начал писать о Рерихе, но обстановка дома ужасно мешала. Теперь я начал новую книгу[1], вчера набросал первые страницы – книгу, в которой я на многое дерзаю и которой я хотел бы превзойти самого себя стократно, и даже тогда ещё я был бы недостоин возвещать задуманные в ней истины. Но, кажется, теперешние препятствия будут только мнимыми и ритму труда ничто не помешает. Я желал бы всего несколько месяцев спокойного ритма, чтобы этот мой главный труд одолеть. После я согласен взять на себя всякие трудные задачи. На самом деле я стал настолько уязвимым, что все воздействия так сильно на мне отражаются. Часто надо силой освобождать себя от всяких токов, чтобы можно было творчески работать.

Но я верю и надеюсь. Ибо приходит мощный, небывалый, неповторимый год. Приходит год, который возвещали Святые Писания, который религиозные сознания наряжали в легенды, который, как предзнаменование, запёчатлён даже на пирамидах. Приходит год Битвы Учителя и год Великой Победы. Потому, как же нам, поверх всех трудностей, не войти в новый год с улыбкой сердца, каким бы он ни был?

«Приближается замечательный год... Приложите внимание честно, зная, что протекает великий срок... Умейте приложить ухо к земле и засветить сердца, как в великом ожидании. Наступает год предуказанный. Сурово и напряжённо, но и радостно прожить этот год на земле для мудрых».

Учение.

[1] «Братство Святого Грааля».

1936

1 января

Значительный, неповторимый, священный год! Пророками взлелеянный, Священными Писаниями возвещённый, духовными рыцарями ожидаемый! С какими чувствами войти в тебя? С каким трепетом сердца переступить порог твой?

Вхожу в тебя с молитвой, одной-единственной:

Чашу труда Твоего дай испить, Владыка!

Помоги не пройти мимо труда Твоего!

Дай силу сердцу моему, Владыка, и ясность уму моему, чтобы каждый трепет сознания отдать я мог труду бесконечному.

4 января. Воскресенье

Сегодня отослал письмо Е.И. Ей, как и многим членам старшей группы, я послал репродукцию картины Н.К. «Чудо». Эта картина ведь выражает настрой нашего существа. Обычное рождественское и новогоднее поздравление (групповой снимок членов Общества) послал уже в начале декабря. Написал я о пережитом в Обществе, почти каждое воскресенье за последний месяц мы читали письма Е.И. Так много надо совместно обсудить. Невыразимые словами созвучия оставляют в наших сердцах эти письма! Наконец, после длительных размышлений я в письме Е.И. упомянул немного и о Стуре, что он весьма занят школой и семьёй, ведение всей деятельности Общества он поручил комиссии, и общие собрания чаще всего ведёт Валковский, человек чистого сердца. И что заботу о духовной работе Общества Стуре тоже поручил комиссии, об этом он и сам писал Е.И. Он теперь здесь так редко появляется, а если и придет, то на несколько минут. Это и понятно, ибо сегодня – его свадьба. Венчается в храме. Его избранница – молодая учительница. Мы от имени Общества послали им цветы.

Действительно, постепенно дух Доктора возрождается в Обществе. Внутренняя тишина. Сердце болит, когда вспоминаю прошлогоднюю зиму. Мы с Валковским, г-жой Мисинь и Залькалном исключили из Общества около 30 пассивных членов, которые за минувший год не только не приходили в Общество, но и не отреагировали на письменное приглашение прийти. Приходится удивляться, как все они попали в Общество, хотя и не в группу по изучению Учения. Такое же положение и с К. Иогансоном, одним из учредителей нашего Общества. После смерти Доктора он ещё несколько раз приходил, затем поссорился со Стуре и больше не показывался. Я был только что у него дома. У него есть некоторые сомнения по основам Учения. Разумеется, если в течение пяти лет он не был способен эволюционировать, здесь ничем помочь невозможно. И г-жа Л. Иогансон несколько раз случайно показалась. Знаю, что она сильно занята в университете и зарабатывает деньги. Но знаем и ответ Учения на это всё. Жаль, что нет рвения именно у г-жи Иогансон. Она переписывалась с Е.И., и Е.И. возлагала на неё надежды. Её намечали и как руководительницу женской секции. Недавно я взял у г-жи Иогансон письмо от Е.И. и переписал его для себя. Ведь это был бы грех, если бы письма возвышеннейшего сознания и духа остались в ведении только одного человека.

7 января

Сегодня я получил 107 параграфов из третьей части «Мира Огненного».

23 января

Сегодня мы получили великий дар – первый том трудов Н.К., будет ещё два тома путевых заметок по пустыне Гоби. Опять новый, прекрасный подарок.

2 февраля. Воскресенье

В середине минувшей недели начали печатать третью часть «Мира Огненного», страницы книги величайшей Красоты Мироздания. Перед нами новый, ответственный труд.

Много новых планов и в Обществе.

Мы с Валковским написали в Индию о том, что в Латвии предвидится создание Камеры культуры[1]. Конечно, это нас несколько беспокоит. Хотя мы внутренне убеждены, что наше Общество будет существовать наперекор всем пертурбациям, ликвидациям и объединениям, однако следует быть готовыми к неожиданностям и всё заранее продумать, чтобы в случае необходимости проявить наибольшую сообразительность. Даже в самом благоприятном случае Камера большой радости принести нам не сможет, если только во главе её не окажется духовный, с широким сознанием, человек. Но среди упомянутых трёх кандидатов такого трудно обнаружить. Более-менее культурен д-р В. Есть и три кандидата, которые враждебны ко всему восточному, славянскому и индийскому и, разумеется, противники нашего движения.

Мы приобрели шкафчик для драгоценных памятных предметов комнаты Учителя в Обществе и витрину, куда мы поместили книги, связанные с Н.К., и труды его самого. Немало мы мечтали и о приобретении картин Рериха, ибо в Риге теперь в продаже находится пять оригиналов Рериха. Некоторые из них чудесного, сказочного колорита. Но нынче видим, что мечты так и останутся мечтами, ибо хорошо, если у нас хватит средств на издание предвиденных книг. Я написал Е.И., что мы согласны издать и «Агни-Йогу» на русском языке. Кроме того, мы готовим издание избранных трудов Е.И. Сегодня Элла решила подготовить подборку цитат из Учения о Великом Служении и, если будет возможность, издать её в виде книги. Такого рода работу Учитель признаёт благодатной.

По четвергам Валковский читает статьи Николая Рериха, выдержки из книги «Основы буддизма», фрагменты из писем, «Проэму» – введение в «Тайную Доктрину», прочёл уже главу «О красоте и искусстве» из книги Клизовского. Женская секция опять начинает собираться по четвергам.

Гаральд с женой пробыли один месяц в Германии, ездили в научно-медицинских целях. Однажды вечером он посетил нас, привёз художественные репродукции из Дрездена. Он – человек великой, детской души, человек огня. Можно чувствовать, что большую радость принесли ему слова Учителя, которые я послал ему в Германию. Его жена ещё так сильно держится за основы адвентизма, и очень страдает от того, что Гаральд обратился к Учению. Но и у неё свой положенный срок.

10 февраля. Понедельник

Так много волн небывалых переживаний прокатывается перед нами! Какие события на каждом шагу! Что ещё ожидает нас в этом чрезвычайном году?

Сегодня я прочёл давно ожидаемое письмо Л.Хорша к Стуре. Последний передал его Валковскому для переписывания, оригинал он хочет отослать в Индию. Стуре, однако, следовало бы поторопиться, ибо, кажется, это письмо он получил уже десять дней назад. Каждый день в этих событиях важен. Хорш пишет вначале, что здание Музея больше не принадлежит Музею Рериха, а принадлежит Институту Объединённых Искусств. Затем, что он и его жена, Эстер Лихтман и Ньюбергер прервали связи с Николаем и Еленой Рерих и с их руководством. Далее, что Уоллес (тот, кто произнёс такую пламенную речь, посвящённую Пакту Мира), Магоффин и Боргес вышли из Комитета Пакта Мира Рериха. Он надеется, что Стуре и в дальнейшем будет поддерживать дружественные, кооперативные отношения с ним. Позор, позор! Это письмо, как жгучая печать срама, воистину будет вписано в историю человечества Новой Эпохи. Как способны на подобное долголетние сотрудники Рериха?! Как могут это те, кто уже с самого начала прикасался к основам Учения? Воистину, непостижимо сознание человека! Теперь наивысшая точка накала битвы Армагеддона; могут ослабнуть и ряды светлых воинов, и пасть слабые духом, но те, кто всё это сделал, были ли на самом деле *истинными* воителями Света? Кто может знать все теневые тона души? Жутко оглядываться назад. Все силы духа следует обратить вверх, в будущее. Надо быть готовым к великим переживаниям. Надо быть зорким каждое мгновение, чтобы отбить нападение врагов.

В субботу произошёл невиданный случай, чрезвычайно прискорбный. Я взял на себя ответственность за печатание «Мира Огненного», и на этот раз не был достаточно внимательным. Чтение первых корректур доверил Слётовой.

[1] Камера – государственное учреждение в Латвии, аналог министерства.

Она так часто меня просила, чтобы я дал ей какую-то работу для пользы Общества. Но она живёт очень далеко – в Анниньмуйже. Её муж, приезжая в Ригу на работу, иногда привозил корректуру в город и, если типография ещё не открыта, оставлял её в соседнем магазине (это предложил заведующий типографией Ст.). В субботу Слётов оставил 8-й лист корректуры вместе с рукописью (от 77-й по 89-ю стр.) в магазине. Но мальчик лавочника по ошибке бросил всё это в печь. Думал, что это прокламации, такой случай недавно был. Горько и грустно, особенно из-за рукописи, на ней правки – рукой Е.И. Надеюсь, что в самом тексте ошибки вряд ли были, ибо Слётова ещё раз перечитала текст и я сравнивал его с непроверенной рукописью, которая была прислана Стуре. Поначалу думал прекратить печатание этого листа, но всё же потом решил печатать, но корректуру отошлю в Индию. Если будут какие-то серьезные ошибки, можно будет в конце как-то исправить, часть листов перепечатать и т. д. Виноват и я, ибо хотел немного сэкономить время и разделить труд с кем-то другим. Но вторую корректуру я так или иначе подробно сравниваю с рукописью. И заведующий типографией хорошо читает корректуры. Это всё – мне хороший урок.

С другой стороны, в субботу меня ожидала приятная неожиданность. Газета «Сегодня вечером» поместила статью Судрабкална «Рерих и его приверженцы». Мне и Валковскому особенно понравилось, что Судрабкалн упомянул имя президента страны Квиесиса. И это – наперекор всем нашим недоброжелателям. Далее, в январе в газете «Для всех»[1] помещена статья А.Перова об Н.К. «Титан человеческого духа». И ещё – во втором номере «Буртниекс»[2] нежданно появилась моя статья об «Урусвати», которую подал туда год назад и совсем забыл. В теперешней обстановке общественного сознания каждая доброжелательная строчка в прессе о нас имеет большой вес.

Вчера в нашем Обществе был званый вечер, состоялся очень хороший концерт, на котором выступали Х. Страус, Матис, Марилюнс, Рекстынь. Затем Валковский читал о красоте и искусстве – композицию из своих мыслей, работы Клизовского и главы из моей книги о Николае Рерихе «Искусство – для всех». Эта композиция родилась за несколько дней, но получилось в конце концов хорошо. Я познакомился и с некоторыми новыми людьми – горящими сердцами.

В день моих именин[3] Мисинь собрал среди членов Общества пожертвования – деньги, чтобы я купил себе какую-нибудь любимую книгу. Разумеется, книгу куплю – такую, которую все члены Общества смогут читать.

11 февраля. Понедельник, вечером

Сегодня я опять получил от Е.И. *Дар:* кусочек ткани малинового цвета со Знаком – в круге чаша с пламенем, – о котором в русском издании «Криптограмм Востока» сказано:

«Когда пламя над чашей кольцом совьётся, тогда близко время Моё».

Это Знак, свидетельствующий, что приход Учителя воистину близок. Сердце пламенеет и ликует, но всё же грустит – готово ли оно встретить величайшее Чудо Света? И моя книга – как мало остаётся времени над ней трудиться! А когда берусь за работу, часто ощущаю такое непреодолимое давление. Какая тяжесть кругом! И всё же сердце пламенеет и ликует. Близок час Восхода. Близок Тот, к пыли у ног Которого я был бы счастлив прикоснуться...

Знак доверия, такой же, Е.И. велит передать ещё Валковскому и Элле. Элла вздыхает: «Разве я заслужила?» И я одарён столькими незаслуженными дарами.

Далее Е.И. спрашивает о Стуре и об Обществе. По намёкам некоторых членов она догадывается, что Стуре будто бы уходит из Общества. Неужели причиной тому всего лишь семейные обстоятельства? Она просит, чтобы кто-то из членов Совета ей рассказал, что же происходит на самом деле. Это будет наибольшим испытанием для моего чувства такта. Стуре ведь мой друг. Даже если буду писать самую объективную истину, мне всё же будет казаться, что я осуждаю Стуре. И я всё ещё думаю, что нам самим, человеческими руками и ногами, надо управиться со сложностями Общества. И к тому же Стуре уже исчез из поля сознания членов Общества. Раньше я неизменно сдерживал людей, которые хотели писать в Индию. Я старался защищать Стуре, хотя бы немного.

---

[1] Газета на русском языке.

[2] «Burtnieks» *(латыш.)* – «Кудесник», журнал.

[3] 7 февраля.

Но теперь всё кажется далёким прошлым. Настало время решиться. Е.И. беспокоится о нашей судьбе. Ей ведь надо знать всю истину. Но как же сказать эту истину так, как сказал бы сам Высочайший?

Е.И. пишет, что в скором времени вышлет рукопись «Общины». Наверное, для печатания. И наконец, говорит и несколько слов о Нью-Йоркском Музее. Ужас, что там происходит! Приложена и копия письма Шибаева Шкляверу.

Большую часть всего письма Е.И. занимают медицинские указания Гаральду. Он будет очень рад.

Вместе с письмом Е.И. я получил и приложенную копию письма Шибаева Шкляверу в связи с нью-йоркским бунтом. С каким жаром Шибаев выступает против тёмного нападения! Тёмные хитростью завладели благословеннейшей Святыней, опять пришло время очищения Храма.

Я получил рукопись книги Н.К. «Священный Дозор», эту книгу в Харбине задержала цензура.

17 февраля. Понедельник, вечером

Сегодня день величайшей ответственности. Я отослал в Индию своё труднейшее письмо. Письмо, в конце которого привожу строки о Стуре. Пытался я, насколько только возможно, быть объективным и тактичным. Что же мне делать? Пора сказать истину. Ибо истина горит под ногами. И всё же – так тяжко на сердце.

К письму приложил и рассказ Валковского о Стуре. Всё же я предварительно прочёл написанное Валковским, на некоторые места ему указал, но как же я смею править? Ответственность лежит на нём, на его личном переживании. Всё сказанное верно, хотя Валковский местами характеризует резче, нежели я. Быть может, так и лучше? Если вдуматься, действительно, пережитые душевные муки были огромными. Как терзались некоторые члены Общества, разрываясь душой между надлежащим требованием уважать Стуре и внутренней неспособностью к этому. Мисинь, Драудзинь были совсем больными. Такие периоды были и у Валковского, Аиды Виестур и у других. Главная беда Стуре, что он ни на йоту не пытается исправлять свой характер, но всё ещё винит членов Общества. Никогда не случалось такого, чтобы при встрече с ним он не чернил и не осуждал бы кого-то, даже лучших членов Общества. Разумеется, это – сложившийся характер. В глубине сердца он хорош. Но кому же воспитывать свой характер, как не руководителю?

21 февраля. Пятница

Буцен получил чудесное письмо от Е.И. о книге «Откровения» Иоанна, глава 12, о триаде человеческой сущности и т. д. Приложены страницы из новой книги Учения «Аум». Последние Валковский прочёл вчера на общем собрании. Вчера Валковский прочёл также письмо Н.К. к нему, которое он получил в качестве ответа на вопросы по поводу ожидаемой Камеры культуры. Под конец Мушинская прочла свой содержательный доклад о мысли, таким образом открывая цикл докладов, задуманных нами: мы предложили каждому члену Общества написать и огласить доклад на тему, наиболее его интересующую. В прошлый раз Драудзинь прочла доклад «Сотворение мира» – сводное изложение на основе «Чаши Востока» и «Тайной Доктрины». До того Валковский зачитал несколько глав на русском языке из книги о буддизме, изданной в 1926 году[1], затем записки Н.К. из дневника путешествия, письмо Е.И. о девочке, помнящей прошлую жизнь, новогоднее приветствие Н.К. Обществу и далее – статью Грамматчикова об Н.К.[2], Хейдока – «Пророки». Неописуемым было настроение у Рождественской ёлки, когда Драудзинь и Валковский читали <выдержки> из Учения, посвящённые Учителю, которые Валковский дополнил предсказаниями из следующей книги Учения. Затем вновь выдержки из писем Е.И. и статей Н.К. И ещё были сердечные откровения членов Общества на тему: «Что мне дало Учение». Такой была деятельность этой зимой по четвергам. Следует благодарить Валковского за то, что он неизменно поддерживал бодрость. И я теперь испытываю праздничное чувство, когда захожу в Общество.

[1] Книга Е.И. Рерих «Основы буддизма» была напечатана в Улан-Баторе в 1927 г. без указания имени автора.

[2] О Н.К. Рерихе // Рассвет. – Чикаго, 1936. – 7-8 янв.

Воскресенья у старшей группы по большей части прошли за чтением важнейших писем Е.И. к Буцену, Клизовскому, мне и Зильберсдорфу. Часто в изумлении я думал, как же нас одаряют ещё и ещё. Мы так привыкли ко всем высшим Дарам, что сами мало делаем. У нас есть теперь и все труды Н.К. в рукописи. Третью часть «Мира Огненного» уже на следующей неделе завершают. Вскоре нам пришлют и «Общину». Мы не в силах объять и усвоить всё громадное духовное величие. Я хотел бы бороться и реализовать в себе всё данное нам стократно. Но время так исковеркано. И память плохая. И, что наиболее заботит, мне в этом году гораздо труднее творчески трудиться по сравнению с февралём минувшего года. Очень часто странная усталость в движении моей мысли, особенно по утрам. Каждая вибрация столь быстро овладевает и возбуждает весь организм. Но такое – и с другими членами Общества.

Сегодня под руководством Буцена начали печатать Оригена «О Началах». Книга пришла из Хельсинки после долгих поисков.

24 февраля. Понедельник, утром

Вчера я был на собрании сотрудников «Даугавы», на квартире у Я.Раппы. Если раньше я испытывал духовное отчуждение, то теперь – вдвойне. Англичанин Метюс по-латышски докладывал о деятельности «Даугавы» в минувшем году. Симпатичный, светлый человек. Затем Я. Янсон – о хронике. Говоря о критике Веселиса о «Мыслителях и воителях», отметил, что таких нездоровых сущностей, интернационалистов следует выбросить из «Даугавы». Необходимо культивировать латышское и т. д. И Я. Розитис позже с желчью бросил недоброе слово о «Красоте духа». Разумеется, у меня это вызвало лишь улыбку. Жаль только, что сам я не был в состоянии говорить. Да и чем бы это помогло человеческому сознанию, которое стопроцентно признаёт только форму. Грин всё же верно в конце сказал, что нам не надо становиться духовными провинциалами, но следует смотреть шире. Однако и он – чисто формалист, хотя немного терпимее. Таков цвет нашей интеллигенции, носители культуры будущего. Под конец большая часть выступающих говорила в алкогольном угаре. Неоспорима одарённость Меденица и других в вопросах формы. Но что это даёт, когда не хватает духовной культуры, того, что может дать истинное служение человечеству. Были и такие, которые тайно шептали: возвращается эпоха народного периода, которая была во времена Лаутенбаха. Я хотел заметить: ещё хуже, возвращается средневековье, именно в духовном смысле. Чем помогут все реформы объединений, пропаганда искусства и культуры, если духовный небосвод вокруг нас становится всё уже?

26 февраля. Среда

Переворот в Японии. Бог весть, что произойдёт на свете! Неужели опять милитаристское безумие охватит мир? Неужто человечество ничему, ничему не научилось? Все государства так вооружаются, словно чувствуют себя на краю пропасти. У всех жуткое ощущение. Когда же человечество одумается? Когда же луч Света разбудит тьму сознания?

29 февраля. Суббота, вечером

За эти два дня опять столько пережито. Познаны новые тяжкие письмена судьбы. Элла вчера была у г-жи Виестур: она, Аида и Принцис раскрыли всё своё теперешнее трагическое состояние. Принцис действительно ныне стал странным, бесхарактерным человеком. Пять лет назад, когда я с ним познакомился, он был совсем другим. И Аида была в восторге от него, увлекалась им. В нём был опыт духа. Рассуждал о космической музыке. Ему присущи были и некоторые магнетические способности врачевания. Но сильного характера в нём и тогда не было. Всё, что начинает, ничего не заканчивает. В последнее время руководил магазином радио[1], но дело с ним не ладилось, и временно магазин закрыли. Принцис вёл себя в высшей мере наивно. Часто казалось, что он находится под каким-то психическим воздействием, ибо он совершал чрезвычайно необдуманные поступки. Так, у него собралась масса неоплаченных векселей. Теперь дело зашло так далеко, что его друзья и отец невесты, со слезами, оплачивают его векселя и, естественно, считают, что Принцис – нечестный.

[1] Магазин принадлежал семье Виестур.

Между прочим, Принцис одолжил у одной из членов нашего Общества крупную сумму под 30%! Это истинное ростовщичество, и такое, представить только, среди членов нашего Общества! В семье Виестур трагедия. Но это лишь одна сторона происходящего. Здесь опять якобы замешан Стуре. Принцис в последние месяцы почти не спит, из-за этого у него днём пропадает сообразительность. Притом у него по ночам, особенно в последнее время, в полусознательном состоянии было несколько астральных видений, будто бы на него нападал Стуре. Подобные видения были ранее и у Аиды, только в ином виде. Уже неоднократно Аида в связи со Стуре видела и пережила отрицательные воздействия. Наблюдалось, что при появлении Стуре в магазине (в том числе и молодого <Стуре>) и т. п. случались многие неудачи. Затем – поведение Стуре в Сигулде не было образцовым. Цухо его уже ненавидит и т.д. Всё это я записываю здесь для того, чтобы показать, что среди некоторых членов Общества всё ещё не утихает вопрос Стуре. И притом главное, что Принцис пережил страх смерти. В связи со всем этим и неудачами он сам не свой. Теперь, как спасение, сознательно или бессознательно, Виестур и Принцис начинают искать вину в Стуре и т.д. Воистину – великая загадка! Вчера мы с Валковским просидели у Виестур до поздней ночи, и они нам открыли свои сердца. Мы думаем, что эти видения, быть может, являются мыслеобразами Стуре, которые настолько сильны, что в сознании воспринимающего превращаются в полуастральные образы. Но, по крайней мере, сам Стуре в эти моменты такое не посылал. Быть может, что раньше, когда не владел своими импульсами. Ныне он думает только о своей второй половине, единственно о ней. Два раза в неделю ездит в Даугавпилс, свой истинный дом чувствует там.

Валковский вчера так воспылал, говорил захватывающе, как никогда. Он так быстро растёт. Всё лучше понимает Учение. И страдания одарили его высоким опытом жизни. Духовная отчуждённость между ним и женой многому его научила. Вчера он изрёк: людям на известной, высшей ступени развития посылаются для совместной жизни не ангелы-хранители, но силы противоборствующие, чтобы направить их вверх.

Валковский когда-то, около года назад, начал излишне углубляться в свои восторженные представления. Когда читал Учение, то ощущал, что всё в нём горит. И теперь он, как очень чувствительная натура, читая наиболее сердечные места, часто едва в силах сдержать слёзы. В то время у него начались странные проявления: тяжело заболел желудок, ходил к врачам. То опять-таки начинало звенеть в ушах, иногда от прикосновения к бумаге вспыхивали электрические искры и т. д. Нечаянно он об этом сообщил Стуре, и тот написал в Индию, наверное, и добавил, что здесь нечто связанное с психизмом. Но затем Валковский прочёл в Учении один параграф, как раз относящийся к его заболеванию, и внезапно всё как прояснилось: все проявления исчезли, как и не были. Он восстал против всего этого своей волей. В скором времени пришёл из Индии ответ со словами Учителя, что Валковскому в связи с психизмом советуется интенсивно предаваться труду. Конечно, Валковского всё это очень и очень огорчило. Ему виделось, что Стуре неверно информировал Е.И. Но ведь Е.И. отвечала ясно. Она упоминала об этом и мне. Уже миновал год, но чувствую, что и теперь в душе Валковского что-то щемит.

Мысль привлекает мысль. Буцен мне рассказал, что его Е.И. спрашивала относительно Стуре. Он и Клизовский недавно дали ей какой-то повод о многом догадаться. Она пишет, что просит меня ответить. Конечно, мне пришлось сказать, что я уже написал, хотя мы с Валковским держали это в секрете. Столь много и с такой болью я сам об этом думал! Сказать теперь ему это совершенно невозможно. Быть может, когда-то при случае. Но утаивать тоже тяжко. Не было бы этого конфликта, я уже давно бы написал. Но, быть может, истина пойдёт на пользу самому Стуре? Наши руководители ведь должны знать о нас всё.

1 марта. Воскресенье

Вчера мы собрались у Буцена в его доме. Кроме меня, присутствовали ещё Валковский и Клизовский. Чрезвычайно напряжённо прошли четыре часа.

Во-первых, мы обговорили вопрос о Стуре. Буцен много рассказывал о своих ощущениях, главным образом отрицательных. Конечно, Стуре теперь подаёт плохой пример не только членам Общества, он плохо представляет и Общество.

И всё же, способен ли Буцен совершенно объективно оценивать, он, у кого было мало непосредственных контактов со Стуре? Об этом сделал замечание и Валковский, который рассказал о своём последнем разговоре с ним. Не желаю здесь это пересказывать, ибо и так много упрёков. Конечно, оценить – ещё не значит упрекать, ведь надо знать, как себя вести, ибо нам следует быть в высшей степени начеку относительно благосостояния нашего Общества. И всё же больно слышать о Стуре только отрицательное. Куда же девался весь его светлый потенциал духа? Но что же делать, если он не стремится направить себя в гармоничное русло? Оттого в Обществе уже почти нет членов, которые бы его уважали. Это трагедия, и напрасно пытаться здесь что-то делать, если сам Стуре менее всего пытается. Действительно – великая загадка этот Стуре. Валковскому Стуре высказал немало недостойных слов. Поэтому настрой у нас – быть начеку. И странно, сегодня утром, после длительного перерыва, Стуре опять участвовал в нашей группе. Хотя он и утомлён, ведь большинство ночей проводит в поезде, но сдержан и высказал несколько светлых мыслей. Так всё сменяется, как кадры в киноленте.

Действительно, ради гармонии в Обществе следует избрать иного председателя, Стуре стал только вывеской. Ибо фактическим руководителем и председателем Общества является Валковский. Он ведёт все собрания по четвергам, он и в старшей группе читает письма и рассматривает предложения, в то время как Фрейман, которого Стуре назначил старшим в Совете и руководителем нашей группы, начальствует всего лишь формально, на обсуждение основ Учения по четвергам не ходит, реальными делами Общества мало интересуется. Учение, однако, понимает тонко, знает и «Тайную Доктрину».

Валковский уже ранее задумывался о смене председателя. В письме к Е.И. в связи с этим он упомянул мою кандидатуру. Ибо я будто бы человек со «словом» и «стажем» и т. д. Разумеется, я просил эти строки не посылать, ибо *Валковский* ныне – единственная кандидатура. Валковский растёт, и члены Общества его любят. На вчерашнем заседании Валковский неожиданно обратился ко всем с упомянутым предложением. Буцен и Клизовский поддержали. Мне тяжко было это слышать. Я решительно отказался. Как же я мог бы и смел бы взять на себя великую космическую ответственность, если я не способен живым словом воспитывать сознания членов Общества? Но чувствую, что, быть может, Буцен и Клизовский пока ещё не желают кандидатуры Валковского. Размышляю, куда же лучше всего направиться. Ведь наша цель – наиболее тесное, наиболее огненное взаимодействие. Я в последнее время с Валковским встречался весьма часто, многое, очень многое мы вместе обсуждали. Он ведь человек, который огнём сердца горит за Общество.

Так каждый день, каждый час несёт новую ответственность, новые переживания.

Сегодня нас посетили г-жа Алексеева с девочкой и чета Якобсон, её друзья. Они так основательно знают Учение. И тем не менее, несмотря на всё, такое странное щемящее чувство было в моём сердце, когда мы беседовали. Элла читала им некоторые общие места из писем. Быть может – это самость во мне? Сегодня я думал о легенде, приведённой Н.К. в брошюре о женщине, как Богоматерь открывает глубины своего сердца навстречу тем, мимо которых мы проходим. Так, Элла недавно съездила в гости к г-же Алексеевой. Она много, много перестрадала. Очень сожалела, что послушалась своего мужа и ушла из Общества, теперь приходится испытывать <действие> кармы. И муж от неё теперь духовно отошёл. Она когда-то желала вновь вступить в Общество. Стуре написал в Индию. Ответ был – можно будет тогда, когда будет позволение Учителя. И ещё в давнем письме Доктору было указание оставить в покое семью Алексеевых. Но, быть может, это было тогда. И главное – самого Алексеева. У его девочки теперь больше нет психических явлений, видения исчезли. И всё же как-то щемит сердце. Ибо всё следует провидеть, все концы и начала. И следует нести ответственность за всё. Что бы думала теперь Е.И., как нам следует ныне относиться к Алексеевым? Сердце моего друга ведь горит. И зачастую я склоняю голову. Но иногда у неё не хватает соизмеримости. Ибо нам надо учиться говорить по сознанию. Ибо надо научиться понять и реализовать наиболее необходимое в данный момент. Единственно Учитель видит и знает карму другого. Как же нам помогать так, чтобы, помогая, не мешать? Я жажду ясности.

6 марта. Пятница

Сегодня я отдал в цензуру третью часть «Мира Огненного».

14 марта

Я получил разрешение выпустить в свет «Мир Огненный». Управление духовных дел отдало на цензуру Веселису. Два экземпляра я отослал в Индию уже в прошлую субботу вместе с письмом Е.И.

15 марта. Воскресенье

Сегодня опять испытание. Я просил Буцена не писать в Индию о Стуре, пока мне не придёт письмо от Е.И. Сегодня Буцен дал мне прочесть копию своего вчерашнего письма. Оказывается, он всё же надумал и отослал его. С изумлением я читал, что Буцен пересказал разговор, который был у него 1 марта, в том числе и то, что выдвигали мою кандидатуру. У меня стало так тяжко на сердце. Ведь если писать, то совсем не так! И моя задача теперь поторопиться завтра или послезавтра с новым письмом в Индию, сказать и мотивировать шире о Валковском, ибо он уже фактически руководитель Общества. У меня нет ни <дара> речи, ни организаторских способностей. Как тяжко всё же писать и обдумывать, когда невозможно теперь сказать Стуре об этом! Хочу, однако, как-то выяснить его собственные мысли и отношение.

Вчера я получил письмо от Е.И., где подробно описано предательство в Нью-Йорке.

16 марта. Понедельник, поздно вечером

Я надеялся получить сегодня письмо – и дождался. Письмо было от Н.К. Сейчас Е.И. очень больна, и он отвечает вместо неё. Сколь чутко, спокойно, величественно, глубоко он пишет. Он говорит, что ныне следует избегать любых осложнений. Хорошо, что у нас есть комитет – правление, которое ведёт дела Общества. Если теперь и производить перевыборы правления, то всё же, в связи с теперешней обстановкой, было бы желательно избежать перемен. Ибо теперь Армагеддон во всех проявлениях всех масштабов. Поэтому надо быть столь осторожным с переменами. «Конечно, мы чуем все Ваши соображения, но и Вы так же, как и мы, отлично понимаете особые обстоятельства». Далее множество чудных слов о культуре, о терпении, о личной активности, о содружестве. «Тот же отбор ликов происходит не только в мировом плане, но и в двух планах». Враги теперь показывают свои истинные лица, так на всех планах.

В три часа пополудни я посетил Стуре, хотел поговорить о чём-то существенном, но говорили о пустяках. Стуре ночь не спал, ибо приехал из Даугавпилса. Так он не спит несколько ночей в неделю. Хотя обстановка сейчас очень тяжёлая, я всё же не смог сказать ему о письме. Я хотел только подготовить сознание. Между прочим, я сказал: «Не чувствуешь ли ты, что отчуждаешься от Общества?» Он ответил: «Я ведь передал все дела комиссии, пусть она покажет, на что способна». Да, столь тяжёл весь этот вопрос! Быть может, только по прошествии времени можно будет узреть, как надо было поступать, но тогда многое будет уже слишком поздно.

Затем мы несколько часов проговорили с Валковским. Он прочёл письмо Н.К. Я сказал: «Не следует ли его желание понимать как указ?» Тяжкая проблема. И фактически дело трудно. Если вновь выдвинуть кандидатуру Стуре перед правлением (согласно уставу, Стуре в этом году следует переизбрать), то его так или иначе не выберут, ибо большинство активных членов – его противники, остальные поступят так, как мы их настроим. Но надо ли нам брать на себя карму Стуре, когда он сам нисколько не пытался умножить уважение и авторитет среди членов Общества? Валковский определённо стоит на том, что председателем надо выбрать меня. По многим мотивам. Один таков – что Стуре на него «взъелся», и, если выберут Валковского, тогда он может стать врагом Общества. (И я так раньше думал.) Конечно, я отстаивал противоположную позицию. Ибо Валковский теперь и есть центр нашего Общества. Я об этом, как и упоминал, напишу Н.К. в качестве дополнения к письму Буцена. Но сегодня вечером я подумал, что надо бы завтра созвать побольше членов Общества на совещание. И всё же, не следует ли учесть замечания Н.К.?

И как их понимать и применять? И мой друг тоже так предлагает. Сердце женщины в последнее мгновение зачастую подаёт наиболее верный ответ. И я это чувствую. Но эта проблема так осложняется. Есть моменты в жизни, великие моменты, когда следует мыслить и решать быстро и определённо. Нередко приходится решаться на долгое время.

17 марта. Вторник, перед полуночью

Единственно Твоя Воля да будет над жизнью моей, над моей душой и духом, не моя! Твоей Священнейшей Воле отдаю своё сердце.

20 марта. Пятница, утром

Сердце все эти дни так ноет. И физически. Ночами просыпаюсь и борюсь с токами. Где же истинное решение? Где же путь золотой середины?

Во вторник вечером к Драудзинь мы пригласили десять наиболее активных членов Общества, чтобы ознакомить их с письмом Н.К. Во-первых, уже потому, что на выборах они бы голосовали против Стуре.

Перед совещанием Валковский зачитал введение к книге «Община», которая только что была прислана мне. Это великая книга красоты практической жизни, евангелие дружбы и сотрудничества, какая радость была прикоснуться к этим священным страницам!

«Путник-друг, пойдём вместе. Ночь близка, звери кругом, и огонь костра может потухнуть. Но если мы согласимся разделить дозор ночи, мы сохраним силы.

Завтра наш путь долог и мы можем истомиться. Пойдём вместе. У нас будет праздник и радость. Спою тебе песню твоей матери и жены и сестры. Ты же скажешь предание отца о герое и подвиге; будет наш путь общим».

На сердце лежала тяжесть. Тогда прочли письмо Н.К. Все согласились, что надо следовать указаниям Н.К. С Гор дальше видно. Опасаются, как бы перемены в правлении не внесли осложнений в жизнь Общества. Ведь теперь пространство звучит раскатами сражений.

Но затем начали говорить. Первым – Буцен, потом Валковский. Буцен оценивал сегодняшний разговор со Стуре, что он опять презрительно выражался о членах Общества. Валковский повторил многие факты, которые он упоминал на совещании у Буцена. Со Стуре невозможно сотрудничать, это ощущает каждый член Общества. Его поведение производит именно дезорганизующее влияние на психику членов Общества. Если Стуре заново изберут главой Общества, то будет ещё хорошо, если продолжится так, как теперь. Но если он опять начнёт посещать собрания, то опять без конца будут возникать конфликты. Всё правильно, что Н.К. пишет. Но он ведь не видит наших специфических условий. Он, быть может, боится раскола, в случае, если не изберут Стуре. Раскола быть не может, ибо теперь все члены Общества сплочены вокруг центра, как редко когда. Можно было бы бояться, что Стуре обидится, если его больше не изберут. Но в качестве главы Общества он ещё больше может компрометировать Общество, нежели вне его. Необходимо писать в Индию, что мы согласны переносить все трудности, пусть только разрешат, чтобы Стуре не был больше руководителем Общества. И другие члены Общества выразили согласие с этим и, наконец, просили Буцена, Валковского и меня снова написать в Индию.

Сердце болело. Где же защитники Стуре? Кому же идти против сердец всех членов Общества? Сердец, долго таивших боль. Я замолвил несколько слов.

В конце опять говорили о моей кандидатуре. Буцен упомянул, что он уже писал в Индию. Как было тяжко! Как я могу взять на себя то, чего я не достоин и не способен? Я боролся против. И мой друг меня поддержала. Как может быть во главе Общества человек, который не разговаривает? Буцен снова упомянул Моисея и Аарона.[1] Но Моисей был сыном Бога. Доброе сердце Валковского воссияло и казалось мне родным. Тайно надеюсь ещё на какой-то согласительный синтез.

Теперь думаю о письме, ещё более трудном, чем предыдущее. Писать буду кратко, ибо я не способен говорить об ошибках, не упоминая о положительном. Радуюсь, что Буцен вроде бы сожалеет о резкости своего прошлого письма. Будет писать «нежнее и поэтичнее».

[1] Согласно Библии, Моисей был «косноязычен», тогда Господь повелел, чтобы брат Моисея, Аарон, «был его устами» (см. Исход 4. 10-16).

Я просил и Валковского не забыть о хорошем. Мы ответственны не только за Общество, но отчасти и за Стуре, И главное – мы ответственны за истину.

Вчера в Обществе Валковский сообщил радостную весть о выходе третьей части «Мира Огненного». Прочёл некоторые места. Мы послали благодарность Владыке. Затем Валковский поведал о рукописи «Общины». Зачитал введение. Под конец познакомили ближе с фактами предательства в Нью-Йоркском Музее, чтобы члены Общества поняли великое современное напряжение Армагеддона. После этого Аида Виестур прочла доклад – выдержки из Учения о предательстве. В прошлый раз она читала о мысли.

21 марта. Суббота, вечером

Вчера поздно вечером я съездил к Стуре, чтобы наконец поговорить по душам. Я столько раз пытался завести с ним разговор о его взаимоотношениях с Обществом, но трудно было начать. Многое теперь мне стало яснее. Я понял, что его напряжённые отношения с членами Общества капля за каплей огорчили его. Отчасти из-за этих несогласий, как он признался мне, он и передал руководство коллегии, ибо «не хотел сидеть за одним столом и ощущать противодействие». Он не хотел влиять своей волей на членов Общества, но хотел, чтобы они в комиссии показали себя в качестве руководителей. Поэтому он пока чувствует себя вынужденным устраниться, чтобы переждать. Взамен Общества он обрёл семью. Ей он отдаётся как дитя. Мечтает о рождении наиболее возвышенного Человека. Два раза в неделю ездит в Даугавпилс, по ночам мало спит, советов, разумеется, не слушает. Так будет ездить, пока жене надо будет работать в школе. Далее – в этом конфликте виноват его необщительный характер, который раньше или позже отталкивает от него. Вчера мне опять пришлось защищать некоторых членов Общества, именно женщин, и как раз тех, которые мне кажутся людьми золотого сердца. Разве это по-человечески – так мыслить и оскорблять в мыслях? Оттого и весь этот бунт против него, особенно в сердцах женщин. Отсюда было так мало сотрудничества. Однако чувствую, что широкий разум Стуре был бы очень необходим Обществу, если бы только он *сам* хоть немного больше пытался создать гармоничные отношения с членами Общества и отдать свои способности на благо его. Воистину, так много угловатостей и загадок в его характере.

Уже несколько дней я мучаюсь с письмом к Н.К. Каждый день заново переписываю. Сегодня я уже решил закончить и вместе с Валковским отослать, когда пришло новое неожиданное счастье – письмо Е.И. Ей стало несколько легче с её болезнью – и уже торопится писать мне. Её слова мне казались словами истинно ангельского существа. В этом – всё сердце женственности. Вот что она пишет как ответ на моё и Валковского письмо:

«Родной Рихард Яковлевич, последние дни я немного окрепла и спешу послать Вам весточку. Ваше письмо от 15 февраля, конечно, нашло полный отклик в сердце. Понимаю, как тяжка, как незаменима утрата огненного сердца нашего Феликса Денисовича. Помните, я писала Вам, что считаю Вас духовным наследником Феликса Денисовича, так и продолжаю. Но раз сам Феликс Денисович указал на Карла Ивановича как на своего заместителя, то Общество поступило правильно, избрав его. Он очень старался, но натура его иная». Далее, Стуре писал, что он погрузился в личное счастье, упоминал несколько отличнейших членов Общества. Е.И. поняла, что Стуре пока воздержится от внутренней деятельности Общества. Быть может, так и лучше, ибо в связи с современной битвой нежелательно, чтобы в общественных кругах распространились слухи о каком-то расколе. И в письмах Иогансон она не ощутила твёрдости и ответственности. «Так, родной Рихард Яковлевич, действуйте так, *как Вам подскажет сердце.* Посылаю Вам семь Знаков, передайте их тем, кому думаете. Знак есть особое доверие, означающее, что Владыка признаёт их достойными быть воинами, сражающимися в рядах Легионов Света. Также укажите им на слова в "Криптограммах". Буцену, Зильберсдорфу и Клизовскому я перешлю эти знаки в моих письмах к ним, ибо боюсь утяжелить письмо таким количеством. Должна также сказать Вам, что День Владыки мы празднуем 24-го Марта. Это число полно глубокого эзотерического значения. Число это близко ко дню ухода нашего незабвенного Феликса Денисовича. Как и в прошлом году, прошу Вас, родной Рихард Яковлевич, положить к портрету Феликса Денисовича и мой цветок... Может быть, оттуда позаимствуете на покупку фризий и ко Дню Владыки... Так, родные наши, не бойтесь ничего.

Пусть девиз Ваш будет: "Не убоимся!" Ничто и никто не тронет того, кто в сердце своём носит Великое Изображение. Но битва, испытание и преодоление опасностей необходимы для восхождения на следующую ступень. Мы это знаем и потому сражаемся мечом духа. Трудности в жизни неизбежны, но когда мы знаем, Чей Щит над нами, то все они обращаются в достижения... Перед отсылкою этого письма ещё раз прочла Ваше письмо и письмо Карла Оттоновича и должна сказать, что остро почувствовала голод и скорбь сердец Ваших и потому спешу оговориться – ни в коем случае мы не хотим идти против желания членов Общества и, конечно, не будем настаивать на переизбрании Карла Ивановича. Впрочем, может быть, сам он снимет свою кандидатуру? А может быть, возьмёт отпуск на год?..» И ещё чудные слова о Валковском, об Элле.

Как я напереживался! Письмо Н.К. я ещё так и не отослал, придётся опять что-то менять. Так бывает, когда не отправишь немедля. Теперь, в столь динамичное время, каждый день может внести решительные перемены.

22 марта. Воскресенье, вечером

Вчера мы с Валковским договорились, кому вручить Знаки Доверия. Валковский, я и Элла уже получили. Клизовскому, Буцену и Зильберсдорфу отошлют отдельно. Потому мы шесть Знаков разделим между такими членами Общества: Фрейман, Вайчулёнис, Залькалн, Драудзинь, Лицис и О. Мисинь. Наконец, остался один Знак. Можно было бы дать Аиде Виестур, как весьма активной. Но есть ещё <достойные> в старшей группе, среди первых членов Общества. Поэтому мы решили доверить жребию выбрать между Слётовой, Фрицберг и Аидой. И чудесно, что выпало именно последней. Фактически она наиболее цельная и устремлённая. И сегодня мы раньше закончили <занятия> со старшей группой, чтобы собраться вместе тем, кто имеет отношение к Знаку. Зачитали из «Криптограмм» о Камне, также из писем Е.И. Все были в приподнятом духе. Когда я раздал Знаки, во многих глазах были слёзы. Г-жа Лицис расплакалась и сказала, что она чувствует себя недостойной получить этот Знак особого доверия. Чувствую, что этого мгновения многие долго, долго не забудут.

25 марта. Среда, утром

Вчера мы отмечали День Владыки. Прошло в чудесном настрое. Было так много цветов. Гаральд принёс куст сирени и розы. <Принесли> и другие. Возложил я и фризии от Е.И. Присутствовал Стуре, который открыл заседание и позже произнёс речь о воплощении Учения в жизни, что не следует погрязать в аскетизме. Драудзинь прочла молитвы. Валковский подготовился сказать нечто пространное, но Стуре перебил его. Он только зачитал несколько параграфов из «Иерархии». Затем Рекстынь-Лицис прочла стихотворение, которое я вчера написал; увы, в спешке перепутала страницы. Далее Аида зачитала своё посвящение. Г-жа Ренц выступила по-русски. Наконец, Валковский прочёл труд Клизовского о ступенях богопознания, который он в минувшее Рождество отослал в Каунас. В завершение Аида сыграла повествование о Граале <из «Парсифаля»>. Чувство великой торжественности сопровождало нас всю дорогу домой.

Вчера в Обществе мы получили сброшюрованную третью часть «Мира Огненного» и книгу Зильберсдорфа[1].

Сегодня я наконец сдал в типографию Армейского ведомства печатать «Общину». Я долго колебался, в которую печатню отдавать. Конечно, лучшая традиция в предыдущей печатне, но хотелось иного шрифта. Здесь всё же больше риска.

29 марта. Воскресенье

Вчера был день памяти Доктора. Никогда ещё не было вечера, столь богатого вокальной музыкой. Были и краткие посвящения-воспоминания от Валковского, Лицис, Драудзинь, Ренца и г-жи Силинь. Этот праздник – испытание огня нашего духа. Он заставляет нас призадуматься, стремимся ли мы подражать Доктору в его огненном пути? Воплощаем ли мы Учение в жизни? Горит ли воистину наше сердце так, чтобы мы были достойны доверия Носителя Великого Огня Красоты?

[1] «Воспитание духа».

Со времени собрания у Драудзинь, 17 марта, меня всё время одолевала чрезвычайная усталость, напряжение, так, что приходилось следить за бодростью сознания, чтобы не захлёстывали токи хаоса. Но верю, что опять буду звучать в высшем равновесии Света. Насколько бы ни были тяжки эти месяцы, насколько бы ни был тяжек фимиам Армагеддона, в глубине существа живёт несокрушимая вера. Великая Победа приближается. Что же может угрожать нам, если над нами как солнце солнц – Лик Владыки?

Длинное письмо Н.К. и Е.И. я отослал только 27-го. Как много размышлял я над каждой строчкой! Ибо действительно, это труднейшее письмо моей жизни. Это была весть моей наибольшей ответственности. Хотя я письмо Н.К. многократно переписывал, однако написал и о своих мыслях относительно Валковского и себя. Теперь ведь жизнью Общества активно руководит «нуклеус», ядро, и это – лучший выход. Чувствую, что ответ даст и развязку. Было бы у меня больше физических сил, чтобы моё сердце всегда было бодрым. Знаю, что сердце творит и оболочку, ибо дух трансмутирует всё. Но теперь такое ощущение, что я осмеливаюсь на слишком великое дерзновение. Е.И. я написал о раздаче Знаков Доверия и коротко характеризовал всех участников старшей группы. Знал, какую великую ответственность я на себя беру. Но всё же чувствую, что Е.И. будет рада этому, какими бы у меня эти характеристики ни получились. Ибо в сердце своём она так сильно интересуется нашим Обществом и его членами.

11 апреля. Воскресенье

Я отослал в Индию небольшую статью Судрабкална из «Сегодня вечером» о движении Рериха в Латвии. Недавно отослал Шибаеву статью Судрабкална «Нашёлся читатель серьёзной книги». Эта статья была принята всеми восторженно. И сегодня я получил письмо Шибаева со вложенной статьёй Н.К. – посвященной упомянутой статье Судрабкална. Кроме того, и открытку с приветствием Судрабкалну. Нам, в свою очередь, эта статья принесла большую, большую радость. Попрошу завтра Валковского перепечатать на машинке, и затем передам оригинал Судрабкалну. Надеюсь, что и он испытает великий и светлый импульс. Мне он недавно признался, что «оккультного мира», которым я занимаюсь и о котором я ему толковал и научно обосновывал, он не отрицает, что всё это интересно, но сам он ещё не обрёл импульса этим интересоваться.

16 апреля. Четверг, утром

Столь много знаков доброжелательства, столь много даров я получил из Индии! Был ли я достоин получить всё это? Сердце у меня горит, но внешне я так мало ещё способен делать на пользу Общества. Но и у многих других сердце пылает. Как горит Валковский! Сколь много чудных людей среди активных членов Общества, чистых, преданных сердец. Мне кажется, что, пока я ещё полностью не способен владеть своей оболочкой, превратить её в орудие служения Обществу, до тех пор я всё же мало могу дать Обществу. И не скрою, что в последний месяц были моменты громадного напряжения и усталости. Временами столь трудно сражаться с окружающими волнами хаоса. Так трудно концентрировать мысль. Так сроду не было. Подобное и у других, но только иначе.

4 апреля я получил новое письмо Е.И., где она пишет, что шлёт для печати книгу Н.К. «Врата в Будущее». Рекомендует учредить ещё издательство «Агни». Говорит, что в день памяти Доктора будет читать присланные нами доклады о Докторе и в духе объединится с нами. Затем ещё одно предложение: «Прилагаю Вам ещё три Знака, хочу, чтобы эти три были у Вас, Вашей супруги и у Карла Оттоновича». Поначалу я был хоть и радостно, но изумлён, что мне шлют Знаки вторично. Но позже я понял, каково значение именно этих Знаков, особенно когда прочёл один параграф из «Сердца».

20 апреля. Четверг, утром

16 апреля я получил новую чудесную весть от Е.И. Я писал ей о своих предчувствиях и мыслях относительно Знака, о Чаше Подвига, об АУМ – Космическом Первичном Созвучии, вибрации, спрашивал и о Христе, об Урусвати и – получил ответы. Наконец, говоря о Стуре, я упомянул, что он одного нашего члена Общества называет психистом из-за того, что у него появляются слёзы при чтении захватывающих мест в Учении и в письмах.

Я спрашивал потому, что этот член Общества, Валковский (его имя я не упоминал), очень много натерпелся от упрёков Стуре, что стало известно также членам Общества. Разумеется, я не верил, что здесь психизм, но, чтобы поддержать Валковского, я хотел знать мысли Е.И. Если что-то в Валковском и было, то это, как я уже писал, Валковский давно преодолел. И пришёл прекрасный ответ: этот внутренний восторг является большой ценностью, и его следует хранить, как священный огонь. Е.И. почуяла, что речь идёт о Валковском. В конце письма я отметил благородный рост духа Валковского. Подобные моменты восторга когда-то часто были у самой Е.И., но Учитель её предупредил, чтобы не забывала о грядущей битве. В завершение опять слова для Гаральда, слова, которые меня захватили глубоко, глубоко: Учитель говорит, что Гаральд лечит больше психической энергией, нежели медикаментами. Мы чувствуем, что Гаральд станет истинным сыном своего отца. Он очень импульсивен, пылок, желает всё очень быстро достичь, познать, изучить. Притом у него болезнь сердца, ему следует остерегаться. У него было несколько случаев чудесного исцеления. Изумляться следует его смелости. Весьма тяжка его жизнь в семье. Его жена – адвентистка, решительно против его приверженности к Учению. Вечные упрёки. Людей из Общества она избегает. Если что-то упоминается об Учении, то сразу плачет. Поговаривает даже о разводе. У них чудный трёхмесячный ребёнок. Но у меня такое чувство, что и его жена когда-то признает путь мужа и присоединится к нему. Ибо, если она истинно любит Христа, неужели она, обретя светлое озарение, была бы способна не любить и Того, Кого Христос признаёт своим Братом?

С печатанием «Общины» сильно не везёт. Я отдал в Армейскую печатню, но в итоге оказалось, что при наборе здесь путали новые буквы со старыми и текст получился пёстрым. Набрали уже четыре листа. Положение неприятное, особенно из-за того, что управляющий печатными делами столь нелюбезен. Я уже с рукописью хотел уходить, возместив затраты, когда наконец согласились напечатать новыми буквами. Очень жаль, что работа затянется. Ведь следовало напечатать очень спешно.

Я получил от Н.К. его труд «Врата в Будущее», отдал его в ту же типографию, где печатали «Мир Огненный» и другие книги, и где я чувствую себя как дома. Отдал сюда с условием, что они приобретут новые буквы.

23 апреля. Утром

Когда-то я познакомился с одним человеком – Иаковом Калнинем, который видит ауры. Вчера он пришёл ко мне в гости. Тридцать лет он прожил в Америке. Долгие годы – на побережье Тихого океана, в одиночестве, и в Канзасе. Имел много приключений и переживаний. В Америке ауры в среднем намного светлее, чем в Европе, даже чем в Риге. В Калифорнии будто бы воплощается новая раса, много ясновидящих и обладающих другими способностями. Все они заняты благонамеренным, культурным трудом. Он сам был близок ордену американских розенкрейцеров, там почерпнул свои знания. Зато американских масонов оценивает весьма низко. Он – простой человек, механик. Это видение аур и великая чувствительность гонит его по свету. Сожалеет, что приехал в Латвию. Недавно он работал на какой-то рижской фабрике, там были люди с серо-красными аурами, было невыносимо. Теперь он поедет в Калкуны. Я рекомендовал ему связаться с Зильберсдорфом в Даугавпилсе. Когда он посетил нас в Обществе и не был утомлённым, он видел и мою ауру: темновато-синюю (темновата из-за грусти), за плечами жёлтая.

26 апреля. Воскресенье

Когда сегодня утром мы направились в Общество, у меня перед глазами вдруг пролетел целый рой чёрных точек. Подумал: быть может, опасность? И затем наступили мысленные натиски. Вскоре я был как бы сломлен, болела голова. И в Обществе было так трудно сосредоточиться. Такое со мной в последний месяц случается часто. Сегодня в старшей группе Валковский докладывал о выборах в следующий вторник. О них уже так много думали, говорили и обсуждали. Прочёл прежнее письмо Н.К., то, где упоминалось, что в современных условиях не рекомендуется осложнять обстановку и лучше оставить всё по-старому. Далее – вчера и позавчера я получил новые письма Н.К. В письме от 9 апреля он опять пишет: «Вы... понимаете, что во время битвы нельзя осложнять положение.

Словом, мы уверены, что Вы делаете так, как лучше. Ведь доверие и выражается именно в уверенности, что, если друг что-либо делает, он поступает именно так, как нужно по обстоятельствам». Там же упоминается, что Знак выслан и для Стуре, и что ему сказано, кому этот Знак выслан. В предыдущем письме Е.И. ещё сомневалась насчёт отсылки. В письме от 13 апреля Н.К. пишет о том, что получил посланный нами альбом, о бдительности друзей в Нью-Йорке, о защите добра трудом.

В старшей группе обсуждали состав правления. Я уже как бы привык, что Валковский и Буцен постоянно упоминают мою кандидатуру на пост председателя, хотя сердце очень ноет, хотелось бы видеть Валковского на этом посту! Между прочим, аргумент Валковского, что об этом писала в своём письме сама Е.И. Сердце болит о великой ответственности. Я согласен отдать всё, всё, всё. Но разве я не буду вредить Обществу, если не умею и не способен говорить? И главное – не слишком ли слабо моё теперешнее состояние нервов, чтобы брать на себя великую ответственность за громадную битву? Напряжение растёт с каждым днём. Я ведь согласен браться за всё, если только я буду пригодным, если только я буду в силах, воистину, служить, но не вносить хотя бы малейшее затруднение или диссонанс. Но я ещё внутренне как-то ожидаю, до вторника, какой-то новой чудесной развязки. Однако разве всё не должно происходить человеческими руками и ногами – нашими, жителей этого плана?

28 апреля. Вторник, 6 часов вечера

Уже через 2-3 часа должна решиться судьба Общества. Как тяжело на сердце! И для чего всё это было нужно?! Отчего Стуре не мог подойти к Валковскому, Аиде Виестур, Мисинь и к другим, как к ближайшим друзьям и братьям, кротко поцеловать их в лоб и промолвить: «Вы – мои братья и сестры, не будем помнить зла, давайте работать все совместно плечом к плечу, все по своим возможностям и по желаниям»? А теперь – такая тяжесть! Вчера мы вчетвером (Валковский, Буцен, Клизовский и я) были у Стуре. Вскоре начались споры между Валковским и Стуре. Стуре в резкой форме нападал на Валковского, что тот не пригласил в комиссию других членов Общества. Но Фрейман отказался. Все решения обсуждались со старшей группой. В понимании Стуре комиссии не существовало. Я сказал, что цель всех нас – служение. Валковский больше всех служил, за что следует его благодарить, а не упрекать, он поддерживал высокую бодрость в Обществе в то время, когда все его руководители дезертировали. Расскажу позже. Я ждал, ждал ещё вчера, сегодня письма из Индии. Что бы она сказала? Но ведь правда – всё руками и ногами человеческими. Наши руководители достаточно писали и предупреждали. Настало время нам самим решиться.

Учитель, прояви Волю свою! Да будет Решение Твоё, не моё, не наше! Сердце моё молит об этом денно и нощно. Суметь бы нам поступить так, чтобы исполнить Волю Твою!

28 апреля. Половина одиннадцатого вечера

Осквернён наш Священный Храм. Потоки тьмы хаоса ворвались в него, захватили чувства членов Общества. Столь трудного дня в Обществе ещё не было. Сегодня должно было состояться общее собрание членов Общества. Я, Валковский и Буцен находились в библиотечной комнате, когда туда вошёл Стуре и твёрдым голосом сказал: «Собрание сегодня вечером созвано незаконно. Оно должно собраться 10 мая. Если вы сегодня проведёте собрание, я обращусь к иной власти». Тотчас же начался острый спор с Валковским. Последний сказал: «Ты пойдёшь жаловаться в полицию, иди, это ты умеешь» и т. д. Я сказал: «У нас нет иного закона, кроме Иерархии и указаний Е.И.». В зале собралось 20 активных членов, значит – большинство, и несколько младших членов. К сожалению, возбуждение охватило и зал. Стуре пошёл официально объявить, что собрание отменяется. Тут же вскочили на ноги несколько членов Общества и протестовали. Жаль, что в острой перепалке со Стуре, кроме Валковского, участвовала Аида, не сдержался и Гаральд. Стуре упрекал, что тут действуют за спиной, пишут на него, принимают решения без его ведома. Жаль, что никто не сообразил ответить Стуре именно по данному упрёку, ибо к Стуре мы многократно ходили и предупреждали его, но он всегда избегал не только ответить, но зачастую – и выслушать нас.

Во-вторых, в Индии сами считали эти дела конфиденциальными (конечно, Стуре об этом сказать было нельзя). В-третьих, относительно Стуре мы совещались и решали большинством активных членов Общества. В-четвёртых, о собрании и кандидатурах обсуждали и в старшей группе, и ожидали, что Стуре придёт. Ведь главное, сея недоверие к другим, он пробуждал во многих членах определённое недоверие и к себе; все отрицательные представления, которыми он облекал некоторых членов Общества, начали относить к нему самому. Зная его горделивую натуру, нам приходилось раз-другой подходить к нему по его сознанию, чтобы не превратить в своего врага. Такой психологический подход я видел и в письмах Е.И. к Стуре. Для меня лично наибольшим мучением была невозможность открыть Стуре, что мы пишем в Индию и нас спрашивают о нём. Но я теперь сожалею, что <сказал>, ибо пусть лучше он злится на нас, чем на Индию. Я позавчера ему раскрыл, что мы писали в Индию, но ответ был, что мы сами должны с этим справиться. Сожалею, что не поведал совет Е.И.: будет лучше, если сам Стуре снимет свою кандидатуру. Ибо он же ясно понимает, что его ни за что не изберут. Зачем он хочет навязать членам Общества свою власть? Если на этом собрании ещё какой-то случайный голос мог бы быть за него, то на следующем – ни одного, кроме его сына. Слышались реплики, что он из-за своего сына отложил собрание, чтобы тот в воскресенье мог приехать в Ригу.

Конечно, с формальной точки зрения Стуре мог оспорить законность собрания, ибо правление созвало собрание без участия председателя или его помощника (г-жа Иогансон недавно отказалась от своего поста). Теперь <правление> решило выполнить самые мельчайшие формальности, чтобы Стуре не мог придраться – даже объявить в двух газетах повестку дня, хотя это требует больших расходов и т. д. Стуре оспорил и зачисление в активные члены новых людей, которых мы недавно приняли: Лукина, г-жи Ренкуль, Зильберсдорфа, но Валковский обещает получить подпись г-жи Иогансон, так что с этим делом будет улажено и без Стуре. Вот какой битве надо было случиться в нашем священном месте! Здесь выявилась гордыня, и ничто иное. Я сказал Стуре: «Завет Христа – если кто хочет властвовать, то ему надо умывать ноги своих ближних, ему следует быть кротким». У меня тяжко на душе, и я упрекаю себя в том, что не сообразил и не воспрепятствовал тому, чтобы конфликт перекинулся в зал. Некоторые молодые члены Общества были в недоумении, ибо мы, конечно, о Стуре говорили только хорошее. Им даже казалось, что, быть может, истина на стороне Стуре. И очень жаль, что Валковский возбудился так же, как и позавчера.

Затем, я совершенно не понимаю того, почему Стуре хотел насильно воспрепятствовать протоколированию этого собрания. Если этого не сделать и собрание отложить на более поздний срок, наше Общество могли бы упрекнуть, ибо, согласно уставу, годовое собрание положено созывать до 1 мая.

Наконец, стихии несколько утихли, когда Стуре покинул зал. Позже мы совместно написали прошение в префектуру – разрешить в эту пятницу созвать заседание правления, в котором будет участвовать и Стуре. Чего Стуре хочет достичь? Он, видимо, считает нас заговорщиками. Но пусть он прислушается к сердцам членов Общества.

Я ещё до вчерашнего дня надеялся на сотрудничество со Стуре. Позавчера мы ходили к Стуре, чтобы он высказал своё мнение, хочет ли он вернуться в Общество и работать с нами? К сожалению, Валковский весьма скоро разгорячился и поставил этот вопрос в резковатой форме. Валковский не очень старается подойти к Стуре по сознанию, и таким образом осложняет дело.

Неприятной была и вчерашняя нервная вспышка Аиды. Она настолько настрадалась из-за Стуре, что его образ стал для неё почти психозом, вопросом самой жизни. Неизменно столь спокойная, вчера она часто вскакивала на ноги, бледная, и вмешивалась. Наконец, избрали Буцена председателем собрания. Он вёл спокойно и корректно. Протоколировали перенесение собрания.

У нас такое чувство, что вчера, возможно, исполнилась часть из предупреждения Учителя: «Будут покушения». Я не хочу подразумевать здесь кого-то лично.

Через членов Общества проявилось покушение тёмных сил, взволновавших их сознания до стихийного состояния.

1 мая. Пятница, утром

Стуре, однако, кое-чего добился из того, чего хотел: заронил в сердца младших членов Общества несогласие. Активные члены хорошо знают обстоятельства происходящего, ибо сами несколько лет совместно сражались. Но младшие члены Общества ничего не знают. И им показалось, что здесь борются две стороны, вернее сказать, Стуре с Валковским, и что истина будто бы на стороне Стуре, ибо тот был спокойнее, в то время как у второй стороны наблюдалось великое возбуждение. Да, истинно, те, кто раздражался на Стуре, сильно навредили престижу Общества. Как же это исправить? Ведь невозможно членам Общества всё рассказать, это было бы агитацией против Стуре. И я Валковскому сказал, что он навредил Обществу своим нервным возбуждением, особенно у него дома. Надо ведь по-доброму, это высший закон. Между прочим, когда Стуре спросил: «Члены Общества считают меня тёмным, неужели и вы тоже?», Валковский резко ответил: «Да, я тебя таким считаю, потому что ты меня признаёшь психистом». Очень жаль, что здесь выявляется и нечто от личной обиды. Также и в Обществе кричали те, кого Стуре тяжко ущемил. Но это совсем не в духе Учения. Об этом каждый прекрасно знает. Но я виноват, что в зале ничего не сказал. У меня нет огорчения, только бесконечная тяжесть на душе. Да, надо было всё заранее предвидеть. Надо было больше вдохновить Валковского быть спокойным. Инициатива всего этого переизбрания была в руках Валковского. Он всеми силами желал добиться, чтобы Стуре сместили. Я ещё надеялся на взаимодействие. Однако в тот день, когда мы пошли к Стуре, и он признавал, что надо попытаться призвать Стуре к сотрудничеству. В таком духе он и говорил со Стуре, но слишком резко. Это, разумеется, навредило. В тот вечер Стуре промолчал, но на второй день отомстил. Допустим, что всё было бы спокойно, но если бы Стуре ушёл и избрали другого председателя, и избранным оказался Валковский, то тогда ведь думали бы, что он воевал ради себя. Ему всё ещё не хватает уравновешенности и такта, хотя он сильно прогрессировал со времён Доктора. Если изберут меня, то, учитывая, что я не говорю и вся инициатива, как и прежде, останется в руках Валковского, я должен буду нести ответственность и за него. В силах ли я всё предвидеть? Конечно, я доверяю ему. Я надеюсь и верю, что единственно наше взаимодействие принесёт всё наилучшее, ибо Клизовский несколько обижен на Валковского, что тот не приглашал его на заседания комиссии (которой в истинном значении слова не было), на которых Буцен тоже критиковал Валковского. Если придёт новый председатель, ему придётся всё это положение обновить, выправить, всех примирить, сдружить в жизненной, весьма активной, братской кооперации.

2 мая. Суббота, вечером

Как больно всё! Моя истинная радость была в Обществе. Нет больше радости. Какая-то грязная тень закралась в Общество. Главная тяжесть – стыд за невладение собою. Как члены Общества могли так поступить! Тем, кто несёт ответственность, необходимо всё предчувствовать и предвидеть. И мне. Теперь многое уже слишком поздно. Меня не оставляет убеждение, что надо было повернуть так, чтобы было возможно сотрудничество со Стуре. Но теперь члены Общества ещё больше против него.

Вчера в девять часов состоялось заседание правления, которого требовал Валковский. Пришла и г-жа Иогансон, которая год не появлялась, значит, правление было в полном составе. Все были спокойны и вежливы. Какая-то грусть была в Стуре.

Кто же может знать, что у него на душе? Заседание ничего не обсуждало. Приняло Зильберсдорфа в активные члены. Всем членам Общества разошлют письменное извещение о собрании. Сквозь Огненное крещение должны пройти все сознания.

9 мая. Суббота, вечером

Я дважды беседовал со Стуре. Сердечно, как редко когда. Открыто. Раньше несколько раз это пробовал, останавливался на полуслове. К Стуре ведь так трудно подойти. Вчера я был у него целых четыре часа. Теперь многое мне стало яснее.

Но ныне уже многое слишком поздно. Когда я уходил, то чувствовал, что, хотя и вопреки мнению некоторых членов Общества, совет и содействие Стуре нам по-прежнему необходимы, однако он не может быть председателем, пока не пересмотрит, не одухотворит любовью своих отношений с членами Общества. Он столь многих считает больными. Будто бы они во власти психозов. Особенно по отношению к нему. (Но тогда он сам тому причина, я сказал – он обязан исцелять, настраивать!) Нашему Обществу надо быть не приютом для больных, но кооперативным учреждением Учения. В этом есть некоторая истина. Но разве Стуре здоров? И ведь необходимо подходить к человеку, даже если он и нездоров, не как к больному, но как к сотруднику, товарищу, тогда он не будет казаться нам больным. Подход Стуре к членам нашего Общества совершенно неверный, он образовался единственно из его личных отношений. На это я ему и указывал, но он не захотел признать. Я членов Общества ни в коем случае не считаю больными, разве только некоторых. Всё это создалось в обстановке разлада вокруг Стуре. Быть может, у Аиды есть какие-то психозы, которые её ещё мучают, но это ведь связано со Стуре. Мисинь стала спокойнее, уравновешеннее, и хотя у неё и были некоторые некультурные качества, то ведь провоцировал их сам Стуре, ибо Мисинь жаждет истины, она хочет только блага делу Учения. Обо всём этом столько думалось, и как бы мне хотелось, чтобы более не приходилось этого касаться! Ибо всё это бесконечно больно. Ибо всё это столь некультурно, недуховно и, главное, – противоречит существенным основам Учения. Где содружество, любовь, сострадание, где путь великого служения? Мы не смеем к другим подходить иначе, как только мысля о служении. Стуре признаёт большое продвижение Валковского, так он и написал в Индию. Но у него есть страх, что тот слишком «приспосабливается» к членам Общества, подходит без критики, как бы не сделал их мягкотелыми. Разумеется, этот взгляд мог образоваться из-за противоположной природы Стуре. Конечно, духовная твёрдость нужна, и мне кажется, что дисциплину духа сможет поддержать и Валковский. Следующей осенью Обществу надо составить чёткий план работы. Главное – ввести *самодеятельность.* Контролировать преподавание Учения. Занятия в группах должны проходить с большей активностью и участием самих членов. Валковский – человек сердца, человек огня, он столь многое совершил для Общества. Главное, он внёс гармонию, именно то, на что Стуре не был способен. За это ему – великая благодарность. Стуре умеет критиковать, один-другой намёк, может быть, и стоит обдумать, но сам он не воспитывает. Он словно боится, как бы члены Общества не погрязли в самодовольстве. Он опасается, что, когда придёт срок, члены Общества не будут готовы представить Учение дальше. Ибо нам ведь следует нести свет Европе. Именно ради этого нам необходимо великое духовное сотрудничество. Именно ради этого нам необходимо абсолютно забыть своё «эго». Стуре сообщил также, почему он сорвал собрание. Как человек он бы этого не делал, но как руководитель <должен был>, ибо здесь преступили принцип руководства. В тот день он от кого-то из членов Общества что-то узнал, поэтому пришёл. Допустим, что это так, но тогда надо было хотя бы заранее предупредить. Мы ведь ходили к нему, чтобы добиться ясности. И Валковский действовал, сознавая, что за ним стоит большинство Общества, что члены Общества уже давно не смотрят на Стуре как на иерарха. Так. Больше писать не стану. Беседовали, и многое отозвалось болью в сердце. Но правда, что у Стуре сильно солипсическая натура. Сколько раз ему подчёркивал о кротости Христа. Оказывается, сегодня он, после нашего разговора, отослал в Индию весьма длинное письмо, к которому присовокупил и свои прежние заметки. Мне кажется, что письмо выдержано в спокойных тонах, и будет хорошо, что интуиция Е.И. с этим познакомится. Он писал и о перевыборах, о том, что предупреждён, что его могут не избрать в правление, и он согласен со следующим правлением (я, Буцен, Валковский, д-р Лукин, Вайчулёнис, Клизовский). Знаю, что он написал, но как было бы хорошо, если бы его строчки были строчками дружбы. Да, истинно, отчего же всё должно было так начаться и так кончиться? Я ещё до последнего момента верил в возможность некоего синтеза. Я вовсе не смотрю на Стуре так, как некоторые члены Общества. Я верю, что свойства своего характера Стуре мог и должен был – ломать. Если бы только он хотел, если бы сам считал их преодолимыми. Но теперь, после 28 апреля, появилось непреодолимое препятствие. Даже кроткая Аида написала моей жене весьма резкое письмо, когда она по телефону сказала: неужели Стуре столь тёмный? Не нам судить, пусть судит Высшая Власть.

Та, которая видит все наши сердца, которая оценивает по мотивам. Конечно, нам надо быть постоянно начеку, и, если образовывается какое-то тёмное осложнение, немедля следует мужественно разрешить его. Нам дозволено вопрошать, но не утверждать свои заключения.

Я убеждён, о чём упомянул в письме Е.И., что всё это дело со Стуре является решительным испытанием не только ему самому, но особенно – Обществу. И то же самое я чувствую теперь.

Воистину, всё наше сознание должно пройти огненное крещение.

10 мая. Воскресенье, вечером

Да проявится тут хотя бы крохотный отблеск Твоей Воли, той Воли, к которой я всю жизнь стремился! Имел ли я право взять на себя великую ответственность, я – столь малый, столь мало достойный, столь мало готовый, столь мало способный? Но я только одно чувствую и сознаю: я избран руководителем великой организации. Знаю: то, что для других легко, для меня будет тропой великих тягот. Если бы я знал, что хоть немного смогу внести успокоение и лад гармонии! И всё же назад оглядываться уже нельзя. Да поможет мне Учитель!

11 мая. Утром

Как проходили вчера выборы? Собралось 23 активных члена, почти все, кто живёт в Риге. Кроме них – и младшие. Явился и Стуре, открыл собрание, сказал несколько слов и ушёл. Избрали Буцена вести собрание. Зачитали все годовые отчёты. Тогда приблизилось труднейшее – перевыборы. Предстояло переизбрать К. Стуре, истекло три года, как он в правлении, г-жу Иогансон, помощника председателя, которая сама отказалась работать, и – Мисинь. Разумным было то, что правление само не выдвигало кандидатов, но предлагало собрание. Так правление нельзя будет обвинить в партийности. Были выдвинуты в кандидаты: д-р Лукин, Буцен, К.Стуре, Клизовский и Мисинь. Стуре получил только семь голосов. Жаль, что и Клизовский не прошёл, ибо я почувствовал, что и сам Клизовский, и русские остались недовольны. Клизовского выбрали в кандидаты. Затем избрали ревизионную комиссию, и правление удалилось избирать своих членов <на руководящие посты>. Буцен вёл заседание в напряжённом темпе. Мои отговорки были напрасны. Затем Буцен предложил Валковского в качестве помощника председателя. Валковский отказался, потому что у него есть несколько серьёзных аргументов (мне он позже сказал, что Буцен сам хотел быть на этом посту). Он предложил мне, чтобы я лично выбрал себе помощника. Я определённо просил Валковского. Затем Лукин взял на себя роль секретаря и Буцен – пост библиотекаря. Когда огласили <результаты>, некоторые члены Общества сразу же покинули зал, другие подходили и желали счастья. Хорошо, что Валковский на собрании упомянул о нуклеусе, как о духовном руководстве вне правления, не указывая личностей. Сюда надо пригласить Буцена и Клизовского, только всё следует сделать тактично. Жаль, что у Лукина ещё такой небольшой опыт, пока он может быть полезным только в практической деятельности.

11 мая. Вечером

К вечеру мне прислали 12 роз. Пославшие – одиннадцать членов Общества во главе с Мисинь и Лукиным. Мог бы я хоть немного оправдать надежды! Но я ведь не способен говорить, и это великая трудность. В восемь вечера началось заседание старшей группы. До сих пор её вёл Фрейман. Но на этот раз он отказался. Я долго спорил. Он сказал, что руководство пойдёт мне только на пользу. Так везде и повсюду мне приходится начинать всё сначала. На заседании группы я сказал, что считаю свой пост только формально юридическим решением, пока среди нас не вырос дух такой широкой культуры, как Феликс Лукин. Я считаю, что истинным руководителем, как до сих пор, будет старшая группа, на которой будут обсуждаться важнейшие вопросы. Затем Элла прочла письмо Е.И. к Стуре и ко мне от 12.04.1934 г. Раньше Стуре не хотел, чтобы члены Общества знали о существовании нуклеуса. Так он один взял на себя ответственность.

Теперь это письмо в старшей группе зачитали не ради меня, но ради пользы дела, чтобы у тех членов Общества, кто дальше от всех дел, было больше доверия. Я был рад, что ощутил дружескую поддержку.

Мы украсили розами портрет Доктора. Что же он теперь мыслит, что чувствует, взирая из дальних миров на судьбы нашего Общества? И там он не перестаёт страдать за нас.

Больно, когда думаю о Стуре. Отчего всё так должно было случиться? Но как же Обществу существовать без внутреннего согласия?

14 мая. Четверг, половина одиннадцатого вечера

Я ещё не достоин той любви. Я ещё не достоин того доверия, которое члены старшей группы проявляют ко мне. Я рад большому сердечному теплу, которым Валковский и Буцен одарили меня сегодня вечером. Я очень благодарен им за поддержку. Но как трудно было слушать об их надеждах на меня. Ах, если бы я мог хоть немного оправдать всё это. Я всё время был в таком напряжении, как никогда в жизни. В таком напряжении, что казалось – ещё капелька, и во мне всё запылает.

После мгновения молчания Элла прочла моё обращение, где я раскрываю своё положение и обращаюсь к членам Общества с просьбой о поддержке, дружбе и взаимодействии. Элла зачитала это по-латышски и по-русски. Валковский и Буцен потом выступили так мило и тепло, что сердце у меня защемило. Буцен был в таком восторге, как никогда, в том числе и по поводу моего обращения. Воспылав, он клялся, что никогда не свернёт с пути Учения.

В обращении я подчёркивал, что считаю пост председателя формальным, пока среди нас не вырос дух такой широкой культуры, каким был д-р Лукин, – то же самое, что я сказал на старшей группе. Но всё это противоречило тем словам, которые произносили Буцен и Валковский, которые в должности председателя и теперь стремятся видеть нечто высшее. Сердце так переполнено. Сердце полно великой ответственностью.

15 мая. Пятница, утром

Сегодня я поднялся в пять утра и писал письмо в Индию своим духовным руководителям. Оно будет длинным, и я охотно ничего бы не писал обо всех тяжких моментах в Обществе, ибо они в прошлом и всё будет хорошо. Но нашим водителям следует знать истину, и это нужно для пользы самого Общества. И из-за того тоже, что Стуре написал. Так приходится принять и эту горькую чашу.

Вчера Стуре написал мне поздравление в стихах, отчасти всерьёз, отчасти и с небольшой иронией о настроении членов Общества. Однако ощущаю, что он смирился.

29 мая. Пятница, вечером

В воскресенье мы в составе 23 членов Общества на арендованном автобусе совершили поездку к берегам Аматы, в Цесис и Сигулду. Было много солнца, и яблони в полном цвету.

Сегодня получил два письма от Н.К. и также от Шибаева. Е.И. всё ещё сильно болеет. На мои письма коротко отвечает Н.К. Чувствуется, что его очень заботит наше общее собрание, и он снова взывает к благоразумию членов Общества. Далее он выражает недоумение, что «Сегодня» сократило его статью[1], особенно места, посвящённые Латвии. Все они были очень изумлены известием, что «Священный Дозор», который запрещён в Харбине, появился в Риге. Магазины Риги получили его из Парижа и Харбина. Очень странно: сам автор и собственник ничего не знает, что его книга путешествует по миру. Что делают его друзья в Харбине? Он просит меня написать и осведомиться в Харбине у Туркиной. С семьёй Алексеевых всё ещё встречаться нельзя, и с супругой – тоже. Она уже пыталась возобновить сношения, приезжала к нам, чтобы узнать что-то об Учении и т. д. Однако Указ совершенно определённый. Во втором письме Н.К. спрашивает о К. Принце, который в своей последней книге поносит Учение. Он – больной человек, поэтому своими книгами, написанными в возвышенном стиле, приносит десятикратное зло.

[1] «Радость о книге».

Ненависть Принца к Обществу отчасти возникла и от того, что Валковский, с ведома Стуре, когда-то в резкой форме написал ему и категорически потребовал изъять из обращения его книгу «Империя Нур», ибо она запутывает принципы Учения, а также поучиться у члена Общества Бумбер в Вентспилсе. Валковский в отдельной статье шире характеризовал Принца, я приложил её к письму Н.К.

Буцен побывал у министра Берзиня и получил принципиальное согласие на учреждение издательства «Агни». Если получит разрешение, то это будет большой победой.

5 июня. Пятница

Со вчерашнего дня на лето мы прекратили занятия в группах Учения. Единственно старшая группа будет собираться каждый четверг в шесть вечера, за час до общего собрания. На общей группе прочли очерк Н.К. о помощи, затем труды Дегтярёва и Гребенщикова об Н.К.

8 июня. Понедельник, утром

Сегодня два важнейших события. Отослали в отдел печати «Общину». Милую, чудную книгу, дающую наиценнейшие советы для повседневной жизни. Два экземпляра мы только что отослали в Индию. Много забот требовала эта книга. Главным образом потому, что поначалу были осложнения и вообще её печатали столь медленно.

Второй величайший дар я получил сегодня – письмо Н.К., в котором он от себя и от имени Е.И. поздравляет меня и новое правление.

«Поздравляем Вас с избранием председателем нашего Общества в Латвии и шлём Вам всю уверенность нашу, что Вы приложите всю Вашу глубокую сердечность для того, чтобы дело могло расти как истинное культурное достижение. Вы сами знаете, насколько дух человеческий нуждается в любви и сердечности, которые могут вдохновлять к творению дел добрых и просвещённых».

Много, много возвышенных слов, стоящих внимания и приложения Н.К. говорит в этом письме. Позавчера меня заставило задуматься это предложение: «Вы благодетельно используете все местные возможности, чтобы культурные элементы страны были бы истинными доброжелателями Вашего труда».

Это было глубоко, давно ожидаемое письмо. Оно несёт в себе великую радость, и бодрость, и утверждение. Оно несёт нам большую радость в том, что переживания и решения Общества получили высокую поддержку.

Жаль, что Е.И. так больна. Понимаю, как ей тяжело. Об этом догадываюсь по нескольким письмам Н.К. и Шибаева. Её героизм – космическая жертва.

Что же писать о себе? И моё напряжение растёт с каждым днём. Каждую перемену температуры ощущаю уже за несколько дней. Неужели нет границ и у напряжения?

12 июня. Пятница, утром

В среду утром я отослал воздушной почтой Е.И. конспект своей книги. С моей стороны это великое дерзновение и смелость – писать о Белом Братстве. Знаю, что если не подошло время систематизировать всё, что сказано в книгах Учения, я с радостью свой труд сократил бы, потому мне так важен совет Е.И. Свой труд в первом черновике я почти завершил, остались ещё три главы: об основах Учения, о новой науке и об Эпохе Майтрейи. Как пережиты те два месяца, с тех пор как я прервал свой труд, как уплыли в мелочах, которые всё-таки были необходимы. Также читал корректуры двух книг: «Общину» – я один, «Врата в Будущее» – с помощью Слётовой. Затем – письма. Далее – все переживания в Обществе меня так волновали. Я человек слишком эмоциональный, чтобы быть настоящим руководителем. Вчера опять было такое напряжение, что еле мог отстранять стихии. Временами так невыразимо <тяжко>. И вот пришли два письма из Индии: от Е.И. и Шибаева. Я не достоин того, что она обо мне так пишет, так доверяет. Я могу дать только своё сердце, но этого слишком мало, надо отдать совершенное, мужественное, звучащее гармонией сердце. Теперь всё стало десятикратно труднее, чем в другие годы. Так трудно творить. Такая усталость по утрам. Каждая мысль, если она нечаянно врывается в область стихий, огненно возвращается в мозг. Как надо остерегаться!

В последние дни была большая жара, которая тоже утомляет. Знаю, что и другим чувствительным членам нашего Общества нелегко. Вот что пишет Е.И.:

«Шлю Вам всю мою веру в то, что Вы, приняв духовное наследие Феликса Денисовича, олицетворите в себе его символ – символ Вождя Сердца. Пусть все ищущие Света и отягчённые скорбью найдут отклик в Вашем сердце, пусть все собравшиеся под водительством Вашим почуют ту душевную теплоту, которая может согревать даже при суровом укоре. Ведь самое трудное искусство есть искусство творить отношения между людьми. Ни одно искусство не требует развития такого терпения и такой утончённой чуткости. Нужно уметь проникать в сознание, в сердца и настроения всех окружающих и приходящих; нужно уметь почувствовать тот основной тон, на котором возможно объединиться с ними и объединить их с другими. Но если в сердце заложен великий магнит любви, то всё облегчается, ибо искренность этого чувства покоряет самые заскорузлые сердца. Сердцу, прикоснувшемуся к Красоте, близок должен быть этот язык сердца. Потому вера моя с Вами, Вождём Сердца.

Также шлю сердечную благодарность ближайшим сотрудникам, выразившим свою готовность всячески сотрудничать и помогать Вам во всех делах Общества. Пусть каждый член Общества чувствует, что истинный дом и духовное прибежище его в стенах Общества. Пусть каждый будет не только желанным сотрудником, но и членом единой духовной семьи и пусть сам научится давать на общее пользование то лучшее, что он носит в себе. Итак, пусть Любовь Объединяющая будет девизом нового Цикла».

В конце, между прочим, Указ Учителя выяснить обстоятельства в связи с Принцем: «Пусть в Латвии поищут около Принца – найдут разгадку».

Вчера в Обществе в объединённой группе прочли письма Н.К и Е.И. Затем – выдержки из письма Рамасвамира, ученика Блаватской, о том, как чела нашёл своего Гуру. Нас всех очень, очень глубоко растрогало описание, с какой чрезвычайной преданностью Рамасвамир отправился искать Учителя, и наконец нашёл Его – Учителя Мориа. В завершение г-жа Ренкуль прочла красивый доклад о радости.

15 июня. Понедельник, утром

Вчера, с утра пораньше, отправились мы в путешествие в сторону Сабиле через Тукумс. Сначала задержались подольше у меннонитов, и этот час останется наиболее светлым воспоминанием о вчерашнем дне. Руководитель общины меннонитов отец Кригерт – действительно духовная личность, которая своей жизнью подаёт возвышеннейший пример и объединяет всю общину в сплочённый братский приход. Его главный завет: отдавать другому, но не брать, и, кто хочет быть первым, пусть будет слугою для всех. Главное не церковная служба, но сделать жизнь красивой, совершенствовать Божественный луч в себе. Простота, сердечность, чистота между людьми. Сделали благородный жест – для всех нас, тридцати семи гостей, был накрыт стол для утренней трапезы. Отец Кригерт своим бескорыстием и самоотдачей подаст когда-то и нашей общине добрый пример. Меннонитов когда-то посетил д-р Лукин. Он в тот раз приглашал и меня, но из-за маленькой Гунты я не поехал. Затем мы поехали домой через Яунпилс, Ремте, Гайти в Сабиле, Кандаву, Дзирнциемс, останавливаясь в некоторых местах. На этот раз правление было «в полном составе». Было много песен. Такие путешествия сближают лучше всего.

16 июня

Сегодня мы получили от цензуры разрешение выпустить «Общину» – через девять дней. Вторая часть книги Клизовского на этот раз была более счастливой, её выпустили уже через три дня.

18 июня. Четверг

Неужели новое чудо света, великая нежданная красота придёт в нашу жизнь? Гость с дальних миров? Свет из самого Света? Для нас – новый милый друг, по духу и по крови? Новая великая обязанность и ответственность? Именно в этом году, в этом незабываемом, наиболее несказуемом году?

19 июня. Пятница, шесть часов утра

Именно сейчас затмение солнца. Солнце стало, как лунный серп. Сумерки кругом. Какое влияние оно принесёт? Было бы к добру. Но в сознании человечества ныне такое напряжение.

Вчера в Обществе прочли письмо – сообщение от Е.И. и Н.К. Гаральду о том, что он избран почётным членом-корреспондентом «Урусвати». Истинно, быстрота духовного роста <Гаральда> изумительна. В прошлую пятницу по указанию Е.И. мы вручили ему Знак Доверия. В тот же день я передал Знак и Слётовой, у неё как раз теперь появился на свет сын. И г-жа Ренкуль получила письмо от Е.И. Я когда-то послал письмо г-жи Ренкуль, в котором она рассказывала о своём ушедшем муже и его последних днях. К письму я приложил и несколько слов о самой г-же Ренкуль, которая является очень духовным человеком. Между прочим, она однажды видела огненную чашу со знаком Агни-Йоги на ней.

Кроме того, в Обществе читали письмо Н.К. Шанхайскому обществу, затем доклад Мисиня об Этике жизни и наконец – мой обзор об общине меннонитов, который я хочу напечатать в «Цельше»[1].

Гаральд, кроме того, получил ещё письмо от Е.И., в котором она пишет о радости по поводу благотворной работы Гаральда и познания им Учения. Далее она упоминает о моём избрании. Потом – о чутком подходе к людям. О применении соды. И наконец: «Не удивляйтесь, если будете ощущать временный упадок сил, все тонкие организмы особенно ярко реагируют на токи пространства. А сейчас, когда Битва невидимая ещё сильнее видимой, такие ужасные снаряды разрываются в Тонком Мире, наполняя низшие слои, прилегающие к земле, ядовитыми газами разложения. Уже не говоря, что и токи, исходящие из сочетаний некоторых светил, несут тоже тяжкие химизмы. Сейчас и мы, и ближайшие сотрудники наши ощущаем этот упадок сил. Лето будет тяжёлое, но ничего, проживём... Шлю бодрость и мужество, не устрашайтесь никакими нападками. Для идущего в доверии все препятствия обратятся в ковёр-самолёт. Но помня об Армагеддоне, продвигайтесь со всею мудростью».

И я переживаю это. Позавчера ночью был следующий случай. Во сне перед глазами вспыхнул яркий свет, будто бы взрыв, я в ужасе встрепенулся и вскрикнул. Только мысль об Учителе меня успокоила.

10 июля. Пятница Меллужи, ул. Травью, 14

9 июня я отослал Е.И. подробный конспект своей книги о Белом Братстве. Осознавал свою великую дерзновенность и ответственность, оттого с этим письмом так долго медлил. Большая часть моей книги в первом черновике была уже завершена в начале апреля, затем я прервал работу в связи со всеми сложными делами Общества. И теперь, в эту субботу, 4 июля, я получил нежданно скоро ответ Е.И. Этот ответ вновь принёс цветущую ветвь с Гималаев, одно из сильнейших, но и сокровеннейших переживаний моей жизни. Е.И. пишет:

«Считаем, что книга эта не только полезна, но именно необходима. Мы всегда опасались и опасаемся, когда затрагивается в печати высочайшее понятие Иерархии Света, но Вам мы вполне доверяем, ибо Ваше чувство красоты и присущая северным народам чистота восприятия уловит тончайшие тона и звучания Радуги Света, окружающей Обитель Всеобъемлющего Сердца. Вы сумеете сочетать Торжественность и Мощь с нежнейшими оттенками. Мы доверяем Вашему чутью, Вашему сердцу, Вашему устремлению к Вершинам Прекрасного.

Конспект составлен очень продуманно. Читая его, мы радовались ширине охваченных понятий в задуманной работе. Так приступайте смело со всем сердечным горением к печатанию Вашего прекрасного труда. Повторяю – нам это большая, большая радость».

Далее – замечание, что Хозяином планеты называют Люцифера. Но Владыка Шамбалы является Водителем Огненного, Высшего Мира, и лишь добровольно принял на себя ответственность за планету ввиду восстания Князя мира сего.

[1] «Cels» *(латыш.)* – «Путь», религиозный журнал.

«В Эзотерическом Учении указаны трое Владык Мира – Будда, Христос и Майтрейя. Майтрейя – Старший, Первый и Последний, Царь Царей, Учитель Учителей. В "Тайной Доктрине" Он – Санат Кумар. Последнее пишу только Вам и для тех членов правления, которым Вы найдёте возможным это сказать.

Высказав Вам наше мнение, я призадумалась, что скажет на это Сам Великий Владыка. И через некоторое время пришёл Ответ – "Похвали Рудзитиса, он действует как подобает. Именно таким путём движется Учение". Можете себе представить мою радость! Владыка не любит расточать похвалы, и потому получение такого Одобрения особо драгоценно. Знаю, как сердце Ваше воспримет этот знак Доверия.

Спешу также послать Совет Великого Владыки, данный всем ближайшим сотрудникам, и прошу Вас передать его ближайшим членам правления. – "Советую установить точку зрения на Теософское общество. Не следует осуждать Общество. Там, где Изображения Учителей и Упасики, там не нужно осуждать. Много ошибок в Обществе, но всё же там почитают Учителей. Кроме Каменской, все друзья. Потому не раздражайте их, упоминая ошибки. Особенно сейчас не нужно творить себе врагов. Когда силы тьмы нападают, тогда нужно не умножать врагов. Так укажите сотрудникам не осуждать, иначе не будет друзей. *Советую принять к исполнению*"».

Далее Е.И. отмечает, что у них среди теософов много друзей и что подобает относиться к ним бережно. Высылает 200 параграфов новой книги «Аум». Наконец, указывает на две досадные ошибки в третьей части «Мира Огненного».

«Как понимаю я Вас, что в этом году Вам трудно писать и работать! Да, токи ужасны. Страшное давление испытывает Земля. Всё лето токи будут тяжкими, лишь позднею осенью будет полегче. Берегите здоровье и храните единение».

В конце велит передать Знак Доверия г-же О.Крауклис.

Как же мне после такого письма дальше жить?! Ведь это было как прикосновение Огненного Мира. После прочтения письма наступило такое напряжение, что я поспешил уйти из дома в более одинокое место – подальше в лес. Достоин ли я этих чудеснейших слов?! Мог бы я так писать, как писал восемь лет назад – свободно, в полёте! А теперь писать надо десятикратно вдохновеннее. Но в эти дни столь часто вся голова и тело, как в тисках. Каждый атом болезнен. Тело кажется скорлупой – в любое мгновение может сгореть. Ах, что же может сказать моё сердце?! Даже о благодарности думать бессмысленно, когда Священнейший Дар зазвучал в моём сердце. И ещё одно место в письме так сильно меня захватило, ввело в смятение. Слова: «Старший, Первый и Последний»... Это я уже предчувствовал. Но теперь – более чем знаю.

Как же я обо всём этом пишу? Как осмеливаюсь писать о всём сокровенно-священном?!

Отзыв о конспекте моей книги я решил показать только Валковскому. Вечером, возвращаясь домой из Общества, сели мы на скамейке и вместе прочли.

«Врата в Будущее» вышла из цензуры 30 июня. Но только вчера начали рассылать книги за рубеж и продавать членам Общества. В скором времени придётся печатать новую книгу Н.К. «Нерушимое».

25 июня я получил от Н.К. письмо вместе с его статьёй «Борьба с невежеством». Меня удивило то, что Шкляверу удалось достать «Общину» раннего издания. Отослал два письма Н.К. и Е.И. Переписка моя расширяется. Я получил от секретаря Каунасского общества Сипавичюса приглашение сотрудничать с их журналом. Г-жа <Зинаида> Лихтман поздравила меня с избранием и прислала статью о судебном процессе в Нью-Йоркском Музее, эту статью подписали Зинаида и Морис Лихтман и Франсис Грант (последняя написала чудную книгу о восточной философии, я её получил в качестве подарка от Шибаева). И далее – <переписка> с Шибаевым, Асеевым, Серафинене, Сеплевенко, Тарасовым, Шклявером и т. д. Проф. Дале я только что отослал письмо вместе с копией письма Н.К., где есть слова Учителя о девочке в Латвии, которая читает мысли. Я благодарен Дуцману за его статью в ряде номеров в «Сеейс»[1], которая сильно изумила и обрадовала нас. Но он уже на второе письмо не отвечает.

[1] «Sejejs» *(латыш.)* – «Сеятель», журнал.

Всё время работаю над своим трудом о Культуре Красоты – на русском языке, дополняя, исправляя. Хочу выпустить в виде брошюры. Такой замысел был у меня давно. Размышляю, не мало ли по объёму? Ибо всё равно этот труд, как глава в моём крупном очерке о Прекрасном, выйдет отдельной небольшой книгой. Чувствую, что этот вопрос теперь актуален, особенно из-за завершающей части брошюры. Ибо она заканчивается вестью сердца о Пришествии Учителя.

В последнее время по четвергам мы читали очерки Н.К., параграфы из «Аума» и краткий доклад Буцена об этике жизни. Вчера Валковский прочёл большое и прекрасное письмо Е.И. к Буцену от 6 июня. Буцен с Зильберсдорфом только что вернулись из Эстонии, где посетили друзей Н.К. и Учения.

Поздно вечером, после <занятий> в Обществе, меня пригласила в гости Аида Виестур. Я думал, что ожидается нечто серьёзное, ибо она сама в Общество не пришла. Первым делом она осведомилась, переговорил ли я с Валковским об их отношениях с Принцисом. Она поняла из последнего разговора с Валковским, что якобы мы желаем, чтобы они поженились. А то иначе она может когда-нибудь пойти по лёгкому пути. Я сказал, что мы это не обсуждали, это настолько личное дело, что никто не может давать советов, решить надо самим и доверять надо единственно своему сердцу, ибо «сердце – обитель Бога». Наконец, Аида открыла мне своё сердце: она действительно любит Принциса. Она от других это скрывала. Минувшей зимой Аида вместе с матерью обрушивалась на Принциса за его безрассудство в делах магазина. Но сердце говорило другое. Да, сердце непостижимо. Возможно, что Принцис на самом деле когда-то был интересным. Но теперь он стал столь малодушным, неуравновешенным, даже нередко лживым. Возможно, в нём когда-то была духовность, но ныне подавлена. Да, непонятен характер Принциса. Аида его вовсе не воспитывает, только ещё больше балует. Он потерял чувство такта, родители Аиды его ненавидят, но он приходит к ним и живёт у них. Он болен туберкулёзом, и это ещё больше всё усугубляет. Наконец, Аида открыла мне нечто неожиданное. В воскресенье она была на экскурсии в Дундагу. Там однажды вечером на хуторе она пережила нечто странное в отношении к Принцису. Когда она приехала в Ригу, позвала его в свою комнату, зажгла свечи и торжественно передала ему Знак Доверия. Было ли это проявлением сострадания к Принцису, или было вызвано сожалением о том, что ранее вместе с матерью она Принциса упрекала, или от того, что сама не однажды ощущала себя недостойной иметь этот Знак? И всё это под воздействием мгновенного импульса заставило её сделать именно такой опрометчивый шаг. Да, такого я от Аиды менее всего ожидал. Если она действительно не осознала внутренне и не прочувствовала сокровенного смысла Знака, то в ней на самом деле есть нечто неуравновешенное и несгармонизированное. Я сказал ей: Знак Доверия Учителя предназначен только ей, её духовной ступени. Подобно тому, как она не в силах подарить другому своё сознание и духовность, так и этот Знак в чужих руках не имеет никакого значения. Разумеется, если она чувствовала себя недостойной, то могла вернуть его мне. Как грустно было обо всём этом слышать! Понятно, она теперь этот Знак возьмёт назад. Но как выправить неуважение сердца? Как же её сердце могло не почувствовать истинную правду, как же сердце её могло молчать?!

12 июля. Воскресенье

Вчера вечером и сегодня нас посетили Гаральд и чета Мисинь, обо многом говорили. Они всерьёз хотят к осени приобрести вблизи Риги участок земли покрупнее, чтобы заложить основы нашей «общины»: устроить теплицы, здания, детский сад и санаторий. Гаральд за короткое время обрёл большую популярность среди пациентов. Лечащихся у него столько же, как у отца. И зарабатывает много. Хочет каждый месяц откладывать 1000 латов на Общество. Уже много давал на издание книг. Он и Вайчулёнис – финансовые опоры наших начинаний. Гаральд очень пылок, ригористичен, горячо желает каждое положение Учения проводить в жизнь. Хотя он ещё не успел войти сознанием во все подробности Учения, но сердцем уже охватывает многое. Его духовная эволюция свершается изумительно быстро. Оттого и в Индии ему радуются.

18 июля

В Обществе гостит г-жа Кима из Эстонии. Драудзинь и Буцен от неё в восторге. Буцен пригласил её в гости. Действительно, она – дух широкой культуры, этические и духовные основы близки нашему Учению. Своей громадной энергией она многое что сумела свершить в Эстонии. Предлагает и нам свои услуги. В четверг в Обществе ей дали слово. Нам не понравилось, что она начала с того, что имеет великое счастье быть ученицей Розендорфа. Буцен о нём отзывался хорошо, только его религиозные воззрения странны и неприемлемы, он учился на Евангелиях Лорбера. Среди оккультистов Таллина он пользуется значительным авторитетом. И потом г-жа Кима произнесла фразу: «Розендорф получает прямые указания из Белого Братства». Разумеется, это неправда, значит, у него есть какая-то связь с астральными видениями, «объективность» которых мы все хорошо знаем. Жаль и г-жу Кима. Увидим, что ответит Е.И., которой Буцен написал подробный отчёт о своём путешествии в Эстонию.

Всем членам Общества, которые получили Знак, мы вручили выписки об этом Знаке из писем Е.И. Об этом я уже давно подумывал. Если бы мы это сделали ранее, выписки заставили бы Аиду серьезнее помыслить о священном значении Знака.

22 июля

Вчера меня навестил Валковский, накопилось много необсуждённого. А именно – болезненный вопрос Я.Принциса и Аиды. Отношения Слётовой и Фрицберг необходимо улучшить. Клизовский – довольно слабый психолог, одного члена Общества, которого он рекомендовал, придётся исключить, и в кооператив он предложил руководителя, который затем растратил большие деньги. И в другом он действует самочинно, не обсудив с правлением. Также Буцен ещё недостаточно психологически подходит к людям. Интересно, каков будет отзыв Е.И. о его путешествии в Таллин. Буцен отправился в «апостольское» путешествие в Таллин, как он сам писал, но привёз с собой миссионера иной религии. Г-жа Кима – духовно богатый человек, но если она желает эволюционировать, ей надо освободиться от влияния Розендорфа.

Я получил для печати «Нерушимое» и 200 параграфов «Аума». Наиболее тяжкая проблема – достать бумагу.

24 июля. Пятница

Я получил письмо Н.К. от 11 июля.

В Обществе мы решили, что каждый четверг сводную группу будет вести по очереди кто-то из членов правления. Вчера впервые мы поручили это Гаральду. Он не готовился, но охотно согласился, это был его дебют. Выступал горячо, как юный лев, хотя, конечно, чувствовал себя ещё не совсем свободно. Прочёл труды Н.К. «Новая Эра» и «Великий Облик». Затем актриса Виестур читала из «Аума».

Драудзинь перевела «Сердце», теперь торопится одолеть «Общину». Не знаю, как мне всё успеть? Надо бы просмотреть вместе с Драудзинь «Сердце». Вскоре предстоит чтение корректур книги «Нерушимое». Свой очерк о Прекрасном я тоже ещё окончательно не завершил. Есть дни, когда столь тяжко нечто творческое свершить, голова такая затуманенная.

31 июля

На вчерашнем общем заседании Буцен рассказал о пророчествах из пирамиды Хеопса. Затем Валковский прочёл очерк Н.К. «Промедление» и Стуран – выдержки из «Аума». Так приятно было видеть неожиданно большое число присутствующих членов Общества, столько не всегда появлялось и зимой – 40 человек. Люди по-настоящему начинают ощущать в Обществе свой Ашрам. Здесь сердце соприкасается с сердцем. Здесь укрепляется и кристаллизуется Серебряная нить с Владыкою Света.

После собрания Аида пригласила меня навестить её. Была очень взволнованной, исстрадавшейся. Я в прошлый раз ей сказал, что мне очень больно, что именно её сердце не прочувствовало Прекраснейшее, то, что связано со Знаком. Мои предчувствия оправдались: она положила передо мной Знак, чтобы я взял его обратно. Было так тяжко.

Аида молчала, и у меня не было слов. Прощаясь, я вернул ей Знак и сказал, что даю ей на сохранение. Знаю, что у Аиды масса страданий и в связи с Принцисом, и в связи со Знаком. Но её *собственному* сердцу полагается найти истинный путь. Хочу всё же весь этот конфликт пересказать Е.И., это мой долг.

7 августа. Пятница

Вчера к нам в Общество явился гость, отец Кригерт, руководитель меннонитов. Он остался в нашей душе как наиболее милая память с того дня, как мы ездили ознакомиться с жизнью, устроенной им в своей общине. Мы в качестве благодарности за приём послали им все наши книги Учения, на латышском и русском языках. Он написал мне сердечное письмо, но всё же отметил, что Агни-Йога сочинена в слишком высоком стиле и им достаточно Учения Христа. Я ответил длинным письмом, поясняя то, почему все религии говорят языком символов и аллегорий, и, наконец, что мы изучаем то эзотерическое Учение, которое Христос открывал только своим ученикам, но скрывал от широкой публики. Вчера в Обществе Валковский говорил о книге «Иерархия», о предстоянии сердцем пред Образом Учителя. Потом Вайчулёнис прочёл доклад об Иерархии. Для отца Кригерта, который впервые это слушал, наверняка многое было неожиданным, и многое казалось непонятным.

В понедельник стали набирать «Нерушимое». Получил я и продолжение «Аума».

14 августа

Вчера в Обществе Клизовский прочёл доклад о тёмных силах, потом – очерки Н.К.: «Горький», «Мир», «По лицу земли». Буцен получил от Е.И. письмо от 23 июля. В скором времени в Риге мы сможем печатать «Тайную Доктрину». Новое, великое событие в нашей жизни. Гаральд и Мисинь много думают об учреждении «общины» в сельской местности. По этому поводу мы собрались группой членов Общества. Во-первых, мы хотим выяснить сам принцип общины, насколько она возможна и применима в индивидуальных формах нашего времени. Ибо нельзя забывать, что общине положено вмещать личные особенности каждого члена, надо предоставлять возможность стопроцентно им выявляться. Только тогда будет истинное сотрудничество. Ибо весьма несоизмеримо, к примеру, следующее: г-жа Драудзинь ныне едет на свой участок корчевать пни, в то время как она хорошо переводит и пишет очень продуманные доклады. Вторым затруднением оказалось то, что г-жа Драудзинь предлагает общине свою землю, которую недавно приобрела, но она несколько далековато – в Юмправе. И она желает устроить детский интернат. В проекте Гаральда – купить землю не далее как за 25 километров от Риги. Там, кроме теплиц, которые обеспечивали бы существование, мы могли бы устроить детский сад, позже – и народный университет и т.д. Гаральд мечтает и о своём санатории. Но одна беда – найдутся ли члены Общества, которые бы там жили? Возможно, что пожелают несколько, но это ещё не будет настоящей общиной, если придётся со стороны набирать наёмных рабочих. Но применимы ли общины древних форм для нашего времени? И не является ли «Урусвати» общиной, где имеется духовный центр и другие работники, которые сотрудничают, хотя и не знакомы с Учением, трудясь согласно лучшим своим способностям и побуждениям? Наше Общество уже само по себе является духовной общиной, и целью является именно этой общине дать привязку к жизни. Членам Общества надо активно участвовать в текущей жизни, возвышать её, посвящать культурным начинаниям свои лучшие способности и желания. Обособленную общину ныне построить трудно, она должна быть составляющей частью большой жизни. Вероятно, так понимает идею необходимости современной общины и Е.И.? В письме Буцену она говорит: «Трудно, очень трудно, если члены такой общины будут слишком разниться по сознанию. Самое важное – не тесное общежитие, но *научиться вообще проявлять дух сотрудничества и дружелюбия в жизни каждого дня и во всех условиях.* Ибо новые проблемы во всех областях жизни, встающие перед человечеством, требуют уже участия многих сил и специалистов для достижения синтетического вывода и практического разрешения». Гаральд и Мисинь серьёзно хотели уже осенью приобрести земельный участок, но в связи с печатанием «Тайной Доктрины», что потребует больших средств, реализацию первой идеи придётся отложить.

Я лично желал бы, чтобы лучше построили в Риге сначала здание Общества, где можно было бы устроить квартиры членам Общества, музей, библиотеку, доступную всем, вегетарианскую столовую, книжный магазин, пекарню и так далее. Разумеется, для такого здания потребуется гораздо больший капитал, чем на участок земли в сельской местности. Так или иначе, в скором времени практическое решение этой проблемы будет выяснено.

Далее Е.И. отвечает Буцену по поводу его сообщения о поездке в Эстонию. О Лорбере, учение которого проповедует Розендорф, Учитель сказал: «Мы его не знаем». Розендорф рассказывал, что у него имеется прямая связь с Белым Братством и т. д., из этого одного уже можно было судить об ошибочности этого движения. Е.И. советует не пытаться создавать группы за рубежом, ибо это получится навязыванием своих взглядов, но спокойно продолжать начатый труд здесь, на месте, и принимать посетителей.

В завершение Е.И. говорит об ожидаемых событиях: «Знаки великой Победы уже обозначились, ещё малое время, и многое установится прочно. Знаки Благоденствия хранят. Но на октябрь события сгущаются, чернота несётся на юг». И «доновцы» Буцену говорили, что в октябре ожидаются события. Ныне в Испании между братьями выявляется самая дикая бесчеловечность. Нарушаются все международные законы, все этические императивы, любой голос совести. Лётчики, так же как в Абиссинии, спокойно забрасывают бомбами города, где гибнут женщины и дети. Фанатичная толпа особенно свирепствует против культурных и художественных ценностей. Если так ещё некоторое время будет продолжаться, Испания останется без культуры и духа.

22 августа. Меллужи

В четверг Мисинь прочла труд Рериха «Шамбала Сияющая». Чудесный труд, полный священнейшего трепета духа. Весь вечер прошёл во власти несказуемых настроений сердца. Валковский получил письмо от Е.И. Он отослал ей и мою «речь» в Обществе от 14-го мая. Чудесно и поразительно, что Е.И. говорит, что у меня сине-голубая аура. То же самое мне однажды сказал один латыш – розенкрейцер, который видит ауры. Конечно, Е.И. достигла высшей гармонизации центров. Для взора духовного синтеза не существует пространства и времени. Лучше всего о человеке можно судить по фотографии и почерку.

Сегодня начали набирать мою книгу о Красоте.

27 августа. Четверг, 11 часов вечера, Рига

Сегодня вечером я выдержал труднейший экзамен моей жизни. Я выступил в Обществе на общем собрании. Как обычно, начал словами Учения, затем – мгновение молчания. Потом прочёл небольшой доклад об Обществе как Ашраме, о том, что членам Общества надо проявлять наибольшую активность на пользу Общества, об Обществе, как духовной общине, о культурности и о необходимости избегать сектантства и, наконец, о планах, которые предстоит реализовать в Обществе. Потом я поручил другим членам Общества прочесть очерки Н.К. «Содружество», «Глаз <дальний>», «Скорее!», «Он». Под конец прочёл ещё четыре параграфа из «Аума». Так я завершил вечер в великом напряжении, во имя Учителя. Да, что для одного легко, для другого – наитруднейшее. Но каждому дана индивидуальная линия развития.

4 сентября. Пятница

Эта неделя прошла в невиданном ещё напряжении. Ночами спал мало, днями бегал <по делам>. В субботу утром приехали милые гости – д-р Серафинене и художник Вайткус из Клайпеды. С Серафинене я так долго переписывался, но у меня не было никакого представления о её внешности. Знал, что она стара, так как в Обществе её называют «матушкой». Внешнее впечатление в первый момент не показалось мне близким. Чувствовалось, что она когда-то раньше была избалована жизнью, жила в аристократической среде, и оттого ей присуща некоторая манерность. И можно было ощущать, что в жизни ищет удобства. Не является и полным вегетарианцем (ест рыбу), ибо этого будто бы требует её испорченный желудок. Когда познакомился, она стала мне ближе, но, однако, не знаю, смогли бы наши сердца истинно сблизиться? Она обладает достаточно широкими знаниями. Когда-то в России имела определённый вес в среде теософов.

Уже более 20 лет занимается астрологией. Чунчик – её ученик, которого она тоже посетила. Когда я сказал, что ныне на гороскопы сильно могут влиять космические токи, это её не убедило. Когда-то занималась и магией, практиковала лечение магнетизмом. Энергичная, хотя и живёт в маленьком городе Скуодас, ведёт широкую переписку, путешествует. У неё большие заслуги в том, что теперь в Литве несколько десятков последователей Учения. Меня привлекла пылкость её сердечных чувств, ибо, в конце концов, всё то, о чём я вначале упомянул, – мелочи, главное – сердце. Всё же чувствую, что её ученики могут ещё обогнать её. Я переписывался с Сипавичюсом, и ощущаю в нём широкий, полный энтузиазма дух. Очень серьёзным и преданным человеком является Вайткус, с которым я много беседовал. Он работает в Клайпеде художественным руководителем в печатне. Отличительная черта его преданности – чувствознание и культура, чего не хватает Тарабильде, который с нами тоже переписывается. Тарабильда, хотя и столь горяч в приложении Учения, проявил так много несоизмеримостей, бестактности, или лучше сказать – наивности. Так, он хотел распространить свой рисунок в виде открытки: Н.К. в образе вождя Литвы. Подобных случаев, с которыми мне пришлось столкнуться, было несколько. И наконец: Клизовский уверял меня, что на Рождество он послал в Каунасское общество два Изображения Учителя, одно Обществу, второе – Серафинене. Тарабильда написал Клизовскому, что, поскольку у Серафинене есть другое Изображение и ей не нужно (?), он это Изображение оставил у себя. Но Серафинене мне сказала, что в первый раз слышит, что у Тарабильды есть Портрет и что он посылался ему. Она, однако, увидела этот Портрет в Обществе, и попросила меня подарить его ей. Я, прощаясь с ней, так и сделал. Подобные странности и неуравновешенности ещё у многих, прикоснувшихся к Учению. Здесь необходим весьма чуткий руководитель, который гармонизировал бы в человеке все токи, все душевные вибрации настраивал в наиболее тонком звучании. Серафинене свершила воистину великое дело. И сама она тоже растёт, и, быть может, несколько её лет стоят веков.

В субботу мы <с литовцами> посетили музеи, затем в 5 часов были на старшей группе. В воскресенье мы гостили в Сигулде у Виестур, читали письма Е.И., бродили вдоль берегов Гауи. В понедельник утром посетили Братское кладбище, вечером были опять в Обществе, на общей группе. Расстались мы поздно вечером. Чувствую, что в Литве у нас есть много милых друзей. Литовцы – люди огня, впереди у них великое будущее.

Во вторник под вечер к Гаральду пришёл седой отец Кригерт, прочёл историю своей общины, рассказывал о своих радостях и печалях. Сколь близок духовно Кригерт нашему Учению! Если бы не различия в понимании философии, из-за которых в мире столько раздоров, то могло бы быть гораздо больше братских сближений среди духовно зажжённых людей. Так приятно, что отец Кригерт столь терпим к нам. Однажды он явился к нам в Общество и выслушал длинный доклад об Иерархии, в котором рядом с Христом были поставлены другие Учителя. И всё же он снова пришёл, и даже хотел знать наше суждение о его докладе. Из книг Учения ему больше всего понравилась «Община». Ибо и Христос мог бы говорить так, как сказано в «Общине». Возможно, его с нами сблизила и моя очень доброжелательная статья о меннонитах в «Цельше». Столь чудными были некоторые его мысли: «Не штопать надо старые взгляды и мышление, но приходить с новыми, созидать на новых основах!», «Кто стоит выше, у того и сознание своего долга должно быть выше», «Каждый должен жить ради блага другого, надо помогать друг другу сплотиться, ибо только в общине возможно лучше всего развиваться».

В среду вечером я гостил у русского журналиста П.Пильского в Дубултах. Когда-то я ему передал книги Рериха, но его дома не было. Явился и Кейхель, член Парапсихологического общества. Г-жа Пильская – увлечённая антропософка. Кейхель принёс с собой последний номер «Оккультизма и Йоги», задаёт вопрос за вопросом. Ищет доказательств. Пришлось сосредоточить всю сообразительность. Очень оживлённо прошло всё время – четыре с половиной часа, прямо незаметно, и опять я заявился домой после часа ночи. Удивляюсь: раньше после всех бессонных ночей я был бы окончательно разбитым. Ныне – способен превозмочь усталость. Говорили мы о перевоплощении, о многом.

Сам Пильский признаёт трансцендентальный мир, но живого интереса не проявляет, поле его деятельности – литература. Симпатии Кейхеля я завоевал, рассказав, что предложил проф. Дале учредить институт парапсихологии, такой центр, который бы влиял на окружающую жизнь, и что в университете необходимо учредить семинар по парапсихологии.

В четверг на собрании в Обществе Буцен выступил с докладом о Культуре. Он говорил с большим восторгом, но, как обычно, слишком популярно, редко касаясь Учения. Наверное, в будущем эти свои недостатки он устранит. Он убеждён, что у него великий дар речи. Но, поистине, так сказать нельзя. Вообще-то он чрезвычайно пылок. В нём наблюдается большое продвижение, и он внутренне воспитывает себя. Когда-то он старался «выдвинуться», но мы надеемся, что и это он преодолеет. Вчера он поделился с несколькими членами Общества своей великой, наивеличайшей радостью. Он получил письмо от Шибаева, где были присовокуплены строчки Е.И.: «Посланные Вам «дары» считайте посвящением». Видимо, подразумевается Знак. Я понимал его большую взволнованность в тот вечер. Большей радости на свете человек не может обрести. Но и – большей ответственности.

В последние дни меня посетили несколько молодых, желающих вступить в Общество. При приёме – великая ответственность, ибо желательно, чтобы в Общество вливались люди с более-менее подготовленным сознанием. У нас теперь затруднения с некоторыми младшими членами Общества. Выгонять неудобно, но, по существу, они далеки от Учения. Так, мы желали бы реорганизовать группу Слётовой, в которой несколько неуравновешенных людей, и Слётова сама, кажется, не умеет воспитывать. Окончательно решить надо до следующего четверга, когда объявят дни собрания групп. <Занятия> в группах начнутся опять с 14 сентября.

7 сентября. Понедельник

От Н.К. в пятницу я получил письмо. Он озабочен, что не получил известий, можно ли посылать книги музеям на его родине? Я Шибаеву об этом ответил, но поздно. Много я думал и переживал по поводу этого вопроса. Главным образом о том, как ввести в эту страну идеи Пакта Мира. Там вся печать изолируется от внешнего мира. Помещаются статьи только близких им людей, и, разумеется, в особом стиле. Но Учитель предвидел, что Пакт будет иметь успех и там. Пришёл на ум Указ: «Если Учитель скажет: "Беги через поток" – значит, подножие усмотрено, но попади ногою на камень». Это значит – прояви наибольшую находчивость.

В субботу был у Клизовского, он прочёл мне новое письмо Е.И. Пишет о принципе Матери Мира. В конце вновь подчёркивает великое значение Знака Доверия в деле развития человека. Знаки для госпожи Крауклис и Слётовой были присланы по просьбе Клизовского. В конфиденциальном письме Е.И. отметила, что шлёт Знаки на ответственность самого Клизовского! Конечно, когда я это читал, у меня невольно защемило сердце: не обиделся ли Клизовский, что я прошёл мимо его знакомых? Те Знаки, которые были доверены мне для дарения, мы вместе с Валковским разделили по чистейшей совести. Думал и о Крауклис и Слётовой, но вручил бы им, если бы получил ещё. Я знал, что Слётова, при всей её преданности Учению, ещё не совсем гармонична. И сам Клизовский это только что подтвердил. Клизовский прекраснейший человек, но слаб как психолог, так, у нас возникли неприятности с двумя членами Общества, которых он рекомендовал и первоначально даже защищал.

Все эти дни было тяжко на сердце: я всё ещё не выполнил порученного мне задания. И никто из старших членов мне здесь не помог советом. Удивлялся я и грустил, что от Е.И. с июня не получил ни одного письма, хотя послал ей три. И сегодня пришла новая неожиданность – мне телеграмма. А именно: Deeply touched Haralds letter describing Your beautiful speech rejoicing unity members please convey our heartiest greeting. Roerich.[1] Гаральд преподнёс мне сюрприз. В четверг, после моего доклада, я дал ему свою речь с собой домой. Он её до трёх часов ночи переводил и утром воздушной почтой отослал. В речи были отображены и наши планы.

[1] Глубоко тронуты письмом Гаральда, описывающим Вашу прекрасную речь. Радуемся единению членов. Пожалуйста, передайте наши сердечнейшие приветствия. Рерих *(англ.)*.

Там был призыв не стать сектантами, быть культурными во всём... Такими неожиданными наградами, таким благословением меня столь часто одаряют. А что же я даю взамен своим Руководителям? Так мало я ещё выявил требуемой меры активности! Мне полагалось бы упорядочить свою жизнь. Но вчера, после долгого времени, я чувствовал себя опять сломленным, хотя весь день старался читать корректуру...

11 сентября. Пятница, утром

Насколько 27 августа у меня в Обществе хорошо получилось с докладом, настолько вчера – плохо с несколькими словами о новом порядке групп. Что другим так легко, для меня – великое затруднение. Но так уж, очевидно, нужно. Я согласен всё стерпеть, лишь бы принести благо Обществу, лишь бы в его доброе согласие не внести диссонанса. Теперь вечера по четвергам проходят так содержательно и созвучно. Вчера вела г-жа Драудзинь, прочла краткий доклад о жертве, затем – выдержки из Учения о служении. Потом читала очерки Н.К.: «Вперёд», «Тайны», «И это пройдёт». В завершение – несколько страниц из «Аума». Мы решили образовать две новые группы – латышскую будет вести Драудзинь, русскую – Крауклис. Буцен будет вести прежнюю, которую вёл вместе с Крауклис. Только мало останется в его группе, большинство желает начать нечто новое. Буцен мало пользуется успехом отчасти и потому, что слишком останавливается на Библии. Когда обсуждали распределение групп, вышла неловкость с Буценом, который был несколько расстроен. Группа Слётовой также останется по-прежнему. Хотели мы её упразднить в связи с тем, что в ней много членов Общества, излишне увлекающихся всякими «видениями». И сама Слётова этому способствует, ибо и у неё «астральные» способности. Хочу с ней поговорить побольше. Поручу доклад о вреде низшего психизма, дам материалы. Создали затруднения и некоторые члены в её группе и в группе Лицис, придётся с ними лично побеседовать. Они не внедряют Учение в жизнь.

Вчера я вновь получил краткое письмо от Н.К. От Е.И. всё ещё нет, хотя я так жду. Спрашивал её о предвиденных реформах в нашем Обществе. Однако если письмо так задерживается, значит, нам во всём надо управиться собственными силами. Единственно мне тяжко на душе от предположения, не ждёт ли Е.И. вестей о Ро<ссии>, и ответит только после них. Но я уже опоздал. Знаю, что всё это было для меня испытанием.

Вчера я побывал у Стуре. Приглашал его к сотрудничеству. Просил вести группу. Он оправдывается, что ныне очень занят в школе. Участвует в какой-то хозяйственной комиссии. Пишет учебник немецкого языка для школ. Кроме того – у нас будто бы уже есть хорошие руководители групп. Конечно, я говорил и о стремительном времени, когда особенно требуется взаимное содействие. Он сказал: я ведь косвенным путём могу с Учением ознакомить и школу. Прочёл мне письмо Е.И., адресованное ему. В нём Е.И. опять затрагивает тему вреда низшего психизма. В конце упоминает, что в сентябре и октябре события сгустятся. Пролог космической драмы начался в Испании, где тьма пожирает тьму.

12 сентября. Суббота

Сегодня я, наконец, получил письмо Е.И. Воистину благословен этот день. В письмах Е.И. так много евангельского, так много вечно-женственного и одухотворённо-мудрого. Во-первых, Е.И. отвечает мне на вопрос о трагических отношениях Аиды Виестур и Принциса. Принцис не может быть «старым духом», как Аида думает, ибо старым духам как раз присуща большая сила воли и великая неотступность. Также нет ничего обманчивее иллюзий Тонкого Мира: человек становится игрушкой жителей низших слоев. Далее: «Очень советовала бы молодой девушке подождать связывать свою судьбу... Поступок со Знаком, конечно, показал непонимание Основ Учения. Но оправдание этому поступку можно найти в чрезмерной жалости к крайне легкомысленному человеку и надежде, что Знак, может быть, поможет ему воспрянуть духом. Потому не будем слишком порицать. Ваше сердце правильно подсказало вернуть его ей... Со всею сердечностью просите её разумно отнестись к случившемуся... Скажу Вам доверительно – аура молодого человека очень отемнилась. Мне жаль молодую девушку, очень опасаюсь, что, выйдя за него замуж, она окончательно потеряет власть над ним и лишь послужит его дальнейшему духовному падению. Слабые характеры в довольстве не закаляются и не преуспевают...»

Сколь чрезвычайно чутко выражено! Странно: когда я к вечеру созвонился с Аидой, сказал ей, что у меня имеются из Индии важные радикальные сведения для неё, что я писал о состоянии её и Принциса и теперь у меня есть ответ, – Аида ответила: «Не могу ли я прийти к Вам в библиотеку в понедельник около полудня?» Она теперь будто бы интенсивно готовится к экзаменам. Когда я обмолвился, неужели она не желает приехать раньше, я всегда дома и поговорил бы с ней, она ответила: «Может быть, завтра, если поеду в Межапарк подыскивать квартиру». Где же её огонь, где её горение?! Я ведь её знал как весьма устремлённого человека! Неужели действительно Принцис начинает влиять на неё? Я бы ни мгновение не выдержал, не приехав. Я бы ночь не спал, зная, что где-то ожидают меня известия, которые могут радикально перевернуть мою жизнь. Даже Гаральд несколько раз немедля приходил ко мне, узнав, что о нём хоть пару строк написала Е.И.

Далее Е.И. даёт пояснения по некоторым вопросам в связи с Учением. О праздновании 24 Марта. В скором времени можно будет печатать «Аум». Относительно «Тайной Доктрины» она опасается – хватит ли у нас средств на неё. Затем о Гаральде, шлёт ему лекарства. Наконец: «Сентябрь месяц срок очень значительный для Европы и России, и особенно для Англии. Мы сейчас в вихре событий, но не будем устрашаться. Будем следовать Указаниям, чтобы не выступить из-под Щита. Одна тьма пожирает другую тьму, точнее определить происходящее трудно. Как обстоит дело с уставом?» Я в июле писал ей, что мы желали бы завести в Обществе внутреннее положение. Она отвечает, что следует придерживаться тактики Будды. Основополагающие законы должны быть краткими, остальные могут быть подвижными и их можно менять. Спрашивает о моём новом труде. Он близок её сердцу. Шлёт приветы.

На сердце была такая тяжесть, но получил письмо – и сердце расцвело.

Вернувшись домой, я встретил Иоханну Кегис, которой мы выделили комнату в чердачном помещении, она вернулась из деревни. Только начал с ней беседовать, как она сразу внесла в пространство диссонанс тьмы. Всю прошлую зиму я ощущал порывы её настроя. Все мои лучшие слова и намерения отскакивали, как от железной стены. С любым психически здоровым человеком я бы смог весьма скоро завязать контакты. Зимой было трудно, ибо она четыре месяца даже не искала работы. Любой душевно здоровый человек ушёл бы от людей, к которым он ощущает неприязнь. Пусть она живёт у нас, но тяжкая проблема – как её лечить?

13 сентября. Воскресенье, вечером

Сегодня был в гостях у К.Дуцмана. Принял очень вежливо: «Где же мы в прежних жизнях встречались?» Рассказывал о своих книгах. Подарил труд Петрашицкого. Уже там под конец Дуцман говорит об этике. В завершение встречи мы коснулись и его статьи в «Сеейс» о расширении сознания. Оказывается, «Сеейс» печатается в 10 000 экз. и его выписывают все пасторы. После появления статьи Дуцмана посыпались потоком письма пасторов с протестами. В продолжениях статьи редактор печатал примечание, что он не согласен с мыслями автора. Наконец – вообще приостановил дальнейшую публикацию, но текста ещё остаётся на два номера. Но на этом дело не кончится. Статья выйдет книгой, издаёт её «Земниека Домас»[1] в правительственном издательстве. Издадут 1 000 экземпляров с условием, что Дуцман часть распространит сам. 300 экземпляров обещал распространить Вилцинь в своих приходах, он стоит близко к учению Лорбера. И сам Дуцман интересуется Лорбером, ныне читает восьмой том его статей. Мировоззрение будто бы близко нашему Учению, космологические и природоведческие установки совпадают с современной наукой. Я сказал, что мы получили Указание Учителя, что Белое Братство не имеет никакого отношения к Лорберу. На это, прощаясь, Дуцман ответил: «Следует доверять и личной интуиции». По всему видно, что он ещё не проникся духом Учения, ещё не осознал полностью и всей сути Принципа Иерархии, так, как это понимаем мы. Я просил его прочесть свой труд в нашем Обществе. Обещал сделать это в октябре. Высказал желание почаще встречаться со мной. Чувствуется, что он в великом одиночестве. Жена парализована, живёт в Огре. Духовного контакта с ней нет. Но, быть может, страдания в семейной жизни и помогли ему вырасти духовно?

[1] «Zemnieka Domas» *(латыш.)* – «Крестьянские думы».

Ныне Пильский поместил статью о Рерихе в «Сегодня». Пишет культурно, отзывчиво. Единственно жаль, что вначале отметил, что некоторые называют нас Белым Братством. Кто же смеет пользоваться этим священнейшим именем?!

14 сентября

Сегодня случилось нечто неслыханное в истории Латвии: утром к д-ру Лукину явились двое врачей из полиции, Вейд. и Коц., по поручению директора департамента здравоохранения Алкса, с целью допроса насчёт его методов лечения. Объявили, что он сам не имеет права изготовлять лекарства и выдавать их, и что распространять следует через аптеки. Что же это! Если Лукину действительно запретят изготовление лекарств, то тем самым полностью разрушат новую, гениальную отрасль медицины, и это станет тяжким ударом всей культуре духа и тела для Латвии и всего человечества. Ведь д-р Лукин сам их составляет и совершенствует. Разве аптека будет работать вместо него? Разумеется, Лукин проявляет величайшую энергию, чтобы победить. Ибо за ним Истина, его поддерживает Иерархия Света.

15 сентября

Сегодня Гаральд был у Алкса (министра здравоохранения). Тот всё время относился к нему с насмешкой. Вёл себя грубо. Назвал его отца шарлатаном. Гаральд, уходя, не подал руки. Ныне Гаральд спешно добивается приёма у Ульманиса. Ибо после того, как решение будет официально сообщено, будет уже поздно.

16 сентября. Среда, вечером

Сегодня, наконец, пришла Аида. На несколько минут. Ибо где-то в Межапарке её ждёт брат. Она вообще намеревалась прийти тогда, когда меня нет дома. Чувствую, что Аиде ответ из Индии как-то неприятен, словно и не важен. Когда она сказала, что её ожидает брат, мне было трудно начать <разговор>. Я ведь сообщил, что здесь самые радикальные советы для неё от нашей Руководительницы. Она была очень встревожена, возможно, что и оскорблена. Можно было ощутить, что она куда-то торопится. Знаю, как человеку иногда трудно бывает выдержать истину. Особенно, если он внутренне в ней хоть немного сомневается. Таких случаев в Обществе было несколько. Мне казалось, что и Аида про себя мыслит: «Вы его совершенно не знаете!» Ибо, как говорят, – любовь всё идеализирует. Вообще-то верно, что ныне – психологически самый неподходящий момент сообщать Аиде эту истину. В последнее время Принцис наладил хорошие отношения с семьёй Виестур. И у матери лучше мысли о нём, чем прежде. Он начал новую торговлю обувью, хочет теперь искупить свои прошлые финансовые промахи. Все его мысли сосредоточены только на одной цели – как заработать деньги. В Обществе не был давно. Вполне возможно, что там он <боится> встретиться с одним членом Общества, дамой, у которой одолжил крупную сумму денег. Но нельзя забывать о духе. Если человек будет жить духом, то и внешний успех придёт. В его случае не столь важны успехи, хотя у Принциса обстоятельства сложились трагично, но прежде всего – нужно сознательно воспитывать свой характер. Кажется, об этом он мыслит мало. Недавно, в разговоре с ним, я заронил несколько подобных советов, но чувствовалось, что они не дошли до средоточия его существа. Я нисколько не сожалею, что писал в Индию. Во-первых, мать <Аиды> неоднократно меня просила. Во-вторых, самое главное, – я должен был сообщить о Знаке. И ведь я обрисовал всю эту историю шире для того, чтобы хоть как-то оправдать её поступок. И также надлежало прийти к ясности о видениях, посетивших их обоих. И подтвердилось, что относиться к ним следует чрезвычайно критически.

Возможно, что настроения Аиды в тот момент я полностью и не понял. Хочу быть справедливым. Только что я узнал, что она была простуженной. Всем сердцем я желал бы её охранить от влияния Принциса, и, в свою очередь, ей следует воспитывать Принциса, если только она на это способна. Так или иначе, всё это величайшее испытание в её жизни.

18 сентября. Пятница, утром

Вчера Гаральд прочёл мой доклад в Обществе, в русском переводе. Затем кое-что рассказал о Флоренции, о величественном духе её культуры и о Савонароле, и в конце высказал пожелание, чтобы подобная Флоренция процветала и у нас, и нами руководил Савонарола. Прочёл письмо Е.И. мне и Клизовскому. Гаральду никак не удаётся добиться приёма у президента. Положение тяжёлое. Говорят, что уже принят закон, запрещающий врачам держать дома готовые лекарства и давать их больным. Гаральд думает, что этот закон принят специально из-за него.

19 сентября

Сегодня утром беседовал с Аидой, она мне сказала: «Я ведь у Вас не просила совета, просила моя мать». Как больно было это слышать! И главным образом потому, что этот совет дала Е.И., а не я. Это было уже определённым неуважением к совету нашей Руководительницы. Ведь весной <Аида> сама неоднократно приглашала меня и Валковского к себе и поверяла свои печали. По всему чувствовалось, сколь неприятно теперь ей это вмешательство в её жизнь, – то, чего она сама раньше желала. Размышлял я много. В конце концов сходил к ней домой. Ибо я хотел сгладить острое напряжение. Она упрекала, что не ожидала от меня такого. Но я шёл не оправдываться перед ней, а яснее донести мысль, что я несу ответственность за Общество и за неё, и что я в ответе за Знак. Её будто бы поразило то, что Е.И. дала тот же совет, который в ней самой уже три года назад созрел, как же она могла его повторить? Я сказал, что Е.И. видит ауры, и видела и её, и Принциса и т. д., разумеется, подробнее об ауре Принциса я ничего не сказал. И у неё не было никакой причины примеряться к пониманию Аиды. Странно. Ведь я ранее видел в ней великую преданность? Знаю, что любовь слепа, даже безумна. Единственно я опасаюсь, как бы Аида неосознанно не оказалась под влиянием Принциса. Таковы мои первые трудности на посту руководителя. И они непрестанно следуют за мной. Трудно быть с чутким сердцем. Так и сегодня, к примеру, пришлось временно отказать в приёме в Общество некой юной деве, которой я отчасти уже обещал относительно принятия. Я видел её интерес и то, что она много страдала, но недавно мне стали известны о ней некоторые вещи, которые заставляют строже её испытать перед принятием. Есть люди, которые в первый момент кажутся столь ясными, о которых смело можно сказать: вы – люди будущего. Но есть и такие, которые вовсе неплохи, но окутаны тайной. Сердце велит как-то осторожнее к ним подходить.

23 сентября. Суббота, вечером

Благословен этот день! Во сто крат – благословен! Этот день вновь принёс моей жизни невыразимое словами счастье! Изумляюсь, как я способен вынести это великое напряжение прекрасного. Быть может, потому, что уже были подобные минуты напряжения, и дух уже познал объятия огня. Станет ли этот день венцом других дней? Знаю только, что и другие дни были для меня столь же священны. И тогда, когда приходила неожиданная радость – Изображение, или – фотография Камня, или Знак, или Слова Учителя о конспекте моей книги. Подобное благословение мне принесло и письмо о нуклеусе, далее – письмо Е.И. о моей речи. Склоняю голову перед Великими Дарителями. Стать бы мне достойным великой ответственности! Вот её письмо:

«Родной наш Рихард Яковлевич, 4 сентября принесло нам большую радость. От Гаральда Феликсовича пришло письмо, полное энтузиазма, написанное им под впечатлением Вашей чудесной речи и той гармонии сердечного единения среди присутствующих, которую установила вибрация Вашей ауры. Радость эта ещё возросла, когда было Сказано: «Разделяю Вашу радость о Латвии». Потому мы не могли удержаться и послали Вам телеграмму. Теперь же прилагаю и Сказанное на следующий день, Слова эти мы включим в книгу «Аум». – «Вы слышали, что лицо, страдавшее недостатком речи, вдруг могло произнести прекрасное и вдохновенное обращение. Не могла этого достичь лишь единоличная воля, требовалось участие и другой энергии. Кто-то послал свою Защитную Силу. Может быть, такая Сила навсегда исцелит недостаток. Может быть, нервная судорога уйдёт навсегда, если сохранится та степень энтузиазма, которая наполняла произнёсшего прекрасную речь.

Пусть он наблюдает за ритмом своего сердца. Пусть вспомнит, как гармонизировалась его удачная речь, которая так вдохновила слушателей. Удержать явленную гармонию уже будет достижением. Много можно привести примеров, когда ритм психической энергии возносил человека и помогал преодолевать все нервные спазмы. Много можно назвать случаев, когда люди под влиянием высшей энергии забывали навсегда о своих недостатках». – «Всякое чрезмерное напряжение противоречило бы гармонии. Надо, чтобы удачная гармония оставалась в памяти без всякого насилия. Пустынники указывали на глубочайшее значение бессловесной молитвы – так судить могли лишь познавшие мощь гармонии». Так, родной Рихард Яковлевич, памятуйте о посылаемой Силе, пусть в сердце пребывает животворящее тепло при воспоминании о Защитной Силе.

Вчера пришла глава «Культура» из Вашей книги[1]. Прочли мы её с полным восторгом, ибо это именно то, что сейчас так важно подчеркнуть. Ввиду этой важности мы очень просим Вас напечатать эту главу по-русски в виде отдельной брошюрки. Она будет крайне нужна. Напечатать её следует как можно дешевле. Ведь много замечательного совершается и нужно бросить лучшие зёрна во вспаханную почву.

Шлём Вам и Элле Рейнгольдовне и всем ближайшим сотрудникам нашу радость».

Приложены были письма Н.К. и В.Шибаева. Сердечно пишет и Н.К. Он даёт конкретные указания о публикуемой брошюре.

Я решил в конце «Нерушимого» перепечатать один лист, чтобы была возможность поместить присланную статью Н.К. «Мир».

Вчера отослали в цензуру мою книгу «Сознание Красоты спасёт».

26 сентября

Сегодня получил от цензуры разрешение. Новое, хотя и небольшое, строение опять свершено. Всё же многие свои мечты, заботы, устремления я воплотил в ней. Со следующей недели начну её рассылать.

Получил телеграмму из Наггара, чтобы спешно начать печатать «Аум».

28 сентября. Понедельник

21 сентября, в понедельник, я прочёл в старшей группе краткую «Памятку руководителям групп» – о принципах, которых следует придерживаться, руководя группами. Кроме теоретических, я подчеркнул и воспитательные моменты. Руководитель должен быть и воспитателем, он должен вникать в личную жизнь членов группы, должен стать отцом и матерью. Эти напоминания особо важны теперь, потому что создаются две группы: Драудзинь (латышская) и Крауклис (русская), которые уже начали свою деятельность. Знаю, что эта памятка будет принята во внимание. Самый больной вопрос был о группе Слётовой, которую мы хотели упразднить, распределив членов по иным группам. Однако в последний момент я её оставил, дабы не оскорбить Слётову. Сама Слётова тоже поняла, что членов её группы ещё нужно воспитать, старается подойти к ним ближе. Только что я долго говорил с Бялковским, одарённейшим, устремлённейшим членом группы Слётовой. Он тоже осознал, что необходимо содружество, взаимное воспитание, и он попытается содействовать этому в группе Слётовой.

2 октября. Пятница, утром

Вчера в Обществе шведский журналист и путешественник Иллион познакомил нас с религиозными обычаями Тибета. В Азии верят, что наступающие годы будут решающими в истории человечества. Большинство лам – лицемеры. Есть только несколько сот истинных отшельников, полностью забывших о корысти, достигших «вечной молодости». В минувший четверг Валковский читал в Обществе письма.

Я получил от Н.К. новое письмо. Оказывается, наша совместная с Буценом телеграмма о том, что для печатания «Тайной Доктрины» средства имеются, имела значение. Получена она 16 сентября. События следует оценивать не по следствию, но больше по побуждению. И мы ощущаем, что 16 сентября заложены основы чего-то великого. <Послать> телеграмму предложил Буцен.

[1] «Николай Рерих. Водитель Культуры».

7 октября. Среда

Я получил завершение «Аума» и письмо Н.К.: «Из нашей телеграммы Вы уже знаете о необходимости выпустить эту книгу со всякою спешностью. К этому имеются особые причины». Получил я и несколько номеров журнала «Урусвати», которые следует переслать на родину Н.К. О последней мы много, много думали: как же внести идеи Пакта Мира и там? Получил новый образец каталога наших книг, много думалось о распространении книг за рубежом. Если мы сами там распространяем, то нам необходимо получить в Валютной комиссии лицензию, но через «Вальтерса и Раппу»[1], во-первых, дело движется намного труднее, во-вторых, нам следует давать 40% за работу и т. д. Есть трудности и с представительством книг Учения за рубежом.

Так или иначе, всё следует делать спешно: «Ведь теперь каждый день равняется целому году».

12 октября. Понедельник

В четверг на общей группе мы начали читать «Общину». Вечер открыл Клизовский кратким обзором о значении мгновения молчания.

В пятницу Буцен был у русского консула по делу пересылки книг в русские учреждения. Вначале, разумеется, он был принят прохладно, позже разговорились весьма сердечно. Буцен познакомил консула с Пактом Мира. Ныне у нас проблема – как лучше всего послать книги? В конце концов мы решили официально, от имени Общества. В эти дни я пошлю и статьи о Пакте Мира для русских журналов. И здесь приходится ломать голову, ибо какие только сплетни не распространяются об Н.К. и о нас. Разумеется, открытость чище всего представит честь Общества. Наш девиз – Культура, и кто очерняет носителей Культуры и её вождей, людей, самоотверженно служащих внесению света в сознание человечества, те сами себя зачисляют в ряды тьмы. Только что, в четверг, проф. Шмидт читал в «Мамуле»[2] доклад о том, что нам даёт Восток. Часть своей лекции он посвятил Н.К. и поношению его экспедиции и движения. Мы знаем, что Шмидт уже неоднократно выступал в народном университете против Н.К. Также он писал в «Брива Земе». И в отделе прессы совершенно превратное мнение об Н.К. Такие же слухи распространяет и Дикман. Между прочим, я только теперь прочёл его бескультурную статью в индийском журнале «Йога» за прошлый год. Он ни в малейшей степени не понимает истинного значения того, что есть Махатма, но похваляется, что познал культуру Индии; по сути дела, он – узкосердечный сектант. Так всё больше вокруг нас нарастают противоборствующие силы. Чувствую, что будет ещё битва. Но мы знаем, что за нами Иерархия Света.

13 октября

Вчера мы отослали Московской публичной библиотеке третий том журнала «Урусвати». В качестве сопровождающего письма – бланк Общества с моей подписью. Затем я отослал ещё от своего имени в Москву, в «Новый мир» и «Литературную газету», статьи о Пакте Мира. Мы знаем, что это риск. Неизвестно, как русская пресса это воспримет. Могут быть неожиданности и с нашей цензурой. Но благой труд наделён крыльями успеха. В добром труде магнит и огонь. И всё же – вчерашний день я считаю новой страницей. Знаю, насколько это важно – заложить магниты о Пакте Мира в сознании русского народа. Если бы эти статьи остались лишь в ящиках <столов> редакций, всё-таки некоторые с ними познакомятся. И будет же когда-то смена правительства, может быть, уже скоро. Тоска по духовному опять должна занять центральное место в сознании русского народа.

На прошлой неделе начали набирать «Аум». Знаю, как всё это спешно. «Нерушимое» отправлено в цензуру 6 октября, ещё до сегодняшнего дня нет ответа. Печатают и «Культуру». Задумываюсь, может быть, книгу о сознании Красоты всё же издать и на латышском языке, прямо-таки жаль, что латышскую молодёжь эти идеи минуют. Но как же издавать конспект, когда впереди большой труд? Знаю, что некоторым эта книга принесла радость.

---

[1] Крупнейшая книгоиздательская и книготорговая фирма Латвии, основанная в 1912 году.

[2] Так называли Дом Латышского общества.

Однажды утром Валковский показал мне мокрый носовой платок – он всё ещё остаётся приверженцем восторженных проявлений, но на людях теперь себя сдерживает.

17 октября. Суббота

Буцен получил письмо от Е.И. В нём конкретные указания об издании «Тайной Доктрины», которую нам вышлют в ближайшие дни. Затем в письме – пояснения о психической энергии. И Гаральд получил от Е.И. письмо, что они вместе с Гаральдом возмущены нападками на него духовных мракобесов. Врачам-искателям, прокладывателям новых дорог, стало быть, опять приходится превратиться в алхимиков-символистов, как в средневековье.

«Истинно, только твёрдо идущему сопутствует Луч Великого Владыки, ибо он идёт не уклоняясь и потому не выпадает из полосы Света... События надвигаются, но встретим их мужественно, ибо они есть вход в будущее. Над Севером знаки хорошие. Под Щитом Великого Владыки всё воинство Его будет невредимо. Но нить, связующая сердца Учителя и ученика, пусть превратится в мощный канат, ибо много будет посягательств порвать её».

В четверг читали, между прочим, в латышском переводе «Подземные жители» Рериха.

Сегодня мы переговорили с Эмилией Виестур и Мисинь о драматической студии в Обществе. В следующий вторник соберутся впервые. Виестур очень хотела бы организовать детский театр. Об этом и я мечтаю, но нужны средства и репертуар. В нашем Обществе можно было бы проводить вечера поэзии, драматических представлений, один вечер мог бы быть, к примеру, посвящён жертвенным песням «Гитанджали» Тагора и сценам из «Владыки тёмного покоя». Всё будет зависеть от того, сколько огня и упорства найдётся у сотрудников.

Сегодня мы получили разрешение цензуры выпустить «Нерушимое».

23 октября. Пятница

Я получил сегодня столь долгожданное письмо. 29 сентября воздушной почтой я отослал Н.К. свою книгу о Красоте. Хотя я и вложил свой огонь сердца, свой пиетет и устремление, мечты о будущем, однако окончательно готовым и освящённым своё строение я мог считать только после того, как получил бы признание из Индии. И сегодня вновь я держу в руках два священных, благословенных письма: от Е.И. и Н.К. И опять – великий дар сердца, принёсший мне огромную сердечную радость, великое, всеобъемлющее счастье сердца. Сколь чудесно это письмо Е.И., чудесно, как и прежние:

«Вчера была нам радость – пришла Ваша чудесная книга "Сознание Красоты спасёт". В тот же вечер мы прочли этот огненный гимн Красоте. С восторгом вчитывалась в эти одухотворённые строки. Столько в них сердечного огня! Столько Света, бодрости и радости! Книга эта должна найти место на столе правителей, в школах и в каждом обиходе. Ведь она говорит о самом насущном, о том, чем жив человек! Хотелось бы, чтобы она проникла и туда, где начинают мечтать о внесении красоты в жизнь.

Сердечное спасибо и за готовность издать книжку "Культура". Сейчас так важны подобные книги. Нужно будет найти и возможность распространять их и в Швеции[1]».

Затем о Дуцмане, о радости Гаральду. «Ничто так не усиливает нашу психическую энергию, как любовь к Учителю и энтузиазм в Служении. Доверие, энтузиазм и любовь к Великому Владыке творят чудеса в жизни нашей и переносят нас через все опасности...

Вы правы, выдавая Портрет лишь сотрудникам, заслуживающим доверия. Хотя Портрет открыто продаётся в Теософском обществе и напечатан в книге Гартмана, всё же пусть нами он не распространяется слишком свободно. Также тот Портрет, который был послан Вам, даётся с большим выбором». Хочу ещё пояснить, что тот Портрет, который мы вручаем членам Общества, отличается от помещённого в издании Гартмана. Затем <Е.И. пишет> об астрологии. Радуется по поводу Монтвидене, что она избрана руководительницей Литовского общества. Пишет о «Тайной Доктрине». И в конце:

«Родной Рихард Яковлевич, мне хотелось бы знать, кому из ближайших сотрудников показали Вы присланный Вам Портрет? Фёдор Антонович через Владимира Анатольевича запрашивал меня о Портрете, который бы он мог носить всегда при себе.

[1] В СССР.

Думаю, что он имеет в виду такой же, как и у Вас. Если да, то мы отпечатаем ещё и пошлём ему. Мне также хочется послать один и Гаральду Феликсовичу. Пока что, кроме Вас, никто (в Европе) этого Портрета не имеет.

Так в дни величайшего космического напряжения в чудесной Латвии строится великое дело. Огненные формулы входят в жизнь и будят сознания. "Осознание Красоты спасёт" – истинно спасёт!

Хочу закончить самым прекрасным. Вчера, когда мы читали Ваши вдохновенные страницы, пришла Весть – "Похвалите Рихарда – он радует".

Пусть эта РАДОСТЬ звучит ПОВЕРХ всего!»

Письмо Н.К.:

«Спасибо Вам сердечное за большую радость, нам доставленную Вашей новой книгой. Спасибо и за посвящение, и за весь текст, полный духовного горения. Поистине, кроме вдумчивого увлекательного изложения, вся книга привлекает к себе своей духовной чистотою. Аура книги полна аурою автора; так ценно, что в Латвии издаются такие чистые идейные книги, и можно лишь пожелать, чтобы она проникла в широкие слои общества. Пусть книга войдёт в школьные библиотеки. Пусть она найдёт путь и за границу, пусть и в других странах знают, чем горит дух Латвии. Ещё раз спасибо за праздник духа». Затем – об отправке книг президенту нашего государства (в среду мы уже послали журналы «Урусвати» и труды Н.К.). Пишет о распространении книг, о Гаральде и т. д. В конце:

«Теперь самое главное. Вы уже знаете о том, как Свыше одобрена Ваша деятельность. Теперь Указано, что Общество может расширяться, привлекая молодёжь. Вообще, всякое общение с молодыми поколениями совершенно необходимо для каждого живого дела. Предчувствуем, как эти зёрна Указаний упадут на Вашу чуткую почву. Поистине красота спасёт мир. Все наши общества и содружества являются и отделами Лиги Культуры. Ведь в культуре кристаллизуется красота».

26 октября. Понедельник

Вчера я прочёл в старшей группе оба письма, за исключением страницы о Портрете и «Тайной Доктрине». До того я долго сомневался, хорошо ли это? Я ведь никогда личное не показывал другим, единственно давал читать Валковскому. Но моя книга ведь не принадлежит мне одному. Она принадлежит всем. И как же не поделиться радостью с ближайшими друзьями? Конечно, чрезвычайно трудно читать людям добрые слова о своей работе. И тактично ли это? Но если каждое слово, идущее из Индии, есть Красота, то как же не передать её другим?

Приятнее всего делиться с теми близкими сотрудниками, в которых сказанное никогда не вызовет личностной мысли. Откровенно говоря, в этом смысле смелее всего я с Валковским. Какими бы пылкими и чудными ни были Буцен и Клизовский, я не уверен, освободились ли они совсем от оттенков обидчивости? Кроме того, сколько раз Буцен по-детски мне говорил: «Напишите что-нибудь хорошее в Индию и о моих докладах». Конечно, он творит благо ради дела, но всё же просвечивает и своё «я». Он просил Портрет. Е.И. мне писала об этом, очевидно, чтобы я высказал свои мысли, но ведь она сама знает. Как же мне посметь судить и советовать? Буцен ведь милый человек, и мы становимся друзьями. Но если бы я отметил в письме к Е.И. Буцена, то должен отметить и Клизовского, и Валковского. И Гаральд понемногу приобщается к нуклеусу. Он участвует и в финансировании «Тайной Доктрины». Он ещё молод, и это тем более привлекательно, ибо в нём чистое сердце и наибольшая пылкость.

Радуюсь, что свои книги смогу посылать и на родину Рериха. Свою книгу о Красоте сегодня отсылаю в Музей Толстого в Москву. Побольше вышлю, когда выйдет «Культура».

30 октября. Пятница

Вчерашний день в Обществе был для меня великим днём. Вечер я открыл докладом об Армагеддоне, о помощи другим и законе соизмеримости, об Иерархии и о спешном обращении своей жизни и труда на всеобщее благо. Весь день я был в величайшем напряжении, ибо только к вечеру успел переписать доклад. Это уже второе великое моё испытание. Постепенно мне следует освобождаться от напряжения.

Валковский прочёл адресованные мне письма Е.И. и Н.К., разумеется, немного приспособив к сознанию общего собрания. Потом – призыв Тарабильды устроить выставку картин во время проведения форума последователей Учения стран Балтии. Согласно нашему проекту, организация такого форума задумана на лето следующего года, быть может – в Каунасе. В завершение прочли только что присланную работу Н.К. «Мастерская Куинджи». Затем, как обычно, читали «Общину».

2 ноября

Мы долго беседовали с матерью Аиды. Высказывала все свои печали. И Аида, кажется, в удручённом состоянии. Как хочется хоть как-то им помочь! Аиде следовало бы всё принимать проще, поручить свою беду Учителю, устремляться только в будущее. Тогда жизнь была бы легче. Аида обещала зайти ко мне, но не приходит. И в Общество ходит нерегулярно. Её мать и Принцис совсем не являются. Принцис всё ещё угнетён финансовыми заботами. Возможно, он боится, что члены Общества к нему плохо относятся. Я пытаюсь развеять его опасения. Ведь учитывать следует, что теснейшая связь с Иерархией даёт успех и во внешних делах. Только огонь устремления сжигает все горести, ошибки и неприятности. Знаю, как много и он страдал. Но ведь свободная воля человека всё может. Следует только направить её ввысь.

В воскресенье Фрицберг прочла статью Савицкого о культурных преобразованиях в России.

3 ноября. Вторник

Сегодня я получил две первых посылки «Тайной Доктрины». Много об этом мыслилось и писалось. Издать следует до 15 мая, когда вступит в силу договор Латвии по Бернской конвенции[1].

4 ноября

Я получил разрешение цензуры выпустить в свет книгу о Культуре. Сегодня пришли и письма от Н.К. и Шибаева. Теперь придётся активно отсылать за рубеж обе мои книги, ожидаю выхода и второй моей брошюры. Многие дары направятся и на родину Н.К. Надо начать думать и об издании сборника статей в память о Докторе. Одобрение от Н.К. пришло. В понедельник начнут печатать «Тайную Доктрину». Заказываем бумагу. Нарастает новый трудовой накал.

Сегодня пошлют «Аум» в отдел печати.

6 ноября. Пятница

Вчера на общей группе Буцен прочёл доклад о Сердце. Затем Блюменталь в нескольких словах рассказал о впечатлениях об Эстонии и Финляндии. В Таллине много оккультистов, но все жаждут одного определённого руководителя. Интересуются и Учением Живой Этики. Странно, что вчера ночью я видел чудесный сон: на расцвеченном звёздами вечернем небе – золотая Чаша. Взгляды многих были обращены на неё. Я думал, что это была Чаша Агни-Йоги, символ Учения. Думал и о том, что теперь многие люди начнут интересоваться Учением. Затем я увидел, кажется, Блюменталя, сидящего в дюнах и грустно взирающего на Чашу. Быть может, это было указанием, что и в Эстонии в скором времени загорится Священный огонь Живой Этики.

9 ноября

В воскресенье в старшей группе мы конкретнее обсуждали вопросы относительно сборника, который издадим в память о Докторе. Наметили авторов, которых пригласим. Будет настоящее – «Liber amicorum»[2]. И уже сегодня мы получили первую статью – посвящение Н.К. «Светлой памяти д-ра Феликса Лукина». Меня так изумила и привела в восторг именно та готовность и быстрота, с которой Н.К. проводит в жизнь решённые дела.

[1] Об авторских правах.

[2] «Благородному другу» *(лат.)* – книга, посвящённая Р. Роллану.

Несколько дней назад он мне писал, что пришлёт, и вот, статья уже у нас в руках, хотя времени для написания – ещё два месяца. Только люди великого духа могут быть столь отзывчивы и способны всё безотлагательно осуществить. «По моей привычке всё полезное не должно быть отложено». И сама статья написана в одухотворённом, величественном стиле. Сердце радуется каждой строке.

Моя первая ласточка в субботу вернулась из Москвы – книга о Красоте, которую я отослал в Музей Толстого. На бандероли печать: Non admis[1]... на основании такого-то международного закона. Так, в русскую землю для Красоты Духа врата пока закрыты. Попробуем послать «Культуру» и «Нерушимое». По крайней мере, высланные журналы «Урусвати» не вернулись. Теперь высылаем «Иерархию» с сопроводительным письмом.

13 ноября

Бывают в жизни человека мгновения, когда его охватывает ужас в прямом смысле этого слова. Так было со мной вчера, когда услышал, что в новоизданной книге «Аум» пропущена третья страница, где отмечается серия Агни-Йоги. Да, при печатании в моём сознании была «Община», где этой страницы нет. И в рукописи, и в письмах не было указаний, возможно, думали, что это само собой понятно. Однако я испытываю некоторые сомнения, поэтому шлю телеграмму.

Позавчера я узнал, что в новой книге Н.К. «Нерушимое» из-за небрежности печатни и переплётчиков вшита неправильная страница. Теперь придётся страницы заменять, ибо книга, к сожалению, уже пришла в Общество и некоторым уже выслана. Самое неприятное, что придётся спешить вдогонку за рубеж с правильной страницей и извиняться. Как много затруднений было этой осенью! Надо иметь великую сообразительность! Но было и немало радости.

Мы ещё не решили вопроса с печатней и бумагой для книги «Тайная Доктрина». Существующие – не удовлетворяют, но лучших нет. И лучшая бумага очень дорогая.

Вчера в Обществе Валковский зачитал Станцы <Дзиан>, <отрывки> из писем Е.И. Клизовскому. Затем – статью Н.К. о Докторе.

17 ноября

В эти дни опять пришлось пить из самой горькой чаши. Нет ничего тяжелее осознания, что свой долг ты мог бы выполнить лучше. На свою телеграмму я получил ответ: «Третья страница может быть пропущена». Значит – может и остаться, и, несомненно, лучше, если останется. Поэтому мы решили страницу вклеить. Но когда я узнал, что на первой странице пропущено слово, я решил перепечатать весь лист. И как же будет смотреться вклеенная страница? Опасаюсь, как бы не было ошибок и в книге. Вина моя в том, что в начале корректуры я слишком полагался на предыдущего корректора. Так, и в начале третьей части «Мира Огненного» есть несколько ошибок. Придётся опять печатать указатель ошибок. Неужели действительно невозможно без ошибок? Почему в своих книгах я редко допускаю ошибки? С русскими книгами было то неудобство, что каждый день я получал по листу, но каждый день внимание неодинаковое. И читать корректуры приходилось во всевозможных условиях. Надеюсь, что, по крайней мере, с «Тайной Доктриной» мы сможем избежать ошибок.

Трудность моя в том, что я слишком сильно всё принимаю к сердцу.

«Тайную Доктрину» мы начнём печатать послезавтра в «Латвью Култура». Другой возможности не было. И бумагу заказали. Так заложены основы для колоссальной работы.

20 ноября

Единственное, о чём молю:

Не дай мне счастья, не дай мне лёгкой жизни, дай мне только выполнить свой долг до конца и прекрасно!

[1] Не принято *(франц.)*.

3 декабря. Четверг, утром

Очень о многом болело сердце. Особенно – о книге «Аум» и об ошибках. Это – моя любимейшая книга, и я хотел сделать её наилучшим образом, но её выход в свет был самым неудачным. Наконец, в субботу мы начали рассылать за рубеж. Ошибки мы исправили в тексте. Также есть затруднения с «Тайной Доктриной». Мы условились с печатней «Латвью Култура», даже внесли деньги. А теперь мы им отказали и договорились с «Рити»[1], которая приобретёт за рубежом совсем новые машинные буквы, образцы всех видов. Хотим сделать наилучшим образом, но иные типографии очень бедны, стыдно с такой печатью за рубежом показываться. Есть сложности и с отосланными книгами, всякого рода недоразумения и ошибки. Радуюсь, что Валковский теперь начинает помогать мне и в организации печатания книг. Буцен слишком стар, от него чаще всего слышатся только упрёки, слишком мало у него выносливости и недостаёт понимания эстетики.

4 декабря

Вчера в Обществе Гаральд прочёл выдержки из Учения о торжественности. Затем Аида Виестур долго читала о науке. Завершая вечер, Гаральд сурово высказался о тех, кто ушёл во время заседания. Но ведь это были русские, которые ничего не понимали <по-латышски>. Нам очень нужна дисциплина, но Гаральд со своим темпераментом иногда ещё не чувствует меры. Радостно было, что на вечере присутствовала и супруга Гаральда. Противодействие Учению в ней затихает. В минувший четверг Вайчулёнис читал свой красивый очерк «Бог есть всюду». Затем Фрицберг пересказала лекцию Целма о Культуре и технике.

Я получил письмо от Н.К. со многими чудесными приложениями, были и «Листы Дневника» – «Сознание Красоты спасёт», где в завершение упоминает мою книгу.

7 декабря. Понедельник

Вчера в Обществе возникла новая щемящая боль, которую с усилиями придётся залечивать. В старшей группе, после того как были зачитаны письма Н.К., Гаральд вызвался поговорить о вечере прошлого четверга. Я не мог предчувствовать, что он будет говорить в столь резком тоне и заденет личности. Он упрекал, что во время выступления Аиды целый ряд членов Общества ушли. И в том числе – «стыд и срам» – некоторые члены старшей группы, а именно – Фрицберг, Клизовский и г-жа Крауклис. Он ставил в упрёк Клизовскому и то, что на лекцию Дуцмана он пришёл только на 5 минут. Это было – как взрыв! Клизовский и Крауклис обиделись. Особенно – Крауклис, вся покраснела, резковато ответила. Мне пришлось сказать, что мнение Гаральда – это не моё мнение, что он судит субъективно, ибо вполне можно понять, что трудно усидеть на лекции, которую не понимаешь. Притом Аида читала целый час и 40 минут! И вообще, естественно, что те, кто не может досидеть, уходят. Быть может, так и лучше, ибо, не понимая, они своими мыслями только вносят диссонанс. Однако лучше уйти во время перерыва. Особенно нельзя мешать во время мгновения молчания и чтения текстов Учения. Мы говорили и о дисциплине вообще. Отмечалось, что в некоторых группах неаккуратно посещают собрания. Придётся напоминать о внутренней дисциплине и о том, что отсутствовать позволительно только по уважительной причине, и всегда необходимо заранее извещать руководителя группы.

Сожалею, что на заседании группы я, возможно, не проявил нужной сообразительности. Позже я сказал Гаральду, что его упрёк напрасен. Необходимо организовать иной порядок, надо напоминать. И, главным образом, следует беседовать напрямую с определёнными лицами. И только с ними, но не выражать порицаний в присутствии других. Я и так изумлялся, что Клизовский посещал все собрания по четвергам, хотя не знает языка. Этот болезненный вопрос русского и латышского языков многократно обсуждался и во времена Доктора, и во времена Стуре. Все проекты, однако, не дали результатов.

Опыт нашего Общества показывает, что резкий подход приносит только развал. Так это было во времена Стуре. Гаральд иногда поступает некультурно. Особенно – в тот четверг, когда он, закрывая собрание, наградил ушедших острыми словами.

[1] «Riti» *(латыш.)* – «Восход», крупнейшая русская типография Латвии.

Но мне и с Гаральдом надо говорить по сознанию. Он весь – одно горение, но ещё не окреп в основах. В нём ещё присутствует фанатичность. Но и он сам – уязвимый цветок. Его эволюция была слишком стремительной.

Мы так радовались духу единения, который был до сих пор. И далее его следует хранить как святыню, всеми силами. Но это – грандиозная задача и по той причине, что кругом бушует Армагеддон и члены Общества не без человеческих слабостей.

14 декабря. Понедельник

Гаральд написал Клизовскому длинное письмо о взаимопонимании, и это – хорошо. Всё же Гаральд, со всей своей юношеской увлечённостью, свободнее, чем Клизовский, который носит в сердце неприятности годами и имеет привычку время от времени о них напоминать. Сам Клизовский, однако, отрицает, что это и есть обиды. Вчера в старшей группе он излил свою душу. Он сказал, что у нас существуют два правления – официальное и неофициальное, которое перечит первому. Упомянул четыре факта: он когда-то не мог прочесть свой доклад (но тогда ведь не было разрешения префектуры читать на русском языке, и Стуре не разрешил). Написанный им портрет Доктора снят со стены. (Это сделал Стуре, так как портрет не обладал духовным сходством с сущностью Доктора. Позже Клизовский подарил его Гаральду, но и тот запер его в шкаф.) Далее, в январе этого года Клизовскому обещали дать переписать письма, но позже часть их переписала Мисинь. (Здесь мы опять не понимаем логику Клизовского: ему как раз бы радоваться, что помогают в его работе. Во-вторых, он до мая был занят своей книгой.) Наконец – некоторые настраивают против русских. (И это совершенно превратно. Если и есть некоторые молодые, настроенные несколько национально, то это доказывает только то, что они ещё не стоят на основах Учения.) Я сказал, что для нас, старших членов, не существует национальных границ, ибо мы выросли на нашем Евангелии – «Листах Сада Мории», и что нам мила и родина Учителя – Россия. Кто этого не понимает, тому ещё следует дорасти до Учения, но таких не много. Очень хорошо эти аргументы опроверг и Валковский. Меня больно поразило то, что все эти старые дела Клизовский ставит в упрёк теперешнему правлению, которое не имеет к ним никакого отношения. Валковский упомянул слова Е.И., что многие русские не способны подняться над мелочностью. Этого, конечно, здесь не следовало бы упоминать, но это – факт. В нашем Обществе именно русские «заняты» своим «я» и не могут от этого освободиться. Такие же мучения и со Слётовой, которая мнит, что Фрицберг её оскорбила, но я уверен, что Фрицберг не виновата. Но как доказать, если чувствознание человека этого не ощущает? Так и с несколькими другими членами. Конечно, два первых примера с Клизовским были очень неприятны; это ошибка, что уже с самого начала его не успокоили. Но наше Учение – Учение будущего. Оно сжигает прошлое и ошибки в огне устремления. Однако хорошо, что эти дела выяснены до их основания, чтобы больше не приходилось возвращаться.

18 декабря. Пятница

Вчера я прочёл в Обществе главу из своей книги «Мировой Учитель в религиозных мечтах народов». Я сократил, и всё же читал целый час. В позапрошлый раз был изумительно чудесный доклад Вайчулёниса: «Бог есть всюду».

Я вновь получил два письма от Е.И., воистину – Царицы Духа. Вместе со своими сердечными посланиями она прислала и чудесные строки, посвящённые памяти Доктора.

23 декабря

Сегодня вышла в свет «Сознание Красоты спасёт». Это – вымученная, выстраданная книга, как ни одна другая. Печатня затянула, затем слишком торопилась. Причинила множество неприятностей. В конце два листа даже пришлось печатать заново. Но – труд свершён. Напечатал 2.400 экземпляров, несколько сотен подарю Фонду Культуры.

Я получил от Шибаева репродукцию картины Рериха «Fiat Rex». Чудеснейший дар, о котором я мечтал уже давно. Аура Учителя сверкает в радуге молний. Это – то динамическое, огненное сияние Света, которое «глаз не видывал».

24 декабря. Вечером

Великая тишина. Только сердце ещё не отошло от великого напряжения дня. Вечером в Обществе была ёлка. Наш день Света Духа. Выдержки из Учения и молитвы читали Драудзинь и Мисинь, Стуран, Аринь. Потом Валковский прочёл из письма Е.И. о терпении и её чудное, царственное посвящение Доктору. Затем огласил и несколько поздравлений Обществу.

Мой друг вошла в последний месяц беременности. Появился и кашель от бронхита, длительный, изнуряющий по ночам. Великое напряжение удручает и психически. Выдержи, друг, твоё служение принесёт святое чудо земле.

31 декабря

Завершился ещё один этап великого напряжения. Накал такой, какого ещё не было в моей жизни. Не знаю, многое ли сделал, но ношу крупную вынес на плечах. Я был бы рад, если бы в самом деле это было не для себя, но для пользы всеобщей эволюции, если бы это было благословением, но не чем-то напрасным. Возможно, что действительно не однажды мои шаги могли быть собраннее, можно было сэкономить энергию для более великого, более спешного труда. Нехорошо, что дело с перевыборами задержало мою книгу о Братстве. Следовало суметь объединить обе задачи. Конечно, это была ноша, впервые в моей жизни, которая потребовала так много прозорливости и решимости, требовала и всего меня. Я ведь только ещё расту. И вся эта задача, которая для меня столь неподходяща, тем не менее постепенно формирует мой характер и в общественном направлении, ведь эволюция не происходит внезапно. На пороге наступающего года я буду уже совсем другим, чем сегодня. Только вперёд! Стремительный бег в Будущее есть путь к Высотам.

Будущий год для нас будет годом ещё большей работы. Сегодня вечером в Обществе, в кратком очерке, я говорил об Ашраме труда и о нашей радости друзьям, активно участвующим в делах Общества. Нам свою жизнь и свой труд следует свершать как перед Ликом Учителя. Пусть в нашем сердце непрестанно звучит Его Зов: «Помоги Мне строить Мою Страну!»

Я прочёл и письмо Н.К. – приветствие членам Общества, которое мы получили вчера. Он сообщил нашему правлению и великую радостную весть, чтобы мы ждали ещё несколько оригиналов картин его и его сына.

Как светло я чувствовал себя этим вечером! Но затем опять горькая капля упала в чашу сердца. Клизовский недавно снова высказал одному члену Общества те же упрёки, о которых он упоминал в старшей группе – о «тайном» правлении и т.д. Всё это совершенно ошибочно. Мы именно теперь каждый четверг собираемся, чтобы совместно обсуждать. Это безумие – все дела, которые, быть может, имели под собой какую-то минимальную почву год назад или ранее, относить к современному положению. На Гаральда он, пожалуй, больше плохого на уме не держит. Гаральд свой опрометчивый шаг уже пытался исправить. Недавно Клизовский тяжело заболел, боялся даже весьма печальных последствий. Гаральд своими лекарствами его спас. Я уважаю Клизовского как человека светлого и культурного духом. От души надеюсь, что смогу включить его теснее в наше единение. Ничего нет непреодолимого, менее всего – в человеческом сердце, если подойти к нему тоже – с сердцем. Вот интеллект как раз зачастую трудно одолеть. Но вибрации сердца отзвучат взаимно и раскрывают к благу.

К Буцену пришло наичуднейшее счастье: Портрет Владыки, Священнейшее Изображение. Е.И. мне когда-то обмолвилась, что Буцен просил об этом Шибаева. Я от сердца рад этой его Радости.

Мы уже получили первые листы корректуры «Тайной Доктрины». Так начата великая работа. Даже при получении шрифтов из-за рубежа возникли сложности. Теперь надеюсь, что помех больше не будет. Я получил и рукопись всего первого тома. В скором времени напечатаем и второе издание «Агни-Йоги».

За эту неделю я ответил на все письма. Как много их накопилось! Счастливое чувство сознавать, что я больше не должник, хотя бы на какое-то время. Завтра напишу своим Водителям Духа.

Первейший труд теперь предстоит – собрать материалы для книги памяти о Докторе.

Мы пригласили около 30 авторов, но никто ещё не отозвался. Придётся навещать лично. Кто знает, быть может, «вывеска» нашего Общества не нравится? Тем лучше, тогда с нами будут участвовать ближайшие друзья.

«Тайную Доктрину» мне надо будет просматривать в третьей корректуре. Сама корректура – уже громадный труд.

Болит сердце и о своей прерванной работе. Надо бы сосредоточить все свои силы и замыслы...

«Ты, Позвавший меня на путь труда, прими умение и желание моё. Прими труд мой, Владыка, ибо видишь меня среди дня и ночи. Яви, Владыка, Руку Твою, ибо тьма велика.

Иду за Тобою!»

1937

3 января

«Условие Наше для сотрудников – полное желание приложить к жизни Наши основы, не теория, но практика.

Учитель несёт пламя неугасимого подвига. Учение не прерывается ни усталостью, ни огорчениями. Сердце Учителя живёт подвигом. У Него нет страха и слова "боюсь" нет в Его словаре».

Как хочу, чтобы эти царственные слова Общины вросли в мою сущность, чтобы ни на мгновение не исчезли из моего сознания!

Сегодня заседание старшей группы было посвящено обсуждению планов нашего Общества. Во-первых, я предложил определить, к кому из членов Общества будем обращаться лично в связи со сборником статей, посвящённым Доктору. Мы пригласили всех письменно, но откликнулись только двое. Затем я напомнил и прочёл по <письмам> Е.И. Указания, предназначенные непосредственно нашему Обществу, которые мы ещё не выполнили. А именно – приглашать в Музей общественных деятелей и вести с ними беседы в духе Учения. Не собрания, но разговоры о духовном. Во-вторых – Призыв собирать в Обществе молодёжь. Мы думаем о детском садике. В этом направлении есть конкретные замыслы.

24 января. Воскресенье

Сегодня воистину вновь Праздник, Благословенный День в моей жизни. Сегодня утром в три часа и одну минуту в этот мир под Солнцем пришла моя вторая дочь – Илзите. Быть бы способным своей любовью устлать ей путь в жизнь! Быть бы в силах стать истинным отцом и воспитателем! Именно в эти мгновения наибольшего накала, как искуснейшее увенчание труда, явился этот милый гость Горнего Мира. Новый ритм начнётся в моей жизни. Новая, величайшая ответственность. Новое напряжение устремления, зоркости и созидания.

27 января. Среда

Наконец, мы решили оставить избранное имя для нашей дочери. В этом имени, во-первых, великая, смиренная простота. Но и какое-то благородство. Вначале думал об имени «Амрита», но мы решили, что это слишком в «высоком стиле». Как бы я хотел, чтобы моя дочь объединила в себе эти оба свойства духовности.

Эти дни и часы проходят в великой спешке – просматриваю последние оттиски корректур «Тайной Доктрины» и «Агни-Йоги». Работа продвигается медленно, хотя сокращаю время для сна. Здесь ведь ответственность за каждое слово! Нередко приходится согласовывать слова в рукописи. Надо бы начать составлять <сборник>, посвященный Доктору, но как же успеть? Ещё не все прислали свои воспоминания. И ещё: следует помочь подготовить обзор о книгах, изданных Обществом. За это дело взялся Валковский. Буцен на этот пост избран только pro forma[1], он сюда не подходит. Кроме того, Валковский, разумеется, всё ещё выполняет «обязанности секретаря».

У нас в Обществе освободились две большие солнечные комнаты, там мы устроим музей картин. Н.К. нам обещал новые подлинные картины. Две небольшие уже находятся в пути. Так, новые чудесные дары обогатят нашу Святыню.

Сегодня мы получили послание из Индии: три письма – от Е.И., Н.К. и В.Шибаева. Как много радости для сердца! Все, все советы столь ценны и приложимы к делу!

3 февраля

Великую мистерию жизни пережил я сегодня, когда мы выносили маленькую Илзите из 2-й городской больницы и везли домой. Сколь же бессильным и беспомощным приходит человек в этот мир!

[1] для вида *(лат.)*.

Сам он ещё как бы ничего собою не представляет: наполовину он от своей матери, наполовину – от Горнего Мира. Как будет трепетать сердце матери каждый час, каждую минуту, пока ребёнок не подрастёт! Насколько это всё-таки колоссальная задача – ввести гостя Горнего Мира в полноправную, реальную, земную жизнь! Оттого и полагается проявлять ко всем сознательным матерям великое уважение.

19 февраля. Пятница

Теперь знаю: можно ускорять работу и концентрировать её, насколько только способен, но всё же останется ещё большая часть несделанного и незавершённого в срок. Сердце неспокойно, успею ли ко времени? Мои сотрудники свою часть корректуры уже закончили. Я успел одолеть только часть иностранных слов, отдельные слова и т.д., это занимает так много времени, ибо просматриваю две последние корректуры и перед печатанием часто сижу в типографии. И всё же от ошибок не освобождаемся. Очень хотелось бы выдержать последовательность в терминологии. Но некоторые неопределённости есть и в рукописи. Только что я заметил: вначале – «Питрисы», а позже – «Питри(сы)», во втором томе, который теперь я получил, – «Питри». Мучительно, что часть уже напечатана и исправить больше нельзя.

Чрезвычайно спешным является и сборник памяти Доктора. И там уйма дел, над которыми надо поразмыслить. Аспазия[1] прислала весьма длинную статью под заглавием «Просветлённый», но написала – об Иванде Кайя[2]. К.Мелдер очень остро нападает на наших врачей. Пастор Станге в конце своей статьи полемизирует по поводу взглядов о перевоплощении, поскольку это будто бы не согласуется с Учением Иисуса. В работе Клизовского первую часть придётся вычеркнуть, чувствую, что он считает себя обиженным, но разве можно оставить слова, оскорбляющие Общество и память о Докторе? Он повторяет сплетни, что рассказывают об Обществе, хотя говорит, что Общество своей светлой деятельностью их опровергает. Но кто же из тактичных людей станет повторять сплетни о себе? Кроме того, его пространное философствование о Докторе получилось неприятным. Единственно окончание хорошее. Странными бывают людские характеры. Одна из лучших статей – от Зинаиды Лихтман. Но она просит сократить, исправить и так далее, если это будет на пользу дела. Когда-то Клизовскому я указывал на логические противоречия в рукописи его книги, он же, однако, оставил всё это без исправления. Подобные трудности и с некоторыми другими статьями. Надо обработать и статьи самого Доктора. Надо написать и его афоризмы. Вчера у меня в гостях была г-жа Фр.Олава, принесла довольно приятные воспоминания. Мы и не надеялись. Так расширяется венец приношений. Я буду писать самым последним, тогда уже буду знать, что ещё осталось невыраженным.

Вчера я прочёл в Обществе статью Доктора о соизмеримости. Показательно сильными были мысли о сплетничании в Обществе и желании каждого, чтобы ему уделялось почётное место. В минувший четверг прочли статью Н.К. о Латвии.

Только что получил новое послание от Н.К. и В.Шибаева. Нам выслано более десяти подлинников Рериха! Великое, великое событие и радость будут в жизни нашего Общества.

28 марта. Первый день Пасхи

Дни великого напряжения, как же промчались они. «Тайная Доктрина» и сборник воспоминаний приближаются к завершению. «Агни-Йога» закончена и уже получено разрешение из цензуры, но всё равно кажется, что большая часть работы впереди! Было бы хорошо, если бы не приходилось расходовать столько энергии на мелочи. В статьях воспоминаний я хотел избежать полемики, поэтому по многу раз ходил на дом к некоторым авторам. Дуцман, который прислал самую длинную статью и недопонял мировоззрение Доктора, быстро согласился и третью часть вычеркнул. Наибольшие неприятности причинила д-р Вейнберг-Скуя своей последней фразой: «Лукин избегал радикальных средств и лечил больше духом». Лукин как раз лечил радикальными медикаментами. Его врачевание имело, воистину, наиболее решительные успехи. Вейнберг-Скуя мне сказала, что она думала: «Лукин уклонялся от оперативного вмешательства».

[1] Латышская поэтесса (наст. имя и фамилия Эльза Розенберг), супруга Я. Райниса.

[2] Псевдоним супруги Ф.Д.Лукина Антонии Лукиной, писательницы.

Но как может знать читатель, что она *думала?* Даже Гаральд вначале этого не понял и в своей статье немного возразил ей, написал о вредности наркотических веществ. Мне и Гаральду показалось, что Вейнберг-Скуя говорит неправду, это было досадно, ибо она была одним из ближайших друзей Лукина. И всё же в конце концов мы поместили её работу. Быть может, интеллигентный читатель и здесь найдёт что-то положительное. Тяжелее всего шло с нашими собственными авторами. Нескольких членов Общества я просил переработать заново их статьи. Аида в своей прекрасной работе ещё сейчас переделывает начало. Просил я и Стуре. Написал, но в таком духе, что я не мог поместить. По трём пунктам мы с ним не могли прийти к общему мнению: по полемике против пастора, по видениям Доктора и относительно молитвы, которую он произносил при уходе. Не могу понять огромного упрямства Стуре. Я был у него неоднократно, но – без успеха. Как же упоминать в книге о видениях Доктора и позволить людям хоть немного подвергать их сомнению, если Доктор строил на них всю свою жизнь как на священнейшей основе? *Как* он их воспринимал – не нам судить. Мы с Гаральдом загорелись поиском репродукций, в книге будет много красивых воспроизведений. Так что сборник всё время разрастается вширь, и мы не можем завершить его ко Дню памяти. Это будет истинным свидетельством духовного содружества, какого на латышском языке ещё не было. Коллективная манифестация Победы Духа.

Много огорчений было в связи с «Агни-Йогой». В конце концов оказалось, что многие листы отпечатаны бледновато. Также и цвет обложки не соответствовал правильному. Как же мне суметь <всё проследить>, я ведь не стоял рядом, когда печатали. И всё же ответственность на мне. Придётся некоторые листы перепечатать заново.

Большой труд впереди в связи с Пактом Мира. Я предложил всем обществам Рериха в Балтийских странах действовать совместно, подавать общие меморандумы правительствам. Надо очень спешить, ибо в конце апреля состоится конференция стран Балтии. Труднее будет с Эстонией. Поедем туда в конце будущей недели. Вчера мы с Гаральдом совещались у Дуцмана. Так приятно, что Гаральд вырастает в отличного сотрудника. Мне близка его огненная стремительная натура. Только таким натурам открываются врата.

Я получил несколько писем из Индии. Письмо Е.И. от 4 марта принесло мне великую Радость. Сеплевенко недавно прислал мне первую часть «Листов Сада Мории» на болгарском языке, в своём переводе. Приложен был маленький рекламный листок, где говорилось, что Учение идёт через Е.И., жену знаменитого русского художника и т. д. Я был поражён, немедля написал Сеплевенко письмо и просил его изъять из всех книг эти рекламы, также – из магазинов, ибо он издал их *без* разрешения Е.И. Знаю, что Сеплевенко и раньше в этом смысле поступал бестактно, хотя он человек сердечный и добрый. Этот листок и копию своего письма я послал в Индию. Оказывается, Е.И. тут же послала Сеплевенко телеграмму, чтобы уничтожил листки. Я получил от Сеплевенко письмо, что он сожалеет о своём шаге. Но Е.И. мне пишет между прочим: «Теперь приведу Слова из Учения, которые сказаны по получении Вашего письма от 18 февраля. Отнесите их к себе. «Стояние на дозоре есть признак расширенного сознания. Многие вообще не понимают, что есть охрана самого драгоценного. Нельзя надеяться на тех, кто не знает о ценности. *Но можно радоваться каждому неусыпному стражу.* Братство учит такому дозору»». Как много даров я получил из Индии!

В великом подъёме, в высоком накале духа провели мы День Учителя, 24 Марта. Свои посвящения из Учения преподнесли 12 человек. В каждом звучала истинная струна сердца. Я прочёл Приветствие Е.И. и Н.К. Была великая Красота. Это был час слияния сердец.

Такое возвышенное единение было и сегодня вечером, на собрании, посвящённом Доктору. Открыл Валковский. Аида сыграла фрагмент из «Тангейзера». Тогда я прочёл начало из своего труда и завершение – о великой любви. Далее следовали труды Крауклис, Ведринской, Зенты, Малдониса, Аиды, музыка – Даугавинь, чтение – Э.Виестур. Наибольшая радость – единству! Суметь бы умножить его! Ибо в единстве растёт великий Огонь. В единстве созидается прекраснейшее Строение.

30 марта. Третий день Праздников

Сегодня целое утро мы все вместе составляли меморандум и совещались. И к вечеру на легковой машине члена нашего Общества Блюменталя по освещённой солнцем дороге съездили в Кемери, где в гостинице нас ожидал Дуцман и где началась наша первая «конференция». Странный этот Дуцман, он ищет праздничного отдохновения в этой «Вавилонской башне». И вообще, от своих привычек старого мира он не способен отказаться, хотя многое уже понимает в Новом Мире. Его книга – смесь из своеобразно понятого христианства и Учения Живой Этики. Он меня просил написать на неё рецензию. Несомненно, своё благословение она принесёт людям, ибо заинтересует Учением, единственно, неприемлемы <суждения> в завершающей части об абсолютизме Христа и личности Бога.

Совместно с Дуцманом мы разработали план действий. Решили, что каждое из Обществ Рериха или групп в каждой из Прибалтийских стран подаёт своим министрам иностранных дел меморандум на языке своих государств вместе с подписями общественных деятелей, отметив в конце документа, что и в других государствах подобные предложения подписаны. Кроме того, самой Балтийской конференции мы вручим копию меморандума на французском языке, подписанную всеми тремя обществами, приложив копии отдельных предложений.

С большим энтузиазмом мы направились в Кемери и с такой же самой верой – обратно домой. Так с Гаральдом и Валковским у меня образуется наитеснейшее сотрудничество. Кроме того, ведь каждый вечер сразу всё правление не созовёшь.

9 апреля. Пятница

Каждый из этих дней прошёл в напряжённых мыслях о Пакте Мира. Мы написали письмо Миллеру в Таллин, чтобы взял на себя инициативу по меморандуму Пакта в Эстонии. Но он предложил обратиться к Таске. Написали мы ему два огненных письма. Вчера пришёл ответ. Идею он приветствует. Но можно заметить, что дело требует импульсов. Наш лозунг теперь – не давать «опомниться», если человек захвачен какой-то идеей, надо воспламенять его дальше, чтобы рассудок и сомнения не взяли над ним верх. Вчера мы решили все втроём податься в Таллин. Сегодня вечером уезжает Гаральд, завтрашним вечером отправимся в путь мы с Валковским.

Также несколько писем я написал в Каунас. Вчера мы с Дуцманом просматривали перевод меморандума на французский язык. Дуцман сделал целый ряд ценных правок. Но главное: он сразу же, самый первый, подписал латвийское предложение. Дорога начата отлично. А как будет дальше? Сегодня Буцен был у Квиеша, которому когда-то посылалась благодарность Музея Рериха, но он, естественно, отказался. Каким бы ни был результат, но основных деятелей культуры всё же надо обойти.

Смочь бы огнём сердца зажечь сознания тех людей, которым суждено властвовать над судьбами культуры народов!

11 апреля. Воскресенье, вечером

Поездка Гаральда в Таллин была величайшим испытанием в его жизни относительно общественной работы. Таска повёл его на открытие литовской выставки, где его познакомили со многими видными деятелями. Сам Таска – очень энергичный человек, хотя и весьма занятой. Он энергично агитировал за Пакт Мира других художников. Есть надежда, что меморандум подпишет весь Художественный совет, который существует при Министерстве просвещения. Теперь будто бы происходят перевыборы совета, потому Таска послал мне телеграмму, чтобы поездку в Таллин мы отложили. Она была ответом на телеграмму Гаральда о нашем приезде. Хотя телеграмма Таски пришла в Ригу к вечеру в пятницу, но, поскольку она была адресована на место моей службы, то я получил её вчера, когда Гаральд уже уехал. Я понял, что такая задержка телеграммы пошла только на пользу дела, ибо иначе Гаральд бы не отправился. Он внёс там новые, сильные импульсы, которых невозможно добиться только письмами.

В этом отношении, кажется, в Эстонии больше единства и свободы духа. В Латвии все словно напуганы, добиться одной подписи – уже будет большим успехом.

14 апреля. Среда, вечером

Сегодня дело великого напряжения и долга. Подписали ещё семеро. Кроме Дуцмана и Аспазии, подписали: Куга, Иозус, Кундзинь, Поруке, Бангерский, Юревич и Пранде. Сегодня вечером мы ходили вместе с Валковским, нам очень везло, хотя многих не застали дома. Это было и популяризацией идей Пакта Мира Рериха, и к тому же – ознакомлением с особенностями отношения некоторых деятелей к Культуре. Вчера вечером Валковский с Залькалном ходили к Аушкапу, тот не пустил в квартиру, через полуоткрытые двери грубо отказал, пусть, мол, приходят в университет в часы приёма. Валковский, однако, возразил: «Но ваши коллеги из соседних государств подписали указанные обращения». Аушкап ответил: «В таком случае вы можете обойтись без меня». Приходится удивляться Аушкапу, который на официальных собраниях говорит столь культурно. Радостно было сегодня за подпись Бангерского. Есть поддержка и в военных кругах. Он ведь старый теософ, друг Шибаева. Поруке, отзывчивая душа, подписал без промедления, в несколько минут. Пранде тоже благодарил за внимание, обещал сагитировать подписать педагогов Академии художеств.

Мы надеялись на Буцена, у него больше времени. Но он только затянул: за несколько дней посетил лишь двоих деятелей. Управимся сами.

Сегодня я отдал в «Брива Земе» рецензию на книгу Дуцмана. В прежние времена я бы никогда не пошёл в «Брива Земе». Но теперь иных газет нет. «Яунакас Зиняс» литературу игнорирует. И разве хорошие идеи нельзя пропагандировать всюду? В этом смысле Н.К. является примером. Сама книга в её завершающей части меня сильно не удовлетворяет. Жаль, что Учение Дуцман знает только по первой части <«Листов Сада Мории»>, хотя в его распоряжении все книги. Потому он и сотворил такую неразбериху. В конце концов, он был и остаётся последователем оксфордцев[1] и Лорбера. Христос для него Бог и является личным Богом. Но уже сам тезис Учения «руками и ногами человеческими», который цитирует Дуцман, противоречит подобному пониманию Христа. Однако мне видится, что книга Дуцмана может вызвать большой интерес к Учению, ибо он говорит о «следующем новом Откровении» Учения Христа.

16 апреля. Пятница, вечером

Когда теперь, уставший, окидываю этот день взглядом, могу сказать: чудесный день! Ибо это был день большой борьбы. Не всякая борьба венчается немедленным и ощутимым результатом, но если борьба происходит во имя Света, то её успех гарантирован. Вчера утром Валковский получил подписи П.Кундзиня и Язепа Витола. Но Малдонис не подписал. Это для нас было наибольшей неожиданностью. Я сожалею, что не был вместе с Валковским, я ведь Малдониса знаю лично. Малдонис будто бы хотел подписать, но, увидев в качестве первой подписи имя Дуцмана, сказал: «Ну, вам уже г-н Дуцман подписал. Он на хорошем счету у правительства. Теперь уж у вас будут большие успехи». Сообщил, что завтра обсудят идею Пакта Мира Рериха в верховном церковном управлении. К вечеру мы были у архиепископа Гринберга. Он вообще-то тоже высказался, что идея благородная, но он, как лицо, занимающее государственный пост, не может поступать индивидуально, он должен переговорить в верховном церковном управлении. На этом и расстались. Исторический день! Верховное церковное управление обсуждает Пакт Мира Рериха! Но так и случилось, как мы предвидели. Сегодня Гринберг заявил следующее: «Я не могу подписать, не переговорив прежде с министром иностранных дел». Так всюду причины для уклонения. Хорошо, пусть рассуждают, пусть побуждают сознания к размышлению, пусть министр иностранных дел Мунтерс подготовится к нашему заявлению.

Вчера ещё подписал проф. Янек, человек со светлым сознанием. Но с Ритером Валковский возился целый час. Он загорелся не отступать перед непониманием Рериха.

[1] Оксфордские гуманисты – кружок первых английских гуманистов в конце 15 – начале 16 вв. в Оксфордском университете.

И победил. Мне лично казалось, что здесь останавливаться не надо было, но, может быть, эти прения пошли на пользу сознанию Ритера. Он неплохой человек, но весь в рамках традиций.

И сегодня начался великий день. Валковский уже с утра получил подпись генерала Гоппера, главы Латвийских скаутов. Так, у нас два генерала, которые поддерживают мир. И тогда мы направились на аудиенцию к Аушкапу. У меня была мысль, что всё же надо добиться разговора с ним. Пусть он окончательно себя покажет. Для этого я вчера послал ему свои книги, посвящённые Н.К., текст предложения и приложил небольшое письмецо. Аушкап встретил нас «вежливо», но сказал: «У меня теперь совсем нет времени углубиться, государственные экзамены и т. д. Обращайтесь к проф. Адамовичу как к представителю <Комитета> интеллектуального сотрудничества Лиги Наций, он может вам помочь». Был вежлив. Так мы и ушли. Я писал в своём письме: «Мы всей душой желали бы видеть, как на культурных учреждениях Латвии и на университетах развевается знамя защиты Культуры». Вторично обратиться к Аушкапу меня заставил и один значительный сон, в котором Аушкап вначале ведёт себя сурово, но позже – вежливо провожает.

Итак, мы поторопились в <президентский> замок к Фр. Балодису. Пришлось долго ждать. Наконец, начался разговор, в котором Балодис уже сразу ясно и открыто заявил: «Общество Рериха взялось за дело, которое совершенно не подлежит его компетенции. И зачем это связывают с именем Рериха?» Он лично против этой идеи. Уже два года назад Министерство иностранных дел запросило отзыв от Управления памятников о Пакте Мира Рериха, и управление решило, что это для нас неприемлемо. Позже Балодис был очень удивлён, увидев подпись работника управления П.Кундзиня. Но, кроме того, ныне и этот план отпадает, ибо Конгресс Комитета интеллектуального сотрудничества Лиги Наций в Каире, в котором он тоже участвовал, рассмотрел какой-то другой проект по защите памятников, построенный на другой основе. Жаль, что Валковский, который иной раз находчиво, прекрасно говорит, здесь не сумел ответить профессору по его сознанию, он чувствовал себя возмущённым. Но это мы и так прекрасно предвидели. Не было слов и у меня. В конце Валковский передал Балодису приветствие Н.К. и номер «Сегодня», с его статьёй о Латвии и о Балодисе[1]. Так. Всё же полезно познать своих противников. Затем там же, в соседней комнате, мы направились к директору Исторического музея Гинтеру. Он вообще-то молодой, приятный человек. Но чувствует себя неуверенным, когда предстоит самому что-то решить. Тоже наслушался всяких сплетен о Рерихе. В конце сказал: «Я надеюсь в любом случае подписать, но сперва познакомлюсь с Пактом... и тогда вам позвоню». Вернее говоря – «посоветуюсь с Балодисом». Опять – удобный предлог уклониться.

Вечером дважды мы искали Адамовича, но не встретили. Подписали Кактинь и Целм. Последний совсем не читал заявления. Он – человек Культуры будущего. Затем, позже, я взял с собой заявление в Межапарк, где посетил Дале, А. Берзиня и Скалбе. Завтра придётся в таком же напряжении продолжать. Так мы теперь познаём деятелей культуры, особенно тех, кто так много говорят о культуре, как Аушкап, но когда приходится познакомиться с идеей культуры в самой жизни, тогда интерес к ней иссякает.

17 апреля. Суббота, вечером

Сегодня я отправился один с визитом к некоторым незнакомым личностям, оттого этот день требовал от меня ещё больше сосредоточения. Я.Мединь подписал незамедлительно, только несколько нервничал, что нет времени ознакомиться с самой идеей основательнее. Дзенис высказался: «Отчего идея защиты культуры исходит не от латышей? Хотя я уважаю Рериха как художника, но зачем мне подписываться под его именем?» Смилгис принял меня в антракте между двумя репетициями; пока он переодевался, надо было рассказать <о Пакте>. Конечно, меньше думал о моих словах, больше – о своём туалете. Подписав своё имя, воскликнул: «Но ведь это совсем не мой почерк!» Наконец, подписался согласно всем законам своего искусства.

[1] «Латвия».

Так и по почерку можно судить о человеке, о том, насколько его наклонности эгоистичны и насколько – альтруистичны. Залитис и А.Калнинь подписали охотно. С Калнинем я не был знаком, хотя пел в его хоре в Тербата[1]. Светлый человек. Он пел и в Музее Рериха в Нью-Йорке, и с движением Рериха немного знаком. Затем вместе с Валковским мы поехали к Я.Адамовичу. Адамович был корректным, но сдержанным. Всё же он высказался открыто: «Меня всё это дело не интересует, но, если хотите, дайте мне заявление, и я ознакомлю с ним комитет». Так называемый Комитет интеллектуального сотрудничества охватывает в Латвии учреждения культуры и пользуется правами советника при правительстве. Но это значит, что левая рука правительства – это Фр. Балодис. Советники, которые против нас. Адамович ещё отметил, что ныне в Латвии власть авторитарная и ей самой надлежит продвигать это дело без всяких заявлений общественных деятелей. Валковский ответил: «Правительство не может всё охватить, и, с другой стороны, вождь сам призывал к тесному взаимодействию с народными массами». Адамович затем спросил, имеем ли мы право собирать подписи? Я ответил, что в Министерстве внутренних дел нам сообщили, что они не возражают, и предложение носит индивидуальный характер. Мы подчеркнули и значение Знамени как фактора воспитания сознания. Любая возвышенная идея, от кого бы она ни исходила, стоит поддержки. Но следует принимать во внимание, что Адамович – бывший министр, притом теолог, который чувствовал, что здесь вроде бы есть нечто, угрожающее церкви. Интересно было бы знать, о чём рассуждали на заседании верховного церковного управления, и не распространились ли уже широко эти суждения?

Но в нас проснулась несокрушимая энергия. Если на конференции Балтийских стран меморандум и не будет иметь успеха, то всё же пространство уже возмущено, теперь все представители культуры знают, что есть на свете такой деятель – Рерих, который стоит за Культуру, борется за Культуру и угрожает тьме предрассудков.

18 апреля. Воскресенье, вечером

Сегодня мы вместе с Гаральдом собрали 23 подписи. Потом, попрощавшись <со мной>, после 9 вечера Гаральд поехал к Т.Лацису, чтобы получить все пятьдесят подписей. День настоящих достижений! Гаральду очень везло. Он в одиночку ходил к незнакомым, и ему улыбалось счастье – без промедления получал подписи. Сначала мы объездили Пардаугаву, посетили Акуратера, Плудониса и некоторых профессоров. Наконец, посчастливилось встретить и Рейтера, которого искали уже несколько дней. Разговорился я с философом Залитисом. Художники и писатели все подходят к этой идее с сердечностью и поддержкой. Интуиция подсказывает истину. Единственно огорчил Убан, которого я встретил в Пардаугаве за работой в своём огороде, он вообще-то не очень признаёт Рериха как художника и, очевидно, как личность. Я сказал: «Об искусстве судить – это дело вкуса, но чтобы судить о человеке, надо его знать». Далее Убан подчёркивал, что больше следует поддерживать и популяризировать своё собственное, латышское искусство, которое очень сильно. Так я получил возможность познакомиться с людьми. И Убан – одна из жертв клеветы. Но это доказывает и великое бескультурье. Насколько знаю, таковы и братья Скулме, и, наверно, ещё некоторые художники. Но именно художнику надлежит быть человеком с развитой интуицией, ему как раз бы следовало вырваться из атмосферы узости духа.

21 апреля. Среда, вечером

В великом напряжении один этап пройден. Сегодня у нас был истинно радостный день – день праздника сердца. Сегодня я получил разрешение выпустить в свет «Тайную Доктрину», которую вчера подали в цензуру. Также сегодня вышла в свет книга памяти Доктора[2]. Я держал в руках эти книги, сколь величественны они! Свершён великий, капитальный труд. И, наконец, осуществлён один этап в деле Знамени Мира. Сегодня с Валковским мы были на аудиенции у министра Тентелиса и вручили наш меморандум в поддержку Пакта. Мы приложили копии предложения и листа подписей общественных деятелей. Оригиналы вручим министру иностранных дел.

[1] Ныне Тарту.

[2] «Sirds Gaisma» *(латыш.)* – «Свет сердца».

Тентелис принял нас вежливо, он ведь меня помнил. Я подарил ему мою книгу об Н.К., так же, как и многим. Он сказал, что идея защиты Культуры не является чем-то особо новым, ведь уже со всех сторон восхваляют идею культуры. Обещал познакомиться с идеей Пакта.

В восторге достижений этих дней я отослал в Индию телеграмму. Знаю, что и у них будет большая радость выходу в свет «Тайной Доктрины» и по поводу нашего предложения.

Вчера последним, восьмидесятым, подписался проф. Пурвит. Я бы сегодня ещё продолжил собирать подписи до сотни, предвиделось ещё несколько прекрасных людей: Судрабкалн, Земдега и т.д., но вчера мне стало известно, что министр просвещения принимает только раз в неделю, а именно – по средам, так что пришлось прекратить сбор подписей, срочно переписать копии и составить заявление. Также необходимо было торопиться с переписыванием текста самого Пакта, и ещё вчера ночью в связи с этой задачей мчался на такси один член нашего Общества, чтобы сегодня всё можно было совершить в положенное время. Да, эта неделя была неделей чрезвычайного накала. Было так, как Н.К. писал: «Если ты устал, поработай ещё, и на помощь Любовь призови!» Это были дни, когда некогда было думать ни о еде, ни о ночном отдыхе. Странным кажется сегодня: неужели мне больше не надо открывать тяжёлые парадные двери и мчаться по крутым ступеням лестниц?

Хочу ещё немного задержаться на ходе сбора последних подписей. Либерт сказал, что Рериха хорошо знает, имеет его большую монографию на английском языке. Удивляюсь, что и Раппа подписал. Хотя кто же мог отказать воззванию о Культуре? Его помощник Я.Грин чрезвычайно настроен против всего нашего движения, поэтому я к нему не пошёл, и опасался, как бы и Раппа не оказался под его влиянием. И великий националист Лигатню Екабс вёл себя симпатично. Буцену посчастливилось собрать четыре подписи, в том числе пасторов Сандера и Земгала. Бывший президент государства среди наших приверженцев! Вчера тоже был день напряжённой деятельности, когда, к примеру, в течение часа я дважды был в Академии художеств и в редакции «Яунакас Зиняс», желая встретить известных людей. Но по дороге встречались и другие, и они, быть может, особо и не желая, попадали в число подписавшихся. Наконец, <подписали> сенатор Буковский, к которому обратился член Общества Блюменталь, и Брастынь Эрнест, всё ещё в воинственной позе (только что вышла его полемическая книга, которая четыре месяца задерживалась цензурой). Чудесного Юлия Розе я встретил на улице, но у Мунча продолжительное время дискутировал о вегетарианстве и проблемах духа. В Америке он был воздерженцем и интересовался философией, здесь, как кажется, больше поддался общему влиянию. Здесь будто бы столь суровые условия, что невозможно быть в стороне от общего потока. Я сказал, что высшей целью жизни является борьба и то, чтобы силой своего духа подать пример другим. Я удивлялся Мунчу: он раньше писал о духовности в искусстве, но, очевидно, когда пришлось столкнуться с пылью <обыденности>, тут же ослабел. Последним я посетил художника Пурвита, который только что вернулся из-за границы. Вначале он был сдержан. Я сказал, что когда-то посылал ему свою книгу о Рерихе и приветствие ему от последнего (статью о Куинджи). Пурвит долго читал наши предложения, подробно изучал текст меморандума. Он сказал, что этот договор является неприемлемым. Ибо какая же великая держава заключит такой договор, где под Знаменем Мира будут все школы. Тогда врагу во время войны не будет куда целиться: везде будет белое Знамя. Но это уже политика великого мира. Если будут уважать Культуру, то возможность войны постепенно должна исчезнуть. Также Пурвит сказал, что первоначально Пакт должны подписать великие державы Европы, ибо они могут обидеться, что малые государства приглашают их присоединиться. Я возразил, что именно малые страны должны завоевать уважение к себе своими культурными достижениями. Здесь я затронул больное место настроений Пурвита, ибо после того он долго рассказывал о своём зарубежном путешествии, сетуя, что наше правительство мало пропагандирует своё искусство и культуру за рубежом. Также досадовал, что и у самих латышей ещё зачастую недостаёт сознания красоты и опрятности.

23 апреля. Утром

Вчера мы подали меморандум вместе с оригиналами подписей деятелей культуры Э. Виграбу, руководителю отдела Балтийских стран, для вручения министру иностранных дел.

Он отнёсся к нам приветливо, но сказал: «Нам, малым народам, неудобно забегать вперёд больших». Далее он отметил, что меморандум подан слишком поздно и что трудно будет его рассмотреть и включить в повестку дня Балтийской конференции. Так или иначе, достигнуто многое, само коллективное выступление оставляет большое впечатление, взволнованы пространство и умы, и те люди, которые подписали меморандум, чувствуют себя как бы кармически связанными с Пактом защиты культуры. Подписи столь впечатляющи, что игнорировать обсуждение этого предложения невозможно, допустимо лишь отложить или затягивать. В беседах с общественными деятелями часто выражалась мысль: что скажут великие державы? Мы же, наоборот, подчёркивали, что нам не следует бояться показывать пример культурного сотрудничества даже великим культурным народам. Где же наше просвещённое самосознание? Великие державы столько грешили и грешат в вопросах морали, неужто у них учиться? Многие из них стоят на пороге перемен.

Мы решили, что Гаральд сегодня вечером поедет в Таллин за подписями группы инициаторов под французским меморандумом, и как только он вернётся, член нашего Общества Блюменталь немедленно направится с меморандумом в Каунас, где его следует вручить Лазорайтису, как председателю президиума будущей Балтийской конференции. Но вчера пришла нежданная весть. Оказалось, что Таска нас грубейшим образом обманул. Он хоть и обещал Гаральду позаботиться о составлении эстонского меморандума и о сборе подписей, но совершенно ничего не делал, просто-напросто уехал из Таллина и только что написал Гаральду, что ему некогда этим заниматься, пусть обращаются к какому-то Тамму. Его поступок хуже того, что могли бы сделать наши враги; таков ответ на несколько наших писем, после поездки Гаральда, после всех обещаний, – написать письмо, когда уже крайний срок подошёл, когда почти слишком поздно что-то организовать. Ничего другого не остаётся, как сегодня вечером нашим ехать в Таллин (поедут Гаральд и Клизовский) и спешно организовать на месте то, что ещё возможно. Мы решили перевести меморандум и договор на эстонский язык здесь же в Риге, и над этим сегодня трудятся два человека. Такие нежданные осложнения возникают всегда и, как правило, в последний момент. В своих предложениях мы упоминали, что такого рода заявления поданы и в Литве и в Эстонии. Только чрезвычайный энтузиазм может что-то одолеть. Но как же нам свой огонь передать чужому народу? Конференция состоится 29 апреля, и меморандум на французском языке для Балтийской конференции необходимо передать самое позднее в понедельник, потому и наши друзья туда торопятся.

Вечером в Обществе состоялась постановка детской пьесы Драудзинь с пацифистическим содержанием. Спектакль местами был вполне хорош, только у нас нет ни выбора актёров, ни помещения. Вместе с другими детьми пьесу смотрела и моя дочь. У моего друга дома ныне столько забот и напряжения.

Вечером

Мы потеряли много времени, пока нашли переводчиков на эстонский язык. Всё, пожалуй, подготовлено, обсуждено, обдумано. Пожелали мы на дорогу величайшего огня. С тревогой сердца провожаем уезжающих, ибо от этого многое зависит, ведь наше сотрудничество в масштабе балтийских народов должно выявляться по возможности как можно шире, если мы желаем достичь успеха.

26 апреля. Понедельник

В субботу пришла телеграмма из Таллина: «Благополучно!» Это слово выражало многое. И ночью явились домой и оба наших друга. Их достижения были нежданными, можно сказать – поразительными. Таска их принял, чувствуя себя несколько неловко, не предложил даже присесть. Однако услужил тем, что позвонил Вл. Пятсу, вице-министру просвещения и, хотя он в этот день был весьма занят, уговорил его принять гостей из Латвии. Пятс – приятный, культурный, простой, но энергичный человек. Когда ознакомился с французским текстом, то ещё несколько медлил, но когда увидел эстонский текст, сразу решил подписать французский меморандум, пригласил и директора Эстонского музея, и ещё директора какого-то иного музея. Так наши друзья нежданно получили три весьма внушительные подписи.

Пятс обещал и 27 апреля, когда состоится заседание Художественного совета, которое он будет вести, собрать подписи под меморандумом, который будет вручён Эстонскому правительству. Так всё происходило великолепно. Единственная печаль, что подадут так поздно. Но и тут судьба пришла нам на помощь. Вчера газеты оповестили, что конференция отложена. Я это предвидел ещё два дня назад, когда узнал, что министр иностранных дел Эстонии приболел.

23 апреля мы подписали французский меморандум, 24-го – подписали в Эстонии, 25-го – в Литве. И сегодня текст следует вручить в Министерство иностранных дел Литвы.

Если и были неудачи и препятствия, то они умножали энергию – и приходила ещё большая удача. Так тёмные силы своими натисками нам только служили.

Иногда всё же были тяжкие минуты. С усилием приходилось отгонять гнетущий настрой. Это так же, как идущему по воде может повредить малейшее сомнение. Но мы быстро всё преодолевали.

Я написал весьма пространное письмо в Индию, где подробно описал все наши переживания.

30 апреля

Блюменталь с великим восторгом рассказывал о Литовском обществе и его членах. Только что состоялось там общее собрание. В саду у дома Глямжи посадили дуб Единения. В этом доме отведена комната для Общества. Решено в контакте с правлением Рижского общества обсудить вопрос о будущей конференции нашего движения. В связи с этим мы решили на Троицу поехать в Каунас. Тарабильда живёт очень убого: с женой и тремя детьми в одной комнате. Жена – чрезвычайно энергичная и одарённая художница. Французский меморандум вручат непосредственно министру иностранных дел, который принял 20 апреля.

5 мая. Среда, вечером

Истинную радость другим способны дать единственно Владыки Сердца. Ибо Огненное Сердце шлёт свою величайшую красоту. Сегодня я получил письмо от Шибаева, где сообщается, что нашему Обществу высланы 34 картины из Индии! И среди них любимейшие Е.И.! В списке я увидел и «Madonna Laboris». Это Дар, который только Сердце способно принести. Такое великое наследие, такая ответственность – какое это будет невыразимое переживание!

12 мая. Среда, вечером

Вчера состоялся официальный вечер памяти Доктора. Открыл Валковский, мастерски вдохновил и приподнял. Скучным, однако, был доклад проф. Юревича. Чудно прозвучала в исполнении Эмилии Виестур моя «Красота Духа». Мадревич хочет вступить в наше Общество, его жена читает книги Учения. И Дзиркале нам симпатизирует. Зал был полон гостей, много было и деятелей культуры. Это был наш первый парад. Осенью развернётся широкое поле для культурной деятельности.

Сегодня вечером в старшей группе мы решили до середины июня объединить всех в три группы, вести будут Клизовский, Валковский и Драудзинь. Старшая группа, понятно, останется по-прежнему, будет собираться и во время летнего перерыва. Осенью группы придётся кардинально перестроить.

22 мая

На праздники мы были в Каунасе в гостях у наших друзей. Из правления были: Валковский, Гаральд, Клизовский, я; Блюменталь нас отвёз на своей машине. Выехали мы в субботу, 15 мая, рано утром и вернулись 17 мая вечером. Поездка была чудесной. Подробно об этом я написал в письме своим Руководителям. С великой сердечностью и радостью принимали нас литовцы. Я был изумлён, ближе познакомившись с теми людьми, с которыми уже давно переписываюсь. Хрупкая, маленького роста, но огненная – Монтвидене. Она себя чувствует нездоровой, думает, что у неё туберкулёз, но энергично себя преодолевает. Можно было заметить, что у неё чистое чувствование, что она понимает Учение и старается применять его в жизни.

Великая трагедия её жизни в том, что её муж, известный в Каунасе коммерсант, оставил её и живёт с другой. Она была лучшим колоратурным сопрано в Опере, но из-за горя потеряла голос. Теперь играет и аккомпанирует на рояле. Много выступает бесплатно в благотворительных концертах. Мы её просили беречь здоровье, сосредоточить свою жизнь главным образом на Обществе. И великая её роль ещё впереди. Гаральд привёз ей свои лекарства, обследовал её. Однако признаков туберкулёза не мог обнаружить, хотя она жаловалась на периодические сильные боли в груди, горле, голове. К другим врачам она не ходила. Теперь она доверяет Гаральду, и эта вера и лекарства Гаральда излечат её. Как нам показалось, благодаря своей гармоничной природе она когда-то вырастет в истинного руководителя. Серафинене же, хотя и обладает знанием и опытом, не так уравновешенна и ещё не во всём способна освободиться от старого «эго». Это можно чувствовать и по её письмам. Также опасно влияние Серафинене на сознания членов Общества в том смысле, что она слишком высоко ставит значение современной астрологической науки и рекомендует всем членам Общества заниматься ею. Ведь не может больше быть настоящей астрологии без астрохимии. Но Серафинене имеет большие заслуги в создании Каунасского общества. Недаром её почитают как мать для Общества и многих его членов. В Каунас прибыли члены Общества из провинции. Обещала приехать и Серафинене, но странным образом не явилась. Может быть, так было нужно, мы в этом узрели руку судьбы. Ибо мы хотели и пытались упрочить в сознании членов Общества иерархическое уважение к Монтвидене. Разумеется, все её уважали, но она была как бы в подчинении Серафинене, которая переписывалась с Е.И. (Монтвидене всё же получала письма от Н.К.) Было бы приятно, если бы Монтвидене получала прямые указания из Индии. В Каунасском обществе царит демократический дух, все решения принимаются совместно, но появляются нередко вопросы, которые должны решаться старшим по духу. Таким авторитетом, нам виделось, могла бы стать Монтвидене. Эта мысль возникла и в связи с тем, что мы привезли с собой четыре Портрета Учителя. Как же разделить их так, чтобы было тактично, и те, кто сам у нас просил, но не получил, не обиделись? В конце концов мы решили сами их разделить, а именно – в квартире у Монтвидене. Портреты Учителя уже были в Каунасском обществе у Серафинене и Тарабильды. Они в любом случае предназначались Монтвидене и Глямже, который тоже огненный человек. Согласно совету Монтвидене, мы решили дать Портреты г-жам Ливас и Гриневич. И тогда получившие Портрет и мы, рижские гости, собрались вместе в день нашего отъезда. Знаю и чувствую, что наши друзья никогда в жизни не забудут этих минут. Валковский говорил чрезвычайно прочувствованно. Об этом свидетельствует и письмо, которое, вернувшись, я получил от Монтвидене, что они после нашего отъезда из Каунаса ещё долго, долго сидели в молчании. В этом письме она говорила и о Любви, которая растворяет, размывает всё личностное.

Два вечера мы провели вместе в доме Глямжи, где проводятся обычные собрания. Читали письма, отвечали на вопросы. Клизовский прочёл доклад – как достичь мира между государствами. Этот доклад он отослал в Америку на какой-то конкурс. В последний вечер, под самый конец, был общий ужин. Когда он подошёл к завершению, встал Тарабильда и произнёс речь. Затем я зачитал свой доклад о спешности момента. Я чувствовал себя окрылённым. Далее встал Валковский и говорил об Иерархии. Ещё никогда он не выступал столь вдохновенно и сосредоточенно. Ибо, воистину, в этот вечер всё пространство было полно вдохновения, и великой была отзывчивость и восприимчивость особого литовского духа. Валковский пытался намёками вознести в своей речи иерархическое значение руководительницы Каунасского общества. Эти дни были испытанием и для меня, и я был рад, что смог несколько раз выступить. Ибо действительно среди сердец литовских друзей я чувствовал себя как дома.

Мы были на экскурсии в каком-то монастыре[1]. Сидели на берегу Немана, слушали зачитываемые нам письма. Посетили галерею Чюрлениса. Осмотрели город. В первый день были в гостях у нашего посла Л.Сея. Познакомили ближе с Пактом Рериха и просили его поддержки, ибо он будет участвовать в Конференции Балтийских стран в Каунасе.

Так мы оставили много импульсов в Каунасе. Но не меньше получили мы встречных вдохновений. Литовцы ведь – люди *сердца.*

[1] Пожайслис.

В минувший четверг в Обществе Валковский докладывал о нашей поездке. Затем Стребейко зачитал сообщение о проблемах астрономии. Неделей раньше был мой доклад о спешности момента, который я повторил на русском языке, был и доклад Маркова о собраниях и Учении.

25 мая. Вторник

Блюменталь только что вернулся из Таллина, где он был по служебным делам. Он посетил и В.Пятса. Узнал, что Пятс подал в министерства просвещения и иностранных дел предложение с подписями художников – членов Художественного совета. Таким образом, Пятс до конца выполнил своё обещание. Учреждать Общество Рериха он всё же не берётся, сейчас будто бы нет времени, но охотно поддержит, если кто-то иной возьмётся. Затем Блюменталь беседовал со знакомым Н.К. – художником Кайгородовым. Тот в восторге от искусства Рериха и его идей относительно культуры. Но ещё словно чего-то боится. Он антропософ, его мать – немка. Он обещал собрать кружок для организации Общества Рериха, но играть главную роль в нём не хочет. Такие новые вести Блюменталь привёз из Таллина. Шклявер пишет из Парижа, что он говорил с литовскими дипломатическими представителями, и они поддерживают идею Пакта. Симпатизирует и жена Лазорайтиса, она будто бы разошлёт литовским женским организациям воззвание по поводу Пакта.

2 июня. Среда

Позавчера мы переехали на новую квартиру в Межапарке, на улице Стокголмас, 35. Будет больше солнца и чистоты, только не знаю, как будет относительно тишины и воздуха. Я стал столь чувствительным. Я уже дважды получал замечания от Е.И., что необходимо уйти на месяц в отпуск и написать книгу об Иерархии Света, которую я в прошлом году отложил. Надо бы уехать на природу, где обновление и одиночество. Но как же мне одному ехать, когда семья должна остаться в Межапарке? Элле здесь легче, ибо бабушка немного помогает, а в деревне необходимо нанимать служанку, что нам всё ещё не под силу, ибо приходится учитывать долги, сделанные в связи с недавно изданными книгами. Гаральд был столь добр и сам предложил однажды 700 латов. Вероятно, можно и иначе устроиться, но я чувствую, что у Эллы будет некоторое новое напряжение, если придётся думать и о чужом человеке в семье. Пока Элла не ходит в Общество, её опять иногда посещают мимолётные сомнения. Только огонь непрестанного устремления даёт постоянное равновесие. Сколько же матери приходится жертвовать ради детей! Трудно всюду требовать соблюдения закона соизмеримости, когда властвуют только сердце и чувства. Однако кажется, что поеду в деревню я сам.

Мы с Валковским неоднократно задумывались, как поднять дисциплину в Обществе. Я составил и внутренний устав, или тезисы, но хотел бы, чтобы все члены правления с ним ознакомились. Мятежным духом у нас является Слётова, вечно собирает какие-то сплетни. Клизовский, опять-таки, поддерживает русских, если они чем-то обижены. Недавно Крауклис меня спрашивала, нельзя ли издать литографическим способом брошюру для членов Общества на тему из Учения, которую она выписала, – об Армагеддоне? В качестве предисловия она взяла письмо Е.И. о возможности гибели <планеты>. Я сказал, что эти пророчества, которые рассеяны по книгам, в разрозненном виде так сильно не воздействуют на слабые сознания, как могли бы повлиять, собранные вместе. Кому-то может показаться и сектантским. Когда же и Клизовский поддержал просьбу Кр<ауклис>, я ответил, что обратился в письме к Е.И. за советом. Затем пришёл ответ от Е.И., который поддержал мои мысли. Это письмо я прочёл в старшей группе. Но оказалось, что Клизовский ещё раз сам писал и послал темы. Разумеется, Е.И. ответила ему то же самое, что мне. Такое действие со стороны Клизовского я не могу назвать иначе, как упрямством, а относительно Крауклис – самолюбием. Мы ведь так хорошо понимали друг друга в нашей поездке в Литву. Но Клизовский – великий чудак, который никогда и нигде не хочет уступить. Быть может, эта несгибаемость идёт на пользу распространению Учения. Недавно Клизовский был у русского посла с просьбой разрешить официально допустить его книги к распространению <в России>. Если церковная религия рухнула, то теперь её место <должна занять> религия, основанная на науке и логике. Это – великое дерзновение!

В заявлении он отмечает, что не хочет идти нелегальным путём. Как известно, все книги Н.К., которые мы посылаем в Россию, неизменно возвращаются назад. Но мы имеем Указ искать путь туда для наших книг.

Ещё – только что мы узнали, что кто-то из наших самых молодых – Стребейко, который только недавно вступил в Общество, – самовольно написал два письма в Индию, где-то добыв адрес. Утруждать Руководителей своими мелкими проблемами, которые можно выяснить здесь же, в Обществе?! Конечно, наш выговор запоздал, ибо теперь неудобно перед Е.И.

Вчера я получил чудесный дар из Индии – рукопись «Напутствие Вождю» и 100 параграфов из книги «Братство». «Напутствие Вождю» следует напечатать или переписать на машинке только в 50 экземплярах. Чувствую грядущую великую миссию этой книги. И я недавно начал выписывать из Учения о задачах Вождя. И теперь пришло это посвящение – указания сердцу.

4 июня. Пятница

Сегодня знаменательный день – мировой суд оправдал Гаральда. Повестка о том, что надо явиться в суд, пришла так нежданно, только за два дня. Вполне понятно напряжение после такого факта. Гаральд начал собирать подписи больных в нескольких толстых тетрадях, которые он хотел присовокупить к прошению к президенту. Член нашего Общества Зальцман поговорил со Скуенеком, тот обещал защищать дело Гаральда и поговорить с министром Апситом и с Рубулисом. На мировом суде Гаральда защищал П.Бергис, гуманный человек. Он доказал, что является неправильным прибегать к тем статьям карательного закона, на которых основывается истец. Кроме того, сенат когда-то решил, что лекарства можно приготовлять непосредственно под наблюдением врача: тогда ведь и сам врач может их готовить. Наконец, подчеркнул, что Гаральд берёт определённый гонорар за лекарства, которые он выдаёт больным. Приговор объявили быстро и даже нежданно – оправдан! <Гаральд> думал, что рассмотрение отложат и поручат найти 16 свидетелей. Это – новая победа Света над тьмою. Как много несознательных и тёмных людей ещё есть среди врачей! И чтобы такие лечили тело и душу страждущих?! Это трагедия нашей культуры, что во главе её зачастую находятся личности, её не достойные. Печально и то, что ныне во главе многих учреждений поставлены ничтожные люди, таков и директор Департамента здравоохранения.

Вчера я прочёл в Обществе несколько параграфов из «Братства».

25 июня

На Ивана Купалу я был в Мурмуйже в гостях у Мауринь Зенты и её друзей. Выехал вместе с Я.Залькалном, который направлялся на хутор своего брата. И мне пришлось не раз там побывать, ибо брат Я.Залькална – волостной староста и в его ведении культура в волости и содействие ей. Мне сообщили, что он очень недружелюбно относится к Петерсону, руководителю народного университета в Мурмуйже, и о Зенте он нелестного мнения. Нависла угроза и над самим существованием университета, ибо Фонд культуры более не выделяет ему средства, основываясь на отзыве старосты Каугурской волости. Брат Залькална в общем-то человек хороший, но, как говорит Учение: доброты ещё недостаточно, нужна духовность. Он не может понять, что университет в Мурмуйже действительно имеет большое значение, и не только для волости, но и гораздо шире. Он мнит, что лекторы слишком абстрагируются от жизни и не стремятся к объединению с другими культурными учреждениями в волости. Во всём этом я пытался его переубедить, ибо знал, что сотрудничества недостаёт именно у противоположной стороны. Я много дебатировал с братом Залькална, и не знаю, какое впечатление в конце концов осталось у него от меня? Знаю, насколько Петерсон недавно был удручён в связи со всеми нападками: его упрекали во всяких сомнительных финансовых делах, однако ревизия доказала его невиновность. И мне хотелось что-то хорошее сделать для Мурмуйжи, местности, у которой, в моём понимании, такое светлое звучание.

1 июля

Заботы не кончаются, и, кроме того, я ещё не выполнил своего долга и не ушёл в отпуск, хотя Е.И. в каждом письме меня к этому побуждает. Сколь удивительной была открытость ко мне Е.И. в её последнем обширном письме, где она пишет о Гребенщикове, Асееве, Писаревой и в конце объясняет понятие Кумаров. Какой великий Свет всегда идёт вместе с её письмами!

Надо строить планы о нашем совместном собрании в Каунасе, которое должно состояться в масштабе всей Балтии и с приглашёнными гостями, значит – официально. Все приготовительные работы безотлагательны и спешны. Озабоченность вызывают у нас и картины Н.К.: они задержаны в Лондоне до тех пор, пока мы не вышлем экспедиционной фирме валюту.

Мы хотим приобрести для Общества картину Н.К. «Первобытные люди», которую один антиквариат в Риге в конце концов отдает за 200 латов. Так наш музей со временем станет чудесным храмом искусства.

7 сентября. Вторник

Сегодня я получил вторую часть *«Братства»*[1], 32 параграфа. Какой невыразимый Свет излучает каждая строка этой книги! Это великая Красота Сердца, которую я держу в своих руках. Чем же я заслужил это – такую огромную Радость?!

Уже давно я начал получать первую часть «Братства», теперь вся она в моих руках! Там в каком-то параграфе упоминается, что вторая часть выйдет только в нескольких экземплярах. Об этом я написал Е.И. Наконец, в первых числах августа я получил от Е.И. письмо от 16 июля.

«Родной наш Рихард Яковлевич, получила Разрешение послать Вам части второй книги. Буду посылать Вам частями. "Если пожелаете послать Рихарду части второй книги, не имею ничего против. Он и Гаральд лучше других умеют хранить тайну". "Один по утончённости, другой по львиному настроению – Мне близки. Но пусть Гаральд очень бережно собирает отзывы, как было Указано". Значит, Вы и Гаральд Феликсович хранители второй книги... Так, родные, храните доверенное Вам».

8 октября

В течение нескольких месяцев ничего не писал. Когда немного «переведу дыхание», тогда опишу все свои переживания. Ныне живу, погружённый в глубины напряжения. Сотни «обручей» сковывают тело, дух отчаянно рвётся поверх границ. Послезавтра уже открытие Музея и конгресса, но кажется, что главное ещё не сделано, что всё главное надо успеть сегодня и завтра. Ещё надо написать обращения, составить доклад. Ещё картины окончательно не размещены. Только сегодня или завтра привезут литовские картины. Ещё сегодня я подал для каталога последний дополнительный список по работам латышских художников. Сколько раз приходилось звонить по телефону. Наконец, сегодня сообщили из Министерства, что дадут разрешение на открытие музея и проведение конгресса, но чтобы слово «конгресс» мы заменили на «съезд». Я взял такси и помчался по редакциям, чтобы это слово соответственно исправить, ибо завтра появятся статьи или заметки о конгрессе.

Очень радостно, что вчера «Брива Земе» поместила две репродукции картин Н.К. и вчера же приходил художник Страздынь по заданию редакции, чтобы написать о нас статью. Именно это весьма важно, чтобы официальный правительственный орган печати первым исправил и искупил грех, в котором он перед нами провинился. Притом другие газеты всегда автоматически следуют за ним. Ещё сегодня молодой Беньямин принял <меня> с известной долей иронии, когда я передал приглашение на открытие музея: «О вас такое говорят!» Уж тут нам следует завоевать престиж! Вторым нашим завоеванием было бы, если бы пришёл министр Берзинь, как обещал. И третьим – доклад на радио, за что я так сильно боролся. Но об этом всём – позже, ибо теперь каждая минута должна посвящаться мыслям о грядущем воскресенье.

[1] «Надземное».

20 октября. Среда

Мне хочется сегодня вспомнить ход событий последних четырёх месяцев, о которых я здесь ничего не рассказал и которые промчались как один день. Лето я прожил в Ропажи Межгайтас у брата Эллы – лесничего. Пробыл там всего шесть недель, каждую неделю по 2-3 дня проводил в Риге, ибо обычно ходил в Общество на заседания по четвергам. Е.И. мне уже в каждом письме писала, чтобы я берёг здоровье и отдохнул. Но временами у меня тяжко было на душе от сознания, что Элле с детьми пришлось остаться в Межапарке. Гунта, однако, три раза была со мной в Ропажи, бродили мы по окрестным полям, ходили в лес по грибы, на реку. Много дивной красоты в сельской местности. Всё же сердце звучало струнами непокоя, ибо так мало можно сделать. Я прочёл первый том «Тайной Доктрины», в связи с этим делал заметки на полях своей книги, прочёл ещё и некоторые иные источники, и всё же свой труд не завершил. Е.И. так часто мне писала: «Отдохните и напишите свой труд». Но мешали и другие обычные работы по Обществу. Сколько одних лишь писем я написал! По-русски пишется медленнее, чем по-латышски. Написал и длинное-предлинное письмо Е.И., где характеризовал старших членов Общества. Оно было труднейшим моим письмом. Каждое предложение многократно обдумывал. И всё же совершил ошибку, по крайней мере, по отношению к Элле. Я написал, что в минуты утомления и нервности в ней иногда всплывают сомнения. Писал это, ожидая поддержки для неё от Е.И. Однако, углубившись снова, понял, что провинился перед Эллой, ибо не сказал истинную правду. Элле присуща врождённая жажда быть правдивой, жажда, возможно, даже несколько болезненная. Иногда она может выразить в словах то, чего, по существу, даже не думает. И <присущ ей> самоанализ по поводу моментов нервности. О священном для неё она никогда не говорила. Но в глубине сердца у неё великое, святое почитание Иерархии. Иногда в ней проявляется изумительное чувствознание, и оно мне столько раз помогало и вело в жизни. Я причинил Элле новую боль, но хочу это исправить, знаю, насколько исчерпывается энергия, когда всё приходится отдавать детям. Нет служанки, чтобы помочь, а бабушка больше заботится о детях второй дочери. Давно ищем служанку, но невозможно найти сторонницу вегетарианства. Всё же все наболевшие вопросы следует решить спешно, насколько возможно.

В начале июля мы получили великий Дар из Индии – ящик с 34 картинами. Вместе с Валковским мы уладили все таможенные формальности, и в помещении Общества открыли ящик с чудеснейшими ценностями.

В начале августа вместе со мной в Ропажи гостил и Гаральд. Наша дружба окрепла. Вместе мы читали письмо Е.И., что мне и Гаральду даровано великое счастье – вторая часть «Братства». Вместе мы строили планы. Гаральд ещё молод, но его продвижение изумительно. Чувствую, что в прошлой жизни он уже выявился как зрелый дух. Доверие Учителя к нам заставляет нас ещё больше сплотиться. Совместно с Валковским мы образуем нуклеус Общества. Жаль, что Валковский временами слишком медлителен и односторонен, но вообще-то его помощь в организаторских делах Общества весьма насущна.

2 августа в Ропажи в колонии учениц средней школы я прочёл доклад о прекрасном и жизни.

Однако свою главную миссию я не выполнил, свою книгу не закончил. Это отзывается постоянной болью в сердце. Этот труд поощрён и доверен наибольшим Доверием. Мне его следовало бы написать с величайшим вдохновением. Но я опять впрягся в бесчисленные ежедневные дела. Уже в августе надлежало начать думать о конгрессе. В середине июля, по нашему приглашению, приехала Монтвидене, и я предложил съезд провести в Риге, ибо ощущал, что условия в Каунасе нисколько не благоприятнее, чем в Риге. Вскоре у нас родилась новая мысль – провести конгресс одновременно с открытием Музея. Когда мы об этом сообщили в Индию, немедленно пришёл ответ: провести конгресс 10 октября, когда намечено празднование юбилея Рериха. Сразу наш съезд обрёл совсем иное – международное, выдающееся значение, ибо теперь в центре оказался сам Рерих и его чествование. В такой ситуации к съезду надо было готовиться совсем иначе.

Когда ныне просматриваю письма Н.К., то вижу, что идея съезда была вначале совсем расплывчатой, постепенно она росла и развивалась, появлялись новые, нежданные привходящие обстоятельства, которые заставляли нас переориентироваться, пока наш план не обрёл необходимую зрелость.

У нас в замыслах были и две большие монографии об Н.К., одна на русском языке, вторая – на нескольких других. И она всё ещё в стадии создания, хотя столь многими письмами мы обменивались с Н.К. по этому вопросу. В сентябре мы изготовили первую репродукцию «Сострадания», любимой картины Е.И. Её мы отослали воздушной почтой в Индию совместно с копиями тридцати приветствий Н.К. с таким намерением, чтобы Рерих получил их в день своего чествования. Ещё много тому подобных, тяжело груженных писем летело в Индию. Ныне процесс репродуцирования движется скорее. Мы хотели художественное руководство доверить Либерту, но он не держит слово, сколько раз мы договаривались о встрече, а он не являлся. Возможно, из-за того, что «по причине непредвиденных обстоятельств» ему надо было быть в ином месте, однако культурнее было бы известить нас об этом заранее. Хотелось бы доверить художественную редакцию Пранде, с ним проще сотрудничать, но Либерт непосредственно руководит типографией и всем, что с ней связано. Таким образом, в вопросе монографий ещё многое предстоит решить. Клише для четырнадцати репродукций мы получили из Америки. Эти книги потребуют колоссального капитала. Гаральд отдаёт Обществу все свои деньги, стоит только его попросить. И Вайчулёнис жертвует всем, чем может, Мисинь вносит средства на издание «Агни-Йоги».

А теперь – о создании нашего Музея. Приглашения друзьям Николая Рериха за рубежом на открытие Музея и на конгресс мы начали рассылать уже заблаговременно, согласно адресам, присланным нам Шибаевым. Список этих письменных приглашений всё увеличивался. Только во второй половине сентября мы начали задумываться о печатных пригласительных, отдельно в Музей и отдельно на конгресс, которые мы решили рассылать только по странам Балтии. И тут вдруг явилась мысль об отделе искусства стран Балтии в нашем Музее. Идею подал уже несколько месяцев назад Н.К.: он давно мечтает видеть отдел латышского искусства в нашем Музее, и если возможно, то и коллекции эстонского и литовского искусства. И мы решились на великое дерзновение и напечатали на пригласительных, что в Музее заложены первые основы отдела Балтийских стран. До сих пор у нас абсолютно ничего не было, ни единой работы для этого отдела. Единственно литовцы нам обещали около 30 работ, но мы не надеялись, что в них окажется какое-то высокое качество. Итак, 30 сентября мы решили: надо, во-первых, срочно податься в Эстонию и получить оттуда произведения, чтобы хоть как-то было представлено эстонское искусство. Кроме того, надо прийти к ясности относительно лиц, которые будут участвовать в конгрессе от Эстонии. Обещали – Кайгородов, Рудникова и другие. Но последняя требовала, чтобы официально пригласили и её мужа, барона Икскюля, и главу общества парапсихологов. Мы этого не сделали, ибо от Кайгородова нам стало известно, что Икскюль сильно скомпрометирован в глазах эстонской интеллигенции и плохо смотрят на саму Рудникову, и если бы Рудникова поехала, то, возможно, что ни он, ни Пятс, ни другие эстонские художники не явились бы. Но получилось, что не приехали ни Кайгородов, ни Рудникова. Рудникова в последний момент прислала телеграмму, что не приедет. Возможно, обиделась, что мы не пригласили её мужа, хотя по её заданию К.Миллер дважды от нас этого требовал. Мы этого не сделали, во-первых, по упомянутым выше мотивам. Кроме того, ещё д-р Феликс Лукин нам высказал серьёзные сомнения относительно Икскюля. Во-вторых, Блюменталю и Гаральду, когда они были в Таллине, говорили, что одной из главных причин, почему Рудникова и члены Метапсихического общества желают ехать в Ригу, является то, что, пользуясь нашим приглашением, они получили бы льготный железнодорожный тариф и могли бы в Риге встретиться со своими собратьями по убеждениям. Вообще, на это общество, так же как и у нас в Риге, интеллигенция смотрит скептически. И недаром, потому и нам надо быть начеку, ибо удивительно, насколько в Таллине мало ясности относительно оккультных вопросов, спиритизм и медиумизм очень распространены, и даже лучшим оккультистам присущ оттенок психизма.

Недавно нас посетила одна дама из Метапсихического общества в Таллине, которая выступала с лекциями в Рижском обществе психических исследований. Ей присущи способности автоматического письма, и она «переписывается даже с Махатмами»! Разумеется, что после этого её утверждения мы отнеслись к ней совсем холодно. Такие вот пророки теперь бродят по миру и смущают умы. В конце концов, от того, что указанные лица не приехали на конгресс, мы не много потеряли, ибо явился столь нежданно новый приятный гость – представитель Фонда культуры Эстонии, художник Гринберг, делегированный Пятсом, очень культурный человек.

Гаральд и Блюменталь привезли из Эстонии девять произведений: шесть работ Кайгородова, две работы Нимана и одну – Янсена. Произведения сами по себе посредственные, но техника неплохая.

Раз уж пошло такое дело, надо было браться за собрание латышского искусства. И так мы, за краткий срок, в последнюю неделю перед открытием Музея, 5, 6 и 7 октября, насколько было возможно выкроить время помимо нашей работы, объехали ведущих художников. Это можно было только после обеда, ибо позже, вечером, Пранде должен быть в Академии. У Гаральда, в свою очередь, бунтовали больные, если он задерживался. Таким образом, «закупочная комиссия картин» состояла из трёх человек. Первоначально, во вторник, мы явились к самому Пранде: у него, кроме его собственного этюда «Над лесами», неожиданно для себя мы приобрели дивный пейзаж берёзовой рощи Валтера, который я считаю ценнейшим произведением в нашей латышской коллекции. За эту картину мы заплатили Пранде 400 латов. Поначалу он предлагал нам какую-то иную работу Валтера, побольше, а эту, маленькую, запрятал в углу и не очень желал с нею расставаться. Затем мы направились к Ансису Цирулису и выторговали у него «Три Лаймы». Были мы и у П.Кундзиня, но ничего для нас подходящего не нашли. На второй день у сына Розенталя мы приобрели «Мария Магдалина у ног Христа» (600 латов) и «Кудесник». Знаю, что его жене было очень трудно проститься с любимыми работами, но она решилась на это, возможно, ради Гаральда, который был их домашним врачом. От Бине мы получили «Бог, Мара и Лайма» – национальную святыню диевтуров, однако в наших помещениях этот холст всё же эффектно не смотрится. Затем выбрали его «Путников». Утром в четверг мы посетили Меснека. Больше всего нам понравились его крупные работы, но они ведь для нас дороги. Аннусс только что завершил большую картину «Явление Христа Деве Марии». Композиция очень даже чудная, только сам Христос какой-то совсем необычный. Замечательны его этюды для алтарных картин. Мы ещё ему не заплатили, ибо у нас просто-напросто не хватило денег. У Куги в Академии мы купили «На мельнице», другой подходящей картины у него не было. Наконец, у Тильберга – четыре небольшие работы. Возможно, что к нему и не было смысла идти, но мы ходили по рекомендации Пранде. Один небольшой набросок я ещё в последний момент обменял на другой, более живой, – «Горную дорогу». Однажды вечером, ранее, мы с Гаральдом посетили дома Либерта и договорились относительно его декоративной картины «Князь Игорь». Так, в стремительном темпе, началось и кончилось у нас путешествие по мастерским художников. Гаральд из своей квартиры притащил в музей работы Свемпа и Скулме. Первые основы заложены, и мне кажется – они великолепны.

Работы литовцев мы получили только в пятницу после обеда. Можно себе представить всю деятельность, которая кипела в Обществе в последние два дня. Не были развешены работы латышских художников. Предстояло провести и всякие ремонтные работы. Недавно перекрасили все комнаты. В последний момент нашу «голубую комнату» преобразили в жёлто-белую, приспособили к картинам. Пранде с членами нашего Общества работал до поздней ночи. Прикрепили номерки к картинам, устроили гардероб, декорировали. Но меня всё время не отпускало беспокойство о воскресном дне. Кто же должен держать речь на открытии? Никогда я не выступал перед чужой большой аудиторией и в присутствии гостей. Я ведь рискую. И всё же, наконец, я решил рискнуть. Ибо разве Силы Света не стоят за мной? В последний день я был чрезвычайно уставшим. Однако составил «в черновике» свои вступительные речи, которые переписал и разработал воскресным утром. Браться за доклад уже времени не хватило, я решил прочесть главы из своей книги об Н.К. Массу усилий требовал и каталог Общества. Своё предисловие я сдал поздновато.

Последний сигнальный лист напечатали только в пятницу, но в субботу <каталог> уже должны были сброшюровать. И тут в субботу к двенадцати часам дня я вспомнил, что ещё не уплачено «Тевияс Балвас»[1] и, кроме того, ещё полагается подать соответствующее заявление в Министерство общественных дел. Уже в последний момент (учреждения закрывают в час дня) я сел в такси и за полчаса, с тревогой в сердце, всё счастливо уладил. Разрешение на открытие музея мы получили в пятницу (поздновато!). Но разрешение на проведение конгресса не было получено ещё в субботу к 12 часам! Наконец, члену нашего Общества Дравниеку с трудом удалось его достать. Предстояло ещё незамедлительно подать прошение в префектуру, здесь, однако, благодаря знакомству разрешение выдали без задержки. Как видно, могло случиться, что наш съезд вообще бы не разрешили! Наверняка в министерстве на нас собраны какие-то «сведения», быть может – из Политического управления, ибо отчего же в последний момент такое затягивание? И главное – министр Берзинь, который сказал: «С радостью приду, если только какие-то особые обстоятельства не помешают», всё же не явился, думаем, наверняка по причине именно «собранных сведений». Что это за учреждение, которое собирает о нас неправдивые, ложные сведения? Разве мы не являемся самыми лояльными, добропорядочными гражданами Латвии, разве мы не стараемся своей культурной жизнью, своими светлыми мыслями и идеями служить примером для других организаций и сограждан? Разве мы не копили нетленные богатства духа для бессмертной, вечной Латвии? Почему к нам такое недоверие? Потому нам и было столь больно, когда на второй день конгресса мы узнали, что среди гостей есть двое из Политического управления, которые за нами неотступно надзирали, критически разбирали наши доклады, сопровождали на Братское кладбище и которых мы в конце концов приглашали на ужин.

В Музее были выставлены и три депонированные[2] картины: «Прокопий Праведный отводит тучу каменную», «Град обречённый» и «Святые Борис и Глеб». И здесь надлежало совершить свои формальности – застраховать и т.д. Все экспонированные картины надо было срочно вставлять в рамы. Монтвидене привезла с собой обе свои картины Н.К. и рисунок «Святилище», который одолжила у директора Музея <в Каунасе> Галауне. Эти работы она увезла с собой обратно.

На наш конгресс приехали 30 членов Литовского общества Рериха. Мы изумлялись их великому рвению и преданности, что они смогли приехать в таком большом количестве (возможно, – 75% всех членов Общества). Большая их часть – люди небогатые, но другие оплатили им дорогу и т.д. В среде литовцев господствовала великая дисциплина и порядок.

Когда в воскресенье утром я закончил писать вступительные речи, Блюменталь, который ныне живёт в Межапарке, на своей легковой машине отвёз меня и Эллу в Ригу. Уже само здание Общества внушало праздничное чувство: развевались флаги трёх Балтийских государств, стояли лавровые деревья, у входа и у лифта гостей встречали члены нашего Общества. Когда гости собрались в зале по звону гонга, с каким чувством я поднимался на трибуну! Это был труднейший экзамен моей жизни! Присутствовало много общественных деятелей, знакомых, был и мой брат. Но, когда я начал и глянул на людей, ощутил в себе как бы просветление. Будто бы токи струились сквозь меня. В своей речи я чувствовал вдохновение. Сознавал, что Высшие Силы меня ведут. После речи спели гимн. Затем Лукин зачитал имена приветствующих и некоторые телеграммы. Потом я прочёл приветствия Е.И. и Н.К. на русском языке, но ощутил, что здесь это зачитывать не следовало, потому сократил и читал бегло. Так Музей получил благословение от нас самих и Свыше. Что с того, что официальные представители не участвовали? Начнём сами великий путь культуры! Столько дерзновения и напряжённейшего огня!

Некоторое время мы пообщались с гостями. Дух был приподнятый. Новая эпоха начинается в нашей жизни. Затем вместе с литовскими гостями мы направились обедать в вегетарианскую столовую. В три часа начался конгресс. Технические вопросы конгресса я доверил Валковскому, который и разработал регламент конгресса, потому я не углублялся во все детали. Конгресс я открыл краткой речью, в которой пригласил всех почтить память первого основателя Рериховского общества д-ра Лукина. Затем очертил понятие духовного содружества и три элемента культуры: красоту, знание и этику жизни.

[1] «Tevijas Balvas» *(латыш.)* – «Дары отчизны».

[2] Здесь: предоставленные для экспозиции.

В президиум избрали меня – председателем, К.Валковского, Г.Лукина и Монтвидене – вице-председателями, Тарабильду и Фрицберг – секретарями. Фактически оба дня собрание вёл Валковский. Почётными председателями избрали А.Пранде и К.Дуцмана. Кроме того, место в президиуме предложили генералу Нагевичюсу, начальнику Военного музея Литвы, знакомому Монтвидене, который на минутку явился на конгресс. Зачитали часть приветствий. Всё ещё приходили телеграммы и письма, которые зачитывались в перерывах. Затем началось чтение докладов. Начал я главой из своей книги: «Взгляды Рериха на искусство». Было много ценных докладов. На второй день господствовал более эзотерический оттенок, ибо читались <доклады> на темы Живой Этики. Клизовский и г-жа Крауклис, хотя им много раз указывалось, всё же не сумели примениться к сознаниям. С последней даже получился небольшой конфликт. Ибо она в своём докладе подчёркивала борьбу женщины с мужчиной, и это подметили двое из Политического управления. Клизовский читал о задачах сердца, Драудзинь – о воспитании, Сипавичюс прочёл красивую оду, посвящённую Н.К. и т. д. В понедельник в двенадцать часов мы направились на Братское кладбище, чтобы исполнить традиционный долг – возложить венок. Раньше всё это показалось бы мне странным, но ведь этим выражалось уважение к народу. В четыре часа начался заключительный акт конгресса. Была атмосфера дружественности и сердечного тепла, мешали только «дугпа». После ужина вместе с несколькими литовцами долгое время мы провели в комнате Учителя. В конце трём литовкам мы вручили Портрет. Были мы вместе до поздней ночи. Знаю, что эти мгновения они не забудут никогда. На следующее утро мы дали Портрет ещё четырём литовцам, после этого в комнате Учителя собрались вместе все члены Литовского общества. Читали некоторые параграфы из Учения о Мастере, преданности, торжественности. Далее в зале г-жа Бумбер прочла краткий доклад об учреждении бюро психических исследований и т. д. В конце я повторил гостям свой доклад: «Какие свойства необходимы тому, кто решил следовать путём ученичества», который читал в Обществе 30 сентября. Жаль, что у нас не было возможности нигде собраться вместе и погрузиться в сердечные беседы, ибо приходилось думать о недремлющем оке политических чиновников, которые следили, чтобы ничего не проводилось «вне программы». Ещё хорошо, что утром последнего дня они не пришли в Общество. Во вторник в половине третьего литовские друзья простились с нами. Сознаю, что всё могло быть лучше, но они увезли с собой немало возвышенного. Литовцы подарили нам пальму, и только что Монтвидене написала, что они нам дарят скульптуру Тарабильдене «Мадонна Мира». При посредничестве Тарабильды мы приобрели и две картины Шимониса, кроме того, два рисунка самого Тарабильды. И сегодня эти работы включены в каталог нашего Музея. (Одну из этих картин всё же не удалось достать.)

Были разработаны и резолюции для представления конгрессу: о воспитании, об искусстве, по женскому вопросу и о сотрудничестве между Балтийскими странами с целью продвижения Пакта Рериха. На конгрессе решили передать их «секциям» для окончательной формулировки. Так из последней резолюции вырос «Балтийский комитет Пакта Рериха». Эта идея привела меня в восторг. Именно такой комитет обладает гораздо большим значением. Он может обращаться не только к своему народу, но и апеллировать к великим державам и Лиге Наций. О самих резолюциях мы ещё не имеем полной ясности. В современных условиях их лучше опубликовать как тезисы к докладам. Не желаем показаться властям «бунтарями». Особенно трудно расстаться с резолюцией по женскому вопросу: г-жа Крауклис изложила там все наши радикальные взгляды. Но мы мало поможем делу, если потребуем ныне равноправия женщины в законодательстве и на государственной службе, когда общественное положение женщины опять угнетается и «верхи» никаких советов и замечаний не признают. Надо идти иным путём – путём воспитания культуры сознания.

Теперь впереди великий труд: издать материалы конгресса, речи и приветствия на латышском и на языке выступавших. Разумеется, что главная работа здесь опять будет моя. Появились бы хорошие помощники! Ныне много работает г-жа Пормалис, печатает на машинке и переводит. Но, чтобы всё опубликовать, ещё много надо работать.

Также предстоит кропотливый и большой труд – выслать всем приветствовавшим благодарственные письма. И, в конце концов, нельзя ведь всем писать по одному шаблону.

Мы напечатали также специальный бланк, на обороте которого наклеили репродукцию картины Н.К. «Брамапутра». Некоторые писали нам очень сердечно. Трогательны индийские свидетельства. Множество знаменитых имён. Последним прислал Свен Гедин. Мы были поражены, сколь чудно отзывались литовские правительственные и культурные круги: есть письма по поручению Сметоны и Тубелиса и т.д. Только наши правительственные круги молчат. Дуцман точно определил: «Если бы они знали, какое значение имеет этот конгресс не только для Латвии, но и для блага всего человечества, они бы горько сожалели о своём равнодушии». Да, что же скрижали истории поведают о тех, кому следовало стоять на дозоре Культуры своего народа и кому полагалось понимать каждое светлое, полезное для благосостояния народа начинание и всеми силами поддерживать его? Но происходит как раз наоборот. Здесь чувствознание вождя должно быть бодрым.

Мы много размышляли о том, почему министр Берзинь, который нам сказал, что с радостью посетит открытие нашего Музея, если только не появятся особые препятствия, всё же не пришёл? Если он нас принял на официальном приёме, то не может быть, что он уже заранее не был подробно о нас информирован. Откуда возникли слухи, что у нас «связи с большевиками»? Может быть, оттого, что с недавнего времени заседания нашего Общества стал посещать поэт Дзелзитис, когда-то бывший «левый», но ныне внутренне переориентировавшийся, хотя сам он заверяет, что всегда был религиозным искателем. Однако в последнее время до нас дошли тёмные слухи о нём, и, пока он не реабилитировался, надо просить его нас не посещать. Если он направился к религиозному мышлению, то пусть проявит это открыто для общества, публикуя новые стихи. Стыдиться своего мировоззрения нельзя, нам такие не нужны.

Ещё хочу рассказать о своём докладе на радио, чтобы охарактеризовать обстоятельства и психологию. Когда я просил разрешения прочесть доклад о Рерихе, А.Залитис мне сразу же разрешил. Он, видимо, не был проинформирован о том, что за опасный человек этот Рерих! Ибо недельки через две я внезапно узнаю, что вопрос о моём докладе рассматривался на заседании радио и отклонён. Рерих будто бы сектант и мистик (я ответил, что Рерих всю свою жизнь борется против сектантства и фанатизма!). Односторонность проявил на радио, кроме директора Смилги, и мой тёзка критик Рудзитис. Я немедленно нашёл Залитиса, и тот мне в конце концов сообщил решение Смилги, что по поводу моего доклада он будет говорить с самим министром Б<ерзине>м. Да, великая честь оказана мне, что по такому мелкому делу утруждают министра! Но здесь таится угроза престижу Общества! А что если Б<ерзинь> откажет?! Здесь уже не просто вопрос доклада, о котором я бы много не печалился, – здесь приходится защищать честь Общества, чтобы Б<ерзинь> своим решением случайно не поставил наше Общество в неудобное положение. Нам самим надо было первыми попасть на приём к Б<ерзиню>! Мой разговор с Залитисом состоялся в понедельник, а во вторник мы с Валковским пытались пробиться к Б<ерзиню>. Всё же нам это не удалось, но обещали – на следующую пятницу. Я позвонил Дуцману, и он долго говорил со Смилгой, своим знакомым, и всё же окончательно его убедить не удалось. Он сказал: «Я представлю ваши аргументы министру, если он разрешит, то пусть доклад зачитывается». В четверг я позвонил Залитису. Оказалось, что и Смилга не попал на приём к министру, ибо на аудиенции было слишком много людей. Тогда Залитис направился ещё раз к Смилге, и на этот раз, наконец, Смилга разрешил. Притом сказал следующее: «Хотя мне всё это дело Рериха несимпатично, но ради Рудзитиса, который написал доклад, я разрешу». Выяснилось, что Смилгу смутили слухи, которые он, очевидно, косвенно услышал от проф. Шмидта. Как известно, Шмидт в своём докладе в Доме Латышского общества выступил против Рериха, таким же образом он выступал и на лекциях народного университета. Так приходится бороться в эту эпоху духовного мракобесия и невежества. Наконец, 10 октября актриса Эмилия Виестур прочла мой доклад на Рижском радио, в девятнадцать часов ноль пять минут, чтение длилось двадцать минут, но в девятнадцать тридцать ей надо было быть на сцене театра Дайле. Позже Виестур было указано, что какое-то предложение в моём докладе кому-то не понравилось. Доклад предъявлялся заранее на цензуру Залитису. Мудрили мы, которое же это предложение, не то ли, что «должны стать прекрасными и тюрьмы»? Так мы и не узнали.

Только в четверг, 14 октября, после нашего собрания мы окончательно решили относительно групп Учения. Это был тяжёлый вопрос, который всё лето лежал у меня на сердце, ибо мне не хотелось никого ущемлять. Писал я об этом и Е.И., и получил от неё краткое замечание, что трудно распределить группы по сознанию. Руководителю группы необходимо быть подлинным воспитателем, он должен отзвучать на все тонкие вибрации струн Учения и культуры. Больше всего озабоченности доставляла группа Слётовой, там вечно случались то одни, то другие несогласия и нарушения дисциплины. И сама Слётова отнюдь не является воспитательницей. Одно лишь то, что она до сих пор не помирилась с Фрицберг, и всё её поведение в этом деле свидетельствует о её неспособности исполнять это высокое задание. У меня появилась счастливая идея – поручить руководство её группой Гаральду. Во-первых, с Гаральдом у Слётовой будет менее всего предлогов для обиды. Кроме того, эта миссия весьма важна и самому Гаральду для духовного развития, ибо руководитель группы, уча других, сам чрезвычайно растёт. Группа Буцена, как весьма малочисленная, уже самоликвидировалась, и мы, наверное, новую ему не поручим, хотя он этого хочет, – дело в том, что у него не хватает соизмеримости и такта. Три старшие группы: Клизовского, Валковского и Фреймана (который сам отказался) объединили в одну, которую поведёт Клизовский. У последнего множество теоретических знаний, здесь, где читают «Беспредельность», они будут уместны. Понятно, что способности воспитателя у него малы. Затем в воскресенье в старшей группе я вновь прочёл выдержки из своей статьи о том, каким должен быть руководитель группы. Что во многом он должен быть «классным руководителем» и воспитателем в жизни, что ему надо вникать в личную душевную жизнь членов группы, подавать советы и быть примером во всём. Далее – остаются по-старому группы Лицис – Вайчулёниса и Крауклис. В группу Драудзинь входит четверо новичков, и она начинает читать первую часть «Листов Сада Мории». Валковский взялся вести новую группу на русском языке. Ещё следует отметить, что в группу Гаральда вливаются ещё несколько членов из других групп. Думаю, в его группе будет лучшая дисциплина. Он несколько раз был слишком радикален и резковат, но ведь велико его усердие свершить всё наилучшим образом.

12 ноября. Пятница

События разворачиваются с такой калейдоскопической быстротой, что не успеваю их отмечать. И каждый день преподносит какое-то переживание. Истинно – век великой динамики!

В воскресенье после конгресса, то есть 17 октября, нас посетил Кайгородов. Это, мне кажется, было великим событием, ибо за этим визитом последовали важные продвижения. Мы с ним условились, и Кайгородов обещал, что, вернувшись в Таллин, он постарается организовать Рериховскую группу или Комитет Пакта. Он по этому вопросу беседовал с В.Пятсом, и тот рекомендовал общество пока не создавать, но единственно – группу, вокруг которой собирать, кроме художников, и молодёжь. Пятс обмолвился, что он с радостью поддержал бы такую группу. В конце мы предложили, чтобы Кайгородов и другие его друзья обратились по делу Пакта к министру иностранных дел Акелю, и Кайгородов пообещал. Он уехал в восторге от картин Рериха и светлого настроя, который царил в Обществе. Мы приобрели у него его картину «Мальчик в лодке» (за 100 латов). 23 октября я ему написал пространное письмо о предполагаемом «Комитете Пакта Рериха Балтии». Упомянул я и кандидатуры по лицам в каждом государстве. Пятса я предложил в качестве президента Балтийского комитета. От Латвии в комитет могли бы войти Дуцман, Пранде и кто-нибудь из правления Общества. Кроме того, я спросил его о выставке эстонских художников, которая ныне открыта в Таллине. Надо бы расширить раздел эстонского искусства в нашем Музее, ибо картин так мало. Также заботит нас вопрос, кто из эстонских художников возьмётся написать о Рерихе для нашей монографии? И чудно, что несколько погодя последовал замечательный ответ. В субботу, 30 октября (в исторический для Эстонии день!), у Кайгородова собралось несколько художников, чтобы обсудить и заложить основы объединения имени Рериха. И ещё: вчера из Эстонии вернулся Блюменталь и сообщил следующее. На совещании было решено создать Комитет Пакта, в который вошли бы Кайгородов, Гринберг, Ниман, Таска и В.Пятс как почётный председатель.

Единогласную поддержку обещали оказать и «Объединение художников» или Совет при Министерстве просвещения. Таска уже разработал устав комитета. В будущий вторник, 16 ноября, они все отправятся на приём к Акелю, чтобы информировать о Пакте Рериха. Если создастся Комитет Пакта в Таллине, то легко будет осуществить создание Комитета Пакта Балтии. Да, это были бы важные и весьма радостные вести. Далее, Блюменталь познакомился с Беликовым, который переписывается с Клизовским и Рерихом, – молодым, энергичным, симпатичным человеком, которому всего 24 года, уже болеет туберкулёзом. У него будто бы великий талант объединителя. Его мать держит столовую, и по вечерам в этом помещении собираются разные юношеские и культурные сообщества. Со всеми Беликов умеет найти общий язык. В тот день, когда Блюменталь был в Таллине, к Беликову явился К.Миллер и попросил помещение для группы Метапсихического общества (группы Рудниковой?). Беликов разрешил. Но когда он услышал, что вечером в этой группе какой-то оратор начал зазывать в спиритизм и медиумизм, он в тот же вечер запретил им впредь собираться здесь. Так, интеллигенция Таллина не терпит спиритов, избегаем их и мы. Беликов интересуется Учением, и у него есть двое-трое единомышленников. Может быть, он мог бы собрать группу Учения, нескольких мог бы взять из Метапсихического общества. Пока Беликов не может войти в состав Комитета Пакта Рериха, хотя Кайгородова знает, и всё же наверняка он будет иметь определённую роль в Обществе Рериха.

Потом, в понедельник, по дороге в Париж нас посетил эстонец, инженер Бушман. На уме у него грандиозные планы – о сооружении памятника женщинам всего мира. Он подарил свою книжку, в которой первым фигурирует Рерих со своим поощрительным письмом, затем в книге приведены и другие отзывы известных личностей. И ко мне он обратился, чтобы я что-нибудь написал. Его план состоит в том, чтобы в Швейцарии или в Америке возвести грандиозное сооружение, посвящённое женщине, которое бы служило поддержкой решению женского вопроса и стимулированию идеи мира. Я предложил ему подумать, не резонно ли возвести такое строение именно в государствах Балтии, ибо они – страны будущего, осенённые потенциальными энергиями. В завершение мы с Валковским его долго вдохновляли по поводу Знамени Мира Рериха, он уехал воодушевлённым и наверняка окажет содействие нашему движению в Таллине. Бушман – человек сердечный, по-детски предаётся своей идее, но ведь в сердечной преданности уже есть сила.

Я желал примирить Слётову с Фрицберг. Беседовал со Слётовой отдельно, затем пригласил их обеих вместе. Но сердца их так же холодны, как и прежде. Как же перевоспитать сердце, тут недостаточно нескольких лет. Всё верно, как определила Е.И.: у Слётовой не хватает культуры, но у Фрицберг слишком мало сердечного тепла. Последней я сказал: представь психологию матери, какую трагедию пережила Слётова как мать, сколь существенно ты могла бы помочь, придя к ней и успокоив её. Во-вторых, если уж меня так тяжело оскорбили, я бы считал долгом своей жизни реабилитироваться. Но настрой Фрицберг таков: «Если Слётова имеет что-то против меня, пусть сама придёт ко мне». Разумеется, Слётова когда-то подняла бучу на всё Общество и таким образом создала карму. Теперь, однако, себя преодолела. Но руки друг другу они всё же не подали. И это старшие члены Общества! Позор! Психологически эта ситуация понятна, но с позиций высшей этики не оправдываема. Всё же новые импульсы ко благу даны.

Когда-то я получил из Индии рукопись «Напутствие Вождю», величественную книгу, с указанием – давать читать только в помещении Общества и только ближайшим членам. Мы начали её читать в старшей группе. Затем пришло Указание: напечатать или размножить эту книгу литографическим способом в 50 экземплярах, все экземпляры пометить номерами и никому не давать до особого указания. И вновь пришло Указание, которое определило по экземпляру мне, Гаральду и Серафинене. И наконец – за великую радость, проявленную членами правления об этой книге, она выделяется им, а также тем, кого я отношу к самым испытанным. Так вместе с Гаральдом мы решили дать по экземпляру членам правления; была мысль предоставить и Драудзинь, но она тогда не присутствовала в Обществе и получила позже. Кроме того, Е.И. указала подарить один экземпляр Стребейко, который перепечатал эту книгу, – за его преданность. Мы пригласили этих лиц в комнату Учителя, и я торжественно всем раздал книги. Притом я подчеркнул, что книгу надо хранить конфиденциально, т. е. – о ней нельзя никому сообщать.

Кому дарить ещё – я решил подумать позже. Но вот после этого как-то вечером ко мне в Межапарк приехала возбуждённая г-жа Крауклис, и первые её слова были: «Чем же я Вас оскорбила?» Я был в полном недоумении. Конечно, уже ранее были неприятные моменты из-за её не очень-то тактичных поступков, но всё же это были мелочи. Но теперь я узнал новую истину: ей сказали, что член её группы Стребейко получил подарок из Индии, а ей как руководителю группы ничего даже не сообщили. Все руководители групп получили, единственно она – нет! «Почему такой обход?!» Психологически я понимал её волнение, хотя оно явно вспыхивало из глубин самости, ибо я не думаю, чтобы Мисинь или Драудзинь (которые получили) в случае подобной ситуации так бы расстроились, возможно, что даже и не задавались бы вопросом об этом. Я ответил, что вообще-то не имел в виду руководителей групп, ибо, во-первых, и г-жа Лицис не получила. Объяснял, что я следовал главным образом указаниям Е.И. За ошибку я признал то, что книгу Стребейко я вручил в присутствии старших членов. Ибо, в самом деле, и он чувствовал, что Крауклис отсутствует. Огорчило не столько то, что кто-то из членов Общества преступил указ о неразглашении, как то, что он совершенно исказил истину: будто бы я, вручая книги, думал о руководителях групп. Когда Клизовский на следующий день случайно пришёл, то отрицал, что он что-то рассказал г-же Крауклис (хотя мне Крауклис поведала: он застал её дома всю в слезах и понял, что она всё знает, и успокаивал её, а затем они стали говорить о книге). В четверг окончательно я выяснил: случилось так, что Клизовский действительно думал, что г-жа Крауклис уже знает, хотя на самом деле он сам ей первый и поведал. Знаю, что теперь и Клизовский чувствует себя неудобно. Не хочу на этот раз судить, может быть, я сам был виноват, что не повернул всё так, как было бы желательнее. После раздумий я решил дать книги и Крауклис, и г-же Лицис, так все руководители групп и получат. Но г-жа Крауклис отказалась, это и понятно. Только что я узнал, что Буцен тоже кому-то из членов Общества рассказал: как раз из-за его болтливости мы с Гаральдом и не хотели ему давать. Сколько раз он хвастался дарами из Индии! Пришло время всё это сказать ему в глаза. Знаю, что Н.К. пишет, как много терпения необходимо в отношениях с членами Общества. Понимаю, что наказания не воспитывают, но провоцируют как раз противоположное. Наказывать можно только предателей, иные проступки допустимо порицать только словами. Гаральд всё ещё излишне горяч: он чуть ли не половину членов исключил бы! Но чего бы мы этим достигли? Всё это – та горечь, которую мне положено испить.

В старшую группу мы недавно приняли Блюменталя и Мисиня. Последнего я принял при странных обстоятельствах. В Мисине привлекает его преданность Иерархии, его великая готовность и ясный взгляд. Но мне говорили, что он бывает грубоват со своими рабочими (у него строительная контора). Летом Мисинь читал в Обществе доклад, и Валковский пригласил его остаться ещё в старшей группе. Он это понял так, что <принят> навсегда. Я уже собрался ему заметить, что насовсем он ещё не может остаться, но при пересмотре списка членов он по недоразумению, так сказать, по ошибке, попал в старшую группу. В такой ситуации, пожалуй, было совсем неудобно его изгонять, поскольку список уже был обнародован. Валковский взялся нести ответственность за духовный рост Мисиня. Знаю, что Мисинь развивается быстро, он прислушивается ко всему, что ему говорится. Он будет ценным материалом в нашей постройке. Я беседовал с ним по поводу его отношений с рабочими. Знаю, что он меня понял.

Элла начала ходить в группу Клизовского, но в старшую не ходит. Она говорит, что недостойна, ибо сама она группу не ведёт. Я не смог её уговорить. Она обладает очень хорошим чувствознанием, и я знаю, что её совет был бы необходим на совещаниях старшей группы. Но, очевидно, её время ещё не пришло. Но огонь открывает все врата. Наконец, мы наняли служанку, это, конечно, надо было сделать давно. Этот год измучил нервы Эллы. Её мать немного помогала, но больше всего она привязана к семье второй дочери. Теперь Элла опять может «вырваться» из круга семьи в культуру. Она готовит доклад о Дузе.

Наши встречи по четвергам в Обществе мы начали посвящать выдающимся личностям, философам, поэтам. Валковский рассказал о Жакове, у меня был доклад о пути развития Тагора, в этот четверг, в день Праздника Латвийского государства, Мауринь Зента говорила о проблеме любви в поэзии Райниса, и Раудиве – о женщине. На каждом вечере проводились богатые поэтические чтения. В этот четверг играли «Лоэнгрина» и «Парсифаля».

Завтра будет вечер Блаватской. Кроме того, я хочу познакомить членов нашего Общества с искусством, и попросить Пранде, чтобы группу членов Общества он провёл по рижским музеям. Всем нам надо совершенствоваться и в понимании искусства. Нам надо стать гражданами Культуры.

Много ума и совета нам нужно в деле издания будущих книг. К примеру – обе большие монографии о Рерихе на русском и нескольких иностранных языках. В печатне государственных бумаг спешно репродуцируют картины нашего Музея. Мы составили план макета, отослали в Индию, теперь ждём ответа. Бумага уже изготовлена. Только лишь за бумагу придётся заплатить 20.000 латов. Всё это на плечах Гаральда. На нём великая ответственность, ибо книги не могут не выйти. Он опасается, как бы ему не запретили практику. Ныне разработан закон, который ограничивает гомеопатию и наверняка какой-то статьёй затронет и его. Между тем нам требуется всё больше средств. Надо бы пополнить латышский раздел работами художников, которые здесь не представлены. Также следует расширить литовский и эстонский разделы, которые окажутся весьма убогими, когда выставленные произведения придётся увезти. Хотелось бы приобрести работу Меснека «Хлеб насущный», но она стоит 2.000 латов! Теперь заканчивают печатать «Братство» и вторую часть «Тайной Доктрины», капитал и здесь нужен. Кроме того, всё время думаю об издании материалов конгресса. Обо всём этом я часто переписываюсь с Н.К. и получаю очень много ценных советов.

8 декабря

Сегодня вышло «Братство». Мы отослали экземпляр в Индию.

13 декабря. Понедельник

На сердце так тяжко, тяжко. Мы доверили художественное редактирование книги об Н.К. Либерту. Но он просматривал корректуру довольно поверхностно. И его вкус несколько отличается от вкуса Рериха. Американские клише напечатаны, но из нашего Музея – ещё нет. Мы попросили Либерта выправить все изготовленные клише заново. Как же он не осознаёт, сколь велика ответственность за эту грандиозную книгу, которую напечатают в таком количестве экземпляров! При подготовке издания работали мы вместе с Гаральдом, но теперь вижу, что всё это дело мне надо больше брать в свои руки. Вчера я пригласил на помощь Пранде, и сожалею, что так поздно. Вчера весь день до поздней ночи мы вместе с ним заново составляли макет монографии. На этот раз так, как Н.К. желал, – более-менее в хронологическом порядке. Завтра Пранде пойдёт говорить с Либертом. Очевидно, придётся на время закрыть Музей, ибо в типографию мы увезли около 15 картин и, кроме того, 8 декабря увезли литовские работы. Тяжело, конечно, закрывать теперь, когда интерес публики загорелся. Может быть, найдём какой-то компромисс.

Но новая великая тяжесть нагрянула вчера в старшей группе. Асеев предложил Клизовскому издавать в Риге его журнал. Поскольку у Общества теперь средств нет, то он договорился с частным издателем. Однажды он, правда, спрашивал совета в старшей группе, но неужели он не видел, что настрой был против издания журнала в Риге? Я зачитал дважды замечания Н.К., которые дают понять, что теперь издание журнала «Оккультизм и Йога» в Риге нежелательно. Однако выяснилось, что Клизовский всё же договорился с Вайчулёнисом о финансировании этого издания и т. д. Я ведь сказал, что если бы он мог издавать журнал с преобладающими в нём материалами (процентов на 70) культурного содержания и название его было иным, то тогда ещё можно было бы подумать. Но ныне, когда общественный интерес к Музею велик, когда у нас уже есть издательство «Агни-Йога», такой журнал, даже если издатель – частное лицо, может создать неприятный хаос. Притом я думаю, что Клизовский не годится на должность редактора. И как раз я получил письма Н.К., которые на этот раз определённо отвергают возможность издания журнала в Риге. Это письмо вчера в группе прочёл Гаральд. И тут он вдруг набрался храбрости и выложил всё, что только накопилось на сердце против Клизовского. Получилось некультурно, и я очень сожалею, что у меня не хватило сообразительности и я его не остановил.

Гаральд ставил в упрёк Клизовскому его игнорирование Иерархии (в данном случае – по отношению ко мне), что он никогда не советуется со мной и т. д. Драудзинь резко одёрнула Гаральда за такое отношение к старшему члену. И Элла пыталась психологически понять и защитить Клизовского. Мисинь, хотя и потише, вторила Гаральду. Так вчера добрый, героический Гаральд сотворил такое зло, которое опять придётся тяжко залечивать. Всё же я неизменно ощущаю неудобство в отношениях с Клизовским, с его личными стремлениями. Но эти наклонности резко проявлялись в нём уже во времена д-ра Феликса Лукина. Разве многократные «поучения» его исправили? Уже зачитывание в группе письма Н.К. было достаточным уроком, который каждого более-менее чуткого человека заставил бы покраснеть. Можно указывать, но не в такой форме. Ведь только вчера Гаральд прочёл письмо Н.К. к Гущику, где Н.К. укоряет последнего в вечном стремлении осуждать других. А что делает сам Гаральд? Таких волн конфликта не было в Обществе давным-давно.

Радуюсь, что Элла начала ходить в старшую группу. Её интуитивный совет там очень нужен. В прошлый четверг она прочла доклад о своей <любимой актрисе> Элеоноре Дузе.

Так много нескончаемого напряжения! Но накал всё растёт. Ибо жизнь духа – хождение над пропастью по натянутой струне.

1938

1 января

Чувствую: вхожу в год, который принесёт мне ещё больший, небывалый накал всех энергий. Знаю, что придётся собрать все силы духа и тела. Выдержки и мужества понадобится много. Понадобятся совет и радость сердца в минуты тягот и бедствий.

14 января

Так летит время! Я в вечном круговороте работы. Ни мгновения не остаётся для своих дел. Даже на концерты, в театр почти не хожу. Но болит сердце, что главного я ещё не сделал. Без конца подходят всё новые, важные обязанности. И неизменно приходится их соизмерять с великой динамикой эпохи. Каждый раз надо понять, что в данный момент наиважнейшее.

Я много работал над материалами конгресса, придётся их издать книгой. Немалые страдания сердца принесли и монографии об Н.К. Поначалу мы положились на Либерта, надеялись, что он в художественном руководстве будет тщательным и заботливым. Но американские репродукции он отпечатал очень плохо и замечалась небрежность в изготовлении клише работ нашего собственного Музея. Теперь мы попросили Пранде взять на себя художественное руководство. Хорошо, что клише нашего Музея ещё можно исправить. Но относительно американских клише ещё предстоит борьба с печатней госбумаг. Так каждое мощное достижение проходит крещение трудностями.

Второй том «Тайной Доктрины», результат нашего колоссального труда, окончательно готов был только в последние дни декабря. Запоздал в связи с конгрессом. Правду говоря, у меня уже длительное время не было возможности самому проверять корректуры. И всё же все препятствия счастливо преодолены, и 31 декабря, незадолго до 12 часов дня, когда закрывают государственные учреждения, член нашего Общества Дравниек получил разрешение цензуры. Один экземпляр, не медля, я уже успел отправить в Индию.

В финансировании «Тайной Доктрины» участвовал Гаральд вместе с Вайчулёнисом и Мисинем. Для монографий Гаральд уже дал 15, Мисинь – 5, Вайчулёнис – 2 тысячи. Надо учитывать, что это великое пожертвование, когда отдаются почти все свободные деньги, когда для себя ничего не оставляется. Кто же в наши времена на такое способен? Оттого все люди удивляются нашим грандиозным свершениям, и даже не верят, что могут существовать подобные «филантропы». Жаль, что Мисинь и Вайчулёнис некоторое время ничего не смогут дать, и Гаральд один борется, как лев.

В декабре Гаральд чувствовал себя переутомлённым, уже давно мечтал об отдыхе. Наконец, с 18 декабря прекратил работу на две недели. Но, уехав в Сигулду, простудился. Пришлось всё время провести в помещении, мучаясь головными болями, не имея возможности даже читать, к чему он так тянулся. Из Сигулды он мне написал грустное письмо – поздравление Обществу, желая поверх всех горестей держать радость. Это зачитали на Рождественском вечере у ёлки. После праздников как-то днём Гаральд, оставив свой дом, посетил меня, вместе мы строили планы, но на следующее утро внезапно он решил вместе с Блюменталем, который ныне по заданию своей фабрики едет за рубеж, направиться в Прагу, в гости к Булгакову. За несколько часов были улажены все формальности. Мне нравится в Гаральде его определённость и – стремительная способность переориентироваться. В Русском музее[1] в Праге, которым ведает Булгаков, находится четырнадцать картин Н.К., и Гаральд просил там изготовить клише с восьми картин. Картины, судя по всему, обладают самобытной красотой, и это будет большим вкладом в монографию.

Да, декабрь был всё же странным месяцем. Я нередко ощущал крайнюю исчерпанность психической энергии. Временами были такие сильные давления. И результатом было то, что

[1] Русский культурно-исторический музей, открытый в 1934 году в г. Збраславе, вблизи Праги, по инициативе В.Булгакова. В 1948 г. коллекции музея, в том числе 15 картин Н.К.Рериха, были отправлены в СССР.

я простудился, новогодним вечером ощутил повышение температуры и на пять дней слёг в своей комнате. Уже несколько лет такого со мной не было. Теперь чувствую себя уже бодрее, хотя всё ещё очень часто чёрные звёздочки летают перед глазами. Сколь много раз я себя чувствовал так, словно иду по струне, когда надо собрать воедино весь свой ум.

На общем собрании в четверг, 30 декабря, я прочёл свою статью о радости духа. Хотя много тяжких туч кругом, хотя сердце пронизывается столькими мировыми страданиями, однако Мастер ведь заповедал нам Радость. И как же не радоваться, когда сердце переполнено Близостью Мастера, когда сердце чует поддержку Иерархии Света, когда сердце чувствует себя позванным на великий бой и служение.

Эту свою статью я прочёл и в следующий четверг по-русски и послал в Индию в качестве новогодних поздравлений, и хочу послать ещё нескольким друзьям за рубежом.

27 декабря был в Обществе наш традиционный званый вечер, где Элла выступила со своим докладом об Элеоноре Дузе, который она недавно читала на закрытом собрании членов Общества. Затем следовали художественные представления.

24 декабря был день нашего любимого Мастера. При свете ёлочных свечей я читал выдержки из Учения, «Криптограмм Востока», поздравления. Дух был приподнятый, общее единение и гармония коснулись сердец членов Общества. Присутствовали некоторые дети, и моя Гунта.

В тот же вечер для меня была приготовлена большая и чудесная неожиданность. Вернувшись домой с ёлки, в своей комнате, совсем невзначай, я вдруг увидел прекрасный, милый дар от членов нашего Общества: кресло Учителя с синей обивкой, столик с пурпурной плисовой скатертью, на нём благородную серебряную чашу и книгу «Иерархия». Было приложено и письмо с подписями всех членов. Там рукой Аиды было начертано послание «Нашему Иерарху». Сердце переполнилось до краёв великой благодарностью и радостью. Мне позже рассказывали, что в воскресенье, накануне, кресло и стол были выставлены в Обществе для обозрения, что Блюменталь выступил с речью, и поведали, как собирали подписи и т.д. Мисинь привёз в Межапарк эти подарки на извозчике, ибо в автомобиль не вмещались. Великая любовь членов Общества налагает на меня и новые обязанности.

Я благодарен многим членам Общества за их содействие в работе. И снова выдвигаются люди, которые хотят всё отдать Обществу. Г-жа Пормалис сделала много хорошего, печатая на машинке письма, связанные с конгрессом, переводя приветствия и т. д. Чрезвычайно необходимо мне её знание английского языка. Также нынешней зимой сильно загорелась и г-жа Мисинь: она печатает на машинке, приводит в порядок дела Музея (это – кроме своих обязанностей по кассе) и т. д. Бялковский упорядочивает библиотеку и продажу книг. Стребейко издаёт литографическим способом серию книг, он уже издал на латышском языке «Общину», «Сердце», вторую часть «Листов Сада Мории», первую часть «Беспредельности». Валковский же признался, что нынешней зимой он чувствует себя уставшим, кроме того, у него большая нагрузка на работе. Зорко и бодро трудится Драудзинь, много переводит, подаёт советы. Немало членов Общества читали корректуры. Хотелось бы всех членов призвать к самому деятельному совместному труду.

В декабре мы получили радостную весть об учреждении Комитета Общества Рериха в Таллине. 9 декабря – историческая дата для Эстонии. Только грядущие поколения смогут достойно это оценить. В комитет вошли выдающиеся художники, есть и профессора. Обиталище комитета – в «Доме искусства» Эстонии. Этому Обществу будет принадлежать большая роль в деле продвижения Пакта. Ведь недаром в нём будет участвовать вице-министр В.Пятс. Большие надежды питаю и относительно Павла Беликова, молодого, энергичного человека, который создал группу Учения в Таллине. Он знаком с Кайгородовым, и позже его группа сольётся с Обществом. Мне видится, что именно он внесёт огонь в деятельность Общества. Художники в основном из старшего поколения, их интересы более односторонни. Они уже с самого начала засомневались, хватит ли в Обществе работы? Но Беликов умеет объединять. Он подойдёт к людям с позиций чувствования. Жаль, что он болен, оба лёгких затронуты, и всё же он вынужден работать на фабрике.

Монтвидене тоже определённо решила создать Комитет Пакта.

Я её уже неоднократно побуждал, ибо знаю, что в Каунасе для такого комитета намного лучшие обстоятельства, чем у нас. Только братское сотрудничество таких комитетов сможет укрепить в сознании наших народов идею Пакта. Теперь время подумать, нельзя ли комитет создать и у нас в Риге, наперекор всем трудностям и препятствиям? Понятно, устав <Общества> такой возможности не предвидит, но нельзя ли учредить временный комитет? Все идеи должны созреть, и для роста надо найти лучший момент.

В Каунасе недавно состоялась женская конференция. Это дало импульс, наконец, и нашим женщинам. Уже д-р Феликс Лукин мечтал о женской секции или объединении при нашем Обществе. Он это понимал в наиболее широком значении. В результате он опубликовал брошюру, посвящённую женщинам. Но уже тогда он чувствовал себя нездоровым. И, заболев, он не смог реализовать свою мечту. Не нашлось и истинной руководительницы единения женщин. Руководство Доктор поручил г-же Иогансон, но ей не хватило огня. Г-жа Иогансон предложила Мауринь Зенту, как общественного деятеля. Но лучше всего выражать наши идеи мог бы только человек Учения. Во времена Стуре женская секция возобновила работу, но всё же в конце концов заглохла. Теперь я отчётливо вижу, что это дело вовсе не такое трудное, если только у руководительницы налицо большая настойчивость и большой огонь. И я уверен, что теперь дело миссии женщины не только укрепится, но истинно расширится и вырастет. Шестого января в старшей группе окончательно решили учредить женскую секцию. Я попросил Драудзинь созвать собрание. И вчера состоялся вечер, на котором была создана эта секция нашего Общества. Я сказал вводное слово, прочёл из «Иерархии» параграф, посвящённый Владычице, под конец пожелал женщинам Общества посвятить весь огонь своего сердца великому и возвышенному труду на благо будущего. Затем выступили Екатерина Драудзинь и Крауклис, с докладом о женском вопросе выступил Клизовский.

31 января. Понедельник

Вчера в Обществе состоялся детский вечер. Программа была очень богатой. Выступали и многие малыши. На радость детям под самый конец были устроены игры. Большая благодарность актрисе Виестур. С такой программой не стыдно показаться самой широкой аудитории. Прошлогоднее представление больше задумывалось для подростков, притом имело ряд недостатков. Было бы очень радостно, если бы такие детские вечера можно было устраивать регулярно.

Руководство женской секцией взяла на себя Драудзинь, её помощницей будет Крауклис. Последняя могла бы быть очень активной, но ныне её активность проявляется спазматически. Она могла бы и гораздо больше делать для Общества, но пока, кроме того, что руководит группой и прочла один доклад, ничего не сделала. Всё же по женскому вопросу она ходила к Б.Пипинь, предложила нашей женской секции, то есть – Обществу (секция сама по себе не имеет юридических прав), вступить в Объединение женщин Латвии. Но нам пришлось отклонить её преждевременное предложение: какой теперь смысл вступать в такую слабую, малозначащую организацию, к тому же Камера культуры, возможно, всё переиначит. И, с другой стороны, разве нам позволительно как достаточно широкой организации вступать в состав иной организации? Это ещё надо выяснить в Индии. Драудзинь тоже была у Пипинь и у других дам. В скором времени устроят первый женский вечер. Лишь бы только умножались огонь и неотступность.

Наши замыслы относительно книжного и художественного магазина остановились на полпути. Наш библиотекарь Бялковский хотел было взяться за руководство магазином и согласился оставить свою работу. Это мы считали прекрасным шагом с его стороны и не сомневались, что он сам на этом деле вырос бы духовно. Зарплату некоторые члены Общества ему гарантировали. Главным по обеспечению финансами был бы, как всегда, Гаральд. Но вдруг Бялковский испугался такого большого риска. Теперь мы в неведении, кого же назначать заведующим, когда приобретём магазин? Есть надежда в скором времени получить его в хорошем районе[1]. Да, сколь редки всё же люди с большой, огненной дерзновенностью.

В субботу мы говорили с Либертом о репродукциях с американских клише.

[1] На ул. Гертрудес.

Одну часть Либерт согласился перепечатать. Только жаль, что главный печатник ныне болеет, по этой причине мы и не могли окончательно решить. Разумеется, здесь могут быть иные условия, чем в Америке, может быть иной оттенок краски, другая бумага, не исключено, что клише окислились и т. д. Я получил от Н.К. подробные указания: из девяти репродукций он одобрил только две. Работа над клише по рижским картинам движется медленно. Наш Музей в данный момент имеет печальный вид. Ибо 15 картин в типографии. Мы хотели закрыть, но поскольку теперь посетителей немного, то оставили. На днях мы вновь получили от Н.К. три оригинала: акварель одного индийского художника, копию тибетской работы «Св. Иоасаф» и этюд Тюльпинка. Ожидаем вторую партию американских клише, которые Хорш поначалу задержал, но позже, через суд, был вынужден вернуть. Также ждём репродукции из Праги.

В нашей старшей группе все нечаянные диссонансы опять выровнены. Гаральд как-то, в середине декабря, в связи с письмом Н.К. относительно издания журнала «Оккультизм и Йога» в Риге, в старшей группе бранил Клизовского, что он «обходит Иерархию», ибо самочинно, независимо от правления, начал переговоры с Асеевым об издании журнала в Риге, хотя по ряду мотивов это ныне нежелательно. Главным образом уже по той причине, что журнал теперь настроен односторонне и само название отпугивает людей, у которых ещё нет понятия об истинном оккультизме. Когда позже мы ругали Гаральда за его некультурную резкость, он это глубоко переживал в одиночестве, прислал нам из Сигулды новогоднее поздравление, которое мы прочли Рождественским вечером и которое содержало в известной степени извинение перед Клизовским. Это и принесло умиротворение. То, что Гаральд не держит в сердце обиды, указывает на благородство его характера.

Я столь часто получаю от Н.К. письма – деловые указания. Ныне сложной проблемой является создание Эстонского общества. Кайгородов по причине какого-то личного конфликта не пригласил в комитет Роота и Цейдлер, которые когда-то были педагогами в Петербургской школе Рериха и восторженно поздравляли его с юбилеем. В письме Рериху Роот пишет, что он и другие были бы даже согласны подарить картины нашему Музею, если бы Кайгородов пригласил. Теперь приглашение Рооту написал сам Рерих, таким образом, опять заботясь о нас. Когда Гаральд и Блюменталь в скором времени поедут в Таллин, они, несомненно, обратятся и ко всем упомянутым художникам. Великий такт и чуткость необходимы, чтобы объединять таких индивидуумов, какими являются художники. Но симпатизируют Рериху ещё две группы: Беликов со своим кружком Живой Этики и Рудникова, которая со своим объединением «Солнечный Путь» будто бы составляет центр Метапсихического общества Таллина. В последнем, правда, выявляются разные идейные течения, главным образом всё же – собственные взгляды Рудниковой. Но и здесь читают книги Живой Этики. Но уже известно, что как у Кайгородова, так и у Пятса и части эстонской интеллигенции столь сильно предубеждение против неё и особенно против её мужа, барона Икскюля, что любое сотрудничество с ними полностью исключается. Потому мы втихомолку приветствуем метод Беликова – принять в свою группу лучших и духовно более свободных членов Метапсихического общества, и затем со всей группой присоединиться к Комитету Рериха.

Я уже получил около 120 параграфов второй части «Братства». Это грандиозная симфония Сердца. На тех высотах царствуют великая торжественная серьёзность, мужество до последней черты и ясность сердца. 31 декабря мы также получили большую радость: <фотографию> портрета Е.И. (написанного её сыном), послано для меня и ещё для пяти старших членов Общества.

И что же ещё? В позапрошлый четверг Гаральд опять получил от Алкса, директора департамента здравоохранения, официальное письмо.

15 февраля

Третьего февраля в Обществе Раудиве чудно рассказал о Св. Терезе. Четвёртого <числа> состоялось присуждение звания доктора Зенте Мауринь. Это был великий день победы духа для женщины вообще. Какую колоссальную энергию и настойчивость пришлось проявить, чтобы взять верх над недоброжелательностью многих учёных, преподавателей. Теперь в официальных кругах женщина более не в почёте.

Нет и ни одной женщины-чиновника высшей категории. Женщине препятствуют в получении специального образования. Выбрасывают из педагогических институтов, хотя именно женщина является лучшим воспитателем. Перед нашей женской секцией ныне стоят самые великие задачи, но возможности реализовать эти задачи – небольшие. Но какое же правительство имеет право руководить без вдохновения и совета женщины?

Седьмого февраля Элла прочла доклад об Элеоноре Дузе в «Женском корпусе».

На прошлой неделе я был вдохновлён темой Пресвитера Иоанна. Получил много нежданных откровений. Древние энциклопедии, а также иные книги много пишут об этой легендарной личности. Некоторые книги я заказывал из Берлинской библиотеки. Затем мне великую радость принёс «Новый Титурель» – поэма, которая описывает царство Пресвитера Иоанна в Индии. И далее – я ближе познакомился с проблемой Беловодья, землёй грёз русских старообрядцев. Хочу спешно подготовить доклад о «Гималайском Братстве согласно источникам, доступным науке» и прочесть его в Обществе на званом вечере. Основой для доклада будет служить глава моей книги, которую я когда-то в первом наброске написал.

19 февраля, суббота, и 24 февраля

Сегодня на нашем собрании (обычном по четвергам) мои друзья, члены Общества, приготовили величайшую неожиданность: устроили чествование моего сорокалетия и вечер моей поэзии. Я и раньше нечто предчувствовал, но полностью убедился только перед началом, и тогда на сердце у меня стало так тяжело, тяжело. Думал, как же мне выдержать? Когда Аида Виестур читала доклад и говорила поэтически чудные слова, они отзывались всё же во мне болью. Но, когда начали выступать один за другим друзья, и каждый чтением стихов передавал дар своего сердца, тяжесть души уходила, и сделалось легко и светло. Ибо здесь главным было не славословие, а единение и слияние сердец. Так захватили меня и инсценировки фрагментов моих «Ангела смерти» и «Вечно близких». Концовка последнего прозвучала в сопровождении «Парсифаля». Как вдохновляюще звучало «Навстречу человечности». Исполнялись и две мои песни. Затем вручили фризии. Спасибо вам, милые друзья!

Я вновь получил письмо от Е.И.: словно цветущую ветвь внесли в комнату! Она вновь спрашивает о моей книге. Она пишет, как необходимо теперь защищать и прояснять идею Братства, вновь кругом столь много исказителей. Есть здесь и Указ Учителя о моей речи и о моей дочери. Да, много боли нам было также с нею. Моя жена два месяца ездила с Гунтой ежедневно к специалисту – врачу-<логопеду>, ещё продолжает ездить раз в неделю. Теперь её положение уже хорошее и заикание мало заметно. Гунта чрезвычайно темпераментна, и был период, когда была своевольной. Теперь уж это позади. Она вообще одарённая. Видя, что Андрис, её товарищ по играм, который на два с половиной года старше её, начинает читать книги, она самостоятельно стала разбирать слоги, и уже довольно ловко читает слова и понимает содержание. Главное, что чтение доставляет ей большую радость. Моя младшая дочь уже несколько недель, как ходит, начала делать первые шаги в годичном возрасте. Величайшие заботы, конечно же, у матери. Сколь невероятно много психических и физических сил необходимо, чтобы с честью выполнить ответственнейшее задание – воспитать истинного человека.

3 марта. Пятница

В минувшее воскресенье наша женская секция провела свой первый званый вечер. С речью выступили Аустра Карклинь, Берта Пипинь, д-р М.Палевич, и под конец Драудзинь в кратком обзоре дала синтез Учения. Общая тема была – задачи женщины будущего. Из присутствующих гостей духовный тон более всего задавала Карклинь, но все три гостьи очень чудно говорили и сделали этот вечер очень ценным.

Наш Гаральд начал свою решающую битву. Противники поклялись лишить его возможности практиковать. Все эти факты преследования останутся на страницах истории культуры Латвии пятнами срама. Преследование возобновилось с того, что Гаральда вызвали к следователю под предлогом будто бы неправильно поставленного диагноза. Но оказалось, что этот случай вовсе не был серьёзным, и притом после Гаральда ещё один врач также ошибся.

С другой стороны, его пригласили в префектуру, где предъявили обвинение от когда-то печально известного Рихтера, якобы он грубо обошёлся с каким-то больным и т. д. Секретарь префектуры оказался благожелательным и запротоколировал все слова, сказанные Гаральдом в свою защиту. Далее – его заново пригласил к себе д-р Ветра, заведующий отделом туберкулёза в Министерстве народного благосостояния, в связи с непостановкой на учёт какого-то больного. Ветра вёл себя довольно нелюбезно с ним. Затем Гаральда опять вызвал к себе Алкс и сообщил, что ему запрещено изготовлять лекарства дома и выдавать их больным. Гаральд стал думать, как бы сдать свои лекарства в какую-нибудь аптеку, где в качестве фармацевтов работали бы двое членов нашего Общества, и уже начал переговоры с одним владельцем аптеки. На следующий день Алкса навестила жена Гаральда, и на этот раз Алкс дал понять, что раньше или позже они всё равно будут препятствовать его деятельности. Оказалось, что и материалы следователя направлены Алксу для отзыва. Что же было делать? Гаральд на время приостановил практику, пока прояснится окончательно его положение. Ибо он не хочет давать в руки Алксу новое оружие против себя. Пока Гаральд не работает, может быть, Алкс не сможет ничего окончательно решить по нему. Но теперь решение Алкса будет иметь правовую силу: если Гаральда лишат права практиковать на год, то он нигде не сможет обжаловать, если же навсегда, то сможет подать на пересмотр дела в сенат. В среду Гаральд был и у министра народного благосостояния Волонта. И на этот раз он был очень сдержан. «Если директор департамента здравоохранения что-то решит, я, вне сомнений, это решение подпишу», – таковы были его слова. Также он заметил, что раньше или позже гомеопатию в Латвии ликвидируют, так же как и все иные способы врачевания, которые не отвечают преподаваемому в университете. Самое печальное, что нет ни одного более-менее выдающегося врача, который бы поддержал Гаральда. Если некоторые его и понимают, то они или из левых кругов, или мало пользуются уважением в среде врачей. Ещё остаётся у Гаральда один путь – к президенту. Но и он, вероятнее всего, ложно информирован, ибо, в связи с большим количеством пациентов у Гаральда, распущены слухи, что у него только один интерес – хорошо заработать. И Ветра говорил мне, что Гаральд зарабатывает в день по 500 латов (!), отчего он так торопится с приёмом больных, по восемь пациентов в час и т.д. Но знал бы он, что Гаральд – один из бескорыстнейших людей, каких я только знаю, что себе он ничего не оставляет, питается и живёт очень просто, и не знает, сколько у него денег сегодня и останется ли у него завтра хоть один сантим.

Мы ещё советовали Гаральду идти к Апситу, министру юстиции, и к генералу Балодису. Одна дама, член нашего Общества, знакома с женой директора Государственной канцелярии Рудзитиса, и всегда последнюю информирует. Она недавно передала президенту письмо матери Гаральда. Другая наша знакомая, тоже член Общества, информирует зубного врача К., у которой президент постоянно лечится, и т.д. Так мы делаем всё, что только возможно.

У Ветры я был во вторник. Мы когда-то вместе учились в университете в Тербата, он был в известной степени идеалистом, писал стихи и т.д. Теперь превратился в сурового стража закона. И все мои аргументы словно наталкивались на стену, я всё время ощущал, что его сознание до такой степени охвачено предвзятым мнением о Гаральде, что и величайшие факты будут тщетны. К примеру, он говорит, что исследовал лекарства Гаральда в своей лаборатории и нашёл, что они состоят единственно из воды и спирта. Я ему ответил, что в этом-то он мне поверит, что я же не лгу, что я сам и мои друзья собирали для Лукина цветочки и травы, и я видел способ приготовления лекарств; например, в одном лекарстве есть шесть разновидностей полевиц и т.д. Ветра неоднократно подчёркивал – пусть Лукин докажет, что лечит научно, то есть – согласно официально признанным методам, при помощи анализов, рентгеновских лучей и т. д. Я ответил, что Лукин был бы очень рад, если бы имел возможность доказать, что его лекарства и метод лечения имеют научную ценность, пусть ему позволят в какой-нибудь клинике или перед врачебной комиссией испробовать великую действенную силу своих лекарств. Ветра ответил, что клинику ему не даст. Далее он сказал, пусть Гаральд защищает свой метод официально на каком-то представлении. Да, Гаральд уже давно об этом думал, но он так занят на работе, что никак не может сесть за теоретические медицинские исследования.

Я спросил, почему Ветра думает, что у Гаральда не могут быть гениальные способности и он не может определить диагноз за десять минут, хотя другие врачи обычно исследуют гораздо дольше. На это Ветра только ухмыльнулся. Гаральд мне однажды рассказывал, что иногда в тот момент, когда больной входит в его кабинет, в сознании уже всплывает образ вида болезни пациента, и тогда он ощущает большую внутреннюю убеждённость. Конечно, своя истина есть и у Ветры. Хотя у Гаральда великий запас психической энергии, но принимать в день по 100-120 пациентов – это уже что-то сверхчеловеческое! Потому он иногда по вечерам и чувствует, что силы его оставляют, особенно, когда среди больных попадается кто-то вампиризирующий. Но иной раз мы именно изумлялись его энергии, когда после рабочего дня он приходил в Общество ещё сравнительно бодрым. Мы знали, что он неизменно получает и пополнение энергии, но выдача психической энергии тоже имеет свои границы. Принимая такое количество людей за день и торопясь, конечно же, Гаральд может ошибиться, особенно по вечерам, когда он устал, когда начинает работать, может быть, даже автоматически. Мы уже давно предлагаем ему ограничить число больных и в свободное время прибегнуть больше к Учению и к медицинским лабораториям. Также Гаральд навредил себе, быть может, и тем, что пытался помочь и тем больным, которых официальная медицина списала и оставила умирать. Но если Гаральд и не мог их вылечить (хотя были и такие случаи, когда вылечивал), то всё же, несомненно, многим облегчал страдания, например – Акуратеру, который умирал от рака. Ведь если кто-то умирал из тех, кого лечил Гаральд, то легко было к нему придраться. Гаральд очень правильно сказал Алксу об ошибках врачей в определении диагноза: «Назовите мне любого профессора медицины, и я найду в его практике столько ошибочных случаев, что его можно окончательно загубить». Ещё не бывало, чтобы какого-либо врача преследовали за его ошибки, как Гаральда, притом ошибки Гаральда малозначительны.

Ветра рассказал, что моя речь по радио подняла бурю возмущения в кругах департамента здравоохранения. Я там будто бы рекламировал Лукина. Действительно, я сказал, что основатель Общества Рериха д-р Феликс Лукин был членом-корреспондентом Гималайского научного института, где есть отдел по борьбе с раком, и что вообще тибетская медицина знает средства для успешного одоления туберкулёза и рака.

12 марта. Суббота

Бедная Австрия! Свободный, симпатичный народ, к которому я питаю самые светлые чувства. И ты стал жертвой![1] Так трудно, невозможно умом принять, что сознание <людей> двадцатого столетия может терпеть такой произвол и хаос. В течение двух лет лишились свободы Абиссиния, Китай, теперь – Австрия. Что ещё будет?!

Д-р Ветра в понедельник прочёл по радио лекцию о туберкулёзе, в которой проявил не только бескультурье, но и истинное варварство. Большая часть лекции состояла из нападок на Гаральда, всё же без упоминаний его имени, что он получает по 500 латов в день, что служанка наливает в ведро с водой спирт и таким образом готовит ему лекарства и т. д. Упомянул и некоего наивного поэта, который хвалил Лукина в своём радиодокладе. Значит, Ветра и моим доводам не поверил, тому, что я ему говорил о способах приготовления лекарств Лукина, и считает меня лгуном. После всех этих выходок Ветры я более не способен считать его нормальным человеком. Ибо любое нормальное сознание прислушалось бы к другому человеку. Ведь не может быть человека со стопроцентным предубеждением, в уме которого не осталось бы хоть десятой доли процента признания правды и за своим противником. Кроме того, эта лекция пошла Гаральду лишь на пользу, не только в смысле популяризации, но создала ему много друзей и сочувствующих. Во-вторых, она подала аргументы и против самого Ветры с его «ненаучным», варварским поведением. Наша Драудзинь написала очень прочувствованное и логически убедительное письмо президенту государства, в котором она упоминает и лекцию Ветры. Это письмо она надеется через кого-то передать непосредственно президенту. Также и Гаральд вручит ему своё письмо. Ему сказали, что президент вообще частных лиц на аудиенциях не принимает. Это для нас было большой неожиданностью, ибо это противоречит духу Учения. Беспокойство за Гаральда растёт.

[1] Австрия была оккупирована немецкими войсками.

В четырёх местах собирают подписи под заявлением президенту, собиратели – пациенты Гаральда, без его содействия и даже без ведома. Великая битва у Гаральда ещё впереди. Е.И. прислала Слова Учителя: «Будет победа, если борьбу доведут до конца». Особенно указано на мнимых пациентов – провокаторов, которых подсылают противники Гаральда. Гаральд уже нескольких таких заметил.

19 марта. Суббота

В среду Гаральд был у канцлера Рудзитиса, который обещал ему, что поговорит с президентом. Обещал говорить и министр Волонт. И вечером того же дня Волонт позвонил Гаральду по телефону, что ему разрешено лечить гомеопатическими лекарствами, но конечно же – из аптеки. Гаральд обрадовался, хотя тут же возникли многие трудные вопросы. Как же быть с его собственными лекарствами, разрешат ли их выдавать через аптеку? Это придётся выяснить. Ибо ведь его враги зорки и ищут любой пустяк, к чему придраться. Теперь ему придётся хорошо ознакомиться с гомеопатическими медикаментами, но это требует много времени, ибо когда-то от аллопатии Гаральд перешёл сразу на лекарства отца и с гомеопатической рецептурой шире не познакомился. Для пациентов это будет большим уроном, ибо очень важно, чтобы лекарства проходили непосредственно через руки Гаральда, чтобы они несли на себе его психическую энергию. С другой стороны, теперь <пациентам> придётся платить лишнее за лекарства. Гаральд ещё пойдёт к Волонту и к другим, пока полностью не выяснится его положение. В Индии сердцем сопереживают и участвуют в его борьбе, каждое письмо оттуда приносит советы. Только что Гаральд отослал телеграмму о новой ситуации, и ответ звучал: «Happy Haralds news!»[1]

Оказалось, что одним из собирателей подписей является жена политического чиновника, который участвовал в нашем конгрессе и которого мы хорошо знаем. Это нас чрезвычайно изумило, особенно когда стало известно, что её муж участвует в процедуре, когда приходят подписываться. Мы опасались, как бы тут не было каких-то ловушек противника, ибо и Учитель указывал на возможность провокаций. Но люди, которые были у неё, отзываются об этой женщине как об очень душевно сочувствующей судьбе Гаральда и принимающей подписи только таких лиц, которые полностью вылечились. Один список передадут президенту государства, второй – вручат Гаральду вместе с текстом, который может ему пригодиться, если ему придётся защищаться в суде. В сопроводительном письме эта женщина обращается к Гаральду со столь возвышенными словами, что мы больше не сомневаемся в её истинных намерениях. Так в конце концов и дугпа служат Свету.

Мы получили из Праги чудно изготовленные репродукции, вчера были у Либерта на совещании. Когда он увидел пражские репродукции, сразу признался, что изготовленные в его печатне не могут с ними сравниться. Мы договорились, что четыре из уже сделанных американских репродукций перепечатают заново. Печатник как главную причину выдвигал то, что у него при работе не было краски нужного оттенка. Получается, что и печатню госбумаг нам надо учить! Теперь есть надежда, что мы с Либертом сможем понять друг друга. Только печатание затянется, ибо у Гаральда больше нет денег. Также и Вайчулёнис и Мисинь совсем без средств.

В четверг Лицис и Э.Виестур читали диалоги Рериха «Шамбала Сияющая», первая играла европейца, вторая – Ламу. Это представленное художественными средствами произведение принесло нам всем незабываемые мгновения.

Вчера я получил письмо Н.К., которое тяжело озадачило моё сердце. Во-первых, он рекомендует не печатать обзор конгресса, речи и тезисы на английском языке. Переводила дочь Буцена, я думал, что она сделала всё качественно, но оказалось, что в спешке и поверхностно. Может быть, и мой поэтический метод обзора конгресса не годится? Может быть – так и лучше? Столь много времени, энергии и любви я вложил в книгу, посвящённую юбилею Рериха, но, возможно, она не будет иметь того значения, на которое я надеялся? Я думал разослать её всем государственным мужам и прочим <деятелям>. Но хорошо ли в данный момент «лезть в глаза»?

[1] Рады вестям от Гаральда! *(англ.)*

Как-то спрашивали начальника Политического управления Фридрихсона о нашем Обществе, он ответил: «Не будут ликвидировать те общества, которые излишне не проявляют своей активности и у которых не слишком большое количество членов». Вот и пойми! Полицейский инспектор сказал, что Общество Рериха – это «сомнительное общество». Как же склонить на свою сторону, завоевать сознания, которые диаметрально противоположны нам? В скором времени предстоит перерегистрироваться. В связи с этим много дел. Так и уходит время, зачастую в лишних работах, но ничего не поделаешь, всё это срочно.

25 марта

Вчера у нас был величайший день года. Вечер нашего Общества был посвящён Ему, к Которому стремятся наши глубочайшие мысли и чувства. Начали мы увертюрой к «Лоэнгрину», завершили – «Парсифалем». Драудзинь, Крауклис, Аринь, Ренкуль читали из Учения. Аида Виестур читала «Как чела нашёл своего Гуру», Мушинская – фрагмент о Белом Всаднике из «Каменной западни» Анны Бригадере, я зачитал выдержку из «Тайной Доктрины» о Великой Жертве и – приветствие Е.И. и Н.К. Затем Гаральд завершил словами о памятном дне. У меня было такое напряжение, что трудно было выдержать. И великая красота теперь несёт на себе накал всего мира. В конце мы пригласили в комнату Учителя тех, кого избрали получить Портрет Владыки.

28 марта. Понедельник

Вчера я был на вечере, посвящённом памятной дате творчества Андрея Курция, устроенном в его доме. Но не много нитей связывают меня с Курцием. Хотя он и гуманист, но скептик. Мало я с ним беседовал, возможно, случись такое, поняли бы друг друга во многом. Конечно – в гуманизме. Хотя в правых писателях есть такой же скептицизм, но нет даже гуманизма. Самое большое, они могут быть гуманны в пределах нации. Но ведь мир гибнет ныне из-за слишком узко понятого национализма. Он гибнет и из-за духовной чёрствости и жестокости. Я много лет не встречался с левыми поэтами. Некоторые из них – истинные джентльмены. Но есть и такие, которые всё ещё не могут освободиться от грубого дыхания. Так, вчера импровизировалась поэзия, которая меня лично отдалила от всего званого вечера. Более всего я жажду в другом человеке духовной культуры и чуткости. Сам Курций принадлежит к наиболее светлым среди них. Жаль, что в нём нет горения и он не идёт путём эволюции.

11 апреля. Понедельник

Мне и Гаральду пришло чудесное письмо Е.И. о единении (от 17 марта). Ей доставляет величайшую радость единение в нашем Обществе. Всю жизнь она молила, чтобы в её организациях был дух единства, эта незыблемая основа любой эволюции. Победа Гаральда была возможна только потому, что члены Общества в единении поддерживали его. Я ей писал и о том, что мы в старшей группе решили каждое утро в семь часов посылать Гаральду соответствующие мысли. Вечером, в девять часов, мы шлём мысли на благо всего человечества. В Америке развал оттого, что там нет великого единства, потому противникам удаётся добиваться победы за победой. Положение в Америке может спасти только чудо. Владыка установил как предварительное условие победы – единение. Но это испытание там не выдержали. В конце <письма> приводятся и чудесные Слова Владыки о нашем Обществе: «Вы видите, что там, где проявлено единение и доверие к Учителю, там легче помогать. Не забудем, что единение было единственным условием удачи (в Америке). Мы ценим, когда соединённые мысли посылаются во благо. Велика энергия, рождающаяся при таких единениях. Растут события небывалые. Можно увидеть, насколько они сдвинут сознание людей во всех направлениях. Так будем в единении, это Наше условие».

Быть бы нам достойными этих величественных Слов! Когда пришло это письмо, Гаральд прочёл отрывки из него и из Учения на общем собрании в четверг. В скором времени мы получили письмо Н.К. (от 29 марта): «Двадцать четвёртого марта подумалось нам, что в этот знаменательный день будет благом послать Вам памятку.

Пусть она напомнит Вам о той радости, которую испытали мы, слыша о Вашем сердечном единении в минуты самых ожесточённых тёмных нападений. Почтовым пакетом на имя Р.Я. посланы Вам 2 картины моих. На каждой из них на оборотной стороне имеется именная надпись. Так пусть эти добрые вестники напоминают Вам о наших сердечных к Вам обращённых мыслях.

Пусть и все сотрудники пребывают в единении. Великая сила получится, когда группа самых разнообразных деятелей внесёт в общую чашу достижений свою добрую волю». И далее он говорит о великом единении.

Какая святая и высокая задача – хранить свет единства в нашем ашраме. Я старался этот девиз держать превыше всего, это – устремление моего сердца. Конечно, <у нас> немало всяких мелких недоразумений и обид, я решил незамедлительно устранить их любой ценой и всеми силами. И странно, именно в этом месяце недостойные диссонансы множатся! Ещё неделю назад явилась ко мне, вся в слезах, Мисинь; Гаральд сильно выбранил её за пристрастие критиковать и болтать. Отчитал её будто бы и от моего имени. Но оказалось, что и здесь главным образом было недоразумение. Меня ведь именно радовало, что Мисинь в последние годы сильно развилась, стала сдержаннее и свой прежний изъян выправила. Гаральд, когда загорится, становится слишком резким. Он столь категоричен, считает, что подобным личностям не место в Обществе. Но даже с действительно виновным так резко обходиться нельзя, его надо воспитывать. Выбросить легко, но воспитать трудно. Похожим образом Гаральд напрасно выбранил ещё нескольких членов Общества. Всё же он сам убеждён, что его укор идёт на пользу. Может быть, кому-то и идёт, но к человеческой душе надо подходить психологически.

Второй случай: в помещении Общества, кроме Абрамовича, живёт и член Общества Стрекалова, которая печатает на машинке и исполняет некоторые другие работы. Оба они не ладят уже давно, отчасти из-за резкости Абрамовича. Но и Стрекалова обидчива. К примеру, в прошлое воскресенье мы хотели уладить их отношения, но она столь презрительно отнеслась к Абрамовичу, что мы все по-настоящему возмутились. Как же последователь Учения может так унижать человека, притом члена <Общества>! Вся «история» когда-то началась с Трофимовой, которая ежедневно приходит к Стрекаловой готовить бесплатно ей обед, и с самого начала поссорилась с Абрамовичем. Вот и разберись, если в самих членах Общества нет духа смирения! Мы уже давно сожалеем, что отдали комнату Стрекаловой, но ныне её выгонять, памятуя о целях единения в Обществе, весьма нежелательно, и у неё нет средств, так что нам как бы полагается её содержать. Я долго беседовал со Стрекаловой об истинных основах Учения, но поможет ли это ломке её предубеждений?

И наконец, труднейшая проблема – отношения Мисиня и Маркова. Последний – член группы г-жи Крауклис, и когда-то работал на стройках у Мисиня в качестве сторожа. Когда он уволился, Мисинь признавался некоторым членам, что подозревает Маркова в ложно составленных ведомостях и т. д. Я в эти вопросы не углублялся, считал их личным делом Мисиня. Но 24 марта, в ходе обсуждения вопроса, кому вручить Портрет Учителя, мы отставили кандидатуру Маркова в связи с возражениями Мисиня. Вчера г-жа Крауклис вместе с Марковым явились ко мне. Оказывается, Мисинь и не пытался выяснить разногласия с самим Марковым, но рассказывал о своих обидах другим, конечно же, поступая плохо. Марков логическими выкладками пытался мне доказать, что подозрения Мисиня основаны на недоразумении, и, понятно, у меня не было причины не верить ему. В свою очередь, и он обвинял Мисиня. Будто бы каждый строитель-подрядчик только лишь и думает, как больше заработать. Подобное я и раньше предчувствовал, хотя у меня не было достаточно конкретных фактов. На сердце у меня было так тяжко, когда Валковский пригласил <Мисиня> в старшую группу. В общем-то мне нравится его великая горячность, преданность Иерархии, светлый взгляд. Прежде чем принять в группу, я затронул в беседе с ним некоторые вопросы, но у него были слёзы на глазах и он обещал исправиться. Теперь жалею, что не поговорил основательнее. Пришло время выяснить все слухи. Я чувствую, что лучшее – это открытость, без боязни кого-то обидеть. Думаю, что в своих отношениях <с людьми> он изменится.

Конечно, это был непреднамеренный, странный случай, теперь Валковский больше никогда не распоряжается без моего ведома.

Он стал флегматичнее в делах Общества, может быть, и потому, что хочет, чтобы я действовал самостоятельнее. Приводит в порядок дела издательского фонда, за которые взялся ещё два года назад, и теперь я вижу, что мне придётся ему помочь. Томительно на душе, что опять буду вынужден тратить так много времени напрасно, когда мог бы сделать нечто ценное. Но среди старших членов нет никого, кто бы мог <этим заняться>, и, когда с этим всё выяснится, единственное, что можно будет сделать – это передать дела кому-нибудь из младших членов.

21 апреля. Четверг

Во второй день праздника Пасхи Буцен рассказал мне о своём горе. Минувшим летом он строил для Мисиня здание одной станции – и его тоже Мисинь подозревает. Что-то в подсчётах было не в порядке, в чём-то он ошибся. Я понимаю, что Буцен – человек уже в возрасте, и ему невозможно поручать нечто самостоятельное и ответственное. У него просто не хватает сообразительности, и на большее он не способен. И Буцен, как и Марков, так ясно рассказал, что их ошибки основывались на невнимательности или недоразумении, и приходится верить, что здесь нет сознательного обмана. И моё мнение таково, что если даже на 30% есть сомнение, что где-то имело место сознательное нарушение, то из-за этих 30% нельзя человека осуждать окончательно. Во-вторых – надо знать мотивы. И если человек утверждает и пытается доказать, что не виновен, то следует его выслушать. В этом-то смысле Мисинь не обладает терпимостью. Сегодня вечером у него будет разговор с Марковым.

В этот же день, к вечеру, более трёх часов мы беседовали с Гаральдом. Я сказал ему то, что давно хотел высказать. Его резкие характеристики и выражения не приносят ничего хорошего. Если бы после его нападок на некоторых членов Общества мы не пытались всячески смягчить впечатление, то обиды сохранились бы до сих пор. Гаральд убеждён, что «основательная головомойка» в конце концов идёт только на пользу. Но это не так. И укор следует выражать в очень чуткой форме. Конечно, когда Гаральд только начинает свои упрёки, он всегда прав. Но он вспыхивает и доходит до крайностей. Так, к примеру, было с Клизовским, так – с г-жой Мисинь. Он возвратился из Эстонии и сразу выдал отрицательные характеристики тем людям. Но и у художника Роота есть свои достоинства, он прислал мне сердечное письмо в благодарность за мою книгу. К человеку следует приближаться с терпением и глубоким уважением, только так можно его воспитать. И Драудзинь недовольна подобной критикой Гаральда. Эта наша беседа пойдёт нам только на пользу. И Гаральд будет сдержаннее. Именно он в Обществе больше всех борется за торжественность и единение, и ему следует найти верный метод, как этому способствовать. Но моя ошибка, наверное, именно в противоположном – в излишнем терпении и желании по возможности достовернее характеризовать и точнее определить. Так у некоторых может возникнуть мнение о моей неопределённости, но такого не должно быть. Люди легче прощают порывистое, хотя и ошибочное суждение. И всё ещё моей тяготой является моя речь. Доклады я могу читать, но труднее, когда надо говорить свободно и перед многими. Думаю, надо бы этой осенью поехать в Вену к одному профессору. Но теперь настолько напряжённое время, особенно в самой Вене. И я не могу ехать раньше, чем Общество будет перерегистрировано. Мне надо справиться со своей речью и из-за дочери, речь которой улучшилась, но всё-таки у неё известная тенденция повторять <слоги>. Она ещё посещает врача. Разумеется, дома я говорю спокойно, и всё же...

У дочери Гаральда около недели была температура сорок градусов. Он убеждён, что у неё была скоротечная чахотка, и он её вылечил. И другие изумительные случаи были в последнее время в его врачебной практике. Он думает, что на него благоприятно влияют и обе картины Святослава, которые получил от него.

Становление Эстонского общества протекает очень медленно. В комитет теперь приглашены также Беликов и Раннит. Последний недоволен нерасторопностью. На последнем собрании обсуждался вопрос о том, где брать средства. Будто бы выражалось мнение, что Рижское общество получает средства от «богатого американского дядюшки», то есть от – американского Музея.

Понятно, эти пересуды нас возмутили. Может быть, их распространял Кайгородов, ибо он был в нашем Обществе (хотя, может быть, и Гринберг, который поближе с нашей организацией не познакомился, но у него во время конгресса было больше времени побеседовать с рижской «публикой»). Так или иначе, на серьёзном заседании выразить подобное убеждение – это просто неинтеллигентно! Каждому человеку и обществу, как и каждому народу, своими средствами и своими силами, «руками и ногами человеческими», полагается творить рай в жизни своей и на земле. И кто не знает, что у самого Американского общества ныне чрезвычайно трудные обстоятельства, ибо враги пока сумели украсть Музей со всеми его сказочными ценностями, и Зинаида Лихтман со своими друзьями и учреждениями выгнана из здания Музея. Гаральд сказал: «Надо бы нам съездить туда, подбавить огня и навести порядок!» Ведь действительно, главное – великий Огонь, способный сплотить друзей в теснейшее единство. Но в Америке, кроме прочего, будто бы подкупные судьи, а у Зинаиды Лихтман и её друзей – плохой адвокат. Бог весть, что ещё предвидится в будущем?! Жаль, что и в Эстонском обществе нет выдающегося руководителя с дальновидным чувствознанием. У Беликова огонь есть, но большой роли он пока играть не может. Кроме того, сам он ещё молод и ему предстоит развиваться, набираясь опыта. К примеру, он заявляет: «Если не справимся с художниками, то оставим их и поищем друзей в иных кругах». Но ведь истинный организатор сумеет использовать каждого культурного работника на пользу своей постройке.

В Литовском обществе было годовое собрание, где избрано новое правление. Тарабильда в него не вошёл. Ему это больно. Он ведь один из основателей общества. И хотя в нём много несоизмеримостей, однако его способности могут быть полезны обществу. Теперь он уезжает в Париж. Его жена получила государственную стипендию на два года, она в Париже. У нас с Тарабильдой расходились мнения в понимании искусства. Он, как «модернист», подверг критике некоторые наши картины латышской коллекции, мы же, в свою очередь, не выставили часть литовской коллекции, которую он привёз в Ригу. Он нас удивил картиной Гудайтиса, которую купил для нашего Музея, – она нам не нравится ни своей художественной формой, ни содержанием. Хотим обменять на другую работу того же автора.

Раннит – энергичный, приятный человек, было у него несколько докладов об очерках и стихах Н.К. Он прислал статью и стихи для книги приветствий. Всё же кое-что в нём пока – загадка. Если встретимся лично, то многое выяснится.

29 апреля. Пятница

Вчера я пригласил в Общество Мисиня и Маркова, прояснить и уладить их конфликт. Говорили мы более часа. Было приятно ощущать, что люди хотят понять друг друга. Мисинь всё же строптивее. Наконец, выяснилось, что в деле Маркова нет никакого нравственного преступления, но только ошибки и недоразумения. В конце я сказал, что Учение подчёркивает необходимость оказания помощи другому, не причиняя ему страданий. Тем, что мы небрежны к своему ближнему, что не вникаем в его душу, мы причиняем ему большой ущерб. Конечно, Маркову ещё надо учиться дисциплине, но и Мисиню следует стать, во-первых, внимательнее и чутче к душе другого человека. Он – в числе старших членов Общества, на нём величайшая ответственность. Знаю, что этим летом мне предстоит ещё глубже вникнуть в душу Мисиня, содействовать её формированию, ибо это лето в конце концов я решил провести на даче Мисиня в Лиелупе, где нам предоставляют две комнаты. Я долго, долго мучился этим вопросом, ибо как-то в спешке пообещал, совсем не подумав, так уж ли это хорошо – идти жить к Мисиню, у которого не упорядочены отношения с некоторыми членами. Но всё же в итоге я подумал: быть может, именно я смогу выправить и примирить. У Мисиней будут жить Якобсоны, молодые люди, новые члены Общества, приглашён на некоторое время Клизовский и другие. Разумеется, никоим образом не хочу жить у Мисиней как гость, только за оплату. Ведь если мы снимем комнату где-то отдельно, Элле будет трудно одной. Ведь не исключено, что в августе я поеду в Вену исправлять свою речь. Мне же когда-нибудь надо это сделать, и не только ради себя, но ради своих детей, хотя дома я говорю спокойно, но всё же... Весь апрель было так тяжело на сердце. Столь много вопросов, ждущих своего решения.

И наконец, я усердно работаю, разбирая дела книжного фонда Общества. Мне виделось, что Валковский много сделал, но он недалеко продвинулся от того состояния, которое я оставил два года назад. Пусть даже на эту работу придётся пожертвовать месяц, но хочу раз и навсегда снять здесь все проблемы и затем передать её кому-то другому. Среди старших членов такого нет, может быть, г-жа Якобсон возьмётся? В воскресенье будет собрание, и мы с Валковским работали до поздней ночи. Валковский хочет всё сделать очень хорошо, но он в своей «аккуратности» столь медлителен, всё же недаром работает в государственном контроле. Хотя можно же, наверное, работать прилежно, но темп ускорить вдвое? Всё же это зависит от характера человека. Однако далее у нас дела пойдут лучше, распространением книг будет ведать наш магазин.

Вчера в Обществе Данце рассказывала о Вивекананде. В предыдущий четверг я говорил о дружбе и сердечном сотрудничестве, свой небольшой очерк прочёл и по-русски. Чувствую, что миссия сердечной дружбы чрезвычайна, особенно в наши дни. Своим очерком я втайне надеялся обратиться к некоторым членам Общества, но, как всегда, именно эти лица не явились.

4 мая. Среда

Первого мая, в воскресенье, состоялось годовое собрание. В напряжении прошёл этот день. Выбрали в правление трёх членов: Буцена, Мисиня и Гаральда Лукина. Охотно я желал бы видеть на месте Буцена Драудзинь, но всё же решил: пусть дела идут своим чередом. Если бы Буцена не избрали, он был бы очень расстроен и, возможно, огорчён, но в этом году нам надо всеми силами поддерживать дух единения. В следующем году, когда наступят более спокойные времена, можно будет провести более радикальные перемены. Притом правление существует более или менее формально, собирается весьма редко и не все, имеющие должность, выполняют свои обязанности: на месте Буцена работает Бялковский, а обязанности секретаря делят несколько членов Общества. Главные вопросы обсуждаются в старшей группе или в нуклеусе, в который мы пригласили и Драудзинь. Последняя, ведя женскую секцию, стала очень активной. Вчера состоялся уже второй званый вечер, посвящённый женщине. С докладом выступила Элза Стерсте, затем Аринь читала об этой теме из «Тибетского Евангелия»[1] и Лицис – фрагменты из трудов Н.К. и Е.И. Два раза уже проводились детские вечера. В июне наши женщины – члены Общества будут участвовать в детском празднике с отдельным уроком об этике жизни. Драудзинь получила два письма от Е.И. и главное – Портрет.

На собрании снова избрали и меня, так как, согласно новым правилам, председателя Общества положено избирать всему собранию. В конце обсуждали изменения в уставе. Во-первых, мы хотим изменить само название Общества, вместо длинного: Общество друзей Музея Рериха в Латвии, дать короче – Общество Музея Рериха. Жаль прощаться со словом «друзья», но ведь неясно – «друзья» чего? Нью-Йоркского Музея, как поначалу думалось? К тому же никто и так не помнит наше длинное название, называют нас просто Обществом Рериха. Слово «музей» надо оставить потому, что в связи с перерегистрацией и местными условиями мы хотим подчеркнуть, что центральным в нашем Обществе является Музей. Также мы видоизменим и формулировку цели Общества, пополнив фразой «развивать красоту сознания, укреплять этику жизни» и т. д. Надо упомянуть в уставе и о молодёжном кружке при Обществе.

Вчера пришла к нам великая Радость: мы получили величественный Дар – картины Рериха мне и Гаральду. Мне – белоснежные вершины гор, окружённые синими далями.[2] Гаральду – среди коричневых скал в горном безмолвии ряд монастырей, осенённых фиолетовым светом. Это будет для нас источником неизменного вдохновения.

---

[1] Имеется ввиду книга русского журналиста Н.А. Нотовича «Неизвестная жизнь Иисуса Христа (Тибетское сказание)» – СПб., 1910. (Опубликованный Н.Нотовичем буддийский манускрипт «Жизнь святого Иссы, лучшего из сынов человеческих», обнаруженный им в одном из крупнейших монастырей Ладака – Хеми.)

[2] Картину «Утро» выбрала Е.И.Рерих. На обороте имеется надпись: «Дорогому Рихарду Яковлевичу Рудзитису. Н.Рерих. 24 марта 1938. Гималаи. Урусвати».

Гаральд недавно получил от Святослава две его картины, знаю, какой настрой рождается в нём при созерцании лучезарной ауры Будды.[1]

24 мая. Вторник

Вчера, наконец, мы подали устав на перерегистрацию. Как много мыслей и взвешенных соображений мы вносим в него. Правление мы увеличили на одного члена. Особое затруднение было с отделениями, закон предполагает их самостоятельную деятельность, но мы ведь несём всю моральную ответственность за них. Поначалу мы хотели отметить, что правление, избранное в отделениях, начинает деятельность только после утверждения его состава председателем Общества. Но сообразили, что к этому будут возражения в министерстве, потому в конце концов записали: председатель Общества может контролировать деятельность отделений и делать обязывающие замечания. В скором времени предвидится отделение в Даугавпилсе. Зильберсдорф со своей группой уже давно обращался ко мне с просьбой учредить отделение в Даугавпилсе. Разумеется, Зильберсдорфу можно доверять, но ведь даже и он не вырос в нашей духовной традиции, в Обществе бывал крайне редко. Не можем предвидеть и того, кто окажется в правлении. Мы также подали прошение о перерегистрации издательства «Агни-Йога». Вообще-то – предвидится борьба.

Новоназначенным директором Департамента обществ и печати оказался мой школьный товарищ М.Янсон, приятный, культурный, простой человек. Мы с Гаральдом просили его разрешить опубликовать Книгу приветствий в издании нашего Общества. Спустя несколько дней мы получили ответ, что разрешение дано, но следует изменить название. Дело в том, что по предложению В.Шибаева и Рериха мы решили назвать её «Зелта Грамата»[2]. Когда-то я предложил на выбор Шибаеву несколько названий, и они выбрали последнее. Понятно, резолюция меня поразила и сильно огорчила. К счастью, Янсон обещал посетить наш Музей. Приятно, что он сдержал своё обещание и явился вовремя, хотя уезжал в провинцию. Он был в восторге от картин Рериха. Сожалел, что наши художники не касаются подобной проблематики и мистики. В конце мы говорили и о «Зелта Грамате». Он обещал своё решение пересмотреть. И сегодня я узнал, что это название нам разрешено. Таким образом, и в мелочах приходится бороться. Мотивом <первоначального отказа> Янсона было то, что в «Кружках надежды» будто бы есть «Золотые книги», куда записываются те, кто обещает быть воздерженцем. Также «Золотая книга» будто бы существует для некоторых торжественных случаев. Кроме того, нам показалось, что это название хотят приберечь для президента государства... Я сказал, что у Рериха золотой юбилей – 50 лет, и это название соответствует.

Теперь надо подождать, что скажут те, кто перерегистрирует устав.

Только что получено разрешение относительно нашего магазина и библиотеки на имя Эмилии Аншевиц, дочери Вайчулёниса. Продавать и хозяйничать в магазине будет член нашего Общества Лепинь, распорядителями будут Блюменталь и Вайчулёнис. Помогать будет и Драудзинь. И всё же видится необходимость единого твёрдого руководства, ибо ещё не всё идёт как надо. Но кому это доверить? Вайчулёнис – человек золотой, но слишком малообразован. Блюменталь очень занят, много ездит, кажется, ещё не привык к неторопливой, требующей терпения работе. Но всё же на этот раз будет хорошо.

Мы решили на Троицу поехать в Каунас. Жаль, что некоторые члены Общества столь неподвижны. И ведь не из-за отсутствия денег не едут, неужто эти 20 латов не могут накопить те, у кого зарплаты маленькие, – не едут из-за инертности. Литовцы ведь приехали почти в полном составе. Наших пока только пятнадцать!

С 14 мая я живу в Лиелупе на проспекте Булдури, у Мисиней. Здесь живут и Якобсоны. Никогда мы летом не жили в столь шикарных комнатах. <Решились> единственно из-за того, чтобы у Эллы были какие-то помощники, которые хоть на минутку бы её заменяли, ведь малыши тоже изнуряют. Особенно трудно по утрам, <мы> привыкли вставать около шести, но внизу ещё спят, и у Эллы нервы хрупкие. Я охотно помогаю, но столь много дел ждут моих рук. Но всё будет хорошо. В отпуск пойду в июле или только в августе.

[1] Картины Гаральда погибли в 1949 г. – *Пометка Р. Рудзитиса.*

[2] «Zelta Gramata» *(латыш.)* – «Золотая Книга».

28 июня

На Троицу, 5-7 июня группа членов нашего Общества навестила литовских друзей. Из старшей группы были: Гаральд, Клизовский, семья Мисинь, Ольга Крауклис и я. Всего нас было 15 человек. Нас принимали так сердечно и мило, что до сих пор нам неудобно, что не можем им отплатить тем же. В Литовском обществе членов немного, в самом Каунасе всего около двадцати, оттого здесь ощущения цельности больше, притом и сами литовцы столь душевны и уже с детства привыкли к религиозной дисциплине. Наши члены в среднем намного больше индивидуалисты, к каждому следует подходить с особой меркой, и видится, что в своём горении они в общем-то не столь гибки. В старшей группе часть членов такова, что в строении Общества мало участвуют. Но последователю Учения следует отдавать всего себя. И ещё: тем, кто очень желает трудиться на пользу Общества, нередко трудно найти что-то соразмерное с его способностями. Вопрос труда у нас непрост, и этим летом придётся разработать план работы для членов Общества.

Да, нас очень растрогала великая преданность литовцев. Узнав, что мы приезжаем в Каунас, из провинции в город приехали пять человек. Г-жа Блюменталь со своей трёхлетней приёмной дочерью приехала из Шяуляя, Серафинене одолела восьмичасовой путь из Скуодаса, хотя неделю назад она уже была на званом вечере Литовского общества. Также нам рассказывали, что нас искали люди с дальней окраины города. И всегда старались оказать нам любезность, даже в мелочах. Мы во время конгресса не были в силах так принять друзей. Мы предоставляли ночлег и обеды, но не могли быть много вместе, ибо конгресс приковывал все мысли. Даже некоторые организационные вопросы проведения конгресса приходилось решать в день открытия. Всё ведь происходило в спешке, в последние дни; к примеру, много приходилось заниматься собиранием картин, их размещением и т. д. Но главное – за нами, как тени, всюду следовали двое чиновников Политуправления, и это навевало определённую удручённость. Мы ведь желали свободно собраться вместе, одни, зачитываться письмами Е.И., Учением и от души побеседовать. Но чтобы завершить конгресс, нельзя было вызывать никаких подозрений. Те же наши руководители государства на своём веку читали немало книг и очерков о мученичестве великих людей, великих духовных движений, великих идей. Возможно, в юности и они возмущались смертью Джордано Бруно и преследованиями духовных свобод. Но где же их истинное чувствование, если они дозволяют и теперь применять вековечные методы духовного преследования?

Монтвидене прекрасно растёт духовно. Она много думает об обществе, и много делает на его пользу. Умеет чутко подойти к душе другого, она будет хорошей воспитательницей. Поручила членам общества работу – выписывать темы из Учения. Кто успешно это выполнит, и ощутит себя внутренне созревшим к общинности, тех осенью объединят в общину, и из них вырастет старшая группа. Она определённо уверена, что каждый сам скажет, готов он к общине или нет. Но и без того она сама хорошо знает членов общества. Она решительна, требует дисциплины, сурова и к себе. В минувшем году она ещё стеснялась, полностью ещё не была уверена в себе, теперь уже чувствует себя руководительницей и верит в свою миссию. И Серафинене признаёт, что общество в лучших руках. Много замыслов у неё на будущее. У них 29 мая был первый званый вечер, к которому они долго готовились. Монтвидене читала о духовной культуре, основываясь на идеях Н.К., а Глямжа – об Н.К. как о деятеле культуры. Хотели подготовить доклад и о Знамени Мира Рериха, но ныне эта тема оказалась невозможной из-за конфликта Литвы с Польшей и милитаризации государства. Вечер проходил в зале университета, присутствовало около 250 гостей. Теперь положение Литовского общества тяжелее, чем раньше. У правительства сложилось нехорошее представление об обществе. Здесь виноват Тарабильда. Сам Тарабильда терзается сознанием своей вины и считает себя предателем общества. Всё же Монтвидене он ничего не раскрыл, только Клизовскому. От последнего Монтвидене и узнала подробнее об истинном положении дел. Клизовский информировал и Е.И. Мне и Гаральду Монтвидене прочла последнее её письмо, где она касается и вопроса о Тарабильде. Клизовскому Тарабильда рассказывал, что в обществе (наверное, думали, что в Обществе Рериха, но Монтвидене не помнит, чтобы подобный доклад у них был) он читал доклад, где обратился и к эзотерической стороне общества.

Раскрыл, кто есть Учитель, Н.К., Е.И., что обозначает Знак общества и т.д. Этот доклад слушали и некоторые «не члены общества», из которых часть позже перешла в лагерь врагов. После этого, в связи с пропагандой Пакта Рериха и с делом меморандума, Тарабильда обратился к какому-то высшему государственному чиновнику, в пылу разговора вытащил из кармана доклад и тут же его прочёл. Немного погодя он почувствовал, что отношение правительственных кругов к нему и к обществу резко изменилось. Только тогда он опомнился, что поступил опрометчиво, но было уже поздно. Потом он долго мучился угрызениями совести и затем уехал в Париж, где уже некоторое время жила его жена, которой литовское правительство предоставило стипендию. Да, не только литовские друзья, но и я не однажды ощущал в Тарабильде потрясающее отсутствие такта и соизмеримости. Это выявлялось не только в делах общества и в его жизни, но и в его искусстве. Потому и в Литовском обществе его не любят и не избрали ни в правление, ни в совет, хотя он вместе с Серафинене создавал общество. И последний случай был для него тяжким ударом. Конечно, самому обществу пойдёт только на пользу, что Тарабильде больше не отводится важная роль, ибо Монтвидене приходилось бесконечно бороться с его упрямством и обидчивостью. И всё же у него есть некоторые способности, которые следовало бы использовать на благо общества. Нехорошо и то, что в Литовском обществе нет художников. У самого Тарабильды всё же превратный вкус: из всего того количества, что он привёз в Рижский Музей на открытие, третью часть нам пришлось отставить. К тому же он, без нашего ведома, приобрёл для Музея картину Гудайтиса, столь примитивную и невыразительную, что мы не могли держать её в помещении Музея. По крайней мере, для нашей коллекции это полотно совершенно не годится.

От Е.И. я получил чудесное послание – письмо от 24 мая. Так много советов и указаний в связи с моей книгой о Белом Братстве. Эта книга и есть та величайшая ответственность, которая мне поручена, о которой у меня непрестанно болит сердце, и боль не оставит меня до тех пор, пока я не смогу всего себя посвятить этому делу. В письме есть и чудеснейшие, светлейшие Слова: «Было Сказано: "Одобряю книгу Рихарда. Пусть он охранит исторический характер, так получится полезная книга. Пусть не забудет указать на документы, найденные в Костроме". Документы эти упомянуты Н.К. в "Сердце Азии", глава о Шамбале... Также указано упомянуть о существовании книги "Красный Путь в Шамбалу", написанной одним утайшаньским ламою. Следует не забыть и "Путь в Шамбалу" Грюнведеля. Также разрешено поместить и встречу с Махатмой, описанную Клодом Брэгдоном[1]...» (Ту же, что и «Как чела нашёл своего Гуру», которую дважды читали в нашем Обществе и которую я выслал некоторым своим адресатам, в том числе Е.И. Удивительно, что она получила эту статью в то самое время, когда завершала своё письмо мне.)

Здесь идёт речь и об Аполлонии Тианском, чьё жизнеописание и повесть о путешествии в Индию я читал с великим упоением. Также упоминается и Анаксагор, взгляды которого дошли до нас в искажённом отражении. И, наконец, то, что меня так поразило и затронуло во мне глубочайшие, необычнейшие чувства: «Понимаю и разделяю Вашу любовь к греческой философии. Не вспомнили ли Вы Филоктета – последователя Платона?» Да, неизменно интуитивно я чувствовал, что греческая философия – это мой мир! Придётся когда-нибудь вновь вернуться к Платону. Теперь всё будет открываться в совершенно ином свете. Многое о нём раскрывает вторая часть «Братства». Как я могу не считать себя счастливым, если я смею и могу читать эти священные страницы?

Относительно Драудзинь я уже записывал, что мы желаем, чтобы она вошла в правление. Потому в новом уставе количество членов правления увеличили на одно лицо. Из-за этой мысли возникло и небольшое недоразумение: оказалось, что Е.И. поняла, что Драудзинь уже избрана, и поздравила её. Но, по крайней мере, это – указание к действию.

Наконец, Е.И. пишет: «От всей души сочувствую Вашему желанию посоветоваться с венским профессором. Во всяком случае, уверена, что в самом ближайшем времени будет найден метод излечивания этого нервного недомогания». Да, я надумал в середине августа ехать к одному знаменитому венскому профессору лечить свою речь, во всяком случае – ознакомиться с его методом. Этим мне следует заняться ради блага Общества и ради блага моей Гунты.

[1] В книге «Episodes from an Unwritten History».

Хотя дома я в общем-то говорю хорошо, однако Гунта может быть под моим влиянием. Гунте, кажется, помогают и лекарства Гаральда. По причине всего этого я и тороплюсь с переводом философского труда Тагора и размещением антологии. Но сердце часто болит и болит. Сознаю, что я причинил много страданий своему другу Элле. Часто я пытался уговорить её взять служанку, но она не желает, чтобы возникали новые долги. Так и в Вену я смогу ехать только тогда, когда получу аванс за уже подготовленные работы.

Нападки на Гаральда продолжаются, хотя окольными путями. Был выпад в «Яунакас Зиняс» – статья, помещённая по поручению Алкса. Этому человеку не претят никакие низменные методы, лишь бы только уничтожить Гаральда. Больничная касса Елгавы начала судебное дело против Гаральда. Но последний заверяет, что этот иск нетрудно опровергнуть. Также ясно, что это Ветра распространяет ложь, что все лекарства у Гаральда заменяет вода со спиртом. Не знаю, был ли подобный случай в истории Латвии, когда дискредитируют врача до решения суда. Также стало известно, что началось преследование владельца аптеки (угол улиц Валдемара и Дзирнаву), который продаёт лекарства Гаральда. Он будто бы не закончил высшего учебного заведения. Да, в связи с Гаральдом распространяются всякие слухи. Из двух источников я слышал: «Д-р Лукин все свои огромные доходы отдаёт какой-то секте, поэтому у него и нет денег». Великая битва ещё будет, но Свет победит.

Накануне праздника Троицы вышла в свет «Зелта Грамата». Этому труду я отдал столь много сердечного огня и столь много времени. Я всё же верил в миссию этой книги, хотя мои друзья нередко сомневались, окажется ли эта задача столь значительной. Мы разослали её всем министрам Латвии и ряду тех лиц, которые подписали меморандум. Монтвидене также заботится о том, чтобы в Литве эту книгу получили соответствующие государственные мужи и общественные деятели. В Эстонии за рассылку взялся Комитет Общества Рериха, а вернее – Беликов с Таммом. За рубеж мы отослали всем поздравлявшим. В издании книги своими пожертвованиями участвовали почти все члены Общества, и можно действительно изумиться, что мы смогли собрать около 1.500 латов, в то время как главные жертвователи, Гаральд и Вайчулёнис, «чтобы предоставить и другим слово», внесли только по 100 латов. Но ещё не все долги покрыты. Теперь с денежными делами у нас гораздо тяжелее. Много требуется и для магазина. Печально, что с этим магазином всё ещё толком не везёт. Вайчулёнис сильно занят и не очень подвижен, Блюменталю не хватает спокойного терпения. Но будет лучше, когда мы откроем библиотеку, по крайней мере, не придётся доплачивать, притом теперь ведь лето.

На Певческий праздник, 19 июня, нас посетила Монтвидене, которая приехала в составе Литовского хора. Один день провела и в нашей общине в Лиелупе. Затем уехала в Эстонию. Она ещё раз рассказала о своих задумках устроения общества и воспитания его членов. Каждое свободное мгновение она посвящает заботе об обществе.

26 июля. Вторник

Каждый день после работы еду в Юрмалу. Не знаю, сумею ли в этом году восстановиться физически. Ибо отпуск проведу за рубежом. Знаю, что осенью опять потребуется масса сил и выдержки. Тороплюсь управиться с переведёнными книгами. Как хотел бы я взяться за творческую работу! Надеюсь, что смогу начать это в Вене. Нас в нашей небольшой общине нередко посещают друзья и иные знакомые. Была и Мауринь вместе с Раудиве, был Карлис Эгле, жена П.Эрманиса и другие. С Гаральдом, Блюменталем и Вайчулёнисом встречаюсь часто, ибо они живут недалеко. По воскресеньям после пяти часов мы проводим заседание группы Учения, читаем «Братство». Приезжают и гости из Риги, временами бывает до двенадцати человек. Одна только беда, что приходится уделять время гостям, хотя пытаюсь его концентрировать. Было бы неплохо сбежать на месяц куда-то в деревенскую тишину и погрузиться в творческую работу. Всегда вспоминаю тот великий подъём, великий взлёт, когда в Меллужи писал свой кандидатский труд. Но там, где недостаёт полного творчества, там и душа не в силах подняться на крыльях. Так проходит и это лето, и я всё время ощущаю, что оно идёт не так, как надо...

Приехала и Валушите из Литовского общества, чудесная, очень культурная девушка, в отношении которой Монтвидене питает надежды, что с годами она станет ей хорошим помощником.

Волею судьбы, на Троицу она подружилась с нашим Макаровым, приятным, духом устремлённым членом Общества, который даже выражением лица как-то заметно похож на Валушите. Редко случается такое мгновенное взаимопонимание духа.

В субботу, утром 9 июля, Гаральд пережил тяжёлое несчастье. Вечером, перед сном, он забыл, что окно осталось приоткрытым, и через него ранним утром воры вытащили его пиджак вместе с самыми дорогими для него вещами: там были Священные Дары, сделанный им медальон с Портретом и Знаком, далее – адресованное мне письмо Н.К. (№ 12), письмо, присланное мне Монтвидене, где она описывала свою радость служению, письмо Булгакова, заграничный паспорт и, наконец, чрезвычайно важные медицинские записи его отца. Хотя Гаральд думает, что эти записи не имеют столь важного значения, что он уже их расшифровал, однако это всё не так просто, ибо проанализировать их Гаральд не успел. Кажется невероятным, как же Портрет могли украсть? Но всё ведь происходит в пределах земного плана. И что же с ним ныне случилось? Разумеется, Гаральд немедля написал в Индию. На следующий день после кражи мы обыскали окружающий лес, – кто знает, может быть, документы где-то выброшены. Ездили на «барахолку». Обратились к криминальной полиции, объявили в газетах. За последнее Гаральд чуть было не нарвался на штраф, ибо мы обещали ворам вознаграждение, чего делать непозволительно.

Но уже прошло порядочно времени. А никаких сведений не поступает. Грустно, это не только карма Гаральда, но и карма всего Общества. За эти дни Гаральд сильно напереживался.

Что же будет с перерегистрацией Общества? Нам сказали, что ещё не собраны все материалы со сведениями. Но почему же сведения не запрашиваются у нас? Неужели мы не желаем быть самыми честными людьми и гражданами во всей Латвии? Разве мы не стараемся вести самую творческую и самую культурную работу на благо Латвии и всего человечества? Отчего же к нам нет полного доверия?

От тех лиц, кому мы послали «Зелта Грамату», мы получаем ежедневно много благодарственных писем. В Латвии я получил от министров иностранных дел и просвещения и директора Государственной канцелярии, от профессора Кундзиня, Кениня, Зенты <Мауринь> и т.д. Вначале я сомневался, хорошо ли эту книгу широко распространять. Ибо здесь идёт речь о культурном сотрудничестве всех стран, как на это посмотрят наши националисты? Однако я рискнул, пусть знают, что и мы – великая культурная сила. Теперь я убеждён, что «Зелта Грамата» везде принесёт нам друзей и благословение.

Работа над монографией на долгое время была прекращена. Мы искали возможность печатать в иной типографии. Во-первых, в печатне госбумаг берут очень дорого. Во-вторых, они станут печатать шесть больших репродукций за раз, но мы хотели бы – одну-две. И наконец, эта печатня соглашается выполнять работу в свободное от государственных заказов время, но в связи с официальными праздниками предвидится много работы. И ещё – Либерт до сих пор относился равнодушно к нашему заказу. Пранде нам предложил самим приобрести машину «тигель», на которой печатаются репродукции. Он взял бы на себя ответственность и руководство, и вообще эта идея привела его в восторг. В конце концов мы решили, что нет иного выхода, как вернуться обратно в печатню государственных бумаг. Машину был бы смысл приобретать в том случае, если бы кто-то из членов нашего Общества руководил печатней и отдавал ей всё своё время. В противном случае могут быть многие осложнения. Гаральд за время работы над монографией часто переписывался с Н.К., опасался даже, не утруждает ли его. Наконец теперь, в ближайшие дни, печатня государственных бумаг возобновляет нашу работу. Боюсь и за то, как бы открытие нашего Музея сильно не запоздало.

На каком-то выступлении в Даугавпилсе Алкс опять поносил Гаральда. И такой человек заведует отделом здравоохранения государства!

Я встречался с Раннитом, который ехал через Ригу в Берлин, встретился 15 июля, и всего на 25 минут. Н.К. переписывается с ним, верит, что он обладает достоинствами, которые принесут пользу и нашему делу, и людям. Раннит написал несколько очерков о Рерихе, посвятил ему стихи. Поэтому для меня он представлял интерес. Но теперь Беликов из Таллина в двух письмах предупреждает нас быть осмотрительными с Раннитом.

Беликов упрекает Раннита в «плагиате», что он, мол, хочет использовать Рериха в целях саморекламы и т.д. Думаю, что Беликов, будучи ещё молодым, характеризует его излишне резко. Конечно, Раннит показался ещё не совсем уравновешенным, он, как и большинство поэтов и художников, привержен к богеме, любит засиживаться в кафе, не исключено в нём и честолюбие, но разве эти свойства таковы, что их уж нельзя исправить? Притом в Ранните есть нечто от «большого ребёнка»: в нём сердечность, которая могла бы его поднять, если бы только кто-то направлял его развитие. Хотя Раннит в своих писаниях затрагивает и идеи, однако при личном контакте с ним мне почудилось, что он является поэтом как таковым, что мир идей для него есть нечто второстепенное. Поэтому вряд ли он скоро, или вообще когда-нибудь, сможет зажечься огнём Учения, чтобы вместе с тем верно понять и Рериха с его миссией. Беликов сознаётся, что он Раннита лично ещё мало знает, и я тоже хотел бы узнать его поближе.

У Мисиней неделю гостила и г-жа Крауклис. Этому я особенно рад, ибо, как сама г-жа Мисинь признаётся, Крауклис была не особенно дружна с ней. И я желал, чтобы она отбросила предвзятость к самой Мисинь, которая возникла в связи с делом Маркова и т.д. Для единства Общества было бы очень значительно дружеское сближение г-жи Крауклис с Мисинями.

За лето произошли ещё некоторые выравнивания отношений среди членов, в том числе и при помощи нашей общины. Всё же я сам с семейством Мисинь встречаюсь не очень часто, ибо по вечерам предаюсь своей работе. Но вижу великую благую силу Мисиней, большую их отзывчивость и готовность жертвовать на пользу Общества. По утрам, в восемь часов, мы иногда собираемся на мгновение молчания, но не всегда это получается. Ибо в это время я обычно еду на работу.

Что же произойдёт в ближайшем будущем? С болью сердца и с интересом слежу за большой политикой. Принципы гуманизма неприкрыто попираются в отношениях между великими державами. Болит душа и за нашу маленькую Латвию, которая признала Римскую империю, то есть – завоевание Абиссинии, и предоставила возможность иезуитам занять такие крепкие позиции в Латвии, учреждая католический факультет и т. д.

Гаральд по своему делу был на аудиенции у министра Берзиня. Его жена уже была у Гаральда по поводу какой-то своей больной родственницы. О нашем Обществе Берзинь выразился доброжелательно. Но кто может знать, что у него на уме?

5 августа

Вчера мы были у Янсона, директора Департамента обществ и печати. Он высказал убеждение, что никаких препятствий к перерегистрации нашего Общества не будет. В данный момент наш устав направлен в какую-то камеру для отзыва. Он обещал копию устава передать своему юрисконсульту для ускорения перерегистрации. В конце всё же прибавил: «Отчего же вы к этим же целям не можете следовать *без* имени Рериха? Вокруг этого имени у вас возник как бы некий культ». Я ответил, что в Риге есть общества Данте, Канта, Гёте. У нас ведь есть Музей картин Рериха, который назвать иным именем невозможно. И дальше, в споре по вопросам японцев и расизма, стало ощущаться, что Янсон начинает подпадать под влияние «ветров эпохи». Но вообще-то Янсон снисходителен и приятен в своей простоте.

16 августа

Я намеревался в конце этой недели ехать за рубеж, но возникли осложнения. Я уже получил командировку от Министерства образования в Германию и Чехословакию и разрешение для валютной комиссии о выделении мне 1.100 латов в валюте, и, хотя к прошению этой комиссии я приложил и свидетельство от врача, мне всё же выделили только 300 латов! Это было похоже на издевательство, но позже выяснилось, что в последнее время отношения латвийской валюты с Германией весьма затруднены. Что же делать, надо теперь искать какую-то более влиятельную личность. Во-вторых, вчера по всей Германии начались всеобщие манёвры или мобилизация, которая всё государство приводит в состояние военного положения. Мобилизуют и врачей, кто знает, как повезёт моему венскому профессору? Кроме того, врачам-евреям разрешено практиковать только до 1-го октября.

Сегодня Фрида Лаува, которая семь месяцев у него училась, снова написала ему письмо, и, таким образом, до начала следующей недели мне уехать никак не получится. Ныне ехать достаточно неуютно, ибо при современном напряжении в любой момент может возникнуть война Германии с Чехословакией, хотя и Германии в данную минуту нападать не выгодно. Военная атмосфера будет и в Вене. Сегодня в немецком консульстве сообщили, что в Вену иностранцы ехать могут, но бродить с рюкзаком по окрестностям не разрешается. Устав нашего Общества в министерстве ещё не просмотрен, обещали, что передадут в конце этой недели.

20 августа. Суббота, вечером

Так много препятствий для моего путешествия. Пока придёт ответ из Вены, я надумал в последний момент завтра утром податься в противоположном направлении – в гости к Пабсону. У меня был случай странным образом с ним переписываться: в тот день, когда я его искал и хотел ему писать в связи с болезнью моей сестры[1], пришло его письмо, где он интересовался <возможностью> издания своей книги на русском языке. И позавчера пришло его второе письмо. Блюменталь, оказывается, его хорошо знает, подробно его характеризовал, всё-таки искренне рекомендовал ехать к нему. Не знаю, как долго буду в отъезде. Жить буду в одиночестве и серьёзно возьмусь за свою книгу, давно задуманную. Философию Тагора я отчасти закончил, также сдал Раппе свою антологию песен о любви.

С Твоей Поддержкой отправляюсь в путь.

5 октября. Среда

В пятницу вечером я вернулся домой из Вены. Весь этот месяц кажется мне сном. Было тоскливо и грустно, было сознание большой ответственности и чувство долга. Были часы труда. Были моменты тягот и надежд. Была тревога, затем тишина и – свобода.

Начну с Таллина. Оба свои путешествия я подробно обрисовал в письмах в Индию, потому здесь упомяну в основных чертах.

В Таллине я оказался в воскресенье вечером, 21 августа. В первую очередь подыскал гостиницу, и так как было ещё не поздно, то направился в «Nomme» – Лесной парк к Беликову. Следующие дни провёл у него, поэтому и смог ближе прикоснуться к душе его и жены. Оба они очень серьёзные люди, возможно, что даже слишком серьёзные для своих лет, ему ещё только 27. Совсем недавно поженились, жене, видимо, придётся ехать в провинцию учительствовать, ибо он очень мало зарабатывает, работая в книжном магазине. Его жена состоит в группе Учения, в которой, кроме них, ещё трое. Он углубляется в Учение и старается применять в жизни. У него был туберкулёз, теперь – излечен. Его мать совсем больная. Жизнь их полна тягот и напряжений. Я верю, что у Беликова и его жены впереди великие этапы развития. Главное, они всё хорошо понимают и подходят к Учению с подлинным интересом и серьёзностью. За советом по проблемам Учения обращаются к кому-то из наших членов. Хотелось бы видеть в них больше звенящего простора. И его статья об Н.К., как мне кажется, написана несколько излишне интеллектуально. Но ведь у него впереди ещё широкое развитие.

Мне хотелось бы более существенно подойти к душе Раннита. Я встречался с ним несколько раз. Хотелось обнаружить в нём нечто большее, чем богемного поэта. Беседовали мы только о литературе. Очерками Н.К. он восторгался всё же больше как литературными сочинениями. «Элементы религии меня меньше интересуют», – так он мне сказал. Беликов в последних письмах сообщал мне о нескольких отрицательных чертах в характере Раннита. Я знаю, что Беликов преувеличивает и немного односторонен в оценках. С другой стороны, я знаю, что в Индии верят, что в Ранните есть и потенциальные благие свойства, и когда-то придёт час его духовного пробуждения. Он работает декоратором в какой-то мануфактурной фирме. Между прочим, он пригласил меня в кафе своего друга композитора Фейшнера, где он проводит часть своей жизни. Но мне это заведение с прокуренным воздухом показалось «преддверием ада», хотя там и собираются некоторые художники и писатели. Своего истинного жилища, где каждая чуткая душа имеет свой заветный уголок, он мне так и не показал.

[1] Сестра Р.Рудзитиса Эльфрида Вильперт болела рассеянным склерозом.

Познакомился я и с Таской, председателем Комитета Рериха, около часа беседовал с ним в его магазине. Первое впечатление приятное: лицо простое, по-крестьянски приветливое. Но под конец всё же создалось у меня впечатление: Общество Рериха для него всего лишь одно из многих других дел. Он не углубился в наше движение, я пробовал, сколько мог, его проинформировать. Он сказал, что искусство Рериха мало известно в Таллине. Я предложил устроить небольшую выставку, обещал даже одолжить несколько оригиналов из нашего Музея. Как-нибудь можно устроить и выставку репродукций. Он обещал в своём магазине кожаных изделий продавать репродукции с картин Рериха. Также он будет заботиться о том, чтобы Обществу Рериха в Kunsthaus[1] была выделена комната побольше. Я торопил его зарегистрировать устав общества. «Неужели это так спешно? – ответил он. – Комитет и так уже существует». Понятно, такой ответ свидетельствует о не слишком глубокой заинтересованности. Но вообще-то некоторое культурное впечатление он на меня произвёл.

Навестил я также Нимана и Кайгородова, ознакомился с их последними картинами. Кайгородов проявил большую заинтересованность в положении общества, сказал, что в октябре обязательно общество откроется. Но прошло уже полтора месяца, а я ещё не получил ни одной вести. Да, этих людей надо побуждать непрестанно. Жаль, что влияние Беликова пока небольшое.

Теперь о Пабсоне. Приятный, уравновешенный, духовный человек. Он – розенкрейцер, и мы много говорили о духовных проблемах. Он – автор нескольких книг, одна – о флетчеризме[2] и вегетарианстве, эту книгу он перевёл и на русский язык. Приятно и то, что он своим пациентам, хотя бы на период курса лечения, полностью возбраняет курение и мясоедение. Вообще-то мы друг друга вполне понимали. Метод лечения Куэ – приятен и рекомендуется всем, ибо поддерживает постоянную бодрость. Некоторое время он жил в Риге, где его метод лечения пользовался большим успехом. Через Стуре он заинтересовался Обществом, хотел в него вступить. Но зять Стуре его превратно информировал об Учении, и оттого он к нему остыл. В Риге он обратился к двум знакомым врачам и предложил им свои услуги и знания, но результатом такого шага было то, что его выдворили из Латвии, так как он лечил, не имея диплома.

Из Эстонии я вернулся в бодром настрое. И решил всё же в конце концов ехать в Вену. Тем более потому, что проф. Фрешель, как еврей, мог практиковать только до 1 октября. Ехать надо было и ради Гунты. В течение трёх дней я оформил документы, получил аванс, одолжил денег и в среду утром через Варшаву отправился в Вену. Ситуация в мире в этот момент была невероятно напряжённой, и отношения между судетскими немцами и чехами всё больше накалялись. Все, кому я сообщал о поездке, говорили, что я еду прямо в самую заваруху. Отвечал шутя: «Еду установить мир!» Да, действительно, поездка была полна напряжения и неизвестности. В Варшаве я опоздал на поезд, остался на ночь в гостинице. В Чехии – шёл дождь. В Вену прибыл в темноте. Тут же направился в указанный пансионат к приветливым людям. Там я ночевал две ночи, затем, после поисков, нашёл приятную и очень тихую комнату на Schlosselgasse, 11-37, в квартире одной чешки. Эта улица находилась всего в десяти минутах ходьбы от Votivkirhe, где жил мой профессор, здесь же был и университет и библиотека, которую я ежедневно посещал. Первым делом в Вене всюду кидались в глаза свастики, которые были выставлены в витринах каждого магазина, также <надписи> в витринах «арийский магазин» и т. д. Все эти знаки были обращены прежде всего против евреев. Жители Вены по своей натуре народ радостный, но теперь везде я чувствовал явную депрессию. Каждый замкнут в себе, будто бы нет никакого дела до другого. Я решил, что главным образом это из-за близости войны: в газетах колоссальное пропагандистское натравливание на Чехию. Ни о чём ином в политике газеты вообще не писали, как только о «чешских бесчинствах», об их жажде войны и т. д. Так как я заранее знал, что пресса раза в три-пять всё преувеличивает, то пытался обо всём этом не думать, настраивая себя на работу и свои обязанности. Хотя на меня, конечно же, влияла окружающая атмосфера, однако первые две недели прошли спокойно.

---

[1] Доме искусства *(нем.)*.

[2] Речь идёт о системе американского врача-физиолога Флетчера (Horace Fletcher), рекомендовавшего, в частности, длительное пережёвывание пищи.

Единственно 13 сентября меня встревожило сообщение в газете о 15 жертвах в Чехии. Потом выяснилось, что этот момент действительно был совсем критическим – Гитлер надумал вторгнуться в Судеты, но Чемберлен тогда поспешил «спасти человечество». Когда я прочёл о поездке Чемберлена, то успокоился. Последней тревогой было сообщение о большом ультиматуме Гитлера Чехии, но я знал, что до 1 октября остаётся шесть дней, так что вырваться ещё успею. Всё же я решил уехать во вторник или среду. Когда же наступило утро понедельника, в бюро путешествий я убедился, что границы с Чехословакией действительно закрыты, и после получения вестей из Латвии я решил уезжать 27 сентября, во вторник утром. Понедельник я ещё провёл в обеих библиотеках, простился с милыми книгами о Граале, затем под вечер приобрёл новый билет через Берлин и Бреслау[1] к чешско-польской границе, мой обратный билет через Чехию уже нельзя было использовать, единственный путь – через Польшу. К тому же в спешке в польском бюро путешествий забыл десять долларов, которые оставил в залог за билет, когда поехал на вокзал обменять немецкие марки. Позже из Польши я написал в бюро, но господа не признались. Вообще, эта поездка через Берлин снова ударила меня по карману. Но что с того, лучшее – это то, что с вестью мира я прибыл в Латвию.

Кроме университетской, я посещал Национальную, или Государственную, библиотеку, где около полутора миллионов книг. Я прочёл и просмотрел несколько десятков книг о Граале и Парсифале, выписывал отдельные моменты, прочёл ещё вторую книгу о Пресвитере Иоанне – труд Опперта (книгу Царнке я получил из Берлинской библиотеки уже здесь, в Риге)[2]. И всё же в конце концов на душе у меня грустно, ибо никаких новых открытий я там не обнаружил. Зато в Риге этой весной за одну неделю мне намного больше повезло. Единственно в субботу, перед отъездом, я с восторгом читал книгу Хагена[3], в которой была попытка доказать, что легенда о Граале основана на легенде о Пресвитере Иоанне, таким образом, весьма близко подтверждая мою мысль и убеждение, что легенда о Граале родилась в Индии. Также в Риге я заинтересовался древним названием Пекина – Цамбала – и связанным с ним понятием Шамбалы. Я просмотрел многие, вернее сказать, все доступные мне старые энциклопедии и некоторые старые карты Азии, но много нового для себя я не обнаружил. По поводу этого названия – Цамбала – пишу письмо Юрию Рериху, спрашивая его мнения, ибо ему, как знатоку восточных языков и историку, случалось, видимо, интересоваться и этим древним названием Пекина. Притом у него есть исследование о древнейшей Калачакре и др., где он касается понятия Шамбалы.

Жил я <в Вене> совершенно одиноко. Консульство Латвии с 1 августа было закрыто. Познакомился я с друзьями Фриды Лаувы, с бывшим председателем Общества антропософов д-ром Лауэром, посещал его два раза, он дал мне две скучные антропософские книги о Граале; при второй встрече он мне сообщил, что уезжает в Швейцарию, в Дорнах, ибо здесь ему делать нечего. Вторая, с кем я познакомился, – д-р Э. Моор, ассистентка моего профессора, с ней я встречался три раза. И она, как еврейка и как врач, была в состоянии шока: к моменту моего отъезда она ещё не знала, куда денется со своими вещами, ибо врачам-евреям надо уйти из своих квартир. Со знакомой Н.К., г-жой Идой Мюллер и её мужем я провёл целый вечер, хотя нашёл их не с первого раза. Они живут в Баумгартене, дачном районе, где у них свой домик с садом. Она – светлая, приятная личность, лет за шестьдесят, последовательница идей Сутнера, активистка пацифизма и тоже – художница, пишет тирольские пейзажи. Её муж – симпатичный человек, композитор, к вопросам религии имеет несколько скептическое отношение. Разумеется, теперь, когда в Вене закрыты все общества – культурные, пацифистские, теософские, антропософские и другие, не имеющие отношения к национализму или теперешней науке, они чувствуют себя гонимыми и одинокими. Она предупреждала меня быть осторожным. Будто бы немало агентов, следящих за всеми подозрительными. Понятно, что в своих письмах я мало затрагивал текущий момент (но мне не было чего опасаться, я ведь политикой не занимаюсь).

---

[1] Ныне Вроцлав.

[2] Oppert G. Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. – B., 1870. Zamcke F. Der Priester Johannes. – Lpz., 1876-1879.

[3] Hagen. Der Gral. – Strassburg, 1900.

Единственно, быть может, в связи с именем Рериха, которое теперь в Германии наверняка имеет нехорошее звучание, ибо его считают масоном или кем-то подобным. Г-жа Мюллер жаловалась, что культура в Вене теперь притесняется. Для женщин, вероятно, будет закрыт доступ в университет. Из школьных программ выбрасывается не только религия, но даже обычная этика, оставляется только всё национал-социалистское и т. п. Когда произошёл переворот, очень многие ликовали, ибо режимом Шушнига не были довольны. Но теперь наступило отрезвление. Интеллигенцию угнетает униженность культуры и милитаризм. <Относительно> народного хозяйства – с упразднением шиллинга жизнь стала вдвое дороже. Безработица, правда, исчезает, но рабочие часы сильно увеличены. Мюллер перевела на немецкий язык многие статьи и стихи Н.К., но если ранее не было возможности опубликовать их даже в швейцарской печати, то теперь, в Германии, нечего и думать. Конечно, правительство Германии пытается вводить для народа нечто социал-экономическое; некоторые даже восторгаются «строительством», но это строительство проводится за счёт духовного – дух исчезает. Австрийцы – очень культурный народ, поэтому они в депрессии. Из театров ныне действуют только два: оперный и Burgtheater. В кинотеатрах демонстрируются немецкие фильмы лёгкого содержания. В «Урании» мне удалось посмотреть единственно хронику гималайской экспедиции. В оперном театре слушал «Золото Рейна», «Зигфрида» и «Травиату». Хотел было сходить и на «Gotterdammerungen»[1], но, прочитав заранее либретто, я глубоко изумился великой безнравственности древних немецких героев. Три ночи здесь устраивали «затемнение»; приятного в этом, разумеется, ничего не было, ибо в один вечер я был в оперном театре, во второй – пришлось раньше отправляться спать. Ни в чём другом в Вене я не замечал особой подготовки к войне, газеты ничего не писали об иных государствах, кроме Чехии, и уже в Риге меня поразила новость, что из Парижа эвакуируются жители и во Франции и Англии объявлена мобилизация и т.д. Да, в последние дни во всём мире было колоссальное напряжение, все иностранцы бегут из Германии. Поскольку я мало общался с людьми, то и кое-какие тревоги меня миновали.

Ходил я и по антикварiатам, искал некоторые книги. Теософские и антропософские книги продавать запрещено, зато всяких оккультных произведений – о спиритизме, магии и т. д. – можно достать сколько хочешь. В одном магазине я наконец нашёл книгу, которую тщетно искал в библиотеках и которой особенно обрадовался: «Five Years of Theosophy»[2]. В ней многое пишется о Махатмах и Белом Братстве, и даже неоднократно читавшийся в нашем Обществе очерк «Как чела нашёл своего Гуру» здесь есть.

Теперь о моём профессоре Э. Фрешеле. Он, как еврей, после переворота в Австрии очень много настрадался. Он несколько раз, со слезами на глазах, рассказывал мне о преследованиях и даже пытках его соплеменников в Германии. Сам он – уравновешенный стоик, философ, автор книг. Его гуманная этика очень возвышенна, но именно последний месяц, сентябрь, был самым трудным в его жизни. Всем врачам-евреям, и ему, до 1 октября следует прекратить приём больных, а также покинуть квартиру. Ему ещё хорошо, потому что в Вене у него имеется домик, где можно поселиться. Переезд с вещами для его семьи, очевидно, является чрезвычайным событием, ибо ко времени моего приезда большинство вещей было уже упаковано. И зарубежье его не принимает, хотя он является одним из самых выдающихся специалистов своей отрасли в мире и изобрёл свой метод. И всё потому, что у него уже был ярлык – еврей. К тому же, кроме немецкого, он знает в совершенстве английский и французский языки. Однажды он мне показывал связку из 60 писем с отрицательным ответом из зарубежных университетов и иных учреждений. Единственно пригласил его приехать Вашингтонский университет, но только через год. Когда я прощался с ним, он мне сообщил, что наконец приглашён в Данию читать цикл лекций. У него была старенькая мать, которую он очень любил. Она жила отдельно в том его домике. Однажды я увидел у профессора траурную ленту на рукаве. Спрашиваю, кто у него умер? «Моя мать покончила с собой», – последовал скорбный ответ. Я был невыразимо удивлён. Как же она такое смогла, ведь её сын так религиозен и этичен?! Но, как видно, даже для лучших евреев столь тяжкими ещё могут быть материальные заботы.

[1] «Гибель богов» *(нем.)*.

[2] «Пять лет теософии» *(англ.)*.

Профессор всё время держался спокойно, однако все эти переживания его удручали, особенно после смерти матери.

Метод Фрешеля является психотерапией – логическим рассмотрением бессмысленности нарушений речи и даже, в некоторой степени, их неэтичности. В одиночестве, сам с собой, я говорю хорошо, поэтому надо говорить с другими, как с самим собой. Бога я не боюсь, почему же тогда я боюсь простого человека? У всех одна, единая Мировая Душа. Враг только в нас самих, это надо подчеркнуть, но не вне нас! Если ваше этическое Учение возвышенно, то отчего же вы не живёте по своему Учению? Почему, говоря с другими, вы боитесь? Надо выправлять своё сознание, надо направлять мысли на текущий момент, исключая из сознания ошибочные, неверные образы прошлого. Ни на мгновение не допускать мысли, что в тебе может быть какой-то дефект. Мне очень понравилось, как он однажды ответил на мои слова «Сегодня я очень устал»: «Именно сегодня день, когда вы можете подняться ввысь. Именно дни усталости и трудностей – лучшие дни, когда можно применить свои знания и испытать свои силы». Второй частью его метода является так называемое «Atemessen»[1] – подражание психически и мысленно примитивному человеку, у которого процесс еды и речи был единым.

Наше время главным образом протекало в беседах. Надо было упражняться и в немецком языке, в котором у меня ещё не было практики. Случались иногда и грустные минуты, ибо я ощущал на себе слишком великий долг и ответственность, сверх моих сил. Некоторые дни я чувствовал себя хорошо, но иногда бывало труднее. Одну неделю в середине сентября я ощущал чрезвычайно тяжёлые натиски и токи. Были моменты, когда я чувствовал, что центры гортани будто бы замерли. Знаю, что хорошей жизни в отравленной атмосфере большого города быть не может. По улицам я ходил по возможности меньше. Но, несмотря на это, иногда случалось проводить часы среди толпы.

Наконец, всё же наступил день, когда предстояло расставание. Я хотел уже уехать, ибо этот метод я усвоил, а как буду его применять – зависит от меня. Причина еще и в том, что часы, проводимые с профессором, становились однообразными. В середине сентября я увидел во сне, что мне придётся прервать курс и я поеду домой через Берлин. Так и случилось.

Как хочу я всегда иметь силы быть духовно крепким и зорким. Быть всегда спокойным и определённым в каждом своём движении и в каждом помысле.

Словно иная жизнь началась, когда я переехал границу Польши. Из Вены я не писал в Индию, поэтому всю дорогу до Варшавы писал письмо, которое отослал с Варшавского вокзала воздушной почтой. В двенадцать часов ночи я отправился дальше в Каунас по новой дороге. Монтвидене я встретил дома, и следующие день и ночь я провёл в её квартире. Она преобразилась, выглядела свежее, бодрее, больше не кашляла. Причину я только тогда понял, когда она прочла мне письмо Е.И. Она прислала Монтвидене Указание Учителя, что её болезнь связана с центрами. Даны и более подробные указания, как надо жить. Конечно, можно понять её радость, ибо врачи ей приписывали злейшие болезни – туберкулёз и даже рак. Она создала в Обществе общину – группу из семи членов, ячейку более старших духом, которая и будет развивать дальше духовную жизнь Общества. Тарабильда наконец стал покорнее, подчиняется дисциплине Общества, вместе с Монтвидене читает Учение. Уважение к Обществу в глазах правительства после всего того, что было ранее, вернее всего, потрясено. Монтвидене даже убеждена, что у её дома иногда стоит агент Политического управления. Сколь бесконечно наивными и грубыми являются подозрения этих узких сознаний к духовной интеллигенции. То же самое правительство, быть может, уже через несколько лет возвысит в истинном уважении преследуемых. Но когда же придёт на землю уважение к героям духа, когда же это будет?!

Когда я выехал из Каунаса, в первый раз услышал латышский язык и читал латышские газеты – это было удивительно. Элла с Гунтыней встречала на вокзале, хотя конкретно поезда я не указал.

Друзья уже ожидали увидеть во мне обновление. Надо бороться!

В понедельник, 3 октября, я созвал заседание руководителей групп.

---

[1] Кушание воздуха *(нем.)*.

Мы решили, что группы будут собираться по вторникам, старшая, кроме того, и по четвергам, перед общим собранием. Я рассказал о своих впечатлениях в Вене, Таллине, Каунасе. Мы учредили комиссию ведающих членами Общества, в которую вошли Валковский, Драудзинь, Клизовский, Вайчулёнис. Она будет иметь функции суда чести, следить за приёмом новых членов и за жизнью наших людей. Затем мы условились, что было бы желательно, чтобы у руководителей групп были помощники из состава самой группы, которые знали бы, как живут люди, общались с ними ближе и объединяли их. Если из состава группы неудобно их выбрать, то можно из других групп. Некоторые руководители групп больше являются учителями, но вовсе не воспитателями. Говорили мы и о секциях, но их деятельность зависит от руководителей.

Из Вены я писал Гаральду и Валковскому о возможных планах. Надо бы организовать цикл лекций об искусстве, музыкальные вечера, посвящённые латышским композиторам, устраивать в Музее выставки, проводить экскурсии членов Общества по музеям. Гаральд мне много писал о Монографии, дважды даже присылал макеты. Я был рад, что работа опять возобновилась. Это была моя давнишняя мысль, что другого выхода нет, как печатать единственно в типографии государственных бумаг, хотя бы – репродукции. Книгу разделили на несколько частей; первая выйдет, может быть, уже в конце этого года. С делами магазина теперь тоже больше везёт. Продавцом ныне работает Аринь – истинный человек Учения, понимающий и энергичный.

21 октября. Пятница

В минувшую пятницу на званом вечере Зента Мауринь читала о «Подруге великих людей» – Мальвиде фон Мейзенбуг. В скором времени будет вечер Альфреда Калниня. Дважды я встречался с директором Департамента обществ Янсоном по делу перерегистрации Общества. В первый раз он мне сказал: «Вы в своём Музее слишком выделили картины Рериха, латышские картины пропадают. Такое впечатление, что там какой-то культ Рериха». Разве не абсурдно так говорить?! Здесь ведь и есть Музей Рериха! И мы, при всём нашем убожестве, целую комнату посвятили латышскому искусству, притом это такое достижение, которое частная инициатива не смогла свершить во многих странах. Латвия как раз должна бы гордиться этим. Янсон просил принести устав нашего Общества, прочёл и приложенные к нему отзывы. На какой-то странице он остановился и говорит: «А для чего Вам было нужно это учреждение – отзыв Министерства народного благосостояния?» Да, какая же могла быть связь у этого министерства с нашим Обществом? Позже я понял – наверно, Департамент здравоохранения собирает сведения о Лукине. Может быть, и в связи с его издательством, с его пожертвованиями Обществу, о чём распространяются всякие слухи и т. д. Я уже несколько раз говорил Янсону: «Если о нас имеются какие-то слухи, то я знаю, что они не верны и даже совершенно ложны, я с радостью хотел бы их сердечно и открыто выяснить и опровергнуть. Но кого же из истинных духовных деятелей, борющихся ради будущего блага народа, не подозревают?»

Гаральд ныне принимает несколько меньше пациентов, чем раньше, однако всё ещё загружен работой. Грустно, что он не может подробнее изучать болезни и центры, но даже на чтение книг у него не остаётся времени. Всё же он с отзывчивостью участвует в жизни и деятельности Общества, но мог бы это делать ещё шире. Ныне всем своим сознанием ушёл в Монографию, переписывается об этом с Н.К. В свою очередь, Блюменталь пишет о магазине. Но надо беспокоиться о всей жизни Общества. Раньше мне большим помощником был Валковский, но прошлой зимой он отошёл в тень, стал пассивным и в последнее время совсем сник. Его сын болен туберкулёзом, и его только что направили в санаторий в Цесис. Жена истерична, становится всё свирепее – конечно, жить тяжко. Но для того нам и даны трудности и препятствия, чтобы мы боролись и росли. Хочу как-то его ободрить.

Судья закрыл дальнейшее рассмотрение выдвигаемых против Гаральда обвинений. Какое-то время будет спокойно,

Гунта ходит в детский сад, чтобы привыкнуть к обществу. Также три раза в неделю к ней приходит некая барышня (Дайна П.), подруга Фриды Лаувы, которая тоже училась у Фрешеля... Гунта ныне сама очень ловко читает. Вообще, у неё чрезвычайный темперамент: самостоятельная, не всегда сразу проявляет послушание.

Но она большая умница, развивается быстро. Илзите медлительнее, но и она чувствительная и развитая. Всю великую громаду жизненных дел приходится выполнять одной Элле. Напряжение в последнее время особенно большое и потому, что она носит под сердцем нового Гостя. Новую Красоту и великую Ответственность.

24 октября. Понедельник

Хотя у Гаральда чудесный огонь преданности, но в своих отношениях <с людьми> ему надо расти ещё и ещё. В субботу у меня опять была Драудзинь, и главной темой нашего разговора был Гаральд. Её сердце, как у матери, болит за него. В последнее время количество пациентов у него уменьшилось. Отчасти причиной этому явно ложные нападки. Отчасти – и он сам, ибо Гаральд иногда грубоват с пациентами. Таков он бывает и с членами Общества, разумеется – часто неосознанно, но некоторых это огорчает. Но теперь особенно надо хранить единение. Недавно он встретил на улице г-жу Мисинь. Она говорила о своём муже, который чувствует себя каким-то подавленным, строит ныне здание школы в Латгалии. <Сказала>, что ему теперь пригодился бы Дар из Индии, который бы его ободрил. Гаральд ответил: «Ну, Рудзитис Знак ему никогда не даст, он считает, что Мисинь притесняет рабочих». Я был глубоко изумлён и огорчён, услышав это. Как же Гаральд может говорить нечто подобное, и притом – от моего имени, ведь он же не знает, что я *теперь* думаю. Правда, в апреле я был в больших сомнениях и неведении относительно <Мисиня>, но летом сумел лучше узнать его, и у меня от него, как от человека, много приятных впечатлений. Я до сих пор не могу прийти в себя – как же Гаральд был способен на такие слова? Ещё весной он что-то сказал Мисинь от моего имени и этим глубоко поразил её. Разумеется, мне теперь вновь пришлось пойти к ней и успокаивать. Был и у Гаральда, поначалу он меня совсем не слушал, больше укорял. Я хорошо знаю свои ошибки, но есть вещи, которых Гаральд не понимает. Меня заботит только дело Общества и его единство, для этого я готов отдать всё. Гаральд ведь больше всего боролся в Обществе за единство, торжественность и Иерархию, но именно здесь мне постоянно приходится его поправлять. Знаю, что он ещё молод и его путь пойдёт стремительно вверх, и верю, что он больше себя дисциплинирует. Придётся временами ему деликатно об этом напоминать. Его доброе сердце достигло бы прекраснейших успехов, если бы в нём было больше смирения. Сознаю, что минувшей зимой можно было поставить мне в упрёк случай с нерешительностью, но это больше из-за моей речи и недогадливости. Но и я расту. Нередко моя речь доставляла мне в жизни величайшие мучения. Об этом знаю только я один, и больше никто из людей! Но я хочу стать лучше. Я хочу постепенно освободиться от своих недостатков.

Мы ведь с ним – лучшие друзья. Мой долг – воспитывать Гаральда, где только могу, но моя вина в том, что я мало делал ему замечаний. Ему следует и больше читать Учение. Свою группу он посещал неаккуратно; более половины собраний этой группы вела Мисинь. Возможно, ему слишком затруднительно, ибо теперь читается «Беспредельность». Возможно, будет лучше позже дать ему совсем новую группу. В конце концов, ведь именно я несу ответственность и за Гаральда, и за его развитие.

Не исключено и то, что Мисинь излишне чувствительна. Ведь как же она могла не знать, что «из Индии» невозможно ничего просить, но только ждать? Я тоже не осмеливаюсь, может быть, только в каком-то исключительном случае, ради какого-то человека. Кроме того, кажется мне, Знаки давались к определённому сроку. Е.И. пишет, что теперь люди вообще стали очень чувствительными и с ними следует обходиться особо тактично. И моё сердце к этому горячо стремится.

25 октября

Вчера я получил от Е.И. возвышенное письмо (от 13.X.38). Она пишет, что капитуляция Чехословакии означает капитуляцию всей Европы. Враг силой своей мысли психологизирует массы, запугал всех. Это есть распад организмов.

Обо мне Е.И. говорит: «Вибрация сердца, идущая навстречу целительному Лучу Великого Владыки, творит чудеса. Предложу Вам маленькое упражнение, которое должно производиться ежедневно, без пропусков.

Когда Вы можете иметь некоторое время для сосредоточения, представьте себе серебряную нить, идущую от Вашего сердца к сердцу Великого Владыки и возвращающуюся к Вам в сердце. Пусть сердце Владыки отстоит от Вашего на расстояние в три фута. При таком сосредоточении не следует допускать вторжения других мыслей и представлений. Начните хотя бы с одной минуты полного сосредоточения и после достигнутой чёткости представления увеличивайте продолжительность такого упражнения. Можете посоветовать такое упражнение всем горящим сердцам, например, Юлии Домиников не». Далее: «Спешу порадовать Вас, что Великий Владыка разрешил читать имеющуюся у Вас копию, назовём её пока «Надземное», в старшей группе. Причём копия эта никому на дом не даётся и хранится у Вас. Также никто не должен делать из неё выписки. Позже Владыка укажет, с какими пропусками можно будет её печатать».

Е.И. пришлёт Обществу свои письма. Наши собрания по четвергам засияют новым светом.

28 октября. Пятница

Сегодня мне стало известно, что в Министерстве общественных дел о нас дали отзыв, что мы являемся «политически неблагонадёжными», то есть – ориентируемся на Советский Союз. Оттого столь долго, до последнего момента, медлили с перерегистрацией. Только наше культурное самосознание, только наше единение нас спасло.

1 ноября. Вторник

Мы с Валковским вчера были в Лиепае, где Общество поощрения искусства устроило «художественный понедельник», посвящённый Рериху. Я читал об Н.К. как о художнике, Валковский – как о деятеле культуры. Организаторами были заведующий музеем Я.Судмалис и председатель Общества поощрения искусства художник Бауманис. Судмалис нас ознакомил со своим музеем, с открытой ныне выставкой латышских художников и т. д. Наши выступления начались в четыре часа после обеда. Мы привезли с собой также шесть оригинальных картин Н.К., Гималайскую монографию, репродукции и книги. По понедельникам собираются только члены, учредители и редкие гости, потому посетителей было немного, около 22 человек. Нам было бы очень радостно, если бы хоть в одном сердце загорелась искра энтузиазма. Мауринь Зента характеризует публику Лиепаи как людей, у которых энтузиазма мало, вчера я это не особенно заметил, но об истинном впечатлении узнаю только потом. Судмалис думает, что в его музее можно устроить и выставку картин Н.К. Поздним вечером мы навестили семейство д-ра Мауринь, светлая г-жа Мауринь была так рада, увидев нас.

По дороге из Лиепаи домой, ночью, мы с Валковским обсуждали, отчего в мире так устроено, что хорошие люди и хорошие начинания всегда подвергаются гонению и отрицанию. И нам, и нашему Обществу приходится бороться за существование, словно мы – преступники, а не один из величайших источников Света и Культуры в Латвии. Понял бы <наш> вождь, что же более всего необходимо для Латвии, именно для её духовной культуры, красоты сознания! Но, наверное, в сущности этого мира заложено, что сознание народов обычно отстаёт на несколько поколений от тех идей, которые несут люди великого духа. Потому и понятно, что зачастую, только отмечая посмертные памятные даты, мысль интеллигенции созревает до того, что начинает осознавать значение великой духовной личности.

7 ноября. Понедельник

В субботу мы с Валковским были у директора департамента Янсона. Я был приглашён явиться. Янсон сказал, что ему поручено собрать подробные сведения о нашем Обществе. Он интересовался, сколько членов, какие доходы и каковы их источники, в чём заключается наша деятельность, сколько есть зарубежных обществ и где и как мы с ними сотрудничаем, где центр нашего движения. (Я сказал, что мы самостоятельны, что нашим непосредственным центром является единственно сам Н.К. и т.д.) Затем Янсон познакомил нас с отзывом какого-то учреждения (наверное – Камеры) о нашем Обществе.

Этот отзыв, в основном, был отрицательным (об отзывах иных учреждений он не упоминал): всё то, в чём заключается культурный план Рериха, что он выражает в своих обществах и что мы предлагаем в своём меморандуме – всё это совершенно не годится, ибо всё это наш народ уже провёл и проводит в жизнь. Приходят на ум слова Тентелиса, которые он высказал нам, когда мы обращались к нему по поводу меморандума, он тоже повторял, что охрана культуры в Латвии реализуется в полной мере. Всё это – просто непонимание идей Н.К. Далее в отзыве ставится нам в упрёк то, что мы излишне возвышаем женщину, как будто в Латвии её притесняют. И ещё – мы не являемся чисто художественным учреждением, но искусство основываем на мистицизме. Мы занимаемся восточной философией, которая нам не нужна. (Я возразил, что Брастынь видит в своём мировоззрении «диевтури» большую близость с древней индийской религией.) В-четвёртых, упрекают, что искусство и личность Рериха доведены до мессианства. И наконец – ко всем интернациональным обществам следует относиться с предосторожностью, ибо невозможно знать, что они таят и что вносят, могут внести и «троянского коня», – последнее заметил сам Янсон. Этот «троянский конь», видимо, представляется как какая-то тайная политика. Я обратил внимание Янсона на мою писательскую деятельность, на то, что она вся посвящена духовной культуре; неужели он может вообразить, что за ней стоит какая-то «закулисность»? «Скажу открыто, – заявил я ему, – я уверен, что наше Общество со своей деятельностью, направленной на духовную культуру, приносит великое благословение латышскому народу; хотя внешне она и не очень заметна, но в будущем принесёт ещё большую пользу, когда наше Общество перерегистрируют и оно будет иметь возможность свободно действовать. Он ведь не станет отрицать, что у нашего народа деятелей духовной культуры плачевно мало, такие как проф. К.Кундзинь, П.Дале и т.д. заняты работой в учреждениях, и у них мало возможности выступать с докладами». В конце Янсон сказал, что с нашим Обществом он уже немного ознакомился, посещая Музей, и что в нём есть нечто приятное, и он думает, что Общество перерегистрируют.

Кто же поймёт великую духовную миссию Н.К.? Только человек духа! Под этой «закулисностью», видимо, подразумевается или коммунизм, или «масонство». Но у меня дома хранятся четыре почтовых отправления с моими книгами, написанными на русском языке, которые я посылал в Россию и которые вернулись назад с пометкой «Non admis». Такая же судьба постигла и большинство книг Н.К. Но разве русским сознаниям не нужна красота духа? Шовинистам кажется греховным даже то, что кто-то хотя бы посмотрит в ту сторону.

8 ноября. Вторник. Утро

Гаральд и Блюменталь двенадцать дней назад уехали в Париж. Затем собирались ехать в Брюссель, где живёт сестра Гаральда, потом – в Брюгге к Тюльпинку и в Музей Рериха, и далее через Осло, Стокгольм, Хельсинки – домой. Блюменталь вернулся домой уже в воскресенье, до Брюсселя не добрался, почувствовал себя плохо. Гаральд продолжает путь. Вчера Блюменталь рассказал много нового. Со Шклявером я переписываюсь уже давно, но в своих письмах он неизменно сдержан. Блюменталь теперь характеризует его как светлую личность. Посетив его второй раз и прикоснувшись ближе к его душе, Блюменталь и Гаральд узнали от него многое, сердце его к ним раскрылось. Он им показал и Портрет Учителя, и перстень. Затем он сказал, что, может быть, семья Рерих в скором времени навсегда оставит «Урусвати». Куда же они могут направиться, об этом мы с Блюменталем вчера много говорили. Нам привиделось и Будущее. Стало быть, уже близки в мире радикальные перемены. И моё сердце опять взволновалось: успею ли я ещё ознакомить Е.И. со своей книгой. Я ведь не могу печатать её, не показав ей рукописи. Уж теперь мне следует всю иную работу отставить и думать единственно о своей книге. Хотя ныне столько трудностей, столько других обязанностей требует моих рук.

9 ноября

Вчера в Обществе был зачитан доклад К.Раудиве «Об отношениях между людьми». Затем, в музыкальной части, выступили А.Пуринь и Дзиркале-Ценне.

12 ноября

Вчера вернулся Гаральд. Тюльпинка ему не удалось встретить, хотя в Музей в Брюгге он попал. Репродукции с картин Музея нам всё же изготовят.

Позавчера я получил из Индии три письма: от Е.И., Н.К. и Ю.Н. о том, что в Обществе желательна группа людей – деятелей культуры, пусть бы даже они не имели связи с Учением. Они пришлют архив через 3-4 месяца. В скором времени мы получим чудеснейшие письма Е.И. Кроме книг Учения это, быть может, самое возвышенное, что даст наше столетие. Великая женственная красота, пронизанная могущественной мудростью сердца и глубокой радостью. Присуще им и истинно поэтическое чувство. Поэтому мы всегда читаем письма Е.И. как нечто евангельское. И в письмах Н.К. – царственный лейтмотив, удивительно широкий размах и глубокое знание человеческой души. Но у него большая часть содержания писем конкретного, делового характера. В последнее время особенно много он писал в связи с Монографией, отвечая в основном на вопросы Гаральда. Боюсь, как бы мы слишком не утруждали его, ибо есть проблемы, которые нам надо решать самим. Гаральд ведь пишет на одном дыхании, часто даже не обдумав хорошо. Но эту его горячность в Индии всё же уважают. Н.К., очевидно, отвечает быстро, ибо диктует своему секретарю.

17 ноября. Четверг. Утро

Сегодня мы передаём Президенту государства величественную картину Н.К. «Гималаи», как дар мастера Латвии. Только позавчера вечером мы это окончательно решили, с этой целью я созвал заседание правления. Это было давнишним желанием Н.К., но именно теперь момент мне кажется самым подходящим – к празднованию 20-летия Латвийского государства. Ещё вчера напечатали адрес, который вручим вместе с картиной. Нам сообщили, что Президент в связи с праздником занят, подарок вручим адъютанту. Осознал бы Президент всю возвышенность этого дара! Почувствовал бы он, что это не простой подарок, но великое благословение! Будем сознавать и мы всю громадную серьёзность и ответственность.

23 ноября

В пятницу, к государственному празднику, и у нас прошёл званый вечер. Выступали шесть артистов: Мадревич, Арнитис, Брауэр, Роберт Микельсон, Рейнвалд и Сухов. Их привезли с радио и после выступления увезли обратно. Они не успели даже ознакомиться с нашими картинами, но всё же у них осталось светлое впечатление от нашей атмосферы. Впервые у нас выступал и квартет, который исполнил концерт Баха для квартета. Мадревич надеется создать при Обществе квартет как постоянную единицу. После концерта Валковский выступил с прочувствованной речью о героическом пути становления Латвии и закончил пожеланием Е.И.: «Пусть Щит Света хранит милую Латвию!» В конце Аринь прочла мой доклад «Путь совершенствования согласно традициям древних латышей». Гостей было достаточно, жаль только, что мы не смогли пригласить кого-нибудь из официальных лиц, ибо, как водится, государственный праздник все где-то отмечали.

Мадревич дважды был у меня, и мы с Мисинь строили планы в области музыки. Мадревич на 26 марта следующего года снял в аренду зал оперного театра, где кроме него будут выступать литовский пианист Бацевич и оркестр оперы. Будет возвышенная музыка. Он предлагает провести концерт под нашим протекторатом, и чтобы мы взяли на себя <финансовую> гарантию. Последнее взял на себя лично Мисинь. Наши Руководители в Индии предлагают нам создать группу общественных деятелей. Об этом задумываемся мы уже давно, но это – самый трудный вопрос. Но теперь срок настал. Приехала и Ведринская.

А теперь о деле перерегистрации Общества. На днях позвонила мне барышня из Министерства: «Мне поручено сообщить Вам, чтобы Вы приспособили свой устав к названию Общества, то есть – надо его сильно сузить». Я ответил, что наш устав и так приспособлен, но знаю, что спорить с ней тщетно, потому сказал, что поговорю лично с руководителем отдела обществ Лепинем. Я сразу понял их дипломатический ход: намереваются превратить наше Общество исключительно в Общество нашего Музея, то есть – в содержателей и хранителей, и затем подчинить Камере искусств.

Позавчера мы вместе с Валковским направились прямо к Лепиню. Странно – он нас встретил на этот раз нервно, довольно нетерпеливо, торопясь, не желая с нами даже толком говорить; ранее, наоборот, был даже «слишком вежлив».[1] Сказал, чтобы мы приспособили устав к нашей теперешней деятельности и подали в письменном виде. Я сказал, что устав приспособлен, что предвиденное в уставе мы отчасти уже реализуем, что, в конце концов, не понимаем, чего от нас хотят. Тогда Лепинь открыто сказал: «Вы являетесь Обществом Музея, и вам полагается содержать Музей, а не заниматься общекультурными делами». Мы сказали, что понятие «музей» понимаем как «музейон», который объединяет в себе девять муз. Но на этот раз Лепинь нас просто не слушал. Он ставил в упрёк нам и то, что целью Общества является содействовать дружбе и сотрудничеству между народами, а это компетенция Министерства иностранных дел. Разумеется, такое поведение Лепиня было для нас оскорбительным, и потому, наконец, Валковский ему резко ответил: «Так как мы не понимаем, чего от нас требуют, то пойдём к директору Янсону». Янсон нас принял, как всегда, вежливо. Когда мы рассказали о Лепине, Янсон сказал, что последний, очевидно, чего-то недопонял. В его намерениях вообще нет замысла ни сузить, ни ликвидировать нашу культурную деятельность. Он только желает спасти наше Общество от предубеждений и подозрений; пусть мы формально сузим цели Общества, чтобы не появлялось впечатления, что мы – интернациональное Общество, мы ведь сможем продолжать действовать в том же направлении, как раньше. Мы ответили, что понимаем его и согласны вычеркнуть вторую часть первого параграфа нашего устава, то есть, что нашей целью является содействие дружбе и сотрудничеству народов через интеллектуальное и культурное сближение Латвии с Литвой, Эстонией и другими народами. Он ответил также, что наши права слишком широки, например, зачем нам оперный театр? На это Валковский немедля ответил: «26 марта у нас будет концерт в оперном зале» и т.д. Мы согласились и слово «конгресс» («созывать конгресс») заменить на «съезд», но решили больше не уступать. Я заметил Янсону: «Жаль, что те, кто писал отзывы о нашем Обществе, не посещали наших вечеров, ибо никто, кто ближе прикоснулся к нашей атмосфере, не уходил, не почувствовав приподнятого настроения. С другой стороны, мы патриоты и любим Латвию, быть может, больше, чем некоторые другие, которые только на словах выражают свою любовь». Янсон нас успокаивал, поговорил с Лепинем и позволил на месте, в министерстве, изменить устав. Таким образом, вчера мы были в бюро перерегистрации. Первый параграф мы переиначили так: «Целью Общества Музея Рериха является: знакомить общественность с искусством и научной деятельностью Рериха, развивать сознание красоты, укреплять этику жизни и содействовать развитию всех культурных факторов Латвии ради её светлого будущего».

В параграфе о правах у нас ещё остаётся право «поддерживать связи с подобными Обществу организациями, обществами и учреждениями», так что, сузив цели, мы ничего существенного не потеряли.

Да, это была новая страница Армагеддона. Только теперь наш устав представят министру.

8 декабря. Четверг

Члены нашего Общества начали болеть. Трудно теперь многим, труднее всего чутким душам. Вайчулёнис мучается болями, несколько лет мужественно их терпел, наконец, в субботу пошёл в клинику, где ему сделали операцию. А ночью ушла его жена, которая болела раком. Она была симпатичным человеком, но в Обществе не состояла. Вайчулёнис воскресной ночью чувствовал уход жены. Но он и его дочь Аншевиц, как люди Учения, не вешают голову. Сегодня Вайчулёнису повторяют операцию. Чего только бедному человеку не приходится вытерпеть! Блюменталь уже несколько месяцев мучается болями под ложечкой и в сердце. Наконец, Е.И. написала, нет ли у него воспаления солнечного сплетения? Теперь Гаральд начал давать ему лекарства в связи с plexus Solaris[2], и боли начали затихать. Клизовский был в больнице, ему сделана небольшая операция, теперь он здоров. Ведринская сломала руку.

[1] Впоследствии выяснилось, что Англия и Германия потребовали от латвийского правительства закрыть Общество Рериха.

[2] солнечным сплетением *(лат.)*.

Лицис мучилась какой-то неизвестной лихорадкой, высокой температурой. И Драудзинь часто хворает. Но кто же совершенно здоров? У Валковского депрессия ещё не совсем прошла. Не только ощущает давления, но ещё больше донимают нервные состояния жены. Сын был болен туберкулёзом, теперь уехал в школу. Гаральд стал нервным, или, точнее сказать, часто «нервничает». И для него напряжение слишком опасно. Мне очень тяжко было в ноябре, теперь, кажется, несколько легче. Даже писать я был не в силах, и доклад о Граале не продвинулся вперёд. Хотел бы я прочесть его ещё до праздников. Завтра в Обществе будет читать доц. Я.Силинь о «Некоторых особенностях латышского искусства», и демонстрировать изображения при помощи аппарата. Дале и Кундзинь обещали выступить в январе. Дале будет читать о космическом сознании.

Я получил все три почтовых отправления с письмами Е.И., всего около 950 страниц. Решили разделить на две части и первую часть печатать спешно, до конца января, чтобы доставить нашей Руководительнице неожиданную радость к её шестидесятилетнему юбилею, к 12 февраля. Спешность признали все, когда мы обсуждали в старшей группе, только возник тяжкий вопрос – где найти финансы? На Гаральда нагрузили неслыханный налог – истинное издевательство налогового департамента – 25.000 латов! В комиссии были и врачи, его противники, которые наконец нашли путь, как ему отомстить. Ибо ведь Ветра по радио уже говорил, что Гаральд зарабатывает в день по 500 латов. Когда врёт простой человек, то можно с ним судиться, но когда врут высшие чиновники, то надо терпеливо молчать. И у Мисиня большой налог. И главное – в скором времени будет готова Монография, которая потребует большой суммы. Как Гаральд всё это осилит? Разумеется, при обжаловании налог Гаральду снизят, но будет борьба. Наконец, один из членов Общества, кто-то из младших, обещал одолжить. Кроме того, предварительная подписка дала более 200 латов. Так везёт опять в новой работе. Старательно прочитываю заранее рукопись, конечно – в сердечном горении. Но что скажут наши господа цензоры? Здесь речь идёт и о церкви, и даже о конце света?!

Владыка разрешил в старшей группе читать «Надземное» (так пока переименована вторая часть). Я просил ещё дополнительных указаний, но не получил, и в это воскресенье начал читать в группе. Будем читать по воскресеньям. По четвергам читаем «Мир Огненный», третью часть.

В субботу Гаральд был у директора Янсона с просьбой дать разрешение на постоянное издательство «Угунс». Прошлой зимой не дали. Нельзя ведь ставить в качестве издателя своё имя, например, на книге о буддизме, нужно нейтральное название. В конце концов, Янсон частично пообещал, затем говорили об Обществе. Янсон сказал, что пусть не боятся за перерегистрацию, все будет хорошо, только немного пусть сузят устав. С Янсоном говорил и редактор «Валдибас Вестнесис»[1] Озолс (об этом его просил Гаральд), его жена немного интересуется Учением. Наконец, Янсон открыто спросил Гаральда: «Скажите мне ясно: Рерих – коммунист?» Но ведь тогда Рерих пребывал бы в России, развивал свою деятельность там и не жил как эмигрант. От того, что его план строительства культуры столь широк, о нём возникают всевозможные слухи.

Буцен был на приёме у Государственного канцлера и теперешнего министра Рудзитиса с целью рассказать об Обществе. Оказалось, что последний о нас довольно хорошо информирован. Спрашивал, что это за книга «Тайная Доктрина»? Буцен обещал подарить ему оба тома. Затем – мы слишком восхваляем женщину и нападаем на мужчин. Он знал и какие-то слухи о сроках, о гибели Англии, как об этом написано в «Письмах Махатм» и т. д. Наконец, пообещал поговорить с министром Берзинем. И сегодня я узнаю, что он действительно говорил, и Берзинь пообещал не препятствовать перерегистрации. Так приходится бороться.

И в Индии беспокоятся о нас. Сегодня я написал длинное письмо. При печатании Монографии возникли трудности с портретом Е.И. Текст был напечатан согласно <предвиденному> размещению на странице одного клише, но Н.К. его не захотел, это был фрагмент картины. Чтобы теперь приспособить портрет к оставленному месту в тексте, его надо немного по краям сузить. Я охотно перепечатал бы соответствующую страницу заново и дал репродукцию целиком, но это выйдет дорого, и пришлось уступить.

[1] «Valdibas Vestnesis» (латыш.) – «Государственные ведомости», газета.

Знаю, что эта репродукция намного важнее других. И если бы издателем был я, то долго бы не мудрил. На сердце тяжко – как это понравится в Индии? Гаральд чрезвычайно жертвует собой ради Общества.

9 декабря

Я.Силинь читал доклад о латышском искусстве, демонстрировал репродукции.

18-19 декабря. Воскресенье

В четверг, в узком кругу группы старших членов, мы обсуждали мотивы, по которым задерживают перерегистрацию Общества. Гаральд сказал, что одним из главных мотивов является отзыв Политического управления о докладе г-жи Крауклис на конгрессе, в котором она, несмотря на просьбы это место вычеркнуть, оставила мысль о борьбе женщины с мужчиной. После этого Крауклис выслушала много упрёков, но это было давно: г-жа Крауклис за это время сильно выросла. И хотя мне тоже когда-то пришлось испить из-за неё «горькие капли», но конфликты мы устранили и наши отношения уже давно полны любви. Поэтому так непонятно прозвучали упрёки Гаральда, что я излишне возношу Клизовского и Крауклис, что она избежала наказания и т. д. Всё это я отверг, ибо знаю, что Крауклис настрадалась, и к самому Гаральду она обращается гораздо чаще, чем к Клизовскому, и т.д. Клизовский и теоретически Учение знает лучше нас. Также совершенно зря повторять о сепаратизме Клизовского и его русофильских наклонностях. Вокруг Клизовского, быть может, собираются больше некоторые русские, и вообще, вопрос взаимоотношения русского и латышского языков был трудным ещё со времён д-ра Феликса Лукина, и неоднократно делались попытки его решить, но – безуспешно. Теперь, однако, я ощущаю единую семью и никакого сепаратизма не замечаю, зачем же опять ворошить в умах некоторые не очень значительные факты прошлого? Я удивлялся Гаральду: если он «старый дух», то зачем излишне задерживаться на прошлом, когда всё сознание следует обратить в будущее? Притом ведь невозможно событие, случившееся год назад, относить ко дню сегодняшнему. Ведь следует признавать развитие сознания и характера. Гаральд в последнее время был очень нервным, вроде как нетерпимым к аргументам другого человека. Но я понимаю его: всё это дело с Монографией измучило его. Он с тяжёлым сердцем думает – сможет ли оплатить расходы? И притом на него наложен чрезвычайный налог! Мисинь обещал сумму побольше, но и у него ныне затруднения. Вайчулёнис хотя и дома, но всё ещё страдает от болей. Потому я понимаю Гаральда, его великий огонь. И всё же надо ещё ему расти. Но и я желаю сжечь свои ошибки, чтобы больше не приходилось задерживаться из-за них.

Когда я думаю об Обществе и его членах, то ощущаю единение и дружбу, и всё же мне хотелось бы, чтобы было ещё больше тепла и любви друг к другу. И, кроме того, меня сильно, сильно печалит то, что в учреждении, где я работаю уже двадцать лет, среди коллег так мало этого могущественного и возвышающего человеческого чувства. И потому на ёлку в Государственной библиотеке, 18 декабря, я сочинил песню про Весть Любви. Опасался – не покажется ли, что я морализирую? И потому я просто удивился, когда услышал отовсюду восторги и просьбы раздать копии стихотворения.

31 декабря

Лучом чудесной красоты оказался наш Рождественский вечер у ёлки. Такое светлое тепло лучилось в сердцах друзей, я ощущал великое душевное горение и единение. Я часто был растроган дружескими чувствами членов Общества ко мне. И для меня не существует ни одного члена Общества, который был бы мне несимпатичен; если иногда и ощущаю в ком-нибудь нечто подобное человеческим слабостям, то за всем этим чувствую биение горячего сердца. 24 декабря Якобсон открыл вечер музыкальным сочинением. Затем Драудзинь читала молитвы, Аринь – выдержки из Евангелия от Иоанна, Ведринская – из «Криптограмм Востока». Потом я читал свою «Весть Любви», несколько приспособив концовку к нашему вечеру. Сердце безмерно звучало. Макаров проникновенно читал стихи, посвящённые Владыке. Валковский говорил о значении Праздника Света, прочёл поздравления. Это был вечер сияющих сердец.

На второй день Праздника ко мне приехали друзья: Гаральд, Валковский и Драудзинь, пришлось обсуждать вести, которые нас очень встревожили. Секретарша отдела печати будто бы рассказывала, что там «говорилось», что дело нашего Общества будет решать Кабинет Министров, что здесь слишком важная проблема, что может быть и ревизия, вновь всплывает этот вечный вопрос – «откуда берут большие средства?» Мы совещались – что же нам делать? Не пришло ли время обратиться к самому Президенту – письменно или, быть может, он примет нас на аудиенции? А что, если он спросит об Учении, кто написал его и т. д.? Если поставит вопрос о «мессианстве» Рериха, о чём в отзыве говорил Друва? Оказывается, что наш переделанный устав отослали по второму разу для заключения Друве, и он опять дал отрицательный ответ. Валковский выразил мысль, что при разговоре с Президентом можно сказать о связи Учения с Братством и т. д. Но я знаю, что могут возникнуть недоразумения, и вспомнил весь наш предыдущий опыт и даже стиль писем Стуре, с которыми он обращался к Президенту, который Е.И. признала нетактичным, а именно, что он в письмах говорил о некоем Высшем Руководстве. Время ещё не пришло. У всех религий был свой эзотеризм и экзотеризм, и хотя ныне раскрывается больше, чем раньше, всё же и теперь следует говорить по уровню сознания. В противном случае «семена, брошенные на камни», могут принести бедствие. С таким тяжеловатым чувством на сердце я за Праздники написал в Индию. Но в четверг опять воспрянули наши сердца. Упомянутая секретарша эти сведения, видимо, слышала от руководителя отдела обществ Лепиня, который открыто настроен против нас. Может быть, это были всего лишь его субъективные мысли? Ибо Янсон меня и Гаральда в четверг опять принял вежливо и рассеял наши опасения. Он сказал, что, хотя и получил второй отзыв, отослал наше дело чиновнику для перерегистрации, и затем представит министру для резолюции. Я спросил, не могут ли возникнуть ещё какие-то осложнения у министра? «Будьте спокойны, никаких осложнений не будет». Я поинтересовался, не полагалось ли бы нам самим обратиться к министру? – «Нет». Под конец, когда мы уходили, я ещё раз спросил: «Значит, мы можем войти в наступающий год со спокойным сердцем о нашем Обществе?» – «Да, можете войти со спокойным сердцем», – и Янсон улыбнулся. Я верю в его честность. Возможно, что эти мелкие чиновники ещё пытаются тянуть. Перед Праздником Буцен второй раз был у канцлера Рудзитиса, и тот вновь обещал поговорить с министром Берзинем. И редактор газеты «Валдибас Вестнесис» опять говорил с Янсоном. Мы сделали всё, что могли. Решили пока к Президенту не обращаться.

Верю, чувствую и знаю, что будущий год будет важным, чрезвычайным. Будет невиданное, ещё не испытанное напряжение. Но я желаю направить всё своё сознание на творчество и созидание. Как много невыполненного! Сердце так болит, когда обо всём этом подумаю. В последние дни я опять вернулся к бухгалтерии, которую ещё не довёл до конца. Здесь помощника нет. Но на следующей неделе всё же завершу и передам кому-нибудь из членов Общества. Кроме того, я несколько дней писал письма. Много было неотвеченных. Надеюсь, что с долгами старого года я более-менее управился. Как хочу, чтобы новые силы и ясность сознания сопутствовали мне в Новом году! Пусть и у моего друга всегда будет много силы, и пусть мои сотрудники станут вдвое бодрее и деятельнее! Верю.

1939

6 января

Вчера в Обществе я прочёл свой поэтический труд об «Огненных крыльях». Затем читались письма Е.И. В последнее время мы решили каждое воскресенье с одиннадцати до часу проводить детские утренники, будут наши малыши иметь большую радость. Будет нечто похожее на воскресный детский сад. Об этой проблеме мы много думали. Это будет в известной степени группой Учения для маленьких детей. Был бы у них всё больший, растущий успех!

12 января. Четверг

Мой друг всё же написала письмо в Индию. Понимаю, что она желала мне только хорошего, знаю, что её очень беспокоит приостановка развития моего писательского таланта, что у меня нет времени даже прочесть книги о новых проблемах культуры. И всё же сердце ноет. Как-то она мне прочла черновик. Там местами ещё не хватало психологического обоснования. Может быть, теперь изложила с иным подходом? Я будто бы всё время отдаю Обществу, и его не остаётся для творческого труда. У меня будто бы нет помощников, особенно много времени пожирают мелкие дела. Но какой же толк говорить <об этом>, надо найти какое-то реальное решение. Дело с издательским фондом мне опять пришлось приостановить, частично своей медлительностью тормозит и Валковский. Знаю, что у него в последнее время какая-то психологическая тяжесть. Надеюсь всё это бухгалтерское дело в скором времени передать Макарову. Надеюсь найти среди молодых и других помощников. Лично меня скорее огорчает то, что я слишком мало делаю на благо Общества. Раньше массу времени забирало издание книг. Теперь у меня уже есть несколько опытных помощников. В последние месяцы творческой работе нередко мешают и психические давления. В некоторые дни бывает лучше, потом опять сижу часами с пером в руке, но в голове такая тяжесть, нет творческой прояснённости. Иногда с трудом просыпаюсь утром, иногда – усталость по вечерам. Но знаю, что во время Армагеддона иначе и быть не может, поэтому борюсь и храню бодрость. Знаю, что и моему другу очень трудно. Постоянная забота о детях, притом в теперешнем положении, сильно утомляет. Жертва женщины неизмерима. Тороплюсь всегда с работы домой, хотел бы хоть на час-другой облегчить <ей работу>. Служанку мы решили искать на февраль, я давно хотел нанять прислугу, но мой друг сильно боится долгов, а с нынешней зарплатой содержать служанку и найти квартиру попросторнее почти невозможно. Но знаю и то, что служанка окажется для моего друга известной тяготой, ибо она к делу не подходит просто, обязательно возникнет какое-то напряжение. Никогда у меня не было спокойно на душе относительно дома; если бы нашёлся для Эллы хороший помощник, было бы и мне спокойнее, и имел бы больше времени. Притом мы живём в двух комнатах, между которыми стеклянные двери. Никогда не бывает уединения и тишины. И сон у нас всех чуткий. Как-то стыдно о себе рассказывать. С этим надо самим как-то справляться. Перед Праздниками вышла моя антология «Благословение Любви». Перевёл философские труды Тагора, надо было напечатать осенью, не знаю, почему Эгле поторопился со вторым изданием «Горы»[1], хотя знал, что мои материальные условия нелегки? И ведь все эти работы делались для того, чтобы покрыть расходы моей зарубежной поездки. Но чего же я достиг? Не желаю себе никаких послаблений, не хочу жаловаться, лишь бы моему другу не было трудно, и лишь бы я смог сознательно справиться со своими обязанностями. Лишь бы моё Общество могло процветать. И лишь бы я мог творчески свершать ту работу, в которой – моё счастье. У Эллы болит сердце, что в Обществе есть люди, восторгающиеся идеей, но мало помощников. Да, свою кассовую книгу я предлагал многим, но все как-то уклоняются. И с этой работой можно справиться только в случае глубокой заинтересованности и интеллигентности.

[1] Роман Р.Тагора.

Надеюсь, что после регистрации поле нашей деятельности расширится и все смогут найти занятие согласно своим лучшим способностям. Надо бы больше углубиться в личные особенности и интересы каждого члена Общества, и так обрести полезных сотрудников. Немало и таких членов, которые ищут себе работу, но им трудно предложить нечто подходящее. Радуют те, у кого есть инициатива: один составляет индекс, другой размножает литографическим способом наши переводы, пишет доклады. Хотелось бы со всеми делиться.

Я благодарю за всю радость, я благодарю за всю боль. Но поверх всего нужно хранить твёрдость духа.

29 января. Воскресенье

15 января начались наши детские утренники, сегодня – уже третье воскресенье. Ведут их Грузинь и Якобсон. Грузинь преподаёт в рижском детском садике, у неё большой опыт. В детских глазах сверкает радость, радостно и нам. Ныне приходят 8-12 детей, у двоих родители не состоят в Обществе. Сегодня дети уже расселись за специально изготовленными столиками. Занимаются, как в детском саду. Хочу выпросить разрешение, тогда могло бы приходить и больше детей, чьи родители – не члены Общества. Моя Гунта часто мечтает о «поездке в Ригу». Приходят и дети Гаральда.

20 января министр Берзинь наконец поставил резолюцию о перерегистрации нашего Общества. Великолепно! И как же весь год мы заботились и боролись! Устав положено было получить уже в среду, но задержались, ибо Валковский предложил изменение, а именно – дополнить один пункт: «председателя и правление следует избирать на один год, то есть до следующего общего собрания членов». О необходимости этого дополнения в министерстве ни у кого не было ясности, потому они обратились к юрисконсульту. Если завтра не будет ответа юрисконсульта, то примут устав в неизменённом виде.

12 февраля Е.И. празднует свой шестидесятилетний юбилей. Потому мы уже в ноябре решили доставить ей приятную неожиданность: спешно напечатать первый том её писем и послать к юбилею. Набрать и отпечатать 32 печатных листа за полтора месяца было непросто, потому в печатне работали и в ночную смену. Наконец, 21 января вечером книга по почте отправилась в Индию, притом в чудном красном переплёте. Гаральд добыл очень красивую дорогую ткань пурпурного цвета, один экземпляр книги он подарил и мне. Огромное спасибо надо сказать и Мисинь, и чете Блюменталь, которые до поздней ночи читали корректуры. Первый и три последних листа оттиснули пока только вручную. Окончательно всю книгу приготовят для цензуры только после того, как придёт отзыв Е.И. Нечего и спешить, ибо разрешение распространять книгу дано только со следующего года, и Е.И. желает также, чтобы на титульном листе стоял 1940 год. Последнее всё же выполнить будет трудно, теперь на временном листе мы этот год поставили. Обо всём этом я ещё буду с Е.И. переписываться. Сегодня после долгого времени я написал длинное письмо, но о «Письмах» ещё не упоминал, может быть, они их ещё не получили. Кроме того, мы послали поздравительный адрес, на одном листе подписались друзья из Таллина и из Каунаса. Странно, что по дороге в Каунас письмо где-то «задержалось» на целую неделю (!) и каунасцы не успели переслать его Серафинене. Как же цвести и активно действовать культуре, когда всюду недоверчиво следят «цензоры»? Неспроста Н.К. в нескольких последних своих письмах повторяет и подчёркивает слова президента Латвии: «Латвия страна справедливости, и потому в ней не может быть притеснений». В этом повторении Н.К. – желание, чтобы это так в *действительности* и было! Поздравление подписали и члены Общества из Даугавпилса и Тукумса. Гаральд горячо заботился о репродукциях, поместил и две, что прислали из Праги для корректуры: «Преподобного Сергия» и «Ашрам». Кроме того, поместили и «Матерь Агни-Йоги», и «Матерь Мира». Наконец, мы отослали ещё один подарок – чудную расписанную вазу, которую изготовила наша Галичка, юная девушка, посещающая частную художественную студию.

С Новым годом Общество поздравил и посол в Вашингтоне А.Бильманис, под подписью добавил: «Тоже поклонник Рериха». Нам было радостно, ибо Бильманис из правительственных кругов. Где только не обнаруживаются доброжелатели!

В Шанхае образовался Комитет Пакта Рериха, руководят им Данилевский, Бонч-Томашевский и Зенкевич.

Такое общество необходимо в качестве противовеса тёмному центру Батурина, который ныне нападает не только на Рериха, но и на Учение. Но насколько сам Томашевский наделён чувствознанием и тактом? Неудачной оказалась его книга на английском языке, где он затрагивает Братство и где поместил некий «Планетарный ультиматум». А теперь мы получили из Шанхая какое-то воззвание о распространении Учения и единении, которое подписали «Вестники Гауризанкара», с той же эмблемой («человеческими руками и ногами»), которую мне прислал Томашевский. Кто им дал право называться вестниками Высочайшего, ибо гора Гауризанкара в известной мере символизирует и Братство? В этом есть нечто ребяческое, но ведь работникам Культуры надо быть начеку относительно каждого своего шага.

Бедному Вайчулёнису опять придётся идти на операцию, на этот раз – весьма серьёзную. Он находится в Первой городской больнице, его будет лечить лучший хирург. Жаль, что первые операции оказались неудачными. Чего только бедному человеку не приходится вытерпеть! Вайчулёнис всё же держится мужественно.

У Блюменталя всё-таки воспаление солнечного сплетения, рентгеновские лучи вчера констатировали, что язвы желудка нет, – значит, есть то, что предвидели в Индии. Его дочка едва не умерла от аппендицита. У всех теперь испытания.

А что же приходится переживать Е.И., которая несёт ношу всего мира?! Она уже второй месяц болеет. Сердце работает слабо. Н.К. в каждом письме горюет о её состоянии. К Новому году она поправилась, написала письма мне и друзьям. Жертва сердца, не имеющая границ.

4 февраля. Суббота

Только что мы получили устав Общества. Длительная борьба, наконец, завершилась. Мы стали полноправными членами культуры Латвии. Сколько оскорблений и даже унижений нам пришлось пережить! Хотя Общество и перерегистрировано, но подозрения вокруг нас мы ещё не рассеяли. Когда-то мы немало мудрили и гадали, отчего же Политуправление считает нас «политически неблагонадёжными»? Оттого ли, что мы посылали книги Н.К. в Россию, но большинство из них вернулось? Или потому, что Дзелзитис является членом социал-демократической <партии>? В своё время он пытался нам доказать свой душевный перелом, читал книги Учения... Когда-то мы на правлении обсуждали и его адвокатские дела. Но таковы уж многие адвокаты, которые берут большие «комиссионные деньги». И ведь надо верить желанию человека исправиться. А недавно нам рассказали, что распространённые о нас подозрения, вероятно, всё же из-за симпатий некоторых членов к коммунизму. Если кто-то из членов, притом молодых, симпатизирует, мы ведь не можем этого запретить, тем более потому, что никто из членов Общества политической деятельностью не занимается. К тому же Учение раньше или позже симпатии всех установит в объективном свете.

Валковский на вчерашний день договорился с юрисконсультом Министерства общественных дел о встрече, и наконец убедил его в необходимости ранее упомянутого дополнения. Он позвонил Лепиню, руководителю отдела обществ, и тот дал разрешение на изменение устава. Но вчера, к сожалению, сам Лепинь был в отъезде, так что подписал устав только сегодня. Я, в свою очередь, вчера расписался в министерстве о получении устава, и сегодня мне принесли его в Государственную библиотеку. Такой была эта тяжкая, тяжкая история перерегистрации.

Теперь должен начаться новый этап деятельности нашего Общества. Во-первых, надо образовать новые группы Учения, и надо приглашать в гости общественных деятелей, которые изъявили желание стать членами Общества, и других. Работы будет полно, и жаль, что у многих друзей так мало способностей к общественной деятельности.

14 февраля. Вторник

В тот же самый день, когда я получил устав Общества, Гаральд удивительным образом получил разрешение на издательство «Агни-Йога» для Общества.

Мы хотя и подали прошение о возобновлении издательства, но, не желая напоминаниями ещё больше усложнить атмосферу, которая создалась вокруг Общества, не интересовались относительно разрешения на издательство. Притом издательство надо было перерегистрировать до конца ноября, когда о судьбе Общества ещё совершенно ничего не было известно. Разумеется, на отдельные издания книг Учения мы ещё так или иначе получили бы разрешение с названием «Агни-Йога». Но оказалось, что Судьба сама позаботилась о нас и разрешение на издательство лежало в министерстве уже с июня месяца.

В четверг состоялся наш званый вечер: учительница Данце читала о великом духовном воителе Индии Вивекананде, затем, в музыкальной части, выступили Рейзнец, Петерсон и Эмилия Виестур. Помещение было переполнено, потому нам надо позаботиться о приобретении новых кресел для Общества, которые разместим в комнате возле зала; комнату правления перенесём в дальнее помещение, где ныне живёт Стрекалова, она же перейдёт в маленькую комнату напротив, где жили Стуре и Залькалн. Помещение правления устроим по-особенному, с Портретами Учителей и т.д. Теперешнюю комнату правления отведём под музыкальную студию, туда перенесём рояль. Лишь бы только оба члена Общества, живущие в нашем святилище, Абрамович и Стрекалова, ладили между собой! Но как трудно людям полностью освободиться от самости. Что толку от чтения Учения, если нет смирения и благородства сердца?! Отношения между ними всё же чуть-чуть улучшились.

В воскресенье, 12 февраля, был день нашей милой Матери. Поэтому – и наш день Света. В десять часов утра мы собрались все в помещении Общества, и наши сердца воссияли радостью и почитанием. В мгновение молчания мы посылали мысли любви и благодарности Той, которая всю себя приносит в жертву ради нас, ради человечества и ради блага мироздания. Она – наша любимейшая Мать, наша духовная Мать на путях земных, наша Руководительница, Ведущая к белоснежным горным Вершинам. Как много радости она дала и даёт нам. Наша боль – и её боль, наш праздник – и её праздничный день. Сколько страданий ей приходится теперь переносить, сколько огорчений, нападок и даже предательств, несправедливостей! Если бы человечество хоть на мгновение осознало, кем для него является Матерь Агни-Йоги! Поймут это только будущие поколения. Придёт всё же время, когда передовую культуру духа насытит Учение Майтрейи, как теперешнюю культуру – отблеск Учения Христа. Так во всех храмах истинной науки будет и имя Белой Тары! Тогда и Рерих обретёт царственное место в сознании культурного человечества. Но верю, что уже теперь, весьма скоро, умножится число последователей этих величественных Воителей Духа. Вижу Николая Рериха возвышающимся на своём почётном месте, на посту Хранителя и Водителя мировой культуры. И в шествии Учения Света будут участвовать несчётные множества...

Открывая воскресное празднество, я прочёл несколько параграфов из Учения о Матери Агни-Йоги. После Блюменталь прочёл <очерки> Н.К. «Великий Облик» и «Лада», § 21 из «Надземного» и два письма Е.И. Затем пламенно говорили Буцен и Клизовский, А.Вирк читала своё посвящение, Валковский – какое-то давнее сочинение Гребенщикова об Н.К. и, наконец, Ведринская – два стихотворения Н.К. Праздничные выступления посмотрели и наши малыши, которые пришли вместе с родителями на «детский утренник».

И вчера был опять великий, динамичный день. В библиотеке я получил письмо Е.И. от 4 февраля. Она сильно озабочена тем, что я слишком загружен канцелярской работой Общества, что у меня не остаётся времени для творческой работы. Она предлагает создать комитет, который бы осуществлял всё делопроизводство. В конце она пишет, что надо хранить «Надземное» только в одних моих руках. Об этом получено Указание. Таким образом, наконец пришёл ответ на письмо Эллы, хотя её имя не упоминалось. Писала что-то и Драудзинь. Мне было грустно при мысли, что всё это, видимо, доставило излишние волнения Е.И. – все эти заботы об Обществе. Я ведь с величайшей радостью редактирую все книги Общества, и в радость также мне любой труд для Общества. И в последнее время у меня вовсе не было большой нагрузки. Я благодарен Элле за её сердечную заботу и беспокойство обо мне. Я ведь знаю, что её сердце давно, давно болит о том, что в последние годы я почти ничего не пишу, что я мало читаю новейшую литературу и оттого не обогащаю свой стиль, и не общаюсь с писателями. Но относительно дел в Обществе я с ней не могу согласиться, что именно труд на его благо препятствует мне в творческой работе.

Есть и другие факторы. В конце концов, вина только на мне, мне самому надо решить все проблемы. Но ведь я же не мог запретить ей писать, тем более что и Е.И. призывала её писать. Единственное, что грузом лежало на моём сердце, – это бухгалтерия Литературного фонда, все таблицы и т.д. Валковский сам завёл всю эту сложную систему, у меня вначале было намного проще; а кончилось тем, что у меня не оказалось помощника. Но и это дело скоро будет завершено. Я ещё не получил некоторых сведений от самого Валковского. Сколько приходилось тратить сил только на напоминания и приглашения. Постепенно <вся нагрузка> распределится. Теперь уже есть магазин. Аринь, Грундулис и Блюменталь ведают книжными проблемами. И Гаральд наловчился в издательском деле. Задумываемся о бюро труда. В конце этой недели соберётся заседание правления. И главное – я теперь ведь *пишу,* с середины января почти ежедневно. Заканчиваю главу о Братстве Грааля в научном аспекте. Хотя и медленно, но всё же что-то я свершил.

Потому и тяжко было моему сердцу от переживаний этого дня. Вернувшись домой, я узнал от Эллы, что она получила от Е.И. длинное письмо – ответ на сетования её души. Как всегда, Е.И. пишет с большим духовным прозрением и пониманием. Пишет, что труд на благо Общества не является менее важным, чем литературное творчество. Элла думает, что она местами неясно выразилась, потому Е.И. не всё поняла так, как она думала. В связи с этим она пишет ещё небольшое письмецо-ответ, которое приложит к моему. Я написал письмо подлиннее, в котором выразил чувства и мысли своего сердца. Элла во многом права. Мне пристало бы больше сходиться с литературными кругами. Теперь, когда Общество книг издаёт меньше, остаётся больше времени для творческой работы. Был бы в Обществе ещё хоть один культурно-общественный работник, который взял бы на себя сугубо общественную функцию Общества. Но даже общественно наиболее активные, такие как Гаральд и Блюменталь, ещё далеко отстают от уровня задач этой роли, ибо здесь надо уметь говорить, и надо следить за всеми культурными событиями. Из Индии неоднократно указывалось о создании при Обществе группы деятелей культуры, но когда же это будет?

23 февраля. Четверг

Вчера был великий, долгожданный день – день Святого Грааля в нашем Обществе. На званом вечере О. Аринь прочла мой доклад «Братство Грааля в научном освещении». Она читала очень отчётливо, просто, с горением сердца. Доклад оказался очень длинным, так что его завершение перенесли на следующий понедельник. И так она читала полтора часа. Кроме того, была музыка. Вечер открыла Валлия Рейзнец исполнением фрагмента из «Парсифаля», и завершила «Лоэнгрином». Знаю, что доклад во многих сердцах пробудил сокровенные струны. Мы пригласили и некоторых моих знакомых профессоров, но они не пришли. Всё же пришёл Янсон, директор департамента, которому мы должны быть благодарны за защиту Общества и за его спасение. Здесь он ясно увидел, сколь абсурдными были слухи, ибо что же общего у возвышенного настроя Грааля с придуманными Политическим управлением сплетнями? Были и А.Кенинь, Я. Карклинь, проф. Зиле и другие, зал был полон новых, просветлённых лиц. Было очень радостно, что из далёкой Палсмане явился священник Бирзулис. Давно я хотел с ним познакомиться. Ибо он – человек, которому милы вершины Гималаев, – этим всё сказано. Он поведал, что верховное управление священников смотрит на него косо из-за его идей, но уважает за его жизнь. Он владеет методом диагностики по глазам, и потому я очень желал, чтобы Гаральд с ним познакомился. Давно я уже побуждал Гаральда съездить к нему. Теперь связи становятся теснее.

Сознаю, какую великую ответственность я беру на себя этим докладом. Ибо впервые в Европе широко разглашается о Братстве. Но Е.И. поддержала меня, и главное – Учитель дал согласие. Но ещё более возвышенными, священными звуками будет наполнена вторая часть доклада. Конечно, когда книга в рукописи будет готова, переведу на русский язык и отошлю на Отзыв. Но как много, очень много ещё мне надо трудиться, ибо это должно быть величественным Строением, в основе которого все элементы Культуры Будущего.

15 марта. Среда

Мне кажется, что именно 27 февраля (когда читалась завершающая часть) в нашем Обществе был исторический день. День, когда на публичном вечере прозвучало наиболее священное имя Братства. Чувствовал большую ответственность и понимал, что на вечере могли быть и просто любопытствующие, поэтому в приводимых в докладе цитатах чаще всего вместо слова «Шамбала» я дал слово «Братство». Когда труд выйдет в развёрнутой книге, в системе, тогда будет иной подход. Пошире я давал цитаты из сочинений Н.К., затем – из Рамаяны и Махабхараты, из «Криптограмм Востока» и других <источников>. В самом конце, когда упоминал мотивы, по которым Братство скрывает своё местонахождение, я сказал, что первой, кому было разрешено возвестить о существовании Братства, была Блаватская, которая и дала часть Учения Братства. То Учение продолжает Учение Живой Этики. Присутствовало более ста пятидесяти посетителей, и знаю, что на эти откровения во многих отозвались священнейшие струны сердца. У всех был настрой истинного праздника.

Восьмого марта наконец вышла в свет Монография[1]. Какие только препятствия не приходилось преодолевать! Истинно – история мученичества книги. Когда в январе всё было готово, заметили, что чёрточки, по которым в книгу вклеиваются репродукции, местами превышают формат последних. Опять – неслыханная небрежность типографии! Теперь чёрточки выцарапывают – колоссальный труд, и потому книгу будем получать из печати небольшими партиями, периодически. Нас это очень огорчило. Так много забот вложено в Монографию! Не знаем, как Гаральд управится с оплатой? Общая сумма – 36.000 латов, оплачена только небольшая часть, у Гаральда всё ещё огромные налоги. Мисинь обещал 20.000, но теперь – не может. Всё это – суммы колоссальные, простому смертному кажутся даже утопическими. Гаральд уже столько раз был предупреждён, риск – дело хорошее, но мне кажется, этот риск идёт во вред и его врачебному делу. Врачу ведь надо полностью исключить из своего сознания мысли о деньгах, даже если гонорары идут на пользу общего блага; но Гаральд, напротив, живёт в непрестанной озабоченности. Начинают печатать и английскую Монографию, но здесь платить придётся только за печать, ибо репродукции и бумага уже есть. В «Сегодня» уже появился обширный отзыв, на латышскую прессу надеяться нечего. Гаральд рекламу распространил широко, но откликов пока немного.

Мы узнали, что картина, преподнесённая в дар Президенту страны, висит в его кабинете. Конечно, она будет вдохновлять его на возвышенные труды и мысли.

В четверг, 9 марта, состоялось общее собрание членов Общества. Заново избрали то же «старое» правление. Присоединилась ещё Драудзинь, ибо согласно новому уставу число членов правления увеличилось на одного человека.

Ядро правления провело два закрытых совещания. Ключ от комнаты Учителя мы у Абрамовича забрали, и теперь один ключ будет у меня, другой – у Мисинь, которая будет заботиться о порядке и чистоте в ней. Г-жа Абрамович, которая не привержена Учению, в последнее время вела себя слишком резко со Стрекаловой, притом мы узнали, что Абрамович позволил ей убирать не только зал, но и комнату Учителя! Совсем невообразимое положение! Вообще, мы хотим весной предложить семье Абрамович покинуть помещение Общества, ибо истинную ответственность за Общество способен почувствовать человек, преданный Учению. Много мы обсуждали, кого избрать в активные члены, но в конце концов избрали только Дравниека. В четверг раздали членам Общества анкеты, которые необходимы, чтобы установить план работы и побудить членов к более широкому сотрудничеству.

Вайчулёнису плохо. Новая операция, кажется, мало помогла, ибо боли не затихают. Эта непрекращающаяся боль сделала слабым даже человека такой воли и терпения, каким был Вайчулёнис. Анализы свидетельствуют о признаках рака. И его жена умерла от рака. Е.И. пишет, что главное – поднять и усилить его психическую энергию. Шлём ему светлые мысли.

За последние дни было у меня немало переживаний по поводу дела Маркова.

---

[1] Рерих / Статьи Всев. Н.Иванова и Э.Голлербаха. Художественная редакция: А. М. Прандэ. – Riga: Izdevis Rericha Muzejs, 1939.

Мне нравилась в нём преданность Учению: он составляет «симфонию» Учения, этой работе посвящает всё время. Также приятной была его сердечность, хотя, как я чувствовал, он ещё во власти стихий. У него добрая молодая жена, чистая душой, двое малых детей. А теперь я получил от Е.И. письмо, что Барун, отец супруги Маркова, пишет ей, что Марков флиртует с Либерт, молодым членом нашего Общества, тоже замужней. Последняя даже написала Маркову длинное любовное письмо, которое, по существу, иначе не назвать, как посланием страсти и кощунства. И как это всё уживается под крылом Учения?! Марков навестил Либерт, которая перепечатывала ему на машинке выписки из Учения. Таким образом пробудились их взаимные чувства. Мы договорились встретиться с Марковым, и позавчера он явился ко мне домой. Между ними будто бы нет флирта, но – чистая любовь; он признался мне в том, чего не сказал и жене: что это – первая любовь в его жизни. Ибо женился только по симпатии. У него в кармане была страничка из дневника Либерт, написанная в форме письма. Это обнаружила жена и учинила скандал. Начались объяснения. Он всё же солгал ей, что любит только её, ибо боялся, что она тут же оставит его и детей. Жена предъявила ему ультиматум – до Пасхи сообщить: любит он её или нет. Марков много рассказывал, временами даже плакал, обо всём очень переживал. Я указал, что надо быть правдивым, напомнил о великой ответственности, которую берёт на себя последователь Учения, и предложил немедля прекратить все отношения с Либерт. Он ответил, что уже давно решил исполнять свой долг по отношению к семье, и обещал отказаться от Либерт, но от чувств своего сердца он отказаться не способен и не может их подавить. Я ещё ему сказал, что это чувство следовало погасить с самого начала, что я на его месте переживал бы адские муки; он же, однако, не испытывает особых угрызений совести. Главное, он обещал стараться восстановить гармонию в своей семье и не встречаться с Либерт.

Вчера я получил письмо от жены Маркова. Нежная, чуткая душа. Оказывается, Марков кое-что от меня утаил или осветил ложно. Их отношения вовсе не были платоническими, он даже жене сознался в своих «поцелуях». Мне очень не понравилось, что свою жену он, быть может не совсем сознательно, старался представить в уничижительном свете. Он более всего опасался, как бы жена не оставила его и детей, узнав о подлинных его чувствах. Но всё именно наоборот: жена пишет, что из-за детей не хочет бросать семью, что она готова уйти от Маркова вместе с детьми, если такой поворот дела принесёт ему счастье. Она охарактеризовала и будто бы нетактичное поведение Либерт. Однако просила ни её мужа, ни Либерт не судить: Либерт и так немало страдает. Страдает будто бы и её муж, притом он сильно предан Учению. Пишет она мне без ведома мужа, зная, о каком деле я с Марковым буду говорить.

И сегодня – третье действие этой драмы. Я хотел ехать к Либерт, но ждал от Баруна копию её письма, о котором Е.И. столь уничтожающе выразилась. Как раз сегодня ко мне в библиотеку явилась барышня и принесла письмо Либерт. Принесла именно в тот момент, когда я думал о деле Маркова. Первое, что я подметил, раскрывая письмо, – что оно пропитано табачным дымом. Она, правда, говорит, что не курит, но может быть – подруги? И затем – всё, всё одни ужасы! Это письмо следует сохранить как свидетельство полного непонимания Учения. Сердце сжимается – как же так навыворот можно понимать все законы морали. Марков пересказал ей всю нашу беседу. В чём же может быть ещё большее святотатство, как в этих строках: «Наша любовь, наши отношения были ближе, чем Вы все думаете. Мы мечтали не только любить друг друга, но всеми мерами и силами души жить вдвоём для проведения в действительную жизнь прекрасных идей Учения Живой Этики». Последователей Учения, которые их не понимают, она называет узкими и эгоистами. Она мечтает вместе с Марковым о совместном применении в жизни Учения, но как это возможно, переступая через страдания других людей, переступая через узы брака, через муки и слёзы? «Больно безмерно, печально, очень печально, что и Вы, дорогой Рихард Яковлевич, поощряете свирепствование и торжество узкой самости, предложив нам не встречаться, принести чувство в жертву ей!» и т. д. Моему сердцу так больно. Больно и за нашу опрометчивость, что на прошлое Рождество мы решили дать Маркову и Либерт Портрет Учителя, последней – по предложению Валковского. Обычно мы бываем осторожны, даём только проверенным. Но нам что-то нравилось в её преданности, также и в готовности помочь Обществу.

Всё же я чувствовал некоторую неуравновешенность, не знаю, почему на сей раз это <предчувствие> не дошло до сознания.

Сегодня один из самых печальных дней в истории Европы. Перестала существовать Чехословакия. Немецкие войска вошли в Прагу, нет больше Чехии. То, что затем образуется, будет всего лишь вассальным государством Германии, возможно, даже провинцией. Каждому культурному сознанию невыразимо больно и тревожно: как же такое может случиться в двадцатом веке! Так постепенно немецкая экспансия приближается к России. И другим государствам, поменьше, Германия ныне диктует свою волю. Сколько так будет?! Должен же быть предел. Наступит когда-то реакция или даже взрыв.

27 февраля правительства Англии и Франции признали режим Франко. Японцы безжалостно истребляют китайцев. Но можно ли вытравить сознание, которое вспыхивает, как пламя?

17 марта

Вчера я получил письмо от Баруна (из Даугавпилса) вместе с копиями писем г-жи Марковой и Либерт. Можно ощутить, что семейная жизнь самой Либерт – трагична. Незабываемое впечатление оставляет длинное и овеянное сердечным чувством письмо Марковой. Чего только не переживает женщина, чувствующая, что священные узы семьи рушатся?!

Вчера я посетил и саму Либерт. Знаю, что в последние дни ей пришлось много страдать. И вчера ей было очень тяжко. Но, хотя мы и долго говорили, я не смог вполне понять её душу. Если бы она и Марков были двадцатилетними и холостыми, тогда бы я понял и, быть может, даже благословил. Но она постоянно подчёркивает свои чувства и мечты, и то, что другие их не понимают и забрасывают грязью. «Я не считаю наши чувства преступлением, ибо они чисты; разве любовь есть преступление?» – спросила она. «Не любовь, но пренебрежение другим <человеком>, забвение своего долга», – ответил я. Она отвечает, что сознание долга по отношению к семье мучило их всё время и не давало покоя, они немало анализировали свои чувства и своё положение. Но было бы проще эти «муки» прекратить и не встречаться. Ведь так надо было поступить с самого начала. Ибо ныне Либерт вопрошает: «А чего же мы достигнем, если расстанемся, ведь в его семье нет гармонии, жена в отношениях с ним груба и мелочна?» Мы много говорили о жертве и отречении. «Если вы прикажете, то я выполню и не буду встречаться», – ответила она. Но разве я должен нечто говорить и приказывать? Ей самой полагается осознать и решить. Ведь это её воля и её карма. Трудно было найти общий язык. Я спросил, чувствует ли она себя достойной иметь Портрет? Ответила, что совесть её была чиста, она только мучилась отношениями в семье.

Сегодня я как-то лучше её понимаю и опасаюсь, не был ли я вчера излишне строг. Однако ведь ужасно, что можно так изуродовать смысл Учения! Всё же думаю, что вчера я дал хороший импульс для мысли, придёт и осознание верного выхода.

25 марта

Вчера в нашем Обществе был Великий День, день Праздника. Пришли даже те члены Общества, которые бывают редко. Начали мы с созвучий «Лоэнгрина» (с пластинки). Выступало человек десять. Я прочёл поздравления наших Руководителей и своё стихотворение о левитации. Был такой внутренний накал, что еле мог выдержать. В конце мы раздали девяти членам из младших групп Портреты, большинство – из группы Драудзинь. Затем мы с Валковским и Драудзинь обсудили положение в Обществе. Недавно больно было слышать, что у некоторых членов есть политические тенденции, этим они вредят и Обществу. Особенно теперь, когда напряжение в мире столь колоссально. Что делать? Выгонять, предупреждать? Далее, только что Гаральд поссорился с г-жой Аншевиц, на имя последней записан наш магазин. Именно Гаральду, как старшему, следовало подходить деликатнее. Состояние Вайчулёниса тяжёлое. Также надлежало бы устранить ещё другие мелкие несогласия. Когда же люди начнут жить по Учению?!

21 марта на званом вечере Я. Карклинь читал об Атлантиде.

1 апреля. Суббота. Утро

Сегодня опять явилась на свет великая Красота и великое Чудо. Ночью, в половине первого, родилась у моей жены девочка. Молю, чтобы Учитель дал ей великую силу духа, выдержку и радость сердца во всём, ибо жертва материнская невыразима и велика.

12 апреля. Среда

Праздничные дни прошли в заботах и тревогах. Мало что сумел сделать из своих дел. Моя Пасха пришла позавчера, на второй день Праздника, когда Элла приехала с малышкой из больницы. Маленькая Мария внесёт новую тональность в нашу жизнь. Мой друг ещё утомлена, пройдёт время, пока войдёт в новый ритм. И для меня это – новое напряжение. Нам обещали на днях хорошую служанку, но бог весть, когда придёт, ибо заболела. Пока помогает мать Эллы, но у неё ведь другая семья. Мы ютимся в двух узких комнатах, но будет лучше, когда переедем в Юрмалу. Было бы только лучше моему другу!

Вчера вечером, на третий день Праздника, я пригласил старшую группу на совещание в квартиру Драудзинь. Пришли все друзья. Давно я хотел провести задушевную встречу, чтобы обговорить вопросы духовной дисциплины в Обществе. Этот вечер развернулся для нас в давно не бывалое событие духовной эволюции нашего Общества. Во-первых, я сделал обзор сорока анкет, которые получил от членов Общества. Между прочим, в них были высказаны и некоторые ценные указания и пожелания, относительно которых возникли оживлённые, конкретные, практические обсуждения. Макаров обещает организовать отдел туризма и пригласить туда молодёжь. Мы давно уже имеем Указ Учителя привлечь молодёжь. Может быть, Макаров создаст кружок, наподобие кружка учащейся молодёжи, который он ведёт в Обществе борьбы с алкоголизмом. Также мы обсуждали деятельность некоторых секций и организацию курсов латышского и русского языков, пропаганду работы Музея и т. д. Я предложил разослать во все рижские школы сообщения о Музее вместе с каталогами.

Затем началась вторая часть. Я кратко доложил о положении с духовной дисциплиной в старшей группе и в Обществе. Наша жизнь отчасти погрузилась в рутину, в ежедневных делах мы зачастую не ощущаем, что уже нет истинной духовной дисциплины и торжественности. Именно старшие члены должны взять на себя ответственность за Общество. Им во всём полагается подавать светлый пример младшим членам. Каждый недостаток и ошибка старшего члена бросает тень на Общество. Ибо младшие судят об Обществе именно по старшим. У старших нет достаточного контакта с младшими. Старшие мало знают многих младших. Последние нередко чувствуют себя одиноко. Но как раз старшие должны открыть им своё сердце. Ибо младшие жаждут любви. Если у кого нет истинной любви, то нет и понимания Учения. Нужно воспитывать своё сердце. Растить в нём симпатию и тепло к другому члену Общества. В нас слишком мало терпимости к тому, у кого какие-то недостатки. Но Христос любил как раз тех, кто отвержен, одинок. Я упомянул некоторых членов, к которым относятся слишком небрежно. Также совершенно недопустимыми являются среди старших членов осуждение, недовольство, обиды. Конечно, многим кажется, что таких свойств в них вообще нет. Но следует проверить каждый свой мельчайший импульс, не осталось ли там тени самости или привычки замечать больше ошибки других, чем свои собственные. Но должно быть именно наоборот. Как раз к себе надо быть ригористически суровым. Судить нам нужно неизменно самих себя. Также торжественности в последнее время у нас слишком мало – торжественности, которая является нашим единственным спасением.

Говоря, я был глубоко растроган, приподнят. Наконец, я увидел, что все присутствующие глубоко переживают сказанное, у многих были даже слёзы на глазах, так пришло давно не испытываемое. Затем я просил членов Общества высказаться откровенно, открыто, ибо это был наш вечер взаимных признаний. И тогда все стали говорить взахлёб и всё же – по делу. Ещё никогда между нами не раскрывались такие глубины взаимоотношений. Во-первых, решили, что впредь каждый выступающий заранее будет заявлять председателю о своём желании выступить, никогда не будет прерывать другого, будет говорить кратко, конкретно, концентрированно. Также говорили об укреплении дисциплины общих собраний. Упоминали, как воспитывать друг друга.

Указывать другому на ошибки несоизмеримо, но всё же пусть каждый из членов изберёт себе ближайшего друга или кого-то духовно старшего, и попросит указывать на его ошибки. Тогда не будет обид. <Собрания> старшей группы мы оставили пока лишь по воскресеньям, будет читаться только Учение (ныне читается «Надземное»), деловые вопросы будет обсуждать правление, для решения нравственных вопросов временами будут созываться особые собрания. Все мы расстались в восторге от проведённого вечера. Этот вечер рассеял прохладу между членами старшей группы, намного углубил связи. В скором времени соберёмся опять, обсудим остальные анкеты и проанализируем внутренний устав.

Теперь началась наша «пятилетка» собирания картин. Художник Юпатов по заданию Гаральда был в Таллине, откуда привёз 7 картин – подарок Обществу. Художественной ценностью они обладают, единственно боюсь, не окажутся ли они слишком в «духе Юпатова», ибо в них всё же есть нечто угрюмое и тяжеловатое. Возникает вопрос: развивать ли и впредь наш Музей как особую коллекцию, или же он превратится в обычное собрание картин? Юпатов на этой неделе отправляется в Париж, где надеется собрать «урожай» покрупнее у русских художников. Таким образом, Юпатов дал нам новый импульс. Теперь хорошо то, что можем взамен картин дарить Монографию, не приходится принимать подарки с «пустыми руками». Только что в Риге мы добыли две картины Алексеева и одну – Кундзиня. Завтра и я хочу идти вместе с Гаральдом к Цирулису и к другим. Пранде нас когда-то напугал неотзывчивостью художников. Сам он получил большой гонорар за Монографию, вложил в неё много труда, но к жизни нашего Музея остался равнодушным. Именно он, с его связями, мог бы много сделать. Наш Музей, надеемся, сильно вырастет. Придётся расширять помещения, может быть, даже убрать в одной комнате стену. Перевесим картины. Возможно, что получим картины из Польши и Финляндии.

В Финляндии, в Хельсинки, у нас появился друг – художник и врач Тигерстедт. Н.К. с ним переписывается. Недавно его посетил член нашего Общества Гофмейстер, подружился, в беседах с ним провёл несколько дней, потом с восторгом рассказывал мне о нём. Тигерстедт – теософ, духовный, культурный и чуткий человек. Он глубоко уважает Н.К. и видит в нём мощную духовную силу. Самое интересное в нём то, что он читает «язык камней». Быть может, в изучении камней ему будет принадлежать та же роль, что Джагадису Боше в исследовании растений. Тигерстедт рассматривает камни с их духовной стороны, то есть – насколько они «говорят» нечто человеку, насколько они насыщены магнетической силой, которой в одном камне больше, а в другом меньше. Некоторые камни ему совершенно ничего не сообщают. Кроме того, в камнях он видит разные образы, знаки, письмена, которые расшифровывает по системе Арканов. Недавно в его руки попала «Каменная Библия», интересная, прямоугольная каменная плита с надписью «МЧ». Об этом камне некто Кнут Холм написал книгу в двух томах на шведском языке. Этот камень, как кажется, автор считает «священным чёрным камнем», о котором говорится в «Криптограммах Востока», у Оссендовского и других. Разумеется, у него не может быть ничего общего с этим Камнем, притом последний находится в Индии. Обо всём этом я написал в Индию. Гофмейстер хочет читать доклад в Обществе.

В страстной четверг г-жа Мисинь читала членам Общества о жизни Миларепы. Чрезвычайные испытания – путь каждого ученика. Здесь же мы увидели на примере, что значит находиться на краю пропасти, поэтому жизнь Миларепы нас всех сильно растрогала.

24 апреля. Понедельник

Пришёл ответ Н.К. относительно Тигерстедта: «Будьте очень осторожны <с Тигерстедтом>. Письма его производят ненормальное впечатление. Его «Каменная Библия», скорее всего, обычное фабричное изделие» и т. д. И я недавно получил от него достаточно странное письмо в ответ на книги, посланные ему. Хорошо, что Н.К. предупредил; всё это чтение знаков казалось странным, но располагало к нему то, что Тигерстедт высказывался, что он давно знаком с Н.К.; во-вторых, меня больше интересовало утверждение, что Тигерстедт способен чувствовать «психическую энергию», или радиоактивность, камней. Гофмейстер чувствует себя весьма несчастным; доклад, конечно же, упраздняется. В Гофмейстере импонирует его великая искренность и сердечная преданность, но наряду с этим в нём налицо большая наивность и несоизмеримость.

Первый опыт «собирания картин» ничего отрадного не принёс. С Гаральдом мы были у Хильды Вики; в конце концов не смогли выбрать ничего подходящего, что соответствовало бы нашему вкусу. Были мы и у П.Кундзиня с деликатной просьбой – заменить подаренную им (через Мисиня) картину на какую-нибудь иную, ибо эта слишком темна по тону и не вписывается должным образом в настрой нашего Музея. Но результатом было то, чего мы не ожидали: Кундзинь обиделся. От Цирулиса мы получили два чудных этюда. Его жена интересуется нашим Обществом и в восторге от картин Н.К., но сам Цирулис видит в них только «литературу». Немного неспокойно на сердце: как же повезёт Юпатову за границей? Эстонские картины мне лично кажутся неподходящими для нас. Когда он уезжал, я пожелал ему привезти картины, в которых была бы настоящая Радость. Только что он написал, что в Берлине достал две картины Горбатова.

Блюменталь и Гаральд нашли новый путь, как распространять Монографию. В Музей недавно приходил торгпред, и через его посредничество магазин ныне сможет обменивать Монографию на книги из России. Это будет великим событием, ибо Монографию ведь следует распространить главным образом на родине Н.К. Однако всё надо проводить очень тактично. Ибо мы уже знаем, какое подозрение бытует о нашем Обществе. Как бы это не подлило масла в огонь. Но ведь здесь идёт речь о сугубо культурном обмене книгами. В прошлом мы многократно пробовали посылать книги Н.К. учреждениям, но большинство возвращали назад. Послали мы и «Общину», но без адреса отправителя, так что обратно её не получили. Но теперь появляются иные, легальные пути. Ныне чувствую, что будет хорошо. Только что я получил и письмо Е.И., в котором она пишет о росте престижа России в международных отношениях, и, с другой стороны, о духовной эволюции в ней: начинают издавать философов-пантеистов.

Е.И. в своём письме отвечает на мои вопросы. Незабываемы строки о сотрудниках Блаватской и о понятии ученичества.

Действительно, велики испытания, которые выпадают на долю человека, желающего направиться по пути ученичества; если друзья Блаватской не смогли их выдержать, – значит, на самом деле весьма редки люди, которым под силу идти этим ответственнейшим путём. И всё же это несравненное ригористическое мерило жизни пусть будет нашим тайным устремлением, радостью и пламенем сердца.

12 мая. Пятница

Между великими державами нарастает напряжение. Любой день может принести нечто случайное и нежданное. Германия недавно заключила военный договор с Италией. Англия в страхе ищет спасения у России. Уважение к последней растёт. Теперь актуален вопрос Данцига[1]. Наибольшая опасность угрожает Польше. И на Балканах может подоспеть катастрофа. Наши маленькие Балтийские государства хотят остаться нейтральными, но ориентация их неясна. Недавно распространились слухи о конфликте между Ульманисом и Балодисом[2]. Первый хотел направиться в Давос и по дороге посетить главу Германии[3]. Разумеется, нашему государству в таком случае угрожали бы большие опасности, ибо мы на примере Чехии, Австрии, Литвы и других видим, что означают подобные соглашения. Говорилось о нажиме России и о том, что Балодис отстаивает единение с Россией. Понятно, что наша пресса молчит, но некоторые сведения чисто случайно обнаруживаются в иностранных газетах. Так, в начале апреля «Последние новости» отмечали, что правительство России обратилось к Балтийским государствам с предупреждением, что оно не потерпит, если они подчинятся хоть какому-то влиянию Германии. Тем более потому, что страны Балтии когда-то были в составе России. И ныне в какой-то французской газете можно было прочесть (говорят, что французские газеты вчера в Риге были конфискованы), что Сталин обратился к государствам Европы (?) с предупреждением: как только Германия попробует подчинить Данциг своей власти или войти в него, Россия немедля оккупирует государства Балтии. Важная весть! Кто знает, не увидим ли иных хозяев на нашей земле, проснувшись утром, как 15 мая. Мир накануне радикальных перемен.

[1] Ныне Гданьск.

[2] Речь идёт о генерале Я.Балодисе.

[3] Гитлера.

В России сознание резко меняется. Меняется отношение к духовным проблемам, к религии. Её истинная миссия ещё впереди, когда дух воспрянет. Именно из неё будут сеяться величественные семена Учения. Именно здесь должны воссиять имена наших Руководителей!

Чувствую, что и у нас понемногу освобождаются от узкого шовинизма. Наступят события, сознание изменится стремительно. Жаль, что во главе учреждений немало узкосердных. Когда же наступит время, когда из уст руководителей прозвучит призыв к самым широким и всеобъемлющим масштабам, к терпимости и братскому взаимопониманию, когда воистину будут уважать людей, обладающих большим культурным талантом и духовным чувствознанием?!

Гаральд передал генералу Балодису русскую Монографию. Президенту дадим английскую, которая как раз выходит.

Преследователи Гаральда не унимаются. Комиссия налоговой инспекции окончательно определила ему налог с прибыли на 1937 год – 14.000 латов (уменьшили с 24 тысяч!). Такой налог в несколько раз превышает налог самых выдающихся врачей Риги! Если им не удалось запретить практику, не смогли засудить, то избрали иной метод, как затормозить деятельность Гаральда. У него впереди ещё <возможность обратиться> в сенат и к президенту. Президент ведь провозгласил: «Латвия – государство справедливости»!!

Пятого мая на званом вечере в Обществе доц. П.Галениекс читал доклад «Ритмика прошлого в природе».

23 мая. Вторник

Сегодня у меня чудесный день. Возвышеннейший Дар моей жизни опять принесло письмо Е.И. Она прислала параграф из «Надземного», посвящённый моей книге: «Урусвати знает, что писатель, собирающий исторические сведения о Нашем Братстве, совершает неотложную задачу. Пусть он не спешит с завершением, ибо многие данные приходят неожиданно. Также пусть соберёт и поэтические вымыслы, которые наслоились вокруг Наших Башен, но такие вымыслы пусть будут собраны в отдельные главы. Но и такой легендарный материал должен быть записан. Люди будут рады знать, как претворялось это понятие среди разных культур. Также и песни различных народов дадут напоминание о Неведомом Месте, к которому устремляются путники в самых различных одеяниях.

Каждое начало, напитавшее многие века, должно быть исследовано научно. Конечно, кроме печатных источников, нужно собрать и устные предания. Поверх всего очень поучительно исследовать, как преломилось это понятие в представлении разных народов. Нередко народы желают видеть мировых деятелей в одеянии своей страны, и такое претворение даёт особый характер всему Облику.

Так Мы призываем учёных, чтобы они, каждый от себя, дали описание Братства. Будут и очень отрицательные описания, но не забудем, что в некоторых отрицаниях содержится особое утверждение. Эта истина пусть поможет исследователю собирать различные данные. Вы могли убедиться, что гонимая Истина расцветает прекрасно. Нельзя уничтожить её пустыми бранными словами. Каждую Истину люди приносят в подвиге. Так Мы зовём исследователей.

Мыслитель также призывал исследовать предания».

Какое чрезвычайное, священное задание передо мной! Не знаю, как ещё окончательно сложится мой труд. Вначале я представлял свой доклад как главу в обширном исследовании, но теперь глава становится слишком длинной. <Члены Общества> из Даугавпилса перевели доклад на русский язык (некоторые – всё же очень плохо), всё время теперь исправляю перевод; ещё один член Общества просмотрит его и, возможно, уже через неделю смогу отослать в Индию. Разумеется, позже ещё не раз буду его дополнять и расширять.

9, 10 и 11 июня в Каунасе будет проходить конгресс культуры Балтийских стран, в котором будут участвовать около 8 обществ. Нынешней весной он проходит в Каунасе, и Монтвидене немало боролась, чтобы и нашим организациям разрешили участвовать в этом конгрессе. Литовцы согласились, представитель Латвии (которым, как оказалось, был Нонац) протестовал.

В конце концов Нонаца всё же уговорили; возможно, ему стало неудобно перед его литовскими коллегами и он согласился, и только недавно Монтвидене получила разрешение. В понедельник мы с Валковским были на заседании представителей обществ, проходившем в помещении Латышского общества. Вёл заседание Нонац. Участвовали представители восьми обществ. Нонаца, как видно, беспокоило наше Общество, но, чтобы соблюсти такт, он начал дебаты с вопроса, желательно ли вообще, что будут участвовать не чисто национальные общества, как ротарианцы[1] и Общество Рериха? Наш друг, представитель ротарианцев доц. П.Леинь, как философ, очень логично защищался. Он доказал, что его общество национальное и самостоятельное, мало зависящее от зарубежных организаций. В таком же духе говорил и Валковский. Затем Р.Берзинь, директор ЛТА, сказал: «Но разве в Каунасе уже не решили, что упомянутые организации могут участвовать?» Нонац с ним согласился. Стало быть – дебаты излишни. Обсуждение было необходимо ради информации, – так с известной неловкостью объяснил Нонац. Участие в конфессе в числе организаций, близких к правительству, сильно поднимет престиж наших обществ. Во-вторых, мы встретимся с друзьями в Литве. Относительно самой программы мы решим позже. От нашего Общества мы заявили 10-15 делегатов. Всех вместе в поездке будет около 40. Так надо бороться. Поездка Юпатова в Париж была совсем неудачной. Привёз 18 работ, в том числе 5 купленных, но из всех мы пока смогли выбрать только восемь. Духовное окостенение Западной Европы ощущается и в этом. Не помогли наши наставления Юпатову, чтобы он выбирал только подходящие для нас, иначе нет смысла их брать, придётся часть из них сложить в архив. Возможно, что ему повезло бы больше, если бы он действовал более интеллигентно. Шклявер писал Н.К., что Юпатов ходит по кабакам, но его ещё не посетил. Опасаемся, как бы Юпатов нас не скомпрометировал, однако надо надеяться, что никаких «вод» Юпатов не возмутил. Моё сердце было полно подобных предчувствий, когда уезжал Юпатов, особенно потому, что я его совсем не знал. Но я доверился своим друзьям[2], которые организовали всю эту поездку. Блюменталь особенно был в восторге, что можно будет открыть широкий раздел русского искусства. В последнее время я узнал Юпатова ближе: как график он хорош, много в нём энергии, но духовности совсем мало. Он хочет нам послужить, но последнее имеет и свои личные мотивы. Много я с ним спорил об искусстве. Для него искусство – только для художников, для меня – больше для молодёжи, для той молодёжи с подвижным сознанием, которая жаждет прекрасного, жаждет Нового Мира. Как хочется, чтобы наш Музей мог дать хотя бы небольшой отблеск Нового Мира. Никак не могу понять, как Юпатов был способен принимать некоторые работы, ведь они столь мрачны для нашего Музея? Он собрал и некоторое количество картин молодых латышских художников, относительно неплохих. В скором времени мы с ним простимся. Но и у Пранде, который редактировал обе монографии, есть свои недостатки.

Так или иначе, теперь мы соберём картины, и осенью будет у нас великий отсев.

6 июня. Вторник

В воскресенье приехал из Таллина Павел Беликов; на конгресс, очевидно, не поедет. Эстонский временный Комитет Рериха пребывает в полном бездействии, но, не в пример ему, вокруг Кайгородова образовался кружок культурных людей, где читаются труды Н.К. Жаль, что он не сможет поехать на конфессе сотрудничества Балтийских стран в Каунас в качестве представителя Эстонии.

13 июня. Среда

Я рад, что у нас была возможность участвовать в конфессе. Для наших обществ открылось окно в Балтийские страны. Мы были там полноправными гражданами культурной страны, и это придаст уважение нашей дальнейшей культурной работе. Как много нам пришлось сражаться за свои права, в то время как именно нашими идеями и проблемами наполнено окружающее пространство.

[1] Речь идёт о деловом клубе «Ротари».

[2] Г. Лукину и И. Блюменталю.

Разве всё это лишь случайность, что именно после учреждения нашего Общества в наших государствах так оживлённо начали говорить о культуре и сотрудничестве, проводя Недели культуры, Дни Матери, – всё то, что в наших книгах особо подчёркнуто. Притом ранее слово «культура» было достаточно редким явлением. Конечно, я не думаю, что наше влияние повсеместно только непосредственное, мы ведь верим и в силу действия мысли.

От нашего Общества поехало всего 9 человек, Мисини были вынуждены остаться, из старшей группы были только Драудзинь, Буцен и я. Среди нас интеллигентнейших было мало, и всё же я очень доволен поездкой. На этот раз время больше прошло на конгрессе и в делах вокруг него, я совсем мало смог походить по Каунасу. Узким кружком «делегатов», в котором кроме нас троих участвовали ещё четыре литовца, мы составили и обсудили резолюцию для представления конгрессу. Мы думали, что надо писать по сознанию, поэтому дали только самые минимальные идеи. И о Знамени Мира мы не упоминали, единственно о «внешнем общепринятом Знаке по образцу Красного Креста» и т. д. Однако, кажется, что резолюцию можно было развить шире, ибо резолюции всех организаций зачитывались на конгрессе. Этот опыт используем на следующем конгрессе, который будет проходить в Таллине. Нашу резолюцию на конгрессе зачитала Монтвидене. Мы были рады, что хотя бы таким путём становимся сотрудниками обществ культуры. В президиуме, кроме нашего недоброжелателя, сидели ещё Раппа и Ритер, который когда-то подписал наш меморандум, и инженер П.Берзинь, который интересовался нашим движением. Кроме того, из Риги среди участников были наши друзья: проф. К. Кундзинь как представитель Организации защиты матери и ребёнка и директор ЛТА Р.Берзинь. Председатель конгресса и оргкомитета обществ Вилейшис дал Монтвидене разрешение на участие наших обществ в конгрессе, используя свою власть председателя, заранее не согласовав с Нонацом. Монтвидене много с ним беседовала и предоставила материалы о нашем Обществе. Сказала, что нас незаслуженно преследуют в Латвии, но мы являемся неизменным фактором культуры. Вилейшис понял суть дела. И на конгрессе он показал свою культурность и чуткость. Мы узнали, что посол Германии сделал замечание правительству Литвы, что конгресс подобного сотрудничества нежелателен. Поэтому правительство решило не проводить конгресс как нечто официальное, но предоставить его организацию частной инициативе обществ. И всё же в открытии конгресса участвовал сам Сметона и послы. И в дальнейших выступлениях можно было ощутить, что все знают о выявленном нажиме, но это ещё больше поднимало дух дружбы и радость сотрудничества. Звучала несломимая воля защищать своё отечество и желание тесно сплотиться в единстве. Немцы добились как раз противоположного. Литовцы ныне поставлены между двух огней – немцами и поляками.

Расширенное собрание членов наших обществ состоялось только в воскресенье, когда мы читали письма Е.И., труды Н.К. и т.д. Лично с Монтвидене я беседовал рано утром, о многом надо было поговорить и обсудить относительно Общества, и мы не успели высказать всего, что накопилось в сердце. Монтвидене – хорошая воспитательница своего семейства, но ей легче в том, что число членов столь мало (в Каунасе – около 20), в то время как наших членов, только рижан, около 100, и друг друга толком они иногда не знают. Надеюсь осенью опять встретиться с ней.

Вместе с Монтвидене мы посетили литовского художника К. Шимониса, к искусству которого я с давних времён имею симпатию. Он сам тоже простой, сердечный. Был очень рад, когда я подарил ему Монографию. За это подарил Музею пять небольших рисунков, кроме того, обещал по эскизу написать картину. Я подарил ему свои книги, надеюсь и впредь посещать его.

Гаральд написал некоторым финским художникам <просьбу> подарить свои произведения Музею, за это послал Монографии. Первым с восторгом отозвался Килпилайнен, вчера мы получили от него пейзаж. Однако было бы лучше, если бы Гаральд сам, после более близкого знакомства, съездил в Финляндию.

Гаральд надумал в пятницу поехать в Варшаву в гости к польским художникам. Нас горячо приглашала к себе Рынкевич, художница, большая поклонница Н.К. Но мы только что получили письмо Н.К., где он рекомендует ограничиться искусством Балтийских стран и ещё, самое большее, – финским.

Мы оказались в неведении: или это только из-за приключений Юпатова – Н.К., может быть, опасается, как бы опять не ехал Юпатов, – или он вообще не хочет, чтобы Музей слишком расширяли, вместо того чтобы концентрировать. Поэтому мы решили не ехать, хотя это теперь уже неудобно, после переписки с Рынкевич.

Начиная с Троицы, живём в Меллужи, на улице Земеню, 22. Было прохладно на маленькой даче. Теперь уже лучше. Мой друг вся жертвует собой. Сколь много бессонных часов и забот ещё будет! В отпуск пойду в июле.

Мать Эллы сегодня отправляется в свой крестный путь – у неё рак желудка, сегодня её оперируют. И Вайчулёнис страдает без меры, хотя не теряет мужества ни на мгновение.

26 июня. Понедельник

В четверг простилась с этим дольним миром милая матушка моего друга. Она была светлым, совершенно бескорыстным человеком. Всю себя отдавала, дарила внукам. Наши малышки, особенно Илзите, получили много её благодетельной ласки, теплоты сердца. Пока мы несколько лет жили вместе с семьёй Шинка, хотя она считала себя относящейся к этой семье, однако, где только могла, временами помогала и нам, хотя бы некоторые ночи провести с детьми, присмотреть за ними и т. д. Никто от неё не слышал резких слов, ибо её сердце к каждому было благожелательно. Мой друг привязалась к своей маме истинной любовью, и глубоко переживала её уход. Операция происходила в то время, когда Элла кормила Марите, и оттого мы опасались, как бы это всё не сказалось на здоровье девочки. Операцию перенесла хорошо, но потом стало происходить столь обычное – «застой в лёгких». Элла несколько раз приезжала в Ригу. Наконец, мы узнали, что близится кризис, хотя врачи успокаивали. В четверг в 7 утра мы явились в клинику, в жутком предчувствии; медсестры сказали, что матушка в бессознательном состоянии и своим бесчеловечным запретом не пустили к ней моего друга. Когда несколько минут спустя мы вернулись (ходили звонить по телефону), она уже ушла! И в воскресенье началось последнее, дальнее путешествие матушки к себе домой, в Апукалнс, в один из красивейших уголков Латвии, на родину и моего друга. Три дня её земная оболочка пролежала в Межапарке, в моей комнате. Вчера было так много солнца и небесной синевы. Но поверх всего была большая тяжесть. Иногда в сознании появляется такая усталость и напряжение, что кажется – дуновение ветра может разбить тело. Нервы моего друга после бессонных ночей сильно возбуждены; хорошо, что с середины апреля у нас есть хороший помощник и друг нашим детям – служанка, которой мы можем доверять. Шлю самые светлые мысли уходящей душе столь ясного сердца. 21 июня цензура выпустила «Письма Елены Рерих».

19 июля. Среда

12 июля в библиотеке, поскользнувшись на лестнице, я упал и сильно ударился, рёбра не поломаны, но сильный ушиб. Теперь уже хорошо, хожу свободно, хотя бок ещё болит. Получил на две недели «отпуск по болезни».

Вчера я писал труднейшее и длиннейшее письмо в Индию. О положении в Обществе, о собирании картин, об обмене книгами с Россией и о Гаральде. Гаральд и Юпатов загорелись собиранием работ латышских художников. Иногда с Юпатовым идёт Гаральд, иногда я, иногда – Юпатов один. Юпатов почти каждый день приходит к Гаральду, и они обсуждают планы. Я неоднократно просил Гаральда не разрешать Юпатову ходить одному туда, где ему пришлось бы самому выбирать. Ведь сколько раз я просил, и всё же вижу, что Юпатов опять где-то был один! Там, где он был один, он неизменно выбирал весьма посредственные, мрачноватые работы. У меня есть веская причина ему не доверять, к тому же он совершенно недуховный человек, как же можно доверяться ему в деле формирования нашей святыни? Какие тяжкие были у меня разговоры с ним, с каким упрямством приходилось сталкиваться! Сколько раз Н.К. предупреждал относительно Юпатова. Мне нравится его самоотдача в труде и то, что он не обижается, ибо несколько раз его ругали, критиковали его картины и т.д., и всё же остаётся в нём нечто загадочное. Как бы то ни было, до сих пор наши беседы были спокойными.

Но сегодня, когда я начал разговор о неудачной картине Милта – опять угрюмый выбор Юпатова, Гаральд обрушил на меня такой град упрёков, что мне трудно было даже защищаться, целых два часа я пробыл у него в квартире и слушал его раздосадованный голос, ушёл от него совсем больным. Такие контакты с ним совершенно съедают психическую энергию. Сегодня он сказал, что у него феноменальная память и он её использует, чтобы помнить каждую мелочь в моей деятельности, которую он чаще всего понимает превратно. Как же Гаральд на всё это способен?! Я его почти никогда не укорял, единственно делал замечания, возможно, в присутствии других, что он любит упрекать и осуждать. Но это ведь факт![1]

Когда я переехал из Риги в Меллужи, весьма скоро явились ко мне Блюменталь и Гаральд, который привёз письмо Н.К. На этот раз Гаральд был каким-то преображённым, сказал, что сам решил прервать контакты с Юпатовым и т. д. Опять было легко с ним говорить, по-человечески. Удивительный человек. Так или иначе, опять, как обычно, письмо я смягчу и напишу только самое лаконичное, ведь как же мне писать о друзьях <такое>?! Единственно я хочу намекнуть, чтобы в Индии знали, что Гаральд, характеризуя людей, часто преувеличивает: или крайне осуждает, или хвалит. Так он ущемил многих. Представляет ли он, что значит для члена Общества узнать, что в глазах руководителей он ставится низко? Даже если он сознаёт себя невиновным, всё же чувствовать себя будет прескверно. Где же правдивость?

Этим летом мне следует продумать многие проблемы. Надо решить и укрепить заново вопрос о сотрудничестве в Обществе. Мои друзья ни за что не хотят, чтобы во многих вопросах я делился даже с Драудзинь. Но где же здесь единение и доверие? Валковского Гаральд вообще хочет отодвинуть. Конечно, в последние годы он был флегматиком, но надо заново его зажечь, тогда он вновь станет для нас *ценным.*[2] Таким же образом и других членов Общества надо поднять сотрудничеством.

25 августа. Пятница

Вчера, наконец, я отослал свой доклад о Граале в Индию. Всё лето работал, прочёл или просмотрел очень много книг, но в конце концов дополнил только каким-то десятком страниц. Мне важно знать, согласно какому плану мне продолжать, поэтому в ближайшие дни воздушной почтой пошлю задуманный план и более подробные вопросы. Мне несколько раз Указывалось создавать свой труд в историческом разрезе. Ограничиться ли только пределами моего доклада и давать только научные <факты>? Или дополнить ещё разделом о Белом Братстве с точки зрения эзотерики? Ранее я предполагал этот труд о Граале включить в некую большую работу в системе Учения. Теперь кажется, что систему Учения нужно будет строить как вторую часть книги. Дожидаясь ответа, буду работать над следующей главой: над понятием Братства согласно «Тайной Доктрине» и Учению.

Я отослал в Индию и проект внутреннего устава Общества. И над этим я много думал и работал. Мне кажется, что сборник положений, где будут собраны этические тезисы из Учения, принесёт много полезного Обществу в смысле укрепления сознания долга среди наших членов.

И ещё одно важное нововведение. 17 августа мы пригласили старшую группу в квартиру Драудзинь для доверительного совещания (как продолжение встречи 11 апреля). На этот раз была тема: самодисциплина. Драудзинь прочла по этому поводу краткий доклад. Я свой <доклад> прочёл вчера. То заседание минувшего четверга, можно сказать, обозначило поворот в нашей внутренней жизни. Мы решили собираться регулярно два раза в месяц и каждое заседание посвящать определённой теме. Конечно, нам следует углубить и осознать в полной широте и в практическом применении каждое актуальное понятие Учения. Эти заседания не только упрочат наши сознания, но сильно сплотят нас в единое целое. Ибо здесь неизменно будут откровенные беседы, где каждый член Общества сможет высказать то, что долго лежало, пылая, у него на сердце. Кроме того, здесь будут обсуждаться все насущные вопросы, связанные с Обществом и с миром, будут читаться письма и т. д.

---

[1] Гаральд в то время был ещё очень молод. В своей безграничной преданности он часто переступал черту. – *Пометка Р. Рудзитиса.*

[2] Я не знал настоящую суть Валковского. – *Пометка Р. Рудзитиса.*

На совещании мы решили допускать к заседаниям 14 активных членов, они тоже будут подчиняться строгому порядку: те немногие члены, которые приходят реже, будут считаться всего лишь гостями и смогут посещать очередные собрания старшей группы по четвергам перед общим собранием, но на тех заседаниях будем только читать Учение. Разумеется, что «гости», если станут активными и более сознательными, если будут способствовать развитию Общества, могут быть переведены в «ядро». Сильно побудило нас начать такие доверительные встречи и письмо Е.И. к Драудзинь, в котором она предлагает создать из старшей группы истинное ядро Общества, которое бы укрепилось в самосовершенствовании и самодисциплине. В дальнейшем таким темам мы посвятим и наши общие собрания по четвергам. 31 августа выступим опять мы с Драудзинь, и затем откроем дебаты, которые на общих собраниях уже несколько лет как позабыты. Их и трудно было проводить в нашем зале, где доклады читались с трибуны. Поэтому у нас с Драудзинь есть замысел приготовить всем сюрприз: в центре зала поместить круглый стол и вокруг – несколько рядов стульев, чтобы все присутствующие чувствовали себя одной общей группой. Сводные собрания посещали обычно 30–40 членов. Наше вчерашнее заседание опять было сердечным и вдохновенным. Именно теперь, когда приближаемся к великим событиям, необходимо такое сердечное сплочение. И наши Руководители в своих письмах передают намёками мысли о предчувствиях ожидаемых событий. В последнем письме они мне писали: «По-прежнему все события послужат лишь на пользу Великому Космическому плану, и потому все принявшие Щит Света спасены будут. Чудесные вести приходят издалека. Храмина Духа скоро утвердится. Ничто не должно устрашать. Растёт новая волна интереса к Швеции <России – *прим. ред.>,* и многие директора (то есть – «агрессоры») могут очень ошибиться в своих лукавых расчётах. Щит хранит Вашу милую страну». Для всего мира великой неожиданностью был заключённый вчера договор о ненападении между Россией и Германией. Так Россия теперь отмежёвывается от Европы, и очень может быть, что в любой день Германия начнёт войну с Польшей из-за Данцига. Напряжение в мире велико. Разумеется, кроме Польши, война затронет и южные страны, Балканские государства. Е.И. пишет, что Латвию эта горькая чаша на сей раз минует. Латвия будет охранена. Блюменталь в последние месяцы много делает для того, чтобы Монографию о Рерихе передать в Россию. Это было бы великим событием, истинным переворотом. Успехи пока не известны. Но могут произойти неожиданные события. Теперь в мире происходит столько неожиданного, и в конце концов всё происходящее является верным следствием ожидаемого.

В прошлое воскресенье, 20 августа, состоялась поездка Общества в Мурьяни. Участвовало 16 человек. Мы посетили Валковского, Фреймана и Виестур на их дачах.

С Гаральдом и Блюменталем у нас теперь наибольшее согласие, нет и разногласий. Гаральд, кажется, начинает преображаться. Вчера в докладе я призывал всех членов Общества следовать великому примеру светлой памяти милого нам д-ра Феликса Лукина, который, как человек великого темперамента, поначалу легко возбуждался, но позже, укрепившись в Учении, удивительно владел собой и звал всех к торжественности. К этой же торжественности, основе всех благородных свойств и самодисциплины, вчера призывал и я.

30 августа. Среда

Сегодня утром я послал в Индию план своей работы и письмо Е.И. Послал с неспокойным сердцем, ибо с Германией воздушное сообщение временно прекращено, и не знаю, дойдёт ли теперь письмо в сохранности. Я хотел просить совета, которому плану мне следовать в работе: сам доклад превратить в книгу и выдержать его в чисто историческом тоне, или присовокупить и иные главы о Братстве? Получить бы ответ, прежде чем границы закроются! Мир ожидает взрыва в любой день, ещё пытаются спасти. Ещё сегодня газеты крупными буквами пишут: «Последнее слово за Гитлером». Но Гитлер видит, что одним запугиванием больше ничего добиться нельзя, теперь и сам смутился. Это было бы в высшей степени безумием – воевать против всего мира. Но сумасшествие и честолюбие не дружны с разумом. Учение говорит, что современное положение уже «хуже войны».

1 сентября

Сегодня войска Германии вторглись в Польшу. Уже подверглись бомбардировке многие города. Армагеддон достиг своей вершины. Началась новая мировая война.

Вчера у нас в Обществе был день единения. После докладов, моего и Драудзинь, о дисциплине и самодисциплине началось сердечное обсуждение. Была торжественность. Все предчувствовали приближение чего-то сверхзначительного. Через две недели продолжим эту же тему.

3 сентября. Воскресенье

Англия и Франция объявили Германии войну. Начинается первое действие величайшей трагедии человечества. Что же останется от многих стран Европы? Ибо Германия в отчаянии может взяться за ужаснейшее средство, которым можно уничтожить целые регионы, – химию. Уже теперь приходят сведения о смертельных газах. Легче воевать тому, кто более жесток. И всё же победит Истина.

18 сентября

Вчера советские войска вошли в Восточную Польшу. Польша, какой она была двумя неделями ранее, больше никогда не воскреснет. Белорусы, малороссы и литовцы обретут свободу. Но ещё многие границы следует выпрямить. Западная Польша, напротив, подпадёт под иго несправедливости. В конце концов победит Справедливость и каждый наследует то, что заслужил. Как теперь польский народ терпит, невыразимо терпит! Но ведь он несёт кармическую ответственность вместе с правительством панов. Испытывало ли это правительство хоть малейшее сострадание, к примеру, к Карпатской Украине? Кармический приговор в наши динамические дни приходит чрезвычайно скоро. И какой же приговор можно ожидать для самой Германии?

Странным кажется то, что у нас столь спокойно, словно здесь же, по соседству с нами, не совершается величайшая трагедия человечества. Е.И. писала, что Латвия под Щитом. Лишь бы наш народ на самом деле был и оставался достойным этого высочайшего Доброжелательства! Лишь бы он действительно духовно и культурно воскрес!

6 октября. Пятница

Вчера Латвия заключила договор о взаимопомощи с Советским Союзом. В Вентспилсе, в Лиепае и на вентспилсском побережье Советы устроят военные базы. Об этом говорили уже давно, с тех пор как заключила договор Эстония. Будет мощное и стремительное влияние Советов, а также – местная переориентация. Эпоха могущественных и великих событий!

14 октября. Суббота

Так тяжко на сердце, столько было горечи, что почти приятно, что ещё одна горькая капля прибавится, – пусть чаша наполнится до краёв! Тяготы дома, тяготы в Обществе. В связи с событиями Гаральд временами вёл себя по-мальчишески, в разговорах с людьми радовался по поводу ожидаемого присоединения и т. д. Даже в корпорации <врачей>, выступая, упомянул пророчество из «Криптограмм» о звезде и т. д. Когда позавчера я его бранил, что он бросает тень на Общество и Учение, он рассвирепел. Не менее упрям и своеволен Блюменталь. Оба они, кажется, Учение мало читают, Блюменталь, вероятнее всего, только «Общину». В последние месяцы он много делает для того, чтобы Монографию и статьи Н.К. двинуть за рубеж. Но опасаюсь, хватит ли у него чувства соизмеримости. Ибо он почти открыто, не скрывая, выявляет свои симпатии. Ныне, пользуясь тем, что влияние России нарастает, он непременно хочет внести в Общество свой тон. Я вполне понимаю, что наш стиль должен быть направлен к реалистичности, ибо это и есть подлинный стиль Учения. Но следует делать это культурно, без всевозможных грубостей. В минувший четверг Блюменталь своим выступлением внёс некоторую волну хаоса в Общество.

И позавчера я пытался исправить положение: говорил о сути Учения как об отражении реальности и её основах – четырёх законах этики. Затем был доклад Макарова, схожий с моим, и Драудзинь – «Долг человека перед Эволюцией».

Наконец, Блюменталь надумал издавать на русском языке журнал «Мысль». Это предложили его друзья[1]; там можно было бы печатать и труды Н.К. Блюменталь нашёл несколько статей, толком даже не прочёл их и подался в печатню. И – началась у нас борьба, пока всё же удалось направить <журнал> в более-менее культурное русло. Кроме трудов Н.К., будут статьи о латышском, литовском и эстонском искусстве. Затем ещё <работы> Судрабкална, Драудзинь и мои. И ещё статья советского профессора «Дворец Советов». Статья ужасно длинная, два листа, специфическая и очень скучная. В некоторых местах ощущается тенденциозность. Я очень хотел, чтобы её сократили вдвое. Но Блюменталь аргументировал, что его друзья её особенно рекомендовали. Я решительно возражал, но поскольку Драудзинь в конце концов согласилась, что можно печатать целиком, и так же выразился Вайчулёнис, то пришлось мне, с тяжёлым сердцем, отступить. Главное предназначение сборника – переправить его через границу. В Латвии его распространят весьма мало. Мне не хотелось, чтобы именно теперь он выходил, когда все национальные чувства взбудоражены. И Валковский был против статьи. Но знаю, что в конце концов и он отступит. Но вся эта тактика Блюменталя может внести большой диссонанс в Общество. Знаю, его дело необходимо[2], но ведь можно двинуть всё дружелюбнее и культурнее, хотя в данном случае упомянутая статья и рекомендована. При наличии доброй воли можно найти какой-то компромисс. Надеюсь всё же, что книга раньше как через месяц не выйдет, к тому времени уже стабилизируется перемена сознания.

Да, насколько же тяжким иногда бывает сотрудничество!

И г-жа Мисинь глубоко огорчена Гаральдом. Надо было преодолеть. Сколько я призывал к кротости и великодушию! Удивляюсь, насколько он вырос в самоуверенности. Несколько лет назад был совсем иной Гаральд. В данном случае виноват больше сам Мисинь, но жена его защищает. Как бы то ни было, велик тот, кто способен побеждать и исцелять сердцем.

Хочу чаще выступать в Обществе, всеми силами удерживать единение. Блюменталь и Гаральд пусть лучше не выступают, ибо уже неоднократно их выступления будоражили умы.

20 октября. Пятница

Сегодня я по-новому и глубже понял Блюменталя. Он родился в России, вернее – в Сибири. Очень любит русское и Россию. Он говорит, что слово «русскость» есть понятие, которое объединяет все прогрессивные народы. Ибо всем народам даны большие возможности самостоятельно развиваться. И я понимаю, как достойно там уважается культура каждого народа. И Учение посвящено России будущего. Блюменталь думает, что уже теперь Россия так глубоко преобразилась, что предоставила бы свободное духовное развитие и нашему Обществу. Понимаю, что она теперь приблизилась к рубежу, что её эволюция происходит быстро. Блюменталь любит <Россию> и потому, быть может, опережает на пядь жизненные факты.[3] Знаю, уже рождается новая Россия, и она близко...

Вчера я читал в Обществе о вечной молодости.

Как же возможна вражда между членами старшей группы?! У Драудзинь состоялось заседание, где Гаральд требовал от Мисиня вернуть гарантии, которые он когда-то дал на громадные суммы. Отчасти виноват сам Мисинь, который одну гарантию перенёс на другое предприятие и т. д. Гаральд так разошёлся, что совсем бледным прервал заседание, простился и убежал. Драудзинь и г-жа Мисинь плакали. На второй день в Обществе Гаральд долго говорил с Мисинем и – опять помирились. Невозможно это назвать иначе, как мальчишеством.

---

[1] Из советского полпредства.

[2] Ещё в 1938 году Н.К. Рерих вместе с семьёй хотел вернуться в Россию, однако в получении визы было отказано. Тогда Николай Константинович обратился в Латвийское общество Рериха с просьбой получить визу через советское полпредство в Латвии, причём любой ценой. Выполнить эту просьбу взялись Гаральд Лукин и Иван Блюменталь, имевший связи в советском полпредстве.

[3] Блюменталь уже состоял в партии. Гаральд тогда был молод. И всё же своя доля истины у него была. Главная истина, что он мог абсолютно всё отдать. – *Пометка Р. Рудзитиса.*

Болит сердце, ныне время самых опасных стихий. Теперь каждый показывает готовность своего духа. Лишь бы Гаральд совершенствовался. Хотя бы ради Общества.

В понедельник со своей семьёй я переехал на новую квартиру: в городской «блокгауз» на улице Аусекля, 3, кв. 71. Семь лет я провёл в Межапарке. Но было невозможно стольким людям проживать в двух комнатах. И мой друг тоже так сильно мечтала быть ближе к Риге, а то она совершенно отстранена от культурной жизни. Даже в Общество было трудно добраться. Квартиру мы отремонтировали. Расходов много. Наше материальное положение станет ещё труднее, но надеюсь, что удастся найти издателя для книги. Ныне собираю свои эссе. Главное, чтобы на новом месте жительства было достаточно воздуха. Но здесь, на берегу Даугавы, наиприятнейшее место в Риге. И поблизости живут многие духовные, интеллигентные люди. Под нами квартира философа Целма. И некоторые члены Общества близко. Недалеко и само Общество.

15 ноября. Среда

Наитруднейшие дни. Сколько переживаний выпало на мою долю! Будто бы к земле меня гнули. Сердце болит и болит. Единственные мысли и молитвы – лишь бы в Обществе было единение! Только теперь я узнал Блюменталя поближе. Я очень уважаю его великую огненность, полную преданность, его большую неотступность. Но он нетерпим, как все, хотя культурен – не проявляет это сразу внешне. Он не терпит, если кто-то возражает его идеям, сразу огорчается, если выражаются иные мысли. Такое я пережил летом в связи с открытием в магазине отдела русской книги. Если ты немедля полностью не соглашаешься – значит, ты не способен его понять, значит, ты против него! Но ведь это не является истинным сотрудничеством, которое требует сердечного обмена мыслями! Ощущая это, я неизменно при встречах с ним стараюсь его не огорчать, чтобы не сдерживать его огонь, его великую, незаменимую работу. А теперь возникло у нас с ним небольшое разногласие в связи со статьёй... Сердце моё горело к тому, чтобы сборник получился по возможности живым, культурно широким и ценным в смысле литературного качества. Поэтому я поначалу хотел, чтобы статью сократили, ибо она напоминает элементарное описание, а не очерк. После последнего заседания, когда мне в конце концов пришлось отступить, ибо мои друзья не любят более глубоких дебатов, я ожидал, что Блюменталь даст статью в печать. Через какое-то время он мне говорит, что неудобно печатать, пока Пранде не написал о латышском искусстве. Но так как с Пранде у него получаются конфликты, я спешно достал статью Силиня. Статью переводил кто-то из наших членов Общества, но так как перевод нас не удовлетворил, его сделал кто-то из специалистов за гонорар. Но всё это затянуло выход сборника. И статью Эгле я получил только позавчера. Статья Новосадова, которую Блюменталь заказал, не годилась. Телеграфировали в Эстонию, чтобы прислали какую-то другую работу об эстонской живописи. Всё это время я жил в напряжении сердца и мыслей о сборнике. Подобно тому, как месяц назад я думал, что из-за статьи «Дворец» <сборник> публиковать нельзя, так теперь я тревожусь, что мы запаздываем. Блюменталь и Гаральд достали у проф. Кирхенштейна статью о Московской сельскохозяйственной выставке и колхозах. Почти каждый день я заходил к Судрабкалну, но, наверное, ничего от него не получу. Две недели назад наконец пришла от Н.К. телеграмма, в которой он поддерживает присланный план сборника (ответ на письма Блюменталя и моё). Также Блюменталь получил письмо, в котором Н.К. высказывает желание вернуться в Россию – устроить выставку своих работ или цикл лекций. Очень хочет, чтобы переговоры Блюменталя скорее завершились.[1] Кроме того, только что пришло письмо Юрия, в котором он упоминает, что Н.К. направил официальную просьбу разрешить ему вернуться в Россию и участвовать в труде нового строительства и защите культурных памятников. Так события горят под ногами, время уже не ждёт. Всеми силами надо способствовать возвращению Н.К. Но здесь больше всех может что-то сделать только Блюменталь, который уже установил дружеские отношения.

Когда я думаю о Блюментале, то ещё многого в нём не понимаю. Почему он так поступает: не всегда бывает правдивым со мной. Он сознался, что иногда говорит мне кое-что неправильно, чтобы лучше на меня воздействовать.

[1] О визах.

Так, недавно, встретив на улице, он очень резко упрекал меня в связи со статьёй «Дворец», будто бы я против сборника, что об этом он написал в Индию и т. д. Конечно, услышав это, я был чрезвычайно изумлён и поражён. Как же такая неправда могла исходить от моего ближайшего сотрудника? Позже я выяснил, что в Индию он не писал, и Драудзинь не подтвердила того, что он сказал и т. д. Я был у него дома в Межапарке и сердечно поговорил. Он болеет печенью, и органически не может терпеть противоречий. Конечно, на тактику его поведения повлияло и то, что он многие годы был коммерсантом. Однако у него весьма странный характер. Он кажется пылким, культурным, чутким, но только в тесном, близком сотрудничестве можно познать истинные свойства человека. Сборник статей – ведь это была моя мечта, и две недели я только этим и жил и об этом болел. Моё желание – чтобы он был лучше и культурнее. Наиболее сухими статьями теперь будут те, что связаны с Россией. Но мне нужно было отступить, если я желал, чтобы сборник вышел. Не могу понять, почему нельзя выслушать мысли своего сотрудника, почему нельзя позволить судить о чём-то иначе по тому или иному вопросу? Такого странного сотрудничества, как с Блюменталем и Гаральдом, в моей жизни ещё не было.

У Блюменталя возник конфликт с Клизовским. Последний когда-то обращался в русское посольство с просьбой разрешить распространять его книги в России. В связи с тем, что ныне там церковная религия, мол, рушится, её следует заменить научным мировоззрением, и таковое он предлагает в своих трудах. Конечно, он совершил ошибку, и Блюменталю показалось, что Клизовский этим навредил и его «разговорам». Потому Блюменталь однажды на собрании доверительной группы вспыхнул и «открыл своё сердце», то есть начал высказывать упрёки Клизовскому. Конечно, ему следовало поговорить лично с последним, ибо тот просто ничего не понял, и воспринял это так, что Блюменталь поносит Учение. Во-вторых, Блюменталь пригласил Клизовского написать для сборника о мысли, но потом посчитал его авторство неподходящим. Меня всё это удивило, ибо Блюменталь мне сказал, что имя Клизовского вообще не годится для сборника, потому что «мои друзья не смотрят на него хорошо». И здесь возник конфликт. Клизовский написал Блюменталю весьма резкое письмо. Я советовал Блюменталю ответить, сходить к нему домой и сердечно поговорить, но Блюменталь сказал, что он на такое не способен, особенно, если старший член Общества столь резко на него нападает, и пока он не может приходить в старшую группу. Я указал, что все конфликты большей частью основаны на недопонимании или незнании, но в случае выяснения всего они ликвидируются, главное – подойти к другому с кротостью и великодушием. Я его очень просил быть всегда искренним и открытым ко мне, и если он испытывает по отношению ко мне какие-то огорчения или подозрения, пусть немедля говорит, ибо нередко случается, что мы неверно понимаем друг друга, руководствуясь только словами, которыми иногда не можем адекватно выразить, что у нас на душе.

Ещё одна тяжесть. Оба моих друга настаивают на том, чтобы культурными делами Общества руководил единственно нуклеус из четырёх членов (мы пригласили и Драудзинь). Конечно, есть вещи, которые нельзя говорить даже и всем старшим членам. Но ныне, когда необходимо оформить наше отношение к родине Н.К., когда мы выступаем открыто со сборником статей, частично посвящённым ей, было бы совершенно бестактно не информировать обо всём старшую группу. Члены Общества это ощущают, и в некоторых падает дух доверия. Поэтому дважды в старшей группе давалась информация. Однако не понимаю, почему оба друга иногда ведут себя пренебрежительно по отношению к старшим членам Общества? Например: «Валковский ничего не понимает, он не способен понять» и т. д. Это ведь не так! Он тугодум, в работе медлителен, но он способен понимать широко, конечно, в несколько своеобразном видении. Мне нравится, что он не обижается, хотя, может быть, часто бывает огорчённым; но мне думается, что сам он это преодолевает, культурно и замкнувшись сам в себе, в то время как оба друга, особенно Гаральд, не скоро забывают <обиды> и при случае – резко осуждают. Оба последних притом бывают «слишком стремительными», преступают закон соизмеримости и иногда ставят меня перед фактом. Конечно, если эти факты служат общему благу, то я не возражаю, зная, насколько взволнованы нынче все умы и люди стали очень чувствительными и обидчивыми. Болит сердце за единение в Обществе.

Единение только тогда будет полным, когда у всех будет взаимная дружба и доверие, а также – дух сотрудничества. Моё глубочайшее убеждение, что и наша внешняя деятельность должна основываться на единстве и на Учении. Блюменталь на <заседания> группы приходит изредка, и Гаральд – не каждый раз. Свой огонь они посвящают своей работе. Хотелось бы, чтобы и непосредственно Учению они посвящали больше времени. Тогда их деятельность ещё лучше бы получалась. Тогда их работа была бы органичнее. Однако я очень рад их огню, хотя иногда мне приходится страдать. Ибо Блюменталь незаменим на своём месте. Он приближает будущее, приближает к Великому Народу.

10 декабря. Воскресенье

Наконец я отослал письмо в Индию. Трижды переписывал, пятикратно смягчал. Это – моё самое трудное письмо. Думаю, не грешу ли я, что пишу, не лучше ли вообще молчать о некоторых свойствах друзей? Но и Драудзинь только что написала о наболевшем. И оба друга что-то, вероятнее всего, писали. И если я совсем ничего не напишу, то наши Руководители, видимо, будут в недоумении. И хотя я написал насколько возможно мягко, сердце всё же болит за каждое слово: чувствую, что кого-то обижаю. Особенно теперь, когда всем, всем нужно сплотиться в теснейшей любви. Но трудность заключается в том, что в Обществе образовалось будто бы два течения, второе – оба наши друга, которые недовольны многими, но нельзя сказать, что и эти многие всегда довольны ими. Поддержку всё же я имею. Драудзинь, со своей чуткостью сердца, находит истинный путь.

Но, однако, прав ли я? Не скрываю ли я свои ошибки? Конечно, моя ошибка, что поначалу я сопротивлялся помещению статьи «Дворец». Что с того, что она суха и заинтересует по большей части только специалистов, если это пойдёт на пользу дела? Опасаюсь и за обстоятельства, будет ли первая страница подходящей к теперешнему настроению общества? Но книга выходит через два месяца, и уже многое изменилось. Ясно всё же одно: этой книгой мы открыто свидетельствуем о своих симпатиях к русскому народу и тому или иному националисту будем «сучком в глазу». Национальное сознание в Латвии ныне только возросло, об этом свидетельствуют громадные пожертвования на самооборону и т. д. И о размещении российской армии наша пресса не упоминает почти ни словом, будто бы этих вооружённых сил вовсе нет. Появились всё же некоторые статьи о русской культуре, но случайно. Так что мы – «первая ласточка». И 27 ноября (в срок, указанный в книге Баженова[1]) начался конфликт России с Финляндией. И это возбудило многие умы против России. Так или иначе, строительная миссия России началась; нынешнее правительство было всего лишь устранителем сора, ищущим новые пути, стимулирующим социальное и техническое созидание. Хотя у неё и были ошибки, но всё же, быть может уже скоро, произойдёт сдвиг в её сознании в сторону более духовной, облечённой в красоту синтеза и мощи России – той России, которой посвящено Учение. Сознание русского народа уже готово к новейшему эволюционному преображению, и это духовное преображение ныне, в известной степени, началось. Давно уже наши Руководители хотят вернуться на свою родину. Они написали прошение министру иностранных дел, и, может быть, в начале будущего года они уже будут среди своего народа. В этом и состоит большая миссия Блюменталя – подружить представителей России с личностью и искусством Н.К., чтобы они разрешили ему вернуться.

Долгое время я не получал из Индии известий. Наконец пришла открытка на английском и затем – письма от Е.И. и Н.К. Можно представить мою великую радость. Е.И. пишет, что новая книга будет мостом. Нам надо искать среди друзей Блюменталя людей, понимающих Учение, но пока таковых нет, и вряд ли такое возможно. И затем – более подробные сведения об отходе В.Шибаева от Учения. И для нас всех это было очень тяжким переживанием и неожиданностью. Уже много лет я с ним переписывался. Письма, правда, были суховатые, деловые, только однажды сердце Шибаева загорелось, когда он рассказывал о радости обитать в Ашраме. Всё же, оказывается, Шибаев вовсе не ставился так высоко в глазах наших Руководителей. Пришло испытание – не выдержал. Теперь он хочет ехать или в Америку, или в Ригу к родителям.

[1] «Пути и предначертания Божии», Шанхай.

Но родители, оказывается, «репатриировались», отец-русский последовал за матерью-немкой на новую родину.[1] Грустно, если Шибаев вернётся в Ригу, но есть надежда, что этого не случится. И пятеро членов нашего Общества «репатриировались». Особенно жаль Гофмейстера, очень устремлённого, сердечного последователя Учения, которого г-жа Крауклис выбрала в качестве помощника в своей группе. Но в его огромной сердечности было нечто наивное. Так, приехав из России в Латвию, он когда-то записался немцем из-за некоторых экономических мотивов, хотя сам – обрусевший датчанин. В конце концов, он уехал <в Германию>, чтобы сознательно искупить свою карму, чтобы жертвовать собой ради других и помогать другим. Ибо он сознавал, что едет навстречу великим трудностям, но верил, что для приверженца Учения ни одно бедствие не может быть непреодолимым. Может быть, и в Германии он поведёт новую группу Учения? Кроме того, уезжают и те, кто был среди учредителей Общества, – Иогансоны. Три года они не показывались в Обществе, хотя прерывать связей не желали. Уехали, ни одного из нас не посетив и не известив. И когда-то переписывались с самой Е.И.! Так у каждого своя судьба и своя свободная воля.

Чувствую, что и для меня эти месяцы были порой испытания. Никогда ещё я не чувствовал себя столь униженным и поражённым, как ныне, некоторыми моментами. Но всё это я перетерпел, ибо знаю слабости характеров своих друзей и то, что все мы *служим* одному и тому же делу и должны смириться друг с другом. Были мгновения, когда какой-то внутренний голос во мне вещал: быть может, ты всё-таки слишком медлителен, когда требуется действовать стремительно и вдохновенно? Быть может, ты больше не годишься на своём месте? Ибо каждая эпоха требует своих руководителей. На своём веку я никогда не жил в политике, и в российскую государственную систему не углубился. Но кто бы мог стать <руководителем>, кто бы мог прийти на моё место, объединить Учение с внешней деятельностью, удержать Общество как единое целое, и кого бы члены Общества любили? И ведь теперь переходное время, в такой обстановке резкие перемены нежелательны. Знаю, что из-за моей речи и характера, образовавшегося по её причине, я не таков, каким должен быть хороший руководитель. Мир ждёт от меня книг, и моя жена исстрадалась душой, потому что я так мало пишу. Но если мне доверено это священное место, то я всё же выполню своё задание, настолько хорошо, насколько умом и сердцем понимаю и умею.

В четверг, 1 декабря, состоялся званый вечер, на котором доц. О.Рудовская читала доклад о древней и современной Греции (с диапозитивами). 7 декабря ассистент М.Лепинь читала о г-же Кюри, и теперь готовимся как к особому празднику к вечеру, посвящённому Мусоргскому, назначенному на 14 декабря, когда придут наши званые гости – друзья. Ради них мы наняли за гонорар нескольких выдающихся артистов, навели блеск в помещениях Музея, вывесили новоприобретённые картины и т. д. Сегодня – семейный вечер для наших детей, тема – труд и сотрудничество.

12 декабря

Сегодня радостный день. Вышел сборник статей[2], и мы с Дравниеком тут же получили разрешение отдела печати. Единственно возражали против того, что сборник был обозначен номером 1, – значит, он имеет характер периодического издания. Следующий том, видимо, придётся издавать под другим названием.

У книги хороший внешний вид. Возможно, могло быть ещё лучше. Техническую работу вёл больше Блюменталь, немного советовал я. Друзья были очень рады, когда им показали новую книгу. Ибо печатание так долго тянулось, что почти терялась надежда, что <сборник> выйдет. Я рад, что и из Учения здесь есть кое-что, есть статья Е.И. и моя. Первая весть в Россию, ибо, вернее всего, часть <тиража> уйдёт туда. Писал я полностью по теперешнему сознанию, писал дыханием эпохи. Как хочется, чтобы эта книга принесла истинное благословение, ибо она действительно достойна благословения, она не только «многострадальная», но и насыщена многими мечтами и надеждами.

[1] Правительство Германии предложило всем немцам вернуться на историческую родину.

[2] Альманах «Мысль».

15 декабря. Пятница

Как приподнято прошёл бы вечер Мусоргского, если бы не выступил д-р Л., друг Блюменталя, которого мы пригласили только в последний момент и по той только причине, что Блюменталь этого очень желал и один артист отказался. Он пропел какую-то банальную песню и внёс в наш вечер диссонанс. Вначале сердце было в восторге от возвышенной музыки Мусоргского, и я был внутренне благодарен Блюменталю за гостей; но слушать песню Л. было мучительно, и охватила грусть за других слушателей. Но странно то, что Блюменталь заранее знал об этом номере!! Так или иначе, было хорошо, и вечер всё же принёс своё благословение. Пришёл представитель ТАСС[1] и секретарь, оба со своими женами. Первый мне понравился, в нём виделась некая духовная заинтересованность. Во время концерта он просматривал сборник статей и выразился благожелательно об идеях моей статьи. Второй – суше, материалистичнее, дипломат, но у него больше влияния. Они пришли в качестве представителей ВОКС[2]. Если бы явился посол, то был бы более политический оттенок, может быть, и хорошо, что на этот раз он не пришёл. Ведь, вероятнее всего, правительство за ним следит. И как же оно теперь думает <о нас>, особенно после выхода сборника? Но наша совесть чиста, наша цель – культурное сотрудничество. В глазах Ульманиса дружить с немцами было бы хорошо, но с народом будущего, русскими, – грех?! Но сознание понемногу меняется. Что ещё будет в ближайшем будущем?! Тяжко на сердце и по поводу конфликта Финляндии и России. Может быть, на финнах лежит какая-то кармическая вина, но ныне, совершив нападение, русское правительство сильно усложнило кармические отношения.

23 декабря. Воскресенье

Блюменталь получил от Е.И. письмо с сердечным ободрением: «Только не опоздать бы, наши сердца на крыльях летят помочь молодёжи на родине». Мое сердце ноет: не ущемил ли я Блюменталя? Он ведь так много хорошего делает. Но я писал не с тем, чтобы укорить, но чтобы мне дали совет. Ибо оба друга вносят иное чувство в Общество, теряется согласие. Пусть они приходят и перестраивают сознание Общества, с которым они не согласны. Драудзинь грустит, что Учение поставлено как бы на второй план. В четверг в группе Валковский опять спорил с Блюменталем. Был бы Блюменталь терпеливым, ответил бы корректно и пояснил, больше ведь ничего и не требуется. Но у него совсем иной характер. Я спросил позже, приобретут ли друзья сборник? Ответил: 15 экземпляров приобрели. Но обещали – 150! И сборник будто бы не предназначен для отсылки туда![3] Это меня очень поразило и огорчило, всю ночь не спал. Это ведь была наша мечта – завоевать сборником сознание русской интеллигенции, и по уровню их сознания дать наше лучшее. В таком духе я и писал свою статью. И статью Драудзинь не напечатали, ибо была излишне эзотерической. Из сегодняшнего разговора я понял, что Блюменталь только бросается словами. По существу, наши мнения часто совпадают. Блюменталь начал сильно рекламировать сборник. И всяческими способами пробует распространить здесь. Но моё мнение: он главным образом годился бы ТАМ, здесь он может только разозлить некоторых шовинистов. Единственное благо, что сборник будет братски сближать латышское сознание с русским. Блюменталь говорит, что <сборник>, может быть, произведёт впечатление на наше правительство, которое настроено против русских. Но нашей первейшей задачей является всё же не сближение народов, а другое – зародить в русских симпатии к Н.К. и вызвать интерес к его искусству и культуре. Однако хорошо, что именно теперь пришло Письмо. Оно умиротворит умы. Завтра начнётся праздник мира. Будем отмечать и в нашем Обществе. Но над Землёй неспокойно. Если бы мои друзья со своим энтузиазмом были способны объединить членов Общества вокруг своего дела, то оно двигалось бы гораздо быстрее. Но на мою долю выпадает особенно трудная роль: примирить их с другими членами Общества.

[1] Телеграфное агентство Советского Союза.

[2] Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

[3] В СССР.

1940

14 января. Воскресенье

Этот год в моей жизни – самый трудный. Год великого испытания. Год величайшей ответственности. Этот год начался с Армагеддона. На Общество нахлынула волна смущения. Куда оба друга в своём фанатизме хотят завести Общество?

Вечер 24 декабря в Обществе! Вокруг этого вечера происходила такая борьба, но теперь уже не знаю, не была ли эта борьба величайшей мистификацией. Блюменталь когда-то подчеркнул, что его друзья будто бы следят за нашими вечерами по четвергам, что кто-то из наших членов даёт им отзывы, потому и рекомендовал проводить их «по сознанию», без эзотерики. Такими и были все вечера прошедшей осенью на темы Этики или Культуры. Но здесь возникла неясность с Рождественским вечером. Мы с Драудзинь договорились, что вместо традиционной молитвы она начнёт с параграфа из Учения и т. д. Блюменталь накануне позвонил, чтобы проводили «без сентиментальности и причитаний». Но уже нельзя было всю программу изменить. Нельзя было и предвидеть, что каждый будет говорить. Где они были раньше, когда мы обсуждали этот вечер в старшей группе?! Уже до начала вечера я ощутил большое возбуждение Гаральда. Друзья не хотели, чтобы выставлялся Портрет Учителя, но поскольку многие пришли с цветами и не были подготовлены к переменам, я всё же выставил. И тогда начался вечер. Я всё время волновался, ибо ощущал ярость обоих друзей. И, наконец, несколько дней спустя мы услышали от них тяжелейший упрёк: друг Блюменталя на второй день был у него и рассержено сказал: «У вас тут всё старое, а если так, то пусть ваш Рерих сидит в своих Гималаях». Стало быть, этот вечер скомпрометировал всё дело приезда Рериха, всю прогрессивную, добрую славу в глазах друзей Блюменталя! Я тогда полностью понял огромное волнение Блюменталя и Гаральда, и сам опечалился. Оказалось, что мои стихи о молчании сердца приняли за проявление пацифизма, цитаты Валковского из «Надземного» – совсем превратно – как направленные против России. Наибольшую бурю будто бы вызвала «гитлеровка» Ведринская, выступившая с молитвами вне предвиденной программы. (Драудзинь, отвечавшая за вечер, утверждает, что она выступала с разрешения самого Блюменталя.) Также отрицательное впечатление оставили дети и т.д. Между тем Буцена, который в своей речи тоже прочёл молитву, но в последнее время стал их другом, ни в чём не упрекнули.

Праздники прожил спокойно, ничего не зная о вызванном волнении. В четверг, 28 декабря, я как раз читал в старшей группе «Надземное», когда вошёл Гаральд, возбуждённый, встал у своего стула и остался стоять, хотя я просил его присесть. По всему его боевому виду я понял, что будет взрыв. Когда я закончил параграф, он сказал, что Вайчулёнис близок к уходу, и попросил, чтобы мы вместе отправились к нему. Я оставил группу и вышел с ним. Но по дороге он больше не упоминал о Вайчулёнисе, и – началось: нападки на меня за Рождественский вечер, который окончательно разрушил всё дело приезда Н.К. и т. д. Гаральд был в чрезвычайной ярости, мои возражения были напрасны. Но вскоре оказалось, что главным мотивом, почему он меня вызвал, было другое – он хотел, чтобы мы с Вайчулёнисом устранили некое недоразумение, которое очень рассердило друзей. Недавно на заседании группы, в котором Гаральд и Блюменталь не участвовали, Лицис объявила нам желание Вайчулёниса, чтобы Аринь взяла на себя всю ответственность за магазин, чтобы она могла контролировать отправки и т.д. Мы поняли, что Вайчулёнис хочет, чтобы её назначили в комитет наравне с Гаральдом и Блюменталем, так сказать, на его место. Валковский даже предложил назначить Аринь директором-распорядителем магазина. Буцен, в свою очередь, неправильно пересказал Гаральду, будто бы его хотят изгнать из магазина. Вайчулёнис, узнав об этом, был очень встревожен. Он мне сказал, что думал всего лишь о том, чтобы Аринь взяла на себя полную нравственную ответственность за магазин, и как-то участвовала <в делах>, например, в контроле, чтобы её ознакомили с письмами Н.К., относящимися к магазину, и т.д. Произошло небольшое недоразумение, но мне показалось, что здесь и кроется причина «крестового похода» против Валковского.

На другой день я говорил с Блюменталем по телефону, и 31 декабря, утром, пошёл к нему домой, в Межапарк, где у нас троих было заседание. Уже при входе в его дом я почувствовал что-то ужасное. Оба они были крайне недовольны и говорили на повышенных тонах. Блюменталь предъявил мне ультиматум. Так как Рождественский вечер был колоссальной ошибкой в деле их переговоров с друзьями, то теперь не остаётся ничего другого, как использовать все средства, чтобы спасти положение. Теперь остаётся: или мне уйти с поста председателя и ликвидировать Общество, ибо уйти мне одному по разным обстоятельствам было бы трудно; или ликвидировать группы Валковского и Драудзинь, и сместить их с постов руководителей. Обоих – за их противостояние. Единственная вина Драудзинь в том, что она когда-то шепнула Блюменталю на ухо вопрос о финских событиях: они всегда чрезвычайно волнуются, как бы кто-нибудь не подумал, что Россия с этой войной, пусть в малейшей степени, сделала ошибку. И почти все обвинения в адрес Валковского основаны на недоразумениях. Я подробно описал это в своих письмах в Индию, посланных и непосланных, потому не хочу повторяться. Всё это вызвало во мне тревогу и возмущение. Опозорить Валковского и Драудзинь перед всем Обществом? За что? Я понимаю: да, нужны перемены, но тогда иным, честным путём. Всегда можно найти братское решение, чтобы выйти из положения, если попытаться общими, едиными силами устранить ошибку. Так мы решили когда-то столь трудную проблему: когда была угроза запрета практики Гаральда, вся старшая группа выступила, как один; заботились об отзывах, обращались в «высшие инстанции», а также в определённый час посылали ему в помощь добрые мысли. Разве и теперь, в большом огненном единении, нельзя всё выправить? Но я не видел возможности что-то возразить против этого тона, полного вызова и упрёка. И на других членов Общества сыпались грубейшие слова. Я знаю, что с возбуждёнными людьми следует вести себя особым образом, потому сносил всё. Во-вторых, разве мог я сомневаться в серьёзности причин этой тревоги?

На следующий день мы с Драудзинь решили ехать к Блюменталю, пусть даже она появится там нежданной. Но утром, когда я встретил Драудзинь на трамвайной остановке, <она сказала>: «Иди один. Моё сердце этого не выдержит. Я не способна пробивать стены». Когда я приехал, они показали мелкодушное письмо, написанное Гаральдом, в котором я осуждался за «недоверительные отношения».

Далее следовали упрёки в адрес Валковского и Драудзинь, что первый своей сентиментальностью порождает предательство, вторая – будто бы против «северных событий». Всё – полный абсурд, безумие. Кто же в такой мере мог смутить сознание Гаральда? Он всюду преувеличивает – любит или ненавидит. И я растерялся. Неужели здесь произошло «космическое зло», как подчёркивает Гаральд, неужели приезд Н.К. придётся отложить на годы?! Как же я мог не верить правдивости переживаний друзей? Друзья на этот раз не настаивали на ликвидации группы Драудзинь, они хотели временно приостановить все группы и затем реорганизовать. Внутренне я был полон возмущения. Но если действительно какое-то изменение необходимо, то группы реорганизовать можно, тем более, я знал, что Драудзинь была согласна. Конечно, я никогда бы не позволил, чтобы друзья одни проводили реорганизацию, хотя, кажется, они этого хотят. Я надеялся, что до той поры придёт и Совет из Индии. Но когда ушёл от друзей, обдумывая, то всё больше убеждался, что приостанавливать группы теперь, зимой, означало бы внести в Общество моральную дезорганизацию. Особенно – без какого-то важного, всем известного мотива. И к тому же в старшей группе определённо будут против закрытия групп. Ведь абсурд, чтобы я не считался с мнением других членов правления! Только позже я ясно осознал, как недостойно вели себя друзья. Они хотели любой ценой добиться своего, отстранить К. Валковского и настроить Общество враждебно. В чём же вина К. Валковского? Много думал и почти все упрёки считаю необоснованными или вызванными недоразумениями. Он, как и Драудзинь, любит новую Россию, к этому подготовил и сознание своей группы, но невозможно любить точно так, как Блюменталь, который игнорирует... Латвию. Кто же из нас не принимает лучшего в нынешнем устройстве? Обида, скорее всего, является личным чувством Блюменталя. Вина Валковского в том, что на Рождественский вечер он выбрал параграф, который мог задеть политику и вызвать недоумение.

Но из-за этой ошибки нельзя навсегда осудить человека. Гаральд подчёркивал, что в Обществе необходимо провести чистку, ибо Е.И. в письме к Драудзинь (VII.39) предложила сделать это в старшей группе. Но Драудзинь в своём письме тогда говорила о нарушителях дисциплины в Обществе, больше всего думая о самом Гаральде, но не называя его имени. И Е.И. тоже думает, что таких нарушителей надо понемногу отсеивать. Так Гаральд, сам не ведая, обратил оружие против себя! Хоть бы он когда-нибудь заметил соринку и в своём глазу. Много, много мне приходилось грустить по поводу отношения Гаральда к членам Общества. Когда-то я даже делал ему замечания, но это нисколько не срабатывало, скорее – вызывало противодействие. Так Гаральд отстраняет свои чудесные способности, не реализовав их. Много настрадался я за эти два дня. Но я относился бы ко всему этому совсем иначе, если бы друзья постоянно не подчёркивали вины перед делом.

После глубоких размышлений, 2 января в квартире Гаральда я наконец объявил своё категорическое решение, что без совета Е.И. отказываюсь ликвидировать группы. Притом и юридически я один этого сделать не могу. Не хочу уничтожать Общество. После моих слов произошёл взрыв. Друзья забросали меня самыми жуткими, кощунственными словами и, не простившись, ушли. Я вышел в совершенном смущении. Неужели случилось то же самое, что в Америке? Неужели Общество перед развалом? Что они будут делать, отомстят ли и как? Это были мои тяжелейшие часы. Я ведь ещё был столь неопытным и всё строил на доверии. И если нет доверия между приверженцами Учения, то разве возможно вообще дышать? При мысли об этом безумии мне становилось жутко: как же друзья всё это могли? Неужели они на самом деле так далеко стояли от Учения, что могли применить такую тактику? Гаральда я виню меньше, ибо он фанатичен и притом полностью под влиянием Блюменталя. Теперь, после всех размышлений и наблюдений, вижу, что Блюменталь отчасти сознательно, отчасти несознательно всё это дело преувеличил, чтобы убрать с дороги Валковского, провести в Обществе изменения, укрепить своё влияние и повернуть руль Общества, по возможности, в свою сторону... В тот же вечер собралось нас шесть человек и обсуждали, что делать. Посылали друзьям хорошие мысли, и решили это делать ежедневно. Надеялись найти какое-то примирение. Позже с ними говорили Стипрайс и Буцен. Стипрайс – младший руководитель группы, которого уважают за правдивость. Он говорит: «Надо идти прямо, ни влево, ни вправо, хотя следует проявлять симпатии к теперешним достижениям России». Плачевней всего вёл себя Буцен, который внезапно стал их другом, хотя Гаральд всегда и везде был против Буцена из-за его поверхностности и «церковного» поведения. Если бы Буцен не рассказал, и притом – превратно, про дело с магазином, друзья, быть может, так сильно не обиделись бы и весь «крестовый поход» против Валковского не начался. Таковы мы, когда всё человеческое поднимается до предела. Это были дни испытаний для всех нас. И я могу понять это только так, что при испытании всплыла вся их тайная натура, ибо таких качеств в Блюментале и Гаральде я не знал.

Друзья повлияли и на бедного Вайчулёниса, который их всегда и везде поддерживал и признавал, что нужно торопиться. Мы с Драудзинь решили Вайчулёнису о друзьях ничего отрицательного не рассказывать, ибо тогда он волнуется. Но утром 5 января, когда я его навестил, встретил большую неожиданность. Уже несколько недель он был очень слабым, в последнее время лежал даже как бы в полубессознательном состоянии. Но на этот раз он принял меня бодрым, со столь светлым взглядом и одухотворённым лицом, что невольно я подумал о святых. Его белые длинные волосы и борода ещё усиливали впечатление. Первое, что он мне сказал, было какое-то глубокое самоосуждение. Он говорил о своей вине и ответственности, с которыми всю ночь боролся. Я не понял конкретно, о чём именно он думает; конечно, это могло быть связано только с Обществом. Я сказал, что всю ответственность несу я один, что во всём виноват я. Так я постепенно его успокоил. Позже во второй комнате я долго беседовал с его дочерью, г-жой Аншевиц. Г-жа Аншевиц – человек духовный, хотя не слишком активный, и я ей полностью доверяю. Она сказала, что её отец всегда был весьма хорошего мнения о друзьях, соглашался, что им в своём деле надо торопиться, не очень одобрял мою осмотрительность. Но позавчера утром, только проснувшись, будто бы в каком-то видении, он сказал: «Но Блюменталь тоже виноват». Блюменталь, желая меня убедить, часто подчёркивал: «Даже Вайчулёнис, больной человек, понимает, а ты не можешь понять».

Но теперь оказывается, что и Вайчулёнис думает иначе. Ещё одной тяжкой проблемой, с которой могло быть связано острое чувство вины у Вайчулёниса и которую я теперь вряд ли выясню, было: Блюменталь мне позже сказал, что и Вайчулёнис подписал письмо Гаральда, ранее упомянутое, но что он его в Индию не отослал, так же как не отослал телеграммы (в чём меня заверял). Неужели Блюменталь и в смертный час не давал покоя человеку, охваченному жуткими болями, который все эти дни пребывал в ожидании ухода? И если даже Блюменталь прочёл письмо Вайчулёнису, он не был в силах осознать всё, там сказанное. И Аншевиц говорила, что Вайчулёнис даже не был способен подписаться. Потому не верю словам Блюменталя, ибо с его стороны это тоже было бы тягчайшим деянием. И странно, когда я проснулся 8 января, во мне живо трепетала мысль: поспешу к <телефонному> аппарату и буду кричать Блюменталю: «Человек уходит, искупи свою вину, пока не поздно!» Жаль, что я этого не сделал, ибо вечером друг ушёл. При нём была Аншевиц и ещё кто-то из женщин, членов Общества. В то утро я был у него и видел его спокойно лежащим – в последний раз. Накануне, около полудня, когда я его навестил, он мне сказал: «Рихард, я тебе передам Знак». Он, видимо, думал об уходе. Я его успокаивал, и он погрузился в полудрёму, просидел я у него долгое время. В последние дни он просил Владыку принять его к себе, ибо ноша страданий была невыносима. Пусть Владыка перенесёт оставшуюся долю страданий на следующую жизнь. В тот же вечер, после его ухода, мы, его друзья, собрались у него. На следующий день у нас было торжественное заседание старшей группы. В четверг – вечер, посвящённый памяти Вайчулёниса, и в пятницу мы проводили его физическое тело к месту последнего отдохновения. Вайчулёнис был счастливым. Но сердце моё всё время было полно бесконечной ноющей боли. Даже теперь, в эти скорбные минуты, друзья не смирились. Гаральд с Буценом в старшей группе предложили переизбрать правление, то есть созвать общее годовое собрание членов Общества намного раньше, чем в иные годы. О переизбрании правления и мы с Драудзинь много думали, ибо друзья такие требования выдвигали. Возможно, что так было бы лучше, пусть бы переизбрали всех заново, пусть активные члены выскажут свою волю. Может быть, так на время очистилась бы атмосфера. И не нужно думать, что Валковского не избрали бы заново. Потому мы в старшей группе думали, не назначить ли собрание на 1 февраля. Но здесь всё же появились серьёзные соображения. Валковский сообщил, что друзья агитируют против него. Якобсон в полной растерянности. И он не допустит, чтобы его запятнали. И притом годовое собрание совсем невозможно так срочно созвать, ибо необходимы подробные отчёты и т. д. Завтра будет заседание правления, и мы это обсудим. Как поведёт себя Гаральд? Чувствую, что он изменится.

17 января

В субботу, пока меня не было дома, приходил Гаральд, принёс фризии. Он прослышал, что я болею. Говорил с моей женой. И – вполне вежливо (возможно, что чувствует себя неловко после последних нападок, в том числе и на неё). Вернувшись домой, я был приятно удивлён и в восторге написал сердечное и длинное письмо Гаральду, которое смог ему отослать только в воскресенье рано утром. Он ныне живёт в Межапарке. Что из того, писал я, что у каждого из нас индивидуальный подход, ведь разнообразие как раз необходимо. Нельзя судить о человеке по его характеру, нужно судить по сердцу. Нужно терпеливо относиться друг к другу. Валковского и Драудзинь он, наверное, не понимает потому, что не поговорил с ними основательно. Сердце говорит мне, что в Обществе надо найти взаимопонимание. Если рассуждать иначе, то я – не понимаю Учения! У нас у всех общая цель, разве вопросы тактики могут нас разъединить? Можно ведь согласовать разные темпы. Единственно наши Водители могут всегда разъяснить истину и правильность действия, к ним и надо обратиться. Ведь все мы желаем лучшим образом исполнить труд Учителя. И что же, по поводу всего моего сердечного посвящения, когда я вчера спросил Гаральда, что он думает о моём письме, он ответил: «Нельзя же добиваться мира любой ценой!» – «Ну хорошо, – сказал я, – возможно, некоторые уйдут из Общества. Но если обе противоположные стороны останутся в Обществе и даже не попытаются найти взаимопонимание?» Я ожидал, что Гаральд после моего письма станет умереннее, что уже будет хорошо. Но вчера на заседании он опять стал очень резким.

Всё время вёл себя вызывающе, будто он – единственный судья всем нам. Критиковал правление и особенно Валковского. Но Гаральд до сих пор был секретарём только «pro forma», вместо него всё делал Валковский. Всё же, с другой стороны, за последние два года Валковский в Обществе отошёл на второй план, большую роль играл Гаральд, потому было неуместно упрекать, что Валковский определяет жизнь в Обществе и что я под его влиянием и т.д. Всё же я больше советовался с Е.Драудзинь, но не с Валковским. Гаральд вновь упрекал меня и особенно Валковского в том, что я когда-то уже пытался логически опровергнуть, но, видимо, это не дошло до его сознания. Когда его спросили, отчего же такая поспешность с перевыборами, Гаральд сказал: большинство членов Общества против нынешнего правления. Е.Драудзинь схватилась за голову: «Какая ложь!» Из всех сорока членов мы знали только нескольких, которые стоят за друзей. Они повлияли на Якобсона, который, как оказалось, неуравновешен, начал агитировать против Валковского. Необходимо будто бы внести новый дух, но какой?! Политику? Но открыто-то политику сам Гаральд отвергает. Валковский, по их мнению, занимается политикой, ибо якобы высказывается против России. Я Гаральду доказал, что это абсурд и несправедливость, ибо как Валковский, так и другие в своих группах много говорят с симпатией о России. Валковский вчера отвечал Гаральду определённо, но временами не чутко, тем ещё больше вызывая новые резкости и ещё больше разъяряя Гаральда. Валковский мне сказал, что в Учении сказано, что на грубость не следует отвечать вежливостью. Но где же это написано? Валковский ведь поначалу пытался подойти к нему весьма дружественно, просил, чтобы Гаральд сказал, что же он имеет против него. Но Гаральд уклонился. Такие дела опять происходили в нашем святилище, в зале, за круглым столом, и на нас с портрета с укором взирал Феликс Лукин. Общее собрание мы решили созвать 22 февраля. Это станет величайшим, решающим днём. Лишь бы мы получили до того времени указания из Индии. Вчера Гаральд расстался с нами более вежливо. Что же его до такой степени смутило? Если бы он по-человечески выслушал Валковского, они могли бы понять друг друга вполне хорошо.

20 января

В четверг утром я опять отослал письмо в Индию, и когда возвращался домой, на сердце было смертельно тяжело. Сердце все эти дни болело, но были часы, когда боль перехлёстывала через край. Ведь всю ответственность несу я. Именно я должен был уже в самом начале всё предчувствовать и мужественно противостоять. Но как же не доверять друзьям? Я доверял им до последней возможности. В моём сердце происходила борьба между голосом правды и доверием. Сердце моё кричало: так нельзя, если налицо такой метод – значит, это неправда! Но ум успокаивал: они ведь выступают во имя святого дела Н.К.; они ведь не осмелились бы притворяться?! Да, Гаральд полностью под влиянием Блюменталя. Пока Блюменталь поспокойнее, трудно иной раз понять, что же он за всем этим скрывает. Гаральд в высшей степени фанатичен, его поведение нередко мальчишеское. Больше всего именно своим огнём он может повлиять на других, если только в этот момент не грубит. В тот же день, когда я отослал письмо, мы получили два письма от Е.И. в одном конверте. Я читал, и опять радость засверкала во мне. Наконец пришёл долгожданный ответ на моё письмо от начала декабря, где я уже писал, что односторонность друзей угрожает внести в Общество дух недоверия. Очень определённо, твёрдо и впечатляюще Е.И. пишет и призывает к сотрудничеству и единению. Каждый раздор теперь означает величайшее преступление, теперь, когда, согласно словам Учителя, Армагеддон достиг величайшей степени напряжения. Вечером фрагменты из писем я прочёл в старшей группе (присутствовали и оба друга), позже в общей группе прочла Элла. Там, где упоминается, что нужно искать связи с друзьями, особенно с теми, которые интересуются Учением, Элла повторила <фрагмент> из предыдущего письма, чтобы исправить ошибку Блюменталя – искажение текста, где он пропустил место об Учении, и таким образом получалось, что Владыка советует только вступать в связи с друзьями, без мотивов Учения, – этим Блюменталь желал оправдать свою деятельность. Это предложение сильно повлияло на некоторых членов, создав совсем превратное, искажённое понимание мысли письма! Блюменталь до того запутался в сетях своей тактики, что временами больше не соображает, что хорошо, а что нет. И Гаральд!

Стипрайс читал присланные Н.К. <статьи> и фрагменты из «Надземного». Я думал, что письма Е.И. произвели глубокое впечатление и на Гаральда. Но после собрания он спокойно подходит ко мне и говорит: «Знаешь, ты должен помочь провести такой состав нового правления...» Там в списке были все молодые, кроме него и меня. Стало быть – ни тени взаимопонимания! Я ответил: «Наш закон – добровольность, а не насилие. Если большинство старших членов будут против, я не смогу такой список рекомендовать. И я сам охотно видел бы Валковского в составе правления. Если невозможно найти единение, то пусть активные члены сами предлагают и голосуют». Гаральд ответил: «Если дойдёт до собрания, то я начну агитацию». Почему Гаральд боится мнения активных членов, которые есть совесть Общества? Конечно, на одного-другого повлиять можно, но большинство – люди Учения и знают, что делают. Так опять тяжесть легла на сердце. И всё же теперь намного легче. Е.И. пишет: «Культурные общества – это спасительные якоря планеты. Главное – идти путём Учения». Я это знал, но теперь вновь нахожу подтверждение огню своего сердца. Если начнётся борьба, то буду знать, что и Е.И. её поддержит. Но внутренне верю, что до резкого противостояния не дойдёт. Не знаю и теперешнего мнения Блюменталя, ибо наша встреча была краткой. Жду, пусть он придёт ко мне. Достаточно он меня мучил. За моё сердечное доверие – как он отплатил?!

22 января

Сегодня, просыпаясь, я видел сон. Слышал голос: «Рерих приедет в Латвию». Но подумал: как же он отсюда попадёт в Россию? Я был глубоко взволнован и проснулся просветлённый духом. Чувствовал – в скором времени должно случиться что-то хорошее. Не придёт ли телеграмма из Индии? Сегодня, когда я писал работу о «радости как особой мудрости», наконец испытал прилив радости. Давно, давно подобного не ощущал. Ибо я думал об Учителе. Он тоже зовёт перенести сознание «в область, где нет страха и уныния».

9 февраля. Пятница

В последние недели я старался интенсивно углубиться в работу, приводил в порядок свои эссе, находя в этом небольшое удовлетворение. Хотел выпустить в свет к Пасхе. Однако Раппа отказался издавать: будто бы излишне «рериховские». Больше всего он возражал против моей статьи о д-ре Феликсе Лукине. С тяжёлым сердцем я отдал Малитису. Тот сказал: «Через две недели дам ответ!!» Но как же я смогу издать к Праздникам? Приходится ждать. За минувшую неделю Гаральд несколько раз приходил ко мне. Такого его поведения я раньше не видел. Как он может быть столь грубым и сам этого не сознавать? Зачастую он не говорит, но кричит. Что за мучительные часы быть с ним! Он приходит с предложением, но если я немедля не соглашаюсь, то сердится. К примеру, он хотел, чтобы я вступил в Общество латышско-русского сближения. Когда я попросил рассказать подробнее об этом обществе, стоит ли в него вступать, он сразу рассердился. Если я не ошибаюсь, он сам мне когда-то говорил против него, и ныне вижу, что в правление этого общества вновь назначены люди из нашего правительства. Позже, правда, я подумал – возможно, всё-таки стоит в него вступить, но надо собрать больше сведений. Или ещё – пришёл однажды с предложением выдвинуть проект: вместо старшей группы избрать «временное» правление. Только на три недели, до выборов. Но разве это не комедия? Притом протоколы нового правления надо было бы подписывать старому! Гаральд и не подумал, что в старшей группе большинство голосов всё равно будет за Валковского. Гаральд вечно изобретает самые оригинальные идеи, лишь бы только отстранить Валковского, или по-хорошему, или по-плохому. Но я ведь не могу быть реализатором его идей. Сколько Гаральд неотступно спорил об этом! Часто просто не было сил говорить с ним. И этот насмешливый тон. Если бы я принял подобное поведение, то рухнули бы все основы Учения. Что сделало его таким?! Или он болен? У него больное сердце и нервность, но это ещё не даёт права переступать все границы. И главное, не могу больше с ним говорить, ибо он искажает мои слова, в чём-то подозревает. Но моя вина скорее в том, что я был излишне терпеливым и кротким с ним.

В минувший четверг Гаральд хотел выступить в старшей группе с предложением избрать новое правление. На это заседание я шёл в напряжении, ибо мне следовало бы отклонить идею Гаральда.

Но я услышал, что Гаральд говорил, что и он решил ждать ответа из Индии. Наконец! Ведь я это ему и предлагал! Что же они напишут? Перед какой тяжёлой задачей поставлены и наши Руководители. Ибо Гаральд, скорее всего, в своём великом недовольстве пишет абсурдные вещи. Однако верю, что в последний момент придёт спасение. Может быть, и Н.К. уже в дороге? Кто знает, как всё решится?

На прошлой неделе в среду мы созвали заседание правления. Гаральд не пришёл, хотя мы его несколько раз приглашали. Он якобы говорить будет только с новым правлением! Разве серьёзный человек может так заявлять? Мы обсудили положение издательских дел Общества, которые столь сложны потому, что у Общества наряду с официальным существует ещё иное издательство, книги которого концентрируются в магазине Аншевиц. В последнее время <решили> всё опять объединить в Обществе и магазин перевести на имя Общества. Особенно теперь, когда Вайчулёнис, её отец и верная опора, ушёл. Но ныне выясняется, что Гаральд хочет, чтобы всё оставили по-старому, а наперекор его воле мы ныне не можем действовать. Такой позор, что всё это может происходить в Обществе! Гаральд так много вносил пожертвований, что с ним нельзя не считаться. На нём и вся ответственность за оплату Монографии, долги ещё велики, около 30.000 латов. Кто же их осилит? Все средства Гаральда в минувшем году ушли на строительство дома. На Монографию много давал и Мисинь, около 16.000 латов. Оборот у него – на строительстве зданий – большой, но время ныне трудное. Он обещал ещё дать на Монографию, но теперь больше не может. Гаральд ему не верит, и так возникают нападки и злость. Как много пришлось испить горечи от споров Гаральда с Мисинем! Гаральд подписал громадные гарантии на его постройки (подписала и Драудзинь) с тем условием, что Мисинь в скором времени пожертвует <на Монографию>, но теперь испугался и требует вернуть гарантии. Я не хочу здесь всё это излагать. Последнее действие всего этого было вчера. Гаральд примчался ко мне на минуту и потребовал, чтобы я на старшей группе настоял на возврате Мисинем его гарантий в обмен на вексель. Я сказал, что это дело надо решать им самим, а не Обществу. Он убежал рассерженным, не простившись. Также он возмутился, когда я сказал что-то неправильное о сроках гарантии. Позже Драудзинь напомнила, указав, что я запамятовал, и написала по этому и другому поводу сегодня письмо Гаральду. Посмотрим, что он ответит. Разве действительно невозможно всё решить дружески и по-братски? Что с Гаральдом происходит? От меня Гаральд помчался к Драудзинь, отругал её, затем они оба с Мисинем встретились в Обществе, и мы ещё в группе слышали повышенный, раздосадованный голос Гаральда. Оказалось, что позже условились таким образом, что Мисинь подписал контрвекселя против гарантий, но эти векселя взяла на хранение Драудзинь. Ибо Мисинь опасался, что если векселя возьмёт Гаральд, то когда-нибудь в гневе может пустить их в оборот и тогда Мисинь немедленно станет банкротом. Как невыразимо трудно и позорно всё это писать. Но это – страницы из современной действительности. Когда во всём мире столь жутко свирепствует Армагеддон.

10 февраля

Вчера мы с Е. Драудзинь и Валковским обсудили состав нового правления. Наметили совсем новое правление, которое было бы нейтральным рабочим органом. Много мы прикидывали и размышляли. Если все старые уйдут и среди молодых останется Гаральд, то несогласия начнутся вновь. Но чисто психологически это больше невозможно выдержать. В конце я попросил Драудзинь взять на себя пост председателя. Но она отказалась. А сегодня как-то глубоко чувствую, что Драудзинь всё же надо будет решиться. Хотя Гаральд на неё и сердит, позавчера, уходя, назвал её даже «предателем», однако только женское сердце в эти переломные дни найдёт какое-то согласие. И с ней Гаральд скорее смирится. К тому же у неё, как у зубного врача, большой жизненный опыт. Как Гаральд меня ненавидит! Гаральд только что мне позвонил, в ответ на моё сердечное письмо. Вся сущность моя рыдала, слушая его насмешливый тон. Что я мог сказать в свою пользу? Он не верит, что я мог запамятовать срок <гарантий> Мисиня. Точно так же, как он не верит ничему, что я говорю. Но если за всю мою жизнь меня и можно в чём-то обвинить, то не в неправдивости, скорее – в излишней искренности. Мне часами было больно за каждое грубое слово, которое мне приходилось слышать.

Такую грязь приходится выслушивать, но как же бороться против друзей? Многократно легче бороться против величайшего врага.

13 февраля. Понедельник

Вчера я имел самое глубокое и дивное душевное переживание моей жизни. К вечеру я получил телеграмму: «Richard reaffirmed president society. Appreciate greatly unity among friends. Roerich»[1].

Сразу после того, как я внутренне решил доверить руководство Обществом Драудзинь, и когда Драудзинь в конце концов в душе тоже примирилась и согласилась, – пришёл ответ. Чувствую, что Владыка видел и знал наши переживания и дал своё Решение.[2]

Вчера утром, просыпаясь, я видел сон, что долго мою руки. Воистину, в последние дни я словно облит грязью. Как чрезвычайно трудно выслушивать всё банальное, что в конце концов не имеет под собой основания. Что же ещё он напишет в Индию? Внутренне я всё совершенно отверг, но как же очистить атмосферу? Ах, Гаральд, что же с тобой?!

Новый путь мне надо начать. Как же свершить труднейшее – примирить то, что ныне кажется непримиримым?

Вчера мне пришлось долго говорить по телефону с Блюменталем. Теперь он согласен отложить выборы. В своём отношении к Валковскому не изменился. Как же люди могут быть такими?!

27 февраля

В воскресенье, 18 февраля, в Обществе я встретился с Гаральдом и Драудзинь. Относительно нового правления прийти к согласию не удалось. Насколько раньше Гаральд был против Буцена, настолько теперь его защищает. Ибо Буцен ныне хочет угодить всем. Странный человек. Озадачился тем, что его не выбирают в правление, но в Обществе он был статистом. Какую же работу можно ему доверить, он ведь слишком стар и небрежен. В эти дни мне больно за Буцена, ибо он сознательно или несознательно, будто бы желая объединить, ещё больше запутывал. Наконец, мы все втроём решили – выборы отложить. Дождаться ответа из Индии (каждый ожидал своего ответа). Во-вторых, политические события до того сгустились, что можно ожидать и в Латвии каких-то перемен в связи с тем, что политика Ульманиса всё время нагнеталась против России. Люди говорят о многом. Известно, что правительство следит за нелатышскими обществами, могут быть даже ревизии. И поэтому ныне резкая перемена в правлении нежелательна. По крайней мере, Блюменталя выбрать невозможно, ибо правительство, вероятнее всего, его не одобрит. И в Обществе возбуждение по отношению к обоим друзьям столь велико, что может случиться, что их не выберут, даже если бы я их предложил. Являясь в Общество, они позволяют себе такое поведение, будто бы стоят над Обществом, на собрания не остаются. Что же мне делать? Ведь их критические высказывания доходят до ушей членов Общества.

Буцен наконец получил от Е.И. письмо, главное, что она там пишет, это – о шовинизме и т. д. Мы решили, что Буцен, Гаральд и Блюменталь обвинили часть наших членов в шовинизме, что является величайшей ложью. Кто именно это писал, мы так и не узнаем, ибо Буцен оправдывается, что не писал, может быть, он писал что-то вместе с Клизовским? Эти их письма ведь отправлялись после злосчастного Рождественского вечера. Письмо Е.И. многих смутило. Она ведь отвечает на то, что кто-то писал ей. Потому так, с невыразимым горением, ожидали её ответа на наши письма: мои, Драудзинь, Валковского. Отчего ответ её медлит? Неужели моё длинное письмо от 9 января они получили только 11 февраля, когда мне послана телеграмма? Обычно письма идут 20 дней. Знаю, как много членов Общества страдают по поводу оскорблений обоих друзей. Кто же из старших не понимает, что договор с Россией не только необходим, но и является Щитом! Ведь мы все воспитаны космополитически. Кто же не понимает планетарного значения России, кто же не любит хорошее в её устройстве, в её душе? Но почему оба друга хотят всем другим навязать *своё* мнение? Зачем желают втянуть нас в политику? Учение... это синтез всей жизни...

---

[1] Рихард вновь подтверждён председателем общества. Соблюдайте величайшее единение среди друзей. Рерих *(англ.).*

[2] Позже Гаральд сказал Драудзинь, что это – по его рекомендации! – *Пометка Р. Рудзитиса.*

Гаральд в разговоре со мной напомнил о длинных письмах, которые он писал в Индию; я догадываюсь о нелепостях, которые он написал о членах Общества, и с весьма тяжёлым сердцем взялся писать новое письмо. Как бы я хотел, чтобы мне больше не пришлось касаться этой болезненной раны. Я ведь не хочу никого ни критиковать, ни осуждать. Какими бы ни были нападки, во мне снова и снова рождаются лучшие чувства к Гаральду, я ежедневно шлю ему мысли любви. Я писал, что не защищаю Валковского во всём, но защищаю сам принцип справедливости, ибо мне казалось, что Валковского позорят и оговаривают. Теперь одно письмо пошлю через Таллин. Не знаю, писал ли что Гаральд обо мне, но самого себя защищать прямо-таки стыдно. Кто же из знатоков латышской литературы не знает, что меня называют интернационалистом и т. д. Рассуждая логически, когда-то я даже укорял себя в том, что мне полагалось бы иметь больше чувства долга по отношению к народу, который подарил мне мою нынешнюю плоть – неизменно я чувствовал себя общечеловечески.

17 марта. Воскресенье

Дни великого испытания продолжаются. Что же впереди? Что принесёт эта весна? Какие невыразимые события ожидают человечество? Думаю, пройдут выборы, и станет легче, но сердце налито великой тяжестью. Испытания ещё впереди и для всего Общества, и для его членов. Каждому надо показать готовность духа, доверие и преданность до конца.

Во вторник, 5 марта, Драудзинь наконец получила долгожданное письмо. Получила и, читая, пережила величайшее неожиданное потрясение своей жизни. Она мне созналась, что весь день плакала, «как побитая». В тот же день и я получил возможность ознакомиться с письмом. Оказывается, наш подход к делу Валковского всё-таки был ошибочным, Е.И. смотрит на него плохо, он порядком не понимает Учения и т.д. Особенно он скомпрометировался письмом, которое отослал в связи с Рождественскими событиями, он писал, торопясь и, видимо, слишком резко. Она говорит, что не слишком бы печалилась, если бы Валковский со своей чересчур большой осторожностью вышел из правления. Она пишет, что привыкла слушать свою психическую энергию, и она её никогда не обманывала. Разумеется, и Гаральд, и Блюменталь писали о нём много плохого, и, быть может, в те дни тяжких переживаний он был духовно утомлённым. Правда, есть в Валковском известная неподвижность духа, неэластичность, строптивость, даже – узость, но в отношениях <с людьми> он был неизменно корректным и культурным. Когда он вдохновлён, говорит чудно и возвышенным духом, но нередко бывает несообразительным, даже наивным. Он ведь был нашим единственным оратором. Члены Общества его любят. Конечно, Е.И. видит лучше. В последние годы, особенно в минувшем году, я меньше с ним общался, его негибкость меня отталкивала, моим сотрудником больше был Гаральд и затем Блюменталь. Сами друзья в последние месяцы его опять выделили и выявили в моём сознании. Я неизменно желал видеть в нём больше духовной эластичности и огненной стремительности, но меня привлекала его деликатность и сердечность. Я потому его так защищал, что мне казалось, что я отстаиваю принцип справедливости, ибо против Валковского и других членов друзья выдвигали много упрёков, но большинство из них мне казались ложными.[1] И всё же! Получил и я от Е.И. краткое письмо (единственное; предыдущее, которое она мне послала и которое я так ждал, значит – пропало!), в котором она предупреждает меня быть осторожным с Валковским, ибо он многого не может вместить. Она говорит: «Цените Гаральда и Ивана – так Указано!» Все эти две недели я пытался всё понять глубже и переориентироваться. Как только Драудзинь получила письмо, уже на второй день мы решили встретиться с обоими друзьями и возобновить наш нуклеус. Ибо в письме сказано: «Рихард Яковлевич совершенно необходим как председатель, и я не вижу, как может он оставить свой пост, ведь он был Назван и Утверждён. Так ещё раз было повторено: "Рихард нужен, нужны Гаральд, Иван и Екатерина". Так указаны наиболее нужные сейчас деятели. И, конечно, эти четыре лица представят собою нужное равновесие». Дальше она защищает широкую натуру Гаральда, он стремится всё выполнить насколько возможно лучше, потому она подходит к нему со всем нежным пониманием.

[1] Блюменталь позже мне сказал: «Валковский сам по себе малозначительный фактор, я тоже боролся за принцип!» Где здесь логика? – *Пометка Р. Рудзитиса.*

Блюменталь болен, и по этой причине надо относиться к нему бережно. Как много обдумывал я это письмо, каждое предложение! Важно и следующее: «Многое, о чём Вы пишете, правильно и, конечно, требуется обоюдное сглаживание и сдерживание не в ущерб неотложному действию». Позже также Клизовский, Гаральд и Блюменталь получили письма. Клизовскому она пишет: «Знаю, что Рихарду Яковлевичу, как председателю, особенно трудно, ему надо проявить разумную осторожность, потому он нуждается в ободрении и поддержке. Нелегко и Гаральду Феликсовичу и Ивану Георгиевичу, но думают они правильно». И Гаральду: «Понимаем труднейшее положение Рихарда Яковлевича, ведь ему необходимо избежать раскола, за которым могут последовать и предательства». Действительно, насколько невыразимо трудно было. Я ждал хотя бы малейшего указания, хотя бы линии, которой придерживаться в действиях. Возможно, это и было в том письме, что я с кровью сердца ждал, о котором она упоминает сотрудникам, но оно, вероятнее всего, погибло. Потому в таком одиночестве я пребывал все эти дни. Знаю, что Учитель всё же меня не оставит. В свои тяжкие дни я шёл неизменно к Нему. Сознаю, что немало я ошибался, но всем существом желаю спасти Общество, спасти единение в нём и спасти сознания членов Общества от разрушения. Но, с другой стороны, боюсь хоть где-то, хоть в малейшей мере задержать великое дело, которое свершают друзья. Во мне живёт чувство великой ответственности за Общество, помогли бы оба друга мне в этом. От них больше всего это зависит! Но они в своей идее столь стремительно мчатся вперёд, что Общество зачастую и не видят. Разве смею я их в чём-то тормозить? Или всё же они иногда переходят границы целесообразного? Как мне знать, если до сих пор они действовали верно, если их поступки до сих пор оправданы? Таковы мои тяжкие размышления. Но знаю и ощущаю, что с их стороны будут многие шаги, которые возложат на Общество громадный риск и ответственность.

Первое заседание нуклеуса было спокойным, сердечным. Но когда Блюменталь наконец представил нам план своего будущего сборника[1], от него веяло такой абсолютной категоричностью, что возражения заранее полностью исключались. Второй номер он хочет посвятить русской армии и России вообще. Может, дать какую-то статью и о латвийской армии? Я задрожал. Что скажет наше правительство? Оно никогда не пропустит книгу, в которой только восхваляется армия иного государства. Друзья ответили: «Пропустят, за это мы отвечаем».[2] Однако они обещали печатать книгу только тогда, когда придёт положительный ответ Н.К. Письмо к Драудзинь вызвало нервность, поскольку полностью она прочесть не могла, но такое положение вызвало подозрение. Друзья возбудились, когда <Драудзинь> всего не прочла. Блюменталь на следующий день пригрозил, и Драудзинь, поражённой таким методом Блюменталя, пришлось уступить. Блюменталь подчёркивал, что ныне, когда между нами опять дружба, не должно быть тайн. Но говорят ли они всё? И какие же были результаты: во время выборов они что-то наговорили Буцену, и он кому-то из членов сказал, что Валковский отказался от работы в правлении по указанию Е.И.!! Где же здесь нуклеус?! Не хочу излишне упрекать, ибо и я когда-то ошибался, единственно меня опять удивила бестактность Буцена, притом в такой мере, что в тот день, когда я это узнал, был болен почти до отчаяния. Моя жена чрезвычайно встревожилась, когда я сказал, что есть письмо, но всего не рассказал. Притом она узнала, что у нас было заседание. Она, конечно же, понимает, что могут быть конфиденциальные вещи, но я в тот вечер, от усталости, не сумел её успокоить, и подозрения возросли ещё больше. Не связаны ли друзья с политикой, – все эти дни такая мысль мучила её сознание. Я успокаивал, сколько мог, но, по существу, и я всё ещё внутренне не имею ясности, где кончается чисто культурный мост с Россией. И, помещая статьи об армии, разве мы не входим в сферу политики? От моей сущности всё это далеко. Но всё решит Н.К. Я писал неоднократно об этих вопросах, разумеется, прикасаясь кратко, так, чтобы можно было понять, но – ответа нет. Моя жена и другие члены Общества всё ещё возмущены неэтичными методами, которыми пользуются друзья. Успокаиваю, сколько могу, говорю, что Гаральд ныне действительно иной, что больше не такой раздражённый, как раньше, что уже спокойнее и вежливее, и у меня есть ощущение, что он желает исправиться.

[1] «Литературные записки».

[2] Позже сказали: «С помощью». Чьей? – *Пометка Р. Рудзитиса.*

Своими отрицательными мыслями мы только мешаем ему освободиться от недостатков. И Блюменталю надо хоть что-то понять. Только в последнее время Гаральд мне сказал, что Блюменталь серьёзно болен почками. Теперь его положили в больницу на обследование.

Четверг, 14 марта, был одним из труднейших дней в моей жизни. Может быть – самым тяжким. Моя жена была опять очень расстроенной нашим вчерашним заседанием, всю ночь мы не спали. Бесконечно она спрашивала: «Нет ли здесь политики?» Она съездила к Драудзинь, которая прочла ей часть из письма. И Валковскому, когда тот просил, она в конце концов сказала какую-то часть из того, что Е.И. о нём говорит, конечно – в смягчённом виде.

Вечером, в старшей группе, Гаральд сам отстаивал, что в связи со сложившимися обстоятельствами надо оставить старое правление. Затем он прочёл письмо Е.И., адресованное ему, где она подчёркивает необходимость «моста», а также сколь трудны и сложны все подготовительные работы к строительству такого «моста». В Обществе ведь могут быть люди с разными взглядами. Позже в группе развернулись дебаты о тактике. Относительно необходимости «моста» все были согласны. Но у нас налицо разные подходы к тактике, и, пожалуйста, – эти подходы надо согласовать! Прозвучали и упрёки <друзьям> по поводу отношения к членам Общества, но, однако, всё прошло спокойно. Затем началось собрание. Многие были заметно встревожены, в том числе и моя жена. Я боялся, как бы не проводилось тайное голосование и Гаральда не забаллотировали, поэтому попросил Драудзинь сказать отдельным членам Общества, что Гаральд необходим в правлении. Председателем собрания из нескольких кандидатов выбрали Буцена, ибо я за него голосовал, желая, чтобы голосовали открыто, а также потому, что Е.И. написала: «Мой милый Фёдор Антонович». Мы всегда не желали избирать его в правление из-за свойств характера, но теперь я думаю, что, быть может, я его всё же не знаю, ведь Е.И. его лучше видит. Перед голосованием Валковский подал официальное заявление, что уходит из правления; когда об этом объявили собранию, многие члены Общества сердечно просили его остаться, но он решительно отказался и своим выступлением оставил светлое впечатление. Это и понятно, и ещё после собрания некоторые члены Общества были взволнованы из-за него, не будучи осведомлёнными о его мотивах. Мне он сказал, что уходит потому, что до сих пор боролся против обоих друзей, думая, что их тактика неправильная, но теперь видит, что их деятельность признана правильной, и поэтому он благословляет их деятельность и уходит, зная, что они лучше понимают и лучше исполнят свою задачу. Кроме того, его сотрудничество с друзьями тоже было бы затруднённым из-за разницы в темпераментах. И затем – Валковского, вероятно, глубоко взволновало написанное в письме к Драудзинь: намёк Е.И., что она не имела бы ничего против, если бы Валковский ушёл. Мы с Гаральдом условились, что вместо Валковского будет Клизовский, представитель русских и кандидат предыдущего правления. Теперь в кандидатах остаются Стипрайс и Каролина Якобсон. После выборов осталось ещё сильное возбуждение, некоторые члены Общества думали, что теперь, когда в правлении «поворот влево», будет влияние Гаральда и в Общество придёт политика. Но в пятницу беспокойство начало утихать. Истина: мир и сотрудничество могут прийти только тогда, когда есть полная открытость, когда в откровенном разговоре всё выяснено, когда есть понимание. Мне было очень трудно, ибо мои друзья настаивали, чтобы о нашем нуклеусе и прочем другим не рассказывалось. Если бы они были хоть немного более открытыми и сердечными к членам Общества, такого смущения не было бы.

1 апреля. Понедельник

Оказалось, что второй том сборника Блюменталь уже в феврале велел целиком набрать, без моего ведома. В среду я получил корректуру для просмотра. Меня и Драудзинь глубоко поразили не столько официальные или литературные статьи, но другие... Некоторые боевые песни, описания грубых сцен сражений, как на Хасане, статья о Шолохове, где масса вульгарностей и моментов, противоречащих духу Учения. Что скажет интеллигенция о нашем Обществе, которое до сих пор заботилось о качестве культуры, а теперь издаёт статьи прямо-таки фельетонного характера? Все эти дни сердце болело и страдало больше всего от мысли: не скомпрометируем ли мы себя окончательно? Ибо нет ничего более болезненного, чем некультурность.

Два раза я встречался с Блюменталем, один раз – когда он вышел из больницы, второй раз – в больнице. Он решительно защищал статью о Шолохове. Наконец, он всё же <согласился> выбросить эпизоды битв и некоторые строчки из песен. (Хотя и обещал, но всё же не выполнил.) И сами песни, они совершенно не вписываются в культурную книгу. Знаю Блюменталя и понимаю, что теперь спорить с ним бессмысленно. Притом он болен и нервен. Драудзинь, получив корректуру, написала в Индию письмо, полное скорби и боли. И я писал об этом вопросе, указывая, что второй том сборника будет связан с судьбой нашего Общества. Даже сама публикация договора <с Россией> будет событием, к чему же в этом номере и другие, столь заостряющие статьи? Невыразимо трудно мне было в эти дни. С одной стороны – мне доверена ответственность за Общество, его судьбу и единство. С другой стороны – в письме Гаральду Е.И. пишет: «Если Иван Блюменталь будет редактором сборника, почему бы ему не выйти». Здесь косвенно на него возлагается ответственность за журнал. В таком случае я могу только делать замечания и просить, но не приказывать. Если бы я высказал нечто категорически – был бы снова скандал. И Е.И., судя по всем письмам, сердечно поддерживает Блюменталя и доверяет ему. И мои последние месяцы, возможно, были полны одних ошибок. Многого я ещё не понимаю, потому денно и нощно молю: «Владыка, даруй мне разумение!» Например, к чему была нужна статья о Шолохове, когда друзья Блюменталя категорично вовсе на ней не настаивают? Было им обещано? Я это так не понял. И как возможно нечто некультурное обещать? В субботу я получил от Е.И. два письма: от 5 марта и 8 февраля – то, которое я уже считал пропавшим и о котором тревожился. Если бы оно пришло вовремя, недели три назад, быть может, не возникло бы такое замешательство по поводу письма к Драудзинь, ибо оно было первым из долгожданных писем и каждый из нас желал услышать что-то поконкретнее, но Драудзинь не могла всё рассказать. В этом письме расшифрована и загадка политики: культура и политика, по существу, соприкасаются, но это соприкосновение должно происходить в идеальнейшем смысле, ибо вся жизнь должна быть синтезом...[1] Так можно было судить по прежним разговорам или после... где же здесь могло быть сотрудничество, если... в вопросах нет открытости. Если я не понимаю друзей, то как же их могли понять другие члены Общества, которые гораздо меньше с ними беседуют? Зачем такая скрытность? Понимаю, что только... <я обязан> с каждым непонимающим поговорить, успокоить. Больно было по поводу второго письма от 5 марта. Валковский окончательно скомпрометировался своим январским письмом. Но он хотел только хорошего, второпях ему казалось, что на самом деле Гаральд, с его тактикой, не понимает своей задачи. И о Гаральде она говорит: «Помогите и охраните его от несдержанности и слишком большой поспешности, которая бывает, как Вы пишете, "не далека от хаотичности"». В Гаральде есть великий огонь, сердце его чисто, его надо беречь и охранять. Но как же мне его регулировать? Он всё же – тяжёлый и странный характер. Мы ведь решили поставить крест на прошлом, но вновь я слышал немало колкостей, только ныне пробую больше привыкнуть к его тону, и он уже не так повышает голос. Однако если только в чём-то возразить ему и сказать нечто неприятное, то придётся выслушать резкие слова. «Воспитывать» его потому так трудно, что он считает всех других воспитуемыми. Много размышляю об Указании Учителя, чтобы я хранил мужество и твёрдость. Какую твёрдость? К самому себе? Или и к Гаральду? Но я ни в чём не ощутил, чтобы моя твёрдость за последние месяцы оправдалась. Я защищал Валковского – и напрасно. Я подчёркивал местные условия, и, очевидно, тоже зря. Нам определённо заявили, что нелатышским обществам грозит ревизия и что в правление не следует выбирать людей с явно левыми тенденциями. Оттого мы и Блюменталя не избрали. (И Гаральд на последнем заседании так думал.) Может быть, некоторое время подобное было истиной, но время столь быстро движется вперёд, что следует всегда предвидеть будущие шаги, и каждая великая дерзновенность может быть оправданной. Именно поэтому моё положение столь трудно, именно потому я и ждал каждое конкретное указание из Индии. Разве это не самое несуразное: я несу за журнал полную ответственность, и одновременно я бессилен что-либо менять в его содержании?!

[1] Здесь и далее в подлиннике слова стёрты Р. Рудзитисом.

С другой стороны, ежесекундно мне надо думать – не мешаю ли я планам эволюции, которая развивается с такой колоссальной стремительностью, что только чувствознание, политически и общественно многоопытное и обученное, может что-то предчувствовать? Потому я и молю даровать мне разумение.

24 Марта – День Владыки – вновь было днём нашего великого единения и взаимопонимания. В этот день у всех были глубокие переживания, все были сердечными и одухотворёнными. Даже Гаральд сидел рядом с Валковским и беседовал с ним. Как обычно – много цветов. Музыка. Портрет Учителя. Я прочёл из Учения и присланное Приветствие. Затем был доклад Клизовского о торжественности. Драудзинь – из Учения об Учителе, Гаральд – о подвиге, Крауклис – о единении, Аринь – из «Сердца Азии» и моя жена – из письма Е.И. (от 8 февраля). Под конец в комнате Учителя мы вручили десяти членам Общества Портреты. Произошло и следующее – Гаральд помирился с Мисинем. (Он, однако, позже меня упрекнул за мой миролюбивый метод, которому он последовал в отношении Мисиня: что толку от него – Мисинь опять забывает о своих обязанностях. Но Гаральд несправедлив к Мисиню. И ему не следовало так писать Е.И. Пусть у Мисиня немало ошибок, но есть в нём хороший огонь. И разве он не помогал Монографии, сколько мог?)

Блюменталь в больнице. В четверг его оперировали – отняли почку, в которой развился туберкулёз. Вообще-то его организм ослаблен, но он держится мужественно. В четверг в Обществе отдали и дань памяти нашему милому д-ру Феликсу Лукину.

Вчера Общество латышско-русского сближения проводило свой первый «чай» в клубе офицеров, публики было много, вроде бы – около тысячи, явились и три министра и т. д. От нашего Общества присутствовало более десяти человек, наш столик был в наилучшем месте, недалеко от сотрудников посольства. На подобном «джазовом балу» я давно не был. Ещё до сих пор моя одежда пропитана табачным дымом. Разумеется, этот вечер дружбы сильно способствовал доброжелательному настроению по отношению к России, пойдёт на пользу и журналу.

Вчера пришла телеграмма, в которой Н.К. одобряет содержание второго сборника, которое Блюменталь послал в своём письме от 8 марта.

17 июня. Понедельник

Вчера и позавчера газеты сообщали о событиях в Литве, о том, что туда вошли русские вооружённые силы, о смене правительства, об отъезде Сметоны за рубеж. И сегодня в 6 утра русское радио сообщило об ультиматуме правительствам Латвии и Эстонии, и, как говорят, русские войска уже перешли границу у Абрене. Уже вчера было странным, что президент нашего государства не участвует в Певческом празднике Латгалии. А сегодня или завтра, вернее всего, и решится судьба нашего правительства. Русское правительство больше всего было настроено против Ульманиса из-за его откровенно холодного отношения к нему. С громадной динамикой мчится колесо истории. Дания, Норвегия, Голландия, Бельгия одна за другой весьма скоро исчезли с поверхности земли. За несколько дней завоёвана и Северная Франция. 14 июня утром немецкая армия вошла в величественный Париж, теперь прорвана и линия Мажино, занят Верден, и новое, только что сформированное правительство во главе с Петеном обсуждает – не капитулировать ли. Вскоре наступит очередь Англии. 10 июня Италия объявила войну. Может быть, в скором времени и другие государства Средиземноморья будут втянуты в водоворот. Турция ещё сомневается. Великая Россия молчит. Знаем только, что на базах Литвы и Латвии идут лихорадочные работы по укреплению. Разумеется – против Германии. Может быть, исполнятся пророчества, что в конце концов все народы мира будут втянуты в войну. Жуткое, но величественное время. Какие людские массы подвержены ужасным страданиям! Мы в Латвии не можем вообразить и понять, что испытывают теперь миллионы беженцев во Франции и каково солдатам, которые сходят с ума под постоянным гулом аэропланов и грохотом взрывов гранат. Гекатомбы жертв растут. Человечество переживает великое огненное очищение.

21 июня. Пятница

Вчера по радио огласили состав Кабинета, ожидаемый с такой тревогой. Было великое изумление, когда мы услышали, что премьер-министром назначен Кирхенштейн, и ещё большее – когда прозвучали такие фамилии: Вилис Лацис, П.Блаус, Ю.Лацис и т. д. Насколько я о некоторых из них слышал до сих пор, они не казались людьми с твёрдым характером и с идеями. Может быть, я заблуждался? Я ведь не знаком с ними. Единственно знаю Юлия Лациса, который симпатичен. На дипломатическом поприще они совершенно зелены, смогут ли они управлять государством в этот тревожный момент? Они взяли на себя чрезвычайную ответственность. Или, быть может, они будут только слушать то, что диктуют другие? В конце концов, может быть, именно хорошо, что они молодые (были бы молоды духом!), ибо необходимы многие радикальные реформы. Реформы Ульманиса продвигали главным образом хозяйственно-строительную плоскость, духовная культура меньше затрагивалась. Лишь бы Латвия не была втянута в ярую политику. Сегодня утром перед <Президентским> замком шли демонстранты с красными флагами поздравлять новое правительство. Амнистированы политические заключённые. Кирхенштейн начал свою первую речь так: «Старое правительство было несправедливо...» Он был заметно встревожен, возможно, что кое-что из того, что он говорил, было ему продиктовано. На все ответственные посты Ульманис назначил своих людей из Крестьянского союза. Потому в Латвии до сих пор была большая односторонность, не хватало свободы слова. Многие чиновники были недееспособными. Теперь придёт замена, но разве и ныне назначают только наиболее способных? Наблюдая сегодня встревоженность и изменчивость сознания, приходится вздохнуть: как всё условно, как всё быстро меняется!

27 июня. Четверг, вечером Меллужи, ул. Земеню, 22

С праздника Ивана Купалы я в отпуске. В Меллужи живу уже с 11 мая, мы выехали в связи с заболеванием детей коклюшем. По газетам и сообщениям радио следим за событиями в Латвии. Коммунистическая партия легализована, все перемены до сих пор были в коммунистическом духе или близком к нему. Ушёл директор департамента печати Янсон, с которым у нас было столько сражений, однако он был человеком достаточно симпатичным; на его месте – Я.Ниедра. И на все другие места назначаются левые. Коммунистический центральный комитет всё же декларировал, что он против диктатуры пролетариата, но пока всё движется в том направлении. Кажется, что игнорируются и другие истинные работники культуры, прогрессивно-нейтральные, как Карлис Скалбе, который тоже не был доволен политикой Ульманиса, и т. д. Вообще-то хорошо, что приходят из трудового народа, но неужели на самом деле трудовой народ Латвии столь узок сознанием, как 20 лет назад во время революции? Мне кажется, что государственный строй России и ряд её культурных деятелей сильно *прогрессировали,* но неужели у нас повторится то же самое, что перед двадцатыми годами, словно в коммунизме не было никакой эволюции? Я ещё не знаю, но надеюсь, что ныне выдвигаются из среды рабочих наиболее *культурные.* Может быть, это всего лишь переходное время и, может быть, скоро придёт правительство сильных духом, <людей> синтеза? Понятно, что и симпатии нашего Общества должны клониться влево. В нашей книге «Озарение» упоминается коммунизм. Он созидается. Е.И. пишет, что там много преображённых сознаний, готовых к Новой Эре. Тактика и метод. Что же имеем от старого мира? Надо ощущать симпатии к созидающемуся прогрессивному, к тому светлому, бодрому в сознании сердца молодёжи, что знаменует наступление Новой Эпохи.

Сегодня нас ожидала величайшая неожиданность: мы увидели, что ответственным редактором «Яунакас Зиняс» назначен Гаральд Лукин, и на первой полосе напечатана статья Н.К. «Любовь к Родине» (которую я когда-то переводил). Весь номер выдержан в крайне левом духе. С Гаральдом я встречался в прошлую пятницу, думал, что его, быть может, изберут на какой-то высокий пост, но не ожидал, что сюда. Вторая неожиданность, что вместо «Сегодня» выходит «Русская газета», где «шефредактором» назначен Блюменталь.

Его я навестил в позапрошлое воскресенье в Дзинтари, пробыл у него три часа, и наконец мы друг друга поняли в связи с Эллой и книгой[1]. Но обо всём этом мне ещё придётся рассказать позже. Мне видится, что его горечь совсем напрасна, что для его работы всё случившееся пошло на пользу, и я всё ещё не понимаю, почему он уклонялся подписать своё имя под книгой, за которую нёс стопроцентную ответственность и по поводу которой говорил, что это величайшая радость – над ней работать? У Гаральда в этом смысле гораздо эластичнее натура: подписал, долго не думая, и уговорил Блюменталя. Притом Блюменталь ведь всё это время неоднократно давал понять, что он подтвердит ответственность за книгу своим именем. Очень уважаю Блюменталя за его большую любовь к России. Он говорит: «Звезда на головном уборе красноармейца есть Знак, и Е.И. мил малейший из воинов». И я учусь уважать Красную Армию по «Криптограммам»[2]. Но вся моя душа и вся моя жизнь ведь до сих пор были (быть может, и в прежних жизнях) аполитичны, потому мне так трудно вжиться и ещё труднее – включиться.

Я ведь ощущаю симпатии к России и ко всему наилучшему в её устройстве.

«На старой закваске»... и государственный строй вырастает навстречу свету. Лишь бы в Латвии всё было не так, как в 1919 году, лишь бы наше правительство вносило в жизнь дух культуры и синтеза, лишь бы на самом деле во главе государства и учреждений оказались лучшие и наиболее культурные. Неужели другие будут отодвинуты в сторону, даже если они попытаются понять <новый строй>? Конечно, все перемены пока только в переходной стадии, и ещё не известно, как всё образуется в окончательном виде.

Сегодня во мне такая встревоженность. Что же мне делать? И мне, что ли, стать деятельнее? Но как? В принципе, я не против политики.

В духе Учения? Что я ныне мог бы делать? Работать в какой-то редакции? Завтра встречусь с Гаральдом в Риге.

Лишь бы мой друг обрела спокойствие, лишь бы мой друг поняла – об этом я молю. Элла многое вообразила.

Или это оккупация? Или независимость?

Может быть, теперь (и кажется – пока) верно, что Россия диктует все переустройства, но мне кажется, что все перемены, какие бы они ни были, и не всегда понятные, в конце концов для Латвии будут благословением, и Латвия будет расти и развиваться ещё быстрее и в ещё более широком дыхании. Сомнения...

Друзья? Родина? Стараюсь успокаивать, нужно говорить так, чтобы не расстраивать. Иногда состояние её нервов чрезвычайно чувствительно. Иногда на момент теряет сознание. Так было, когда сказал, что Гаральд сам...

И ещё я пережил ужасное мгновение. У Эллы чрезвычайно чувствительная натура, она всё переживает слишком сильно, нередко и напрасно, даже преувеличенно сильно. И сомнения её мучают. Её чувства столь накалены, что мне кажется, если бы кто-то направил её сознание в соответствующую плоскость, то её переживания и любовь могли бы моментально загореться в противоположном направлении. Ибо она, по сути, является духом великого непокоя и поиска. В молодости она была секретарём, но ушла от этой деятельности, ведь было противно видеть в политике всё грубое и жестокое. В Живой Этике она нашла полную поддержку. И теперь, видя, что приверженцы Живой Этики обращаются к политике, она начинает сомневаться и в Живой Этике. Я говорю, что Живая Этика есть учение синтеза жизни, которое вовсе не исключает политику... Разумеется, и политику, как любую неотъемлемую составную часть жизни человека, необходимо одухотворить Живой Этикой. Но все мои аргументы ей настолько знакомы, что я буду счастлив, если найдётся другой человек, который её успокоит, но не расстроит. Потому с радостью, но и с тревогой поддержал я её замысел отправиться сегодня вечером в Ригу и посетить кого-либо из членов Общества, чтобы узнать их чувства относительно нового положения. Жду теперь её дома, сердце неспокойно, ибо знаю её встревоженность.

---

[1] Речь идёт об издании альманаха «Литературные записки». Не поставив в известность Рудзитиса, Блюменталь указал его в качестве редактора на макете, переданном в типографию. Подозревая это, Элла Рейнгольдовна буквально заставила Рудзитиса пойти в типографию, где это и обнаружилось, и снять своё имя.

[2] См. рассказ «Звезда» из книги «Криптограммы Востока».

Позвонил сегодня вечером Гаральду; своё утро он уже проводит в кресле редактора «Яунакас Зиняс». Также и Блюменталь. Мне так трудно ныне вырваться из семьи, ибо служанки нет и не могу Эллу оставить одну на более длительное время. Особенно в последнее время она опять была уставшей. Нужно найти выход. Весной издатели отказались печатать мои книги, посчастливится ли теперь?? Мне так чрезвычайно нужна служанка и ещё – оплатить долги, которые особенно гложут сердце Эллы. Как бы хотелось, чтобы мой друг все события и превращения соизмеряла с Великим Будущим, тогда бы она стала намного спокойнее и смотрела бы на всё с большим доверием. В конце концов ведь будет хорошо!

8-16 июля

Мой друг вернулась домой поздно вечером обновлённая. Мы ещё долго говорили под звёздным небом. Но через несколько дней опять её начали грызть сомнения: «Как Гаральд может соединить свою деятельность с Учением? Он ведь ныне полностью поддерживает одну <партию>. Ему диктуют, и он исполняет. Иначе ведь он не был бы назначен редактором. В молодости я была близка <политике>, – сказала она. – Но затем я <разочаровалась>, ибо в её руководителях я увидела эгоизм, который основывался на <жестокости>. Убегая от этого, я прильнула к Учению. И разве Учение заставляло бы меня идти тем же путём, от которого я убежала?» Я глубоко понимаю боль её сердца, потому всячески пытаюсь успокаивать. Мы ведь можем принять то лучшее, что теперь есть в <России>. И она сильно изменилась и преобразилась к лучшему. И то, что основывается на старом мышлении, – это...

Я несколько раз был в Риге, встречался с друзьями. Блюменталь и Гаральд приглашают меня писать для своих газет. О чём же писать? О России у меня ещё мало материала. Пытаюсь перевести на русский язык свою статью о труде – пройдет ли? Нужно бы что-то делать, находясь в самом водовороте событий, но что? Гаральд сам ещё чувствует себя неуверенно, неспокоен перед своей великой ответственностью. «Друзья» его упрекали, что поместил статью Н.К., следовало подчеркнуть, что Родина Н.К. – СССР! Мне кажется, что Гаральд теперь старается искупить свою «вину», – может быть, поэтому и поместил фотографию с тремя девушками и т. д. Жаль, что в Гаральде, как ощущаю, мало латышских чувств. Я сам чувствую себя совершенным космополитом, но Гаральд вообще доходит до крайностей. Нет больше в «Яунакас Зиняс» ни одной статьи о латышской культуре. Может быть, теперь переходное время, когда всё в большей или меньшей степени преувеличивается? И Гаральд во имя будущего закрывает глаза на некоторые недостатки настоящего? С другой стороны, взяв на себя роль ответственного редактора, он вынужден печатать то, что велят из посольства или же местные. И я очень много думал, во всём ли согласуется деятельность Гаральда с Учением? Ибо он несёт великую ответственность за всё, что газета печатает, за каждое слово, которое она сеет в души людей. Странно, что именно на прошлой неделе нас навестили несколько друзей, притом все они отстаивают мнение, что пришло время сотрудничать. Я был удивлён бодростью Валковского. <Он говорит, что> нельзя позволить толпе установить поворот культуры, но нам, интеллигенции, полагается определить, какой быть культуре! К примеру, культура Ульманиса в последнее время отклонилась в негативную сторону. Такие же мысли выразил и Залькалн, который, уходя в своё одиночество, недавно покинул Общество. Карлис Эгле признаёт, что надо что-то писать, но больше о принципах. Зента Мауринь написала мне из Смарде, встревоженно спрашивая: «Как же понимать то, что теперь происходит вокруг Вас?» (Видимо, думает о д-ре Лукине.) Я съездил к ней в гости. Был и Раудиве. Вопрошает: «Скажите, какая связь Общества Рериха с ним и Ваша связь с Лукиным?» Говорю, что теперь там поворот в лучшую сторону. Эпоха антитезисов <со стремлением> к синтезу. Конечно, насилие и грубость мне внутренне бесконечно противны. Гаральд увлечён <политикой>, но есть какие-то культурные возможности. И Зента, и Раудиве в глубокой обеспокоенности, что же теперь делать? Надо бы действовать, но как? Можно было бы сотрудничать в периодической печати.

Теперь в Латвии властвует и ведёт Москва, в лице Выш<инского>. Быть может, это в своём роде и хорошо, ибо москвичи в культурной эволюции значительно дальше.

Москвичи сильно умеряют <местных>, делают указания, как поступать, диктуют нынешнюю платформу, которая, в общем-то, приемлема – вводит дисциплину. Но трудно разобраться в их дальнейших намерениях. Местный центральный комитет коммунистической партии протестует против стремления провинциальных отделов к политической диктатуре, также – против слухов, что Латвия может потерять независимость. Она будто бы хочет перевоспитать народ в новом сознании, но не ввести новое устройство сразу. Но есть ли терпимость? Во главе ведомств находятся почти исключительно те личности, которые долгие годы пробыли в подполье и мало, как кажется, знают о великих переменах, в последние годы происходящих в России. Будто бы вышли из 1919 года.

Проф. Леинь утверждает, что назначен только до выборов сейма, то есть на две недели. В идеях много чудного. Были бы во главе интеллигентные и широко культурные личности. Но...

Выборы сейма. Выдвинут один список – «Блок труда», который подписали более десяти организаций. Было неожиданностью обнаружить в списке имя Гаральда. Блюменталя не было?! Может быть, перед ним раскрывается широкое поле деятельности? Как Гаральд заслужил такое доверие? Драудзинь и Буцен утверждают, что он вступил в коммунистическую партию. В этом ещё есть сомнения, по крайней мере, сам Гаральд не упоминал. В списке всё же подавляющее большинство партийных, за исключением, может быть, членов правительства. Вне политики остаться трудно, но... Разве последователь Учения <может быть в партии>? Е.И.[1] ... Понимаю, что, соизмеряя всё с Великим Будущим, можно приблизиться теснее <к России>, которая в своём существе уже сильно развивается и растёт. Я лично всё же был бы не в силах взять на себя такую великую ответственность, как Гаральд. Возможно, я аполитичен по природе? У Гаральда самого нет свободы действия, по партийным вопросам ему надо ориентироваться на то, что указывают ему или велят делать его «друзья». И в газету присылают статьи, которые он не может не печатать, если они приходят от партийных властей. В таком случае, что же он может делать больше, чем иной коммунистический редактор? Какое же он имеет значение, если не может более-менее выражать себя? Гаральд с жаром отстаивает убеждение, что и всем остальным надо деятельно участвовать в нынешнем строе. Два номера выпустил о Ленине. Он – человек огня и неизменно на сто шагов дальше, чем его товарищи, и, может быть, дальше, чем ныне позволяют границы. Я спрашивал у многих старших членов Общества. Драудзинь вначале несколько раз набрасывала и писала о женщине. Буцен – сам бы он не взялся быть редактором. Говорит: «Только через Учение. Идея вечна, а не строй. Весной я поддерживал обоих друзей. Теперь – разочаровался, особенно в Блюментале». Клизовский написал статью о Новом Мире для газеты Блюменталя. Но тот не поместил, даже после того, как он её второй раз переработал. Редактором он бы не пошёл, <не подходит> тактика. Однако он признаёт, что оба друга не напрасно стали редакторами. Всё же они «не на месте». Посетил меня Ст<ребейко>. Он, как обычно, свои тезисы подаёт в высоком стиле. «Космический Магнит использует каждый канал для своей деятельности, – говорит он. – Старый Доктор Лукин поступил бы так же, как молодой». Знаю, что Доктор, если бы и взял на себя такое, то из-за чуткости страдал бы от того, что теперь приходится делать. В связи с выборами опять в прессе и на улицах митинговый дух. Грубая, показная крикливость чужда интеллигенции, к такому она не привыкла, её разумение – труд в тишине. Знаю, что и старый Доктор избегал шумной толпы; он когда-то сказал, что не может участвовать в выборах, ибо не за кого голосовать. Теперь всё же иные условия. И ведь Доктор глубоко вчитывался в Учение. Однажды, прочтя в «Общине» о материализме, сам начал читать об историческом материализме, взял у меня книгу Ленина, которую после его смерти уже обратно я не получил, ибо невесть куда запропастилась. Так его сердце горячо отзывалось на каждое биение пульса Учения.

[1] «Знаю, как многие люди стараются уклониться от участия во всякой политике, но подумали ли они – возможно ли это в действительности? Существует мнение, и очень распространённое, что ведать и вести политику страны могут лишь специалисты в ней, но на это можно было бы привести слова одного мудрого человека: «Беда в том, что невозможно отграничивать или определить, где начинаются и кончаются пределы политики. Каждый гражданин страны вольно или невольно только и делает, что творит политику»» (из письма Е.И.Рерих к Р.Рудзитису от 8.02.1940). – «Письма с Гор», т. II, стр. 494.

Такая вот неясность в нашей среде. Размышляю, как же Н.К. вёл бы себя на нашем месте? Писем уже с апреля больше не получаем, единственно приходят телеграммы. На Ивана Купалу я получил телеграмму, высланную, видимо, в связи с событиями в Латвии: «Храните единение. Всё будет хорошо. Жду от Ивана хороших вестей. Привет». Глубоко заныло сердце – как же Н.К. стремится попасть обратно на свою родину! И это так необходимо, и многое уже, быть может, упущено. Но почему ему не дают разрешение? Почему вся деятельность Блюменталя и Гаральда имеет мало успеха? С другой стороны, Н.К. в своих статьях горячо хвалит Россию и её достижения.

Почему он не находится уже там, где его присутствие так чрезвычайно необходимо? Очень, очень о многом теперь нужно было бы посоветоваться с Н.К. По настоянию Гаральда и наше Общество присоединилось к числу поддерживающих «Блок труда». Это было большим шагом, ибо, во-первых, мы этим себя определили в политике, а, во-вторых, высказали открыто свои симпатии. Я понимаю так, что без этого Общество могли закрыть, а также <дело> Н.К. <о визах не продвинулось бы>. И всё же на сердце была большая тяжесть. Гаральд настаивал, но если бы хотел, сделал бы возможным...

Всё время я был в Юрмале, говорил по телефону с Блюменталем, декларацию подписал и он и Гаральд. Моя жена снова <волнуется>. Думает, что это подписание <компрометирует> Общество...

Разумеется, вся интеллигенция, которая привыкла искать у нас чистую культуру, ныне взирает на нас в недоумении. Не однажды я слышал: «Кто же такие последователи Рериха?» Как ответить на это? Наши идеи выражены хорошо в письмах Е.И. и в Учении... Но мы верим, что какие бы ни были недостатки теперь, <Россия> стремительно развивается... Странно было наблюдать выборы. Инструктировали, декларировали – равные, справедливые, свободные выборы, приглашали подавать вне «Блока труда» и другие списки и т. д. Все другие списки отклонили. О К. – умолчали. Пресса против него. Проголосовало 95 %.

Правительство Ульманиса всё больше заключало жизнь в границы. Но хотя бы расширились теперешние границы! Были бы личности во главе культуры! Знаю, что вообще-то ищутся интеллигентные люди, чтобы вступали в коммунистическую партию.

Вера в будущее. Главное теперь – подъём сознания в служении общему благу. Были бы хоть руководители с более-менее духовным звучанием, которые освободили бы от прислуживания вкусам толпы. Верю и желаю верить, что ныне в интеллигентнейшей части Советского Союза гораздо больше культуры. Как всё сложится?

20 июля. Суббота

Я встретился в редакции с Гаральдом и Блюменталем. Опять был очень раздосадован, опять острые нападки. Не дают статьи, не поддерживают их и т. д. У меня не было материалов о Союзе (теперь пишу о стахановцах), но передовицы, какие теперь пишут, я просто не способен делать. Диктуют... Отчего Гаральд столь нетерпим? Почему не может допустить и несколько иного подхода? Уже начиная с осени Гаральд мечтает о присоединении... Но есть и другая прогрессивная интеллигенция, и другие возможности несоветской духовной культуры. Если подумать, ведь надо признать: возможно, ни у кого в Латвии сердце так не кровоточило и не горело, как у Эллы. Конечно, в её чувствах была доля преувеличения, ибо она мало соизмеряла происходящее с Великим Будущим... Но, с другой стороны, разве Гаральд не был одним из тех, кто больше всего усердствовал ради присоединения? Он и Блюменталь, будучи редакторами самых крупных латышских газет, возможно, особенно этому способствовали. Я никогда не был националистом, никогда не думал о национальной проблеме, ибо она, по существу, мне чужда. Но <что плохого> в независимости, если её руководители являются культурными людьми? Ибо сегодня уже большими буквами пишут: «Поздравляем четырнадцатую Латвийскую Советскую Республику». Уже вчера, после широкой манифестации, можно было понять, что давным-давно был замысел присоединить, только желали подготовить сознание народа. Говорю своим друзьям: если завтра и будет решено присоединяться, то смело надо смотреть в будущее. Мы ведь верим в эволюцию и при коммунистическом строе. Мы ведь верим, что в конце концов «всё будет хорошо». Мы ведь тоже верим будущей миссии России. Мы верим будущему братству народов.

Мы верим всему тому, что возвещает Учение.
Мы верим в новую Эру Света, которая уже скоро наступит на Земле.

21 июля. Воскресенье

Исторический день. Радикальный поворот в жизни Латвии. Сегодня Латвия отказалась от своей самостоятельности и соединилась с другими своими братскими советскими народами. В три часа дня сейм принял резолюцию, которая провозглашает Советскую Латвию. В пять часов голосовали за вхождение в великий Советский Союз. Собрание сейма началось в 12 часов в Национальном театре, там, где в 1918 г. уже однажды родилась Латвия. Символически здесь же произошла и смена государственного устройства Латвии. Я слушал по радио, но в двенадцать разразилась такая гроза с громом и молнией, что возможно было включить только через полчаса. Речи, митинговые речи. Говорили и делегаты. Зачитывались многие телеграммы. Всюду звучала мысль, что Латвия должна войти в Советский Союз...

Мы уже знаем, что на собраниях обычно какой-то деятель зачитывал резолюцию и спрашивал: «Кто против?» И в армии были вынуждены подписывать, иначе военнослужащих увольняли. И знаем, как голосовали. И всё же часть народа – в восторге. Всё остальное большинство глубоко потрясено в ожидании радикальных перемен. И всё же самые светлые сознания верят, что эволюционно так должно быть, что всё направится к лучшему. Надо найти возможность сотрудничать! Но пусть бы вначале исчез дух толпы. К чему эти манифестации, в которых определённым чиновникам (так же, как во времена Ульманиса) надо было участвовать в обязательном порядке. К чему эти крики, лозунги, аплодисменты? Когда же будет царствовать культурная тишина сердца и могущественная воля духа?

20 сентября

Мы надеялись, что наше Общество так скоро не ликвидируют. Гаральд всегда самоуверенно успокаивал. И я доверял ему, ибо он был «большим начальником», и верил, что он что-то в нашу пользу делает. И только он мог бы чего-то добиться. Но оказалось, что он ничего не делал. Нежданно появилось сообщение в газетах (от 6 августа), что Общество Рериха ликвидируется и ликвидаторами назначены С. и К.[1] Это было как молния зимней ночью. Хотя за несколько дней до того у нас было предчувствие. В пятницу вечером, 9 августа, у нас было заседание правления Общества, где мы передали кассовые книги и ключи ликвидаторам. Как много после этих дней пережито, выстрадано! Хоть бы мои члены правления дали мне какой-то совет! У них ведь больше опыта. Я один, своим умом, поначалу, быть может, слишком наивно представил эту ликвидацию. Может быть, было бы намного легче и лучше? С Гаральдом я встретился накануне, и во вторник в «Яунакас Зиняс», где он обрушил на меня ужаснейшие кощунства и угрозы. Его голос гремел по всем помещениям «Яунакас Зиняс». Конечно, всё это – моя вина! Что ещё мне оставалось делать, как молчать? Чем больше возражаешь, тем больше разъяряется. Вина, возможно, в расколе? Но как же возможна гармония, когда для Гаральда все сотоварищи по Обществу только «банда» и т. д. Нередко я слышал: «Его надо расстрелять!» Разве так говорит последователь Учения? Знаю, что Гаральд доходит до взрыва. Но разве мы можем всегда делать с ним вместе «прыжки»? Я думаю: глубочайшая любовь – это неторопливая, но сильная разумная привязанность. Да, воистину, если бы среди нас была настоящая дружба, может быть, наше Общество ещё какое-то время существовало бы, хотя всё равно в конце концов все частные общества со временем ликвидируют. Откуда в Гаральде такая враждебность (и в Блюментале)? Они называют это возмущением. Но он не позволяет другому высказать мысль, не позволяет даже по-деловому поговорить, и чаще всего, выслушав полчаса его «сильные слова», невозможно получить никакой ясности о самом деле. Ночью, после заседания ликвидационного комитета, я пережил то же самое, что и после ухода д-ра Феликса Лукина. На этот раз я похоронил свою взлелеянную мечту – общину. Всё самое святое всё же осталось в сердце нетронутым. И, однако, я потрясён болью и переживаниями. Н.К. всё ещё далеко от родины. Что же разлучает его с нею? Почему он не может попасть на свою родину? Эти вопросы без конца ложились на сердце. Всё, что делали друзья, было напрасным! Под конец – даже Общество закрыто.

[1] 5.08.1940 г. вышло постановление правительства о закрытии всех обществ.

Не понимаю, почему они дружили только с посольством, но не с местными? Те и были против Общества, и закрыли его. С другой стороны, меня всё время гложут сомнения – не вступил ли в партию и сам Гаральд, ибо знаю ряд случаев, когда он серьёзно советовал членам Общества вступать в партию. Он и задал тон газетным статьям Стребейко и Бруно Якобсона. Всё время я был оставлен один с <проблемой> Общества. К счастью, в <помещении> Общества ещё некоторое время жили наши члены, так что вход в Общество для меня не был полностью закрыт. Весной, в связи с тревожным годовым собранием, Гаральд поручил Бруно Якобсону составить инвентарный список, и тот в спешке всё абсолютно «заинвентаризовал», даже некоторые личные вещи членов Общества, картины и т. д. Я не успел тогда проверить. К счастью, ликвидаторы оказались культурными людьми. Мы получили обратно Кресло, часть репродукций. Обещали вернуть книги и открытки из магазина Аншевиц, ждут резолюцию комиссара. Но ещё не организовано управление обществами и нет никакой ясности. Также совершенно неясен вопрос относительно картин. Произведения Н.К. и Святослава, конечно же, являются собственностью самих авторов. Только не знаем, уважит ли это правительство, ибо Рерих живёт за границей и мы не имеем возможности с ним переписываться. Прошение мы подали. Также Гаральд потребовал обратно свои картины латышских художников. В его собственности могло быть ещё больше, но часть из них внесена в инвентарь. Хотим выкупить «Письма Елены Рерих», которые остались в собственности Общества. Также наша большая библиотека (около 1500 экз.) из магазина Аншевиц, куда была одолжена, переселилась в Общество. Наш Буцен оказался родственником И. Б<уцена> – управляющего музеями. Поэтому мы надеялись, что, может быть, наш музей всё же станет государственным. В субботу 21 сентября в Обществе собралась комиссия, где кроме нас был ещё молодой Буцен и Борис Виппер, последний – в качестве художественного эксперта. Он к картинам Рериха отнёсся довольно холодно, самую большую картину «Кулута» оценил в 1.500 латов(!!), в то время как сам автор установил цену 6.500 долларов! Виппер сказал: «Об отдельном музее не может быть речи, в лучшем случае можно было бы выделить отдельную комнату в Государственном музее». Если вывесят только несколько картин, куда же денутся остальные? На чердак? Было бы хорошо, если бы мы их получили обратно. В принципе, несомненно, лучше, если бы картинам было выделено отдельное помещение, если бы к ним относились с уважением. Буцен-младший, кажется, мало интересовался картинами Рериха, гулял больше в середине зала. Когда я его спросил, не оставить ли Музей как отдельную единицу, он ответил: «Это тогда уж было бы "Лавочкой чудес"». Гаральд за это очень рассердился и начал говорить в резких тонах, что в таком случае он забирает картины к себе и т. д. Удивляюсь, как он не умеет говорить по сознанию и не может соблюсти такт. Понимаю и точку зрения молодого Буцена. Для того, чтобы доказать, что за рубежом компетентные люди ценят искусство Н.К. очень высоко, мы послали Випперу Монографию и другие книги. Так и наша мечта об отдельном музее не осуществилась. В скором времени решится судьба картин.

Я опубликовал две статьи о стахановцах. Хотел бы писать ещё о науке, но нет материала. Подал статью о «культуре как объединительнице», но, конечно, не подошла. И об «искусстве для всего народа» не рискнул. Надо писать о фактах, а не теорию. Когда окончательно решится судьба Общества, тогда смогу интенсивнее думать о чём-то другом.

Наши симпатии уже летят к России. Надо найти возможность включиться в культурную работу. И моя мечта – созидать Новый Мир, истинную Страну Братства.

7 октября 1940

Сердце очень неспокойно: что же будет с картинами Н.К.?

В пятницу мы отослали Н.К. телеграмму, ибо необходимо его подтверждение, что картины принадлежат ему, иначе могут перейти в собственность государства. Только что пришёл ответ. Чтобы отправка телеграммы не была самовольной, Гаральд посоветовался с секретарём Ветровым. Последний в субботу уехал, простился с Ригой. Это он назначил Гаральда и Блюменталя на высокие посты, с которых теперь они оба ушли. Блюменталь был назначен и руководителем отдела снабжения. Всё на столь краткое время! Так много я думал, и всё же не понимаю. Может быть, местные сердиты на Гаральда, что он «обошёл» их и поставлен на пост из-за рубежа?

Может быть, это повлияло и на настроение против Общества? Кто знает, по каким мотивам закрыли? Если бы мы мирно, незаметно делали свою культурно-философскую работу, может быть, нас бы не тронули? Кто знает? Как ни старались Гаральд и Блюменталь, мы ведь не могли скрыть нашей работы по восточной философии. Москвичи, кажется, терпимее, они на это, быть может, смотрели сквозь пальцы. Кажется, там ныне ощущается новое продвижение к Культуре и Этике. В октябре решатся многие проблемы, связанные с Обществом.

Со-роковой год!

...Те, кого он так поносил, опять – его друзья. «Tempora mutantur»[1]... Гаральд был «безумным в Боге». Ибо он громил, совершенно не владея собой, но веря в пользу дела. Его огонь, как потоп, заливал его.

В Обществе у Гаральда было несколько сторонников, которые так же резко всё преувеличивали, к другим членам Общества относились враждебно. Один или двое из них в группе сказали, что Сталин – «посвящённый». Конечно, отрицать тут <было бессмысленно>, эту тему вообще задевать было опасно, могло дойти до ушей «друзей»...

Но учителем Гаральда во всех вопросах был Блюменталь. Если Гаральд излишне преувеличивал, то ответствен за это Блюменталь. Блюменталя я меньше понимаю. Книги Учения он знает мало, кроме «Общины». Но теперь между ними какой-то конфликт. Гаральд на Блюменталя тайно сердится.

Позже (в этом году), когда я встретился с Блюменталем, он мне сказал, что до июня прошлого года он делал всё правильно. Может быть, и Гаральд думает, что до июня действовал абсолютно справедливо? Не хочу его расспрашивать. Но если бы журнал[2] вышел в феврале, что было бы тогда?

Проблема заключалась в том, чтобы Н.К. попал в Россию. Но, кроме неё, ещё важная: найти среди «друзей» приверженца Учения. И этой второй <задаче> Гаральд и Блюменталь мало уделяли внимания, ибо просто таких не было. Все «друзья» – это была всего одна личность, от силы – две. Кажется, там были и другие люди, быть может, намного культурнее и благороднее, но, как Блюменталь мне позже сказал, они боялись с ними встречаться, ибо там ведь был «шпион на шпионе». Но Е.И. неоднократно мне писала: «Обращайте внимание на тех из новых друзей, которые хотя бы отчасти отзвучат на книги Живой Этики. Ведь среди них могут такие ищущие души оказаться».

Но что, если Михаил Ветров вводил в заблуждение, и до Сталина не дошла его информация об Н.К.? Гаральд и Блюменталь так и думали, но боялись спросить, послано ли правительству? Таким образом, в руках маленького чиновника находилась судьба всей эволюции. Пусть даже так, но надо было стопроцентно, честно выполнять задание, всё остальное отдав на волю судьбы.

Они оба думают, что если бы Н.К. был в России, то до войны бы не дошло. Но Гаральд сам неоднократно говорил, что Н.К. попал бы в руки чекистов.

Журнал в том виде, в котором вышел, оставляет впечатление несомненно политическое. И тем более я знал, что главная статья по своему настрою была направлена против воли и взглядов существующего правительства, что пропустить её в свет нормальным путём было абсолютно невозможно, но только при помощи других, на что Гаральд намекал. Я совершенно не мог смириться с тем, что, к примеру, помещаются в журнал военные песни, в которых прославляется Сталин. Знаю, что «Агни-Йога» говорит о Сталине. Гаральд и Блюменталь пару недель назад прочли мне <одно место> из письма Е.И. от 8 февраля 1940 г., где она указывает на 57-й параграф и говорит о партиях. Позже Блюменталь сказал, что он это забыл. Это место Гаральд читал ещё в конце июля. С радостью я боролся бы во имя блага Учения, но не во имя политики, которая для нас во многом неприемлема. Теперь Гаральд признаёт, что журнал надо было смягчить, что он сам кое-что бы вычеркнул, но тогда из-за строптивости Блюменталя и ради пользы дела надо было согласиться. Да, Гаральд сделал поистине благородный жест, когда пожертвовал собой ради Блюменталя, подписавшись совместно с ним в качестве редактора. Блюменталь, который всё время обещал это, в последний момент отказался, испугавшись ответственности. Но в таком случае ответственность легла бы, разумеется, единственно на меня, причём за то, чего я не делал.

Если бы Е.И. просмотрела журнал и признала всё правильным, я ни на мгновение не замедлил бы переориентироваться и постарался согласиться. Я ведь ошибался и относительно Тагора, отказавшись переводить некоторые его труды, идейно отличающиеся.

---

[1] Времена меняются, <и мы меняемся вместе с ними> *(лат.)*.

[2] «Литературные записки».

Но пока я не знаю её мыслей; я чувствую, что в журнале допущены этические ошибки, которые и привели к великому расколу, к трагедии и, быть может, повредили и Плану.

У меня после последних писем Е.И. появилось такое чувство, что она считает меня *виновным.* Трагедия была в том, что я тоже чувствовал свою вину, но не знал, что и как мне следует исправлять. Кто бы мне сказал, *как мне надо было поступать!* Если бы, к примеру, всё повторилось, не поступил бы я таким же образом? Может быть, стал бы единственно твёрже и мужественнее. Если бы мы тогда выгнали Валковского, разве этим помогли бы делу? Я тогда считал Валковского малозначительным во всём этом деле, сам он был малоподвижным, и встречался я с ним довольно редко. В последние годы от Валковского я внутренне отдалился, ибо он был излишне педантичным в работе, хотя и обладал некоторыми хорошими свойствами. Может быть, в этом конфликте, в проявлении его упрямства выразились его обидчивость и известное самомнение? Я его защищал, потому что думал, что его ущемляют, что друзья хотят любой ценой его «съесть», притом отчасти – по личным мотивам. Разумеется, в душе самого Валковского в те дни тоже происходило нечто недоброе. Я его сердца тогда «не читал». Е.И. читала его мысли, потому через призму Е.И. я пытался подойти объективнее.

Журнал вышел в мае. В начале мая со всей семьёй я уехал в Меллужи, ибо дети заболели коклюшем. Это было лето, полное мучений. У жены нервы совсем больные. <Бессонные> ночи из-за детей – это ещё самое малое. После всего этого я чувствовал себя духовно и физически как запачканный. Несколько месяцев даже не мог прикоснуться к Учению. Я тяжко переживал свою и чужую вину. Дело Н.К. рухнуло, по чьей вине? Летом я читал только опубликованные письма Е.И., но последние письма её перечитываю только теперь. Ибо тогда эти письма будили во мне чрезвычайные страдания. Думал также часто об Указании Учителя мне: «мужество и твёрдость». Почти полтора года, можно сказать, я был во власти всего столь трагически происшедшего. По своей натуре я всегда был оптимистом, но теперь несу в себе какую-то невыразимую тяжесть. Чувство нечистоты не позволяло мне и писать мою книгу, ибо ощущал себя недостойным. Учение ведь призывает взять на себя всю ответственность. Я ещё мог жить, когда немного забывал об этой ответственности. Летом были дни, когда я совершенно не мог дышать. Ибо слишком велико *было* задание, которое не получилось. И поэтому, как бы ни было велико моё устремление в будущее и вера, весьма часто меня тянуло назад, обратно в прошлое. Тем более потому, что многого и многого в нём я совершенно не понимаю. И на мне лежала главная ответственность...

Также встречи с Гаральдом мне почти каждый раз внушали подсознательный ужас. Жутким мне казался каждый контакт с ним. Ибо я не был убеждён, что эта встреча вновь не принесёт выброса «империла». Но летом не было утра и вечера, когда бы я не посылал Гаральду наилучших мыслей. Вечно он был раздражённым, потому я и думал, что он не прав, что преувеличивает. В Горы он писал чудесные письма. Конечно, эта раздражённость, вероятно, была больше всего лишь *внешностью,* душа его горела за общее благо, и так, что в его внешней жизни иногда вспыхивал фанатизм, он был готов ради цели платить наибольшую цену, жертвовать всем. Эта душа великого огня, знаю, со временем опять станет мне близкой. Когда полностью утихомирится внешне стихийное – он ведь ещё молод. Он должен возродиться заново.

Всё время звучали в сознании слова Е.И.

После прихода коммунистов мы с великим изумлением прочли <в газетах>, что Гаральд и Блюменталь стали «шеф-редакторами». Но, как мы предчувствовали, так и случилось: <власти> хотели только использовать наивных нейтральных деятелей культуры, чтобы после, когда они не смогут следовать дальше, отбросить. Они ведь хотели показать народу, что будут «компромиссы», таким образом заставить сознание привыкнуть к радикальным переменам.

Что это за жуткие дни были в начале января минувшего года! Я теперь так хорошо понимаю Гаральда. Он в рождественской «неудаче» видел «космическое зло», и поэтому его недовольство достигало наивысшей степени. Он позже сказал, что нарочно накалял голос, чтобы на меня сильнее воздействовать. Не хочу повторять, что я переживал, ведь для моего сознания каждое грубое слово было как острейший клинок, и на этот раз – со стороны близкого человека.

Возможно, мой подход мог быть несколько иным, но глубоко в моём сознании жила мысль: где грубость, там не может быть истины.

Теперь думаю, что, быть может, всё же Гаральд иногда был прав? Я ведь не умел <многого>. Но почему мне не разрешили отойти <от руководства>, когда я хотел?

В начале января Блюменталь предложил издать второй номер. Первые материалы, которые он упомянул, были чисто политическими. Я был в состоянии глубокого ужаса, ведь я знал, что мы должны идти путём культуры. Притом я уже был знаком с довольно поверхностным подходом Блюменталя. (К примеру – статью Салтыкова для первого номера он отдал в печать, не прочитав, и только тогда, когда жена указала на тенденциозность, он её отбросил.) Я просил его отложить, пока Н.К. не будет подробно информирован, и мы не получим от него ответ. После этого я с ним некоторое время не встречался, только – с Гаральдом. Но тот хотел тем временем сделать переворот в Обществе, создать новое правление, однажды даже хотел провести чистку среди членов, руководствуясь «симпатиями» и т. д. Странная тактика у Блюменталя – он всё же *не* информировал о содержании журнала Н.К., у которого мы спрашивали совета зачастую даже по мелочам, но велел набрать главные статьи. Единственно в марте, когда у нас было первое заседание, он прочёл краткое письмо к Н.К., в котором упоминалась часть из названий статей (конечно, в условиях цензуры можно было понять их неправильно, например – «Оборона», разве Н.К. мог знать, что это из речи Ворошилова со многими иллюстрациями). Это письмо хотели отослать через юг. Позже нам показали отпечатанные листы, и мы с Драудзинь в изумлении широко раскрыли глаза. Ответ от Н.К. ожидался с чрезвычайным нетерпением. Где же они были в январе, феврале, когда я просил проинформировать Н.К.?!

Что было бы, если бы журнал вышел уже в начале февраля? Ведь аппетит чиновника рос, а с ним и рвение наших друзей. Может быть, сразу после выхода журнала им была бы предложена радикальная деятельность... Ибо Гаральд мне позже сказал: «Что из того, что закрыли бы Общество, мы завоевали бы симпатии». Особый всплеск «рвения» мы видели позже, в июне, после выхода журнала, но уже тогда существовала угроза ликвидации. Может быть, это было и хорошо, что я немного замедлил стремительный темп, что я требовал *хотя бы* согласия Н.К.? Ибо мне казалось, что многое в журнале компрометирует Учение. Но, может быть, это было моей ошибкой? Знаю, что журнал был нужен ради дела, но ведь – умереннее, культурнее. Не надо было хвалить то, что внутренне отрицают, например, военные песни и некоторые фразы о Сталине и т. д. Притом направленность журнала была обращена против мировоззренческой позиции правительства Латвии. И было понятно, что его не позволят выпустить. И зачем впутываться в политику и выпускать с помощью других (как думал Гаральд)?

Теперь <я думаю>, что он, возможно, был прав, что Валковский немного тормозил <деятельность>. У него была и личная обида, ибо Гаральд в своё время немало нападал на него, <конечно>, преувеличивая. Но в Обществе его очень любили...

Н.К. я абсолютно верил и охотно бы выполнял каждое его малейшее замечание. Но к Блюменталю полностью точно так же я относиться не мог, я ведь знал его тактику и зачастую поверхностный или преувеличенный подход. И первой целью издания журнала было – угодить Ветрову. Но интересы Ветрова были – удовлетворить своё честолюбие и послужить (идее). Ветров хотел использовать <Блюменталя и Гаральда> ради своей карьеры. Возможно, что его самого мало интересовало дело Н.К. Может быть, он не ради Н.К. так часто посещал Блюменталя, но чтобы выудить сведения о латышах. Знаю, что Блюменталю было трудно, что ему предлагались и ещё более радикальные дела. Но сотрудничество было бы ещё красивее, если бы сохранялось уважение к себе.

Я успокаивал себя тем, что мы не понимаем будущего великого поворота истории, что теперь время велит подходить радикальнее. И всё же я чувствовал, что журнал слишком резок; это была трагедия. Но Блюменталь почти ни в чём меня не слушал. Все мои бесчисленные замечания как будто ударялись о стенку. И Гаральд теперь признаёт, что журнал надо было смягчить. Блюменталь мог меня не слушать, ибо редактировать журнал было поручено ему. Так, он нёс стопроцентную моральную ответственность за содержание, но юридически – я.

Частично я уже смирился, ибо воля Н.К. была в том, чтобы назначен был Блюменталь, но, однако, я понимаю отчаяние моей жены, когда Драудзинь сказала, что с выходом журнала все будут считать нас «коммунистической ш<айкой>». Элла была на мгновение как в помешательстве. Ей это казалось предательством по отношению к народу и к Учению. Притом она упрекала обоих друзей в нечестном поведении, что утаивают от членов Общества и втягивают их в политику, которой они не желают. Особенно она возмутилась, когда Блюменталь, который клятвенно заверял, что подпишется как редактор, позже отказался. Только нападки Эллы его принудили, и только тогда, когда Гаральд взялся <тоже подписаться>.

Меня и г-жу Драудзинь сильно мучила также мысль: дошло ли до рук Н.К. её отчаянное письмо от 20 марта? Оно было бы решающим. Мы в этом теперь сомневаемся. Ибо 1 апреля Блюменталь получил от Н.К. телеграмму, чтобы печатать журнал.

Чему помог журнал, чему помогла вся подробнейшая информация об Н.К., чему способствовала и вся наша пылкость? Разве не лучше было бы бороться за *единение,* за духовную батарею? В этом случае наши успехи, возможно, были бы несомненными. Но беда заключалась в том, что рухнуло единение. Может быть, это была моя и единственно моя вина, ибо я несу главную ответственность. Мне нужно было уметь обходиться и с Гаральдом. Но в чём же состояла причина неудачи? Это так мучает!

Гаральд весь 1940 год был как сосуд с динамитом, вечно недовольный; спокойным, просветлённым мы его больше почти не видели. Он уже предвидел, что Россия войдёт в Латвию, хотел приучить к этому и сознание членов Общества. Сам он носил русскую блузу и высокие сапоги с голенищами, руки – в карманах брюк, – так сидел и на занятиях по Учению, словно пришёл как ревизор, чтобы подбодрить русских. В конце концов его приближение в моём подсознании неизменно стало вызывать ужас, ибо он всегда приходил ко мне с каким-то требованием, которое часто доходило до угроз и взрыва. Если бы я всегда поддавался, что бы было? Единственно Валковский иногда в группе перечил ему, но очень редко. Тогда, в смуте, быть может, я не столь объективно его оценивал, но страдал я очень. Гаральд не стеснялся нападать на меня даже на заседаниях.

К своему делу Гаральд относился с громадной самоотдачей. Здесь он показывал, сколько в нём огня. Но он жил в вечном недовольстве, на грани взрыва. Он насильно хотел проводить *свою* волю и считал её единственно правильной. Метал молнии вокруг себя. Был способен громить и даже ненавидеть всё, что будто бы вставало на пути дела. Может быть, и во мне было упрямство, что во многом я не поддавался. Но с Гаральдом ведь нельзя было по-человечески говорить. Наверное, не было разговора, где он уже после нескольких минут не повышал бы в досаде голос, и я мог лишь молча слушать, ибо любое возражение только вызывало ещё более громкие слова. Случалось и так, что уже скоро, не подав руки, Гаральд уходил. Был как большой ребёнок. Теперь я могу понять его пафос, возбуждение, но тогда было не до шуток. Сколько угроз звучало! Писал в Индию «неизменно длинные письма». Он ведь так красиво, огненно писал. Но в отношении к друзьям болел странной болезнью маний и подозрений. И удивительно, что Блюменталя избрали на высокий пост в Управление литературы, а Гаральда – депутатом <сейма>. Затем Общество примкнуло к «Блоку труда». Всё это я тяжко переживал, мне казалось, что компрометируется Общество и Учение. Я тоже считал, что необходимо какое-то сотрудничество, но не в столь крайней форме! Сотрудничать наперекор совести я не мог. В последний раз я виделся с Блюменталем в начале июля, когда в редакции «Сегодня» они с Гаральдом на меня чрезвычайно грубо обрушились. Что я будто бы не желаю сотрудничать, что мне надо бы «репатриироваться» и тому подобное... В тот раз оба уже чувствовали себя истинными партийцами. Я сказал, что имел замысел писать о стахановцах, но не нашёл материала. С трудом всё же я написал. Кроме того, ещё кое-какие статьи о науке. Позже относительно стахановцев я смог убедиться, что это – больше теория, но не жизнь, поднятая на уровень новой ценности. Моя жена всё это время мучилась тем, как же они всё это могут совместить, что не живут в согласии с Учением. Буцен тогда говорил, что Е.И. на месте Гаральда никогда бы не взялась за обязанности редактора. Тайно ругал Сталина. Но Бог весть, что он говорил Гаральду. Друзья Гаральда приспосабливались к нему.

Якобсон писал резкие стихи, Стребейко – хвалебные передовицы. Гаральд и Блюменталь совсем забыли о письме Е.И., в котором она советует подняться над партиями. О его же отношении к партии и о том, что он кому-то говорил, не хочу и не могу здесь упоминать.

Трагичной была моя встреча с Гаральдом в день, когда в начале августа я узнал, что Общество ликвидировано. Он ругался – на всю «Яунакас Зиняс», все помещения гремели, и я боялся, как бы другие не услышали. Всю вину за ликвидацию он свалил единственно на меня и т.д. Мы наивно, под влиянием Гаральда, надеялись, что нас не ликвидируют, по крайней мере – не столь скоро, что сможем как-то «приспособиться». Но нас ликвидировали так скоро потому, что у Яб<лонского> было «что-то против нас». Так мы не успели достойно подготовиться к ликвидации. В тот раз Гаральд опять был полон истинной ярости... Любое моё возражение было излишне. Да, я чистосердечно признаюсь, что не умел с Гаральдом обходиться. Я буквально немел перед ним. Тем более что было указано относиться к нему бережно. Учитывал я и то, что у него больное сердце. Знал, что одно лишь моё присутствие его раздражает. Но, с другой стороны, я помнил указание Е.И. – помочь воспитывать Гаральда. Всё это я переживал как трагедию. Сколько после пришлось выслушивать поношений! Приду к нему в старом костюме, говорит: «Ты прикидываешься Святым Франциском» и т. д. Не понимаю, как может чуткий человек так издеваться над сокровеннейшими чувствами друга? Ведь и в Гаральде было столь много божественных свойств. Что же его так опутало? Великий его огонь и преданность делу здесь тоже проявлялись, хотя и преувеличенно.

В начале августа у нас было ликвидационное заседание. Сколько раз после этого я ещё тайно был в помещениях Общества! К счастью, там ещё какое-то время жила одна из членов нашего Общества. Сколько раз я бегал к ликвидаторам. Самое священное я спас. И кресло Учителя мы тайно увезли, но когда Гаральд пригрозил, что нас всех посадят в тюрьму (каким всё же Гаральд был в те месяцы!), мы на самом деле испугались и привезли обратно, но всё же я не успокоился до тех пор, пока не разрешили обменять его на другое. Кресло ныне у Драудзинь. Да, даже ликвидировать честно нельзя было, не слыша упрёков. Гаральд был во власти какой-то мании мнительности. Он повторял мысли, которых ни у кого из нас никогда и не было. Он нас запугивал. Буцен мечтал, что удастся сделать отдельный музей Рериха как «государственное учреждение» и его – директором. Разумеется, мы поддерживали – хотя бы в таком виде. Ибо, как оказалось, его близкий родственник, тоже Буцен, приехал из России, и его назначили управляющим музеями. Но сам по себе он был малозначительным чиновником. Во-вторых, он тоже был воспитан по-марксистски. Когда у нас в Музее было заседание комиссии экспертов, где, кроме ликвидаторов и молодого Буцена, в качестве эксперта был Борис Виппер, приглашённый младшим Буценом, последний назвал наш Музей «лавочкой чудес». Гаральд резко на него обрушился, мы со старшим Буценом краснели и бледнели. Ибо Гаральд мог разрушить надежду на компромиссный план, то есть – оставить Музей. Однако и Виппер, как выяснилось, был настроен против искусства Рериха; подобно художникам «Рижской группы», считал его больше литератором и декоратором, чем художником. Это и решило судьбу картин. Вообще, о Виппере художники отзывались как о «подхалиме». На этот раз он старался угодить вкусу большевиков. В ноябре мы с Гаральдом послали телеграмму Н.К., чтобы он в связи с ликвидацией Общества уполномочил Гаральда в случае необходимости перенять картины. В скором времени мы получили ответ – доверенность, это и была последняя весть с Гор. Эту телеграфную доверенность Управление искусства признало и утвердило, и вначале разрешило Гаральду все картины Н.К., так же как и другие картины, которые не были записаны в инвентарную книгу и считались депонированными, перевезти к себе домой. Но затем эти господа опомнились, что выпустили из своих рук ценный товар, и заново собрались на заседание, на котором предложили Гаральду все картины Н.К. перевезти на хранение в Городской музей. Так и случилось – в какой-то отдалённой комнате эти картины, наша величайшая священная Драгоценность, ещё поныне хранятся. К счастью, они пережили коммунистические времена и бомбардировку Риги. Когда я сидел в бомбоубежище на улице Екаба, и кто-то сказал, что Городской музей задели снаряды и его будто бы эвакуируют, меня охватил ужас. Как бы картины Н.К. не увезли в Россию и по дороге они не погибли!

Конечно, в другом отношении, в Москве были бы абсолютно надёжные условия, и совсем не худший вариант, если бы они там находились. Гаральд написал Потёмкину, знакомому Е.И., по поводу картин, и от него пришло письмо в Управление искусства, чтобы коллекцию картин не расчленяли, но сохранили как единое целое. Ликвидаторы в помещении Общества дважды объявляли аукцион, первый раз – в начале декабря. Но так как «покупатели» не пришли, то отложили на второй срок. Во второй раз явилось несколько спекулянтов. Сначала распродали несколько статуэток из коллекции Шибаева (это, вероятно, были копии и особой ценности не представляли). Некоторые приобрёл Гаральд и члены Общества, другие ушли <в чужие руки>. Также что-то из мебели. Всё ценное уже прибрали левые организации. В Обществе ещё оставалось около 200 Монографий, 1200 экземпляров «Писем Елены Рерих», которые мы почти все раскупили, только несколько экземпляров досталось спекулянтам. «Письма» у них мы выкупили обратно, приблизительно за 150 латов. Не знаем, откуда появились спекулянты, которые так старались предлагать больше, поднимая цены. Ликвидаторы только на аукционе действовали по-партийному, желая выколотить побольше денег, в другом-то они всё время вели себя гуманно, и мы им благодарны, что смогли забрать из Общества то, что нашему сердцу всего дороже; что они отдали даже картины, рояль и другое, что было записано на имя наших членов; даже оплатили г-же Ренкуль взнос, который она внесла на «Письма»; а главное – они прошли мимо нашего издательства «Угунс», которое считалось независимым от Общества, частным, и так мы сумели большинство, вернее сказать, все книги нашего издательства спасти. Книги Учения были в большевистском списке запрещённых книг, так же как моя – «Сознание Красоты спасёт», как Клизовский, Зильберсдорф, Ориген и другие. И при немцах были запрещены книги Учения, но из моих на этот раз только «Николай Рерих. Водитель Культуры». Так оба направления[1] находили общий язык в борьбе против Духа.

Только в начале февраля 1941 года Общество окончательно ликвидировали. Библиотеку Общества, которая была «одолжена» в распоряжение нашего магазина, привезли обратно в помещение Общества, где провели её ревизию и передали Государственной библиотеке. Штумберг, который тогда был директором (в декабре он «репатриировался»), оказался столь лояльным, что упорядочение библиотеки доверил мне. Я перенёс книги во вторую свою комнату, позже – в незаметное место в коридоре, где они до сих пор и стоят. В библиотеке работы много, и ни во времена большевиков, ни теперь их не инвентаризировали. Очень надеюсь, что о них не вспомнят и впредь и когда-нибудь они вернутся в наши руки. Ибо, так или иначе, как большевики, так и немцы эту библиотеку сочли бы малоценной. В неё входило, между прочим, около 300 книг Старого Доктора, все – оккультного содержания. Знамя Мира Общества передали Историческому музею, но книги и документы правления – Государственному архиву. Разумеется, всю переписку, личные документы я спас, многое ненужное ушло и в огонь, хотя я поступал очень бережно, в то время как Гаральд и Драудзинь, опасаясь большевиков, без жалости бросали в огонь даже свою корреспонденцию, конечно, кроме писем Е.И. и Н.К. Многое сохранил и Валковский. Как часто у нас звучали слова о том, что возможен обыск и каждый документ, подтверждающий связи с заграницей, может быть опасен. По крайней мере, свою квартиру по возможности я «очистил». Когда я прятал <архив>, несколько последних писем Е.И. у меня запропастились, но надеюсь, что всё же найду. Теперь опасаемся, как бы нас понапрасну опять не стали считать масонами. Один из «намёков» на это – запрещение моей книги «Николай Рерих». Тогда на заседании я присутствовал (были приглашены представители главных библиотек). Основным мотивом запрета было то, что Рерих – американец (!), и вообще – это будто бы непонятная организация. Мои защитники, Эгле и Унам, ничего не могли добиться.

Во времена «красных» в библиотеке мне было очень мучительно. Поначалу я надеялся, что это учреждение будет спокойным, далёким от политики. Но не тут-то было, и здесь приходилось заниматься политикой. Каждого более-менее интеллигентного и активного выбирали в комиссии, не считаясь с желанием, в том числе и меня. И я ожидал с нетерпением, когда освобожусь от этой несуразности. Ибо, по сути дела, задачей комиссий было не созидать, а мешать и запутывать творческую работу библиотеки.

[1] Фашизм и большевизм.

Начал нарастать террор. К великому нашему удивлению и горю, около 17 декабря <1940 г.> внезапно арестовали Буцена. В его комнате дважды проводили обыск – в его большой библиотеке. Во второй раз какой-то злющий чекист, еврей, смотрел по полкам книги и просто швырял их на пол. Уходя, взял с собой две связки писем (часть из них от Е.И.), около 100 книг, в том числе книги Учения и Н.К., и около 60 – антисемитского характера! Кроме того, около 90 номеров газет «белогвардейского содержания» – так было отмечено в квитанции, которую он оставил. Воистину, Буцен жил как без ума! Сколько раз его предупреждали «очистить» свой дом. У него была страсть, а может быть и *болезнь, собирать* книги, периодическую печать и т.д., положить на полку и – чаще всего – этим больше не интересоваться. И поскольку у него была когда-то связь с Синодом, то, разумеется, были и антибольшевистские брошюры. Когда-то его интересовал и антисемитский вопрос. И главное, как же он мог дома хранить такое сокровище – письма Е.И.! За своё безумие и пострадал. Когда позже я просматривал библиотеку Буцена, обнаружил ещё два письма Е.И. и его письмо в Индию. Между книгами <увидел> даже такую брошюру – «Метод борьбы с большевизмом» и т. д. И как же можно всё это держать дома во время террора и обысков!! Рассказывают и о другой причине, отчего он обратил на себя внимание ЧК, но об этом я не хочу здесь говорить, ибо есть ощущение, что он ушёл с этого плана. Он же был таким старым, хотя и бодрым. Удивительно, как он выдержал ужасы тюрьмы. Ещё в июне этого года его семья нежданно, после полугодового молчания, получила от него письмо. И, наконец, узнали, что 22 июня (?) вместе с другими он увезён из Центральной тюрьмы.

Подобную трагедию пережили ещё несколько наших членов. Ужасной ночью 13 июня ушла в неизвестность большая часть латышской интеллигенции. Утром 14 июня увезли обоих Мисиней вместе с дочерью Лаумой, которая последовала за ними добровольно. Теперь мы понимаем, что эта добровольность была наивной, ибо всех разлучали. Мисини были больными, жена только что перенесла тяжёлую операцию, находилась, как говорится, на грани смерти. Сам Мисинь болел диабетом, возможно, что только лекарства Гаральда его спасали. Только диета его удерживала в равновесии, но сможет ли он жить в невообразимых условиях, где даже корка хлеба – драгоценность? Конечно, сила духа и вера в Учителя могут творить чудеса, и мы верим, что с ним ещё увидимся.

И последней трагедией было, когда вечером 22 июня, в день начала войны, забрали Клизовского. К нему явились чекисты, велели спешно собраться и идти с ними. В летней одежде, плаще, с небольшой сумочкой со сменным бельём – он ушёл. Книги взять не позволили. У порога обыскали карманы: «Что там?» – нащупали медальон с Портретом Учителя. Велели оставить дома. Так, взволнованный, он ушёл. Он ведь тоже не знал, куда идёт: или в тюрьму, или его увозят в Россию. Да, с Клизовским было что-то странное, у него не было достаточного понимания обстоятельств. Ещё в своё время Е.И. была озабочена тем, что он хочет подарить свои книги Ульманису, затем ещё – русскому посольству, вместе с длинным сопроводительным письмом. Теперь он написал обширную статью об основах Учения и материализме, и на обложке написал имя Сталина, то есть хотел отослать ему. <Эту работу Клизовский> показывал Гаральду, тот уговорил этого не делать. Но тогда он написал новую книгу об очищении религий и Братстве, в конце в качестве главы поместил упомянутую статью. Рукопись он дал мне прочесть. Я прочёл внимательно, указал, где надо бы исправить. Что-то он будто бы исправлял. Особенные возражения были относительно последней главы, где он, с одной стороны, подчёркивал роль коммунизма, с другой – поносил материалистическую идеологию. Если бы эта статья попала в руки чекистов, Клизовский погубил бы не только себя, но и всех последователей Живой Этики. На это я ему указал, прося его спрятать книгу вне дома, так, чтобы её не нашли. Он, напротив, упрямо настаивал на своём, что копию он спрячет, но оригинал пусть остаётся на его столе: он как раз хочет, чтобы те, кто будет делать обыск, её нашли и ознакомились с её содержанием. Это сможет их убедить в ошибочности их взглядов. И если не их, то кого-то другого: кому надо будет, тот прочтёт. Я возражал, что это наивно, что чекиста никто не сможет переубедить и т.д., что он на всё наше движение может навлечь беду. Но на него ничего не действовало.

Потом Гаральд послал г-жу Лицис к нему с известием, что в Латвии уже происходят аресты старых офицеров (латвийской и царской армии), чтобы он остерегался... Г-жа Лицис приехала ко мне расстроенной, ибо Клизовский не отреагировал на предупреждения Гаральда. Тогда поехал я. Довольно строго, хотя дружески, я с ним поговорил. Но всё тщетно! Он ответил, что если это будет нужно и Учитель повелит, то через ЧК книга <попадёт в> нужные руки и т. д., что Учитель тоже повернёт так, как необходимо, и спасёт и т. д. Я сказал, что в это космически тяжёлое время не надо напрасно утруждать Учителя, но – всё зря! Это, видимо, была последняя наша встреча. Да, Учитель теперь послал ему чрезвычайные испытания. Если бы он скрывался, как другие, может быть, спасся бы. Хотя он физически довольно слаб, хотя в преклонном возрасте, однако глубоко верю, что Клизовский направляется на свою родину со смыслом, что он преодолеет все трудности, и мы с ним скоро опять увидимся. Он ведь столь необходим для Нового Мира.

Это было время, когда вся Латвия собирала чемоданы. И я привёз из Риги в Меллужи зимнюю одежду жене и детям на всякий случай, чтобы не произошло так, как, к примеру, с Берзинем из ЛТА, которого взяли с семьёй в Огре на даче, в летней одежде. Красив тогда был июнь, вся земля утопала в цветах, но в воздухе витало трагическое настроение. И мой брат скрывался – и он, и другие знакомые были во втором списке. Но война помешала дальнейшим замыслам коммунистов. Я ежедневно ездил поездом в Юрмалу, но с каждым днём было всё труднее. Наконец, 26 июня был подан только один поезд. На станции ожидало море людей. Нечаянно я здесь встретился с Блюменталем. После целого года! Он держал в руках пакет с чёрным хлебом, который вёз родственникам в Юрмалу. Несколько дней он был на работе на фабрике, до того – несколько месяцев в санатории. Он был настроен на то, что надо бы увезти родственников в деревню, но не знал, куда. Гаральд уже увёз своих. С Гаральдом я виделся за два дня до этого, он говорил мне, что русские победят, что крепко обороняются... Разве он не знал, что немцы уже около Даугавпилса и Лиепаи, или он сам себя успокаивал? Ожидая поезда, проговорили мы с Блюменталем два часа. Это уже не был прежний Блюменталь – более смирный, тихий. Утром я ещё успел на последнем поезде добраться из Юрмалы. В обеденное время, выходя из библиотеки, я был поражён. Войска двигались по улице, отступая, толпы людей с чемоданами, ожидающие машин... смута. Происходила эвакуация, бегство. Когда начались обстрелы Риги и в старом здании нашей библиотеки стало опасно, мы перешли в другое помещение на улице Екаба, в бывший банк, где в бомбоубежище-сейфе в безопасности мы провели три ночи и три дня, временами с ужасом прислушиваясь к близким разрывам снарядов, временами поднимаясь на верхние этажи и наблюдая окружающее. В один день мы видели ужасную огненную стену, клубы дыма от пожаров, горели кварталы, горел собор Петра, искры перелетали через наше здание, было очень большое беспокойство и о зданиях нашей библиотеки. Это было в последний день. Мы заметили, что близко от нашего здания, на бывшей Яуниела, горит ряд домов, некоторые здесь же, на противоположной стороне улицы; и в любой момент может загореться и наше здание. Разумеется, пожарных не было, всё было предоставлено власти стихии. Вызывало отчаяние во мне и то обстоятельство, что я спрятал в здании <библиотеки> пакет с рукописями и другими бумагами. Попасть туда больше не было возможности, ибо то строение находилось близко к передним позициям у Даугавы. Однако в то утро я не удержался, и когда пулемётная стрельба стихла, отправился туда вместе с дворничихой (ей надо было спасти некоторые вещи); мы пересекли площадь перед Домским собором, всё было усыпано битым стеклом, в стороне лежали тела убитых. Это было жутким переживанием. Всё получилось у нас удачно, и со связками мы вернулись обратно. Уже вскоре можно было видеть, что русские отступают и на улицах появляются новые люди, с национальными повязками на руке, вооружённые винтовками. И мы вышли на улицу. И только тогда показались немцы. Скоро Рига была в знамёнах. Массы людей заполнили улицы. Рига словно захмелела. Звучал гимн Латвии, громкоговорители, всё внезапно преобразилось. Кое-где ещё замечались остатки старой власти. Только около «Мамули» рядом с латвийскими знамёнами я увидел знак свастики. Но я знал, что нас <опять обманут>, что ликование людских толп опять уляжется... Так и случилось...

Прошлым я больше не живу. Я чувствую в себе и вокруг себя искры огня Великого Будущего.

И всё же, чтобы окончательно подняться над прошлым, мне ещё раз надо «излить» сердце признанием. Мне мучительно к нему прикасаться, особенно больно касаться проблемы друзей, ибо вся моя сущность против любого осуждения или унижения кого-либо. И особенно теперь я хочу думать только хорошее. Но трудно полностью освободиться и идти дальше, если прежде не подведу итог всему прошлому. Ибо оно остаётся – неразрешённым.

Ныне я дважды встречался с Гаральдом – после летних переживаний, и в середине сентября, и теперь, недавно. Как Гаральд изменился! Можно сказать – совсем, совсем другой человек! Не то что другой – тот же, каким я его знал два года назад. Спокойный. От внутренних переживаний всё же встревожен, может быть – нервный. Но нет больше недовольства. Ибо теперь мы звучим на одной струне. Нет больше ничего, что разделило бы нас. Но что же раньше могло нас разделять? Не было ли это всего лишь иллюзией, самообманом? Что же может разделить двух последователей Учения? Что? Теперь вижу, что он серьёзно читает Учение, в то время как раньше было некогда. Конечно, в нём всё та же, прежняя взрывная натура. В своих умозаключениях иногда слишком поспешен, может преувеличивать. Но уже совершенно иначе. Однако разве внутренняя суть его не была той же самой и в минувшем году: преданная, пламенная? Та же, которую он проявлял в письмах в Индию, та, которая могла там растрогать, но которую он закрывал в отношениях с друзьями. Я понимаю его огромный, горячий, порывистый темперамент, который доводил его до последней крайности. До его «безумной идеи», которая вызывала в нём ярость на всех, кто немедля не следовал ему, не смотрел и не думал так, как мыслил и видел он. Я воспринимал поведение Гаральда как фантазии и нетерпимость. Другие – как юношеский задор. Возможно, из прошлой жизни (в эпоху Ренессанса?) в нём осталась инстинктивная тяга к властвованию (от чего же другого могло возникнуть его вечное недовольство, если кто-то осмеливался тогда не соглашаться с его мнением и особенно – я?!). Быть может, этот инстинкт, который в состоянии возбуждения выявлялся ещё ярче, вместе с убеждённостью в своей правоте, и запутывал в нём основы Учения: кротость, торжественность и чистоту речи. В то время при его присутствии в Обществе исчезала торжественность, острота <выражений> доходила до грубейших слов. Но знаю, что духовное горение и великие переживания многое в нём переменили. Верю и знаю, что мы будем опять близкими сотрудниками и друзьями. Что это были за <переживания>...

11 октября 1941 г. Суббота

Пишу опять полмесяца спустя. Мир пережил громадное множество событий! И моё сердце было в пламени великого испытания. Раны, которые я получил год назад, очень медленно заживали.

Но что стоят наши трудности по сравнению со страданиями Великого Народа. Какую невыразимую трагедию он теперь переживает. Миллионы и миллионы в муках кровоточат. Где проходит война, там остаётся пустыня. Сёла опустошены, города стоят в руинах, даже воды отравлены – голод и разруха. Громадные толпы беженцев движутся на восток. Близится суровая зима, что же она принесёт всем? Тысячи и даже миллионы солдат остаются сражёнными на поле боя. Раненых лечить некому, некому утолить страдания. Громадное количество военнопленных гонят по улицам, они словно лишены человеческого подобия, «кожа да кости», во многих даже духовное начало как бы закрыто. До такой степени муки и страх поражают <людей>. Всматриваясь в них, я вопрошал: где же Потенциальное в них? Где то, что должно дать человечеству прекраснейшее будущее? То, что должно воистину сформировать Новый Мир? Однако верю, ведь этому потенциалу надо когда-то раскрыться.

На восточном фронте теперь хаос. Немцы пишут, что фронт полностью прорван, что русский вопрос упраздняется. Ленинград уже давно окружён. Пять миллионов страдают от голода. У Москвы главные русские армии в «мешке». Захвачена большая часть Украины. Кто же теперь спасёт Россию? Конечно, большевизм должен отойти, но русский народ должен быть спасён. Россия должна воскреснуть!

У меня есть глубокое чувство, которое звучит в недрах сердца уже некоторое время, что скоро, весьма скоро на русском фронте случится что-то... может быть, чрезвычайное.

Может быть – чудо. Давно думал: когда же Сергий Радонежский спасёт свою родину в третий раз, как об этом пророчествовано?[1] Как же всё это произойдёт? Россия на краю пропасти. Большей трагедии быть не может. Но, как обычно, именно в последний, безвыходный момент приходит Помощь.

Если величайшие события у порога, то и нам надо быть готовыми их принять, участвовать в них. Может быть, скоро, очень скоро среди руин и хаоса начнётся труд великого строительства, для которого потребуется много рук, много умного Совета. «Помоги нам не пройти мимо труда Твоего» – это наша ежедневная горячая молитва. Среди всего этого бедствия и пожара я ощущаю одно: Новый Мир у врат!

30 октября

Мы живём среди космического ураганного дыхания. Ибо действительно – нынешние события простираются далеко за пределы Земли. Все Миры ввергнуты в решающую битву Армагеддона. Быть может, то, что делается на Земле, каким бы оно ни было жутким, является всего лишь бледным отблеском того, что происходит в Тонком Мире? Все самые грандиозные битвы свершаются именно там, где Силы Света, в непосредственном соприкосновении с тёмными, добиваются победы за победой, сражаясь в невообразимом напряжении. Сердце чувствует, что и на Земле скоро должна наступить победа Света. Чрезвычайное время! И всё же, хотя иногда так трудно дышать, хотя нередко такая тяжесть сковывает тело, что хотелось бы прильнуть к земле, скрыться в траве, хотя чувствую себя словно запертым в темнице хаоса, – всё же я бесконечно благодарен, что суждено мне жить в эту грандиозную эпоху, быть очевидцем всего происходящего и участвовать в нём (верю, особенно в Будущем!). Приходят мгновения, когда сердце преодолевает и рассеивает токи, и опять ещё интенсивнее я углубляюсь в ритм работы. С начала октября я снова обрёл истинное дыхание. События минувшего года были сверх моих сил, я не мог найти в себе развязки, великая ответственность и неясность о бывшем нередко вызывали во мне трепет тяжелейших струн. Но теперь вновь я сознаю: чтобы полностью жить в будущем, надо сжечь прошлое. И всё же: чтобы совершенно освободиться от прошлого, необходимо его понять. В муках своего сердца я нередко думал: смогу ли я в этой жизни всё случившееся объективно оценить? Не придётся ли в будущей жизни ещё раз возвращаться к Армагеддону *этого* воплощения?

1 ноября

У меня такое чувство, что ближайшие дни принесут что-то чрезвычайное. Неужели в скором времени не решится судьба русского народа? Если война будет продолжаться всю зиму, то не погибнет ли половина русского народа? Ведь миллионы беженцев заполоняют Поволжье и Сибирь. Ленинград и Москва преданы голодной смерти и уничтожению. Ленинград уже более месяца окружён, вместе с армией, там более 5 миллионов жителей! Сумасшедшая жизнь! Немцы уже в самом начале уничтожили там электростанцию и водопровод. Хлеба, скорее всего, давно не хватает. Чего только не приходится пережить человеку! Ужасы от воздушных налётов и грохота артобстрелов. Пожары. Ад на земле. И вся завоёванная территория почти что пустыня. Минск, Смоленск, Витебск фактически представляют из себя груды развалин. А другие города в лучшем ли состоянии? Поля чаще всего опустошены. Скот отравлен или угнан. Ибо неспроста дан армии сатанинский приказ: за собой оставлять полную разруху. Какая агония страданий от Чёрного моря до Белого! Потому люди, которые были, к примеру, в Пскове, рассказывают, что у оставшихся жителей лица как бы поражены апатией, до такой степени ужас, отчаяние и нищета замучили их.

На южном фронте немцы стремительно идут вперёд. Но рассказывают, что и они несут громадные потери. Труднее всего – около Ленинграда. Он так по-современному укреплён, что не взять. И русская армия использует прогрессивную военную технику. Такое творится – как в аду! Рассказывают, что в Ригу пришёл поезд с немецкими солдатами-сумасшедшими. Если немцам ещё долго воевать, то выдержат ли их сознания?

[1] На картине Н.К.Рериха «Св.Сергий» (1932 г.) внизу имеется надпись, красными буквами на сиреневом фоне: «Дано Св. Преподобному Сергию трижды спасти землю русскую. Первое при князе Дмитрии. Второе при Минине. Третье...». В то время картина находилась в музее в Збраславе, ныне – в Третьяковской галерее.

О чём же большинство из них думает? И что же происходит в самой Германии, нет ли и там тайного недовольства? Россия в руинах, но что ещё ожидает Германию? Многое придётся увидеть! Колесо судьбы вращается безжалостно.

Наш Дравниек в последние месяцы видел несколько снов или видений, которые, быть может, имеют значение. <Сон>: уже в июне он получил от Н.К. телеграмму: «Мой путь начинается с другими людьми. Я приеду в млечное время». Of United Europa director[1]... Мы много мудрили по поводу содержания и кое-что предчувствуем. Те другие – не большевики, но люди Востока? И затем: Дравниек 27 сентября получил от г-жи Ольги Мисинь длинное письмо. Вернее говоря, она ему диктовала, когда он проснулся и сел к столу. Содержание письма сжатое, как бы пророческое. Разочаровалась в теперешней России. Видела Буцена. Главное: «Правительства должны вынести *скоро* свои решения и заключения. Обратите внимание на слово "скоро". Это тайна Вселенной. В этом принципе спешности запутаются разумы правителей... Русь непоколебима. Народ её не погиб. Великий народ не потеряет ни одного клочка своих владений. Каждому своё. Гибнет не русский народ, но другим – знамения Вселенной. У русского на устах слова освобождения духа от оков физических». И далее о личностях: «Супруга Рудзитиса займётся семьёй, он же зачисляется в рабочие Нового Государства». (Мисинь именно подчеркнула «Нового», когда Дравниек хотел это пропустить.) «Ему теперь только крепнуть в духе и держать себя зрячим (то есть – не замыкать духовных глаз). Валковский останется в новой Латвии (в стране или Новой З<емле>). Драудзинь – покровительница детей. Вопросы женские. Путь» и т. д. Г-жа Мисинь завершила: «С Вами на устах, Майтрейя». Звучит странно, но возможно. Многое что верно. Но можем ли мы доверять астральным видениям? Мы знаем, сколь часто там действуют «персонификаторы».

20 ноября

Не стали ли мы подобны малым детям? Мудрим, думаем, рассуждаем – когда всё это кончится, когда придут перемены, решающие события. Хватаемся за древние предсказания, прислушиваемся к предчувствиям. Например, нам казалось, что в начале ноября появится нечто поразительное. Услышанное волновало нас ожиданием неизвестного. Ибо не напрасно около 9-10 ноября собралось много снов и видений. Так много знаков теперь разлито в пространстве, что человеку нужно быть слепым, чтобы не видеть последнюю агонию тьмы, чтобы не почувствовать, что близка Эпоха Света. Однако большинство людей как опутанные, не видят, все очевидные знаки отстраняют от себя. Миллионы страдают, страдают безо всякой веры и смыла. Страдают побеждённые, страдают нападающие, страдают и многие другие. Однако это колоссальное огненное крещение должно раскрыть глаза человеческого сознания. Если сознание не проснётся, выдержит ли твердь нашей планеты?

Положенные сроки не всегда связаны с выдающимися проявлениями. Возникновение причины часто незаметно. Из семени вырастает дерево. Возможно, что 9 ноября действительно было что-то важное, кто знает? Друзья рассказывают, что 9 и 11 видно было северное сияние, другие вроде бы видели отблеск дальней зарницы. Меня после этого на некоторое время обступили токи. Я ощущал давление на сознание, временами было чрезвычайное напряжение. Несколько дней такое меня мучило. Что же теперь происходит и в Тонком Мире? Какие космические сражения происходят! Сознанию часто <приходится> проникать сквозь кипящие огни, сквозь тучи ужаса и ненависти. Это ведь Армагеддон.

Во мне постоянно живёт мысль: как же великий народ будет спасён? Сколь долго он будет в силах так истекать кровью? Теперь зима. Что делают все те, у кого нет хлеба и дров? И ведь неисчислимы те, кто в пути, кто без своего крова. Сколько же человек может страдать!

Говорят, в Сибири восстание. Финское радио сообщало, что бунт организовал маршал Блюхер, которого считали расстрелянным, но он убежал в Китай. К нему присоединяются красные офицеры. Затем финское радио замолчало. И недавно кто-то «поймал» с Дальнего Востока манифест какого-то атамана Бл. к русскому народу и армии – бороться за объединённую Россию против большевиков и <фашистских> агрессоров.

[1] Глава объединённой Европы *(англ.)*.

Эта весть была уже чем-то чрезвычайным. Глубины сердца взволновались. Быть может, здесь есть какая-то связь с будущим, с предвиденным и с тем, что хранится в сердце?.. Все рассуждают, что русский народ слишком «пассивен», но – кто знает?

5 декабря. Пятница

В Учении сказано, что Учитель доведёт врага до безумия. Действительно, теперь всё, что происходит, выявляется чрезвычайно, ненормально, многое даже – безумно. Когда-то в деяниях зла и в разрушении была своя логика, своё разумение. Теперь зачастую кажется, что тёмные силы беснуются в крайнем замешательстве. Они не ведают больше, зачем нужен этот колоссальный хаос, который они создают и вместе с которым, возможно, погибнут и они сами. Пространство столь полно стихий, что в любой момент можно ожидать новых и новых взрывов. Впечатление такое, что даже не хочется громко говорить, как будто мы стоим у постели умирающего. И разве народы не в этом состоянии агонии страданий? Можно заметить и большую тревогу на лицах солдат. Разумеется, они не ожидали, что на восточном фронте будет так тяжело. Многие рассказывают об огромных потерях на ленинградском фронте. Красные почти ежедневно пытаются прорваться. В пятницу, две недели назад, будто бы удалось прорвать фронт к северу от Ленинграда. Были гекатомбы. Многие подрываются и на минах. Но как русские могут выдержать в голоде и холоде? Притом в городе будто бы все стёкла в окнах разбиты, водопровод разрушен. Далее – только что <немцы> пережили трагедию в Ростове. При приближении немцев русские его покинули, но применили хитрость. В городе оставили несколько дивизий солдат, переодетых в гражданское. И когда вошли немцы, ночью, началась кровавая бойня. Немцы в темноте совершенно растерялись, на них нападали со всех сторон. Будто бы погибло более двадцати тысяч солдат. Кто знает, сколько? Газеты пишут загадочно о «нарушении международных прав» и об отведении гарнизона из Ростова. Также опровергают слухи, что будто бы русские сумели отбить ещё два других города. «Око за око, зуб за зуб!» – этот библейский завет в сознании народа. Мы, рассматривая историю человечества и историю народов, с ужасом читали о зверствах и кровавых оргиях, но такой жестокости, как теперешняя, человечество наверняка не знало. Действительно можно сказать, что у многих и многих больше нет сердца. Жестокость как спорт. Латвия, возможно, пережила только небольшую часть из всего того, что пережил русский народ за двадцать четыре года. Миллионы интеллигенции уничтожены, может быть, многих именно духовно активных. И ныне ещё продолжается. Человек воистину некое страшное существо. Нет такого зверя, который мог бы уподобиться человеку в жестокости. Это те, кто сотворён по Seigneur de la face noire[1]. И всё же есть люди, в которых не погас отблеск божественного лика. Особенно теперь, в дни Армагеддона, когда разворошены в человеке его потенциалы, человек проходит огненное испытание, выявляются лики, проявляются истинные черты, человек начинает показывать свою истинную принадлежность...

Я когда-то так верил в Латвию. Она на протяжении столетий столько страдала и тем самым кармически многое искупила. Но что же она делает теперь? Латвия – «кладбище евреев». С ужасом мы следим за трагической судьбой этой расы. Несколько месяцев назад каждого, кто приезжал из деревни, я спрашивал: как в вашем районе с еврейским вопросом? И отовсюду я получал единственный ответ: «Нигде больше нет...» Увезли и расстреляли. Сколько мне рассказывали о таких вещах, которые по ночам опутывают сознание как злой кошмар. Рассказывали, как расстреляны мужья, матери и дети. Ни к одной скотине так не относились, как к живому человеку, своему брату!!! Не хочу здесь говорить о том, что запишет история. И что же в своей душе переживали в Риге все оставшиеся в живых, но обречённые на смерть? Их постепенно собирали в гетто. Говорят, что там в квартирах кровати стоят рядом друг с другом, ограничения всё время усиливаются. По обочинам улиц <в Риге> ходили ещё только те, кто направлялся на работу. Детей и седых стариков не было видно. Затем, в середине прошлой недели, стали утверждать, что решено отделить мужчин и подростков от женщин. Дети остались с матерями. И в воскресенье говорили, что все полицейские внезапно мобилизованы. В скором времени стало известно, что гетто очищено и его обитатели увезены в Саласпилс. Осталось только около 4000 мужчин.

[1] Г-н с черным лицом *(франц.).* Вероятно, речь идёт о сатане.

Скоро стали говорить о подробностях. Трагедия свершилась в ночь с субботы на воскресенье. Кто-то видел, что около станции Брасла на улице в темноте в сторону Кишозера гнали тысячи еврейских женщин. Одних только женщин. Куда их гнали? Ночью издалека слышались выстрелы. Других гнали в известный лес Бикерниеки. Иных – в Саласпилс. Будто бы и сопротивлялись, несколько полицейских погибло, есть раненые. Говорят, что найдена радиостанция, оружие. Другие говорят – это расплата за Ростов. Были даже слухи: Америка объявила войну (ибо уже давно говорили об угрозе: если Америка объявит войну, то ни одного еврея не останется). Ещё говорят, что до 6-го ликвидируют и остальных. Так решена «еврейская проблема». И ещё, как сообщают очевидцы: в Латвию пришёл поезд с германскими евреями, которых увезли в Саласпилс. И пришлют ещё. В последнее время расстреливали латыши, немцы смотрели, русские военнопленные закапывали. День ото дня обо всём этом приходится слышать. И ещё иное: военнопленные ежедневно сотнями умирают, что больных чаще всего пристреливают – как с ними обходятся! Но планета всё еще стоит как стояла.

27 декабря

На восточном фронте оцепенение. Официально сообщают, что там происходит остановка и выравнивание фронта из-за суровых зимних условий. Но шёпотом говорят, что немцы на московском фронте основательно отступили, что русские непрестанно наступают, что на немецкой стороне свирепствует настоящая эпидемия тифа, многие обмораживаются, кроме того, многие будто бы болеют каким-то психозом. В Учении сказано: среди эпидемий наиболее опасными будут психические расстройства, в другом месте – невралгия. Ибо не так просто пережить все ужасы войны при современной технике. Чуткое сознание от одного лишь грохота взрывов может взорваться. Русские всё же мало атакуют с воздуха, но чрезвычайно – артиллерийским огнём. Новое событие, что Гитлер взял на себя роль главнокомандующего. Это означает, что подошло для немцев критическое время. Седьмого началось нападение японцев на американские острова. За короткое время захватили много. Американцы вообще-то не вояки. И Америке придётся пережить огненное крещение. Мы уже предчувствуем, что в конце концов будет с нападающими и с побеждёнными. Знаем и будущность русского народа. Что же ещё случится в ближайшие дни?

Рассказывают, что в Монголии происходит восстание, что армия Бл<юхера> у монгольской границы, идут с древними хоругвями русской веры, с образами Александра Невского и Богоматери. И монголы присоединяются, несут с собой знамёна своей веры. Приходят на ум упомянутые Оссендовским пророчества об объединении народов Азии, о великой Личности с Востока, которая соберёт народы и принесёт мир на Землю. Странное предчувствие раскрывается и в романе Краснова «За чертополохом»[1] («странное» потому, что Краснов кажется очень узким монархистом) – об Императоре, который приедет на белом коне с Востока (Гималаев) спасти русский народ. Нередко я слышал, что некоторые старые бабушки, знающие хорошо Библию, рассказывают, что в скором времени образуется на Земле государство тысячелетнего мира и с Востока явится новый царь всего человечества, который учредит порядок и спокойствие на Земле. Много, много знаменательных, пророческих снов рассеивается в пространстве. Так, только что наша больная Арефьева мне рассказала следующий сон, предвещающий хорошее будущее для латышей (!). Происходило театральное представление, на которое собрались латыши. На сцене шла какая-то детская пьеса. Был виден поход зверей. Последним был медведь, за ним лиса. Затем опустился занавес и на нём был виден Китеж-Град во всём своём блеске, храмы озарены светом, кругом берёзовые рощи. Она спросила, почему видны образы русской легенды? Ответ был: через русских приходит Учение. Так рассеяны чудесные знаки – наблюдай, читай, разумей. Арефьева – больная русская учительница, которая шесть лет назад из-за переутомления заболела, ей пришлось лежать в постели парализованной. Испытывала страшные боли. Три года назад с ней познакомился Клизовский, стал регулярно навещать её, приносить Учение. Теперь она уже духовно сильна, глубоко прониклась Учением. Меня недавно с ней познакомила Ренкуль. Чуткая, светлая душа. Страдания её очищают. Может быть, её боли и в связи с центрами?

[1] Речь идёт о романе генерала Петра Краснова, написанном в июле-ноябре 1921 г. в Германии.

Во время приступа боли она видит многие световые образования. Учение помогло разбудить психическую энергию: она уже начала ходить. Так у каждого свой путь к Учению.

На Рождество я был на ёлке в трёх группах наших членов. Было так хорошо, как в давние, светлейшие времена. Мы читали молитвы, фрагменты из Учения. Гаральд собрал своих друзей у г-жи Лицис. Гаральд был благороден и молод. Он ведь из тех духов, которые борются с собой, недовольны собой, понемногу преображают себя. Мы встречались несколько раз. Недавно он пришёл ко мне опять в досаде: что там происходит с Валковским – будто бы в связи с «письмом Мисинь» он вообразил о какой-то своей великой будущей роли? Я сказал, что и меня удивляет такое самомнение, если оно действительно возникло, но это было бы плохо. Оказалось, что подозрения родились больше из-за недопонимания, раздувания услышанного. Отрицать нельзя, что у Валковского в подсознании есть спесь. Но у Гаральда ещё есть мания преувеличивать, видеть только плохое. Поэтому в разговоре с ним надо быть весьма осторожным. Но в конце концов между нами зазвучали наисердечнейшие струны, возобновили мы нашу старую духовную дружбу. Об этом я ему уже неоднократно говорил и писал в дни прежних переживаний: нас всё же связывает нечто существенное, наша дружба именно необходима. Не только ради нас самих, нашего взаимного дополнения, но ради пользы дела. Ибо мне ещё нужно расти в мужественной строгости и дерзновении. Моя речь всю жизнь превращала меня в слишком уязвимого и замкнутого. Неужели, действительно, во мне нет воли окончательно преодолеть застенчивость, гармонизировать свою речь. Без этого я не могу начать свою настоящую эволюцию, разбудить в себе все огни. Да, намного легче было бы в «нормальные времена». Теперь среди токов бывают моменты, когда ощущаю, что все нервы словно налиты великой тяжестью. Но именно в эту чрезвычайную эпоху, именно среди стихий надо показать масштаб своего духа. Теперь даны величайшие возможности эволюции. Поднимайся, развивайся! Борись! Высшая Десница тебе поможет!

1942

12 февраля

Долгожданный год! Как много мы о нём думали! То, что человечество миллионы лет не видело – наступило. Хотя астрономический год начинается в марте, мы всё же всем сознанием и всем своим существом ощущаем, что стоим накануне чего-то неизмеримо важного. Что будет, как всё произойдёт, мы не знаем, ибо тьма только ещё сгущается, тьма, кажется, достигает кульминации. Но чувствуем, что скоро, очень скоро должен произойти взрыв тьмы, когда опять понемногу начнёт проясняться пространство. Через все безумства эпохи, через ужасы всё же чувствуем близость великого Света.

Гаральд уезжает на место своего нового изгнания – в Угале, районным врачом. Сосланы ещё некоторые врачи «полевее». Вначале хотели послать его в Лудзу – будто бы рассадник тифа.

22 октября, четверг –10 ноября, вторник

Волны событий бушуют. Что переживает человечество! Что происходит на восточном фронте! Как страдает русский народ! Скоро ли придёт конец его мукам? Воистину <Россия> на краю бездны. Велика жатва смерти и страданий. Всё же воины сражаются героически. Всё же действительно непобедима она. Уже давно противники не насмехаются, ибо ощущают великое противодействие. Воюют, истекая кровью. Была бы организованность, великие полководцы, всё было бы совсем иначе. Где Юрий, ему действительно надо было вести несчётные войска против врага. От целенаправленных действий его стальной воли сила противника бы гнулась. С ним Благословение. Но, может быть, его время ещё не пришло? И всё же где-то, где-то близко он должен быть? В Монголии, в Сибири, кто знает? Что же нарастает, что происходит там, вдали? Какие перемены зреют в сознании русского народа? Может быть, его сознание уже будет готово принять Высшую Помощь? Ибо мера бездны достигнута. Но кто знает, в каком виде Помощь проявится? Мы склоняемся и прислушиваемся к пульсу событий. Жадно ловим каждую весть с Востока. В <газетных> сообщениях читаем между строк. Ждём. Наши души, истинно, полны великого, невыразимого ожидания. Скоро, очень скоро нечто должно случиться. 1942 год! Давно обещанный год. Год новых мировых решений. Считаем каждый день. Наблюдаем знаки. Как много их! Все о чём-то переживают и ждут. Рассказывают друг другу о своих предчувствиях. Большинство ещё не верит. Как же возможны перемены? Война в таком виде может продолжаться годами. Но сердце говорит: нет, нет, война на Востоке должна скоро кончиться. Как это произойдёт, не знаем. Ибо вообще нелогично об этом мыслить. Несколько месяцев немцы воевали у Сталинграда – символа власти Сталина. Теперь от огромного города остались только груды развалин и руины. Ещё на севере, в городских кварталах держатся <русские>. Но ещё сколько дней? А что будет потом? Немцам ныне всё же не везёт, медленно и трудно продвигаются. С безумным мужеством русские атакуют противника. С поразительным героизмом обороняются. И в срединной части фронта, у Ржева, и в других местах они имеют успех. Об этом немцы умалчивают. О себе ни слова – что и их силы иссякают. Приближается суровая зима. Кто сможет её пережить? Зима – среди ужасов. И русскому народу угрожает страшный голод. Миллионы бродят по миру, им негде приклонить голову. Помочь им могут только мирные условия.

Но, может быть, всё же будет мир? Сколько пророчеств, видений ходит среди народа! Мечта и вера в Белого Всадника, который придёт с Востока и спасёт и воскресит русский народ. К примеру, какая-то бабушка видит во сне: «Чёрный и красный всадники борются на берегу озера. Гроза. Тучи. Борются, пока оба не падают в озеро. Тогда внезапно показывается белый всадник, воспламеняется, как молния». Многие относят это к апокалипсическому белому всаднику, который придёт с Востока, с гор. Об этом рассказывают, этому верят, основываясь на Библии. Упоминают и сроки. Война должна кончиться к Рождеству. Об этом повествует и пророчество какого-то визмарского монаха, записанное двести лет назад, которое сами немцы широко разглашают по всем странам.

Ибо им кажется, что это они будут победителями. Рижские оккультисты предрекают на конец ноября большие события. К срокам относится и рассказ о чудесах в Талашкино. Это не легенды, это вполне реальный рассказ, который мне привезла месяц назад из Даугавпилса член нашего Общества Ессе и который записал и Зильберсдорф. Эту историю какой-то знакомой Ессе рассказал помощник коменданта Даугавпилса – немецкий офицер, который в прошлом году участвовал в военных действиях. Вблизи Смоленска, на который немцы наступали, находится усадьба Талашкино, родовое поместье знаменитой княгини Тенишевой, меценатки. Тенишева превратила его в маленький городок искусства. Нас это место интересовало потому, что находящиеся в главном соборе фрески расписывал Н.К., который неизменно с сердечностью вспоминал художественные достижения Тенишевой. В Талашкино укрепились большевики, немцы огнём артиллерии в скором времени превратили его полностью в руины, остались только «груды камней». Единственно чудесно спасся великий храм в середине Талашкино. Чудесно потому, что, согласно признаниям коменданта, немецкие артиллеристы как раз соревновались в обстреле собора. Но ни один снаряд странным образом не достиг цели – некоторые снаряды ложились слишком близко, другие перелетали через него, мимо и т. д. Когда русские отступили, группа немецких солдат подошла к собору. Открыв ворота, в изумлении увидели восемь человек благородного вида – пятерых мужчин и трёх женщин. Некоторые седые старцы казались столь впечатляющими, одухотворёнными, будто бы «русский Христос» стоял перед ними. Главное – они захватчиков встретили без всякой паники, спокойно, даже с улыбкой. На допросе они признались, что пришли сюда «по приказу» из разных мест России как в наиболее безопасное место. При них или в музее церкви найдены выдержки из каких-то рукописей. И там было сказано, что с Востока придут белые, которые наведут порядок в России. Немецкий офицер иронизировал, кто же эти «белые с Востока» могут быть – монголы или китайцы? Затем в этих записях значилось, что война кончится в следующем году, то есть в 1942 году *в декабре.* Ещё в этих записях говорилось о какой-то новой религии, которую немцы, естественно, не поняли и т. д. Спрашивали, куда же они подевались? Ответ: разумеется, увезли в Берлин. Зачем? Потому что они своим большим спокойствием, уравновешенностью, необычным поведением казались подозрительно опасными, больше, чем коммунисты. Ещё надо отметить, что эти странные люди были вегетарианцами. Разве это не чудесно? Мы все убеждены – мы знаем, что здесь проявилась сила духовной батареи. Кто эти существа, мы не знаем, но сердцем можем чувствовать. Это – один из могущественнейших знаков этого времени. Таких знаков ныне много – как звездопад. Рассказывают, что на фронте обе воюющие стороны несколько раз видели светлое Явление – немцам казалось, что это Христос, русские понимали это как явление Святого Сергия. Были случаи, когда воюющие вставали, чтобы по-братски спешить навстречу друг другу, но тыловые команды пресекали такие настроения. Ведь Святой Сергий в третий раз спасёт свой народ, как же это будет? Ведь не так, как обычная людская мысль привыкла <представлять>. Первый раз Сергий спас русский народ от татар, второй раз – от поляков, явившись несколько раз народным вождям и вдохновив их на подвиг. Как часто теперь интуиция наших сердец летела навстречу великим дням. Наш разум нередко смущался, но сердце пламенело. Скоро, очень скоро Вождь русского народа и Святой опять спасёт свой народ от гибели. В Европе повсеместно всё мрачнее ощущается дыхание бездны, но сердце стремится в строительном порыве в Будущее. Странным всё-таки является роман Краснова, русского монархиста, «За чертополохом». Там повествуется, что будущий император России появится из Гималаев, верхом на белом коне впереди трёх тысяч всадников. Он устанавливает образцовый, иерархический порядок. Его жена, Елена Ивановна, мудрейшая женщина мира, училась у мудрецов в тибетских монастырях. Как знаменательно и пророчески! Иоанн Кронштадтский когда-то пророчествовал, что немцы завоюют русскую землю и тогда кончатся «лихолетия», но они долго не останутся, после этого уже в ближайшие пять лет будет «небывалый расцвет России». Сердце возликовало, слыша это, жаль, что саму книгу, как мы её ни искали, до сих пор не удалось достать. Ещё и ещё приходят люди и рассказывают о своих мечтах-видениях. Вокруг памятника Свободы <в Риге> была тьма. Затем внезапно он поднялся вверх в сиянии и прояснённый. Немецкие солдаты, которые его охраняли, хотели на него наброситься, но, закрыв лица, отступили.

И неожиданно образы памятника ожили, с оружием в руках латышские воины направились против немцев. И другой сон. Около русского собора – сумерки. Внезапно в пространстве над ним показывается маленький храм, объятый ярким фиолетовым светом. Он опускается вниз и через врата собора входит вовнутрь. И тогда весь собор воссиял светом. Из церкви выходят одетые в белое удивительные священники, благословляют народ. Все сосредоточиваются в совместной молитве. Там немецкие солдаты, но там и русские воины, только в ином, совершенно новом одеянии. Братья рядом друг с другом. Если бы собрать вместе всё то, что народные предчувствия вещают, были бы тома. Нечто значительное сказал какой-то немецкий офицер своему другу. Он обладал способностью ясновидения. Друг спрашивал, почему он такой грустный. Офицер наконец признался: «Я предвижу, что моё государство в скором времени, уже до Рождества, рухнет. И это случится внезапно, за несколько дней». Его семья погибнет. А о России сказал, что она станет свободной и у неё будет другое правительство. Латвия ныне переживает труднейшие дни. Но она свободной всё же не будет, в её флаге не будет красного цвета. Сосланные вернутся, когда будет снег. Погибли только немногие. Ульманиса привезут, но уже неживого. И многие другие нечто подобное предсказывают о больших государствах. Всё необычно, всё в чрезвычайных чертах, в необычных проявлениях. Пресса мало что отражает из событий. Одно время по Риге ходили сильные слухи о шведах, что они хотят учредить лигу семи государств, куда входила бы и Латвия. Говорили даже о возможности военного вмешательства Швеции. Затем появились слухи, что немцы ведут тайные переговоры с русскими о мире. То, что пресса официально опровергла это, уже доказывает, что нечто имело место. Говорят и о том, что немцы требуют перемирия для того, чтобы убрать своих павших солдат на сталинградском фронте. Что там чрезвычайно много павших – это тоже факт. Какой-то латыш, шофёр, который там был, говорил, что за день сосчитал 36 эшелонов с ранеными. Вполне может быть. О том, что у немцев были какие-то переговоры, свидетельствует и факт, что в Даугавпилсе и Риге дано распоряжение не стрелять по известному русскому самолёту, который пролетит над городами. Рассказывают, что русские летали в Стокгольм. Логически это возможно. Ибо обе стороны совсем исчерпали себя. Ещё труднее немцам, ибо им приходится всё транспортировать за тысячи километров. И в суровую зиму сообщение грозит катастрофами. В снежные метели из «Европы» до Волги всё снабжение организовать почти невозможно. Когда переговоры рухнули, Гитлер произнёс свою разгромную речь: «Wehe ihnen!»[1] Через всю эту жёсткую, упрямую речь ощущалось дыхание трагической жути от чего-то приближающегося. «Quo vadis, Germania!»[2] Весь народ в таком напряжении, что недалеко до революции. Говорят о множестве дезертиров и в Латвии. Солдаты возвращаются на фронт с великим нежеланием. Ибо это не борьба, а нечто более похожее на ад. И условия, климат. Только теперь начинают ощущать, что русский солдат – это истинно герой. Ибо ему приходилось, в смысле снабжения, жить в гораздо худших условиях. Но он и гораздо скромнее. И это русской армии даёт преимущество, тем более перед тем, что приближается – в наступающую суровую зиму.

23 ноября. Понедельник

Первым великим событием был разгром итальянской и немецкой армий в Ливии. Рассказывают, что взяты в плен 6 дивизий. В каждом сообщении теперь пишут, что итальянцы планомерно отходят, заранее уничтожая позиции и «военные объекты». Уже оставили Тобрук, Дерну, Бенгази<?>. Всё ещё избегают столкновения с превосходящими силами англичан. Конечно, и у англичан, при отдалении от баз, снабжение становится труднее. Темпы – медленнее. Вторая сенсация – вторжение американцев и англичан в Марокко и Алжир. Семьсот транспортных кораблей беспрепятственно достигли африканских берегов. Когда немцы опомнились, было слишком поздно. Дорлан с большим войском французской колонии не послушался приказа Петена и сдался американцам. Петен как верховный главнокомандующий остался во Франции один без армии, ибо немцы там не разрешили держать военной силы. Немцы сделали «шахматный ход» – оккупировали незанятую часть Франции. Вскоре после этого оккупировали Тунис, так опередив англичан.

[1] Смести их! *(нем.).*

[2] Куда идёшь, Германия! *(лат.).*

Что там происходит, не знаем, кроме того, что пишет наша пресса. В Испании проводится частичная мобилизация. Последние «слухи» сообщают, что на юге Франции происходят уже свирепые сражения. Если это так, то долго это замалчивать невозможно. Известно, что из Риги в Африку направляются лётчики. Кроме того, некоторые утверждают, что около Великих Лук, которые будто бы находятся в руках русских, происходят большие сражения. В связи с этим в Латвии отменены пассажирские поезда в восточном направлении. Приезжий из Виляны говорил, что там весь день слышалась канонада. Мей<нгард> <Стребейко> уехал к Гаральду в гости, наверное, больше не попадёт обратно, ибо с четверга в Вентспилс поезда не ходят. Жду от Гаральда хоть какой-то вести. Факт, что немцы от сталинградского фронта оттиснуты, насколько – мы не знаем. Уже давно говорили, что этой зимой немцы сами будут вынуждены сильно выпрямлять свой восточный фронт, оставляя какой-то большой район. Думали, что это могут быть Балтийские страны, что шведы условятся с русскими, чтобы отдать эти государства под их временное управление и т. д. Но однако, когда переговоры о перемирии рухнули, осталось только одно – меч. Чрезвычайное время. В последние дни чувствовалась как бы тишина, но тишина, насыщенная великим напряжением. Затишье перед грозой.

Гаральд живёт спокойно, но во многом он вырос. Дух его мечет молнии. Сущность его полна прозрений будущего. Стребейко был у него несколько раз. Он тоже сильно вырос. Странные у него мечты – вырасти до руководителя. Мечты эти конкретны и реальны, он продумывает систему жизни и государства. В книгах, которые он пишет, много сведений, но жаль, что по большей части это – компиляция. У него удивительная память, и это помогает ему в работе. Раньше в нём можно было ощущать заносчивость, теперь в это самомнение вплетается кротость. Ибо и он желает служить. Растёт и Велта Бормане. В своих тонких, психологических чувствах она выросла, особенно после конфликта с мужем. Он увлёкся другой женщиной. Разумеется, настала пора «похмелья», но их жизнь стоит пока на распутье. Вместе они не живут, только встречаются. Бормане сильно выросла в смысле более глубокого понимания. Сознательно анализирует, формирует себя. Много читает о культуре. Понимает Учение. Драудзинь ведёт группу, среди её членов много дружелюбия. В ней – новая сила. Выписала около 15 тем из Учения. Летом, какой-то месяц, она жила у нас <в Меллужи>. И Велта тоже. Мне очень нравится и чета Пормалис, у которых иногда собираются друзья. Чуткие люди. Г-жа Лицис, как обычно, чудесна. Только на <роль> организатора она не годится. Она – чистое детское сердце. Работниками Будущего будут и Аринь, Погулис, Лажелс и другие. Дравниек – способный, но, чтобы что-то провёл в жизнь, надо сильно его понуждать. Мало активности. Занят своими видениями. Якобсоны горят духом, но должны ещё гармонизироваться. Для общего блага они хорошо пригодятся. Лимберг – добрая душа. Есть друзья в Даугавпилсе. В Вентспилсе – Бумбер тоже горит духом. Сколь часто в мыслях пытаюсь примерить друзей к плану будущего. Кто же будут этими «незаменимыми»? Многие ли? Кто всей сущностью, горя, войдёт в работу? Блюменталь болен. Летом несколько раз я встречался с ним в Юрмале. Разумеется, о прошлом не говорим. У него тоже была своя жёсткая линия высокого напряжения. Теперь, конечно, все эти струны сильно ослабли. Прошлым летом он много рассказывал, как его самого в ЧК неоднократно долго допрашивали и как он спасся. И ему ещё надо расти к гармонии. Страдания его во многом подняли. И как он мучается с одной почкой, и то – больной! Притом живёт в одиночестве, его жена – учительница, работает в русской школе в Саркандаугаве, с дочерьми[1] приезжает к нему в гости раз или два в неделю. Всепоглощающа его любовь к России. И он увидит своими глазами великую радость созидания в Новом Мире.

25 ноября

Сегодня в немецких кругах утверждали, что генералы с обеих воюющих сторон, а именно военная власть, всё же начали переговоры о мире, и что в ближайшее время будет итоговый результат. Германия как «на пороховой бочке». Многие уже давно предвидели, что там может вспыхнуть революция. Затем кто-то из гестапо вчера сказал, что большинство из них на днях уезжает в Италию, ибо там будто бы восстание.

[1] Мариной и Натальей.

У Сталинграда и Дона фронт прорван. Что принесут ближайшие дни?

Решился бы наконец столь больной для нашего движения вопрос о картинах. По этому поводу было немало тяжких мгновений. Большевики признали картины Н.К. и С.Н. собственностью авторов. Признали и телеграмму, в которой Н.К. уполномочил Гаральда принять картины на хранение. И всё же картины не отдали. Может быть, это была ошибка Гаральда, что он писал прошение Потёмкину помочь сохранить картины как коллекцию. Картины остались в Городском музее. К приходу немцев они там ещё были. Позже Холст стал директором музея. Его политика была поистине сумасшедшей. Он переименовал большинство рижских улиц, вообще, своей политикой встревожил умы латышей. И затем забрал из музея часть картин – «для украшения комиссариатов». Так ушло и 17 картин Рериха. Получатели всё же давали расписки, но где картины в данное время находятся – это невозможно проверить. Гаральд, уезжая в деревню, в свою очередь, уполномочил на это дело своего друга Фридиса Гайлиса (не переговорив со мной), которого он когда-то спас во времена большевиков. Он был поближе к немецким кругам, личность представительная. Он и обошёл все учреждения и «великих мужей», но ничего в итоге не добился. Хотя Гаральд в письмах его всегда вдохновлял, однако чувствуется, что у него слишком мало огня. В конце концов Пуксис, директор департамента культуры, его просьбу отклонил. Телеграмма-доверенность Гаральду будто бы недостаточно юридически достоверна. Когда мы вместе с Гаральдом составляли просьбу к Н.К. прислать полномочия, мы просили, чтобы почтовая контора заверила его подпись. Но этого не было. Я говорил с Пуксисом, он принял меня формально: «Что у вас было за таинственное общество? Теперь любой мистицизм и оккультизм надо отбросить, надо быть солдатами». (Он сам вошёл <в Ригу> как солдат, вместе с немецкой армией.) И наконец: «Что общего у Николая Рериха с Россией?» Я хотел опровергнуть, но он был лаконичным. Такие шахматные фигуры управляют судьбой Латвии. Таковы и другие, начиная с директора моей библиотеки Унама. «Метла» урагана событий опять унесёт всю пыль. Унам часто вёл себя как жандарм, а не руководитель. В своё время он не считался с людьми, особенно с Эгле и со мной. У Эгле уволил лучших работников, меня посылал на лесные работы, я назло ему от этого освободился. Странный человек. Мою помощницу, г-жу Олте, уволил за то, что она «самовольно» запоздала из отпуска. Но другой бы выслушал её мотивировки и не уволил. Ушли и другие. Последнее время он хочет быть как бы вежливее. Странные люди и странное всё это время. Все мы под перекрёстным огнём испытаний.

По делу картин я ещё ходил к некоторым господам. Мало у них желания помочь, хотя в общем-то кажутся вежливыми. Безразличные люди. И Фридис Гайлис не является идеальным нашим представителем. К примеру, он сказал, что картин в музее осталось мало, некоторые повреждены водой. Такое сведение ужасно угнетало сердце. В конце концов, месяц назад я добрался до картин: в музее ещё находилось 37 картин, и все – в идеальном порядке! Можно представить мою возвышенную, крылатую радость. Там было и «Сострадание», любимейшая картина Е.И., и «Путь», «Кулута», «На высотах», «Будда с Чашей» и т. д. Самое прискорбное, что не хватало «Брамапутры» и «Твердыни Тибета». Где же они? Директор музея сказал: «Неужели вы могли подумать, что мы к картинам не будем относиться с величайшей бережностью?» Откуда же эта ошибочная информация у Фридиса Гайлиса? Раньше он был столь сдержанным, я не хотел его обижать и вмешиваться. Но теперь, когда он бессилен, действуем *мы.* И действительно, в глубине сердца у меня есть уверенность, что мы своего добьёмся. Наша дружба, наше единство победит! И не только Гаральд ежедневно шлёт огненные мысли. И я картины окутываю сердечными чувствами, так же как ежедневно, утром и вечером, днём и ночью, просыпаясь с тоской, благословляю русский народ. Пусть хотя бы моя мысль так загорится, чтобы она смогла помочь многострадальному народу.

12 декабря. Суббота

Недавно состоялось заседание генеральных директоров, присутствовал высокий немецкий представитель. Особенно Зегерс и Валденс горячо защищали независимую Латвию, видимо, в связи с вопросом о мобилизации. Зегерс сказал, что немцы уже взяли от нас всё, что только мы были способны дать.

Конечно, немцы опасаются разрешить создать отдельную латышскую армию, как бы она не обратилась против них. Эстонцы создали свой «легион», за это большевики им отплатили, девять часов бомбардировали Таллин. Немецкий представитель с горечью сказал: «Уже скоро вы сможете сотрудничать со шведами и англичанами». Эти слухи о шведах опять получают подтверждение. И некоторые немецкие офицеры рассказывали, что американцы и шведы организуют «Блок северных государств». В Стокгольм летал и представитель от Латвии. Какая-то франкфуртская газета сообщила, что Америка требует от России в качестве компенсации за помощь балтийские государства и Финляндию. Что-то всё же происходит, чего мы не знаем. Немецкий генерал сказал, что положение у Торопца у немцев критическое. У Сталинграда немцы окружены. Газеты нынче утверждают противоположное. Но – кто знает? Решающие события.

1943

15 февраля. Понедельник

Много воды утекло. Каждый день теперь – событие, несколько месяцев – как эпоха. События всё ещё сгущаются. Чувствуем – взрыв близко. Как всё произойдёт – это мы своим разумом охватить не можем. Всё происходит необычно, нежданно, и всё же, может быть, как ожидаемое. Ибо потоки развернулись, по сути дела, так, как сердце предвидело. В конце минувшего года мы немало гадали, что же произойдёт на Рождество? Так много предсказаний сплеталось вокруг этого срока. Но мы хотя и знали, но ясно в своём сознании не продумали, что сроки редко связываются с голыми фактами, что поворот событий надо рассматривать в их самом широком, часто имманентном русле, что видимое для человеческого глаза может являться малозначимым, что причины планетарных сдвигов скорее всего следует рассматривать – притом наиболее безошибочно – глазами сердца. Может быть, современной перемене соответствует и какой-то зримый феномен – американо-английский десант в Марокко в начале декабря, – но фактическое продвижение началось намного раньше. Именно после десанта мысль всего человечества начала ясно понимать, что сила немецкой армии теперь уже стремительно падает, что никакая земная власть более не сможет удержать её в равновесии. Это ясно можно было видеть во время Рождества, когда по иностранному радио упомянули о 22 дивизиях, окружённых под Сталинградом, что позже оказалось горькой истиной. Также упоминали о множестве немецких дивизий, которые погибли или попали в плен. И это тоже окажется истиной. Ибо, судя только по немецким сообщениям, читая между строк, можно было понять, что взятие Сталинграда требовало чрезвычайных жертв. И сталинградская трагедия официально признана в январе, а в конце месяца уже сообщили о гибели целой армии, объявив потом «всеевропейский» траур, отменив на несколько дней все представления и т. д. И о чём же потом думали все остальные, оставшиеся в живых немецкие армии? И после того, когда им пришлось стремительно отступать с Кавказа и с Волги в страхе оказаться опять окружёнными? И эти опасения были вполне обоснованными, ибо русской армии теперь так мощно и чудесно везёт, словно Высшая Рука ей помогает. И мы думали: может быть, и правда, что у русских раньше ничего не получалось; даже в случаях, когда победа была обеспечена, они не умели использовать обстоятельства. А теперь победа неотвратимо принадлежит им. Кто знает, не произошли ли какие-то органические изменения? Это мы больше всего изучали и обсуждали, но что можно видеть на огромном расстоянии? Ясно одно, что авторитет и влияние военного руководства в России значительно выросли. Система политруков ликвидирована, хотя бы внешне. Власть переходит в руки молодых генералов. Формально Красная Армия переименована в Русскую Армию. Вводят старую форму для офицеров. Это хотя и второстепенно, но, кажется, влияние партии становится всё меньше. О религиозной свободе в теперешней России рассказывают всякие анекдоты, но доля правды в них всё же есть, ибо Сталин обещает любую возможную плату, лишь бы спасти Россию и вместе с тем и себя. Нынешний девиз в армии: «За Родину!», и не столь уже часто: «За Сталина!» Но придут и туда радикальные изменения. Это время ещё всё же не пришло, сначала должно быть уничтожено всемирное господство немцев. Раз и навсегда в нещадных бурях судьбы будет стёрт из сознаний миллионов бесчеловечный лозунг: «Deutschland uber alles!»[1] Раз и навсегда должен погибнуть антагонизм рас и сословий. Раз и навсегда должна быть уничтожена привилегия партийных книжечек. Мы вошли в новую Эру Света, и ничто больше не сможет удержать сокрушительных ударов сурового урагана, который низвергает и сметает старые дикие обычаи. Да, многим кажется странным, что именно теперь русской армии так везёт. Некоторые рассказывают, что им приходят на помощь «орды азиатов» или дивизии монголов, что в Сибири ещё есть нетронутые фабрики, которые интенсивно производят необходимое для войны.

[1] Германия превыше всего! *(нем.)* – начало немецкого гимна.

Это всё верно, но главным и наиважнейшим является психологический момент – русские защищают свою родину, свой народ, своё будущее от западных варваров, которые пришли якобы во имя культуры. И хотя их собственное ярмо невыносимо, хотя условия их жизни ужасны и нет свободы духа, они всё же в глубине своих сердец чувствуют, что они выдержат это последнее труднейшее, жесточайшее испытание, если не поддадутся панике; и если придётся умереть, то умрут как герои; тогда воистину их ожидают совсем иные условия, новые возможности, *свобода* в истинном значении слова, тогда они смогут освободиться от бессмысленного гнёта и создать на самом деле идеальное государство на земле. Ибо именно им, русским, доверены ключи государства Будущего. Им Обещано то, что ни одному народу до сих пор не обещалось. И как бы ни было подавлено сознание многих, как бы мышление множеств ни было привязано к материальному, однако их потенциал, столь глубоко потрясённый и огненно очищенный, истинно проснётся и уже просыпается. И маленькой Латвии, тем, кто сознателен в ней, будет дано счастье участвовать в организации, строительстве новой России. Если только Латвия, особенно в последнее время, не сгребёт на свою голову «пепел и угли» – новую карму, если ей только не придётся опять искупать её в ближайшие дни, если только опять ураган не пронесётся на краткое время над маленькой Латвией. Многие живут так, словно совсем не пострадали, словно ничему не научились, – тупые и эгоистичные. Но есть немало и чутких, преданных сознаний. Именно благодаря этим огненным сознаниям Латвия всё же будет охранена. Латвия всё же под Щитом, это давно сказано. Ясновидящие видят магическую защитную дугу над Латвией. Что бы ни случилось, в конце концов будет хорошо. Ибо мы никогда ничего не получаем, чего не заслужили или на чём нельзя учиться.

Последние события таковы, что русские, пробиваясь из Воронежа, дошли наконец до Ростова, что на Кавказе около Новороссийска окружены новые немецкие армии и, наконец, русские заняли Харьков. Рассказывают, что немецкая армия отступает в панике. Ибо, во-первых, солдаты боятся, как бы не попасть в окружение, во-вторых, у них свежа в памяти трагедия Сталинграда, которая вызвала глубочайшую депрессию, далее – большая обида на руководство, сознательно позволившее целой армии погибнуть. Нет больше уверенности, и это тянет вниз. И, кроме того, отступлению мешают толпы беженцев, которыми полны все дороги. Говорят, что и в других войнах именно беженцы были причиной гибели целых армий. И здесь, <в Латвии>, на лицах немецких солдат читается усталость. Шумные немецкие солдаты стали как тени. И кто знает, что ныне происходит в самой Германии? Во-первых, систематические и болезненные налёты английской <авиации>. Затем – трагические известия с фронта. Говорят, что в народе бурлит недовольство. Кто-то сам слышал в зале оперного театра, когда погас свет, выкрики: «Долой Гитлера! Мир с Англией и Америкой!» Подобные стихии пробуждаются и в других местах. Кто-то получил из Германии письмо, которое заканчивалось так: «Наш хозяин на свободных хлебах, его Золотой конь в музее». Такое заставляет глубоко задуматься, что же происходит за кулисами. Говорят многое, но невозможно ведь всё повторить.

Наши «немецкие друзья» сильно ослабели. И эти профессора больше не думают, как год назад. Но русский народ не понимают, не любят, ничего от него не ждут. Спорить с ними – всё равно что со стеной. Да, может быть, через 100 лет что-то проснётся в них! Но великая динамика века не ждёт. Она переоценивает человека в стремительном темпе. И почему в таком случае потенциал лучших из русских не мог бы раскрыться раньше, тогда они вновь почувствовали бы себя духовно свободными в свободном государстве? Немцы знают, что настроение латышского народа изменилось, что теперь оно обращено против них. Поэтому я с великим удивлением слежу за деятельностью Раудиве и Зенты Мауринь. Зента, хотя и негромко, но всё же несколько раз высказала в прессе свою немецкую ориентацию. Зато Раудиве официально декларировал себя национал-социалистом, поместив славословие этому движению во втором издании «Дзивес Култура»[1], также и в новой книге. И в последнее время, официально выступив против большевиков в местной *немецкой* прессе, он наверняка получил большую благодарность от членов этой партии. Нас возмущает то, что в новой книге он озаглавил один раздел: «Банкротство *русского* народа». Он ведь сам большую часть своих знаний почерпнул именно из русской культуры. Разве это не по-предательски?

[1] «Dzives Kultura» *(латыш.)* – «Культура жизни».

И, во-вторых, нельзя же ведь весь народ ассоциировать с политическим движением. Через какие только смены режима и системы взглядов ни приходилось проходить народам, набираясь опыта, но сущность народа осталась другой. Известно, что молодое поколение русских воспитано под влиянием материализма. Оно привыкло смотреть на жизнь конкретно, проходить мимо того, что не открыто наукой. И всё же немало таких, в ком трепещут тонкие, духовно широкие струны, надо только их затронуть. И Россию будущего поведут личности Огненного Духа, они это смогут. Скептик-европеец этого понять не может. Он говорит: «Откуда такие духовные властители могут взяться в русском народе?» Но разве в русском народе мало светлых людей? Может быть, первые, задающие тон, придут с Востока, о чём многократно пророчествовалось? Их друзья придут и с Запада. И они найдут скрытые в самом русском народе чудеснейшие, огненные души. Что же тогда скажет Раудиве, куда спрячет глаза от стыда, когда Россия возродится, когда с России начнётся новый Золотой век на земле?

1 марта

Сегодня опять весь день в воздухе стоит гул аэропланов. Предвестники смерти или спасатели больных торопятся куда-то со своей миссией? Февраль был нежданно тёплым, как бы весенним, но очень угрюмым. Воистину, решающие, космические сражения происходят во всех мирах. Что принесёт март? Только что официально объявили <о создании> латышского легиона. Давно это ожидалось, уже после создания эстонского легиона, но латыши как-то пока счастливо спасались. Несколько раз дело доходило до мобилизации, но всегда откладывалось. Теперь откладывать уже невозможно, ибо немецкой армии грозит катастрофа. По Риге нелегально циркулирует доклад Данкера немецкому правительству, написанный в конце февраля, где он оправдывается, почему в Латвии пока невозможно провести мобилизацию. Мы ведь, с точки зрения международного права, всё ещё являемся частью Советского Союза, ибо сами просили присоединить нас к России. Потому каждого мобилизованного латышского солдата русские могут считать государственным изменником, и если он попадёт в плен, его расстреляют. Недовольны и «шуцманы»[1], ибо их посылают на фронт, в то время как они нанимались только в блюстители порядка. Далее идёт речь о нашей экономической зависимости и т. д. В качестве первой компенсации латышскому народу было дано распоряжение вернуть владельцам их национализированную собственность. Появились услужливые душонки, которые пишут, что для латышей свой «уголок земли» всегда был святым, что поэтому они должны быть благодарны и счастливы, а именно – идти теперь и защищать свою собственность! Далее, теперь возобновляют ранее отменённые карточки на масло. Но сознание народа, которое уже изменилось, не так просто подкупить. Теперь следует призыв вступать в латышский легион. Мол, будет своя армия и свои офицеры. Призывают вступать *добровольно.* И в качестве добровольного легиона его упоминают в прессе «Новой Европы». Но со всех сторон слышно, что молодые люди до 25 лет приглашаются явиться в определённый участок, что они получают тайные повестки из полиции. Приглашают по одному и инструкторов, которых, однако, в прессе официально просили регистрироваться. В тот раз одна часть офицеров игнорировала приглашение. Неизвестно, как будет теперь. Говорят, что в сельской местности некоторые юноши убегают в лес. Но ещё немного рановато: слишком сыро и холодно для лесной жизни. Создаётся латышский легион. Приглашённым предлагают выбрать: вступать в латышский легион или в «помощники» в немецкую армию. Сцилла и Харибда. Эстонцам большевики в своё время отплатили: девять часов бомбардировали Таллин. Налёты повторились. Рига до сего момента ещё охранена. Верю, что и на этот раз как-то будем спасены. Ибо события чрезвычайно накаляются, кто знает. Сталин в своём приказе на армейском празднике приказал армии занять Балтийские страны. Газеты пишут, что возобновились ожесточённые бои в северной части <фронта>. Но и немцы мобилизуют все «силы Европы». Говорят, что в середине марта начнётся великая немецкая «офенсива»[2]. Многие рассуждают, что было бы, если бы вернулись большевики.

[1] полицейские (от *нем.* Schutzmann).

[2] наступление (от *нем.* Offensive).

Многие как-то не верят, что опять была бы кровавая расправа, неужели в русском правительстве не произошло никаких изменений, неужели оно ничему не научилось?

Сегодня великий день: мы вручили Унаму прошение от группы гарантов Общества о выдаче нам на хранение 53 картин Николая Рериха и его сына. Таким образом, борьба входит в новую стадию. В декабре я познакомился с юрисконсультом департамента, Апараном, который в конечном итоге оказался достаточно приятным человеком. Вначале он давал отрицательный отзыв относительно полномочий д-ра Лукина. Гайлис не упрочил доверия к нам. Апаран меня спросил: «Кто такой Гайлис и что общего у него с представителями Общества?» Ему приятнее было познакомиться именно с представителями Общества. Мне удалось Апарана убедить, что Рерих действительно собственник картин, Обществу он только депонировал, и что д-ру Лукину он доверил их хранение, и в конце концов Апаран согласился дать одобрительный отзыв директору департамента. Но возникла одна беда: документы, в свою очередь, он передал на отзыв проректору Академии художеств Ландаву, тот эти документы затерял и, не сдержав слова срочно отыскать их, уехал до 5 января в отпуск. Была ещё одна возможность до Нового года завершить дело – можно было срочно изготовить копии документов. Я очень хотел поторопиться: было известно, что после Нового года придёт новый директор, и, может быть, дело решит ещё сам П. Я боялся, как бы Унам опять не затянул, я ведь знал его великую неопределённость. Тем временем и Гайлис уехал до Нового года в свою Огре. Я написал ему письмо и просил срочно явиться в связи с картинами в Ригу, но он, естественно, не отреагировал. Хоть об стену бейся – ничего я не мог поделать. Единственно я был доволен вежливостью и доброжелательностью юрисконсульта. Мои опасения оправдались: к Унаму я попал только почти в середине января. Ибо несчастный Ландав всё время искал пропавшие документы. Наконец, вместе с Гайлисом мы подали копии новых документов, которые юрисконсульт сам заверил. Но Гайлис внезапно сообщил, что он с женой на три недели уезжает в Германию. С другой стороны, я чувствовал некоторое облегчение, ибо я ему особо не доверял. Теперь всё это дело перешло в моё ведение. И странно, ещё до сих пор Гайлис не вернулся. Унам в департаменте принял меня вежливо, но сказал: «Д-ру Лукину я картины выдать не могу ни по политическим, ни по моральным мотивам. Тогда уж скорее вам. Это дело решу в течение двух недель». Прошло две недели, я встретил его в коридоре библиотеки, напомнил. Он сказал: «Придите через несколько дней поговорить подробнее». Затем опять затянул. Во-вторых, этот господин часто бывает хмурым и раздражённым, в таком случае любой разговор бесполезен. Драудзинь поговорила с женой Унама, своей пациенткой; наконец, Унам в один из дней говорит мне: «Я решился на ваше второе предложение – выдать картины группе гарантов. Но прежде мне надо получить отзыв от Данкера. Подайте прошение». Этим Данкером он и раньше меня пугал. Я просил, не может ли он сам, что ведь опять всё затянется. – «Нет!» Он один не может решить. Так, в эти острейшие часы Армагеддона, прошение наконец подано. Странный этот Унам. Неужели из-за честолюбия он принял новый пост? Я и ещё некоторые коллеги предупреждали его не браться за это. Он согласился со мной, что ныне опасно выдвигаться, что и он сам решил отказаться. Но это только фразы. Каждый несёт свою судьбу. Может быть, динамика времени ускорит возвращение картин? В конце января я был ещё раз в Городском музее, наши картины, все 37, стоят, где стояли. Музей хотят открыть, картины вешают на стены. Только многих не хватает, депонированные требуют обратно из комиссариатов. Может быть, среди полученных будут и какие-то картины Н.К.? Все мы, друзья, теперь условились держать мысль: пусть скорее будут спасены наши картины.

Гаральд на Рождество был в Риге. Гостил три дня. Сильно вырос. Совсем другой, чем года четыре назад. Нежность переплетается со стремительной суровостью. Великий огонь. Кто его близко, близко узнает, тот его полюбит. Если бы я ранее знал то, что осознаю теперь, то, быть может, тогда я ещё более терпеливо переносил бы порывы его чрезвычайно эмоциональной природы. Его присутствие, может быть, иногда требует великого напряжения, но накал души ведь формирует человека. В последние месяцы он погрузился в прошлое, видит видения, «воплощения» свои и Стребейко. Если он действительно был каким-то великим властителем-реформатором, полным стихийной силы, тогда многое что в нём можно понять.

Стребейко якобы в течение нескольких жизней был важной государственной персоной, своеобразной, но в отношении характера несгармонизированной. Если так, то и в этой жизни ему нужно кое-что изживать. Он – больше человек интеллекта, ему следует развивать чистую сферу сердца, хотя в последнее время в нём немало и устремлений, и свою жизнь он сосредоточивает на изучении Учения. Он пишет книги, хотя полностью компиляторские, где нового, творческого ничего нет, но и на этом он развивается. Нам всем нравится его подход к жизни, радость трудностям, хорошее знание Учения. И в жизни он намного вырос по сравнению с тем, каким был несколько лет назад. Он из тех, кто сознательно готовит себя к роли «вождя», скорее – государственного деятеля. Разумеется, в широком сотрудничестве строительства будущего каждый обретёт <поле деятельности> согласно своим основным способностям. Наиболее слабые разделы <его книг> – о религии, эту сферу жизни ему нужно развивать. В последние недели мучается ошибками своих былых жизней. Можно чувствовать, что и Гаральд страдает. Я написал, чтобы он берёг свою психическую энергию, что скоро им придётся прекратить эту «игру в прошлое». Гаральд мне сказал: «Раньше и у меня была навязчивая мысль, что я, возможно, буду государственным деятелем. Знаешь, кем бы я теперь, по сути, хотел быть? – Личным курьером Е.И.!» Да, это и моя мечта – быть часовым у ЕЁ врат. Когда же мы встретимся, когда это будет, скоро ли? Есть встречи и с другими друзьями. Во многих ощущается очевидный духовный рост. Эти годы испытаний не напрасны. Состояние нервов у Эллы этой зимой было много, много лучше по сравнению с другими годами. Наверное, влияют и лекарства Гаральда. Иногда его лекарства удивительно помогают. Теперь ежедневно столько забот, и всё же мой друг старается хоть минутку по вечерам найти для чтения. Время летит как на крыльях. Я получил из Германии заказанные мною книги, около 60, большинство – о Подвижниках духа и по научным проблемам. О науке, где проявляется тяготение к синтезу. Я радуюсь, что со мной, как друзья, – Конфуций, Платон, Эпиктет, Сенека, Аполлоний Тианский, Ориген, Акбар, Бруно, Бёме, Парацельс и ещё многие другие. Хочется читать и читать. Какими будущно-актуальными являются взгляды Конфуция о вожде государства: вождь эманациями своей личности перевоспитывает народ в прямом смысле слова. Историк Гарбе столь благоговейно пишет о величайшем императоре мира – Акбаре. Я когда-то искал двухтомный труд Ноера об Акбаре – труд его жизни, а теперь попросил прислать мне его из Берлинской государственной библиотеки. Так, я недавно получил книгу Фолца о Сен-Жермене, которая чрезвычайно интересна как сборник документов того времени. Хотя подход многих мемуаристов бывает отрицательным, всё же эти скептики и недоброжелатели нечаянно, несознательно изумляются универсальным способностям Сен-Жермена или даже – величию его духа. Мне доступны и английские, и французские источники. Надо будет когда-нибудь написать исследование о Сен-Жермене. Знаю, что понять его можно, только подходя с сердцем. Работы так много, но в самой атмосфере нечто стихийное, часто давление на нервы. Творчески работать трудно. Сквозь толщу хаоса эпохи – сердце горит, сердце стремится в Будущее.

22 марта. Понедельник

Неделю я прожил в Ропажи. Отпуск надлежало использовать ещё в этом месяце, поэтому я направился в сельскую местность столь ранней весной. Эти дни провёл далеко от мирского шума, углубившись в себя и в свою работу о Граале. И последние три дня я был в гостях у Гаральда. Это была славная поездка, величественные дни! За три дня мы исходили все леса и поля в округе во всех направлениях. Нам было много что обговорить – все представления о будущности, что накопились на сердце, – и только лес да тишина слышали наши дерзновенные мысли и слова. Больше всего мы мечтали о Будущем. Что будет, как всё произойдёт? Как всё будет, когда у власти будут действительно Божьи Помазанники? И каким тогда будет устройство в Европе? И что будет с Латвией? И ведь на самом деле, тогда мы все, все будем захвачены великим, огненным строительным трудом. Тогда не будет больше времени мыслить ни о своих радостях, ни о своих мелких неурядицах. Удалось мне подискутировать и с женой Гаральда. Чудесно, что она стала уже немного уступчивее, хотя пока ещё не может выбраться из узкого круга мышления адвентистки. Она наконец прочла книгу о Конфуции и Будде, которую я послал Гаральду. Это – большой шаг вперёд.

Признаёт Будду великим духом, однако христианство считает высшей религией. Я сказал, что верю в то Учение, которое Христос дал только своим ученикам, которое народ не мог понять, что наше сердце любит определённые звёзды, но нельзя сравнивать их сияние. Теперь я послал именно ей некоторые книги. Ибо чувствую, что придёт и для неё час пробуждения духа.

Бесконечно много было нежного весеннего солнца в эти дни. Но самым прояснённым, кажется, был день вчерашний, – тишина и синие, бескрайние, ясные небесные дали. Весенние белоствольные берёзы – как добрые приветствия чему-то долгожданному. Природа была полна странных предчувствий. Казалось, скоро, очень скоро должно случиться нечто чрезвычайное. Первый день весны. Начало астрономического года. Ощущаю дружественность в природе. Познакомился я существеннее и с Гаральдом. Давно уже между нами не сияло такое неспешное и сердечное согласие. Каким внимательным и заботливым ко мне он был! У него ведь доброе сердце! Я уже познал его бурный темперамент, и если его полностью обуздать – это будет великая сила. Везёт ему и в изобретении лекарств. Есть у него лекарства «для силы» и лекарства «радости», недавно придумал лекарство для укрепления ауры и для бесстрашия, и только что – «от меланхолии» и для самососредоточения. Когда он давал мне попробовать, я немедля ощущал соответствующий настрой. Способ диагностирования у него, можно сказать, – гениальный, он не столько видит, сколько чувствует вид недуга больного, и, кажется, достаточно точно. Этого современная материалистическая медицина ни понять, ни признать не может. Но наступит время и духовной медицины. Тогда-то Гаральду будет принадлежать ведущая роль.

И вот сегодня на работу мне позвонил директор департамента и сказал: «Эти картины мы решили передать на хранение группе ваших гарантов. Юрисконсульт ныне в отпуске, когда появится, то и подготовит для вас соответствующий документ». Вся сущность моя зазвенела, засияла! Мне в этот момент показалось, что это достижение нашей сердечной дружбы. Будет хорошо!

25 марта. Четверг

Вчера был наш величайший День. День, для наших сердец наиближайший, наисвященнейший. Ибо тогда наши сердца почитают Того, Кем наполнены все наши мысли и чувства каждый день, Кто является единственной целью нашей жизни, наших стараний, нашей воли. Когда проснулся утром, было хорошо, озарённо. Затем вновь пронёсся волной момент великого напряжения, тьма ведь чувствует, что её последний час приближается. Воистину, свет преобразует, обновит человеческое сознание. Часть наших русских друзей собралась у больной Арефьевой. И я там был, читал из «Надземного». Затем я направился к главной группе, к 6 часам у Драудзинь, где собралось 37 человек. Совсем как в <старые> добрые времена в Обществе. Так много было цветов, так много света свечей. Драудзинь, как обычно, начала с молитв, я читал из Учения, затем Лицис и Аринь читали чудные, истинно гениальные диалоги Н.К. – «Шамбала Сияющая». Как много раз это читалось, но всё вновь и вновь захватывает чувства и разум. Это подлинная, космически воспринятая, божественная песнь Братству. Это могло написать только благородное, нежное, но и огненное сердце Архата. Латышский перевод в рукописи я оставил Гаральду. Так в чувстве дружбы все сознания наши слились, звучали в унисон. Будем мы бесконечно дружны и в дружбе безмерно сильны – ради Будущего.

31 марта. Среда

Создаётся «латышский легион». Он имеет официальную приставку – «добровольный», ибо каждому мобилизованному велят добровольно выбирать: или в легион, или в помощники немецкой армии. Трагично то, что каждому велят подписаться, что вступает добровольно. Тех, кто отказывался или к слову «добровольно» приписывал «не», немедленно арестовывали и увозили. Говорят, что на каторжные работы, но – кто знает? Но у легионеров не меньше беды: как только <были> мобилизованы, «приняли присягу», так часть из них уже отослана совершенно необученными в Красное Село, прямо в огонь <сражений>. Об этом говорят многие знакомые, очевидцы. <Говорят> и о грубом обращении немцев с молодыми парнями. В конце концов командир легиона Бангерский останется скоро без легиона.

Ему придётся заново вербовать следующие возрастные группы. Мы обсуждали, какой же мотив заставил Бангерского взять на себя эту роль? Старый Доктор хорошо его знал как долголетнего теософа. Разве он ещё не понял немецкой психологии? Или он неспособен отделить русский народ от большевизма? Да, мало таких, кто это может. Да, редко кто способен понять «русскую проблему», для этого нужно просветлённое сердце. И всё же немало тех, кто не может идти против русского народа. Но они это осознают интуитивно. Однако многие против вступления в легион по национальным мотивам. Встревоженность нарастает. Литовцы умные: большинство попряталось по лесам – студенты, школьники, служащие. Новобранцы были заранее предупреждены, те чиновники, которые это разгласили, будто бы расстреляны. С легионом в Литве ничего не получилось, вопрос закрыт. Правительство будто бы арестовано. Там волнения. Из Риги туда уехали жандармы. Что делают наши литовские друзья? На День Учителя я послал сердечные письма. Теперь – о наших друзьях в Литве. Несколько месяцев назад мы с великим изумлением услыхали, что в их среде – несогласие. То, что мы давно пережили, хотя и несколько иначе, и уже давно преодолели. Наши несогласия были по существу не что иное, как различие в темпах, больше ничего. Когда большевики ликвидировали Литовское общество, члены Общества больше не собирались. В то время Монтвидене заболела, ей сделали очень тяжелую операцию. Может быть, болезнь сделала её флегматичнее. Но за это время, в начале минувшего года, образовалась новая группа Учения, в которую вошло семь человек. Её ведут Вайтекунас и Бирута Валушите. Только спустя полгода они пригласили Монтвидене, показав ей первые плоды своей деятельности – напечатанную книгу «Листы Сада Мории» на литовском языке. Это было действительно героизмом – напечатать нелегально книгу, которая в Риге входила в число запрещённых. У них были знакомые в какой-то типографии, где это дело и провернули. Вообще-то в Каунасе в этом смысле иначе, нет такой строгости, как у нас. А теперь о личностях: Бирута когда-то была подругой Монтвидене, которую она вроде бы уважает, но из Общества ушла, кажется, имел место скрытый конфликт с Монтвидене. Она нам казалась чистой и огненно-устремлённой, но с оттенком резкой фанатичности и нетерпимости. Вайтекунас – человек, которого я, по правде, ещё не понял. Бирута в своих письмах его чрезвычайно хвалит, как духовного героя. Он будто бы многих приобщил к Учению. Но почему он все эти годы и не подумал о вступлении в Общество, всё время держался обособленно? По крайней мере, Монтвидене о нём не очень высокого мнения. Он её многократно упрекал по поводу пассивности, но эти упрёки по большей части были необоснованными. Он укорял её и за то, что она не давала читать другим «Надземное» и «Напутствие Вождю», но ведь просто-напросто ей этого не Разрешалось, и мы могли читать первую из этих книг в старшей группе только потому, что я обращался с особой просьбой. Отдельные параграфы мы читали и на общих собраниях. Бирута с двумя друзьями теперь ездила в Вильнюс к Серафинене, которая была благосклоннее, и которая полностью и не осознала всё значение этих книг. Упомянутая группа многое что сделала и кроме этого, без ведома Монтвидене; всё это, разумеется, было ей очень больно, и поэтому понятно, что, ощущая прохладное отношение, она не ходила на некоторые организованные Бирутой собрания. Бирута с двумя другими в конце ноября была в Риге, останавливалась у Драудзинь. Меня сразу же встревожило их отношение к Монтвидене. Сердце всё же говорило, что все упрёки основываются на недоразумениях. Они требовали от меня «Напутствие Вождю» и обиделись, когда я сказал, что дать не могу. Мне очень нравилась их великая, пылкая готовность посвятить всего себя Учению и созиданию Будущего. Они очень хотели побольше получить, чтобы продвинуться вперёд. В своей группе они ввели метод «исповеди»: излагать перед другими свои ошибки и слабости. Быть может, это в католическом духе, но знаю, что Е.И. также считает, что этот метод очень опасен. Поначалу, быть может, всё происходит искренне, если желание преодолеть себя правдиво, но нельзя предвидеть, к каким обидам это может привести. Монтвидене этот метод принять не способна, потому ей и тяжело. У них, кажется, слишком мало того иерархического понимания, которое привито у нас. Недостаточно читать в книгах об Иерархии, нужно из всей атмосферы Общества обретать это существенное осознание. Когда они уехали, я написал несколько длинных сердечных писем, желая помочь им найти взаимопонимание.

Мои письма, посланные Монтвидене, вызывают в ней благодарный отклик, мне нравится её простая, сердечная, культурная открытость в письмах. Но Бирута на слова моего сердца ответила таким резким, даже бестактным письмом, что мы с Драудзинь чувствовали себя глубоко поражёнными. Будто бы я желаю насильно навязать им руководителя – Монтвидене. Казалось даже, что не она, но кто-то другой вместо неё писал это письмо.[1] Я долго, долго думал, но по сей божий день я остаюсь в неведении относительно того, что же с душой Бируты. Но кто же поймёт другого человека? Некоторые личности бывают с очень сложной натурой. Каким же образом гармоничный и кажущийся чистым человек может быть столь бестактным? Также и Вайтекунас – кто же он? Может быть, это католики, которые привыкли «исповедоваться», они открытее и в них больше воспитана нетерпимость. Но почему же тогда Монтвидене может быть столь понимающей, всевмещающей, широко культурной, почему и другие могут быть с широким диапазоном? Драудзинь ответила Бируте сердечным, но всё же укоряющим письмом: как же она может писать в таком раздражении?! Она немедля ответила, что думала только о хорошем, хотела мне помочь правильно направить сознание. И здесь мелькают отдельные достаточно странные мысли. Какие-то комплексы всё же имеются в её психике, но я знаю и то, что некоторые темпераменты продвигаются по странным кривым, к ним нельзя подходить с обычным аршином. Получил я от Бируты и Монтвидене радостные вести, что их сотрудничество направилось опять в русло единства и согласия. Будет хорошо, но всё же в эти тяжелейшие дни требовалось бы перекинуть радугу любви от сердца к сердцу, именно теперь надлежит быть цельно сплочёнными, ибо миру так тяжко и несчётно количество тех, кого необходимо поддержать, и только великой батареей дружбы возможно лучше всего помочь и – спастись самим. Я написал Монтвидене и Бируте, каждой в отдельности, самые сердечные письма ко Дню Учителя, пожелав объединиться в любви, чтобы этот величайший День в сознании всех стал символическим днём любви и подвига. Моё письмо Монтвидене прочла на общем собрании.

Нас немного встревожила мысль, что за нами, возможно, следят. К Стребейко на работу явился кто-то из полиции, расспрашивал о его прошлой деятельности. Между прочим, спросил, в какой такой секте он состоял, которая не признавала религию? (Очевидно, подразумевалось Общество.) Он сумел очень находчиво ответить и отвергнуть все подозрения. Также и Сеглиня искали два господина, но так как его не было дома, то расспрашивали дворника. Вероятнее всего, эти дознания в связи с тем, что Стребейко и Сеглинь когда-то были немного активными политически. Но, быть может, за некоторыми из нас следят и из-за «дела масонов», ибо понятия ведь перепутаны. Хотя антимасонский институт будто бы выяснил, что знаки нашего Учения на книгах не являются масонскими. И далее, уже будто бы замечено, что 24-го у Драудзинь состоялось какое-то многолюдное собрание. Потому впредь собрания групп мы решили отложить. Ныне, в дни агонии тьмы, силы мрака действительно начинают бесноваться. Волна безумия прокатывается над «новой Европой» и угрожает затянуть её в бездну. Но в припадке сумасшествия тьма пожирает самоё себя. Два кровных брата, два «великих вождя»[2] на физическом плане объявили друг другу борьбу не на жизнь, а на смерть. Но в Тонком Мире, кажется, они понимают друг друга вполне хорошо, ибо там Иерархия Света воюет с ними. Но здесь, на земле, границы между светом и тьмой часто спутаны. Так, и проблему России только редко кто может понять. Ибо сказано, что гибель России явилась бы гибелью всего мира. Мне выпала теперь странная роль – защищать Россию во мнении русских членов нашего Общества. Они иногда прельщаются призывами идти с немцами против России. Я ответил просто: такой призыв не что иное, как предательство. Некоторые всё же понимают. Благословенны те, кто понимает и видит.

16 апреля. Пятница

Наконец картины под нашей защитой! Вчера мы спешно перевезли на двух извозчиках в Межапарк, поместили в доме нашей г-жи Лицис-Рекстынь. День был очень солнечным, сердце ликовало и пело в груди.

[1] Впоследствии выяснилось, что письмо продиктовал Б. Вайтекунас.

[2] Гитлер и Сталин.

Наконец достигнуто то, чего давно жаждали, о чём мечтали, то, что потребовало немало страданий, борьбы и горения. Препятствия и неудачи сопровождали до самого последнего часа. Некоторое время проболел юрисконсульт. И затем, когда мы договорились с художественным консультантом Егерсом направиться в Музей, чтобы составить список картин, внезапно, в свою очередь, заболел Егере. Наконец все документы в порядке, готово и заявление, недостаёт только подписи Гаральда. Не теряя времени, я решил немедля податься к нему в Угале. Опять была сердечная и светлая встреча. Бродили мы по окрестным полям и лесам, научил я Гаральда залазить на высокую наблюдательную вышку (мне кажется, что скоро должно стать традицией – гостям в обязательном порядке туда взбираться). Наши мысли улетали в Будущее. Но вернулся в Ригу, и меня здесь опять ожидали помехи. Даже такая мелочь: в последний день обманул шофёр и не приехал. Но как бы то ни было – 42 картины спасены! Жаль, что ещё нескольких лучших недостаёт. Но верю, что в сердечном единении, с сердечной верой мы вернём и их.

24 сентября

В вихре событий мчится мир. В атмосфере жуть, тревога, но поверх тяжёлых токов временами доносятся дуновения чего-то будущего, ободряющего и полного надежд. Может быть, уже близки решающие часы, может быть, действительно весы судеб мира клонятся в добрую сторону? Может быть, тьма получит последний удар? Люди поговаривают об ожидаемых ужасах и испытаниях, но сердце спокойно и с надеждой взирает в будущее. Теперь, когда стремительно развязываются судьбы народов и личностей, воистину стократно ощущается Высшая Рука. Вполне возможно, что ещё много трудностей ожидает всех нас. Но как же не воссиять сердцу, осознавая, что возводимые тьмою карточные домики начинают разваливаться и рушиться, что сатанинская гордыня и самость получают удары, что в вихрях распада войны надежды на мир уже ближе, чем когда-либо. Можем ли мы знать, что к лучшему и что к худшему. Но если мы всем существом верим Космической Воле, то в доверии можем смело идти вперёд. Чрезвычайным фактом является то, что русские армии уже несколько недель так неудержимо идут вперёд, освобождая один город и район за другим. Уже сегодня собственные немецкие известия сообщают о занятии Полтавы и Чернигова. Может быть, взят уже Смоленск, может быть, и Киев? Если не сегодня, то завтра. Говорят, что и Мелитополь в руках русских, если это так, то немецкие армии в Крыму и вообще на юге могут быть окружены. Немцы говорят о планомерных передвижениях, чтобы выровнять фронт. Думают, что отступят до «сталинской линии» и тогда начнут сопротивляться; упадок охватил немецкую армию, можно сказать – и сам немецкий народ. Потрясён его «моральный дух» и поник, где ему найти спасение? Англичане (однако с сатанинской радостью!) сметают с лица земли один город за другим. Только что рассказывали о налёте на Ганновер, который многократно превзошёл всю драму Гамбурга, на семь десятых превращённого в груду развалин. И карма англичан за женщин и детей в конце концов будет ужасной. Сатанинское безумие бесится в эти последние дни Армагеддона. Воистину – «враг доведён до безумия». Трагедия и в Италии. То англичане громили с воздуха, теперь – сами «друзья», немцы. И они ставят всё на «последнюю карту», ибо фронт в Салерно ломается и на берегах Северной Адриатики налицо итальянское, сербское и словенское восстание, которое уже не потушить. Муссолини составил «новый кабинет», но – напрасно. Итальянская драма приближается к концу. Но с востока идут громадные армии. Так много немцы писали о русских потерях, но русский народ такой, как Ритс из <произведения> Райниса «Илья Муромец»: если отрубают одну <голову>, то вырастают две. Кажется, что 106 параграф «Иерархии» <исполняется>, что невидимая Армия приходит на помощь. Мы много размышляли, почему русским не везёт? Стратегически так часто были случаи, когда складывались все возможности для удачи, и всё же что-то мешало и – не везло. Мы тогда думали: ещё перемена сознания недостаточна, ещё суровая чаша судьбы не уравновешена, ещё Высшая Помощь прийти не может. Ещё народ не доведён окончательно до края бездны, в такой круг отчаяния, когда всем существом, огненно, интуитивно начнут обращаться к Высшему. Так мы рассуждали ещё весной, после освобождения Сталинграда, после занятия Харькова: почему это стремительное движение так внезапно остановилось? Но теперь всё совсем иначе.

Даже погода, похоже, как подарок русским танкам. Таких солнечных и тёплых дней, как нынешний сентябрь, человечество наверняка давно не видело (так же как – суровый март прошлого года). Неужели сдвиг в сознании уже случился, и нетленная Чаша сердца уже способна воспринять луч Высшей Помощи? Не нам судить. Ибо всё это иррационально. Наш мозг этого не способен осознать. Немецкая пресса с издевательством пишет о чрезвычайных внешних изменениях в России. Не только об изменениях армейской формы. Но есть и такие вещи, как подключение «безбожного» московского радио к богослужению, как то, что Сталин пригласил к себе высших священников, чтобы учредить Синод и избрать патриарха, и то, что архиепископ Йоркский во главе группы священников направляется в Москву и т. д. Человек «сбросить кожу» не может, но всё же тот факт, что такие, хотя и внешние, проявления имеют место, свидетельствует о каком-то повороте. Также рассказывают об ослаблении в России влияния евреев. Конечно, поворот сознания должен прийти от самых корней. Но что мы знаем? Мы ощущаем только то, что в самом сердце русского народа что-то происходит. Это сердце преодолевает все страдания и трудности, чтобы выстоять, чтобы не погибнуть, чтобы победить. Может быть, теперь наступило завершающее действие часа огненного крещения русского народа, когда в последнем испытании пламя сжигает ранее непреодолимые преграды? Может быть, ныне окрепла военная власть, которая влияет на государственную и сдерживает деятельность чекистов? Но, может быть, там произошли уже какие-то чрезвычайные реформы, о которых мы ещё ничего не знаем и о которых немецкие органы <печати>, естественно, умалчивают. Теперь русские восхваляют какого-то молодого генерала Рокоссовского. Будто бы он взял Сталинград, одолел Орёл, и теперь играет выдающуюся роль. Кто знает, не скрывается ли за ним или за каким-то другим генералом кто-то другой? Сердце ищет и изучает, изучает и ищет. Ибо оно своей сущностью стремится найти долгожданную «переходную формулу». Мост к Новому Миру. Но разве поднятый ураган скоро уляжется? Ещё великие перемены должны произойти в государственной верхушке, прежде чем действительно установится великая добровольная Держава Солнца.

Как сказано во второй части «Мира Огненного», положение русского народа, по сути, можно понять только высшим иеровдохновением. Объективное сознание не имеет права отрицать тех нравственных свойств, которые русский народ унаследовал за эти 25 лет страданий. Во-первых, потрясена и исчезла психология «своего уголка, своей делянки» – цепляние за иллюзорные ценности, которые лежат в основе любого эгоизма и которые вели назад всё человечество по пути инволюции. Во-вторых – молодёжь воспитывалась в служении Общему Благу. Третье – здесь заложены первые реальные основы для обретения опыта Общины. Хотя эта община и была недобровольной, хотя она принесла бесконечно много страданий и трагедий, но всё же в конце концов эта тактика джиннов послужила и чему-то пригодному в будущем: часть молодёжи утвердится в этом радикальном, будущном, основополагающем понятии. Как же расцветёт это сознание, когда община вновь станет добровольной и всё государственное устройство будет в высшей степени гуманным. Такое время грядёт, и сердце молвит, что оно уже у ворот. Но нужно созидать даже теперь. Всеми силами духа горячо стремиться ему навстречу, хотя бы в мыслях своей повседневной жизни этому способствовать. Хотя бы малейшей, но чистой вибрацией сердца очищать путь к великим Возможностям.

10 октября

Много говорилось о «детях Саласпилса». Это уже стало символом, за которым раскрывается вся нескончаемая трагедия приграничной России. Бесконечно много приходилось слышать от очевидцев, что группы «шуцманов» и добровольные отряды немецких войск вычистили всю русскую приграничную зону шириной в 40-50 километров, что стёрты с лица земли все постройки и тому подобное, что мужчин расстреляли, многих женщин угнали на работы, детей, оставшихся в живых, сослали в Саласпилс, что местами действовали совершенно зверски: в горящих домах сжигали живых или уже расстрелянных людей. Такое приходилось иногда видеть самим детям – очевидцам. Теперь эти дети – вопиющий пропагандистский пример варварства германской цивилизации. Большинство детей, помещённых в Саласпилс и в другие места, умерло. Их можно было взять в качестве приёмных детей, так некоторые наши члены Общества и делали.

Мальчик, принятый нашим Блюменталем, в скором времени умер. Кажется, они совершенно ослабленные, свирепствуют эпидемии. Какую меру страдания приходится испытать человеку! Какое мучительное испытание выпало детям прифронтовой полосы! Пространство переполнено их безмолвными жалобами. А что приходится пережить тем, кого немцы насильно эвакуируют, сжигая за ними их жилища? Немцы сами хвастают, что после планомерной эвакуации района там остаётся только пустыня. Не мне это описывать, когда-то это вскроют исторические хроники, как предупреждение будущим поколениям.

Лето, как обычно, мы провели в Юрмале. И в этом году вокруг нас была «ягодная лихорадка». Сколько у нас побывало знакомых, все приезжали за ягодами. Во-вторых, надо было обращать внимание на то, чтобы знать, кому помочь и кто остаётся в долгу. Так, вместо «отдыха» было будничное напряжение и даже усталость. В конце июля я навестил Доктора. Уезжая из Угале, узнал о перевороте в Италии. Так уходят тираны. Ныне-то он спасён и восстановлен, но стал тенью некоей другой державы. Доктор гостил у нас на Троицу, в середине июня. Кажется, что и он спустя продолжительное время встречался с Блюменталем. Конечно, отношения были сердечными, но Доктор теперь оценивает его иначе, не закрывая глаза на ошибки. Да, при сотрудничестве вскрывается его своеобразная волевая направленность: не считаться с другими. Захватывает его великий энтузиазм относительно России. Но в своём энтузиазме он способен быть нетерпимым. Он не терпит, если у человека в чём-то немного иной подход. Доктор сам признаётся, что когда-то был под его влиянием, но теперь, разумеется, от этого освободился. Блюменталь после этого был и в Угале. Во-вторых, Доктор в августе неделю провёл в Булдури у брата Стребейко. И там мы с ним встречались. Да, он действительно человек великого взрывного размаха. Всё же понемногу он сгармонизируется. Я не удивляюсь тому, что он думает, что был Петром Первым. В таком случае я понимаю его отношения со Стребейко. Последний обладает изумительной памятью, оттого в своих книгах – чистейший компилятор. Пока неуравновешен. Но в зачатке у него – много хороших способностей. Посмотрим, как он выявит себя в государственной работе. Он чрезвычайно предан Доктору. Так же как и Якобсон. Во всех них – огненность. В практической деятельности способны горы свернуть. И они сгармонизируются, особенно, когда призовёт их великая работа Сотрудничества.

1944

20 января

Так много рассуждалось, что скоро уже войне конец. Но пришёл Новый год, и ещё невозможно предвидеть исход. Однако сердце ждёт: скоро, скоро, скоро решится. У русских были чрезвычайные успехи. Казалось даже временами, что Неземные Силы им помогают. И затем – опять останавливались. Что будет дальше? Комбинирования не помогают. Здесь всё зависит от направленности народного сознания. Чем больше будет готовности к самопожертвованию, тем сильнее сознание начнёт обращаться Вверх, тем сильнее будет Помощь. Но есть ли какая-то перемена в правительстве и в методах? Все отвечают: нет! Те же самые мстительные речи по радио. Как же знать и как понимать? Иногда и русские беженцы вещают нечто жуткое. Но я верю русскому народу. Верю, что основы Нового Мира уже чеканно запечатлены в его душе. Говорят об эвакуации Риги. Под общественные здания будто бы заложены мины. Но как же возможно эвакуировать весь латышский народ? И притом на хуторах поселились беженцы из России.

Дружба между нашими людьми растёт, это радостно. Длительное время существовал конфликт, как ни странно, между Гаральдом и Велтой Бормане. Вначале действительно не было серьёзной причины, по которой Гаральд прервал отношения с Велтой. Позже ещё можно было понять – Велта была слишком занята собой, полна обид на М.Стребейко. Более всего изумляло то, что отношения последних могли стать столь острыми. Они ведь были величайшими друзьями, приверженцами Учения! Но душа человеческая – загадка. Гаральду, как и людям его группы, присущ бурный темперамент, нередко бьющий через край. Наконец, Велта призналась, что она «капитулирует» в своей самости. И Гаральд недавно ответил ей сердечностью. Может быть, тут причиной послужило моё длинное письмо, которое я завершил мыслью о Майтрейе-Сострадании. Теперь уже и этот изъян будет преодолён. Дружба чрезвычайно необходима. Мы должны слиться в единое пламя любви. Мы должны без конца жалеть, поддерживать, поднимать друг друга. Люди так тяжки! Мы должны помочь спасти Великий Народ, спасти Латвию. Нам следует самыми пламенными мыслями обвить сеть радужных доспехов вокруг Латвии. Нам нужно сотворить истинный подвиг дружбы. Нужно забыть навсегда всё мелко-личное, что могло бы отделять одного от другого. Как необходимо, чтобы в эти тревожные дни, когда столь многие на краю бездны, человек хотя бы на мгновение стал надличностным, чтобы небесным светом засияло его сознание! И особенно это касается приверженцев Светлейшего Учения.

Элла стала духовно намного бодрее. Это её заслуга, что, начиная с осени, у нас собирается большинство наших русских друзей, читаем выписки из Учения. В декабре начались и наши «концерты», поначалу у нас, теперь – у Драудзинь. В оперном оркестре работают трое скрипачей, интересующихся Учением, они и выразили желание играть у нас. Между выступлениями читаем выписки из <Живой> Этики, доклады. На последних встречах Элла читала главы из моей книги о Беловодье и о путешествии Аполлония Тианского. Праздничный Рождественский вечер мы устроили у нас, моя маленькая, перестроенная квартирка никогда ещё не видела так много людей: мы рискнули и пригласили всех членов, кто хотел. Ранее, в последние годы, неизменно проводилось двумя группами. Играли скрипачи (Карлис Лиепа, Арвид Янсон, Артур Мадревич), я читал из «Надземного», Драудзинь – молитвы, Элла – о Великом Путнике, Лицис – Молитву о Мире Св. Франциска, читали Ведринская и Аринь. Было необыкновенно хорошо и дружно. На празднике гостила знакомая Гаральда, учительница. Был и сам Гаральд. На второй день пришли многие к чете Якобсон, музицировали. Эти дни прошли действительно в возвышенном ритме. В середине декабря нежданно явились гости – Бирута с тремя друзьями из Каунаса – и принесли с собой воистину нечто удивительное. Как они за этот год выросли! Действительно стараются применять Учение в жизни. Я заметил, что у некоторых и цвет лица изменился. Не только теорией они живут и стараются жить. Они привезли второй том «Листов Сада Мории». Напечатано в официальной типографии без разрешения. Разве было бы это возможно у нас? В литовцах вообще больше единомыслия, они сплочённее, чем латышский народ.

До сих пор там ещё не смогли провести мобилизацию. И далее – они учредили внутренний кооператив, который на длительное время обеспечил всех членов продуктами. (Ведь в Литве на карточки выдают совсем мало!) Но главное – освобождён д-р М. По этому поводу действительно следует выразить величайшее изумление. И Монтвидене пишет, что она рада, что в их среде достигнуто единение. Как хотелось бы встретиться с ней, поговорить обо всём по душам. Обо всём подробно расспросить. Нам лично трудно свыкнуться с практикуемым у них методом взаимной «исповеди». И Монтвидене ещё не может этого принять. Но они утверждают, что именно эта взаимная открытость воспитала их в тесно сплочённый, братский коллектив, и в личном совершенствовании сильно помогает. Хотя я и верю, однако ещё есть некоторые проблемы, о которых хотелось бы услышать непосредственно из уст Монтвидене.

Осенью вернули нам ещё четыре картины. Великая была радость по поводу «Твердыни Тибета» и «Карма Дордже». Ещё осталось шесть. Получить хотя бы «Брамапутру»! Грустно, ибо сознаю ответственность. Но и радость неудержимо врывается, когда сквозь бури событий взираю Ввысь, когда лучится мысль о Будущем.

10 февраля. Среда

Сегодня латышская молодёжь опять вступает на путь Голгофы. Поняли бы это те, кто берёт на себя ответственность. Осознали бы они, что гекатомбами они не спасут немецкую армию, вынудят только сыновей маленького народа истекать кровью. С начала февраля началось великое русское наступление на северном фронте. Немцы оттеснены до Нарвы. У Новосокольников и Витебска ныне идут грандиозные сражения. Эстонцы объявили всеобщую мобилизацию. Латыши стараются следовать их примеру. Сегодня начинают призывать <возрасты> до 1906 г. Предвидены и следующие годы. Всеобщая встревоженность. Будет будто бы «национальная» армия для защиты границ Латвии. Но и это не придаёт смысла мобилизации. В нынешнем положении латыш есть и остаётся слугою немцев.

17 февраля

Сердце болело и о судьбе некоторых наших друзей. Бруно Якобсон уже приготовился <к мобилизации>, но внезапно пришло неожиданное спасение – он получил документ как «незаменимый». Это тем более удивительно, что на новом месте работы, в Камере здравоохранения, он работает недавно, и есть работники старше его, которым придётся идти. Я испытал радость в тот день, когда узнал, ибо сердцем ощутил, что здесь проявилась Высшая Рука. Якобсон в последнее время показал свою духовную сущность. Мне особенно понравилось его недавнее выступление в нашей русской группе, он говорил хотя и резко, но с большой пылкостью, что о России не должно подниматься в сознании ни одной плохой мысли, нам следует её поддерживать, а рассуждая об отрицательных проявлениях теперешнего устройства, мы тем самым помогаем топить <русский> народ. Это и моё мнение, и мне приходилось неизменно его подчёркивать, особенно нашим русским членам Общества, которые только теперь начинают понимать объективное мерило! Якобсон сказал Ведринской всё же резковато: «Вы больны!» (Её тянуло больше к прозападному пониманию.) Но эффект был столь сильным, что Ведринская позже подошла к Якобсону и поцеловала. Так объединились противоположные полюса, разве этому не полагается от души радоваться? Якобсон ранее был обособленцем, слишком резким и нетерпимым, но теперь начинает немного понимать, что надо быть терпимым к душе другого. Так в нашей среде единение действительно растёт. Больно только за Даугавпилс – все, кто оттуда ко мне приезжает, жалуются, что нет единомыслия в политическом отношении. Зильберсдорф будто бы выражается столь резко и нетерпимо, что создаётся впечатление, что он защищает Сталина и т. д. Я успокаивал, что Зильберсдорф старый и нервный; что не может быть, чтобы он не понимал Учение во всех нюансах (ибо Учение и письма Е.И. являются ключом и к политическим вопросам); что, скорее всего, взаимное непонимание вызвано свойствами его характера, может быть, он категорически отрицает критику, поэтому его можно понять превратно.

Я предложил молодым самим быть более терпимыми и кроткими, даже если Зильберсдорф подходит резко, ведь когда-нибудь и для него этот вопрос станет полностью объективным. Наверное, всё же правда, что Зильберсдорф мало считается с сознанием другого; помню обеспокоенность Е.И. относительно его последней книги: она предлагала ему не торопиться, больше над ней поработать, а он всё же поторопился. Потому большую часть книги занимает полемика с проповедниками, что читателя утомляет.

И Дравниек получил отсрочку до июня. Спаслись и другие знакомые. Как же будет с Доктором?

Всем сердцем погружаюсь теперь в свой труд. Всеобщее окружающее напряжение именно помогает избегать мелочей жизни. Знаю, как сильно, сильно я опоздал. Да и крылья вдохновения теперь тяжелы, ибо невольно сердце содрогается от всех окружающих вибраций. В Учении сказано, что ныне, во время великой смуты, нужно утроить горение в труде. Если бы я это мог! Всегда, всегда был бодр!

В минувшее воскресенье на нашем «музыкальном» вечере Элла прочла мой очерк «Построим гору». Элла, воодушевлённая общим огнём, прочла действительно с большим вдохновением, впечатление было чрезвычайным, это мне говорили снова и снова. Также Янсон сердечно и прояснённо сыграл соло на скрипке в сопровождении г-жи Даугуль, как никогда раньше, и его супруга[1] прекрасно спела «Любовь» Гаруты. Я ощущал волнение всех присутствующих, сам я был окрылённым, в напряжении, – это, воистину, была огненная батарея сердец. Наш концерт через две недели повторим.

Можно было бы когда-нибудь обе мои работы о горах издать отдельной книжкой с иллюстрациями – воспроизведениями вершин Н.К. Тоска по горам никогда не покидала меня. Сама мысль о горах задевала мои сокровенные чувства. Всякий раз, когда я ехал за границу, неизменно во мне жила мечта – по возможности подольше побыть в горах. Две недели, которые мы с Эллой провели в Меранских Альпах, никогда не забудутся. Однажды, совсем мимолётно, я был в Закопане, другой раз – в Чешских Татрах. Во времена Общества мелькнула мысль: не поехать ли мне в «Урусвати» в гости? Ныне идеал Гималаев далёк. Приближаются мирные времена с грандиозной строительной активностью. Будет ли тогда время мыслить о путешествиях? И ещё одна мечта не осуществилась: навестить свою древнюю родину – Элладу. Однако верю, что и её я когда-нибудь смогу лицезреть лицом к лицу. Страну с древней непревзойдённой Культурой.

Как захватывающе звучат строки Горнего Евангелия из книги «Надземное»:

«Урусвати во всех жизнях стремилась к высотам – "горная птица" – ... от внутреннего искания прекрасных Гор. Сказывается среди этих полётов необычайная преданность Братству. Каждая гора напоминала и о высотах Наших...

Священное слово "Братство"! Пусть оно живёт и при виде, и при мысли о горных высотах».

24 февраля. Четверг

Огненное кольцо сжимается всё теснее. У Нарвы идут ожесточённые бои. Сообщают, что оставлен Холм, наверное, и Дно. Сами немцы пишут, что русские готовятся к новому большому наступлению. С другой стороны – будто бы в ближайшие дни неизбежно вторжение англичан. Может быть, в марте опять сгустятся события. Лишь бы человечеству было хорошо! Лишь бы было хорошо великому Народу и Латвии! Сердце болит, сердце устремляется в своих священнейших мыслях. Лишь бы оно своей мыслью могло помочь. Лишь бы на мгновение возгорелось так, чтобы долетело до Врат Братства. Как много горя на свете! Но труднее всего ныне на востоке. Руины и страдания.

Призыв врачей в армию Гаральда пока не коснулся. Верю, что и впредь будет охранён.

Окончил главу «Путешествие в земной рай». Может быть, в будущем придётся сильно сократить, теперь же пытаюсь полнее собрать вместе весь материал. И когда интенсивно мыслишь, всегда приходят новые источники. Спешу, спешу. Как я запоздал!

В мире тревога. Сердце, однако, чувствует, что будет хорошо. О человечестве заботится Высшая Воля. Свет живой вечно. Братство Света спасёт человечество.

[1] Ирина Янсон.

7 июня. Среда

Вчера началась высадка <союзников в Нормандии>. Долгую, мучительную, напряжённую тишину прервал взрыв. Безумное сражение достигло своей кульминации. Народы воюют не на жизнь, а на смерть. Мы ждём, когда снова двинется восточная волна. В любой день может там начаться ураган, который пока притих. И у границы с Латвией сосредоточено большое российское войско. Верим, что Латвия от самого худшего будет охранена, но разве мы знаем карму народа? И сколько нагрешили именно за последние годы! Теперь немцы по всем углам торопятся сжечь своих жертв – захороненных евреев. Но разве и латыши не несут хотя бы часть ответственности? Кроме того – спекулятивная жизнь военного времени. И, наконец, во многих – непонимание и ненависть к русскому народу. Но есть и те, кто понимает, кто глубоко в сердце имеет симпатии к светлому потенциалу этого народа. Кто действительно, по существу, хочет блага для человечества, кто с содроганием и ужасом отворачивается от всего нечистого, что ежеминутно творит человеческая рука. Сознание части латышей на самом деле светло, и это укрепляет основы будущего латышского народа, так и я стараюсь опоясать его радугой духа. Знаю, что тлетворный, тёмный элемент повсюду очень силён. Тяжко дышать в трамваях, поездах. И всё же Латвия необходима для Будущего. В ней было Общество, издавались Книги. Не может она быть уничтожена, даже если её ожидают тяжкие времена. Она будет ещё сотрудничать, рука об руку, со своей старшей сестрой <Россией>, с русским народом в деле созидания великого святилища Будущего.

Я выписал всё, что есть в книгах Учения, в Письмах Е.И. о России.[1] Какая чудесная Вера, почти Апофеоз будущего. Народ, на равновесии которого держится равновесие всей планеты. Как же после этого назвать тех русских эмигрантов и военнопленных, которые ныне работают в русских газетах по заданию немецкой пропаганды? Они борются против большевиков, но идут и против своего народа. Потому большинство из них этически не стабильны. Больно мне было, что они кое-где помещали репродукции Н.К., очень больно, я пробовал вмешаться, но большого успеха не имел.

Недавно допрашивали нашу Слётову, якобы в связи со «смертью экзарха Сергия». Под конец её спросили, что она знает о Блюменталe! И в прошлую субботу её вызвали в гестапо! Там какой-то «любезный» господин долго её расспрашивал, но эта его любезная вежливость была тяжелее всякой пытки. Опять выспрашивал про Блюменталя, наконец, и об Обществе; намёком дал понять, что это масонская организация, интересовался, кто был начальником, кто такой Рихард Рудзитис и т. д. Так добрались и до нас! Виноват, очевидно, Леб., который во времена коммунистов был другом чекистов, теперь – перешёл на противоположную сторону, рассорился со Слётовой. Туда дошло и пророчество, которое Слётовой рассказал один эстонец, кузнец, что немецкая армия «потонет в крови» (и в конце там предсказана победа Учения в России: показалась Женщина с четырнадцатью книгами в руках). Слётова наверняка где-то неосторожно об этом рассказала. И ещё допрашивали о связях Слётовой с астрологией. Известно уже несколько фактов, что астрологов в Риге преследовали, по крайней мере – забрали книги. Допрашивали и соседку Блюменталя в Булдури. К счастью, это была его добрая знакомая, поклонница Н.К. Так и Блюменталь переживает напряжённый период, но он решил смотреть судьбе прямо в глаза. Он под «домашним арестом», иногда приезжает в Ригу, если пустится в бега, будет хуже. Но в глубине сердца я верю, что всё же горькая чаша нас минует. Будет хорошо. Уже не успеют. Волна событий нарастает. Кто знает, что будет уже через несколько дней. Будем готовы.

Бруно Якобсон сделал оплошность, о которой теперь наверняка сожалеет. Он получил документ, что «незаменим», но когда надлежало явиться на комиссию, то не пошёл (он ведь как незаменимый не был бы призван на армейскую службу). Теперь вместе со своей женой где-то скрывается. Единственное спасение для всех – в Учении. Каролина перевела вторую часть «Мира Огненного». Так каждый идёт тропой своей судьбы.

Доктор официально ходил на комиссию. В середине марта его освободили на два месяца. А в мае – насовсем. Так приходит Помощь. Такая же Помощь приходила и к Бруно, он её не сумел приложить к делу. Я был 1 мая в гостях у Доктора. Теперь наша переписка прервалась, ибо лучше не писать, не зная, кто твои письма читает.

[1] Выписки не сохранились.

Начиная с апреля моя семья живёт в Меллужи. Конечно, переехали мы только из-за детей. Погода очень изменчива, словно на неё воздействует стихийное мышление человечества. В последние месяцы я ощущал тяжкие токи, проходящие сквозь мою нервную систему. Дух бодр, но что-то иногда меня сковывает. И праны временами не хватает. Но сердце огненно, и сквозь боли стремится лететь ввысь.

27 июля. Четверг

Час великих и решающих событий. Над центром Латвии всё больше сгущается чёрная туча. Все говорят: Латвию может спасти только чудо. Вчера говорили, что Даугавпилс уже занят или окружён. Даже сами немцы сообщали, что на севере происходят «планомерные передвижения». Большая часть Латгалии уже в руках <русских>. На юге русские в Паневежисе и около Шяуляя. Были прорывы и у границы Латвии. Говорят, что немцам дано распоряжение ни за что не оставлять Балтийские страны, стоять насмерть. Но в армии моральный развал. Особенно он усилился после покушения на Гитлера. Во-вторых, всё решится у Варшавы, к которой уже приближаются большевики. Поговаривают о смутах в Германии. Астрологи, которые точно предсказали день покушения, предвидят, что ближайшие дни будут решающими не только для Гитлера, но и для Сталина. Стало быть, дела на фронте могут решаться не только оружием, но и радикальными событиями «в верхах». Кто знает, что готовят ближайшие дни? Может быть, эти события и воспрепятствуют занятию Риги большевиками? Может быть, тогда войдут русские, но не большевики, как некоторые предсказывали? Стратегически уже ничто не может задержать русскую армию. Немцы угрожают «новым оружием». Это – обоюдоострый меч. Почему русское военное руководство не может воспрепятствовать кровавому террору? Сама армия этого будто бы не делает, но приходят чекистские карательные экспедиции и также – местные. Часть из этих <рассказываемых> ужасов, конечно же, преувеличены, но всё же некоторая доля – факт. Иначе ведь никто бы не боялся, если бы вошла порядочная, дисциплинированная русская армия. Ибо в конце концов в немцах все разочаровались. Хотя и поздно, но лучше поздно, чем никогда. Но моё сердце совершенно спокойно. Мне даже интересно увидеть тех, о ком так много рассказывают. Понятно, если бы пришли, то «нагоняй» был бы. Но моё убеждение: русская армия в Ригу с несправедливым «жалом» чекистов не войдёт. Как всё будет происходить, не знаю, ибо человеческий разум слишком узок, чтобы всё объять. И многие друзья и знакомые утверждают, что у них на сердце такой же покой. Значит – будет хорошо. Есть люди, видевшие вокруг Риги светлый круг. И ещё: сегодня утром мне рассказали, что некая доновка Спринге получила десять дней назад письмо, в котором написано буквально: Рига будет охранена, ибо в ней много светлых обществ, но *главным образом потому, что в ней есть центр Рериха!!* Услышав это, я был изумлён, но понятно, и восхищён. Во-первых, уже потому, что всё время думалось, что Донов вначале был против нашего Учения. Но оказалось, что в действительности он лучше и объективнее мыслит о нашем движении. Таким образом, свой неверный подход он давным-давно направил на противоположное, самое светлое утверждение. Поэтому нам, друзьям, тем более надо быть крепкими в духе. На нас лежит великая, великая ответственность. Нам даровано наиболее возвышенное Учение. Наше Общество под Лучом Братства. Постараемся себя исправлять и всеми силами сеять зёрна света.

16 августа. Среда

Живём среди опасностей, но так, словно опасности невелики. Огненное кольцо сжимается. Сердце ноет, но спокойное. Нередко даже вспыхивают лучи радости. Были и мгновения, когда энтузиазм любви охватывал ослабевшее сердце. Поверх всего столь благостно сияет солнце. Такого прекрасного и щедрого лета не было давно. Но люди-братья пребывают в великой ненависти и панике. Немного тех, кто не утратил незамутнённого, объективного взгляда. Всегда радостно слышать спокойное суждение и подход к вещам, одухотворённые истиной. Многие убегают в немецкую землю. Они бегут, возможно, навстречу своей гибели. Они не сознают, что их ожидает. Но многие, возможно, и сами виноваты, что теперь их столь властно влечёт отрицательный магнит. Они ведь отворачивались от Востока.

Не буду упоминать имён, мы знаем, что среди них и люди, которые были против Н.К. Теперь они предаются течению кармы. Жаль, что закон свободной воли независим.

Шестнадцать дней назад в Риге вспыхнула колоссальная паника. Большевики неожиданно ворвались в Елгаву. Они легко смогли бы войти и в Ригу, ибо она в эти дни была незащищённой. С тех пор многое что произошло, многое пережито. Я пребываю в «отпуске по болезни» в Меллужи и только сегодня утром явился на работу. Меня пока миновали и окопные работы, увидим, что будет дальше. В Асари и Валтери размещена тяжёлая артиллерия, которая распугала всех дачников. Особенно сильная канонада слышалась в минувший четверг, когда Слоку атаковали большевики. До поздней ночи мы даже слышали треск пулемётов. Мы думали, что будет прорыв, но отбили. Элла с детьми решила остаться в Меллужи до последней возможности. Ибо в Риге не лучше. Район, где наша квартира, весь заминирован. Теперь около него даже роют траншеи. Буду пробовать каждый вечер ездить домой, если только мужчин будут пропускать. Вечером поезд идёт до Дубулты. Детям на природе хорошо. И с продуктами лучше. Часто думаю, что делает наш Доктор? Район Вентспилса ещё в руках немцев. В Риге постоянно встречаюсь с друзьями. И они пока целы и держатся хорошо.

В последнее время был внезапный прорыв к югу от Псковского озера, и большевики подошли уже к Валке. Те, кто искал безопасности на побережье Северной Латвии, окажутся разочарованными. Безопасности нет нигде, как только в сознании. Единственная, полнейшая безопасность – в связи с Высшим. Если огненная волна опасности обступит нас со всех сторон, что же ещё нам останется? Только обратить взгляд Ввысь. И только вера и любовь дают нам радость Благодати, окрыляют наши шаги и позволяют поднять голову, заглянуть в синие дали. Поверх всего человеческого лучится Беспредельность.

18 августа

Брожу вдоль набережной Даугавы, наблюдаю людские массы, покидающие свою родину и направляющиеся в тёмную, неизвестную даль, – сердце болит и сострадает им. Всеми ими руководит психоз. Но незачем упрекать. Более всего мне жаль маленьких детей, грудных младенцев, которые невинными глазами взирают на происходящее вокруг. Неужели на самом деле всех гонит отсюда панический, непреодолимый страх перед большевиками? Они ведь должны понимать, что и там, на чужбине, им придётся работать на фабриках и рыть окопы. Разве там будет лучше, нежели в тайге Сибири, куда, по их мнению, латышей сошлют? Так уходит корабль за кораблём. Вчера уехали латышские новобранцы, совсем юные парни, по сути, мальчики. И они ещё не осознают своей трагедии. На этих же кораблях немцы присылают сюда свои вооружённые силы и оружие. Прибывает много. Ходят слухи, что у немцев с англичанами есть какие-то комбинации, нечто вроде перемирия. Потому войска перебрасывают на восток. Кто знает? И кто знает, что ещё придётся пережить русской земле? Мир не придёт, пока сознание не созрело, пока не готово.

Что немцы сделали с прекрасной Елгавой, с Даугавпилсом? Непонятная, варварская жажда разрушения. Но это с воздуха делают и американцы! Теперь радость каждой искорке человечности. Будем же хоть немного человечнее, везде и во всех делах будем друзьями!

Когда проходишь по Риге, охваченной военной тревогой, то появляется чувство, что всё движется к какой-то развязке, к концу, может быть – к новому повороту событий. Напряжение кругом велико, но сердце горит навстречу Миру. Ещё всем предстоит пройти испытания. Ещё многие не познали огненного крещения. Будем же неуклонны и сильны в своей чистосердечной детской вере! Будет хорошо!

31 августа

Огненное кольцо становится теснее. С завтрашнего дня якобы потребуется пропуск для выхода из Риги. В Юрмале пока спокойнее, но вскоре может начаться новое наступление со стороны Елгавы. Индивидуальная карма норовит каждого затянуть в свой магнетический круговорот. Корабль за кораблём уходят в Германию. И русских беженцев будто бы высылают. Также и политически неблагонадёжных. После них якобы очередь дойдёт до русских и поляков, возможно, что насильственно будут эвакуировать и других жителей. На повестке дня закрытие учреждений.

Ещё вчера был проект вычеркнуть половину наших библиотечных работников, но пока отложили. Заново призывают и тех, кого ранее признавали негодными. Позавчера была большая радость встретиться с Доктором – он неожиданно приехал в Ригу, и ему придётся заново предстать перед комиссией, но в своём районе. Он это время жил спокойно, разумеется, в напряжённой готовности. Переночевал у меня в Меллужи, утром мы направились каждый в свою сторону. Быть может, что встретимся только в новых условиях. Мои лучшие мысли всегда летят к нему. Мейнгард ушёл рыть окопы. С рижскими друзьями встречаюсь часто. Из наших членов Ведринская, Дзелзитис, Ессе уехали в Германию. Некоторые колеблются. Здесь полагалось показать свою несгибаемую духовную позицию, великое доверие, знание Учения. Что с того, что знакомы с Учением на словах? Я выписал из Учения всё о России, из опубликованных и неопубликованных писем. Моя любовь <к России> только выросла. Куда же нашему сознанию обратиться, если не на Восток? И всё же сегодняшних большевиков нельзя идеализировать. Жаль, что наряду со столь хорошими мнениями о русской армии пришлось слышать, что в Тукумсе и Кемери они вели себя некрасиво. И там есть всякие элементы. Но дух в них просыпается. Когда же пробьёт час свободы для народов? Где наши Вожди духа? Граница Германии рухнула. Из Франции они поспешно отступают. Взят Париж. Отпала Румыния. Говорят о нейтралитете Болгарии, о переменах в Венгрии и Словакии. Что будет с нашей маленькой Латвией? Немцы понемногу отступают, оставляя за собой пустыню. Огонь испытаний ещё не исчерпан. Но о Риге многие пророчествовали, что она будет Охранена.

21 сентября. Четверг

Всё же подошли и для Риги переломные дни. Русские недавно начали новое великое наступление, и теперь они уже около Кекавы, в 18 километрах от Риги. В Эстонии <немцы> отступают, русские на севере в Руйиене. У немцев ещё остаётся узкая дорога на свою родину через Рижское Взморье, этот путь, возможно, они будут стараться держать всеми своими силами ещё какое-то время. Но кто знает, что может произойти уже завтра, послезавтра. И русский флот в скором времени освободится. Это факт, что вчера на немецком «высшем заседании» было решено оставить Эстонию, Видземе и Ригу и отступить в Курземе. Будто бы эвакуация Риги должна произойти за две недели. Но успеют ли? В нашу библиотеку назначен новый директор, так сказать – «ликвидатор», Пуксис, приверженец партии «Перконькрустс»[1]. Вчера он объявил, что каждому разрешается свободно уезжать, куда кто хочет: или в Курземе, или – за границу. На днях уволят 35 наших работников, остальные останутся ещё некоторое время для эвакуации книг в подвалы. Но кто знает, надолго ли? Всё же верю, верю ещё, что условия повернутся так, что немцы не успеют уничтожить Ригу. Большевики всё же начали разрушать Ригу по ночам. Уже вторую ночь рижане переживали жуткие мгновения. Видно, что целились в военные объекты, но, конечно, неловко, и пострадали многие люди и здания. Вчера в Шкиротаве взорвался состав с боеприпасами. Мощная взрывная волна прокатилась через Ригу. Каждый день езжу в Юрмалу к своим близким. Но теперь уже эти поездки осложняются. Единственно боюсь, как бы внезапно они не прервались. Но тогда буду искать путь хотя бы пешком. Великие дни Европы. На западе американцы мчатся вперёд. Германия накануне революции. Но милая Латвия ввергнута в пламя испытания. Будем стойкими. Будет хорошо. Ибо Свет над нами.

[1] «Perkonkrusts» *(латыш.)* – «Громовой крест», профашистская организация.

1947

25 апреля

На сердце странный непокой, сердце и ликует, и болит. Время пришло. Возможно – открылась страница Новой Эры. Волна творческого восторга увлечёт народы. Пусть ныне время острейших несогласий, пусть в политике крайнее взаимное непонимание, пусть конференции не приносят дружелюбия, пусть даже в Греции свирепствует война между братьями, и в российском государстве голод и хаос, и всё же – именно здесь, на Востоке, ощущается близость героического, возвышенного света. Самое лучшее, священнейшее, запёчатлённое на страницах истории как каждого человека, так и народов приносит то, что мы называем чудом или нежданностью, озарением, духовным взрывом. Накануне такой духовной революции мы теперь находимся. Это мы ощущаем всеми глубинами сердца.

Есть сведения из Москвы, что Н.К. в середине лета приедет в Россию. Это будет огромным решающим событием. В Москве об этом сказал одному инженеру, последователю Учения, выдающийся архитектор Щусев, который переписывается с Н.К. От него получено письмо с такой вестью. Если это действительно истина, то исполнятся все наши надежды и устремления. Как много мы думаем о том, что же теперь делают наши Руководители. Последней вестью была открытка, которую получил Зильберсдорф от Н.К.: «Все находимся на старом месте и трудимся, как прежде». С 40-го года прервалась наша связь, мы не могли представить, чтобы столь деятельные люди могли усидеть на месте, когда их родине угрожала опасность, когда человечество взбесилось и половодье страданий затопило полмира. Но ведь больше всего помочь можно с Гор. И, разумеется, они совершили множество трудов, сколько будет картин, сколько книг! Как знать, не вышли ли некоторые книги Учения в Америке? Е.И. ещё написала, что она нежданно получила весть обо мне. Мы всё же пробовали ей писать, но неуклюже, втайне от цензуры, не знаем, получены ли наши письма. Так, в немецкие времена писали через Швецию. И теперь, в феврале, мы с Гаральдом получили письма от Зинаиды Фосдик, в которой узнали нашего старого друга г-жу Лихтман. Она, очевидно, вторично вышла замуж. Письма она подписала как директор Академии художеств Рериха. И на конверте эмблема Академии. Таким образом, написано в полуофициальном тоне. Тогда мы рассуждали, что пришло время, когда вновь можем переписываться без страха по поводу цензуры, и эти письма писались по Указанию. Зинаида пишет, что Е.И. и Н.К. беспокоятся, не зная, как мы живём, и велят передавать нам приветы. Гаральд немедля написал в Гималаи, я ответил Зинаиде. Мы сознавали, что копии наших писем останутся в Москве среди бумаг НКВД. Нас уже официально предупреждали, что каждого, кто переписывается с заграницей, здесь считают шпионом. Такой мрачной узости духа человечество ещё не видало. «Все, кто не абсолютно с нами – против нас». Насильно пытаются всем привить свои взгляды, как будто силой можно чего-то добиться. Одного не могу понять, как все нынешние руководители культуры способны, даже с этакой логической «сердечностью», врать или извращать действительность? Или это наивность, привычка, или полное тупоумие известной «великой личности»[1]? На всех семинарах, во всей прессе, во всех статьях читаем и удивляемся. Может быть, кое-кто и думает, что «ради пользы дела» можно прибегать к самым иезуитским средствам. Второе, чего доныне не могу понять, что также от тьмы и особенно удивило, когда вторично русские вошли в Латвию, это – огромное неравенство, или «категории желудка». Кто-то получает всевозможные дополнительные карточки и привилегии, другие, как, например, моя жена – совсем ничего. Дети, и особенно подростки, получают меньше всех, хотя непрерывно трубится, что здесь рай для матери и ребёнка. Ведь если уж приходится нести тяжкую ношу, если надо терпеть, то понесём же эту ношу ради блага Будущего – вместе, как братья, как труженики единого труда. Как всегда, дети белого хлеба не видят, но видят его – великие господа. Да, на Украине был большой неурожай, но при хорошей организованности и любви, и главное – братстве, многое можно было спасти.

[1] Сталина.

Моя зарплата «сравнительно неплохая», но прожить трудно, продаю книги, но и так мы – пятеро человек – еле-еле выживаем. Но что скажет простой рабочий? Зарплата – истинная насмешка и издевательство. Поэтому и говорят, что в Советском Союзе все или воруют, или продают. Но сколько так может продолжаться? Малейшая практическая вещь требует громадных усилий. Трудности всё же можно благословлять, только безмерно болит сердце за столь ужасно бессмысленно разбазаренную энергию и время. Всё, что хорошо в Конституции, в жизни перевёрнуто наоборот. Все эти «свободы» только для партийных – говорить во имя своей идеи. В последнее время ведётся большая агитация, чтобы латыши возвращались из-за границы. Руководители государства «гарантируют» свободу и неприкосновенность. Да, на несколько месяцев – действительно. А потом опять – по одному <люди> исчезают. Знаю много случаев. Потому многие, которые ранее вернулись из-за границы, скрываются. Большинство сосланных в позапрошлом году всё же вернулись. Но ссыльные 41-го года почти все погибли. Нам было очень больно слышать о нашей Ольге Мисинь, которая умерла от голода в сибирской тундре. Дочь, Лаумите, выжила, хотя при лесных работах на неё упало дерево и она несколько дней была без сознания. Она ведь уехала вместе с родителями добровольно, ещё почти ребёнком. Позже мы получили сведения о самом Мисине, которого освободили из заключения, – хотел ехать к дочери, но директор фабрики не пускает. Можно ли представить такое рабство! Мы уже давно переписываемся, друзья ему помогают. Мисинь, в непосильных страданиях этого испытания, сильно вырос. Всё переносит бодро и радостно. Ещё и другим помогает и учит. Драудзинь совершила маленький подвиг – послала ему в посылках с газетами отдельные странички из Учения, таким образом, у него есть уже обе части «Листов Сада Мории»! Можно представить его радость. Может быть, в этом году он вернётся. Его огромная деловая энергия будет необходимой в строительстве Будущего. Относительно Клизовского и Буцена нет никаких сведений. Такое чувство, что они оба погибли. Буцена увезли из тюрьмы, уже там он был ослабленным. Клизовский, больной хроническим недугом, отправился в путь в лёгком летнем плаще. Разумеется, за эти два года они прислали бы нам какую-то весточку, если бы ещё жили на этом плане. В позапрошлом году простились с нами многие чудесные друзья – люди, всем сердцем жившие Учением и столь радужно верящие Свету Будущего. В январе, далеко в Валмиере, умерла Велта Бормане – человек души, безмерно жаждущий культуры и духовных знаний, которой был близок Образ Учителя. Была великая неожиданность, когда пришло печальное известие, но пришлось склонить голову перед рукой судьбы. У неё было воспаление лёгких, но в больнице лечили неправильно – как от тифа. Какой-то знакомый взял её Портрет, часть книг. И это было печально. Её последние переживания ушли вместе с ней. Но она в будущем так пригодилась бы нашему Обществу! Кто знает, где можно больше приложить сил? Вторая неожиданность – уход Аринь. Это был преданный дух, реально понимающий и помогающий. Много полезного она делала в книжном магазине. Когда-то в Обществе на двух званых вечерах Аринь читала мою работу о Братстве Грааля. Она внезапно заболела каким-то странным нервным параличом. Последние свои дни она прожила в доверии и молитве, как в трансе. Когда я её навестил, меня словно намагнитила её пламенная молитва и духовная прояснённость. Она рассказала мне свои воспоминания времён первой группы старшего Доктора, в тот день её безмерно поразил Образ, увиденный как Портрет Учителя: когда она вышла на улицу и присела в парке, в радостный, ясный весенний день, она внезапно увидела, что всю синеву неба покрывает Чудесный Образ. Она умирала одна, в больнице, и когда я увидел её в часовне, завёрнутую в бумажную ткань, меня глубоко потрясла иллюзорность явлений этого мира. И затем, в апреле, ушёл наш друг Сеглинь. Он был человеком практической жизни, к книгам и к Учению его приходилось привлекать, но в глубине сердца он нёс великую светлую веру, и главное – везде в жизни умел помочь и послужить. Мы с Бруно были при нём, когда он ушёл. Боль временами угнетала его существо, но он героически не терял смелости, и свет не погас в его детских глазах. Бруно держал Портрет Учителя, и я вместе с ним творил Священную молитву. Так он ушёл, и его последние слова, обращённые к Учителю, были: «Родной, облегчи мои страдания». И здесь, под конец, я пережил чувство возвышенного бессмертия духа и тленность «майи» физической оболочки.

И затем, в санатории, умер Осташов, больной чахоткой художник, у которого и в последние мгновения Касания к Высшему были велики. Далее, в январе в Латгалии умер богобоязненный человек – Молчанов. Он изредка наезжал в Ригу, и выказывал истинно хорошее понимание Учения и трепетное созвучие с ним чистейших струн своего духа. В будущем и его будет нам не хватать. И, наконец, в марте минувшего года ушёл наш отшельник в Огре – культурный человек, Янис Залькалн. И его смерть, истинно, была столь же трагически загадочной, сколь одинокой и самобытной была вся его жизнь. Мы узнали об уходе только через неделю после его смерти, когда утром, как «неустановленное лицо», было решено перевезти из больницы на кладбище и вывалить в общую могилу: мы ещё успели этому воспрепятствовать, позаботились о похоронах, перевезли его в часовню на Лесное кладбище, но в последний момент приехала сестра и увезла его в Валмиеру. Мы после неоднократно побывали в Огре, на его даче, я получил его рукописи, святые вещи, все близкие нам книги. Он с большим вкусом собрал <труды> о мировой культуре! Я ему глубоко благодарен за то, что в 1929 году он познакомил меня со старшим Доктором, у него я брал книги по теософии на французском языке и по его «рекомендации» попал в январе в первую группу Учения. И за то, что он перевёл несколько книг Учения в составе комиссии: «Листы Сада Мории», «Криптограммы Востока», вторую часть «Иерархии». У него был образцовый литературный стиль, который я тщетно искал у других. В последние годы, правда, я немало его подгонял, но он стал флегматичным, мрачноватым, замкнутым. Единственно, он начал переводить книгу «Аум». А у нас ведь работы – непочатый край, и именно переводчики и писатели с хорошим чувством стиля нам так необходимы. Ещё доныне я сожалею, что в своё время мы не издали на латышском языке книги по восточной философии для молодёжи, не владеющей русским языком, они чрезвычайно необходимы. Ошибка его в том, что в последнее десятилетие он избегал коллектива, считал более важным свой индивидуальный путь, даже ушёл из Общества. Сколько я ему доказывал абсолютную необходимость коллективного и кооперативного пути. Нам ведь положено воспитывать, формировать себя волевым усилием в широких общественных масштабах, прилагать к тому всё своё сердечное горение, ибо, не понимая великого смысла кооперативного принципа нашей эпохи, мы не понимаем Учения. Потому я за последние годы духовно от него отстранился. Лично для меня из-за моей речи и характера общественный путь – самый трудный. Сколько трудностей и мучений мне приносила моя миссия в Обществе! Но ведь знаю, что мне надо себя ломать, надо себя развивать, и, в конце концов, в чём же ещё может быть большая радость и большее счастье, нежели в общении с ближайшими друзьями в единой, нескончаемой, огненной идее Служения?

Теперь значительный трудовой накал проявила Драудзинь. Она перевела «Братство» (правда, я всю осень усердно работал над корректурой), заканчивает переводить вторую часть «Писем Елены Рерих». Разумеется, она совершенствуется в смысле стиля. У неё – внутреннее тонкое понимание Учения, и это – весьма редкий дар, который помогает и при переводе. Она выписала из Учения многие темы, которые теперь переписаны на машинке, за эти годы она свершила большую работу, единственно, она руководствовалась несовершенным индексом и поэтому научной скрупулёзности местами не хватает. Мой добрый друг, с ней часто встречаюсь, и между нами неизменно самое сердечное взаимопонимание и сотрудничество. Она своим материнским сердцем дарила душевное тепло и оказывала практическую помощь многим членам Общества. Скольких изголодавшихся духом она накормила! Ныне у неё есть маленькая группа «молодых», которые действительно жаждут Учения, там и своеобразный, светлый дух – Алиса Эка, душа которой пришла с Востока, из мира йоги, и в которой живёт чувство преданности, – интересно будет наблюдать, как устремится эволюция сознания этой девушки. Она переписала на машинке вторую часть книги «Листов Сада Мории», корректуре которой я посвятил столько времени. У нас переведены и другие книги Учения, но работа сделана неумело, так что надо бы основательно поправить. Но где же взять время? И в Обществе нет человека, чьему пониманию литературного стиля можно было бы полностью доверять. Но абсолютно необходимая работа не ждёт. К тому же моих рук дожидаются и мои собственные работы. Мой труд о Граале, хотя и медленно, всё же подвинулся вперёд. Неустанно я собирал материалы и, как мозаику, вкладывал в свою работу.

Нужно ещё и ещё дополнять и шлифовать. Это ведь только <первый> том – тема в научном освещении. Ещё нужно создавать образ Братства в эзотерическом аспекте. Это я уже начал ряд лет назад, но всё ещё ничего не сформировано. Потому и моё сердце часто кровоточит и кричит, когда опять и опять приходится напрасно тратить энергию и время. Потому и самая горячая моя молитва: «Помоги не пройти мимо Труда Твоего!» Часто так болит каждый минувший час. Что же я скажу своим Руководителям, когда они спросят, а спросят весьма и весьма скоро, что же я сделал хорошего за все эти годы для Общего Блага и для Будущего? Не придётся ли мне сильно краснеть от стыда? Единственное, что нового я создал, – это очерк об Аспазии и Перикле. В своё время меня так захватил образ Аспазии из Милета, хотел его очистить от пыли и грязи, которыми «одарили» её хулители. И наконец её Лик возник предо мной в синих милых сумерках истории как неземной образ Божественной Мудрости – Диотимы[1]. Недавно с великим энтузиазмом начал собирать материалы: тематику Учения для детской книги, но напряжённая работа в библиотеке заставила пока это отложить. Да, в библиотеке я проработал двадцать шесть с половиной лет, получаю даже «пенсию», и ныне, по воле нового руководства, переустраивающего всё по московскому образцу, согласно мартовскому приказу, мне надлежало бы перейти в другое помещение, туда, где, конечно же, властвуют порядки, больше схожие с фабричными. Пока учли мою просьбу и оставили ещё здесь до начала мая, для завершения отдела классиков. Но надеюсь, что и тогда будет для меня какая-то Помощь. Ибо здесь всё же у меня есть возможность, при всём рабочем накале, иметь и какие-то творческие моменты. В других стандартизированных отделах теперь господствует великое бессердечие и холодный, нормативный темп труда. Часто теперь ощущаю, после долгих трудов, что ныне я с радостью простился бы с библиотекой. Ибо теперь, во втором, интенсивно-напряжённом периоде моей жизни, всей кровью сердца переживаю огромную потребность посвятить себя единственному труду, которому я наиболее, наисущественнейше, наисвященнейше нужен: делу Учения, делу Общества. Духовная культура загнана в подполье, всеми силами необходимо её будить, строить, созидать. Молодых, жаждущих сознаний немало. Чувствую, что в великом русском народе, истинно, много огненных, будущных сознаний, которые ещё следует поднимать, прояснять, которые ждут своего часа озарения. Эти души обладают героическим, самоотверженным звучанием, готовностью гореть и служить. Особенно – среди молодёжи. В Ригу приехали сотни тысяч русских, и всё же по ним ещё трудно судить, ведь большинство из них – искатели приключений и корысти. Кто знает, в каких уголках России, в каких селениях и хижинах тлеет тайный, жаждущий, священный огонь? Когда же придут Великие Лученосцы, Великие Друзья народа, Великие Учителя народа, которые подойдут к каждому сознанию, как к своему, со священнейшим камертоном, им присущим, и когда же сердце истинно затрепещет и воспламенится и будет гореть небывалым озарением и энтузиазмом служения? Когда же придут Те, Кто даст тон нового звучания сознанию Великого народа – одухотворённого, полного человечности и братства, священной культуры?

Мой милый друг, Гаральд, с которым вместе мы обдумывали и несли ответственность за все дела, с которым я часто встречаюсь и делюсь сокровеннейшими мечтами, он тоже – как возрождённый. Особенно этой зимой стал гармоничным и нежным. Время больших взрывов и нервности давно прошло. Кое-что иногда бывало, но после мы понимали друг друга ещё глубже. Его чрезвычайный темперамент столь импульсивен, что, конечно, его иногда трудно удержать в границах. Я чувствую его Ясную Сущность, люблю его Преданную Душу. Да будет над ним всегда Благословение! По его инициативе ныне у нас есть группа на квартире у Якобсонов, кроме нас, приходят ещё Драудзинь, чета Пормалис, сам Гаральд пригласил Валковского – это одно уже указывает, в направлении какого удивительного терпения и дружелюбия развился его дух. В этой группе царствует дух великой динамичности, огненные Слова Учения чередуются со звучанием сфер «Парсифаля» и «Ave Maria». Развиваются и Якобсоны. Чуткой душой является г-жа Пормалис, с которой у нас большая дружба. Она пришла, по моему приглашению, осенью 44-го года в качестве моей помощницы в библиотеку, но, по причине большой культурности, её у меня забрали, направив на другие работы. Также в библиотеку, позванные мною, пришли и другие друзья: Якобсоны, Вернер, Пейль. Межапарк – истинная колония приверженцев Учения.

[1] См. «Пир» Платона.

Ко мне приходят и молодые одухотворённые друзья Присёлковы, милые люди, особенно уважаю жену; затем – виртуоз музыки Качалов с женой-искусствоведом[1]; ещё – Лицис-Рекстынь, которой я бескрайне благодарен, что она спасла картины и книги. Судьба её тяжка, муж в переходное время пропал в Курземе, приёмный сын вернулся из Германии, его ищет НКВД и т. д., саму её недавно уволили из Передвижного театра, ибо по причине слабого сердца не могла переносить поездок и богемы. Трогает её детская преданность и доверие. Встречаюсь ещё с г-жой Крауклис, Валентиной <Арефьевой>, иногда – с четой Лиепа и с другими. Удивительно и приподнято отпраздновали мы в этом году День Учителя. Днём я был у Екатерины, а вечером собрались у меня. Эти напряжённые часы высшего духовного благоговения незабываемы. Я радуюсь Дружбе и Единению – этому божественному Дару. Так хотелось бы его умножить, так хотелось бы, чтобы сердца в гармонии устремлялись в великом пути Служения.

За последний месяц я пережил небывалое внутреннее напряжение. Физически временами я был как бы сломленным, каждая клетка тела болела и дрожала. Возможно, были и космические причины. А потом были мгновения радости и восторга. И опять – тишина. Хочу войти по-деловому в ритм труда, хочу использовать каждое мгновение. Бывают тяжкие минуты, но самое трудное – остановиться, бездействовать. Энергия должна вечно лучиться напряжением. Только это – жизнь.

28 июня. Суббота

Сегодня утром Драудзинь уехала в Москву. По нашему заданию, с нашими благословениями. С поездкой в Москву мы, быть может, запоздали, но до сих пор не было пути туда. Ведь главной задачей Риги до сих пор было: давать Учение, быть проводником Учения, и особенно – для русского народа. В советское время здесь с Учением познакомились только несколько офицеров из России. Затем – родственница Осташовой в Москве, и ещё недавно инженер Вискунов с несколькими друзьями. Он пишет в Ригу символическим языком о той радости, которую ему даёт Учение. И затем в начале июня в Москве был наш Качалов, отличный пианист-виртуоз, правда, ещё не выкристаллизовавшийся, но романтичный и пылкий последователь Учения. Ему ещё предстоит найти себя, ибо его композиции только в зачатке. Также нужна ему соизмеримая практическая деятельность. Его жена заканчивает ныне факультет искусствоведения – за два года! Она – живописец и тоже следует путём Учения. Оказалось, что обе тётки Качалова в Москве – старые теософки. Для него самого это было неожиданностью. И через них он познакомился с бывшим руководителем теософской ложи Буткевич <?> и другими. Есть <у них> какая-то <дама>, которая слышит голос и записывает культурные, нравственные наставления. Эти дамы очень заинтересовались книгами Учения. И особенно в восторге от того, что в Риге на русском языке вышла «Тайная Доктрина», колоссальный труд, над которым когда-то работала комиссия, но не управилась, и теперь перевела русская женщина, о которой они ничего не знали. Они рассказывали также о том, что относительно политических событий полагаются на Высшую Волю, но чувствуют, что именно теперь назрело время для чего-то величественного и нового, для какого-то духовного открытия или переворота. Истинно, мироздание опять окутано неким напряжённым ожиданием. Что же будет? Токи в последние месяцы столь невероятно тяжки. Давят на грудь и на голову, подавляют иногда сознание. Но дух с силой рвётся ввысь, горит, борется, пытается обуздать себя ритмом труда.

Таким образом, мы решили направить Драудзинь в Москву, тем более что её уже давно сердечно приглашали знакомые. Дорожную сумку нагрузили до верха книгами Учения и Н.К. Всё подробно продумали. Сердце горело в непокое – быстрее бы! Лишь бы опять не опоздать! Ибо будет грустно, если наши Великие Друзья появятся в Москве, и ничего не будет подготовлено. Единственно Монографию там распространяют, но Учение молчит, ибо книги запрещены. Далее – мы просили посетить академика Щусева, что являлось особенно важной задачей, Драудзинь ведь должна была нам привезти какие-то сведения об Н.К. и о личности самого Щусева. Ходили слухи, что и он соприкоснулся с Учением, но из других источников. Когда-то он, в царские времена, строил церкви. Что он за человек?

[1] Татьяна Качалова.

Я передал для него письмо, а также свои книги об Н.К. Важно ведь наладить контакты. И в Риге от одного русского художника мы получили весть, что Н.К. за границей старается получить русское подданство. Это ведь было бы знаменательным явлением, это ведь свидетельствовало бы, что срок действительно настал! Сердце чувствует, что мы накануне великих событий. В Париже открылась новая экономическая конференция. По слухам – она будет последней (?). Что она может дать, если нет политической базы. Всё ещё готовятся к войне. И у нас ощущается известное напряжение. Говорят о новых массовых ссылках в случае войны. Однако трудно верить, что война возможна. Скорее всё же усилится морально-дипломатическая война.

Весь июнь я напряжённо работал над своей книгой. Ныне условия на работе лучше, остаётся время и для себя. Элла переписывает карточки. Ещё на этот месяц мне разрешили остаться в прежней комнате, на старом стуле, на котором я сидел уже 25 лет. Здесь мне всегда было спокойно, здесь я был способен мыслить наиболее возвышенными образами. Стараюсь не думать, что будет в августе, после июльского отпуска. Далёкие прогнозы теперь нельзя делать, единственно нужно эволюционно и целесообразно использовать каждую минуту. Что я скажу Е.И., когда она спросит: «Как продвинулась ваша книга?» Хотя бы первый том я должен полностью отшлифовать. Но материалы всё приходят и приходят. И что-то ещё меня не удовлетворяет. Соблюдал ли я в последние годы Закон Соизмеримости? Не слишком ли служил повседневности? Не излишне ли жизненные заботы мешали заботам духовным? Достаточно ли пытался осознать, что упущенные мгновения не возвращаются? Был ли достаточно беспощадным к своей несоизмеримости? По-настоящему ли осознавал свою Задачу? Далее так больше нельзя. Когда вспоминаю, когда заново перечитываю Слова данного мне Задания, вся моя сущность горит, мне стыдно, мне жгуче больно...

Хотя и наваливаются временами тяжелейшие токи, нужно отряхнуться, освободиться, обновиться. Нужно дух держать неизменно бодрым – против всех стихий.

К нам ныне подступает ещё одна болезненная проблема. В своё время, когда в Ригу пришла советская власть, Государственная библиотека взялась собрать книги из квартир, оставленных их собственниками. Мы спасли книги Буцена. Но, принимая книги Клизовского и Стуре, пришлось идти официальным путём. Тогда это дело улаживали Якобсоны, помогал я и Вернер. Нужно было эти книги перевезти также на частную квартиру, но мы боялись уличного контроля и перевезли их в хранилище Государственной библиотеки на улице Арсенала, сложили в самом тёмном уголке на третьем этаже, где уже находилась часть нашей библиотеки после ликвидации Общества. Главной ценностью были издания самого Клизовского, возможно, около 800 книг. В то время в библиотеке было дружественное руководство, мы думали, что книги там более-менее в безопасности, но нам следовало предвидеть и будущее. Потом прежнее руководство сняли, пришли строгие партийные мужи. Прошлым летом и осенью проводили учёт книг. «Нелегальные» нужно было отдать в спецфонд. Проводили ревизию груд собранных книг, «негодные», среди которых, возможно, были и многие истинные сокровища культуры, увезли. Единственно отложили проверку упомянутого хранилища, потому что там зимою было холодно. Но, наконец, пришёл новый приказ – десять работников направляются в хранилище. Разумеется, за пять дней, до начала отпуска, они проверят только нижний этаж. Значит, опасность для верхнего этажа, о чём я так много думал, кажется, отодвинулась ещё на один месяц. Хотя бы и так. Сердце чувствует, что и на этот раз будет хорошо, и всё же больно за несообразительность. В немецкие времена погибло более 400 экз. моей книги «Водитель Культуры», которые я отдал на комиссию. Книги эзотерической, истинной культуры обе эти власти ненавидят. И это понятно. Можно понять, во имя чего «слепой» цензор распоряжается. Назло всему дикому и тёмному Победа Света уже наступила. Сами джинны немало помогли возведению Храма. За всем хаосом в верхушке поворот в части народа ощущается большой. В линиях много верного, была бы только человечность и свобода духа. Лишь бы заботились, чтобы в Великой Семье все голодные телом и духом были накормлены. Но теперь, чтобы насытить физическое тело, приходится завоёвывать прожиточный минимум вне трудовой зарплаты. И точно так же, чтобы утолить голод духа, нужно тайно читать и собираться, как в средневековье. Когда же поймут, наконец, что Эзотерическая Наука является высшим завершением любой науки, лучезарным венцом науки будущего?

Когда же это, наконец, поймут погрязшие в предрассудках невежды? Точнее говоря, имя им – мракобесы. Сколь много учёных в Советском Союзе работают над одухотворёнными трудами, которые они не только не могут, но и не имеют права публиковать. Подобно этому живописцы с идеалистическими взглядами, романтические поэты прячут глубоко в стол свои лучшие работы. Но наступит время и для них! Истинно, оно уже наступило!

9 августа. Суббота

Сегодня наконец перехожу в новое рабочее помещение на улице Англиканю, в отдел библиографии. Разместился я в дальнем уголке комнаты, у окна. Вид на храм. Вблизи Даугава. Наверное, нас здесь будет четыре человека. Во втором конце продолговатого помещения будет сидеть комсомолец В., который в одних вопросах – фанатически узкосердный, в других – коллегиальный. Работники вообще-то вежливы. Надо будет вести картотеку, составлять списки. Этот отдел менее всего обладает реальным основанием, ибо какая-то часть – пропаганда. Мне обещали, что политику давать не будут. Как много энергии тратится напрасно. Как часто – бессмысленное «перетаскивание камней» из одного угла в другой. Потому учреждениям и необходимы такие большие штаты. Потому и зарплаты такие мизерные. Но, с другой стороны, у работника большие нормы. Кое-кто на самом деле становится как механизм. Выпадет ли какое-то время и для себя? Конечно же, не для себя, но для общего блага, для того единственно реального, единственно важного общего блага, ради которого я живу и дышу. На площади Пилс я прожил 25 лет, в одной комнате и на одном стуле. Разумеется, я нисколько не консервативен, но не могу взять с собой все продуманные мысли, всю прежнюю атмосферу, всю возвышенную ауру. Ибо в моей комнате за все эти долгие годы никто не курил, почти что никто не ругался, мне кажется, даже грязных и эгоистических мыслей там было совсем мало. И помощники у меня по большей части были такие, с которыми я находил контакт. Там были у меня свободные минуты для духовного творчества. Четыре месяца назад мне надо было уйти, ещё остался, и это пошло на пользу моему труду о Братстве. Конечно, я немало сделал полезного и для библиотеки. Но теперь – новый порог. Avanti![1] Единственно сердце болит о моей работе. В молодости это было иначе. Но теперь, когда мне каждая минута эволюционно дорога, кажется столь бессмысленным, что мне приходится исполнять сухую, техническую работу, которую способен делать любой другой. И в последнее время я загорелся новой идеей: хочу окончательно завершить очерк о реинкарнации, который надо бы переписать на машинке и раздать многим. Замысел мне подала в конце июля рачительная хозяйка <хутора> Грундзалес Рудачи, к которой я отвёз обеих старших дочерей. Там я несколько дней чувствовал себя как в раю. Меня опьянила смиренная тишина полей, холмов и берёзовых рощ – всё то, чем я давно не имел возможности наслаждаться. И однажды вечером хозяйка начала меня расспрашивать об идее перевоплощения. Я никак не ожидал, чтобы эту кроткую, приветливую женщину занимали глубочайшие проблемы. Разумеется, в своей статье я условия несколько обобщаю. И вот, эта идея ныне во мне горит и не даёт покоя. Успел написать в развёрнутом черновике, но нужно ещё многое шлифовать. Нужно собирать заметки. Именно из-за этого, как раз теперь, сердце сильно рвётся прочь от границ и решёток ежедневных трудов, оно вопиет, что его лишили столь многих чудесных мгновений творчества. Попытаюсь писать рано утром, но ещё до восьми мне надо сесть на трамвай. Однако я бескрайне благодарен и за те возможности, которые дарованы мне Учителем.

В конце июня мы испытали волну восторга. Мы посылали в дорогу в Москву нашу Екатерину в гости к новым друзьям. Она вернулась, стопроцентно исполнив свою «миссию». Эти три теософки, с которыми она познакомилась и для которых отвезла книги, уже седовласые, но встретили её с восторгом и с радостью за Учение. Также инженер, у кого уже в течение многих лет было своё мнение, пробует переориентироваться. Он понимает, что «Тайная Доктрина» и Живая Этика исходят из одного Источника! Зерно брошено, и это – главное. Появятся и другие, подойдёт и молодое поколение. Именно в Москве должны созреть новые священные зёрна. Именно там, где теперь средоточие русского народа, должны воссиять лучи Учения. Так будет! И ещё достижение. Екатерина была у Щусева.

[1] Вперёд! *(ит.).*

Подарила книги. <Вручила> моё письмо. Он указал на Бабенчикова, что тот переписывается с Н.К. Екатерине удалось с ним встретиться. Он вежливо рассказал, что Н.К. прибыл на научный конгресс в Индии, где с каким-то русским вёл переговоры о том, чтобы выхлопотать визу для приезда в Россию. Значит – это факт. Значит – время настало. Бабенчиков думает, что Рерих прибудет осенью. Ещё рассказал, что его сын Святослав женился на какой-то индуске. Екатерина рассказала нам и об условиях в России, сколь многим колхозникам очень трудно, как мало ещё порядка. Таким образом, там текут два потока – один вверх, к подвигу, к строительству, второй – всё ещё к разрушению.

15 августа

Каким же образом в столь стихийную, широкую русскую натуру могло внедриться сектантское узкосердие, которое превзошло даже средневековый католицизм? Более не может быть «аполитичных», даже немарксистских дел, кто хоть немного иначе думает, тот понемногу вытесняется из культурной деятельности. В 41-м году ещё было немного свободнее. Помню, как на собраниях Союза писателей дебатировали «буржуазные» писатели В.Эглитис, Бите-Палевич и другие, разумеется, не на политические темы, но по писательским вопросам. Теперь такие дебаты немыслимы. Допускаются только дебаты в рамках марксизма. В. Эглитис и Эрсс за свою чистосердечную откровенность уже в ином Мире. Оставшиеся писатели сидят тихо, погрузившись в зарабатывание на жизнь. И те немногие, кто пытался сотрудничать <с властями>, после выступления Жданова получили основательный нагоняй. Если ты не полностью с нами – ты против нас. Не признают малого сотрудничества, но требуют всё сознание. И мне не везло с сотрудничеством. Я давно искал в ВАППе[1] что-то подходящее для перевода. Поначалу ещё кое-что можно было достать, но сердце этого принять не могло. Лучшие работы были разделены между друзьями и родственниками. И наконец я заглянул в научный отдел, там мне пообещали дать несколько научных книг о минералах и звёздах. Это мне истинно нравилось. Но спустя некоторое время заведующий отделом мне сказал, что он имел разговор с новым начальником отдела кадров и тот рекомендовал пока воздержаться давать мне переводы, ибо моя идеология будто бы *противоположна.* Что это означало? Это значило то, что моё мировоззрение *идеалистично,* а их – материалистично. Я сказал, что идеализм и материализм в своём чистом значении являются двумя сторонами одного явления: с какой стороны смотришь, так сущее и раскрывается; что могу каждую строку в своих трудах научно и логично обосновать, что готов себя защищать. Разумеется, я не пошёл к тому юноше в отдел кадров и не знаю, пойду ли, ибо всё равно это будет напрасно. Притом в пятый список запрещённых книг внесены мои последние книги: «Прекрасной душе» и «Водитель Культуры». Итак, меня «осчастливили» истреблением шести моих книг из хранилища культуры. Но это – иллюзия. Дух неистребим. Дух жив. Дух победит.

В политике – тишина. Все слухи утихли. Все конференции рассыпались. Но события обычно приходят, когда их не ждут.

Элла в начале мая была в больнице в связи с воспалением вен на ноге. Мне пришлось взять отпуск и исполнять роль домохозяйки. Ибо дети ещё ходили в школу. И ныне она опять в больнице с почечной системой. Ещё более продолжительно, пока исследуют. Дети теперь в деревне, она свободнее. Марите в Цираве. В Юрмале мы были только три недели. В прошлом году там дважды проболел, даже во время отпуска, было трудно, вообще Юрмала в моём сознании осталась как некая тяжесть. И материальные аспекты там временами всплывают как нечто гнетущее. Когда-то я писал там «Сознание Красоты спасёт». Был экстаз. Большой свет гармонии. Но затем каждое лето проходило в сплошных будничных делах. Но где же крыльям свободно?! Где и когда наконец смогу я всего себя посвятить научной работе? Разве наука духа – не наука? Разве только числа и аппараты могут быть предметом науки? Разве сам человек, человек с божественной сущностью, его душа, его духовные излучения, его глубочайшие мысли, одухотворённейшие чувства столь мало ценны? Прошли миллионы лет страниц человеческой истории, но человек всё ещё сам себя уничтожает, сам себя не знает и познать не хочет. И всё же Эпоха Духовной Науки настала. Она врывается в человеческое сознание как сверкающий фонтан в синей дали.

[1] Государственное издательство.

Именно учёные духа будут столь необходимы, именно они, одарённые чувствознанием, способные схватывать суть вещей и духа в целом, будут найдены и приглашены на великую всенародную общую стройку. Это время уже близко, уже не долгие годы, но месяцы. Ради этого Великого Служения мы ведь и живём на земле, мы позваны сердцем. Так должно быть!

26 августа

Мы с Гаральдом в воскресенье были в Каунасе. Неделю назад приезжали литовские друзья: Бирута, Стульгинский, ещё какая-то студентка. На этот раз они приезжали получить от нас «импульсы» и – за книгами. Были в начале августа в Москве, приобрели 7 этюдов Н.К., купили и несколько его монографий. Весной, опять же, они были в Ленинграде, после долгих поисков нашли и купили 4 большие, дореволюционного времени, картины Н.К. Они из числа менее ценных, и всё же – оригиналы. Таким образом, они проявляют большую активность. Каждый год навещают нас. Однако удивительно, где они ныне достают такие большие суммы денег на картины. Теперь противоположное положение, чем в старые времена. Тогда мы были «богатыми», издавали колоссальные книги, а у Монтвидене и у её друзей не было средств, чтобы взяться за издательское дело. Однако мы уверены: появилась бы реальная необходимость что-то делать ради общего блага, наш огонь помог бы найти и средства. Нет ведь ничего невозможного, особенно на поле практической деятельности, особенно если это поле расцветает прекрасным садом служения общему благу.

Литовцы рассказали, что Монтвидене тяжело больна, врачи констатировали, что у неё рак желудка, отказались лечить. Она пьёт гомеопатические лекарства, которые готовит член их Общества Яловецкас. Последний недавно был директором оперного театра, интересуется медициной. Несколько лет назад Монтвидене делали операцию на желудке. Она себя не берегла, мало ела. И после операции – тоже. Полностью отдавалась труду на общее благо. В последнее время организовала детские музыкальные кружки, где на языке звуков для юных душ давала первое понимание Учения. Она всё ещё энергична, активна, хотя готова ко всему. Друзья стараются духовно её поддержать. Бирута пригласила меня и Гаральда навестить Монтвидене. Разумеется, мы немедля согласились. Гаральд пообещал оплатить мне дорогу для «воздушного путешествия». Он решил взять с собой и «прокатить» своих обоих мальчиков. Эти мальчики, Ариан и Индар, на самом деле одарённые, и первое путешествие им, несомненно, многое что дало.

Таким образом, в субботу, в 3 часа 21 минуту, мы вместе с литовским друзьями сели в двадцатидвухместный самолёт и направились в Вильнюс. В Риге погода стояла очень жаркая, и полёт в воздухе был чудесным. Я летал один-единственный раз 20 **<?>** лет назад, в Каунасе, когда нас, экскурсантов, катали гостеприимные литовцы. Всё время было такое ощущение, что мы находимся в «межпланетном» пространстве. Легко и возвышенно, только шум вызывал напряжение. Через час и двадцать минут мы были в Вильнюсе. Нас ожидал грузовик. Мы отправились навестить Серафинене. Погода была прохладная, моросил дождь. В городе разрушены кварталы домов, грязь. Серафинене не оказалось дома, уехала в «дачный район», но нечаянно встретился наш друг – Вайткус, художник и заведующий музеем, по-настоящему человек сердца, которого я был очень рад видеть. Разумеется, наше неожиданное появление его привело в восторг. Он показал нам костёлы Вильнюса и другие древние строения. Затем мы сели в автомобиль и в полной темноте добрались до Каунаса. Мы поселились у Стульгинских. Он – доцент и декан факультета архитектуры, культурный, деликатный человек, хороший организатор, и его жена сердечная и чуткая. С утра было намечено ехать к Монтвидене, которая живёт в Панемунасе, в «Лесном парке», на окраине Каунаса. Утром, проснувшись рано, мы с Гаральдом думали о ней. Мысленно переживали заново всю историю Литовского общества. Мы знали в подробностях конфликт Бируты и Вайтекунаса с Монтвидене, как он после закрытия Общества упрекал её в недостаточной деятельности и т. д. Тогда я в письме горячо защищал Монтвидене, сам заработал упрёки. Я возвышал Монтвидене и напомнил слова Учителя, что у неё «наиболее уравновешенная аура». Понятно, что эти Слова для нас непререкаемы, поэтому нам было непонятно, как упомянутые личности могли хоть на мгновение их не учитывать. Тогда мы рассуждали, что Бирута и её нынешние друзья, какими бы они ни были огненными, активными и преданными, всё же являются «молодыми духами».

Подобная мысль не покидает меня и до сих пор. Со временем они, однако, изменили своё отношение к Монтвидене. Пробовали сотрудничать. И Монтвидене сблизилась с ними кротко и вежливо. Так между ними опять образовалась дружба. Но Монтвидене, которая поначалу чувствовала себя одинокой, втянулась в работу по музыкальному воспитанию. Некоторое время работала в юношеском театре. Это служение молодёжи занимало все мгновения её жизни. Этому она предавалась всем сердцем, не щадила себя. Тем временем Бирута и её друзья переняли ведущую роль в Обществе в свои руки. Вначале были небольшие кружки, в которых старались «совершенствовать» себя по методу взаимной исповеди и т.д. Ежегодно приезжали к нам, спрашивали совета. Разумеется, подобный метод нам органически был чужд, его не принимала и Монтвидене. Ибо он может задеть наиболее сокровенные чувства. Наконец, этот метод отбросили и сами литовцы. Вообще, больше у них нет регулярных собраний. Несколько членов Общества работают в государственном издательстве, там и встречаются. В немецкие времена они издали две книги Учения, нелегально. Это на самом деле было по-геройски, ибо эти книги, так же как и теперь, были запрещёнными. Делали они и переводы. Ныне они где-то достали большие суммы денег и начали ездить в Россию, чтобы покупать картины и книги Н.К. Для нас осталось неясным, какие у них отношения с другими старшими членами. Способны ли они всех объединить? Серафинене всё-таки относится к ним как мать. Они когда-то ездили к ней читать Учение. Я ежегодно встречался с Бирутой и, однако, спрашиваю – какова же её истинная сущность? Она горячо предавалась Учению. Она и горит, и понимает. И – всё же? Как же вначале могла быть такая ошибка? Конечно, каждый человек, признав свои ошибки, идёт дальше. Так, заметно далеко ушла и Бирута. Теперь она уравновешеннее, глубже. И всё же основной тон её сущности более интеллектуален. В то время как Юлите сияет своим сердцем. Может быть, поэтому я с Бирутой до сих пор не смог по-настоящему сдружиться. Она приезжает, обговорит несколько вопросов – и это всё. Но у меня нет внутренней необходимости общаться с ней. Не так, как с Юлите Монтвидене, которая из зарубежных друзей, возможно, наиболее близка моему сердцу, за исключением, конечно, наших Руководителей.

Около обеденного времени пришли мы к Монтвидене. Она была чрезвычайно изумлена такой неожиданностью, рада. Лежала в постели. Я её даже не узнал бы, настолько она исхудала. Только мудрые глаза жизненно сияли нам навстречу. Она встретила нас с улыбкой, встретила таким тоном, будто совершенно не была больной. Она сегодня собиралась ехать на какую-то «музыкальную комиссию», мы ей это категорически запретили. Ей надо бы очень поберечь себя. Духовная мудрость сияла в ней, бодрость и деятельность. Энергичность – до конца, и это в хрупком, совершенно истощённом теле, которое весило не более 35 килограммов. Она знала о своём состоянии, говорила, что готова уйти. Только что она прочла в книге «Сердце» о смене оболочки и готовности сердца. Примет всё из Рук Учителя. Но пока она на этом плане, будет бороться со всей своей жизненной энергией, будет активной и будет работать. Гаральд привёз много лекарств. Они придадут ей новые силы. Аппетит у неё хороший. Оказалось, что у неё был отёк, врач накануне спустил более литра жидкости. Теперь чувствует себя лучше. Пусть будет ей лучше, ещё лучше, этого наше сердце желает. Мы с Гаральдом решили побыть с ней какое-то время наедине. Гаральд как врач велел всем присутствующим выйти. Через минуту я зашёл. Гаральд сообщил ей нашу мысль, чтобы она, если ей придётся уйти, свои священные предметы, которые она получила от Е.И., «Надземное» и Портрет передала на хранение Серафинене, и та пусть вернёт Е.И. Она тогда и решит проблему духовного водительства Литвы. Монтвидене полностью с нами согласилась. Я спросил, кто бы мог быть на её месте? Она начала говорить о Бируте и Вайтекунасе, хвалила его за некоторые качества. Мы думаем, что это мог быть и просто жест доброжелательства. Потому я очень хотел понять и познакомиться с Вайтекунасом. Кто он такой, почему никогда не приезжал к нам, почему даже не появился к Стульгинским, если он – центральная фигура? Почему Бирута не познакомила с ним? Он ведь жил в одной квартире с Бирутой и какой-то студенткой. В этой квартире находились и книги и картины, которые они совместно собрали для Общества, там был и уголок Учения. Когда заходила речь о Вайтекунасе, Бирута неизменно его очень хвалила. Можно было чувствовать, что он на неё влияет и во всём руководит деятельностью Бируты, и кажется, и других.

Странно, отчего во времена Монтвидене он не вступил в Общество, если нескольким людям дал импульс обратиться к Учению? Почему он выбрал путь отстранённости, если основа всего Учения в коллективном сотрудничестве? Мы пробыли у Монтвидене несколько часов, затем – расстались. Ещё до сих пор перед глазами её исхудалое, желтоватое лицо, осиянное единственно большими, ангельски ясными глазами. Какая бодрость духа, какой героизм – до последнего дыхания! Наш милый друг теперь на великом распутье. Или, может быть, огненная энергия её сердца и на этот раз одолеет неодолимое? Наш Доктор качает головой, ибо действительно налицо мрачные признаки рака. И у природы свои неотступные законы, которые прогрессируют. Возможно, что на этом плане мы видимся в последний раз? Спасибо Тебе, Юлите, за чудное, великое сотрудничество, за дружбу сердца! За часы совместного созидательного горения, за предвидения Будущего, за тёплые, ободряющие слова, за женственный, радушный свет сердца, за всё – Спасибо! Пусть благословение будет с Тобой во веки веков!

Встречаясь с друзьями, мы удивлялись, что Бирута не приглашает нас в свою квартиру, чтобы показать картины, также не упоминает о Вайтекунасе. Логично было бы именно ему, как «вдохновителю» Общества (если он таковым действительно является), найти нас – столь редких гостей. Разумеется – мы вопросов тоже не задавали. Всё же к вечеру, отправляясь вместе на прогулку, когда нечаянно мы подошли близко к квартире Бируты, она внезапно спросила, не желаем ли посетить и её. Дом находился в середине сада. На втором этаже в маленькой комнатушке, загруженной до потолка книгами, мы задержались, смотрели картины, разговоры шли неторопливо. Гаральд начал читать из Учения. Затем внезапно открываются двери – входит странный человек, лет сорока, с длинноватым лицом. Мы поздоровались. Голос низковатый. Мы продолжаем читать Учение. После паузы рассматриваем картины Н.К. В основном – этюды, лучшая картина – пейзаж Финляндии. В соседней комнате есть ещё другие наброски. И картины Шимониса. Есть начатый эскиз Чюрлениса. Вайтекунас обращает на него наше внимание и говорит: эту картину я не променял бы на все остальные. Под деревом какая-то совсем тёмная фигура, перед которой на коленях два белых силуэта. Подразумевалась ли здесь преданность Учителю? Нам пора расставаться. Задаю вопрос Вайтекунасу, почему он никогда не приезжает в Ригу? Он отвечает, что почти не путешествует. Я говорю, что мотивом Учения является эластичность духа, которая велит путешествовать. Это ведь Указ Учителя. С тем мы и ушли. Столь странная, загадочная он личность. И, кроме того, почему он показался нам через полчаса после того, как мы пришли в его квартиру? Где он был? Или, быть может, он такой своенравный отшельник, каким у нас был Залькалн? Но ведь – никак нет, ибо чувствовалось, что он привык распоряжаться, как утверждала и Бирута. К тому же он руководит отделом издательства, у него постоянные контакты с людьми. Кажется, что он может быть и истинно сердечным, но только больше в интеллектуально-сдержанном плане. Он всё же не принадлежит к тем людям, которых можно познать с первого взгляда.[1] Жаль, однако, что ближе с ним я не познакомился. Так мы и уехали.

Из Каунаса в Ригу уже нет никакого прямого сообщения. Потому нам ранним утром надо было поездом отправляться в Вильнюс. Не встретили мы ни Вайткуса, ни Серафинене, хотя послали телеграммы. Исходили мы ещё раз Вильнюс, и в час дня опять поднялись в воздух. Гаральд спешил к своим пациентам, а у меня было неспокойно на душе за прогул на работе, ибо у нас суровое начальство. Московские нормы, холод в отношениях. Конечно, есть несколько приятных сотрудников, особенно в нашем отделе. Суметь бы мне предаться единственно своему труду, труду моего сердца! Когда же я смогу свершить свои творческие мечты? Сердце жестоко болит, что пришлось бросить даже начатую работу о реинкарнации. И дома не было времени, ибо каждое утро и вечер ходил в больницу. Элла сегодня наконец вышла из больницы, уже чувствует себя хорошо. Ждём детей из деревни. Начнётся школа, и вместе с тем – новое напряжение. В больнице Элла перевела оккультный, возвышенный роман Манфреда Кюбера «Три свечи Вероники». И это надо было бы отредактировать. Немало и других практических забот. Но будет хорошо. Сердце не только болит, но и горит.

[1] Высокомерный!! – *Пометка Р. Рудзитиса.*

17 ноября. Понедельник

В конце августа от Монтвидене приезжал человек, привёз письма Гаральду, Драудзинь и мне. Гаральд послал новые лекарства. Чудно она пишет к Драудзинь. <Драудзинь ранее> послала Монтвидене маленькую иконку Сергия, которую она получила из Москвы, из Лавры, и этот сердечный дар её очень вдохновил. Она пишет, что готовится к Тонкому Миру. Когда и где ещё встретимся? Так ушли дни. И затем, 3 октября, нежданно явилась к нам Бирута. Мы предчувствовали Весть. Юлите ушла! Она очень желала дождаться 24-го числа – дня, который мы особенно празднуем каждый месяц. (Странно, что мы её навестили тоже 24 августа.) И ночью, наконец, её окончательно измученное физическое тело уснуло для того, чтобы чудесная душа взлетела к Владыке Света. Какую невыразимую преданность она проявляла, как умела концентрировать свой дух на Учителе, особенно – в дни болезни. Как преодолевала боль и успокаивала других. Её сестра Регина мне пишет, что лекарства Доктора ей помогали, ибо Юлите больше не ощущала острых болей «раковых больных». В последнюю неделю она почти не была способна говорить, но сознание было ясным. Она была прекрасным примером всем друзьям, она и своих сестёр вдохновила к Учению. Странно, или это только случайность, что 25 сентября утром я видел знаменательный сон. Я был как бы вблизи Учителя. Сам Образ ощущал неясно, но всё же чувствовал. Я пережил большое напряжение, такое напряжение, словно частицы хаоса могли на меня напасть. Я думал, что Учитель читает переживаемые мною мысли. Так и было. Он (кажется, с улыбкой) сказал: *«Надо концентрироваться только на Одном».* Что Он ещё сказал, уже не помню. Это действительно был крайний Указ для моей жизни, ибо слишком разрываюсь между практическим, будничным и духовным. «Нет места на Вершине всему ненужному. И дух восходящий должен постоянно помнить об отрыве от явлений привязанности к жизни будней»... «Битва настолько велика, что нельзя уделить времени на обычные занятия». Я ведь рвусь, я уже часами устремляюсь, летаю в духе, я ведь всё это время писал о «Веках»[1], но в остальное время заботы снова тянули вниз. Надо думать только об Учителе и обо всём мире, все вещи видеть только в Свете Его Духа. Тогда и заботы уже не будут заботами, тогда и будни станут лучезарным Светом неведомым.

Юлите ушла 24-го и похоронена 27 сентября. Странно, что друзья не прислали нам телеграммы, мы её ждали, ведь это само собой понятно. Юлите всё же хотела мне телеграфировать о своём предчувствии ухода, но затем решила, что не нужно.[2] Семейный род Монтвидене – Дварионайты – весьма музыкален и известен в Каунасе. Один из братьев – композитор, сестра – пианистка, другой брат – пианист в Риге и т. д. Потому и похороны превратились в национальное празднество (хотя Юлите и не любила шума). Вспомнили и о том, что она была когда-то примадонной в опере. Родственники пригласили и ксендза, который на кладбище причислил её к семейству пророков. И друзья после ухода Юлите неоднократно собирались в молчании. Таким образом, Бирута приехала к нам и привезла с собой тяжкую проблему. А именно – завещание Юлите. Юлите велела, чтобы её экземпляр «Надземного» передали мне, и также письма Е.И., адресованные ей. Особо подчеркнула, что половина этой книги уже принадлежит мне, ибо я ей когда-то дал дополнения – копию из моего экземпляра. Проблема была бы простой, если бы это была всего лишь книга Учения. Но это была вторая часть «Братства» – книга, которая только Предоставляется. И как же я мог и смел сам решать! Если бы я имел абсолютную ясность относительно последователей Юлите, если бы они переписывались с Е.И., заслужили бы полное её доверие, тогда мог быть и другой подход. Но и в таком случае мне самому было бы трудно <решить>. И хотя я Бируту уважал, особенно в этот вечер она сияла духовностью, но Вайтекунаса я совершенно не знал, хотя отзывы о нём слышал хорошие. Но в моём сознании опять всплыл их конфликт с Юлите, резкие упрёки их обоих по отношению к Юлите за малую активность, столь эмоциональное, столь резкое и грубое письмо Бируты мне за то, что всем сердцем я защищал Юлите. Конечно, всё это – минуло, и негоже ворошить прошлое, если бы только определённо знать, что Бирута сильно продвинулась вперёд. И, быть может, мотивы её были благие. И всё же – прошли ли через испытания Бирута и Вайтекунас?

---

[1] «Muzi» *(латыш.)* – «Века», очерк о перевоплощении. Опубликован на русском языке в альманахе «Звёзды Гор», №3, 2002 г.

[2] Скорее всего, так распорядился Б. Вайтекунас.

Разумеется, я не смею судить, я сам полон ошибок, я сам временами могу только изумляться духовной активности, единению литовцев. Но чтобы решиться, мне нужно было всё заново и заново передумать. Мне нравилось то, что Бирута рассказала Драудзинь. Бируту в Вильнюс проводил Вайтекунас, чтобы собраться вместе у Серафинене. Прощаясь с Бирутой на станции, он сказал: «Как бы ни было, сохрани ясность сердца». Она также сказала, что в тот день, когда мы с Гаральдом гостили в Каунасе, Вайтекунас был занят *на работе(?)*. И ещё мне было бесконечно больно, когда Драудзинь со слезами защищала мысль, что неправильно не завещать эту Книгу Бируте, которая вместе с Вайтекунасом уже фактически руководит Обществом. Но и Драудзинь в своём чувстве не могла понять, что эта книга не Завещана Литве, но единственно Доверена Юлите. И ныне я иначе не мог! Я сказал: «Я её сохраню, чтобы передать Е.И. Она и решит...» И Гаральд думал так же. Мы оба когда-то получили этот Дар, потому и наши мысли совпадали. Знаю, что я причиняю большую боль литовцам. Знаю, что всегда, вспоминая их, мне неизменно будет грустно. Но будет жажда стать лучше. И иначе я не мог. Тем более, что в связи с этой Книгой были Указания. Чтобы исполнить их, придётся в этом десятилетии болезненную ситуацию пережить не однажды, но во мне живёт бесконечное стремление стать лучше. Если я ошибся, хочу исправить свои ошибки. Если кому-то причинил страдания, хочу всё обернуть к добру. Но знаю, что всем пламенем сознания я должен всё больше концентрироваться в Духе. Тогда и голос сердца будет проявляться яснее. Тогда и другим смогу принести больше блага.

В октябре ушёл и второй наш друг – Эмилия Виестур. Правда, в Общество она приходила нечасто, но Учению прилежала всем сердцем. Все хвалили её готовность жертвовать ради блага других, помогать другим, где только можно. Театр она любила, можно сказать, сверх меры. Всё её сознание было привязано к искусству. Мне с ней встречаться выпадало редко. Пусть её сознанию будет Светло!

Гаральд получает от Мисиня письма, регулярно шлёт ему деньги. Ныне Мисинь освободился от фабричных работ, живёт у дочери, которая вышла замуж и имеет свой домик. Наверное, в ближайшее время в Латвию не вернётся. Он ведь был очень активным человеком, быть может, теперь искупил какую-то карму, и страдания трансмутировали сознание. Его созидательный энтузиазм действительно пригодится в Будущем. Он несколько раз присылал Гаральду кедровые шишки. Гаральд теперь может порадовать своих друзей и пациентов новыми лекарствами, повышающими энергию. И я постоянно применяю его лекарства, когда пишу. Гаральд так много хорошего сделал для меня и моей семьи. И сейчас он тоже время от времени нам помогает. У нас, к примеру, в этом году не было бы никакой возможности приобрести картофель, если бы Гаральд не помог. Теперь Гаральд переписывается с профессором Коровиным из Ташкента и в восторге от того, что получит с восточных гор и пустынь целебные растения. Он чувствует, что в них больше всего психической энергии. Он мечтает весной поехать в Ташкент. Читает книги Коровина. Вынужден сидеть дома и читать, ибо ожидает пациентов. По утрам работает в школах. Часто встречаемся. Есть многое, что обсудить. Теперь, в ноябре, опять очень тяжкие токи. Вообще – астрологические аспекты неблагоприятны. Вчера в гостях у Якобсонов всё было очень возвышенно. Этому способствовали и картины Н.К., которые мы принесли с собой. Только недавно мы прочли в Учении, что образы искусства имеют чрезвычайное значение, особенно в годы Армагеддона, но что картины только тогда обладают влиятельным целебным воздействием, когда их энергии активизируются нами, когда зритель входит в деятельный, восторженный контакт с красотой искусства. Это ведь абсолютно правильно, как же мы этого раньше не понимали? Ибо какое же значение имеют картины, если они находятся в упакованном виде? Мы ведь, периодически собираясь нашим маленьким кружком, хотели бы высекать светлейшие огни в нашем общении. Иногда действительно бывает хорошее взаимопонимание и согласие в нашей среде. Ощущаем духовные токи. Бруно исполняет любимые сочинения Рихарда Вагнера, Бетховена и других. Вместе читаем, обсуждаем. Шлём добрые мысли. Пусть всему миру будет действительно хорошо, пусть всюду будет мир! Пусть будет хорошо Русской Земле! Пусть будет светло и Латвии!

Политическая ситуация очень напряжённая. За круглым столом дипломатов – величайшие несогласия. Угрозы войны. Война всё же не начнётся, но конференция проходит в тяжёлой атмосфере. Что же будет? В пространстве нечто взрывоопасное.

Мы ведь не можем своим маленьким человеческим умом определить прогноз всех великих событий. И нам трудно судить о явлениях, которые обычно приходят в таком виде, как люди этого не ожидают. Когда я думаю о политике, в моём сердце неизменно звучит тайное желание: «Да будет Твой Разум, не мой! Пусть будет всегда и везде так, как для человеческой эволюции лучше всего».

Приблизительно 3 ноября я окончательно завершил свой труд об идее перевоплощения. Ушло более двух месяцев большого напряжения. Я смог больше работать на службе, ибо получил лёгкое задание: приводить в порядок карточки, выполнить норму мне помогала дома Элла. Я писал взахлёб, поэтому – мозаично. Были и мгновения восторга. Помню, как в поезде, думая о давних жизнях, со слезами на глазах вспоминал своих друзей – спутников дальней дороги. Много читал, думал. Некоторые лучи мыслей ловлю из пространства. Сердце моё полно благодарности за то, что мне нежданно опять дана возможность сосредоточиться в работе над трудом, с которым всё моё сердце и ум. Понятно, что и дома в последний месяц не было легко. Элла в связи с воспалением вен на ноге и открытой незаживающей раной опять больше месяца провела в постели, нам с Гунтой пришлось хозяйничать. Но теперь Элла здорова, и напряжение миновало. Сейчас пробую работать над своей заветнейшей Книгой. Заново переписал главу о Беловодье, сократил «Путешествие в земной рай». Больше бы было полёта чистых мыслей, восторга, освобождённости от земных тягот, от всех токов, которые теперь так часто больно теснят. Будет хорошо!

Недавно меня навестил один старый знакомый, ещё лет моей юности – Э.Судмалис. Он состоял в партии, в своё время был членом левой фракции сейма, но при этом – один из редчайших идеалистов. Из-за этого и пострадал. Долгие годы пробыл в лагерях ссыльных на Севере, много настрадался, познал горе народное, наверное, перестроил и объективизировал своё воззрение на все вещи. Наша встреча была случайной, живёт он в сельской местности, но я чувствую, что нам придётся ещё временами встречаться. Ибо Судмалис действительно будет истинным «стройматериалом» в Новом Мире.

Работы много. Мыслей – без края. Масса напряжений. Но знаю, что продвинуться смогу только с Помощью.

17 декабря. Среда

Невероятная, чрезвычайная, поражающая логику разума и сердца весть! Я ещё не верю, не способен верить и не поверю, пока эту весть сам, реально, ощутимо, своей сущностью не проверю. Но что такая весть существует – это факт, который не подлежит сомнению. Сегодня на работе ко мне вошла Вернер и положила на стол записку, которую для неё тайно написала её коллега, вчера в 9 вечера слушавшая по радио на русском языке «Голос Америки» – новости. И ту же самую весть, спустя час, мне сообщила Пейле, которую ей только что на улице поведал Фрейман, а именно: «Позавчера, 15 декабря, в возрасте семидесяти трёх лет, в Нью-Йорке скончался профессор Николай Рерих»![1] Следовала краткая биография и описание его деятельности. Всё же не могу, не в силах поверить! Куда уйдут все наши мечты, наши надежды, наша вера? Где свет России, где спасение нашей планеты?! Ибо Сказано, что спасение Земли Русской есть возрождение всего мира. Только что через всю Россию прокатилась чрезвычайная волна хаоса, и кто же теперь внесёт свет гармонии в сердца русского народа? Будет не хватать сильных, организующих рук Н.К. И всё же, если действительно это произошло, План Владык не изменится, он продолжится, ведь есть ещё Е.И., воинственно-независимая и женственно-мудрая, есть сын Юрий – «лев пустыни». Всё же ещё не верю, не верю! Недаром Н.К. сам мне писал: «Сколько раз меня хоронили». Подобные официальные слухи ходили о нём уже несколько раз. Как знать, может быть, в сей момент было космически необходимо, чтобы такие слухи распространились и имя Н.К. вообще на время исчезло из поля зрения некоего государственного устройства, чтобы потом опять он всплыл из забвения во всём сиянии своего духа. Ибо как же верить невероятному? Но кому ведом Высший План? Ушла Юлите, не дождавшись желанной Эпохи. Ушёл когда-то Феликс, который сам был убеждён, что будет участвовать всем своим существом в строительстве Света. Где он сейчас?

[1] Н.К.Рерих ушёл из жизни 13 декабря 1947 г. в Наггаре.

Они теперь, в последние дни Армагеддона, в Тонком Мире сражаются в космических битвах, помогают спасать человечество, помогают спасать планету. И, может быть, там, в огненной сфере, Н.К. сможет свершить ещё более непосредственный, более огненный подвиг.

Жду ещё других, более точных вестей...

Да, что же Советское государство за эти последние две недели пережило в связи с неожиданной денежной реформой! Какое сумасшедшее волнение, какой бесовский массовый психоз в сознании спекулянтов и части народа! Почему же правительство эту реформу не провело внезапно, сразу, но позволило целые две недели бушевать стихиям? Возможно, что спекулянты меньше всего потеряют, ибо они безмерно понакупили и т.д. Какой хаос царил всё это время в Тонком Мире! Когда я в воскресенье ходил на базар, то чувствовал себя истинно, как в пекле, и у меня несколько дней сильно болела голова. Мы думаем, что джинны сознательно медлят, чтобы возбуждение и хаос были больше. Наконец, вчера началась новая экономическая реформа, было бы только доверие в народе!

Ещё воскресным утром наша маленькая «батарея» объединилась сердцем в молитве о спасении России! АУМ! Да будет благо всему миру! Да будет спасена священная Русская Земля! АУМ!

1948

20 января

Больше никаких сведений о том, что Н.К. нет более на физическом плане, я не получал. Единственной была эта весть американского радио. Даже в московских газетах ни малейшей заметки. Жду ещё «Славяне», где когда-то появилась статья Н.К. Так советская власть ценит своего самого выдающегося, самого чудесного Духа! Того, кто принёс в жертву Русской Земле кровь своего сердца, свою жизнь. Все эти годы он ждал возможности вернуться на родину. Если реальным было его прошение о визе, то, значит, был ожидаем поворот в существе и психике государственного устройства. Перед уходом Н.К. пришлось пережить два великих потрясения: экономический хаос в России и провал конференции министров иностранных дел. Кто знает, какие военные походы в иностранной прессе направлены против России? И всё это пережило огненное сердце!

Мы собирались несколькими маленькими группами, вспоминая Н.К. Я прочёл посвящение моего сердца. Это были моменты глубокого и трогательного переживания. Между нами сияла большая дружба. Собирались мы и как обычно, у Рождественской ёлки. Как хотелось бы, чтобы среди всех, всех, всех была истинная сердечная дружба! Что с того, что кто-то, быть может, горит меньше, кто-то медлительнее, что у иных поярче ошибки или недостатки, – ведь кто же из нас без изъяна? Лишь бы друг всем сердцем желал отдать себя на общее благо, лишь бы жаждал принести хоть крупицу для великого сотрудничества и служения будущему. Сколь терпимо и благоговейно Учение подходит к каждой личности, несущей в себе лучик света и желающей этот лучик отдать другим. За последний месяц я выписал из книг Учения и также из писем Е.И. и статей Н.К. темы о молитве, о житейских проблемах и об «искусстве творить взаимоотношения». Выписывая по последнему вопросу, я переживал большую радость и волнение. Какая невыразимая чуткость, какой пиетет, какое благородство, перед которым мы можем только в благоговении склонить голову и учиться, учиться и подражать. Каждый цветок на лугу мил Мастеру, каждого Он желает видеть в кооперации великой Красоты. Последнюю тему я спешно переписал и для Гаральда, в маленький блокнот. Этот чудный человек, который может быть божественно нежным и полным жертвенности, всё же ещё не может одолеть (хотя и редко) мгновений своих взрывов. И взрыв ведь не может быть объективным. В таких случаях сердце так болит! Но я верю, я знаю, что и моя книжечка принесёт благословение. Гаральд за последние годы сильно вырос. Но ему всё ещё надо опять и опять сдерживать свой темперамент крепкими вожжами. Ибо тогда его громадный потенциал свершит великие дела. Он так много хорошего делал и для меня, и в практическом, бытовом плане. Когда было трудно, нежданно приходила поддержка от друга. За многое я благодарен ему. И наша дружба абсолютно необходима, и всеми силами я пытаюсь вносить в неё новые, огненные опоры, и дружба стала истинно органичной. У него я учусь и глубокому пониманию проблемы Русской Земли, ибо никто так не любит эту родину будущей расы, как Доктор. Теперь он мечтает о путешествии в Ташкент, хочет участвовать в экспедиции ботаника Коровина в горах. Пусть ему повезёт!

Чувствуем, что наша маленькая группа, наша батарея сердец, так необходима! Только ещё больше следовало бы ассимилировать сознания. Ибо Доктор и Якобсоны – люди иного темперамента, чем Драудзинь и чета Пормалис. Но если есть горение сердца, то и внешние формы рассеиваются. В день Нового года я прочёл посвящение своего сердца нашим ушедшим друзьям. Как много их, как много лучей света геройства духа они оставили в моей земной жизни. Эту чудесную плеяду воителей духа открыл наш Феликс, наш огненный земной учитель, затем – Клементий, Аринь, Сеглинь, Велта, Залькалн, Мисинь, Виестур и, наконец, Юлите – эта наиболее чуткая душа, которую в средние века приравняли бы к святой. И затем – Н.К., наш духовный, огненный Отец. Какая рать воителей Грааля горит ныне в Горнем Мире всеми огнями сражения за благо человечества.

Свою работу о перевоплощении ещё в ноябре я отдал перепечатать на машинке, но пока не видел её в готовом виде. Затем завершил Темы[1], ещё пытаюсь закончить выписки о Братстве. Элла за время болезни перевела книгу Кюбера, полную легенд, о трёх свечах Вероники, просит меня, чтобы я сделал редакцию. И опять надо будет браться за мой самый заветный труд – о Братстве Грааля. Первый том книги почти готов, только некоторые главы выросли в слишком индивидуальную тему, надо объединить. К примеру, «Община старейшин на Сионской горе» и «Путешествие в земной рай» в процессе работы развернулись в отдельные исследования. И новые материалы для этой части теперь трудно найти, моя библиотека всё более ограничивает своё духовное лицо, спецфонд, напротив, сильно вырос. Там и шесть моих книг. Несколько книг я выписал из библиотек России. Если возгорится огонь творчества, то и материалы придут. В скором времени надо будет браться за вторую, эзотерическую часть, которую я начал уже десять лет назад.

Да, какой духовный голод в русской молодёжи, кто утолит его? Теперь их кормят готовыми формулами, которые всегда далеки от сердца и ускользают от ума. Когда же придёт наконец великое возрождение духа?! Конечно, основы героизма укрепляются, «джинны строят храмы». Всё же есть некие неосознанные, светлые искания, некий тайный непокой духа, тоска по давно забытой романтике, чистой красоте жизни по примеру подвижников духа. Прогресс ощутим даже во внешних формах, но очень медлительный. Самое радостное, что безбожие больше не пропагандируется, мне кажется, что все подобные учреждения закрыты. Даже книги в новом издании откорректированы. Даже схема библиотечной классификации теперь уже не указывает «борьбу с религией». Это всё же продвижение. Но внешне всё покрывает пелена. Кто же её раскроет? С одной стороны, реформа, с другой – неразбериха. Нечто подобное и в экономической отрасли. Магазинам разрешено работать только с 9 до 6 – это время работы чиновников. Так, со спекулянтами на базарах борьбу ведут, но в магазинах у них простор для деятельности. Единственно хлеб можно легко купить. Спасибо и за это. И все цены сравнительно ниже. Это всё же продвижение. Случилось бы потрясение, проснулся бы дух! Зажёг бы духовный переворот неисчислимые чистые сознания! Это – наша самая заветная мечта.

1 марта. Понедельник

Хотя январь был отмечен психическими натисками и затруднениями, и атмосфера была полна какой-то тяжести, в феврале дух опять смог взлетать высоко, и физическая оболочка не мешала. Пытаюсь умножить сознание всеми силами, экономить время для самых необходимых дел, и всё же мало ещё я сделал. Вечера проходят по-бытовому, очень импульсивно. К счастью, на работе могу заняться переводами, могу и для своего заветного труда выбрать мгновения. Так создавалась и моя книжечка об искусстве творить взаимоотношения, копию которой я отослал Гаральду.

Делал я её с самыми добрыми чувствами, в убеждении, что этот вопрос для всех нас более всего актуален, что только на основе тонких, чутких отношений можно строить нечто по-настоящему вечное. Может быть, всё же это была моя внутренняя борьба с взрывной природой Доктора, ибо, хотя он за последние годы значительно себя гармонизировал, всё же не всегда его отношение к друзьям и к другим людям было соизмеримым. Моя внутренняя сущность всегда стремилась незаметно на него влиять, чтобы «лев» преобразился в могучую силу, но мой метод не всегда был успешным. На этот раз в книжке я кое-что подчеркнул, думая, конечно же, о себе. Гаральд прислал наконец мою книжечку обратно, сам сделав новую копию для себя. Думаю, всё же мой труд не был напрасным. И затем я написал тёплое письмо, что нам вместе нужно бы стараться видеть и искать в другом не то, чего в нём не хватает, но то, что он в *силах* и может дать. Ибо излишне тщательно «осматривая» слабые места в доспехах своего друга, мы не помогаем ему укреплять их, но только обременяем его своими мыслями и даже задерживаем. Нужно проявлять всё тепло дружеского сердца, чтобы реально, на самом деле помочь другому. И далее я писал, что нам следовало бы настраивать наше сознание на один тон выше, что мы должны вновь и вновь пробуждать непознанные огни, что наши друзья ещё слишком мало активизируют своё внутреннее горение.

[1] Выписки из Учения.

В январе, после длительного отсутствия, приехал из Вильнюса Дабкус, один из духовных сыновей Серафинене, наверное, тот, который ей ближе всего и ближе к Учению. Вторым был художник Вайткус, он нам с Гаральдом нравился из-за его большой простоты, сердечности и подвижности. Дабкус изучает педагогику, работает в университете в качестве аспиранта. Он на самом деле – милый человек, завоевал наши симпатии. Серафинене написала письмо с вопросом, что делать с её самыми священными вещами, если ей пришлось бы уйти с этого плана, что она будто бы чувствует себя больной и слабой. Я ей ответил длинным письмом, успокаивал, что нам ещё надо дождаться осуществления нашей великой надежды – приезда Е.И. Мы пригласили Серафинене в скором времени к себе в гости.

И в эту пятницу внезапно явилась из Каунаса целая делегация: Бирута с четырьмя своими друзьями. С ними была и Регина, сестра Юлите, которая только недавно подошла к Учению. Они привезли письма мне и Доктору и побольше – Обществу. И тут-то настало главное испытание для Доктора. После поездки в Каунас и ещё раньше в его сознании осело нечто резкое против Вайтекунаса. Начало этому было положено нападками его и Бируты на Юлите. Но позже Юлите заверяла, что это уже преодолено, сглажено, что среди них сотрудничество и дружба. В дальнейшем однажды, когда из Каунаса кто-то приезжал к Гаральду за лекарствами, он дал с собой письмо для Юлите, где в какой-то фразе уничижительно выразился о Вайтекунасе. В его натуре – жить экстремальными отношениями. Я, узнав об этом, после ухода Юлите написал Регине, чтобы отыскала последнее письмо Доктора и при случае прислала мне обратно. Но оказалось, что упомянутая фраза стала известна некоторым членам Общества. Чтобы реабилитировать своего друга и руководителя, Бирута вместе с другими старшими членами созвала общее собрание, где зачитывалось и это оплошное письмо Доктора. Разумеется, письмо произвело обратное впечатление – ещё больше выросло уважение к Вайтекунасу и также единение среди друзей. И, таким образом, они написали общее письмо нам, которое подписали все члены, в том числе и вильнюсские, Серафинене и другие. В этом послании идёт речь о единении и возвышается Вайтекунас. Мой милый, добрый друг, что же я мог поделать? Твоя чудная героическая натура ещё слишком импульсивна, её придётся ещё и ещё сдерживать золотыми вожжами. Верю, что события последних дней (может быть, и моя книжечка[1]) принесут на самом деле Тебе, как и нам всем, благословение, обновление. Гаральд ныне действительно уже не тот, каким был несколько лет назад. Он сильно вырос. И теперь он преодолеет свою сильнейшую привычку – резкое осуждение. В пятницу вечером состоялось первое собрание, с нашей стороны, кроме Доктора и Екатерины, были Якобсоны. Бруно очень неумело защищал Гаральда. И Гаральд был огорчённым и несообразительным. Было очень тяжко. Воскресным утром дальние гости пришли ко мне, из наших не явился никто, кто был приглашён, даже Доктор. Я его понимал. Но зато у нас получилась по-настоящему сердечная беседа. Под конец пришёл и Яловецкас, один из пяти, у него с Гаральдом был длинный разговор, он его действительно растрогал и преобразил. Расстались очень сердечно. За это мне было очень радостно. Литовцы действительно выросли. Они движутся вперёд. В их выступлениях уже ощущается опыт, в то время как раньше виделась одна лишь юношеская пылкость. В три часа у Екатерины собрались многие наши друзья. Было много чувств наивысшего напряжения и истинной дружбы. Мне нравилось, что наши гости вели себя очень дружно и кротко, хотя мы уже второй раз причинили им боль. Был обмен новыми мыслями. Нам было чему поучиться. Конечно, то, что они теперь начали писать доклады и т. д., – это и наш старый опыт, но мы ныне на этом практическом поприще стали медлительнее. Они прочли и чутко написанный устав Общины (я подобный когда-то составлял, и Е.И. даже его утвердила, но эти положения «отложились», ибо начался полный конфликтов 1940 год). Они принесли нам и новые импульсы единения. На моё сознание воздействовал какой-то неведомый чудесный Магнит. Странно, ведь дальние друзья так часто приезжали к нам. Хотя я уважал их духовную активность, однако сердце как-то оставалось отрешённым от них. Но на этот раз запруда сердца прорвалась. Чувствовал необычное тепло и любовь. Великое беспокойство последних дней превратилось в расцветающий чудный цветок. Поздним вечером мы очень сердечно простились с ними.

[1] «Искусство творить взаимоотношения».

Я передал им (как ответ на их общее письмо) для вручения Вайтекунасу мою книгу с надписью для него: «Пусть от сердца к сердцу собратьев протянутся серебряные нити...» Не знаю, кто он. Мне всё ещё он кажется какой-то самобытностью или загадкой. Но пробую увидеть его глазами его друзей. Они ведь много хорошего о нём рассказывали. Верю, что мне удастся узнать его поближе. Милый Гаральд, это были для Тебя часы тяготы и испытания... Но верю, что Ты это преодолел, переплавил, освободился, ибо, истинно, знаю Твою чудную Сущность. Этим воскресным утром среди дружеских бесед я защищал Тебя огнём сердца. Сегодня я отослал Гаральду письмо, где подробнее описал все мои переживания.

Так неожиданно нас иногда ожидают испытания. Кто знает, что ещё будет впереди.

19 февраля мне миновало пятьдесят лет. Кажется невероятным! Не ожидал, но друзья вспомнили. Моё единственное душевное желание – лишь бы я с каждым шагом мог приблизиться к духовной ясности. Столь много работы ещё впереди. Спасибо Тому, Кто мне помогал и давал возможности. Даже сегодня у меня хватает времени писать эти заметки и письмо друзьям.

Свою статью «Века» я читал 24 февраля, на заседании кружка молодых друзей. Завершу завтра. Единственная моя мечта – идти вперёд в непрестанной духовной деятельности.

5 апреля

Сегодня прилетела к нам неожиданная, чрезвычайная Весть. Мы получили письмо от Ольги Крауклис из Москвы. Она туда поехала просто в гости, но её поездка неожиданно приобрела особый смысл, задание. Она пишет: «Спешу Вам сообщить радостную весть: только что узнала, что Е.И. едет в Москву. К сожалению, слухи об <уходе> Н.К. подтвердились. Она сама об этом пишет, с глубокой печалью. Грабарь думает, что он умер от рака. Е.И. едет с Юрием, везёт с собою картины. Уже находится *в пути.* Я в таком состоянии, что должна сейчас же поделиться с Вами. Буду дома, наверно, в среду...»

Слыхал ли кто более великолепную весть? Что может быть более радостное, волнующее сердце? И все-таки эта долгожданная Весть покрыла радость сердца пеленою печали. Да, это на самом деле так, нет уже сомнений, нет ни малейшей возможности надеяться: Н.К. ушёл. Он ушёл близко к Вратам Нового Мира, но путём особой жертвы, особой самоотверженной жертвы. Всё же его уход имеет космическое значение. Второе – путь Е.И. обратно на Родину также путь чрезвычайной жертвы. Он тоже «подобен смерти». Это путь трансмутирования грубейших энергий. Это абсолютная готовность на всё. Е.И. – тончайшая душа, с самым хрупким телом, можно представить, как она будет чувствовать себя в многомиллионном городе, среди грубых разрушительных стихий! Мы всегда думали, что она остановится в Москве только на короткое время, и потом будет жить за городом. Она уже стократно страдала, страдала за человечество, страдала за Н.К., но кто же сейчас будет её защищать и беречь, среди отравленной бешеной жизни? Хорошо, что Юрий с нею. Так пришло великое Разрешение. Час пробил. Будем готовы получить эту великую Радость. Но ещё печаль – готовы ли мы на самом деле, достойны ли? Выросли ли мы хоть немного за эти девять лет, когда прервалась нить нашей переписки? Не была ли наша эволюция слишком медлительна? Победили ли мы недостатки в себе? Заострили и повысили благие качества? И ещё – сделали ли мы в эти годы что-то ради Блага Общего? Е.И. – наша Совесть. Как мы сможем смотреть в Солнце её сознания? Первый её вопрос ко мне будет: как ваш Труд?! Что я скажу – что остановился на первой части, что вторую книгу ещё совсем не начал; что писал временами и другие работы, но тоже так мало, что нельзя хотя бы отчасти соизмерить с Заданием, мне порученным. И теперь, перечитывая посланные мне и Гаральду письма, снова переживаю, с каким доверием она меня призывала и вдохновляла взяться за эту работу. Потому вновь, ещё и ещё, надо напрягать мгновения дня. Надо работать, работать, всё сделанное соизмеряя мерилом самой абсолютной необходимости. Не забуду Голос: «Сосредоточься только на одном, сосредоточься в Духе!»

Недавно был День Учителя. Долго размышлял, долго готовился к нему. Думал: какой же цветок посвящения сердца мог бы преподнести в этот великий день?

Как-то, когда я шёл по солнцем залитой улице, в сознании зазвучал мотив «Священной беседы», чудесные, вдохновенные Стихи, только спустя долгое время мог опять писать. Ведь в марте психические давления были истинно тяжёлые. Когда писал, переживал мгновения подлинной сердечной радости и благодарности. Испытывал переживания, что словами невозможно и нельзя выразить. Для меня теперь стало любимым понятие воина – рыцаря Грааля, что может быть прекраснее! Хотя когда-то, в молодости, я был пацифистом, но, возможно, под влиянием Толстого, внешне, не внутренне. Свою «Священную беседу» в День Учителя я прочёл дважды – у Екатерины и вечером, у себя дома. Да, там много приготовлений. И все-таки в этот великий День было что-то космически тяжелое. Была большая сердечность, большая дружба, но в сердце была какая-то боль. И чёрные звёздочки мелькали. Происходила какая-то невидимая битва. Кто знает, не было ли в эти дни нападения в Москве. Кто знает, не были ли там упомянуты и наши имена. Дело в том, что Крауклис, приехав в Москву, пошла навестить и своего знакомого инженера В., которому мы послали книги Учения. Бывали <у него> Ренкуль, Драудзинь, Качалов. Жаль, что мы соприкоснулись <с ним>. Впоследствии оказалось, что хотя он и уважал книги Учения, но слушался астральных диктантов, которые получала какая-то его знакомая, считавшая своим учителем Кришнамурти. Вообще в этих диктантах много неправильного и даже пошлого, о чём не хочется упоминать. И сам инженер сектант и человек, не умеющий охранять Доверенное. В тот день, когда Крауклис пошла к нему в гости, оказалось, что он арестован. Она об этом нам сообщила иносказательно, открыткой. Вскоре после этого была арестована и Ольга Рич., одна из тёток Качалова, которая больше всего интересовалась Учением и которую посещала Екатерина. Позже Крауклис нам прислала новую открытку об этом случае, писала, что Ольга Р. взяла с собою семена Сада М. (т.е. книги), а также письма с советами, как ухаживать за садом, значит – письма Качалова и Екатерины. Инженеру и я когда-то послал два лаконичных письма. Они все теперь, быть может, попали в руки «исследователей». Безумие Качалова, что он по почте посылал длинные письма. Что же сейчас вообще по почте можно писать, на радость цензуре? Вторая ошибка Качалова: он получил от другой тётки предупреждение, что, кажется, Г. (мать теософского движения) сильно больна, что с нею будет, не знают. Чтобы не привозили больше с собою вещи по списку, т.е книги. Любой ребёнок мог бы понять, что здесь выражено предупреждение. Но Качалов в своей обычной «рассеянности» это письмо, наверно, не прочёл до конца. Его супруга случайно прочла после его отъезда в Москву, когда было уже поздно. Да, две недели назад до Качаловых дошла неожиданная весть. Председатель Всесоюзного общества композиторов известил председателя нашего Художественного управления Рокпелниса, чтобы спешно послал на съезд Союза композитора Качалова. Они думали, что ему будет доверено какое-то особое задание, что его композиции теперь будут в большом почёте (особенно после нападок на оперу Мурадели!). Притом было известно, что какой-то дядя Качалова, влиятельное лицо в культурных кругах, заботится, чтобы Качалову открыли путь наверх. Когда он недавно гостил в Ленинграде и Москве, этот родственник познакомил его с музыкальными критиками, даже какая-то знаменитая певица взяла его песни в свой репертуар. Это все было настолько привлекательно, и особенно замечательное приглашение из Москвы, что не было удивительно, что Качалов спешно сел в самолёт и полетел в центр Культуры. Но прошли дни, жена Качалова начала волноваться, что от мужа нет известий. Тогда пришла открытка от Крауклис и другие известия. Уже прошло две недели, и нет больше сомнений, что Качалов попал в тонкую ловушку. Бедный Качалов, какая сила духа и мужество ему теперь необходимы! И мы одно время были неспокойны. Теперь чувствуем, что это единственное соприкасание с некоторыми москвичами не имело большого значения, потому что они не были теми людьми, что понесут ключи будущего. Тётки Качалова – добрые люди, это всё было, но понимали ли они Учение как свой насущный хлеб? Все это покажет будущее и итог испытаний. Не знаем, какие течения и дорожные камни ещё у нас впереди. Всё же верим и чувствуем, что до Риги это дело не дойдёт. Очень ждём приезда Крауклис, она расскажет подробнее. С помощью Учителя пойдём дальше!

Ночью 18 апреля 1948 г. Рихард Рудзитис был арестован и осуждён Особым совещанием на 10 лет заключения в лагере строгого режима в Коми АССР.

Освобождён и реабилитирован осенью 1954 г.

1956

1 октября

Сердце полно глубоких, предвечных звучаний. Каждый удар сердца звучит благодарностью к Той, Которая дала нам новое сознание. Знаю, что эта благодарность пламенела и в дерзновенных глазах юных[1], которые, слушая каждое слово о Матери, в сердце своём торжественно обещали следовать за нею великим путём Огня.

На какой колоссальной волне событий мы живём! Одно переживание перехлёстывает другое!

Давно мы жаждали узнать что-то о Матери. Особенно несколько лет назад были распространены слухи о её уходе.

Весной мы получили письмо Аиды <Виестур>, задержавшееся на два года. Чрезвычайно взволновали нас два места в письме: что она живёт у близких друзей Матери и была в Наггаре, в «голубой комнате» Матери. Она прислала и цветную фотографию вида на Гималаи, открывавшегося из этой комнаты.[2] Мы многое обдумывали. Действительно, у неё кармическое счастье встретиться с самой Е.И.[3]

В конце концов мы написали ей, спросили о Матери. Подписали – «Огонёк». Но прошло три месяца, ответа нет. Может быть, задержала московская цензура? Вполне вероятно.

И неожиданно, неделю назад, приехала Бирута. Как всегда – предприимчивая, полная устремления, прояснённая. Была большая радость. Многое рассказала о своих родственниках.

Она получила письмо из Польши с вестью, что Е.И. оставила земной план 5 октября 1955 года в возрасте 76 лет.

С большим волнением я вспомнил, что в тот год с 5 на 6 октября ночью, во сне, я с беспокойством много думал о Е.И. и, проснувшись, написал посвящение ей от своего сердца. Было чувство, что она ушла. В прошлом году у меня такого ощущения не было, может быть, потому, что в то время я чувствовал себя совсем больным, всякие токи и волнения, прошёл даже обследование рентгеновскими лучами и т. д.

В этом письме ещё упоминалось, что Гребенщиков в следующем году издаёт сборник статей о Е.И. и приглашает всех участвовать. Женщина, которая писала это письмо, упоминала и моё имя, чтобы я написал. Само собой понятно, что если бы удалось написать, то за своей подписью нельзя. Что бы подумали москвичи!![4] Можно анонимно, и так бы я рискнул, но если бы издателем не был Гребенщиков. Помню критический подход к Н.К. в его последней статье. Может быть, он этим хочет выявить себя. И странно, мои мысли полностью совпадают с суждениями Альфреда Хейдока, который в этот день тоже гостил у меня. Гребенщиков отошёл, чтобы после смерти Н.К. опять приблизиться! Хейдок напомнил высказанную однажды Н.К. горькую мысль: «Они только мёртвых умеют почитать». Именно, именно, именно так! С Е.И. будет так же, как с Жанной д'Арк. Но её ореол после столетий будет ещё более сияющим. В ближайшее время только немногие осознают космическое величие Той, которую величают Матерью Огненного Учения и которая пожертвовала собой, чтобы открыть человечеству пути к Миру Огненному.

*

Истинно, мы живём в великие, исторические дни. Вчера я получил из Москвы уведомление прокуратуры, что и первая группа, в которой были д-р Лукин, Екатерина Драудзинь, Элла и другие старшие члены, по решению Верховного суда от 27 сентября, – реабилитирована.

---

[1] Речь идёт о молодых художниках Л.Цесюлевиче, И.Цейне, Э.Грубе, М.Зитаре.

[2] Аида просила фотографию передать Гаральду. Р. Рудзитис переснял её и для себя.

[3] Аида Виестур жила в США у Кэтрин Кэмпбелл и Ингеборг Фричи. В Индии не была, фотографию ей прислала Марта Стуран.

[4] Речь идёт о московских властях.

Мы были убеждены, что все последователи Рериха реабилитированы, поскольку имелись сведения, что Генеральный прокурор после моего заявления Хрущёву оба дела с протестом передал Верховному суду для реабилитации, но до сих пор извещение получили только члены второй группы, по которым решение было принято 23 сентября.

Реабилитация, за которую мы так боролись и которой так ждали, теперь – факт! Для моего сердца главное, что имя Н.К. вновь обретёт сияние в сознании русского народа.

«Да воссияет имя Рериха!» – мантрам воспламенения моего сердца, и повторять его я призываю всех, так цементируется пространство этим царственным, спасительным именем.

«Русский народ воскреснет через искусство», во-первых – через художественные образы Н.К., его ослепит яркий свет, захватит великий, небывалый духовный мир, захватит культура тех идей и форм, которых он ныне не знает.

К широким массам Живая Этика может обращаться именно через искусство и культуру. Истинно, миссия Н.К. и Е.И. ещё в Будущем, после их ухода с земного плана.

Огненный путь Учения Христа начался именно после ухода Великого Учителя. Его ученики пылающим огнём сердца сеяли огненные зёрна Учения своего Мастера в несчётные сердца.

Путь испытаний нашего духа теперь только начинается. Во всех делах мы предоставлены самоинициативе, прозорливости и решимости духа, с громадным горением нам надлежит посвятить себя строительству Святыни Мастера, которая «всё ещё без крыши».

Сердце, будь готово!

Недавно мы узнали радостную весть, что на октябрьские праздники в Рижском музее опять откроется отдел русского искусства, что там будет выставлено восемь-десять картин Н.К. Радость была столь велика, что не хотелось «громко» думать, чтобы не спугнуть Огненную Птицу радости. Это большое продвижение. Дальше путь – в Москву. Уже давно планирую написать министру культуры в Москву в связи с картинами, которые лежат в музее в Риге. Нет сведений, сколько их там. Неизвестно, не присвоили ли себе кое-что те работники, которые забирали картины из квартир арестованных членов Общества. По крайней мере, об одной мы знаем, что она где-то в частной квартире. Нужно дождаться исторического дня открытия музея и тогда решим, как дальше действовать, кому писать. Приходит иногда и «неожиданно» рука помощи. Может быть, помощь придёт и от самих работников культуры Московии? Ольга Крауклис, получив извещение о реабилитации, радостная возвращается домой с Урала, и по дороге намеревается остановиться в Москве, хочет посетить Бабенчикова, друга Н.К. Спешно написал ей, чтобы проинформировала Бабенчикова о положении наших картин в Риге, не может ли он посоветовать, как поступать дальше, чтобы картины выставили и в Москве – конечной цели всех усилий, к чему Н.К. и Е.И. стремились, ведь их прошение отвергли. «Неисповедимы пути Господни». Думаешь войти одними вратами, как отворяются другие, широчайшие врата.

Может быть, Бабенчиков расскажет и что-то подробнее о Е.И. и Н.К. и их семье. Святослав женился на индусской киноактрисе Девике Рани, родственнице Тагора. Юрий объединяет в себе два континента. Этот воинственный, мудрый дух может быть заменой Н.К. Сердце в нетерпении рвётся быстрее читать письмена ближайшего будущего.

Сердце, прояви максимальное напряжение своего огня!

Сердце, будь готово.

*

Сражения и перемены в Венгрии. Ныне сообщают, что началась война у Суэцкого канала, вошли израильтяне, затем – англичане и французы.

Мир – когда же он будет? Единственно тогда, когда, во-первых, само понятие мира освободится от разрушающего эгоизма – национального, классового, партийного. Как же возможно представить мир без полной, основополагающей базы гуманизма и терпимости?

*

Какие бурные волны пронеслись шквалом над безднами за все эти долгие годы! Сколь многое смыто, потрясено, преобразовано. Однако бессмертная Идея всё ещё жива, стала ещё радужнее. Всё же нагнетённый огонь сердца бушует с невиданной ранее силой.

*

Сегодня после столь долгих лет опять зазвенел давно забытый гонг Общества!

5 *ноября*

Исторический день. Новый поворот не только в восхождении нашего движения, но, я уверен, и первый огненный стимул для духовного освобождения Великого Народа. Теперь верю, что выставки появятся и в Москве.

Уже три дня хожу в музей. Наконец! Пришли и все молодые друзья, здесь же, из академии. Как пламенеет сердце, впервые прикоснувшись к великому Искусству!

Отделу русского искусства в музее выделены помещения на нижнем этаже с правой стороны. Спешу к одной стене, где на меня взирают столь милые мои картины.

В середине – чудное, царственное гималайское панно «Кулута», которое в Обществе радовало гостей, находилось тогда над зеленоватым камином. В середине слева – самая любимая картина Феликса – «Брамапутра», справа – «Твердыня Тибета». Из <произведений> Н.К. выставлено всего 11 картин, Святослава – одна. Разумеется, только пейзажи, где нет ничего «мистического». Всё же факт, заслуживающий внимания, что директор музея сам решил выставить так много картин.

«Да воссияет имя Рериха!»

Действительно, больше всего я верю молодым энтузиастам, которые своим кротким, но дерзновенным сердцем сеют в пространство этот огненный мантрам.

Учение утверждает, что люди делятся по качеству устремления. Измерить это в силах только могущественный Наблюдатель всего сущего. Но нам дана радость судить о человеке по огням духа в его взгляде.

«Новым верь!» Пусть ваши огни очищают пространство, превращая в Свет.

Больше всего отзвука я получил в молодых сердцах. И они полностью верят в спасительную миссию картин Н.К. Именно через картины Н.К. Учение будет апеллировать к множествам, будет пробуждать сознания.

Сегодня я ходил по музею до тех пор, пока не прозвенел звонок. Сердце было задумчиво-ликующим. Н.К. и Е.И. не дожили до этого дня, до того, к чему они так стремились, – чтобы картины были выставлены вновь на этой Земле.

Грустно было читать на табличке под картиной: «1874-1947». Отодвинулась граница, которую уже не переступить. Не придётся больше на физическом плане, среди напряжённых дел и сотрудничества, ощущать поддержку советом и поощрение лаской сердца от людей Великого Духа. Но инициатива теперь отдана полностью нам.

Воины ждут Зова!

*

Я очень рад сознавать, что из всех двадцати пяти приверженцев Рериха, которые оправданы и в большинстве вернулись домой, ни один не сожалеет о времени своего решающего испытания, но даже благословляет его и в сердце своём ощущает оптимизм. Взираю на эти близкие мне лица и радуюсь за каждого, в ком больше преданности.

В сумерках этого великого переходного времени Преданность является единственным истинным Светом, который освещает все пути и принесёт человечеству Зарю Будущего.

*

Альфред Хейдок вчера неожиданно уехал к своему сыну в Среднюю Азию, не дождавшись открытия музея. Нас связывали чувства долгой дружбы. Во времена Общества, когда он жил в Харбине, я с ним переписывался. Тогда я так и не увидел его физического облика. На Севере я узнал, что Альфред Хейдок в соседнем лагере. Так я и прожил несколько лет рядом, не повстречав его. Мне только сказали, что он латыш с «белой бородой». Я попросил как-то передать ему привет. Незадолго до отъезда я получил от него письмо со стихотворением. Я послал ему странички Учения. И затем, в мае этого года, я получил от него весть, что он в Латвии. На Ивана Купала я встретился с ним на романтических берегах Аматы. Три дня пролетели как на едином огненном дыхании. Он ведь был личным другом Н.К., столь много чудесного знал и мог рассказать о нём. Сердце его горит стремлением к действию (на благо Учения). С благословением Н.К. он отправился в Русскую Землю.

С ним будет радостно сотрудничать. Я познакомил с ним молодых, как с «человеком, который знал Н.К.». Он мне прислал последнее письмо Е.И. от 46-го года, которое она писала в Шанхай. Ветку цветов Азии принёс Альфред Хейдок.

12 ноября

Я получил письмо от Ольги Крауклис. Чрезвычайная весть! Юрий получил советское гражданство и разрешение вернуться на Родину. Привезёт с собой картины Н.К. – дар Русской Земле. Их выставят в Москве. Ольга Крауклис была у Бабенчикова и Мухина – друзей Н.К. Когда она приедет, узнаем много, много. Решим и о наших картинах.

14 ноября

Новая неожиданность. Сегодня в «Цине»[1] напечатан вполне доброжелательный отзыв о картинах Н.К. в музее. После всех долгих лет преследования это кажется столь невероятным.

Сердце, будь готовым!

18 ноября

Что же привезла Ольга Крауклис? Грусть и ожидание. Ю.Н. будто бы не писал уже четыре месяца. Разрешение вернуться на Родину он получил уже давно от тех <государственных> мужей, что гостили в Индии.[2] Что же с ним? Что будет? Эволюция человечества опять в круговерти самого дикого варева безумного Армагеддона. В международных отношениях всё ещё великое напряжение. Говорят, что отношения наших господ с индийским государством теперь уже не столь благожелательные.

И ещё сообщила Ольга Крауклис, что все картины Н.К. в Музее в Нью-Йорке в 1943 году проданы с молотка. Неизвестно даже кому. После искали адресатов. Жуткую карму накопили себе Соединённые Штаты Америки. Тьма была на стороне непростительной несправедливости. Но ещё совсем недавно у них были все возможности стать государством будущего. Так свободная воля людей, народов и государств видоизменяет судьбу.

28 ноября

Почти все друзья уже получили сообщения о реабилитации. Когда я сегодня ходил на «улицу Стабу» за справкой для Эллы, спросил, что же с книгами? Мне ответили, что в делах записано, что все книги сожжены. Гунта в детском дерзновении получила от шофёра, который увозил книги, расписку, что «нелегальные книги» увозятся на бумажную фабрику. Такое и со всеми собраниями <друзей>. В моей библиотеке были уникальные книги, собиравшиеся всю жизнь. А именно, в большинстве: искусство, литература, наука, мои любимые авторы, о которых я писал монографию. Я сказал: «Даже Ленина вы уничтожили и советских учёных!» В то время преследователей охватило одержание высшей степени. Благодаря героизму Гунты кое-что всё же спасено. Одну-другую любимую книгу, которая казалась мне уничтоженной, я опять увидел. Спасибо! Бумаги сохранились. Вернувшись из лагеря, я пустил в дело протокол о принятии картин музеем при ликвидации Общества, в связи с этим в мае прошлого года суд шестерым нашим членам снял «уголовную статью» – хранение государственных ценностей (картин, книг). Теперь картины признаны собственностью авторов. Чрезвычайной радостью было видеть «Грааль»[3] невредимым, хотя он восемь лет пролежал в земле. Сердце болит о Портретах. Сердце болит и из-за безумного страха чужих людей, которые уничтожили доверенное. К примеру, статью об Аспазии не могу найти. Она ведь была переписана в нескольких экземплярах. Я ведь лелеял мечту когда-то отдать этот труд для прочтения самой Е.И., чтобы узнать её отзыв. Чувствую, что намеченный космически образ Аспазии я понял правильно. В те исторические, роковые дни, когда я ждал ареста, я столь наивно верил разуму судей и даже их правоте! Потому и книги, и другие предметы культуры, которые ни в одной цивилизованной стране не уничтожались, я не прятал. Я думал единственно об архиве! Но волна варварства была столь велика, что превысила вандализм поджигателей Александрийской библиотеки.

---

[1] «Cina» *(латыш.)* – «Борьба», правительственная газета.

[2] Никиты Хрущёва и Николая Булганина.

[3] Рукопись книги «Братство Святого Грааля».

Может быть, часть моих книг разбрелась по частным квартирам, ибо те господа по многу раз подъезжали на машинах и кое-что увозили. Но и оставленная коллекция была громадной: соседка насчитала 38 мешков, погружённых на машину, потом надоело считать. Сердце безмерно болит из-за книг Учения и Н.К., из-за несравненной Монографии, из-за ящиков с клише – истинными произведениями искусства. Но об этом я больше не думаю. Лишь бы из пепла поднимался новый Храм Света. Наши молитвы и мантрамы летят туда. «Да воссияет имя Рериха!»

24 декабря

Праздник гармонии мира. Действительно, в этот день всегда ощущаются сильные вибрации света, когда миллионы сердец объединяются в мыслях блага. Всегда бы так было, каждый день! Но у человечества благое стало традицией, не перешло в сознание.

Возношусь вдохновением вместе с юными огненными душами. Есть ещё те, кто способен верить в Будущее, хочет создать его. Во всех уголках мира появляется огненное племя молодых факелоносцев. Они спасут этот мир.

Сегодня, наконец, я попал в хранилище Рижского музея, мне показали картины Н.К., сосчитал, отметил – 29. Не хватает ещё около десяти. Увидел и свою личную, подаренную мне Н.К., выпрошу её через Управление художественных дел. Страница когда-то существовавшей великой Красоты.

Сегодня отправляю заявление Генеральному прокурору в Москву относительно судьбы моей личной библиотеки.

1957

25 января

После долгих церемоний сегодня я наконец получил из музея картину, подаренную мне Н.К. В хранилище музея, взяв на подмогу инвентарную книгу, я насчитал 34 картины. Поскольку «Карма Дордже»[1] в моей комнате, а некоторые пропали в немецкое время, значит, недостаёт только нескольких маленьких картин. Я видел здесь и любимую Е.И. – «Сострадание». Может быть, в связи с этим я её сегодня видел во сне.

22 января я послал в «Учительскую газету» в Москву статью «Внесение предмета этики в программы школ». Наконец! К этому дню я видел во сне, что меня переводят из 5-го в 6-й класс. Как же сдвинуть и сломать застывшие шаблоны сознания?

3 февраля.

Позавчера опять неожиданно приехала Бирута. Привезла письмо Владимира Гофмейстера из Западной Германии. Он организовал большую группу последователей Учения, издаёт журнал «Briefe der Lebendigen Ethik»[2], проводит вечера с выступлениями, в которых участвует до 150 человек, на темы Учения там читает какой-то австриец. И ещё – переводит книги Учения на немецкий язык. Обо мне узнал через Америку: «Живёт где-то скромно в Риге». Сборник статей, посвящённых Е.И., выйдет в начале этого года, видимо, к её дню рождения в феврале.

Железный занавес всё ещё существует. Сколько ещё? Индия оживает, расцветает. Мы здесь всё ещё в омуте. Все добрые слова звучат столь минорно. Юные сердца ждут сверкающего зарницами, реального, героического пути к Солнцу.

1 марта

Много мы рассуждали о Юрии. Почему он не может попасть на родину? Если бы он приехал, Благословение следовало бы за ним. Или ему опять отказали? Или есть Указание пока не ехать? Напряжение мирового хаоса достигло высокой степени. Отгораживание продолжается. Наши формальные попытки пробиться, лишённые внутренних уступок и тепла, рассыпаются. Всё ещё главенствуют великие призывы, в основном – в экономическом плане. В литературе звучат как героические голоса, так и шаблон и грубость. Но то нравственное, что кое-где появляется, не сознательно и не очерчено ясно. (Оттого и была возможна недавняя книга Шишкина «Об основах коммунистической морали», где множество совершенно антиэтических тезисов: ненависть к врагам, человеколюбие – абсурд и т. д. Как же, мол, можно любить представителя другого класса!) Неужели культура духа человеческого откатилась на сто тысяч лет назад? Но и тогда были законы, данные Сынами Солнца. Потому я и получил такой ответ на свою статью «Предмет этики». Он характеризует ведущую линию: «Вряд ли, конечно, кто станет отрицать, что введение такого курса в школьные программы было бы делом полезным. Но, к сожалению, при настоящей загруженности учебного плана ставить этот вопрос не представляется возможным. Поэтому, очевидно, решение вопроса об улучшении этического, нравственного воспитания должно идти по линии усиления воспитательной роли уроков, внеклассной работы и работы школьных ученических организаций». Значит – нравственное воспитание всё ещё оставлено «на самотёк». Придётся опять усиливать борьбу с молодёжной преступностью, с «шайками карманников» при помощи милиции, «комсомольских патрулей» и т. д. Или опять <воспитывать>, заставляя всех работать в принудительном порядке. Несомненно, только что вышедшее распоряжение о вовлечении населения в работу, может быть, и похвально, но чему это поможет, если юноши покидают школы без «доспехов» моральных основ? И всё же я верю в эволюционную молодёжь, которая жаждет героически-благородного и чистого, таких немало. Но кто удовлетворит их возвышенную духовную жажду?

---

[1] Картина С. Н. Рериха.

[2] «Послания Живой Этики» *(нем.)*.

Их энергия иссякает в усилиях по овладению специальностями, которые зачастую их сердцу не близки, а дом и среда – без полёта духа. Ныне опять слышу по радио призывы к трудовому героизму. Конечно, в этой Земле ещё много молодецкого, героического задора. Поэтому верю только в будущность потенциала Великого Народа. Но кто же разбудит этот потенциал, чтобы повернулся к Солнцу? Без этого благие призывы зачастую звучат столь примитивно. Поняли бы руководящие <мужи>, что «не хлебом единым жив человек»...

Появилась возможность послать письмо и некоторые книги Мухину. Там сказали, что от Юрия всё ещё нет вестей. Это Мухин подчеркнул и в письме, которое я только что получил. Юрий будто бы отослал свои новые труды в Институт востоковедения в Москву.

Этой зимой токи очень тяжкие. Весьма часто выныривают чёрные звёздочки. Ночи трудные. Всё время было тепло, как осенью. Теперь начинает холодать. Даже по радио высказывалась мысль, что магнитная ось Земли сдвинулась, так же как Гольфстрим. Во всех концах катастрофы. В Англии землетрясение. В Норвегии всю зиму в садах цветут розы, в то время как на юге – снежные бураны. В Живой Этике сказано: «Человек, не твори катастроф!»

24 марта

День – наиболее светлый для сердца. Каждый бы день были такие огненные крылья, как сегодня. Взирал я на лица молодых энтузиастов, сердце радовалось.

5 апреля

В Лейпциге выходит второе издание «Словаря художников».[1] Теперь дошла очередь до буквы «Р». Москва поручила написать о Рерихе латышской Академии. По этому поводу пришёл ко мне молодой искусствовед <Янис Пуят>. Я написал ему все даты жизни Рериха до 40-го года. Придётся спросить, не получено ли что-то из новых книг Рериха в Ленинской библиотеке и в Институте востоковедения. Один молодой друг отослал в московскую газету и журнал <«Искусство»> мою заметку о картинах Рериха в Рижском музее – отвергли. Атмосфера всё ещё тяжёлая. Рига – истинная провинция. Всё новое делают со страхом. Москва впереди. Теперь наконец начинают выходить ранее «облаянные» поэты: Аспазия, <Фрицис> Барда и даже Порук. Из <стихов> последнего поместили только пессимистические, но отнюдь не те, что раскрывают его суть – философско-религиозные. Также съезды художников и композиторов показывают, как мало что продвинулось вперёд. Когда слушаешь призывы прессы и радио, создаётся ощущение, что зовут искать прежде всего то, что поддерживает вашу физическую жизнь, всё остальное – приложится. Но эта цель всех целей – продукты, и сама проблема – где их достать? Разве может наступить Ренессанс, пока Культура не засияет как Свет Духа?!

9 августа

Илзе, Гунта и молодые друзья уехали на фестиваль[2], хотя и с опозданием. Я сопереживаю вместе с ними эту поездку, разделяю их радость. Решение ехать у молодых художников появилось в лагере летней практики в Лигатне. И Гунта достала билет на дополнительный поезд. Поселятся у одной знакомой в двух комнатках. Теперь они бродят и путаются среди воззваний и мыслей Мира и Дружбы. Хотя и не всегда к ним присоединяется сердце, но струны его нередко звучат. Больше всего ждут встречи с индийскими делегатами. Меня более всего интересует другая их миссия. Ушли <в Москву> письма с репродукциями Мухину, Бабенчикову; посетят Луцкую, Нагеля. Только что появилась новая задача: в Риге гостил брат знаменитого искусствоведа Алпатова, профессор биологии, который в восторге от искусства Н.К. Он обещал поговорить со своим братом о картинах Н.К., моим дочерям придётся в Москве к нему подойти. Теоретик искусства, Алпатов участвует в организации международной художественной выставки в Брюсселе, <запланированной> на следующий год. И у русских будет свой павильон. Что там выставят, может быть, классиков? За молодых чаще всего приходится стыдиться. Если бы там был Н.К. – было бы ослепительно.

Жду возвращения молодёжи с новыми, быть может, неожиданными вестями.

---

[1] В издательстве «Wolmar».

[2] Всемирный фестиваль молодёжи и студентов.

Конечно, в средоточии всего мира – дело Н.К.

Очень радостно было узнать, что остальные картины Н.К. сняты с полок и ныне развешены в кабинете графики, одним этажом выше. Они доступны только по разрешению директора, но женщины-служащие сами впускают некоторых людей. Так эти картины видели даже русские из Москвы. Бросаем в пространство мысль о проведении выставки Н.К., приуроченной к десятилетию со дня смерти (15 декабря[1]). Я писал и Бабенчикову. («Неисповедимы пути Господни».)

Что же с Юрием и Святославом? Всё ещё – «железный занавес». Кто же осмелится писать, если каждое письмо за границу проходит через цензуру и те, которые не связаны с непосредственными родственниками, попросту уничтожаются. Всё же какие-то перемены в Москве есть, кроме двух книг Неру, вышли три тома индийской литературы и Бхагавад-Гита. Только что я увидел в собрании сочинений Тагора в седьмом томе милую «Гитанджали» (моя давняя мечта её перевести!). Налицо какой-то прогресс, но чрезвычайно медлительный, как «черепашьим шагом». На самом верху – перемена, но что с того, если у них идеал всех идеалов – выращивание бекона! И всё же – какие пламенные импульсы в русской молодёжи! Кто же даст им пищу? Кто же вместо лжи и сухих доктрин откроет истинный смысл жизни и этику?

В третий раз свою статью о предмете этики я послал в журнал «Семья и школа». Оттуда, наконец, я получил доброжелательный ответ: если хватит места, то напечатают в течение зимних месяцев. Я ответил, что желательно поместить уже в этом году, так как в январе в республиках пройдут учительские конференции, где этот вопрос можно было бы обсудить.

В Москве выходит новый журнал по искусству «Творчество», там тоже отвергли мою статью о выставке картин Н.К. в Риге. И по книгам ощущаю, что в метрополии к искусству Н.К. некоторые относятся боязливо, просто – как самые тёмные невежды. Не может быть, чтобы даже самое узкое сознание, но интересующееся искусством, попав в Ригу в отдел графики, не поразилось бы и не ослепилось сиянием Гималайского искусства.

Я встречался с молодыми и старыми, давно не виденными друзьями. Душа истинной духовности – Фелиция Осташова, учитель юных сознаний, молодые любят её. Я попросил её написать воспоминания, свой опыт. Опять гостила Бирута. Они не просили реабилитации. Свободная воля. Я хотел бы понять объективно современное состояние психики литовских друзей. Почему, к примеру, Надежда Серафинене как бы отошла? Бирута – чистая, благозвучная душа, опыт страданий ещё больше увёл её вверх. Все друзья, которые были в лагерях, теперь вернулись. Приятно созерцать их огни. Никто ни на миг не сожалеет, но благословляет ссылку как рычаг восхождения. Каждый что-то делает. Екатерина заново составила индекс (Учения), начала эту работу в третий раз, с цитатами. Вернер составляет индекс «Тайной Доктрины». Иные переписывают. Гаральд уехал с сыновьями на Памир собирать лекарственные растения. Я ему писал, чтобы не забывал и своё теоретическое credo[2] – давать народу наставления о воспитании психической энергии. Но он будто бы не чувствует себя писателем-учёным. Скорее всё же – поэтом и композитором.

Перевожу «Антарктику». Завершаю – о «Гималаях». Целый ряд западноевропейских романов пришлось отвергнуть. Правда, ныне столь духовно чужой показалась мне вся культура Запада. Если люди, более сильные в смысле познания культуры, совершают ошибочные деяния, то что же тогда говорить обо всех остальных? Разве можно преподносить молодёжи нечто неэтическое, хотя в художественном смысле – в красивой «обёртке»?[3]

Я чувствую себя бесконечно счастливым, что нашёл несколько рукописей, которые считал уже пропавшими. Так было с «Надземным»! «Грааль» вырыл из земли почти без повреждений. Русский перевод его мне прислали из Даугавпилса. Спасся даже очерк об «Аспазии и Перикле», то, что я с великой любовью писал в 1947 году. Я думал, что все копии уничтожены. Но произошёл чудесный случай – нашлось среди статей Гаральда. Я хотел когда-то послать его Е.И. и получить её отзыв.

---

[1] 13 декабря.

[2] кредо *(лат.)*.

[3] Р. Рудзитис отказался переводить даже «Собор Парижской Богоматери» В. Гюго.

Ибо в сердце я посвятил этот труд ей – самой Огненной, ей – Диотиме... Таким же образом уцелели и письма Е.И. и Н.К. И с Севера я смог привезти все рукописи. Теперь работы непочатый край, всё это ещё надо шлифовать, дорабатывать. В сердце горят и начатые здесь: «Введение в Живую Этику», которое позапрошлой зимой я чрезвычайно чувствовал. Затем – набросанное минувшим летом «Великое изумление», в которое я мог бы вложить всё творческое воображение. Надо ещё завершить методику Учителя Живой Этики – выписки из Учения в симфоническом расположении.

В этом году тяжкие токи. Великое напряжение в мире и между народами ударяет по нервам. Сердце временами радуется, но в глубине – всегда болит. Больно звучит: «Quo vadis, homine?!»[1] Взирая земными глазами – всё ещё у нас распутья и водовороты. Явилось бы когда-нибудь внезапное пламенное решение! Верим в революцию духа.

31 декабря

Последнее действие этого года миновало, ушло вместе со всеми жуткими токами и тяготами, но и со взлётами сердечной радости.

Чрезвычайным переживанием и величайшим событием в моей жизни после долгих десятилетий оказалась встреча в Москве с Юрием. Об этом я подробно написал в коричневой тетрадке, и здесь повторять не буду.[2] Лично встретился с тем, кого давно хотел узнать – с самым сердечным, столь простым, удивительным и одновременно – человеком великого духовного синтеза, достойным Сыном Е.И. и Н.К.! Сдружился и с его милыми «сестричками» – Раей и Людмилой. Рая – секретарша Е.И., через её руки шло всё духовное богатство для человечества – она одарена очень симпатичным, одухотворённым, чистым сердцем. Росла она в горах, ничего из земного зла не испытала. Она присутствовала всегда и при беседах. И Людмила – безмерно преданная, на ней много лет лежали все хозяйственные заботы.

Каким великим переживанием для меня и для Гунты оказались эти шесть дней в гостях, истинно чудесный «оазис» в сверхтяжёлой атмосфере Москвы, в которой в этом сентябре я часто ощущал подавленность. Один раз с нами вместе был и Поль и – в прощальный вечер – Илзе.

Как же всё началось? Илзе с Гунтой в начале августа уехали на фестиваль вместе с другими друзьями. Илзе уже через три дня простудилась, заболела, пролежала две недели с температурой в квартире наших знакомых. Врач поставил неправильный диагноз. 22 августа приехал Эдуард с «тайной» вестью, что Юрий в Москве! Спасибо ему за великую бережность, с какой он привёз эту весть. Разумеется, из-за этой вести и болезни Илзе я немедля стал собираться в дорогу. В Москву прибыл 26-го числа. Оказалось, что у Илзе мокрый плеврит, на второй день её увезли в больницу. По дороге Илзе чрезвычайно желала всё же встретиться с Юрием, но в этот день мы не смогли найти его домашнего адреса, он переехал из гостиницы в свою квартиру. Но меня с Гунтой в тот же вечер ожидало великое счастье – гомеопат[3] нас повёз по Калужскому шоссе в Гости, на столь долгожданную встречу. Эта поездка в моей памяти останется как историческая в моей жизни.

Я ощутил: он очень одинок, знакомых много, но близких друзей нет в этом городе среди миллионов сознаний. Поэтому нас принял столь сердечно и доверил многое из самого святого в своём сердце, тем более если учесть, что «восточный человек» о священном говорить не любит.

Теперь он – профессор тибетологии, готовит новых аспирантов, редактирует книги. Но больше всего нас заинтересовала весть, что он привёз с собой четыреста картин Н.К. – дар Н.К.Рериха своей Родине – и что ему обещано устроить выставку работ Н.К. в конце декабря или в начале января.

Устройство выставки доверено Третьяковской галерее, которая тогда и соберёт картины из других городов и из Риги. Но и в среде художников – Армагеддон: недоброжелательство и зависть. В сердце я уже готовился поехать в январе на открытие выставки, на величайшее событие, но приходится опять слышать, что художники тормозят.

---

[1] Куда идёшь, человечество?! *(лат.).*

[2] Записи из «коричневой тетради» опубликованы в книге «Встречи с Юрием Рерихом», Минск, 2002.

[3] Сергей Мухин.

Одна наша знакомая в Рижском музее[1] переписывается с сотрудницей Третьяковской галереи, я её просил всегда меня информировать. Когда министр культуры Михайлов посетил Ригу и посмотрел картины Н.К., он сказал и об устройстве выставки. Эта же сотрудница нашего музея недавно вывесила ещё и картину Н.К. «Часовня Сергия», и некоторые другие заменила, так что ныне там выставлено 14 картин, к великой радости многих, хотя и редких, энтузиастов искусства.

С сердечной тоской и радостью, но и с заботой неизменно думаю об ожидаемой выставке, обнимаю её пламенными мыслями сердца... «Россия процветёт искусством». Только искусство Н.К. сможет взволновать и зажечь несчётные сознания. Ибо его искусство необычное, небывалое, в истинном колорите, музыкальном звучании, раскрывающее высшие образы и символы – настоящее искусство Будущего. Сколь серым, беспомощным, фотографичным в сравнении с ним кажется всё теперешнее искусство.

Как хочется и чем-то со своей стороны помочь. Единственно – хотя бы немного сдвинуть сознания. Но на последних съездах опять чувствуется вроде бы откат назад. Подчёркивается: «политическая работа с интеллигенцией», «социалистический реализм», будто бы «пропаганда атеизма заброшена» и т. д. Наука и техника чрезвычайно развиваются, но дух – отстаёт. Похвально, что есть энтузиазм к полётам в космос. Но привело бы это к изучению энергии мысли и <к открытию>, что путешествие к дальним мирам возможно единственно в ментале. Советская дипломатия очень деятельна. На следующий год решено некоторые страны Атлантического блока вооружить ракетами с ядерными боеголовками. Кульминация безумия приближается. Мы читали Приказ использовать все средства мирного решения. (Но поверх замыслов и деяний человеческих есть Высшее Руководство, оно многое предотвращает и предотвратит.) Но как же трансмутировать свободную волю человечества, которая противится всему самому лучшему? Однако – нет, всё же верю, что будущий год ещё принесёт новые возможности к миру и некоторые веяния культурного возрождения в России. Было бы так! Да воссияет Свет!

Все безмерно тяжкие токи этого года теперь позади. Прощаясь с Москвой, в людской толпе я получил «удар по ауре», внезапно почувствовал себя очень плохо, ехал домой с температурой выше 38 градусов. В середине октября «ни с того ни с сего» опять ощутил ужасное давление и бессилие. И накануне октябрьских праздников, после похорон Валковского, пьяный человек в автобусе нанёс мне удар по голове. Два дня я ещё чувствовал себя относительно хорошо, но на третий день начался приступ, три недели я пролежал в постели не вставая, у меня якобы был паралич затылочного нерва: сидеть в постели не мог, по спине шли волны большого бессилия. Днём я пытался читать, часто приходили в гости друзья. Принимал только лекарства Гаральда. И он по вечерам меня навещал. Духовные беседы давали психическую энергию. Наконец, в самый грустный день, 29 ноября, когда я опять погружался в бессилие и думал о «помощи в последний момент», вечером пришёл Гаральд (был на лыжной прогулке в лесу), переполненный праной. Я попросил его положить мне руку на голову, он помагнетизировал мне затылок, и внезапно *опять появилось чувство равновесия,* я смог всё время сидеть. На второй день я уже пробовал встать. 10 декабря съездил в Ригу, затем – в Юрмалу, учился, как ребёнок, ходить, ибо ноги ещё болят. Спасибо Тебе, Друг! Сознавал бы Ты ещё яснее неисчерпаемые возможности своей психической энергии! Смог бы Ты начать писать книгу – это ведь вторая задача Твоей жизни!

Сегодня я закончил исправлять свой труд «Братство Грааля в научном освещении». Мета переписывает на машинке. Конечно, если печатать книгу, то надо ещё многое исправить, дополнить. Некоторое беспокойство во мне вызывают и последние главы. О чём я смею писать, а о чём – нет? Где тонкая граница закона – «хранить Сокровенное»? Последние главы я дополнил после того, как посылал рукопись на русском языке в Индию. Конечно, когда-нибудь попрошу и Юрия почитать.

Перепечатаны на машинке «Века» (в Даугавпилсе переведены уже на русский язык), «Великие Друзья человечества» (ещё придётся переработать), «Аспазия из Милета и Перикл». Хочу ещё дать перепечатать свои стихи «На горе судьбы». Таким образом, труды в нескольких копиях лучше сохранятся. Но главное, я был бы рад, если бы они взволновали некоторые светлые сознания.

[1] Татьяна Качалова.

Сегодня Гунта на филологическом факультете во время урока немецкого языка читала мой доклад об Н.К., показывала репродукции. Это, конечно же, риск, но почему теперь нельзя? Пусть огненная мысль летит в пространство. Пусть творится Свет! Да воссияет имя Рериха!

*

23 ноября навестила Юрия и Екатерина Драудзинь. Это было для нас великим переживанием. Я ещё был болен, когда она вернулась. Гаральд хотел ехать в середине октября, даже купил билет на самолёт, но затем внезапно раздумал. Екатерина везла значительную сумму денег от Гаральда – предложить Юрию на расходы по переселению и на подготовку выставки, но он, понятно, отказался. Гаральд, конечно, сделал красивый жест. Екатерина вернулась обновлённая – сияла. Мы опасались за её здоровье – выдержит ли? Ей уже 75 лет, маленькая, слабая, но в смысле энергии – чрезвычайно крепкая. Они встречались два раза. Он надеется, что его не обманут и выставка будет самое позднее в январе. Он теперь работает с двумя группами аспирантов. Пришлось ему давать отзыв о какой-то рукописи по буддизму, истинно мракобесной, сказал – печатать нельзя. Радовался нашим молодым. <Советовал>: «Собираться не нужно, встречаться – нужно, единение – очень нужно». Разумеется, Юрий интересовался и моим здоровьем. Прощаясь, сказал: «Берегите Рихарда Яковлевича».

Как хочется, чтобы исполнились в будущем году самые сокровенные надежды наших сердец! Да воссияет Свет в сознании великого народа!

1958

24 февраля

Позавчера из Министерства культуры, из Москвы, был сделан запрос Рижскому музею с требованием прислать названия и размеры 10-12 картин Н.К. Решили отослать туда фотографии. Я попросил нашу знакомую, Качалову, секретаря музея, присовокупить и «Сострадание», любимую картину Е.И., на свой страх и риск. Отобрали в основном работы небольшого размера, за исключением «На высотах» («Йог на снегу»), «Кришна» и «Охота». Я дал свои репродукции «Сострадания» и «На высотах». Надеюсь, что завтра письмо полетит в Москву.

Вторым великим событием было то, что Гаральд с сыновьями был у Юрия. Девятого февраля он сходил один, второй раз – все вместе. Он вернулся в день памяти Е.И., я встретил его неожиданно, на этот раз он съездил без моего ведома, видимо, ему было неудобно, что несколько раз откладывал. Понятно, что когда слушал о Юрии, возгорались во мне все огни сердечных чувств. Разве стоит ещё раз повторять, что испытываю бескрайнюю симпатию к Юрию. Его йогическая уравновешенность, нежность, вежливость, мудрость... Из-за него Москва, столь жутко тяжкая[1], стала вторым центром моего сознания. Выставка обещана на начало марта. Внесена в план. Наверное, устроят её в Музее имени Пушкина. С главами государства Юрий встречался в индийском посольстве, где они его вежливо приветствовали. Юрий опять несколько раз повторил Гаральду: «Берегите Рихарда Яковлевича». Спасибо, это значит, что его сердце, его мысли со мной. С Раей Гаральд встречался мало. Когда мы с Гунтой гостили, то Рая постоянно присутствовала, и мы и её включили в круг глубочайших симпатий наших сердец.

19 февраля друзья меня поздравляли с шестидесятилетием. Было чудное настроение. Добрые слова, цветы. Теперь смогу регулировать ритм своего режима: получил в подарок часы. Я подал и заявление на долгожданную повышенную пенсию.

В январе закончили печатать на машинке мой труд о Братстве Грааля. Нужно бы перевести на русский язык, дать Юрию на отзыв. Много сокровенного, особенно в последних главах, великая ответственность за каждое слово. В сердце чувствую, что в скором времени появятся условия для создания книги. Я рад, что Осташова берётся за перевод и моей «Аспазии». Осташова – человек возвышенной души, много трудов положила на воспитание юных сознаний. Так всё ещё я живу напряжённым сознанием в трудах. Скорее бы! Сердце бесконечно болит по поводу выставки. Хотя её и задерживают, однако сроки открытия неотвратимо приближаются. Да воссияет Свет!

Побывало у нас немало гостей издалека. Недавно была Мария Антонюк, жена теософа (и сама интересуется Учением). Они заняты благодатным трудом. Привезла «Вечернюю Москву» (за 10 февраля), где впервые упоминается, что Третьяковская галерея получила собрание интересных картин Н.К.

Многие теософы всё же скованы жёсткими границами. Таков и гомеопат Бубнов, который приехал из Ленинграда. Сознание молодёжи несравненно эластичнее, они часто звучат, как скрипка.

Первый день Нового года явился к нам с «грозой». Приехала Бирута, встречалась с Гаральдом, который совершенно не признаёт Вайтекунаса, всё время «невидимо» влияющего на литовских друзей. По правде, и для меня он – проблема, «руководитель», не состоящий в Обществе. В Литве ныне раскол, нет сильной личности, которая была бы способна объединить. Приезжал и мой лагерный друг Стасис. Чуткая душа, через Учение становится поэтом. Подрастают новые сознания, загораются огни Учения. Огонь этих сердец ещё предстоит поднять, расширить. Да воссияет Свет!

Чувствую, приближается нечто великое. Истинно, врата возможностей близки.

[1] Р.Рудзитиса пытали на Лубянке.

27 февраля

Что же происходит в Высших Сферах! (Ведь атмосфера, загрязнённая человечеством, влияет на существа Тонкого Мира!) Уже сами учёные протестуют против испытаний атомных бомб. «Магический круг» ракетных баз вокруг Европы затягивается всё сильнее. «Безумные, не ведаете, что готовите сами себе!» Повсюду слышно о катастрофах. Даже в Атлантическом океане происходят землетрясения и всплывают новые острова. Из-за вашего преступного легкомыслия столь ненадёжным стал «корабль» нашей планеты, под которым угрожающе зияют глубины бездн. Те, кому надлежит держать руль судеб планеты, забывают о совести.

Утром, когда проснёшься, так часто болит сердце...

3 марта

Мне всё время было неспокойно по поводу отосланного списка картин. Коллекцию, выставленную в музее, трогать не будут, но там ведь самые впечатляющие: «Кулута», «Часовня Сергия», «Брамапутра»... Я сегодня наконец отослал письмо Юрию, может быть, он сможет повлиять на отбор картин. Это – моё первое письмо туда. Как-то я написал, когда друзья ехали, но мы решили не давать им с собой.

Весь этот день захватывал меня ураган неизведанной тоски. Древнейшая тяга сердца к Востоку. Вся давно пережитая радость и святость. Сердце ощущало и такую родственную близость к Юрию. Я сбежал в Юрмалу. Пытаюсь писать новую главу к «Введению в Живую Этику».

5 марта

В сердце таю свою нескончаемую тоску. Сегодня нашёл в архиве стихотворение, написанное в 1941 году, захватило сверх края, больно, но одновременно торжественно и восторженно. Когда же, о когда же придёт Весна к человечеству?!

Настанут все же времена,
Когда все расы и народы
Сольются в братстве на века,
В единстве победят невзгоды.
Далекой сказкой станет зло,
Над миром власть утратит злато,
И улыбнется друг светло,
Благословляя сердцем брата.
Сползет тяжелая плита
Греха и зла с людской природы,
Расправит крылья вновь душа,
Свет Духа озарит народы.
Так будет, верь мне. Верь мне брат!
Доверься сердцу – сердце знает!
На небесах колокола звенят
И Воскресенье мира возвещают![1]

15 марта

Музей получил из Москвы телеграмму, чтобы выслали 12 ранее упомянутых картин и ещё те, которые я предложил Юрию. Те двенадцать немедленно отослали, но остальные – нет, якобы не хотят разрушать выставленную коллекцию. Так тьма в лице директора тормозит. Сердце всё время болит и жаждет повлиять, чтобы отослали хотя бы «Кулуту» и «Часовню Сергия». В конце концов я сегодня послал ещё письмо Юрию. Я предложил, чтобы он лично написал – тогда будет успех.

22 марта

Всё время я пытался разузнать о состоянии выставки и о дне открытия.

[1] Перевод с латышского М. Скачковой.

Из Москвы знакомые писали, что в связи с тем, что выбранное помещение слишком мало, выставка отложена на май. И тут вчера я получил известие, что директор нашего музея звонил в Москву и ему сказано, что выставку откроют 5 апреля, в уменьшенном количестве картин, в помещении Союза художников, на Кузнецком мосту! Очень жаль, что невозможно показать выставку во всей грандиозности, но и откладывать нехорошо.

Да воссияет Свет!

Да будет триумфальным Имя Рериха!

27 марта

Всё ещё Армагеддон. Дугпа действуют изо всех сил. Выставка отложена на 10 апреля. Нам пишут, что выставка будет только на короткое время (?). Не знаю, какие ещё закулисные баталии там происходят. Конечно, я не жду письма от Юрия. Он делает, что может. Сегодня я говорил с директором нашего музея Пределисом относительно отправки трёх картин. Он отвечает решительно и лаконично, что не хочет разрушать экспозицию! Если бы выставка не проводилась в сокращённом виде, то можно было бы бороться дальше.

Какие-то события назревают в пространстве. Первый секретарь[1] избран председателем Совета министров. Западная Европа вооружается ракетными базами. Наука соревнуется в создании новых «спутников Земли». Нарастает несравненно техника, но и пропаганда атеизма. Можно сказать, что только в редкой советской книге автор так или иначе не пытается «уколоть» религию. (Но есть Приказ Учителя бороться с безбожием, которое отравляет больше всего сознание молодого поколения.)

20 апреля

Всё ещё моё сознание как в волшебных узах, во власти бесконечной красоты, полно невыразимой тоски. Ведь мои глаза видели сказку на земле, как же теперь сознанию переключиться на самые повседневные вещи?!

Всё время с тревогой сердца я следил за ходом подготовки выставки. В Рижском музее работает Качалова, которая меня обо всём информирует. Наконец, мне стало известно о приказе министра культуры Михайлова, который назначил выставку на 12 апреля. Потом Качалова уехала в командировку в Москву, где и сама участвовала в организации выставки. В первом письме она мне писала, что встретила Юрия и он рекомендовал быть осторожным со здоровьем, и если я не буду чувствовать себя совсем хорошо, то лучше не ехать. Во втором письме она сообщала, что музей всё же высылает «Кулуту» и «Брамапутру»! (Я очень рад нашей победе.)

Таким образом, мы собрались в дорогу: я и Гунта, присоединилась и Каролина. Гаральд и Бруно решили лететь в день открытия на самолёте. У Илзе после фестиваля всё ещё держалась повышенная температура, хотела лечь в больницу, но надо было ждать операции на гландах. Я предложил и ей поехать с нами вместе на выставку. В последние дни чувствовал себя совсем больным – головокружения и давление. Я даже не знал, смогу ли ехать в поезде, но начала просыпаться психическая энергия. Одиннадцатого апреля мы приехали в Москву. Через несколько часов мы были уже в квартире Юрия. Разумеется, приняли нас очень радушно. Я вручил Юрию посланные нашими друзьями четырнадцать роз и перевод своей «Аспазии», который только что получил от Осташовой, затем – красивую книгу: Schulemann. «Geschichte der Dalai-Lamas»[2]. Он рассказывал, сколько пришлось сражаться, чтобы добиться выставки. Даже в последний момент узнал, что вместо выставки Н.К. решили устроить выставку Родионова. А выставку Н.К. – отложить! По этому поводу он пошёл к Михайлову, который дал приказ открыть выставку 12 апреля.[3]

(Свою встречу с Юрием и выставку я описал в «коричневом блокноте»).

Юрий был занят, вскоре ушёл.

Рая и Людмила ознакомили нас с коллекцией картин Н.К., которую он подарил своему сыну. Здесь ведь – целый музей! Затем провели нас в свою спальню. Потом показали святые для них альбомы, где фотографии экспедиции и комнаты Е.И. в Наггаре и Калимпонге.

[1] Никита Хрущёв.

[2] Шулеманн. «История Далай-лам» *(нем.).*

[3] На Кузнецком Мосту, 20.

Сердце словно ослепило светом. Рая и Людмила проявляли к нам такое доверие и любовь. Даже подарили фотографию рабочей комнаты Е.И., наиболее священный её уголок. Они часто плакали, выходили в другую комнату, чтобы не показывать своих переживаний. Их сердца не выдерживали, соприкасаясь с когда-то столь привычным, сокровенным, а ныне – недосягаемым.

В субботу, 12 апреля, в 9 часов мы направились на выставку. Через час, когда мы уже ознакомились с экспозицией, начали подходить гости. Первое впечатление – нечто чрезвычайное, ослепительное, чудесное. Истинно – волшебство красок. Когда входишь в центральный зал, чувствуешь себя, как в сказочной стране. Как же это возможно, что есть сознательные люди, и особенно художники, не способные воспринять это до глубины сердца?!

Выставку открывал заместитель министра культуры Пахомов. Он упомянул и о Пакте Мира Рериха, который был принят в 1954 году ООН. Затем говорили Иохансон, Сергей Герасимов. Последний поздравил и Сына. Говорил секретарь индийского посольства, который в своей речи высказался, что видит в Рерихе и индуса. Что сегодня праздник и для Индии. Но наиболее чудесно, непревзойдённо говорил посол Цейлона[1]. <Рерих> – пророк, который жаждал братства человечества через искусство.

На второй день, в 11 часов, мы опять гостили у Юрия. Затем все вместе направились на выставку. Юрия окружила большая толпа молодёжи, задавали бесконечные вопросы. Мы сделали записи в книге отзывов, у меня получилась целая страница.

В понедельник выставка не работала. Я с дочерьми съездил к скульпторам Арендт и Григорьеву. Оба они – чуткие люди, старые теософы. Ей когда-то бывшая руководительница теософской ложи Буткевич подарила отличное изображение Учителя. Она интересуется и Учением, сама переписала «Братство». Подарила мне отливку миниатюрной статуэтки индийского святого. Были мы в мастерской выдающегося анималиста Ватагина, в этом же здании. Всю жизнь он лепил и рисовал животных. Был и в Индии, откуда привёз рисунки. Приятный человек, старый теософ. (Соприкоснулся и с Живой Этикой.) Мне кажется, что с этими людьми мне ещё придётся сотрудничать. У художников ведь более широкий диапазон, чувствознание, которые лучше приближают ко всем понятиям.

Вчера ко мне домой пришла теософка Рачинская, лагерная подруга Эллы, и Нагель-Арбатский, друг Хейдока, тоже возвратившийся с Севера. Последний хотя человек и сердечный, но внутренне сдержанный (он, однако, интересуется Учением), но вижу – психист, у него какой-то странный провод в астральный мир, и вообще – самомнительный относительно своих способностей. Но ведь самомнение – первое препятствие на пути Эволюции.

На выставке я ещё встретился с гомеопатом Бубновым, который приехал из Ленинграда. Он – добродушный старичок, у которого дочь и внучка тоже врачи и, так же как и отец, интересуются теософией. Он в восторге от писем Е.И. Трудно, однако, ему будет освободиться от своего личного мнения – он ищет синтез теософии и христианства. Вообще, с молодым поколением несравненно легче найти взаимопонимание и говорить о существенных вопросах. Их сознания эластичны, и с каким почтением они прислушиваются к каждому слову!

Познакомился я и с неким Обнорским, который из теософа внезапно превратился в кришнамуртиста, прочёл «Книгу жизни» Кришнамурти. Действительно, последний всё ещё разъезжает по миру и смущает слабые сознания. Кому же теперь Кришнамурти служит, сознаёт ли он, что творит? Наше мерило, от которого Кришнамурти уклоняется, единственное – Эволюция и Иерархия.

Переночевал я у Антонюков, милых людей, тоже бывших теософов (ныне – сторонников Живой Этики), распространяющих свет и на других. Но им трудно освободиться от привычек. Как все – идут спать в час ночи. Мне трудно было уснуть и спал мало, и это ещё больше усугубило давление моей больной головы. Потому уже во вторник я отправился домой, но ещё с утра вместе со своими дочерьми гостил у своих милых Друзей.

Вернулся домой, но можно понять мою невыразимую тоску! Надо было всё же ещё на несколько дней остаться.

---

[1] Малаласекера.

Но я один без провожатого никуда не могу идти. Гунта в университете. Илзе легла в больницу. Рассказал обо всём друзьям. Написал обширную статью о выставке, отдал через Судрабкална в редакцию «Литература ун Максла»[1]. Интересно, как теперь отреагирует официальная мысль? Мы – наиболее преследуемые, от нас убегали, как от чумных. Имя Рериха когда-то было <для властей> самым страшным. Но теперь приближается Победа в наиболее широком смысле. Да воссияет Свет! 12 апреля – исторический день на скрижалях культуры Русской Земли. Истинно – поворот. Истинно – начнётся стремительное восхождение.

Вчера во главе с Драудзинь ещё семеро наших друзей поехали. Нам сообщили, что срок закрытия выставки – 22 апреля, потому так торопились. Надеюсь, что выставку ещё продлят. Потоки посетителей заставят дирекцию уступить.

Выставку перевезут в Ленинград, в Тбилиси, а также в Ригу. Тогда опять мы будем среди незабываемых образов.

7 мая

29-го вернулась Екатерина с друзьями. Каждая весть была великим переживанием. В первый день меня посетила Екатерина, затем я пригласил Мету, Лонию Андермане, Мильду Бонзак.

В пылком восторге каждая имела что сказать – что-то своё, особенное. Последние на выставке постоянно ходили за Юрием, когда он, окружённый толпой молодёжи, ежедневно давал пояснения, находя контакт с молодыми пламенными сознаниями.

В последнее время в очереди люди стояли уже по 3-4 часа. Большинство – молодёжь, по дороге в школу или из школы. В этих очередях искрились и вспыхивали в пространстве многие мысли и пожелания. К примеру, кто-то сказал: «Звезда брошена в сердце России!»

Друзья заранее созвонились с Юрием, попали без очереди. Сказали: «Мы к Юрию Николаевичу». Когда в очереди начали роптать, вахтёрша сказала: «Да это всё люди Рериха».

Юрий велел Екатерине передать мне сердечные приветы и благодарность за письмо, передал для меня краткое ответное письмо, Рая и Людмила <передали письмо> Гунте.

Екатерина гостила у Юрия вместе с Метой и Ольгой Крауклис. Во второй раз она была одна.

В принципе решено, что будет постоянный музей, наверное, в Архангельском, около Москвы. Издадут монографию, цветные репродукции, будет и документальный фильм.

Явился на выставку и Михайлов, больше всего в восторге была его жена. Она пришла и вечером на «световые эффекты»[2]. Она предложила продлить выставку до 4 мая. Вообще, и сам Михайлов очень заинтересован.

Событие в самом деле великое. Энтузиазму многих нет границ. Это отражается и в книге отзывов, иногда достаточно резко. Например: «Как нас до сих пор обкрадывали!» Все едины во мнении, что такой выставки ещё никогда не было. Требуют музея, книг и т.д. Юрий сказал Екатерине: «Волна пошла вверх, нам надо радоваться, но мы не имеем права их напугать. Придёт время, когда сможем что-то делать, печатать книги и т. д.» Конечно, сознание пробуждать надо постепенно, нельзя переусердствовать. Мы, рижане, старались быть по возможности «скромными и незаметными». Но сердце у нас горит безмерно, сопереживая всему. Смотрим сердцем, хотим помочь.

Юрий напомнил мне, чтобы я спешно писал о картинах Н.К. – скоро пригодится. Е.И. ведь завещала, чтобы я написал «о космичности в искусстве Рериха». Эта задача глубоко отзвучит в моём сердце. Второе спешное задание – завершить популярный труд о психической энергии, который предназначался бы для всех.[3] Первый черновик сделан, но как много ещё нужно над ним работать, дополнять. Но не всегда будничные обязанности жизни позволяют возвращаться к самому любимому.

В московских газетах было немало статей о выставке. Ждём появления их и в журналах. Теперь с тоской жду каждой вести, как будут развиваться события с выставкой в Ленинграде, где её откроют примерно 10 мая.

---

[1] «Literature un Maksla» *(латыш.)* – «Литература и искусство», газета.

[2] Освещали картины различными цветами.

[3] «Психическая энергия».

Сведение об этом вчера получил наш Рижский музей. В Ленинграде выставка будет около месяца и затем, в середине июня, отправится в путешествие в Ригу!

Н.К. начинает теперь путь странника по своей родной земле. Но это – десять лет спустя после его ухода. Как бесконечно медленно растет сознание! Русская Земля только тогда принимает Священный Дар, когда многое уже слишком поздно. И всё-таки – никогда не поздно. Действительно, на пути восхождения русского народа теперь начнётся новый, звёздный этап.

18 мая

Рассказывают о громадном успехе выставки в Москве. Люди стоят по 4-5 часов в очереди. Кто-то сосчитал – 700 человек! Постоянно продлевают и продлевают. Крайний срок – 25 мая!

13 мая у Юрия была Ольга Крауклис. Привезла мне от Юрия сердечное письмо с цитатами из письма писателя Панфёрова. Оказывается, состоялось закрытое собрание художников и писателей, на котором по заданию ЦК говорил Панфёров. Решение ЦК – объявить Н.К. великим народным художником.

«Нужно воссоздать образ Великого Труженика, человека громаднейшей души». «Искусство его – это неореализм». «Молодёжь должна учиться». «Пусть будут последователи Репина, Сурикова и Рериха». «Пусть подражают».

Несколько журналов будут посвящены искусству Н.К. Будут репродукции, монография, наконец – музей. Фильм, телепередачи.

Юрия пригласили читать лекции об Индии в Московском университете. Какая-то молодёжная организация пригласила его прочесть о йогах и религии Индии.

На выставке над <столиком> с каталогами было два плаката. Один с биографией Н.К., второй – о Пакте Рериха.

О Юрии и о выставке здесь подробно писать не буду, ибо всё это отображено в моей хронике – в «коричневых блокнотах».

16 июня

Этот день – осуществление всех наших многолетних мечтаний. Несколько лет назад никто бы в это не поверил. Этот день для нас, рериховцев, – Праздник Праздников. Почему же другие не ощущают, что это величайшее событие? Почему же не загораются несчётные сердца? На открытии народу было много, но как будет позже? Эта выставка на самом деле – камень испытания всем сердцам, Риге и Латвии.

На открытии были произнесены две сухие речи. Всё ещё руководящие круги полны страха и подозрений.

17 мая «Литература и искусство» поместила мою статью о московской выставке: «Выставка памяти великого художника». Это было истинным продвижением. Это подготовило дорогу для тех, кто ещё боязлив, многих – изумило. Только что рериховцев преследовали, а теперь у них триумф?!

Я слежу за каждой газетной строкой, относящейся к Н.К. В «Советской культуре» появилась статья Ольшевского, где подвергалась критике идейная сторона картин Н.К. Разумеется, у наших друзей это вызвало большое возмущение. Я послал <туда статью> «О жизненной правде в искусстве Рериха». Хотя чувствую, что не напечатают. Оказалось, что Ольшевский сам является там главным редактором.[1] Ещё предстоит с некоторыми дугпа сражаться. Но пусть сражается сердце самого русского народа. Сердце молодёжи от прикосновения к великому Искусству воспламенилось.

5 июля

Всё же Рига не выдержала одного из величайших испытаний. Не раскрыла своё сердце. Количество посетителей – умеренное. За первую декаду – 4000! В это число входят и наши друзья, которые приходят очень часто. Конечно, меня здесь видят каждый день. Встречаюсь со светлыми людьми. Здесь место встречи латышской духовной интеллигенции. Земдега, Галениекс, Атис Кенинь вместе с Аустрой Дале. Именно художников меньше всего.

[1] Впоследствии выяснилось, что Ольшевский – рядовой работник.

Нельзя сказать, что много и молодого поколения. Некоторые девушки часами сидят и смотрят. Кто может знать тоску, родившуюся в юной душе?

Из Эстонии приезжал Беликов. Он тоже написал в «Советскую культуру» статью, полемизирующую с Ольшевским.

Затем – были литовцы. Дольше всех прожила здесь Бирута. Были из Вильнюса, Каунаса. В прошлое воскресенье – Владас Яловецкас. Он – один из самых симпатичных. Он и ещё некоторые в последние годы были несогласны с Бирутой в связи с тем, что она под воздействием Вайтекунаса. Это – оппозиция Вайтекунасу. «Проблема Вайтекунаса» – вот, что до сих пор раскалывало единство литовских друзей. Бирута и Юлите <Миневичюте> встретились в моей квартире, вновь заложили «краеугольный камень сердца» единения и дружбы. Этому я был очень рад. Я сказал: «Что же на свете способно объединить, если не искусство Н.К.?» Во-вторых, что же, если не сердце, а литовцы ведь столь сердечны. Однако единение придёт постепенно, когда окончательно освободятся от Вайтекунаса. И в самом деле, он – странный человек, с ярким, суровым интеллектом. Некоторые его хвалят, другие – избегают. Его кардинальная ошибка – высокомерие: не вступил в Общество, но желал влиять на него, руководить, выступал временами против Юлите – самого чудесного человека, о которой Учитель сказал, что у неё наиболее гармоничная аура. Вайтекунас после ухода Юлите хотел руководить <Обществом>.

10 июля

В это воскресенье ко мне опять прибыла группа литовцев, чтобы я помог их единению. Зачем ставить в центр одного человека, пусть считают его таким же, как сотни других, со всеми его как хорошими, так и плохими свойствами.

В эти часы, когда грядут решающие события, когда рыцарям Грааля следует сосредоточить все свои силы ради Победы Света, жутко представить, что они именно теперь предаются разборкам личностной пыли.

Пусть память о светлой, героической Юлите опять вас обновит и объединит! Истинно так!

Из литовцев несколько дней гостила у нас Юлите Миневичюте – молодое, чистое сердце, она состояла в Обществе, жила вместе с Юлите перед её уходом. Я её просил, чтобы она написала воспоминания о Юлите. Она поможет литовцам решением сердца.

Вчера я встретился даже с Тарабильдами! Она – выдающаяся художница, он – окончательно застрял в инволюции, <запил>. Я сказал: «Именно искусство Рериха должно обновить. И Пакт Рериха теперь принят. Упоминается даже в июньском номере журнала «Советский Союз»!»

Почему не приезжает Надежда Серафинене? Ведь она хотела. Или она тоже стала «проблемой»?[1]

Истинно, выставка – это место нежданных, часто чудесных встреч. Всех людей со светлым сознанием, которых я раньше когда-то знал, встретил здесь. Выставка – часть Космического Магнита, притягивающего души, гонимые огнём устремления.

Нередко встречаюсь и с Фелицией Осташовой, человеком прекрасной души, она мне много помогает, переводя мои труды на русский язык и т. д. Приезжает сюда и вся даугавпилсская плеяда, воспитанная ею.

Екатерина недавно видела пророческий сон. Е.И. ей сказала: «В скором времени можно ожидать решающих событий». – «А что делать?» – «Быть готовыми».

Что за решительные события, о которых Е.И. предупреждает? Возрождение духа? Или – нечто политическое?

Сердце всё время напряжённо живёт в дыхании великих переживаний.

*

Оказывается, упомянутый сон имеет ещё вторую часть, на которую я не обратил внимания.

Екатерина шла дальше и встретила умерших г-жу Мисинь и Валковского.

---

[1] О Серафинене говорили, что она после ареста рассказывала на допросах всё, что знала, не понимая, что этим выдаёт друзей.

Рассказала им о своём сне, будто бы она его видит уже в четвёртый раз. Валковский сказал: «Если было четыре раза, то имеет значение».

В символике моих снов числа всегда имели значение. Может быть, 4 – означает месяцы? Значит, сон должен исполниться в начале ноября?

15 июля

Я всё ещё в растерянности. Как же могло случиться, что мы не победили, что выставку вчера закрыли? Нет, это вовсе не победа тьмы, просто – карма латышского народа. По сравнению с москвичами посетители слишком мало проявляли огня сердца. И, главное, вершители судеб Латвии по своей сути – истинные «каменные истуканы». Министр культуры Д. даже не был на выставке (его заместители всё же были). Вчера к нему ходили несколько делегаций с просьбой продлить выставку. Ольга Крауклис с друзьями понесла заявление, подписанное посетителями. Была и Илзе со студентами. Оказалось, что в этот момент в кабинете министра был Лебедев, начальник Управления культуры Москвы, который <настроен> против Н.К.! Не помогло и то, что звонили из Москвы из Министерства культуры, чтобы продлили выставку. Дело в том, что директор училища прикладного искусства Ф. хотел к государственным праздникам устроить выставку своих выпускников, и ему нужно было помещение. В лице директора музея Пределиса он нашёл себе настоящего строптивого боевого товарища. Так образовался тёмный фронт четырёх мужей. Истинно, Латвия – болото! Потому я говорил: было бы лучше, если бы вначале устроили выставку в Ленинграде, чтобы звонки из столицы сильнее долетали до нас и нарушали бы покой застывших мозгов властей предержащих. Когда же, о когда же культуру поведут опять истинные духовные факелоносцы, для которых Культура есть нечто, сияющее в сердце и во всей жизни?

Бедная Качалова много сражалась. Она меня информировала не только каждый день, но почти что каждый час. Так я постоянно сопереживал всем волнам, бушующим вокруг выставки. Она написала и четыре статьи для прессы («Советская молодёжь», «Литература ун Максла», «Звайгзне», «Лиесма»[1]). И в министерство она ходила в обход своего начальства. Я ей пожелал: «Вам надо стать незаменимой». (Пусть она больше читает Учение!)

Вчера, около часа дня, когда я пришёл в музей, над Ригой пронеслась гроза и ураган. Гремел гром и обрушивались потоки воды. Нам казалось – как символ.

В последнюю неделю было много посетителей. В Риге такого никогда не видели. Каждый день – новые неожиданные лица. Конечно, кто хотел, тот мог попасть. На каждом углу в Риге афиши. Сообщалось и в прессе.

Спасибо Тебе, Величественный Мастер, за великий Огонь, который Ты нам подарил. Он останется жить во многих людях – на века.

17 августа

Всё же нехорошо было начинать полемику с «Советской культурой». Ольшевский написал Беликову злое письмо. Не надо делать врагов. Дугпа, если спокойны, могут помогать строить храм.

Качалова звонила Юрию относительно выставки в Ленинграде. Открытие отложено на конец августа. В сердце готовлюсь.

Сегодня я завершил труд о психической энергии. Я хотел написать доступными словами, которые дошли бы до сознания всех. Придётся ещё много дорабатывать.

4 сентября

Наконец я узнал, что открытие выставки в Ленинграде 29 августа. Решили ехать – я с Гунтой и Илзе. Жаль, что Каролина и Бруно не поехали. Ленинград – красивый город с хорошей аурой, и люди светлее, чем в других местах.

Выставка проходила в помещении Русского музея, картины были широко размещены, однако я бы не желал здесь видеть постоянный музей Рериха. Всё же лучше где-то в отдельном, более уютном здании.

С Юрием я встретился за полчаса до открытия. Позже не удалось его найти.

[1] «Zvaigzne» *(латыш.)* – «Звезда», журнал. «Liesma» *(латыш.)* – «Пламя», журнал.

Он тоже нас искал в музее, куда заходил на минутку. Его отвлекали многие знакомые отца. Мне удалось встретиться с Юрием в день отъезда, 31 августа, и только на один час. Мы вышли в парк. Я рассказал ему о нашей выставке, о картинах. Институт востоковедения назначил его руководителем сектора истории буддийской философии и <истории> религии. По радио сообщалось о решении правительства об учреждении постоянного музея Рериха. Относительно сна Екатерины он сказал: «Не нужно сокрушаться. Всё будет хорошо. Но возможно всё. Ничему не надо удивляться». Он захвачен динамикой работы. И мы должны следовать его примеру. Более широко о наших переживаниях я записал в блокноте моей хроники.

Я переработал статью, которую посылал в «Советскую культуру», и отослал её сегодня в редакцию «Звезды».

Я навестил Гаральда, который вернулся после трёх месяцев пребывания на Памире. В Ташкенте с ним произошёл несчастный случай, который повлиял и на ход его путешествия. На этот раз он послушался моего совета и написал две тонкие тетради путевых заметок врача. Он ведь всю жизнь забывал о своей главной миссии – заложить основы новой медицинской науки. Пусть хотя бы думает об этом, хотя бы записывает. Освободился бы он наконец от своих «настроений». Если бы он находил больше времени для Учения, вся его жизнь развивалась бы иначе.

30 ноября

Всё это время очень спешно я работал над своими трудами. За этот год перепечатано на машинке, кроме «Братства Грааля», «На горе судьбы» и «Миссия поэта»[1]. А этой осенью – ещё «Воин Грааля»[2], «Матерь Агни-Йоги»[3], «Бессмертные Лики», «Построим гору». В последнее время я задумал собрать разбросанное по бумагам и составить четвёртый сборник своих стихов, который бы отразил период времени от «Прекрасной душе» до 1942 года. Таким образом я 24 ноября отдал «печатать» свои «Огненные крылья». Многое исправлял, дополнял. Теперь берусь за вторую правку «Введения в Живую Этику». Много, очень много ещё необходимо работать. Тороплюсь, ибо сроки кратки. Притом ноябрь – месяц чрезвычайно тяжких токов. В последнее время опять чувствую себя больным. Давит в груди и опять сильные натиски на голову. По утрам стараюсь преодолевать <недомогание>, ибо должен работать. Психическая энергия на время возобновляет силы. Надеюсь, что в скором времени снова сложатся нормальные условия.

В Киеве выставку открыли 16 ноября. Я хотел тайно и туда съездить, но ныне это невозможно.

В 10 номере «Октября» напечатаны «Листы Дневника» Н.К. Вновь сердце соприкасается с великим, незабываемым Огненным Духом.

19 декабря

Гунта счастлива – 5 и 6 декабря была в гостях у Юрия. Она ездила вместо меня, ибо особенно в те дни я ощущал кульминацию тёмных нападений, и один не хотел рисковать. Мне надлежало решиться незамедлительно, ибо Гаральд уехал в Киев без моего ведома, а ведь с Гунтой Юрий и сестрички в самых дружеских отношениях, поэтому, думаю, он ей раскрыл то, что другим вряд ли сказал бы. Главное, будущий год – решающий! Будем в сердце готовы. Стало быть – сон Драудзинь соответствует истине! Во-вторых, в скором времени Святослав приедет в Россию с выставкой своих картин. Девика будет его сопровождать.

Надо было срочно ехать в связи с журналом Асеева, который нас крайне взволновал. Обо всём этом я уже писал в другом блокноте. Я попросил Д., чтобы больше не принимал ... и мне не посылал. Истинно, на Западе хаос нарастает, ибо даже лучшие люди не ведают прочной линии, или в них наивность, приводящая к великим ошибкам. Асеев совершил деяния, которые особенно ужасны в эти дни Армагеддона.[4]

---

[1] Опубликовано в альманахе «Звезды Гор», № 4, 2003 г.

[2] Там же.

[3] Опубликовано в альманахе «Звезды Гор», № 3, 2002 г., под названием «Матерь Живой Этики».

[4] А. Асеев напечатал в 15-м номере «Оккультизма и Йоги» Портрет Учителя.

Гаральд за один день часто принимает более пятидесяти пациентов! При этом он боится внезапной проверки. Его нервы часто на грани срыва. В такие моменты он на многое смотрит сквозь чёрные очки. Мог бы я ему помочь! Знал бы он, что, быть может, только я его по-настоящему понимаю и уважаю сердцем, и желаю от души, чтобы кроме своей лечебной практики он начал работу по своему второму главному заданию – научной деятельности. Драудзинь чрезвычайно торопится со своим индексом, уже начинает перепечатывать на машинке. Предыдущий индекс уничтожен.[1] Мета – в стопроцентном служении. (Учение ведь оценивает людей по незаменимости.)

[1] При обысках.

1959

18 февраля

Гаральд всё время пребывает в очень встревоженном состоянии, я предложил ему поехать к Юрию, тем более что Юрий сам им интересовался. Таким образом, 28 декабря Гаральд побывал в Москве. Юрий передал для меня письмо. Мне запали в сердце его слова, что статья о космичности в искусстве Н.К. потребуется очень срочно. И поэтому с 1 января я отбросил в сторону все другие работы и начал собирать материалы и писать заметки. К 19 января я составил подробный план. И, таким образом, вчера я завершил первый черновик к работе «Космические струны в творчестве Николая Рериха». Я очень торопился, превозмогал по утрам усталость и токи, часто импровизировал, ибо знаю, что многое придётся исправлять и дополнять. В смысле творческом я себя хорошо чувствую только в одиночестве в Меллужи, но изумляюсь, что, хотя голова в этом году более-менее в порядке, в ноябре при всех ужасных давлениях мысль работала в целом острее. Этот год величественный, хотя и суровый, но полный веры. Только нервы трепещут в громадном напряжении; кто знает, что происходит в атмосфере (что творится в Тонком Мире?).

12 февраля было 80 лет со дня рождения Матери. Сердце чрезвычайно стремилось в Москву, но на этот раз я не мог. В тот день я ходил к Якобсонам, где мы провели импровизированный час памятного посвящения. Я прочёл свой труд, который когда-нибудь послужит основой для книги.[1] Вечером был у Гаральда, который лежал, тяжело больной гриппом. Повсюду эпидемия гриппа, и сестричка Юрия, Рая, болела.

Гаральду выпала неожиданная поездка в Москву второй раз, примерно 11 января. Он посетил гомеопата Мухина, конечно – и Юрия. Ему больше не хотели разрешать частную практику, но после возвращения ему опять повезло. Оба раза он привозил от Юрия просьбу – перепечатать статьи из книг Н.К., ибо предвидится издать сборник его статей. Мета отлично справилась с этой срочной работой. Второе послание Юрию отвезли 24 января. Статьи отданы знакомой Юрия для «контроля», вряд ли так скоро издадут.

30 января побывала в Москве Екатерина. Гаральд как-то «импульсивно» предложил ей поехать в Москву в гости. Может быть, слишком быстро, без задания, но Екатерине ведь нужно было когда-то съездить. На второй день она уже была в пути. Таким образом, я откладываю на март. Углублюсь в работу. Главное – утроить труд. Статью о Е.И. надо перевести на русский, дать Юрию, когда встречусь. Осташова ныне переводит мою книгу о Братстве. Может быть, потребуется в скором времени, как знать? Конечно, начать можно будет только с Москвы. Всем, кто стремится помочь, сердце моё говорит – Спасибо!

6 июня

Сегодня ночью опять всплыла невыразимая тоска, ныло сердце. Спал мало. Давило на голову и на сердце. Думал о состоянии планеты, о драме человечества, о друзьях, о Юрии Николаевиче, о себе и Гаральде. Этот год действительно является годом великих перекрёстных путей для человечества и для нас всех. Теперь в Женеве на конференции министров иностранных дел происходит последняя попытка найти взаимопонимание, хотя обе стороны глубоко застряли в своих непримиримых доктринах, слышат только самих себя. Разве возможен здесь хоть малейший успех? А когда делегаты разбредутся по домам, что тогда? Все государства, дружные с Америкой, уже вооружены атомными ракетами. Где же сознание, которому можно сказать: «Человечество, не устраивай себе катастрофы»?

Этой зимой с поездкой в Москву мне не повезло. Пятого апреля в Малом зале Дома учёных был вечер, посвящённый Н.К.

Я заболел гриппом. Как часто и реально я чувствую нападения тёмных. Наконец, с 16 по 18 мая мы достигли давно желаемого. Между прочим, по заданию Гаральда мы отвезли Юрию тяжёлую палатку для экспедиций и его лекарства. Попали мы на два вечера, посвящённые памяти Н.К.: в Доме художников и в Большом зале Дома учёных.

[1] «Матерь Агни-Йоги».

Многое узнал, пережил. Краткое время было стопроцентно использовано. Подходят и новые друзья (Учения). Лето Юрий проведёт на своей даче под Москвой, которую ему только что выделили. В конце июля поедет в Монголию.

Неожиданностью для нас было узнать, что Юрий болен опасным малокровием, гемоглобин – 37. Потому взял отпуск, много гуляет, лечится. Причина, по мнению самого Юрия, – усталость из-за многочасовых и безмерно изнуряющих институтских заседаний, притом в прокуренных помещениях. Но я думаю, что виновата и диета: он мало ест, мало витаминов. Не знал, что в большом городе всё иначе, чем в Гималаях, где можно было жить праной.

Сердце болит и при мысли о Гаральде. Перед поездкой мне сильно сдавливало голову, была усталость. Гаральд меня магнетизировал, и почти всё прошло. Между нами был тесный контакт. Знаю, что с этого момента он будет стараться перестроить и свою жизнь, даже характер, ведь иначе не может быть. Первого июня он уехал на практику в Ленинград. В начале июля поедет в экспедицию на Алтай. Не знаю, каково будет его развитие за эти долгие месяцы, но ему в конце концов нужно с собой справиться. Он обязан осознать и свою истинную задачу. Он ведь не только врачеватель, в первую очередь он должен быть учёным. Уже неоднократно я напоминал, что нужно определить своё credo. Его лекарства имеют громадный успех, но его психотерапия нередко никуда не годится. Часто об этом переживаю. Также следует установить диагностику как точную науку. Я однажды предложил ему продолжить <начатую его> отцом диагностику по глазам, и Е.И. это поддерживала. Гаральд доверяет только своей интуиции. Ему следует изучать и болезни, связанные с центрами, токами, взрывами на Солнце, тёмными нападениями, – всё, мимо чего он проходит. Мои тяжкие давления – это не только явления органические или нервные, я это знаю. Например, кульминации моей болезни были 23 февраля 1956 года и в мае нынешнего года, в обоих случаях имели место сильные взрывы на Солнце. Я хотел бы с кем-то посоветоваться, но прислушиваюсь только к Учению и к своему сознанию. Гаральд очень отзывчив, но ему следовало бы посещать тех больных друзей, которые из-за скромности избегают просить помощи. Сердце горюет относительно Осташовой, она истинно незаменима. Вырастила много учеников, но у неё больное сердце, аппендицит.[1] Драудзинь стойко держится, проживая в сельской местности, преодолевает болезни своей огромной волей. (Завершает составление своей «симфонии Учения».) И Мета не совсем здорова. Новый Мир у врат, труд наших рук тоже будет необходим. Ольга Крауклис, которая болела раком, ушла в День Учителя. В этот День среди нас всех был большой подъём и Свет.

Я пробовал несколько раз сотрудничать <с журналами>, но – тщетно. Мою «Миссию поэта» редакция «Карогс»[2] давно потеряла. В конце апреля как-то внезапно я решил подготовить сборник своих стихов. И так свой сборник «Сердце, спеши к Утру»[3], сильно «правленый и приспособленный», я отнёс в издательство. К сожалению, в это время в отделе художественной литературы произошла замена заведующего, вместо Мелниса стал Бруно Саулитис, спортсмен. У последнего совершенно отсутствует тот орган, который называется духовностью. Потому полученный мною отзыв был – «жуткое святошество». Дебатируя с ним, я указал, что Рига «влачится в хвосте Москвы», что только по указке Москвы были напечатаны <Фрицис> Барда и <Карлис> Скалбе, и мои стихи когда-то окажутся годными.[4] Заберу свою книгу обратно.

Ведь уже пророчествовано: «Скоро будут большие сдвиги, большие энергии спускаются на Землю!»

Сердце, спеши к Утру!

Перебираю, исправляю, собираю и свои старые статьи и книги. Труд о Космических струнах перевожу на русский язык. Тороплюсь.

12 августа

Летом, как обычно, живу в Меллужи. В этом году пробую хотя бы немного закаляться.

---

[1] Впоследствии выяснилось, что рак.

[2] «Karogs» *(латыш.)* – «Знамя».

[3] «Sirds, steidzies pret Ritu» *(латыш.)*.

[4] Сборник был напечатан в 1995 г. в издательстве «Угунс» возобновлённого Латвийского общества Рериха.

Минувшей зимой я чувствовал себя временами очень плохо. Все силы надо собрать для Будущего. Только, как всегда, несколько раз в неделю отправляюсь в Межапарк, за сорок километров отсюда. Всей семье надо бы переехать в Меллужи, где совсем иная прана, но ныне это ещё невозможно. Мешает и неритмичность, которая здесь царит, особенно в ягодный сезон. Также – дисгармония сознаний. За миллионы лет человек не научился прежде всего и поверх всего искать «ключи царства небесного», в том числе и в условиях тяжкого физического труда. То, что одно придаёт жизни содержание и смысл. И всё же я лучше всего могу предаваться творчеству здесь, на свежем воздухе морского побережья. Спешу, как могу.

В конце июня Гаральд вместе со своей женой и художником Страутманисом поехал на Алтай. Он увёз с собой моё напутствие, письмо о главной части своей врачебной миссии, которую он ещё не начал. Написал я о том, что наболело у меня на душе. Он ведь должен быть врачом – последователем Учения, стало быть, не только врачевателем, но и учёным. Кто же будет изучать «священные боли», токи, пятна на Солнце, лучи и т. д. и их воздействие, если не он? Кому же научно обосновать и чрезвычайное значение психической энергии? С Гаральдом я послал привет Белухе, где свои магниты оставили Будда, Е.И. и Н.К., и к которой стремятся сокровеннейшие мечты моего сердца.

Большим событием в нашей жизни было, когда 25 июля Гунта и Марите через Москву отправились на Кавказ. Гунта – вместе с Метой и Бонзак, Марите – в поход со студенческой группой. Я сам чрезвычайно переживал вместе с ними, ибо моя любовь к горам только растёт. Разумеется, не к Кавказу, но к Гималаям и Алтаю. Было большое волнение и тогда, когда мы узнали, что в Третьяковской галерее 20 июля открывается выставка Н.К. Весть пришла нежданно. Притом я дал письмо Гунте для Юрия! Ей действительно посчастливилось. Его могло не оказаться в городе, ибо собирался ехать в Монголию. В первый день она встретилась с сестричками, во второй – с самим Юрием. Хочу здесь только отметить, что Юрию на Пасху приснилось видение, схожее с картиной Н.К. «Сам вышел». Истинно, этот сон может иметь большое значение в ближайшем будущем. Сердце чувствует, что приближаемся к чему-то небывалому. Что бы ни случилось, в конце концов раскроются все возможности для возрождения.

Ещё большим переживанием оказалась моя поездка в Даугавпилс с 6 по 9 августа. Уже давно Осташова приглашала меня в гости. Она, истинно, свершила благороднейшее дело. Её семейство очень большое. Здесь в основном её собственные ученицы, которые её так любят и прислушиваются к каждому её слову! Кроме книг Учения, она давала и мои труды, и переведённые рукописи. По рукам ходят и фрагменты о Граале. Поэтому можно представить, какими чувствами расцветали души тех, с кем я встречался. Как радостно было взирать на молодые лица, сияющие энтузиазмом. Невыразимая радость познакомиться с людьми, пищей для которых является огонь духа, которые пламенно жаждут знать ещё и ещё, стать лучше, которые ведают, что необходимо для настоящего счастья их жизни. Из старших я встретился с Дегсне, которая достойна своего имени[1]; с Ессе, которая помогала в переводах моих трудов, собирает материалы о «необычном», отца и сына Дергачёвых. <Владимир Дергачёв> составил своеобразный индекс Учения, его я нашёл тяжело больным раком. Но подходит молодое поколение, лучезарное, которое осуществит то, что мы не смогли. Там была Регина <Буша>, которая слушала <меня> с такими сияющими глазами, что забыла даже поспешить к своему трёхмесячному ребёнку. Там и другие. Больше всего меня поразила судьба двух юных людей. <Молодая женщина> болеет туберкулёзом костей. Бр. уже второй год лежит неподвижно в постели, и муж её больше не любит, приходят иногда её сестры и ухаживают за ней. Всё же устремление и героизм горят у неё в глазах. С грустной улыбкой она сказала: «Я заслужила, потому должна платить». Как благостно, если человек понимает, тогда и ноша не столь непосильна. Как мне хотелось ей помочь! Если бы я был врачом с громадной психической энергией, как Гаральд, я призвал бы все силы духа и вылечил её! Второй случай – молодая аптекарша Елена Филипёнок, которая ходит с палочкой, преодолевая боль (для неё Учение – единственная поддержка). Да, чего же только не приходится терпеть человеку! Но даже в глубочайшем горе вы всё же счастливы, если можете прояснёнными глазами смотреть на всё (если всегда знаете, где спасение).

[1] Degt *(латыш.)* – гореть.

Да будет Благословение с вами, чистые души, растущие в Свете! Было бы таких побольше во всём мире. Но кто знает, <сколько их>, ведь тихие герои проходят мимо нас чаще всего незамеченными.

Я ощущал себя паломником, идущим к сердцам, чистым и сияющим тоской по благу. Домой я уехал исполненный сокровенных чувств.

I960

20 марта

Умчались дни, умчались часы многих переживаний сердца, пламенных мыслей и крылатых взлётов. Многое из своего самого сокровенного я описываю на страницах моей хроники, потому здесь пишу так мало.

Гунта, побродив по всему Кавказу, вовсе не направилась вместе со своими подругами в Крым, но подалась обратно через Москву, «увлекаемая магнитом сердца», и 26 августа ещё встретила Юрия, который должен был ехать в Монголию только 30 августа.

Затем, 27 сентября, попал и я в Ашрам моего сердца. Были две чудеснейшие встречи. На улицах было очень солнечно. Юрий мне много рассказывал о международном конгрессе в Монголии. Показывал памятные дары, которые вручались всем участникам конгресса, эти знаки истинно вызывали великое изумление: кожаная папка с золотым тиснением – знаком Шамбалы, такое же воспроизведение знака на жетоне; жезл – длинноватый бронзовый «дайк» на монгольском языке, какой в древности давался послу хана. Затем в монастыре Гундена <вручались> жетоны с изображением Будды, и небольшая фигурка Будды. Эти знаки действительно чрезвычайные, они как бы предвещают Новую Эпоху.

Рассказывал о своём путешествии и в Улан-Удэ, обещал институту Бурятии летом жить у них и читать лекции. Будет жить там вместе с сестричками.

Поведал мне о книгах по буддизму, которые выйдут в издании Академии наук, о выставке, о прогнозах будущего. Часы умчались в искрящихся вдохновением разговорах. Для сердца это было величайшей радостью – побыть в сиянии атмосферы дисциплины и оптимизма этого великого духа.

Я посетил и ближайших знакомых Юрия (друзей Учения) – художника <Бориса> Смирнова и Виктора Тихоновича Черноволенко. Последний – явление необычное: не зная нотной грамоты, он импровизирует на рояле. Свои музыкальные импровизации – звучания высоких сфер – он записал на магнитофон. В возвышенном настроении я слушал его «музыку сфер», как её назвал Юрий.

В начале ноября приехала Бирута Валушите, привезла фрагменты писем Е.И. от 1955 года, написанные Инге. Событие – читать эти важные письма. Войны не будет, всё послужит на благо Великого народа. Мы идём к возрождению науки.

В ноябре я сильно заболел желудком. Даже ходил на рентген. Самочувствие было очень плохое. Однако я преодолевал себя, чтобы вовремя сделать сборник легенд для детей «По солнечной тропе»; здесь я пропустил нравоучительную часть, которая была в книге, написанной в лагере. Переписывая всё заново, чрезвычайно переживал. Когда-то эту книгу для детей надо будет расширить. В Даугавпилсе Осташова и Ессе перевели её на русский язык, и теперь для себя её переписали десятки людей, читают большие и малые. Как хотелось бы мне когда-нибудь дать детям лучший дар своего сердца.

Летом и осенью я интенсивно переделывал главы в своём «Введении в Живую Этику». Ещё осталась глава об Учителе, которая требует сокровеннейшей и торжественнейшей концентрации, но в последние дни декабря я решил писать «О психической энергии – путеводной звезде человечества». Первый набросок я уже сделал два года назад. Над этой темой я работал с великой неотступностью, каждое утро, по вечерам собирал материалы, таким образом, за два месяца в общих чертах завершил. В январе даже никуда в гости не ходил, и теперь всё ещё пытаюсь сосредоточиваться только на одной мысли – на своём любимом Агни. Перечитываю ещё раз все книги <Учения>, дополняю, на столе груды научных книг, ищу примеры, прислушиваюсь к разговорам. Нежданно, магнетическим притяжением, получаю помощь: идеи, книги. Даже спрашивал Юрия, как же всё научно сформулировать? Если бы я был физиком, то легче было бы найти подход. Трудно ведь выражать мысль сквозь сознание советской науки. Но говорят, что и в ней происходят большие повороты, будто бы есть много трудов, которые доступны только учёным и которые опасаются ещё разрешать публиковать, ибо наука о материи со своим энергетическим подходом уже давно опередила (мысли Ленина).

Нас обрадовала статья в «Комсомольской правде» (15.XI.59) «О передаче радиомыслей», в связи с когда-то проводимыми экспериментами в институте Бехтерева. Я отослал туда свою статью, где затронул вопрос психической энергии. Понятно, что отвергли – будто бы необходимо нечто современное и в соавторстве с «физиологом».

Затем эту статью я послал в «Знание – сила». Пусть происходит духовный сдвиг, пусть поначалу сами редакторы и их окружение подумают. Ныне даже в поезде так часто слышу дебатирующих о лучах, энергиях. Сознание советских народов готово к возрождению – и ведущая наука должна дать это направление.

20 марта

Блистание снегов
(по пути в Москву).

Сегодня град неожиданных переживаний, напряжения, неудач, но также и удач. Кажется, какая-то противная сила хотела задержать, и даже билет взял последний. Консонанс здоровья – как никогда. Сердце предчувствует много чудесного. Avanti!

27 июня

Снова в пути.

Снова взор впитывает красоту планеты. В молодости я любил каждый цветок, былинку придорожную, все казалось стоящим восхищения, одухотворения. Сейчас сердце горит: хочу всю красоту мира, все благое, мудрое вобрать в себя, преобразить свою сущность. Как бесконечно много незаметной красоты, сколь беспредельны вершины знания. Но как на самом деле мало знаю. Почему не развили, не просветили сознания моего мозга и сердца уже с детских лет?! Почему каждую кроху сокровищ эволюции мне пришлось добывать с таким тяжким трудом, в исканиях, даже в страданиях, пока дошел я до осознания настоящей этики? Но еще и теперь я нахожусь на первых ступенях. «Чем дальше я иду, тем дальше горизонт».[1] Дан Океан Учения, который полностью не усвоят и в шестой расе. Истинно, каждая чаша из этого источника, выпитая с пылающим сердцем, дает бессмертие.

1 ноября

Сердце в новое паломничество устремляется. Каждая клетка горит в великом напряжении. Придет утро, и вновь увижу любимые лица. Быть может то, что случилось с нами совсем недавно, всего лишь золотая легенда? И все самое глубокое, неприкосновенное, оставшееся в прошлом, было лишь сном? О нет, тогда и мое сердце – только сон. Ибо все сокровенное, пережитое мною, еще присутствует в каждом биении сердца. Но сердце вечно стремится в Будущее и на своих крыльях несет каждое сияющее чувство и мысль из прошлого.

Когда мы проезжали Юмправу, я послал мысли сердца Драудзинь. Что думала, чувствовала в этот час наш самоотверженный Друг? Склонялась ли с улыбкой сердца над страницами «Тайной Доктрины», радуясь, что сможет их сделать ближе другим? Или с любовью размышляла о тех, кто ее любит? Сказано, что величайший подвиг – хоть одну душу вывести к Свету. Но сколько сознаний пробудила теплота твоего сердца и сознания!..

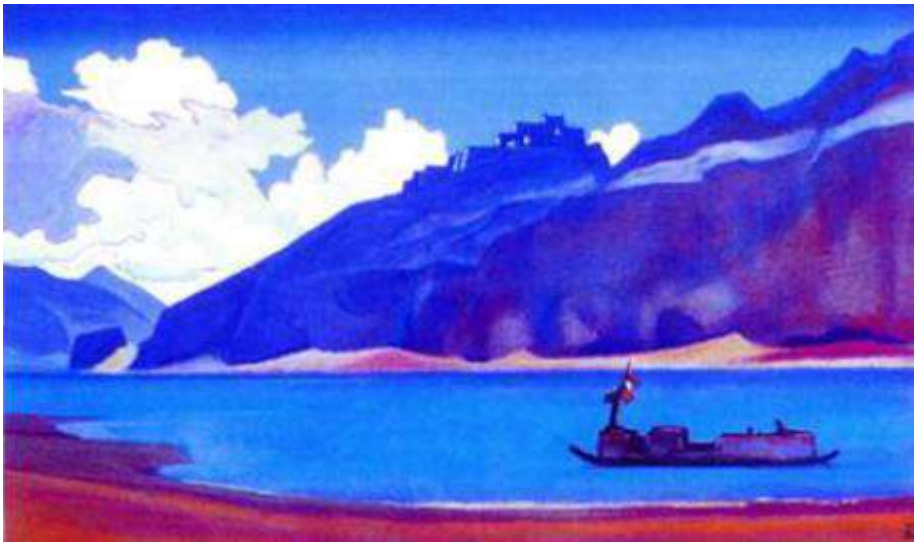
ЭТО БЫЛА ПОСЛЕДНЯЯ ЗАПИСЬ РИХАРДА РУДЗИТИСА.
ЧЕРЕЗ 4 ДНЯ, 5 НОЯБРЯ 1960 ГОДА,
ОН УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ.

[1] Строка из стихотворения Р. Рудзитиса.

Фотографий и репродукции

1. Рига. Современный вид города через Даугаву

2. Н. Рерих. Брамапутра. 1932.

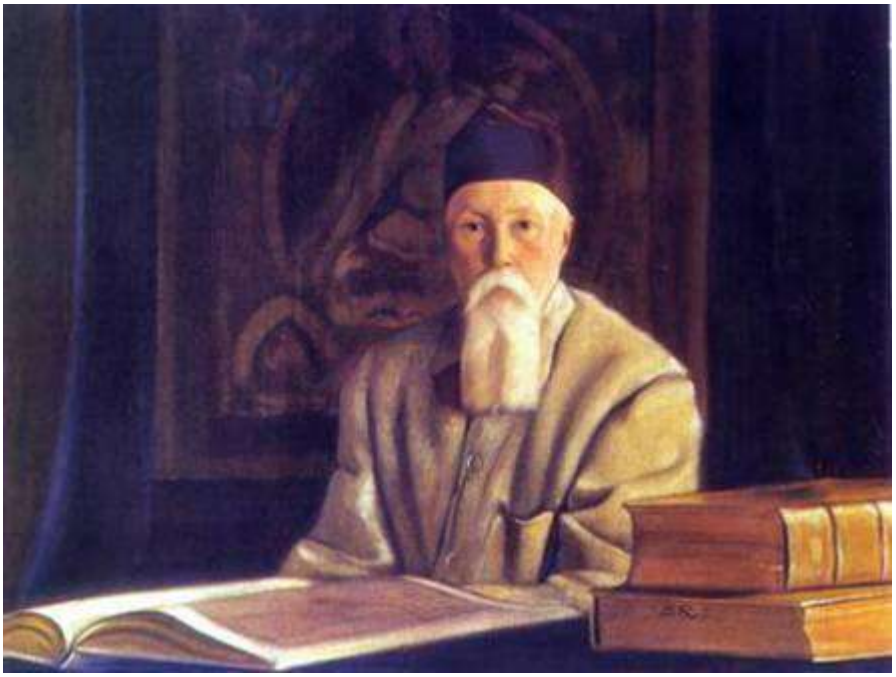
3. Рихард Яковлевич и Элла Рейнгольдовна Рудзитис.
Начало 1930-х гг.

4. Группа Феликса Денисовича Лукина. Начало 1930-х гг.
Сидят (слева направо): Я. Залькалн (на первой ступеньке), Я. Принцис (крайний слева). Ф.Д.Лукин (в центре). М. Риекстынь-Лицис и А. Виестур-Принцис (рядом слева от Ф. Д. Лукина), Я. Мисинь (на заднем плане).

5. К. Валковский. Р. Рудзитис. А. Клизовский в помещении Общества. 29 марта 1936 года.

6. С. Рерих. Портрет Н. К. Рериха. 1924.

Члены общества в день похорон Феликса Денисовича Лукина. 31 марта 1934 года. Стоят (слева направо): К. Валковский (четвертый). А. Виестур (шестая).

8. Одна из групп Латвийского общества Рериха. 1937 – Стоят (слева направо): Ф. Буцен. А. Клизовский, Я. Карклинь (четвертый). В. Молчанов. Сидят (слева направо): Стрекалова (вторая), О. Крауклис, Э. Рудзите.

9. Встреча членов Литовского и Латвийского обществ Рериха под Ковно (ныне Каунасом). 1937 г.

10. Н. Рерих. Сострадание. 1936. Одна из любимых картин Е. И. Рерих.

11. Рихард Яковлевич с женой Эллой и дочерью Гунтой. 1936-7 гг.

IEEJAS KARTE.

RĒRICHA BIEDRĪBU BALTIJAS VALSTĪS

KONGRESĀ

1937. GADA 10., 11. UN 12. OKTOBRĪ,

RĪGĀ, ELIZABETES IELĀ Nr. 21-a, DZ. 7.

IZDOTA .....

.....

Nº.....

Kongresa organizācijas komitejas priekšsēdētājs.

12. Пригласительный билет участника Прибалтийского конгресса, посвященного Пакту Рериха, 1937 г.

13. Групповая фотография участников Конгресса Прибалтийских стран в Риге. 1937.

В первом ряду (слева направо): Е. Зильберсдорф, В. Сипавичюс (третий), Н. Серафинене, К. Валковский, Ю. Монтвидене. Р. Рудзитис. Ф. Буцен.

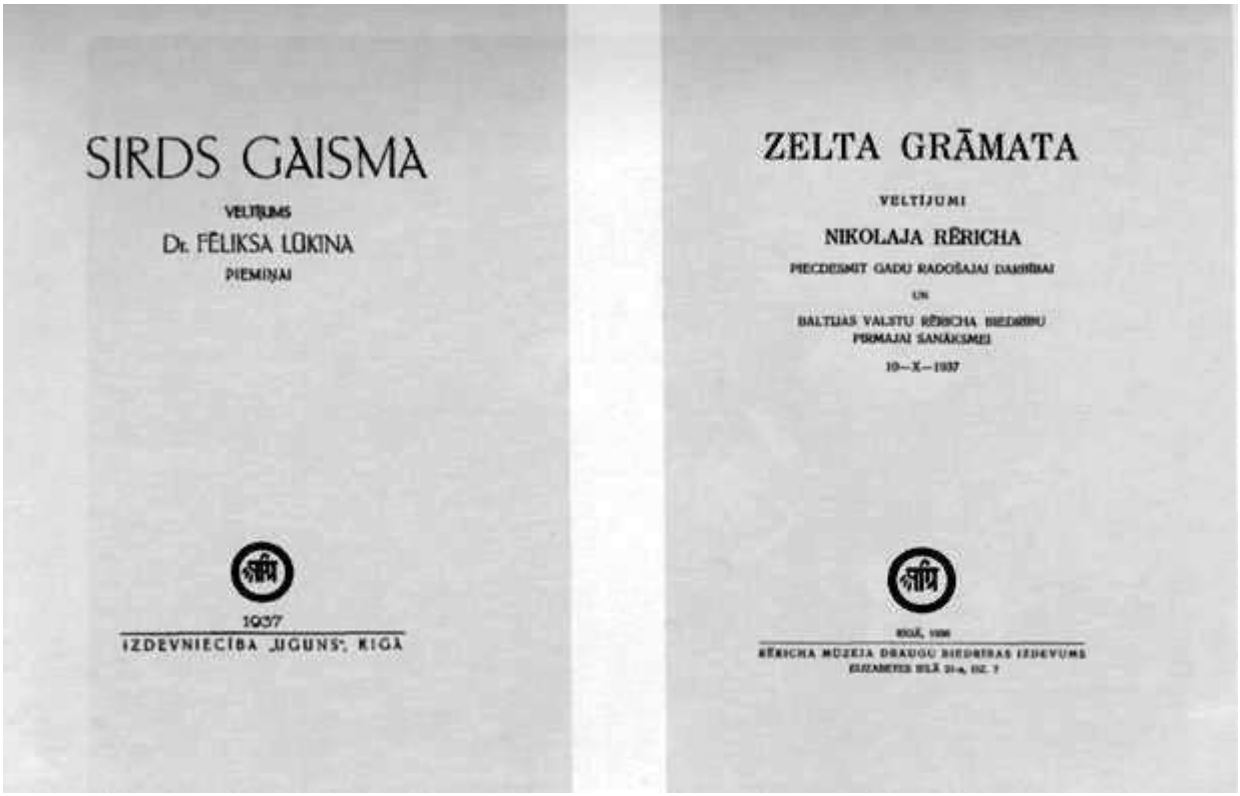
Во втором ряду (слева направо): И. Гринберг (второй), А. Клизовский. А. Виестур (пятая), О. Мисинь, Г. Лукин (восьмой).

14. Элла Рейнгольдовна и Рихард Яковлевич Рудзитис. Май 1935 г.

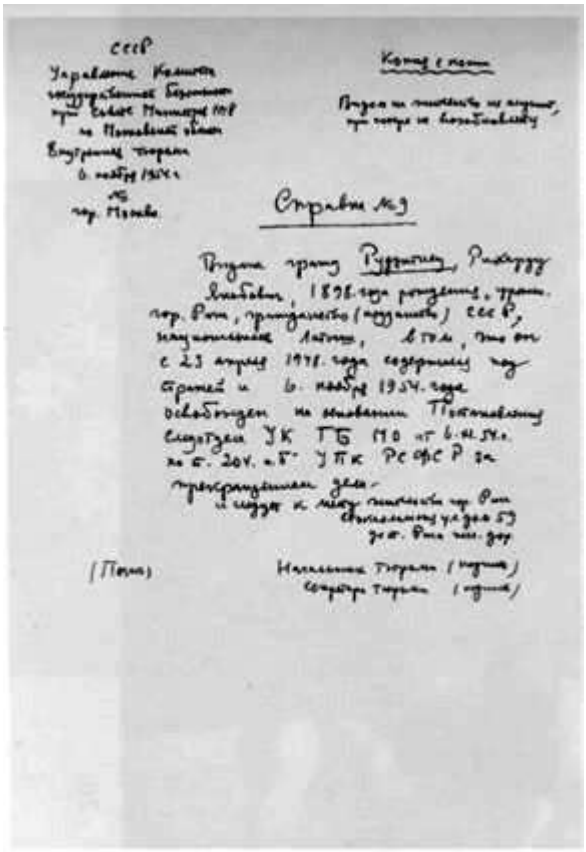
15. Рихард Яковлевич Рудзитис с дочерьми Илзей, Марите, Гунтой. 1939.

16. Обложки книг «Зелта грамота» и «Сирдс гайсма».

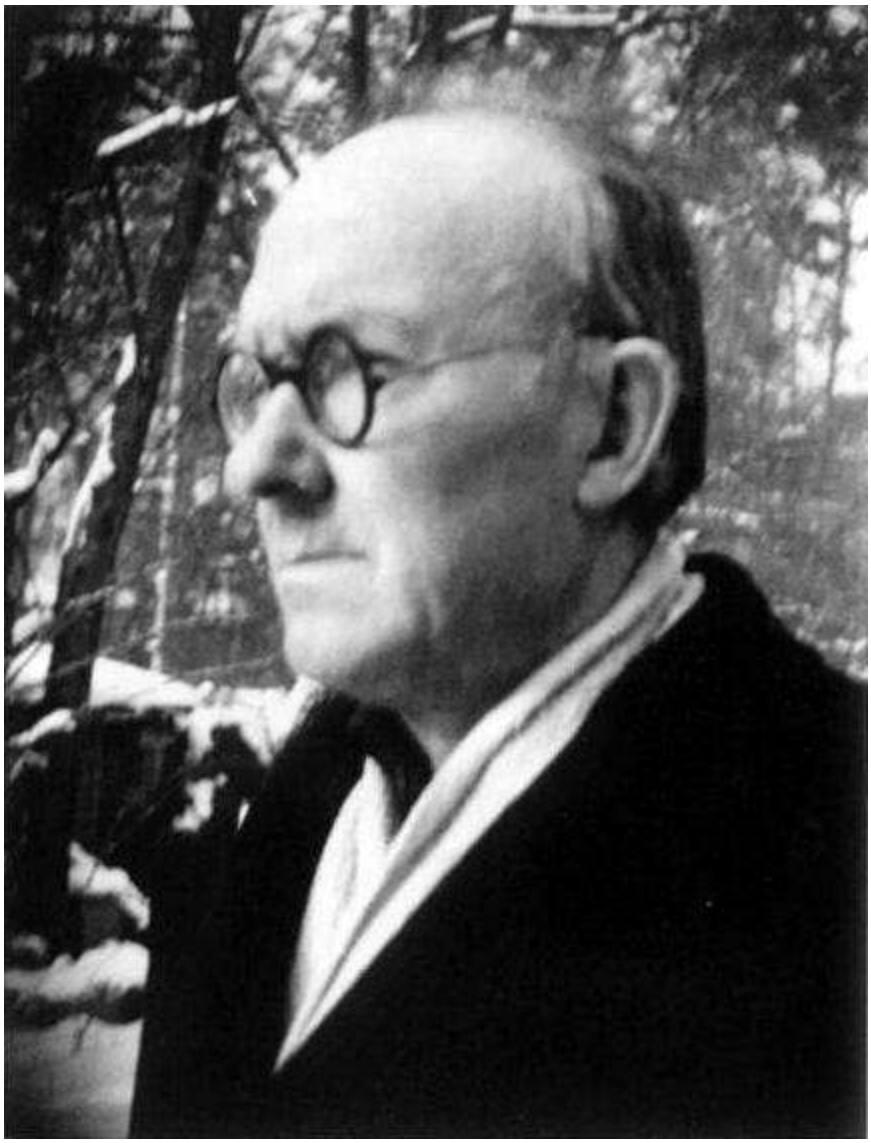
17. Семья Рихарда Яковлевича Рудзитиса. 1945-46 гг.
Слева направо: Гунта, Марите, Элла Рейнгольдовна, Илзе.

18. Фотокопия справки об освобождении Рихарда Яковлевича Рудзитиса из места заключения. 6 ноября 1954 г.

19. Лоскуток простыни со стихами Рихарда Рудзитиса, написанными в лагере во время заключения. Такие лоскутки он скручивал в трубочки и зашивал в одежду.

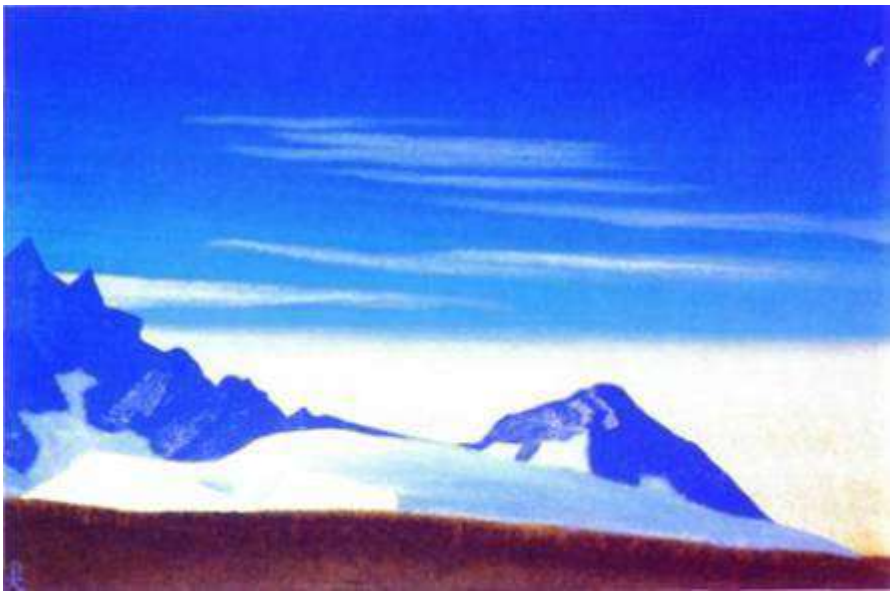
20. Р. Я. Рудзитис. 1956–7 гг.

21. Похороны Р. Я. Рудзитиса. 7 ноября 1960 года.
Гроб несут (слева направо): П. Ф. Беликов (второй), Г. Ф. Лукин.

22. Надгробный камень на могиле Р. Я. Рудзитиса.
Внизу надпись на латышском языке: «Сердце, спеши к Утру»

23. Н. Рерих. Гималаи. Утро. 1938.
(На обороте надпись: «Дорогому Рихарду Яковлевичу Рудзитису. Н. Рерих»)

24. Э. Р. Рудзите, Г. Р. Рудзите, Ю. Ю. Авексе. Начало 1980-х гг.

В издательстве «Лотаць» и «Звезды гор» вышли из печати

Напутствие Вождю.
Книга Учения Живой Этики, составленная Еленой Ивановной Рерих.

Письма Елены Рерих, 1929–1939. В 2-х томах.
В книгу вошли письма Е.И. Рерих к друзьям и сотрудникам в Америку и Европу, написанные в 1929–1939 гг. Этот двухтомник составлен под непосредственным руководством Елены Рерих, в нем собраны ее ответы на многие вопросы первых учеников об основах Живой Этики.

Письма с Гор: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2-х томах.
Двухтомник переписки Елены и Николая Рерих с председателем Латвийского общества Рериха Рихардом Рудзитисом включает более 420 писем, телеграмм и других документов, охватывающих период с 1932 по 1940 годы. Большая часть писем публикуется впервые.

Рихард Рудзитис. Встречи с Юрием Рерихом. Пер. с латыш. Л. Р. Цесюлевича.
В книге публикуются полные записи бесед Р. Я. Рудзитиса с Ю.Н. Рерихом, состоявшихся в период с 1957 по 1960 гг.

Рихард Рудзитис. Николай Рерих: Мир через Культуру. Пер. с латыш. Л. Р. Цесюлевича.
Книга о жизни и творчестве великого художника Н.К. Рериха, о его борьбе за мир во всем мире. Значительное место в книге посвящено идее Рериха о защите культурных ценностей и объединении народов на ниве культурного сотрудничества под Знаменем Мира.

Звезды Гор.
Научно-художественный альманах № 1.
Альманах «Звезды Гор» рассчитан на широкий круг читателей, интересующихся вопросами культуры, философии, науки и искусства. Особое место в нем отведено внесению в жизнь идеи охраны культурных ценностей, лежащей в основе Пакта Рериха. Публикуются: уроки из «Учения Храма» (т. 1); избранные места «Из дневника Рихарда Рудзитиса. 1930–1960»; Г. Рудзите «Рерих и Латвия».

Звезды Гор.
Научно-художественный альманах № 2.
Публикуются: В. Акуленко. «Международное право охраны культурных ценностей»; уроки из «Учения Храма» (т. 1); «Христос и Его Учение» (Из писем Е.И. Рерих); «Вифлеемская пещера»; «Фламмарион»; Ш. Амонашвили «Школа жизни»; «Переписка Юрия Рериха с Рихардом Рудзитисом»; В. Шибаев «Долина богов»; Г. Рудзите «Рерих и Латвия»; материалы по литературе и искусству.

Звезды Гор.
Научно-художественный альманах № 3.
Публикуются: статьи Николая Рериха; Р. Рудзитис. Матерь Живой Этики; Г. Рудзите. Воспоминания о Юрии Николаевиче Рерихе; Будем Зорки! (Выписки из Учения Живой Этики о предательстве); уроки из «Учения Храма» (т. 1); Р. Рудзитис. Века; В. Шибаев «Долина богов» (окончание); Р. Рудзитис. Твой брат; Материалы Международной конференции «Единение народов под Знаменем Мира» (Львов, 15 апреля 2001 г.)

Звезды Гор. Научно-художественный альманах № 4.
Публикуются: статьи Николая Рериха «Мир», «Культура»; Р. Рудзитис. «Воин Грааля», «Миссия поэта»; Г. Рудзите. Воспоминания о Юрии Николаевиче Рерихе (окончание): Г. Рудзите. Красота Святослава Рериха; «Отмена магии будет камнем белым на пути мира» (Выписки из Учения Живой Этики о магии); уроки из «Учения Храма» (т. 3); Е. Рерих.

Выписки «О воспитании»; И. Веретинский. «Знамя Мира»; М. Скачкова. К единству – через искусство и знание; Е. Тарасенко. Знамя культуры; Н. Лащенко. Педагогические взгляды Елены Рерих; Р. Рудзитис. Стихи; Манфред Кюбер. Три свечи маленькой Вероники.

Притчи человечества (Серия «Золотое колесо»).
Эта книга – результат огромной работы по изучению одной из самых замечательных традиций человечества – традиции передачи духовных знаний в притчах. Индуизм, буддизм, даосизм, христианство, ислам и многие другие религиозные учения и философии за века своего существования накопили прекрасные образные сравнения, поучения, иносказательные истории, которые и составили содержание данной книги.

Клизовский А. И. Основы миропонимания Новой Эпохи.
«Основы миропонимания Новой Эпохи» – первый опыт масштабного философского осмысления эволюции человечества и космических законов жизни на основе Учения Живой Этики и Теософии.

Письма живого усопшего.
«Письма...», записанные Эльзой Баркер в 1914–1918 гг., представляют собой удивительнейшее свидетельство вечности жизни и многомерности бытия, существования взаимосвязи миров и возможности беспредельного совершенствования. В книге описаны условия жизни, красоты и опасности Тонкого (Астрального) Мира, даны простые и действенные советы по улучшению земного бытия человечества. Книга состоит из 3-х частей: «Письма живого усопшего. 1914», «Письма живого усопшего о войне. 1915», «Последние письма Живого Усопшего. 1917– 1918».

Учение Храма, т. 1, ч. 1.
Книга включает 115 уроков первого тома Учения Храма, данного человечеству через Франчиа Ла Дью, основательницу общества «Храм Человечества» в Калифорнии.

Учение Храма, т. 2.
Вторая книга Учения Храма.

Вниманию читателей:
По вопросам приобретения второго тома книги **«Письма с Гор: Переписка Елены и Николая Рерих с Рихардом Рудзитисом. В 2-х томах»** просьба обращаться в издательство **«Лотаць» (220141, Минск, ул. Руссиянова, 9, тел. 260-22-20, E-mail: lotatsv@tut.by)** или в книготорговые организации, у которых Вы приобрели первый том этого издания.

Научно-популярное издание

ДНЕВНИК

ЗРЕЛЫЕ ГОДЫ

(1930-1960)

Рихард Яковлевич Рудзитис

Редактор Е. А. Тарасенко
Набор Ж. Ф. Емельянова Н.К. Гладкая
Корректор Е. А. Тарасенко, В. Э. Жигота
Художественное оформление УП «Звезды гор»

Подписано в печать с готовых диапозитивов 12.06.2003.
Формат 60x84. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21, 6. Тираж 1 250. Заказ № 1371.

Издательское частное унитарное предприятие «Звезды гор».
Издательская лицензия Л В № 596 от 26.03.2003.
220141, г. Минск, ул. Руссиянова, 9.
Тел. 260-22-20. E-mail: lotatsv@tut.by

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.